

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

Археология евразийских степей

№ 5 2023

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
№ 5 2023

Главный редактор:

академик АН РТ, доктор исторических наук *А.Г. Ситдиков*

Редакционный совет:

Г. Атанасов, д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **А. Авербух**, д-р, (Париж, Франция); **Х.А. Афонсо Марреро**, проф. (Гранада, Испания); **Б.В. Базаров**, д.и.н., проф., академик РАН (Улан-Удэ); **Н. Бороффка**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Н.Б. Виноградов**, д.и.н., проф. (Челябинск); **А.Р. Канторович**, д.и.н., проф. (Москва); **В. Кожокару**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Н.Н. Крадин**, д.и.н., академик РАН (Владивосток); **В.В. Напольских**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Казань); **А. Самзун**, д-р (Париж Франция); **В. Франсуа**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Р.Р. Хайрутдинов**, к.и.н. (Казань); **Е.Н. Черных**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **М.В. Шуньков**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Ю. Янхунен**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Ответственный редактор номера:

канд. ист. наук *М.Ш. Галимова*

Редакционная коллегия номера:

Галимова М.Ш., к.и.н. (Казань); **Хузин Ф.Ш.**, д.и.н., чл.-корр. АН РТ (Казань); **Матвеева Н.П.**, д.и.н. (Тюмень); **Воробьева Е.Е.** к.и.н. (Казань); **Никитина Т.Б.**, д.и.н. (Йошкар-Ола); **Сагтаров Р.Р.**, к.и.н. (Казань); **Руденко К.А.**, д.и.н. (Казань); **Байтанаев Б.А.**, д.и.н., академик НАН РК (Алматы, Казахстан); **Нарожный Е.И.**, д.и.н. (Краснодар); **Бочаров С.Г.**, к.и.н. (Севастополь).

Ответственный секретарь: А.С. Беспалова

Журнал основан в мае 2017 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-79080
от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором

Адрес редакции, издателя:

420012, г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843)236-55-42

Адрес учредителя:

420111, г. Казань, ул. Баумана, 20

E-mail: archeostepps@gmail.com

<https://www.evrastep.ru>

Индекс ПП754, электронный каталог печатных изданий

«Почта России»

Выходит 6 раз в год

Учредитель: Академия наук Республики Татарстан

© Академия наук Республики Татарстан, 2023

© Журнал «Археология Евразийских степей», 2023

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

ARKHEOLOGIJA EVRAZIISKIKH STEPPEI
ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES
No 5 2023

Editor-in-Chief:

Academician of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **Airat G. Sitdikov**

Executive editors:

Georgy Atanasov, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **José Andrés Afonso Marrero**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Aline Averbouh**, Dr. (Paris, France); **Boris V. Bazarov**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Academician of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude); **Nikolaus Boroffka**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Nikolay B. Vinogradov**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk); **Evgenii N. Chernykh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Victor Cojocaru**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **Véronique François**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Anatolii R. Kantorovich**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Nikolay N. Kradin**, Doctor of Historical Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok); **Ramil R. Khayrutdinov**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Vladimir V. Napolskikh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Kazan); **Anaick Samzun**, Dr. (Paris, France); **Michael V. Shunkov**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Juha Janhunen**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland).

Executive Editor:

Candidate of Historical Sciences **Madina Sh. Galimova**

Editorial board:

Galimova Madina Sh., Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Khuzin Fayaz Sh.**, Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan); Matveeva Natalya P., Doctor of Historical Sciences (Tyumen); **Vorob'eva Elena E.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); Nikitina Tatyana B., Doctor of Historical Sciences (Yoshkar-Ola); **Sattarov Ruzil R.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Rudenko Konstantin A.**, Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Baitanayev Bauyrzhan A.**, Doctor of Historical Sciences, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan); **Narozhnyi Evgenii I.**, Doctor of Historical Sciences (Krasnodar); **Bocharov Sergei G.**, Candidate of Historical Sciences (Sevastopol).

Executive Secretary: Antonina S. Beshpalova

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Telephone: (843)236-55-42

E-mail: archeostepps@gmail.com
https://www.evrazstep.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Археология Северное Евразии первобытной и античной эпохи

Клементьева Т.Ю., Погодин А.А., Труфанов А.Я. (<i>Екатеринбург, Россия</i>) Неолитический могильник Большая Умытъя 100 на севере Западной Сибири: планиграфия, хронология, стратиграфия.....	8
Добровольский Л.С., Умиткалиев У.У. (<i>Астана, Казахстан</i>) Семантика сюжета «терзания копытного кошачьим хищником или грифоном» в скифском зверином стиле восточноевропейской зоны	23
Ковалев А.А. (<i>Москва, Россия</i>) Клад с реки Будун-Гол с котлами "скифского типа" и ритуальными треножниками "дин": к вопросу о судьбах трофейного металлолома в евразийских степях"	38
Karimov S.K. (<i>Lankaran, Azerbaijan</i>), Agalarzade A.M. (<i>Baku, Azerbaijan</i>) “Egyptian Statue”, Revealed in the South-Eastern Region of Azerbaijan, in the system of Ancient Cultural and Trade Relations	69
Гмыря Л.Б. (<i>Махачлакала, Россия</i>) Золотая миниатюрная «бляшка» из катакомбного погребения 1577 Паласа-Сыртского курганного могильника IV–V вв.: особенности функционального назначения и стилистики декора	77
Шишкина О.О. (<i>Кемерово, Россия</i>) Некоторые результаты исследования рисунков на камнях тагарских курганов под горой Тепсей	86
Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. (<i>Барнаул, Россия</i>) Новые данные о женских погребениях населения Северного Алтая жужанского периода (по материалам комплекса Чобурак-I)	101
Средневековая археология Восточной Европы, Северной и Центральной Азии	
Крыласова Н.Б. (<i>Пермь, Россия</i>) Литейная форма-изложница с городища Анюшкар (к вопросу о системе "номиналов" металлических слитков)	114
Точилова Н.Н. (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>) Лотосовидная накладка с изображением дракона из Неревского раскопа Великого Новгорода	124
Столярова Е.К. (<i>Москва, Россия</i>), Руденко К.А. (<i>Казань, Россия</i>) Стеклянный сосуд с накладным и обкатанным декором из Остолоповского селища в Татарстане: терминология, происхождение, хронология	131
Иванов В.А., Проценко А.С., Русланов Е.В. (<i>Уфа, Россия</i>) Позднеочевнические погребения с мусульманской обрядностью курганного могильника Покровка IV на Южном Урале	160
Issayev M.S. (<i>Turkestan, Kazakhstan</i>), Apendiyev T. (<i>Almaty, Kazakhstan</i>), Batyrbekkyzy G. (<i>Shymkent, Kazakhstan</i>), Shametov S.T. (<i>Turkestan, Kazakhstan</i>) The History of Archaeological Research of the Underground Mosque «Khilvet»	171
Лебединский В.В. (<i>Москва, Севастополь, Россия</i>), Прудников В.В. (<i>Москва, Россия</i>) Результаты исследований остатков морской крепости Мараклея (Хараб Маркия) в акватории Сирийской Арабской Республики в 2021–2022.	182
Кирилко В.П. (<i>Симферополь, Россия</i>) Разрезы Кефенской Биюк Джамии	196
Медведь А.Н. (<i>Москва, Россия</i>) И снова о Свяжской крепости 1551 г.	211
Турова Н.П., Данилов П.Г. (<i>Тобольск, Россия</i>) Отопительное устройство второй половины XVIII века (по археологическим материалам города Тобольска).....	216
Суслова С.В., Донина Л.Н. (<i>Казань, Россия</i>) Литые украшения казанских татар: опыт этноархеологического и технологического исследования	229

Естественнонаучные исследования на основе археологических материалов

Долбунова Е.В., Пантелеев А.В. (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>), Мэгро, Й. (<i>Париж, Франция</i>), Саблин М.В., Мазуркевич А.Н. (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>) Орнитофауна на неолитических памятниках Днепро-Двинского междуречья: роль птиц в культуре древних охотников-собирателей 6–3 тыс. до н.э.	242
Кисагулов А.В. (<i>Екатеринбург, Россия</i>), Проценко А.С. (<i>Уфа, Россия</i>) Археозоологические материалы из раскопок 2022 г. на городище Уфа II	259
Боруцкая С.Б., Васильев С.В. (<i>Москва, Россия</i>), Васильев Д.В. (<i>Астрахань, Россия</i>) Палеодемографическое исследование некрополя Благовещенского монастыря г. Астрахань	268

Дискуссии

Гребенюков В.И., Шуляк Т.И. (<i>Нижневаторск, Россия</i>) О правомерности использования понятия «раннее средневековье» по отношению к археологическим комплексам Западной Сибири	283
---	-----

История археологической науки

Байтанаев Б.А., Уалтаева А.С., Байтанаев Е.Б. (<i>Алматы, Казахстан</i>) Из истории Туркестанского кружка любителей археологии (А.А. Диваев - В.А. Каллаур и В.В. Бартольд)	293
Список сокращений	304
Правила для авторов	305

CONTENT

Archaeology of North Asia of Prehistory and Ancient Era

- Klementyeva T.Yu., Pogodin A.A., Trufanov A.Ya.** (*Ekaterburg, Russian Federation*)
Neolithic Burial Ground Bolshaya Umytia 100 in the North of Western Siberia:
planography, chronology, stratigraphy 8
- Dobrovolskiy L.S., Umitkaliev U.U.** (*Astana, Kazakhtan*)
Semantics of the Mauling Scene of an Ungulate by a Feline Predator
and a Griffin in the Eastern European Scythian Animal Style 23
- Kovalev A.A.** (*Moscow, Russian Federation*)
Treasure from the Buduun-Gol River with “Scythian-Type” Cauldrons and “Ding” Ritual Tripods:
on the distribution of trophy scrap-metal in the Eurasian steppes 38
- Karimov S.K.** (*Lankaran, Azerbaijan*), **Agalarzade A.M.** (*Baku, Azerbaijan*)
“Egyptian Statue”, Revealed in the South-Eastern Region of Azerbaijan,
in the system of Ancient Cultural and Trade Relations (in English)..... 69
- Gmyrya L.B.** (*Makhachlaka, Russian Federation*)
Miniature Golden “Badge” from the Catacomb Burial 1577 of the Palasa-Syrt Barrow Field
of the IV–V Centuries: functional features and peculiarities of decor 77
- Shishkina O.O.** (*Kemerovo, Russian Federation*) Some Results of the Study of Drawings
on the Stones of the Tagar Barrows at the Foot of Mount Tepsei 86
- Seregin N.N., Tishkin A.A., Matrenin S.S., Parshikova T.S.** (*Barnaul, Russian Federation*)
New Data on Female Burials of Rouran Period from the Northern Altai
(based on the materials from the Choburak-I complex) 101

Medieval archaeology of Eastern Europe, North and Central Asia

- Krylasova N.B.** (*Perm, Russian Federation*) A Cast-Mould from the Anuyshkar Hillfort
(on the question of the metal ingot denomination system) 114
- Tochilova N.N.** (*Saint Petersburg, Russian Federation*)
The Lotus-Shape Applique with a Dragon Image from Nerevsky Site in Veliky Novgorod..... 124
- Stolyarova E.K.** (*Moscow, Russian Federation*),
Rudenko K.A. (*Kazan, Russian Federation*) A Glass Vessel with Applied and Marvered Decor
from the Ostolopovo Settlement in Tatarstan: terminology, origin, chronology 131
- Ivanov V.A., Protsenko A.S., Ruslanov E.V.** (*Ufa, Russian Federation*)
Late Nomadic Burials with Muslim Rites in the Pokrovka IV Barrow Field in the Southern Ural .. 160
- Issayev M.S.** (*Turkestan, Kazakhstan*), **Apendiyev T.** (*Almaty, Kazakhstan*),
Batyrbekkyzy G. (*Shymkent, Kazakhstan*), **Shametov S.T.** (*Turkestan, Kazakhstan*)
The History of Archaeological Research of the Underground Mosque «Khilvet» (in English)..... 171
- Lebedinskiy V.V.** (*Moscow, Sevastopol, Russian Federation*),
Prudnikov V.V. (*Moscow, Russian Federation*) Results of the Study
of the Sea Fortress Remains of Maraclea (Kharab Maraqiya)
in the Water Area of the Syrian Arab Republic in 2021–2022..... 182
- Kirilko V.P.** (*Simferopol, Russian Federation*) Sections of Biyuk Jami in Kefe 196
- Medved A.N.** (*Moscow, Russian Federation*) Again about the Sviyazhsk Fortress of 1551 211
- Turova N.P., Danilov P.G.** (*Tobolsk, Russian Federation*)
Heating Structure of the Second Half of the XVIII Century
(based on the archaeological materials of Tobolsk)..... 216
- Suslova S.V., Donina L.N.** (*Kazan, Russian Federation*) Moulded Jewelry of the Kazan Tatars:
experience of ethnic-archaeological and technological study..... 229

Natural Science Research Based on Archaeological Materials

Dolbunova E.V., Panteleyev A.V. (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>), Maigrot Y. (<i>Paris, France</i>), Sablin M.V., Mazurkevich A.N. (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>) Avifauna at the Neolithic Sites of the Dnieper-Dvina Basin: the role of birds in the culture of ancient hunter-gatherers of the VI–III Millennium BC	242
Kisagulov A.V. (<i>Ekaterinburg, Russian Federation</i>), Protsenko A.S. (<i>Ufa, Russian Federation</i>) Archaeozoological Materials from the 2022 Excavations on the Ufa-II Hillfort	259
Borutskaya S.B., Vasilyev S.V. (<i>Moscow, Russian Federation</i>), Vasilyev D.V. (<i>Astrakhan, Russian Federation</i>) Paleodemographic Study of the Annunciation Monastery’s Necropolis in Astrakhan	268

Discussions

Grebenyukov V.I., Shulyak T.I. (<i>Nizhnevatorsk, Russian Federation</i>) On the Legality of Using the Concept "Early Middle Ages" in Relation to the Archaeological Complexes of Western Siberia	283
---	-----

History of Archaeological Science

Baitanayev B.A., Ualtayeva A.S., Baitanayev Ye.B. (<i>Almaty, Kazakhstan</i>) From the History of the Turkestan Circle of Amateur Archaeologists (A.A. Divayev – V.A. Kallaur and V.V. Bartold).....	293
List of Abbreviations	304
Instructions for Authors	305

Археология Северной Евразии первобытной и античной эпохи

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.5.8.22>**НЕОЛИТИЧЕСКИЙ МОГИЛЬНИК БОЛЬШАЯ УМЫТЬЯ 100
НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ПЛАНИГРАФИЯ,
ХРОНОЛОГИЯ, СТРАТИГРАФИЯ**

© 2023 г. Т.Ю. Клементьева, А.А. Погодин, А.Я. Труфанов

В статье представлены результаты исследования неолитического могильника Большая Умытья 100, расположенного в верховьях р. Конды – левого притока р. Иртыш. Могильник – биритуальный. Захоронения – ингумации и кремации, выполнены в прямоугольных могилах, ориентированных СЗ–ЮВ. Тела усопших размещались в вытянутом положении головой на СЗ, кремированные кости – по центру ям. Останки засыпались охрой. По данным стратиграфии и ¹⁴С-датирования установлено, что наиболее древними были захоронения первого могильного ряда. В них присутствовал погребальный инвентарь – подновленные каменные орудия (тесла, стамеска, острие, наконечник стрелы, струг), а также уникальные артефакты – смоляные бусины-пронизки и изделие из человеческого черепа. В погребениях с планировкой, отличной от центральных могил и располагавшихся на периферии могильника, охра, останки и инвентарь не обнаружены. По немногочисленным находкам посуды шоушминского типа в могилах и на древней поверхности могильник отнесен к среднему периоду неолита р. Конды VI тыс. до н. э. По масштабам и устройству погребального поля памятник сопоставим с крупными мезо-неолитическими могильниками VIII–VI тыс. до н. э. северо-востока Европы.

Ключевые слова: археология, Западная Сибирь, неолит, погребальный обряд, хронология, ингумация, кремация.

**NEOLITHIC BURIAL GROUND BOLSHAYA UMYTIA 100
IN THE NORTH OF WESTERN SIBERIA: PLANOGRAPHY,
CHRONOLOGY, STRATIGRAPHY**

T.Yu. Klementyeva, A.A. Pogodin, A.Ya. Trufanov

The article presents the results of a study of the Neolithic burial ground Bolshaya Umytia 100, located in the upper part of the Konda River – the left tributary of the Irtysh River. The burial ground is characterized by biritual mortuary practice, i.e. inhumation and cremation in rectangular-shape burials, oriented NW–SE. The deceased were buried in a stretched position with their heads to the NW, cremated bones – in the center of the pits. The remains were covered with ochre. According to stratigraphy and carbon-14 dating, it was found that the most ancient were the burials of the first grave row. The recorded grave goods include renovated stone tools (adzes, chisel, point, arrowhead, plane tool), as well as unique artefacts – resin tube beads and an item made of a human skull. In contrast, the graves on the periphery of the burial ground with a spatial structure different from that of the central ochre graves, yielded no skeletal remains and grave goods. According to the few finds of Shoushma-type ceramics inside graves and on the ancient surface, the burial ground is dated back to the Middle Neolithic of the VI millennium BC at the Konda River. In terms of the scale and structure of the cemetery, the site is comparable to the large Meso-Neolithic burial grounds of the VIII–VI millennium BC in the northeast of Europe.

Keywords: archaeology, Western Siberia, Neolithic, burial rite, chronology, inhumation, cremation

Источники по погребальной практике населения эпохи камня на севере Западной Сибири долгое время оставались малочисленными (Беспрозванный, Старостина, 1986; Беспрозванный, Погодин, 1998). Крупнейшим исследовательским достижением явилось открытие в 2012 г. мезо-неолитического могильника на

поселении Большая Умытья 100 в верховьях р. Конды. Результаты его исследований позволили обозначить основные черты погребальной практики и направление культурных связей таежного населения севера Западной Сибири в неолите. Материалы могильника Большая Умытья 100 ранее были представлены на

конференциях и включены в обобщающую статью по погребальной практике мезо-неолитического населения р. Конды (Клементьева, Погодин, 2020а). Цель настоящей работы – характеристика погребений среднего неолита, их хронология и стратиграфия.

Расположение и история исследования. Могильник обнаружен при изучении многослойного поселения Большая Умытья 100 в 2011–2013 гг. экспедицией ООО НАЦ «АВКОМ – Наследие». Памятник находится в Советском районе ХМАО – Югры, в 56,27 км к ЮЮВ от ж/д станции Верхнекондинская, его территория приходится на юго-западную часть гривы (высотой до 5,0 м), расположенную при слиянии р. Большая Умытья с ее правым притоком р. Вершина (рис. 1: А, Б). Территория памятника в древности неоднократно посещалась для совершения захоронений, долговременного проживания и сезонных стоянок, для сооружения ловчих ям и производственных площадок. На площади 9127 кв. м (рис. 1: Г) зафиксировано 8 этапов освоения территории памятника – от мезолита до нового времени (Погодин, Труфанов, 2017), в их числе 122 погребения эпохи камня (рис. 1: Ж).

Методика исследования. При раскопках применялась индивидуальная фиксация находок, просев грунта из погребений, хозяйственных ям и котлованов построек. Однако антропологический материал и погребальный инвентарь обнаружены далеко не во всех могилах. Останки нередко фиксировались лишь в виде костного тлена, который рассыпался при извлечении из грунта, или по более темному грунту, имевшему очертания костей (рис. 3: 1, 5). Эта специфика погребальных комплексов севера Западной Сибири определяет необходимость рассмотрения методического вопроса – являются ли ямы без антропологического материала и инвентаря погребениями? По В. С. Ольховскому, для признания памятника погребением необходимо наличие как минимум двух из трех групп элементов: погребального сооружения (ямы), останков, погребального инвентаря. При наличии двух первых групп элементов (яма и останки) погребение считается безынвентарным. При наличии в могиле только вещей – кенотафом. Ямы без останков усопшего и погребальных вещей не всегда можно определить как кенотаф, т. к. это может быть либо неоконченное погребальное, либо жертвен-

ное сооружение (Ольховский, 1986. С. 70). При анализе погребальных памятников севера Западной Сибири необходимо учитывать условия сохранности – органика, в том числе сырая кость (останки погребенных и изделия), в песчаном грунте сохраняются редко. По включенности ям без останков и погребального инвентаря в планиграфическую структуру могильников, особенностям формы и пропорций, наличию в них охры и/или угля, считаем возможным отнесение таких ям к погребениям. Подобная практика применяется в изучении погребальных памятников Северной Европы (Ahola, 2015). Для удобства описания погребений Большой Умытьи 100 нами было введено условное деление на «могилы» – погребения с останками и/или погребальным инвентарем (35 ед.) и «ямы» – погребения без останков, инвентаря, а иногда и без охры (83 ед.). По ¹⁴С-датированию угля, стратиграфическим наблюдениям и особенностям формы могильных ям, на территории некрополя выделено как минимум три хронологических периода захоронений: могильник эпохи мезолита, могильник среднего неолита и погребение позднего неолита (Клементьева, Погодин, 2020а).

Могильник *средне-неолитического периода* представлен 118 погребениями. Значительная часть гривы осталась неисследованной и вероятно захоронения этого времени еще будут изучены при последующих раскопках. Но, что также очевидно, многие погребения были полностью или частично разрушены строительством углубленных жилищ поздне-неолитического поселка, в бронзовом веке и при прокладке коммуникаций нефтяного месторождения (рис. 1: Ж).

В структуре могильника среднего неолита зафиксировано четыре длинных ряда. Первый ряд – центральный; некоторые из могил разрушены котлованами построек № 14 и 25 позднего неолита и современными траншеями. Сохранилось 21 погребение. Могильные ямы прямоугольной формы, расположены друг от друга на расстоянии от 0,25 м до 1,4 м. В южной и центральной частях ряда они ориентированы СЗ–ЮВ, в северной – З–В. В юго-западной части этого ряда локализована группа из четырех погребений (мог. 21, ямы 51А, 74, 54) с канавками по периметру ниже дна могильных ям. В заполнении всех погребений первого ряда присутствовала

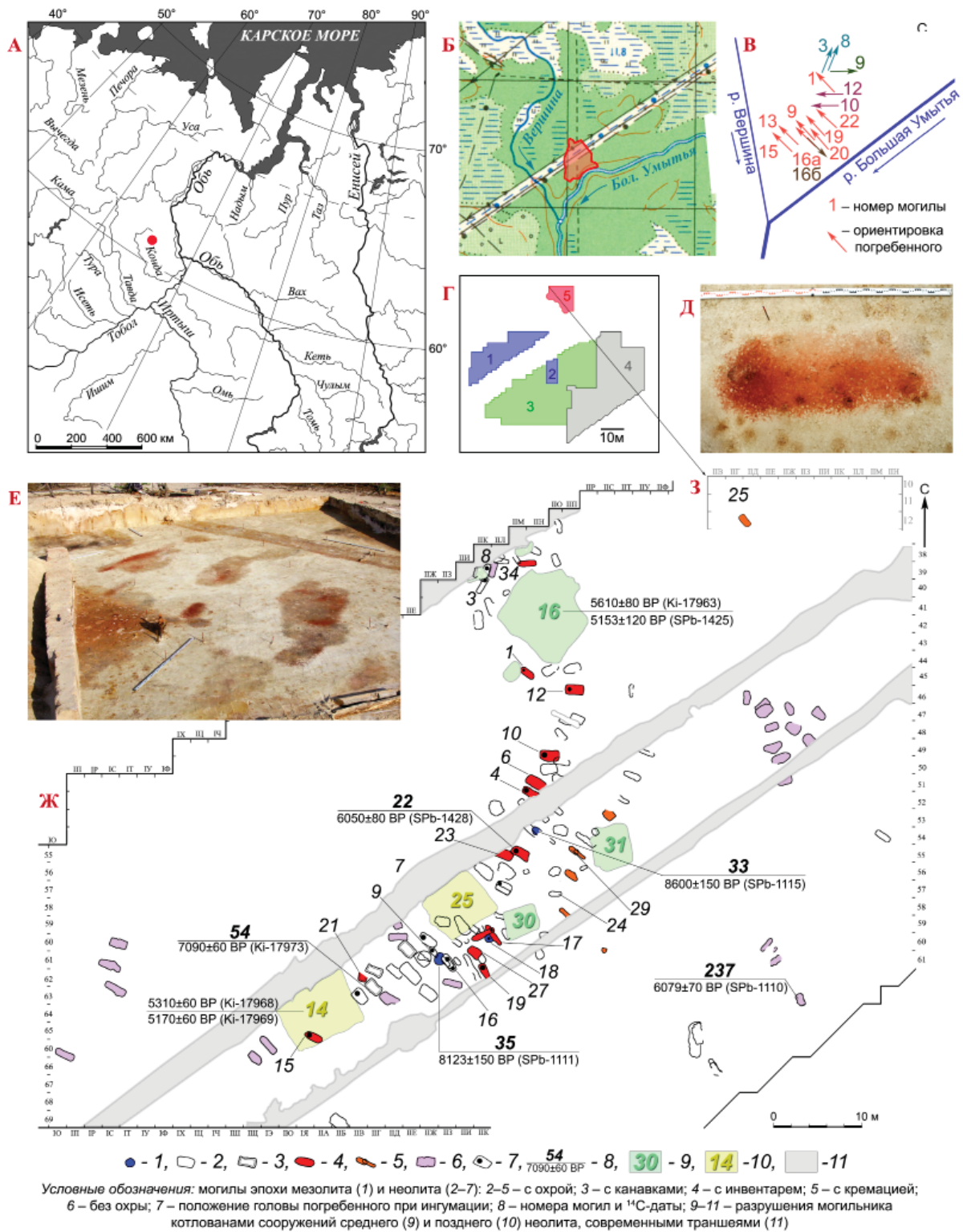

Рис. 1. Поселение Большая Умытъя 100. А, Б – расположение и территория памятника; В – ориентировка погребенных относительно рек; Г – схема раскопов 1–5; Д – мог. 1, вид с ЮЗ; Е – могилы и котлованы сооружений № 25 и 30 (вид с СЗ); Ж – схема расположения могил и неолитических котлованов в раскопах 3 и 4; 3 – мог. 25 в раскопе 5. Фото А. А. Погодина.

Fig 1. Bolshaya Umytia 100 settlement. А, Б – the location and territory of the site; В – orientation of the buried persons in relation to the rivers; Г – excavation areas No. 1–5; Д – grave 1, view from the SE; Е – burials and foundation-pits of the dwellings No. 25 and No. 30 (view from the NW); Ж – planography of the burials and Neolithic foundation trenches in excavation areas No.3 and No. 4; 3 – grave 25 in excavation area No. 5. Photo by A.A. Pogodin.

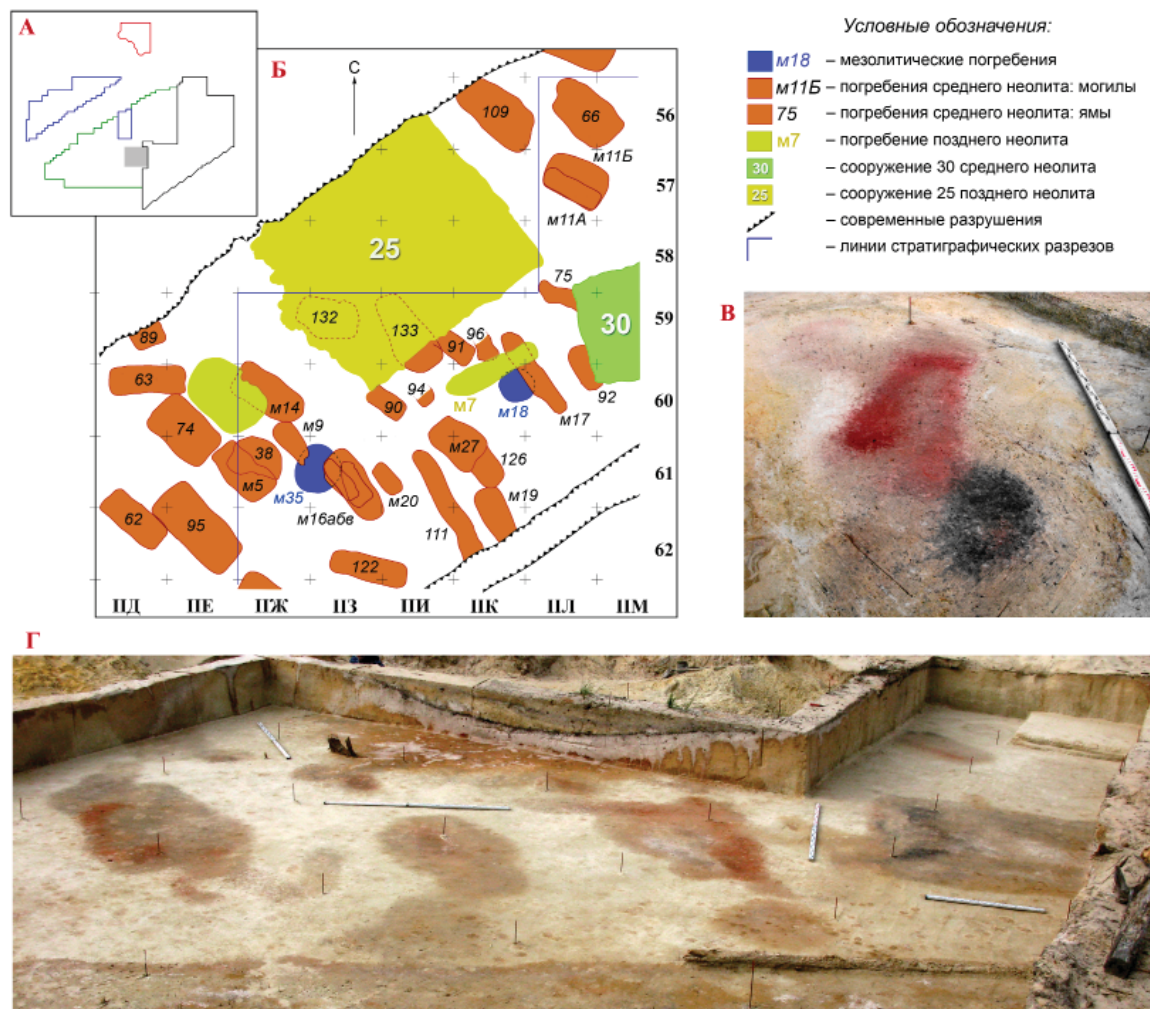

Рис. 2. Поселение Большая Умытья 100. А – уч. ПД–ПМ/56–62 на схеме раскопа (серый цвет);
 Б – сводный план сооружений мезолита – позднего неолита, изученных на уч. ПД–ПМ/56–62;
 В – уч. ПЖ–И/61–62 на уровне 61,65 м: вид с СЗ на мог. 16А и 16Б среднего неолита и мог. 35 эпохи мезолита;
 Г – уч. ПЖ–И/59–62, ПЛ–М/56–63 на уровне 62,16 м: вид с ЮВ на погребения среднего неолита (мог. 7, 5, 9, 11а, 11б, 14, 16а, 16б, 16в, 17, 19, 20 и ямы 92, 90, 94, 91, 96, 126) и котлован сооружения № 30 среднего неолита и сооружения № 25 позднего неолита. Фото А. А. Погодина

Fig. 2. Bolshaya Umytia 100 settlement. А – square ПД–ПМ/56–62 on the plan of excavation area (grey);
 Б – general plan of Mesolithic – late Neolithic structures, studied inside of the sq. ПД–ПМ/56–62; В – sq. ПЖ–И/61–62 at the level of 61.65 m: view from NW of the Middle Neolithic graves 16А and 16Б and the Mesolithic grave 35;
 Г – sq. ПЖ–И/59–62, ПЛ–М/56–63 at the level of 62.16 m: view from the SE of the Middle Neolithic burials (graves 7, 5, 9, 11а, 11б, 14, 16а, 16б, 16в, 17, 19, 20 and pits 92, 90, 94, 91, 96, 126) and the Middle Neolithic foundation trench of the dwelling No. 30 and the late Neolithic dwelling No. 25. Photo by A.A. Pogodin

охраны. В пяти из них обнаружены останки и погребальный инвентарь (мог. 1, 4, 6, 10, 12), в двух – останки (мог. 13 и 14), еще в трех – только погребальный инвентарь (мог. 15, 21, 23). В заполнении одиннадцати погребений (ямы 54, 62, 74, 132, 109, 69, 117, 46, 105, 108 и 51А) останки и погребальный инвентарь не найдены. Антропологический материал из погребений первого ряда не несет признаков высокотемпературного воздействия. Погребальный инвентарь представлен каменными

орудиями – шлифованными теслами (рис. 7: 7–9), острием (рис. 7: 5), стамеской (рис. 7: 1), пренуклеусом, стругом и ретушированным наконечником стрелы (рис. 7: 2–4), украшениями – пронизками из смолы (рис. 8); просверленным фрагментом человеческого черепа (рис. 3: 2), керамикой шоушминского типа (рис. 6: 2). Полагаем, что захоронения этого центрального ряда выстраивались в направлении с ЮЗ на СВ. Из ямы 54 в юго-западной

локации по углю получена дата 7090 ± 60 BP (Ki-1796), 6066–5843 кал. л. до н. э.¹

Второй ряд могил состоял как минимум из 11 погребений, он параллелен центральному ряду и расположен к югу от него. Некоторые погребения второго ряда примыкают вплотную к могилам первого ряда или прорезают их². Несколько ям в середине ряда разрушены котлованом сооружения № 25 позднего неолита и траншеей нефтепровода. Могильные ямы в этом ряду прямоугольные, ориентированы СЗ–ЮВ. Охра отмечена в 10 погребениях. В яме 88 в юго-западной части ряда охры не было. В могилах 5 и 22 найдены останки и инвентарь, в могилах 9 и 11Б – только останки, а в ямах 66, 85, 88, 95, 133, 135, 136 ничего не обнаружено. Вещи из могил – каменный скол и фрагмент округлодонного сосуда с шагающе-гребенчатым орнаментом (рис. 6: А – 5; Б). Могила 9 в южной части второго ряда является парным захоронением. Из могилы 22 в центре второго ряда датирован уголь – 6050 ± 80 BP (SPb-1428), 5212–4782 кал. л. до н. э. (рис. 1: Ж).

Третий ряд погребений расположен к югу от второго. В его составе не менее 8 погребений – могилы 16В, 20, 11А и ямы 120, 90, 91, 110. Ямы прямоугольные, ориентированы СЗ–ЮВ. Во всех ямах присутствовала охра. Останки погребенных найдены в трех могилах – 16В, 20 и 11А. Интересна стратиграфия могилы 16В, ее яма прорезала восточный край могилы 35 эпохи мезолита (рис. 2: Б, В). В то же время, погребение 16В несколько древнее по отношению к двум могилам 16А и 16Б ярусного типа захоронения. Тела усопших в них лежали головами в противоположные стороны. Существенно позднее над могилами 35 и 16В появилась могила 16А, прорезавшая оба объекта. Особым случаем является впуск погребения 11А в могилу 11Б из второго ряда. Очевидно, что ямы третьего ряда позднее погребений первого и второго рядов, они меньше по размерам и глубине по сравнению с ранними.

Четвертый ряд установлен по десяти объектам – могилам 24, 26, 28, 29 и ямам 162, 97, 101, 99, 64, 65 с охрой в заполнении. Ямы 97 и 101 отчасти разрушены постройкой № 31 среднего неолита с керамикой умытчинского типа. Могила 28 перекрывала южную часть могилы 29. Кости из могил 26, 28 и 29 подверглись высокотемпературному воздействию, в

могиле 24 обнаружены зубы ребенка. Вещей в захоронениях четвертого ряда не было.

На юго-западной площадке могильного поля, южнее погребений четвертого ряда, рядность ям отсутствовала. Здесь вскрыты могилы 19, 27, 17 и ямы 122, 111, 94, 96, 92, 75, 126Б. Ямы 75 и 92 отчасти разрушены постройкой № 30 среднего неолита с керамикой умытчинского типа. Погребение 17 прорезало верх могилы 18 эпохи мезолита. Северная часть могилы 19 прорезана ямой 126Б, которая в свою очередь разрушена ямой могилы 27. В заполнении всех погребений, за исключением ямы 122, присутствовала охра. Антропологический материал без признаков высокотемпературного воздействия найден в могиле 19. Погребальный инвентарь из могилы 17 представлен ретушированным отщепом, из могил 19 и 27 – обломками посуды шоушминского типа (рис. 6: А – 1, 3, 4).

В северной части могильника просматривались ряды захоронений по направлению ЮЮЗ–ССВ. Эти ряды включали 11 погребений (ямы 59, 77, 60, 71А, 134, 44А, 93, 81А и мог. 3, 8, 34). Три из них (яма 59, мог. 3 и 4) частично разрушены внешними ямами постройки № 16 среднего неолита. Антропологический материал без признаков высокотемпературного воздействия найден в могилах 2, 3 и 8 (рис. 3: 5), погребальный инвентарь – шлифованное острие – в могиле 34 (рис. 7: 6).

На восточной и западной периферии могильного поля локализованы короткие ряды погребений, в заполнении которых отсутствовали останки, охра и погребальный инвентарь. В восточной части могильника изучено 11 таких погребений. Шесть из них – ямы 168А, 168, 169, 170, 171, 172 – ориентированы СВ–ЮЗ, выстроены в вытянутый по направлению ССЗ–ЮЮЗ ряд. Еще пять погребений (ямы 167, 181, 185, 184, 240) в этой же части могильника не образуют ряда. Они ориентированы СЗ–ЮВ и ССВ–ЮЮЗ и С–Ю. На юго-восточной периферии могильного поля находится группа из трех погребений (ямы 223–225), образующих короткий ряд, ориентированный СЗ–ЮВ. Ямы прямоугольной и овальной формы вытянуты по длинной оси по направлению СВ–ЮЗ. Группа из четырех погребений (ямы 40–43), выстроенных в ряд, локализована на юго-западной периферии могильного поля. Могильные ямы

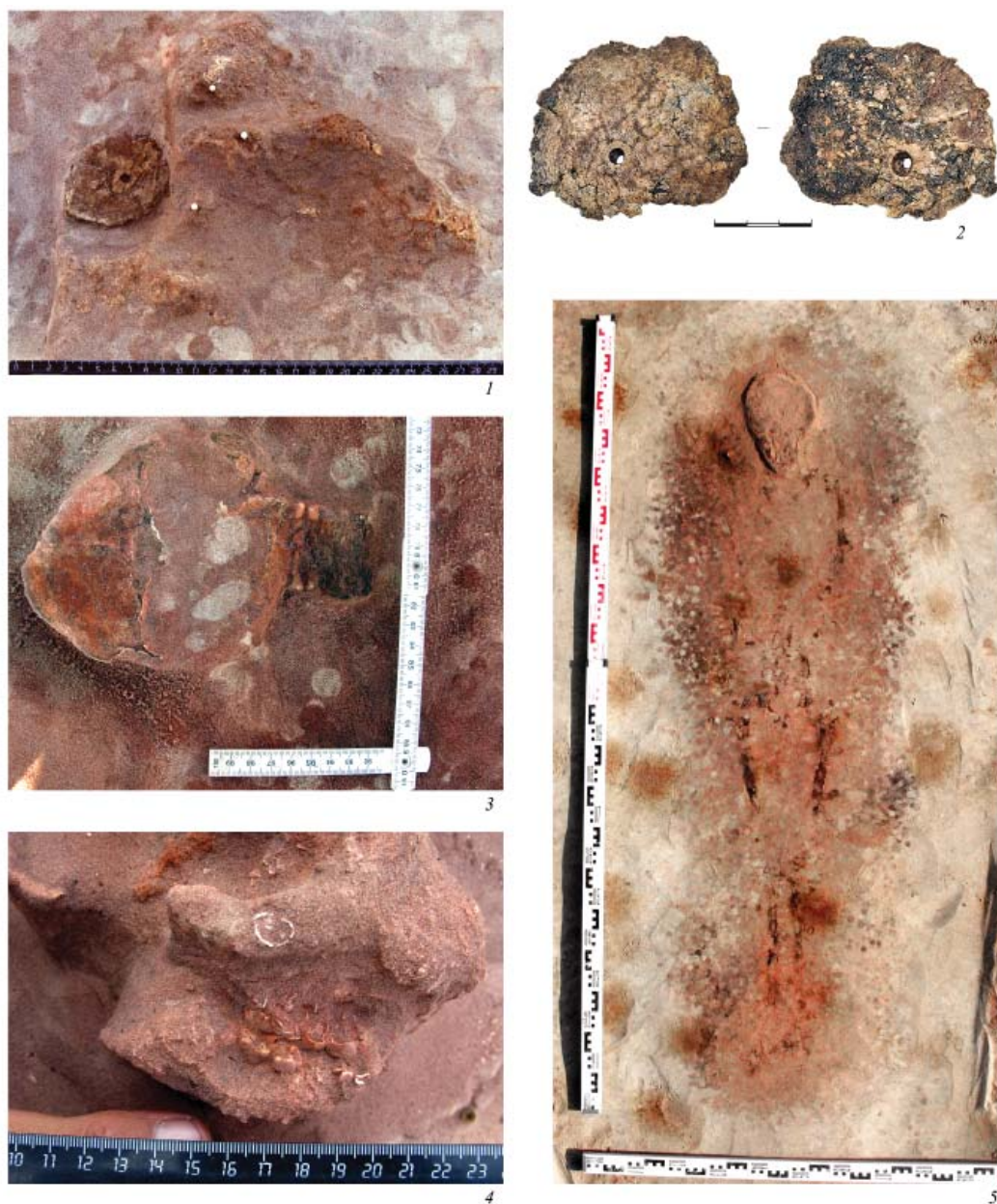

Рис. 3. Могильник Большая Умытья 100. Погребения с ингумациями. 1, 2 – мог. 12: 1 – кости черепа, фрагменты зубной эмали и фрагмент изделия из человеческого черепа; 2 – фрагмент изделия из человеческого черепа; 3 – мог. 1, кости черепа и челюсти; 4 – мог. 9, тлен черепа № 1 и фрагменты челюсти; 5 – мог. 3, костный тлен и фрагменты черепа. Вид с севера (1), с юго-запада (3, 5), с юга (4). Фото А. А. Погодина

Fig. 3. Bolshaya Umytia 100 burial ground. Burials with inhumations. 1, 2 – grave 12: 1 – cranium, fragments of tooth enamel and a fragment of an item made of human skull; 2 – fragment of item made of human skull; 3 – grave 1, skull and jaw; 4 – grave 9, remnants of cranium No. 1 and jaw fragments; 5 – grave 3, ashes of bone and skull fragments. View from the north (1), from the south-west (3, 5), from the south (4). Photo by A.A. Pogodin

имели прямоугольную форму, ориентированы СЗ–ЮВ.

На южной периферии локализованы погребения вне рядной структуры – ямы 113, 163, 226, 229 и 229Б, 237. Они прямоугольной формы, ориентированы СЗ–ЮВ. В пяти ямах, кроме 237, была охра. Останки и вещи в объектах отсутствовали. Из ямы 237 по углю полу-

чена дата 6079 ± 70 ВР (SPb-1110), 5212–4810 кал. л. до н. э. (рис. 1: Ж).

На северной периферии могильного поля вскрыта могила 25, с захоронением по обряду кремации (рис. 1: 3; 4). С останками обнаружены два скола шлифованных орудий, осколок плитки, обожжённые кости животных и глина (рис. 4: Г).

«Ядром» неолитического могильника являются длинные ряды погребений, расположенные параллельно друг другу и ориентированные ЮЗ–СВ. Количество могил в этих рядах – от 8 до 21. На востоке и западе в 12–20 м от «ядра» могильника выявлены обособленные локализации с рядной планировкой, включающей от 3 до 6 ям в ряду, а также нерядные захоронения.

Могильные ямы прямоугольной (76%)³, овальной (21%) и сигаровидной (3%) формы, ориентированы СЗ–ЮВ (56%), ЮЗ–СВ (15%) и З–В (10%) (рис. 5: 3). Две трети ям имеют длину от 1,56 м до 2,50 м, глубину от 0,15 м до 1,40 м (рис. 5: 1, 2). Их стенки, вертикальные или слегка наклонные, плавно переходят к чашевидному дну. Четыре ямы по периметру ниже дна имели канавки шириной 0,15–0,20 м и глубиной 0,05–0,18 м.

Дополнительная структура (охра и уголь). В 76% могил присутствовала бордовая или красная охра (рис. 1: Д, Е; 3: 1, 3–5). Абрис охры в плане всегда был четким, в разрезе линза имела очертания уплощенного овала. Слой охры обычно заканчивался на глубине 0,1–0,2 м выше дна могилы. Почвы севера Западной Сибири характеризуются высоким промывным режимом и, несмотря на эту особенность, охра не расплылась по яме, а сохранила четкие очертания. Этот факт может указывать на помещение тела, засыпанного охрой, в мягкие пелены. Концентрация охры увеличивалась от ног погребенного к голове. Как минимум в пяти могилах охра фиксировалась на двух/трех уровнях в верхнем или среднем заполнении ямы. Не исключено, что при отсутствии антропологических останков такие случаи маркируют ярусные захоронения. Примечательно, что погребения без охры располагались на западной, восточной и южной периферии могильного поля (рис. 1: Ж). В центральном массиве зафиксировано лишь 9 погребений без охры. Верхнее и среднее заполнение могильных ям содержало уголь разной степени насыщенности. Включения мелких угольков отмечены на дне могил, на уровне залегания костей без признаков высокотемпературного воздействия.

Останки сохранились плохо – в 29 погребениях обнаружен костный тлен, мелкие фрагменты костей и эмаль зубов⁴. Практиковались ингумация и кремация. При *ингумации* тела

укладывали в выпрямленном положении с вытянутыми вдоль корпуса руками и выпрямленными ногами (рис. 3: 5), лицом вверх или вниз (рис. 3: 3), головой на СЗ (60%)⁵, СВ (13%) и З (13%) (рис. 5: 4). Преимущественно погребенные уложены ногами к р. Большая Умыгтя (рис. 1: В). Преобладают одиночные захоронения. К достоверно парным относится могила 9, в ней два черепа лежали рядом на одном уровне. Могила 16 ярусная, останки двух умерших лежали головами на СЗ и ЮВ.

Кремации. Кости с признаками высокотемпературного воздействия обнаружены в семи могилах. Видимо, таких захоронений было больше, так как сожженные кости найдены в переотложенных грунтах руинированных построек последующих эпох. Шесть кремированных захоронений находились в южной части могильника, еще одно (мог. 25) – на его северной территории (рис. 1: Г, 3; 4). К сожалению, пространство между основным массивом могил и его северной периферией (?) разрушено землеройным карьером. Захоронения с кремациями (как и погребения по обряду труположения) совершены в прямоугольных или овальных ямах, ориентированных СЗ–ЮВ. В могилах присутствовала охра; в ней, преимущественно по центру ямы, залегали кремированные останки. Кремация тел проходила вне территории могильника на открытом пламени при 400°–1000°С. Тело покойника из могилы 25 (рис. 4) сожжено вскоре после наступления смерти. В других случаях сжигались скелетированные останки. В могиле 16В и могиле 29 кремированные останки и кости без термического воздействия залегали совместно.

Половозрастной состав. На могильнике изучены погребения и взрослых, и детей. 14 погребенных умерли после достижения 16–18 лет. В могиле 24 захоронен семилетний ребенок. Зуб ребенка, умершего в возрасте 5–12 лет, найден в сооружении № 14 позднего неолита (при его строительстве были разрушены могилы на юго-западной части некрополя). Детские останки (до 7 лет) определены и среди кремированных костей разрушенных погребений. Пол установлен у шести погребенных: это три женщины и трое мужчин. По мнению Д. И. Ражева, одонтологические признаки – пятибугорковый второй нижний моляр – указывают на присутствие у

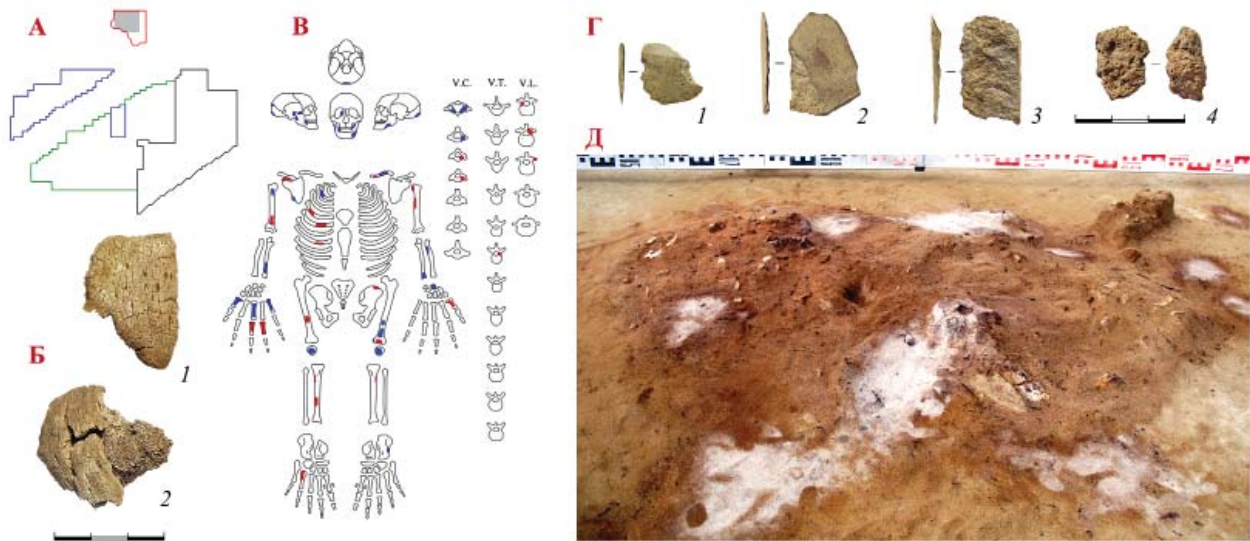

Рис. 4. Могильник Большая Умытья 100. Погребения с кремациями: мог. 25. А – мог. 25 на плане раскопа (серый цвет); Б – фрагменты костей со следами кремирования (1, 2); В – схема сохранности костей (синий цвет – достоверно определенные фрагменты, красный – предположительно); Г – предметы из могилы: 1, 2 – сколы с шлифованных орудий, 3 – скол с плитки, 4 – обожженная глина; Д – вид с северо-запада на расчистку кремированных костей. Фото Е. О. Святовой (Б) и А. А. Погодина (Г, Д)

Fig. 4. Bolshaya Umytia 100 burial ground. Burials with cremations: grave 25. А – grave 25 on the excavation plan (grey); Б – bone fragments with cremation traces (1, 2); В – bone preservation scheme (blue – reliably determined fragments, red – presumably); Г – grave goods: 1, 2 – flakes from polished tools, 3 – plaque flake, 4 – baked clay; Д – view from the NW of the process of work with cremated bones.

Photo by E.O. Sviatova (B) and A.A. Pogodin (Г, Д)

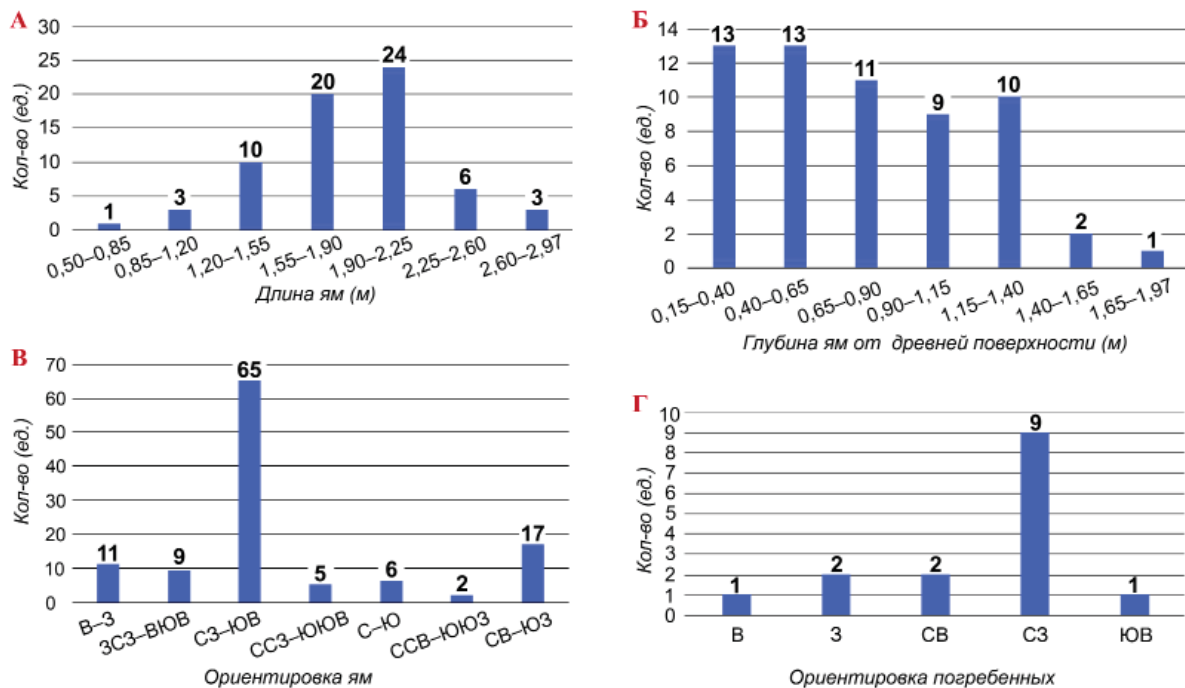

Рис. 5. Могильник Большая Умытья 100. Графики распределения могильных ям по длине (А), глубине от древней поверхности (Б), ориентировке по сторонам света (В) и по направлению головы погребенных (Г).
Fig. 5. Bolshaya Umytia 100 burial ground. Graphs of the distribution of grave pits with regard to the length (A), depth from the ancient surface (B), orientation to the cardinal directions (B) and by the direction of the head of the buried persons (Г).

Рис. 6. Могильник Большая Умытья 100. Погребальный инвентарь: А – керамика из могил 19 (1, 3), 4 (2), 27 (4), 22 (5); Б – сосуд в южной части могилы 22, вид с СВ. Фото А. А. Погодина

Fig. 6. Bolshaya Umytia 100 burial ground. Burial set: А – ceramics from graves 19 (1, 3), 4 (2), 27 (4), 22 (5); Б – vessel in the southern part of grave 22, view from the NE. Photo by A.A. Pogodin

индивида из верхнего яруса могилы 16 генов «восточного» расового ствола (монголоидов). Состояние его зубной системы хорошее, без заболеваний или маркеров физиологического стресса (болезнь, голод), перенесенных в детстве. Погребенный в могиле 28 взрослый индивид перенес при жизни перелом костей.

Погребальный инвентарь. Умерших сопровождали каменные орудия, украшения, обломки посуды (рис. 6–8). Они найдены в 14 погребениях (12%)⁶, а в трех могилах – еще и кости животных. Просматривается закономерность в расположении вещей. В область головы уложены тесла (мог. 10 и 15; рис. 7: 10), строгальный нож, пренуклеус (мог. 1); у пояса – ретушированный отщеп (мог. 17), наконечник стрелы (мог. 1), острие (мог. 4); в ногах – нижняя часть глиняного сосуда (мог. 22; рис. 6: А – 5; Б).

Керамика. В восьми погребениях найдены обломки глиняной посуды. Сосуды фрагментарны, мелкие черепки встречаются как на дне ям (мог. 4, 22, 19), так и в грунтах заполнения (мог. 23, 27). В могилах 4, 11Б, 19, 23 и 27 найдены обломки толстостенных сосудов шоушминского типа среднего неолита р. Конды (рис. 6: А – 1–5) (Клементьева и др., 2020). Сосуды украшены стреловидными инструментами в технике прочерчивания с периодическим отступанием и наколами. По внутреннему краю венчиков сформированы массивные утолщения. Фрагменты неолитической посуды шоушминского типа найдены и на горизонте дневной поверхности погребального поля (рис. 9: 1, 2).

В ногах погребенного в могиле 22 лежала нижняя половина сосуда с шиповидным дном

(рис. 6: А – 5; Б). Верхняя часть емкости не сохранилась; судя по диаметру тулова (10 см), емкость небольшая. Толщина ее стенок до 0,6 см, дна – 0,8 см. Сосуд изготовлен из глины с добавлением шамота, охры и органического раствора. Для создания емкости была использована форма-основа, с внутренней стороны стенок видны ее отпечатки. Сосуд, вероятно, изготовлен из одного куска глины⁷. Дно коническое, по центру оформлено небольшое утолщение – шип. Сосуд декорирован отпечатками шагающего зубчатого штампа. Типологическая принадлежность этого сосуда не установлена. Конструирование емкости на форме-основе и плотный шагающе-гребенчатый орнамент характерны для керамики умытьинского и сумпаньинского типов среднего неолита р. Конды. Шиповидная форма дна встречается на посуде умытьинского типа р. Конды (Клементьева, Труфанов, 2019) и быстринской культуры Сургутского Приобья (Поселение Быстрый Кульеган..., 2006). Технологические признаки, такие как примесь крупнотолченого шамота, жженая кость, толстые стенки – отличны от умытьинской посуды и более близки шоушминским сосудам. Не исключено, что это один из примеров посуды со смешанными культурными признаками; подобное зафиксировано среди посуды поселения Шоушма 10 (Клементьева и др., 2020).

В заполнении погребений 1, 3 и 12 найдены мелкие (менее 1 см, в количестве 3–22 ед.) черепки тонкостенной керамики умытьинского типа. Такая посуда происходит из сооружения № 16 – стратиграфически более позднего относительно объектов могильника (рис. 9:

Рис. 7. Могильник Большая Умытья 100. Погребальный инвентарь из могил 21 (1), 1 (2–4), 4 (5), 34 (6), 15 (6, 8) 10 (9). 1 – стамеска; 2 – пренуклеус; 3 – струг; 4 – наконечник; 5, 6 – острия; 7–9 – шлифованные тесла;

10 – шлифованное тесло и тлен черепа в западной части могилы 10, вид с СЗ. Фото А. А. Погодина

Fig. 7. Bolshaya Umytia 100 burial ground. Burial toolkit from graves 21 (1), 1 (2–4), 4 (5), 34 (6), 15 (6, 8) 10 (9). 1 – chisel; 2 – pre-core; 3 – plane tool; 4 – arrowhead, 5, 6 – points; 7–9 – polished adzes; 10 – polished adze and ashes of skull in the western part of grave 10, view from the NW. Photo by A.A. Pogodin

3, 4). Керамическая крошка поселенческой посуды, вероятно, попала в заполнение могил по корневым или норным ходам.

Изделия из камня. Шлифованные инструменты изготовлены из серо-зеленого сланца. Тесла из могил 10 и 15 (рис. 6: 7–9) и острие из могилы 34 (рис. 6: 6) оформлены оббивкой и продольной шлифовкой, стамеска из могилы 21 (рис. 6: 1) – грубой диагональной шлифовкой. Тесла массивные, трапециевидной в плане формы, в профиле – трапециевидной и линзовидной. Особенностью орудий

из могилы 15 является наличие неглубоких продольных желобков на одной из поверхностей. На теслах выявлены следы утилитарного износа и следы подновления⁸, т. е. с умершими клалами использовавшиеся ранее, но целые и даже заново заточенные инструменты. Следы подновления имеются на ретушированном наконечнике и пренуклеусе из могилы 1 (рис. 6: 2, 4). В могилах 22, 23, 25 и 16 обнаружены мелкие отщепы; в могилах 6, 5 и 11 – сколы-чешуйки; в могиле 12 – обломок шлифованного изделия.

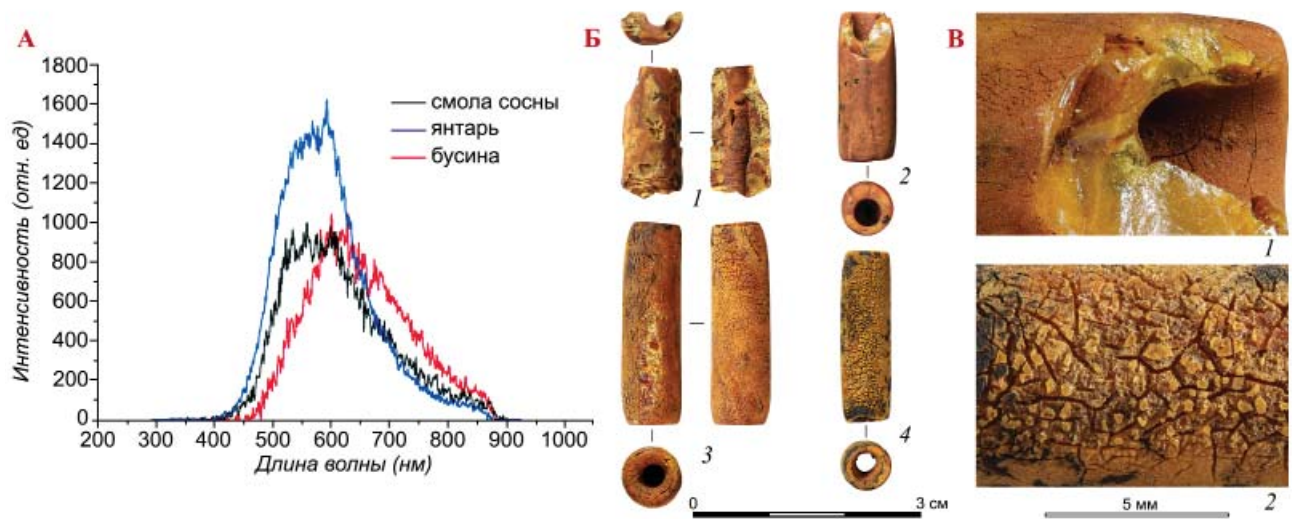

Рис. 8. Могильник Большая Умытья 100. Смоляные бусины-пронизки из погребения 1:

А – спектры импульсной катодолуминесценции бусины, янтаря и сосновой смолы; Б – бусины-пронизки;

В – макрофото поверхности бусин-пронизок. Аналитика В. И. Соломонова, фото А. Н. Тришкиной

Fig. 8. Bolshaya Umytia 100 burial ground. Resin tube beads from burial 1:

А – spectra of pulsed cathodoluminescence of bead, amber and pine-tree resin; Б – tube beads;

В – macro photograph of the surface of tube beads. Analytics by V.I. Solomonov, photo by A.N. Trishkina

Украшения. Из пронизок состояло ожерелье человека, захороненного в могиле 1. Бусины имеют цилиндрическую форму, длину от 10 до 23 мм и диаметр 6–8 мм (рис. 8: Б). Анализ измерений импульсной катодолуминесценции, термогравиметрии (TG), дифференциальной сканирующей калометрии (DSC) материала бусины⁹, показал, что вещество пронизки имеет органическую природу. С наибольшей вероятностью оно является смолой хвойного дерева (но не сосны!) обсыпанной охрой (рис. 8: А, В). В могиле 12 найдена пластина резца бобра – вероятно, деталь украшения костюма.

Изделие из черепа. Под тленом черепа, индивида, погребенного в могиле 12, обнаружен фрагмент левой (?) теменной кости хорошей сохранности с двумя сквозными отверстиями (рис. 3: 1, 2). В центральной части изделия с внутренней стороны выполнено отверстие овальной формы: 7,2×7,7 мм. Второе отверстие располагается по краю фрагмента. Оно является частью хода, который имел отверстие и на внутренней стороне. Наружный край отверстия представляет дугу правильного круга диаметром 5,5 мм. По мнению Д. И. Ражева, отверстия могли быть как прижизненными, так и перимортальными трепанациями. В пользу прижизненной трепанации свидетельствует наличие валика на наружной поверхности, в пользу посмертных манипуля-

ций с черепом – большой размер внутреннего отверстия в центре фрагмента, позволяющий предположить создание его изнутри.

Хронология и стратиграфия. Датировка могильника по радиоуглероду определяется рамками VI тыс. до н. э. Непрерывность его функционирования столь длительное время сомнительна. Анализ стратиграфии показал, что погребения являются более ранними относительно сооружений № 16, 30 и 31 с умытыинским типом посуды (рис. 9: 3, 4). По сооружению № 16 получены две даты – по углю 5610±80BP (Ki-17963), 4678–4330 кал. л. до н. э. и керамике 5153±120 BP (SPb-1425), 4260–3696 кал. л. до н. э. Сооружения № 14, 28 и 33 с ушьинским комплексом посуды (рис. 9: 5, 6) позднего неолита существовали на рубеже V–IV тыс. до н. э. Даты по углю: 5310±60 BP (Ki-17968), 4324–3988 кал. л. до н. э.; 5170±60 BP (Ki-17969), 4226–3796 кал. л. до н. э.; 5096±70 BP (SPb-1114), 4045–3664 кал. л. до н. э.; 4927±120 BP (SPb-1424), 3976–3381 кал. л. до н. э.; 4890±80 BP (SPb-1109), 3945–3386 кал. л. до н. э.

Культурная принадлежность. По керамической посуде часть погребений можно соотнести с памятниками шоушминского культурного типа среднего неолита р. Конды VI тыс. до н. э. (Клементьева и др., 2020). Каменный инвентарь из погребений, помимо собствен-

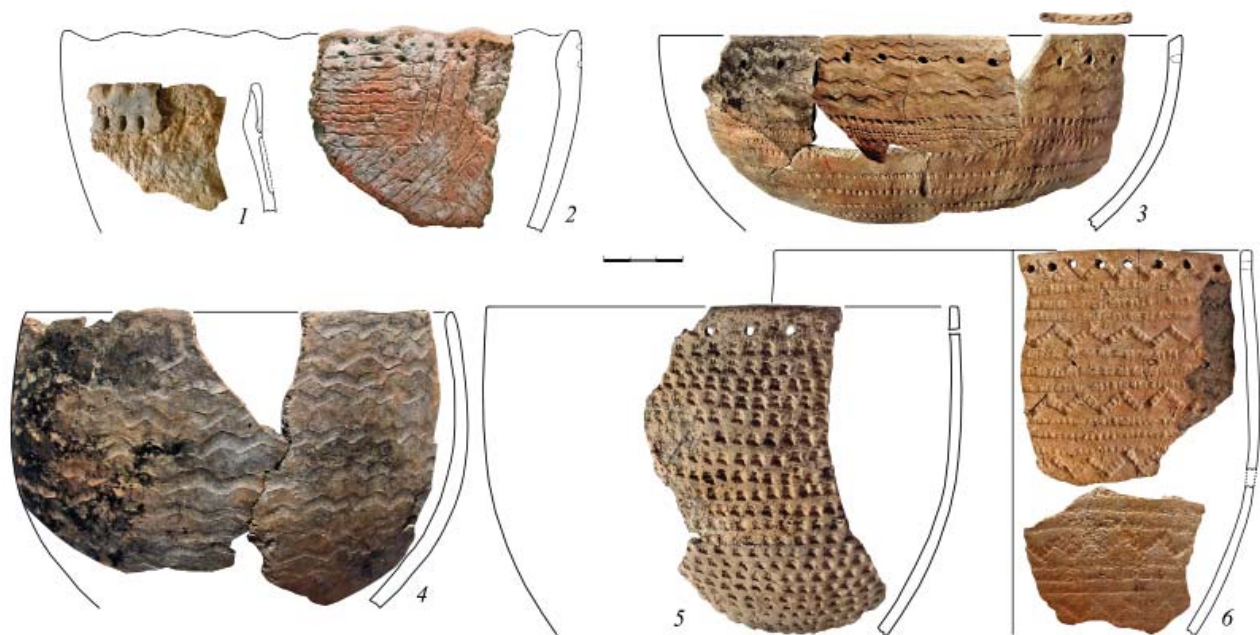

Рис. 9. Поселение Большая Умытья 100. Керамика: 1, 2 – с древней поверхности погребального поля, шоушминский тип; 3, 4 – из сооружения № 16, умытьинский тип; 5, 6 – из сооружений № 14 и 25, ушьинский тип. Фото А. А. Погодина

Fig. 9. Bolshaya Umytia 100 settlement. Ceramics: 1, 2 – from the ancient surface of the cemetery, Shoushma-type; 3, 4 – from dwellings No. 16, Umytia-type; 5, 6 – from dwellings No. 14 and No. 25, Ushia-type. Photo by A.A. Pogodin

но региональных средненеолитических черт, имеет ряд аналогий в комплексах позднего мезолита (поселение Леуши IX) и раннего неолита (поселение Мулымья 3) конца VII тыс. до н. э. (Погодин, 1994. с. 173–174, рис. 1 – 1, 2; Клементьева, Погодин, 2020б).

Заключение. Неолитический могильник был оставлен населением, сохранявшим с эпохи мезолита традицию захоронений на этом месте. Для его материальной культуры характерна преемственность местных мезолитических традиций камнеобработки. Она проявляется в наличии тесел с продольными желобками, аналогии которым известны в материалах позднемезолитического поселения Леуши IX. По посуде прослеживается сходство с посудой шоушминского и, отчасти, умытьинского типов памятников. Исследование биритуального могильника Большая Умытья 100 существенно расширило наши представления о погребальных памятниках конца каменного века в таежной зоне Запад-

ной Сибири. Учитывая, с одной стороны, разнообразие видов погребений, представленных на этом могильнике, а с другой – устойчивость основных черт неолитической погребальной практики, можно идентифицировать среди ранее изученных и вновь выявленных материалов этого региона неолитические погребения без артефактов и антропологических останков. Отсутствие в могилах вещей и останков объясняется не только (и не столько) традициями погребальной практики древнего населения, а сохранностью органики в кислой среде подзолистых почв с высоким промывным режимом. По хронологии и основным чертам погребальной практики (рядная/линейно-рядная планировка некрополей, использование охры, ингумация и пеленание тел) зафиксированы сходства могильника Большая Умытья 100 с могильниками VIII–VI тыс. до н. э. северо-востока Европы (Zagorska, 2016; Гурина, 1956; Костылева, Уткин, 2010, с. 252).

Примечания:

¹ Калибровка дат проведена в программе OxCal v4.4.4, калибровочная кривая IntCal20. В тесте работы калиброванные значения приведены по $\sigma 2$ (вероятность 95,4 %) после радиоуглеродных дат.

² Яма 95 прорезает южную часть ямы 62, могила 9 – юго-западную часть могилы 14 (рис. 2 – Б), могила 22 –

юго-восточную часть могилы 23, яма 135 – верхнее заполнение могилы 10.

³ Здесь и далее от числа захоронений среднего неолита – от 118.

⁴ Изучение антропологического материала проведено в. н. с. ИПОС СО РАН, к. и. н. Д. И. Ражевским и Е. О. Святовой. Кости из могил 1, 6 и 12 среднего неолита были отправлены на радиоуглеродный анализ (Университет Гронингена), кости из могилы 7 позднего неолита – на генетический анализ (Гарвардский Университет). В обоих случаях исследования не дали результатов из-за отсутствия коллагена.

⁵ Здесь и далее – от количества погребений, выполненных по обряду ингумации – от 22.

⁶ От количества погребений среднего неолита – от 118.

⁷ Техничко-технологический анализ керамики выполнен с.н.с. ИИиА УрПО РАН, к.и.н. Е. Н. Дубовцевой.

⁸ Определение выполнено с.н.с. ИИМК РАН, к.и.н. Е. Ю. Гирей.

⁹ Анализ проведен в.н.с. Института электрофизики УрО РАН В. И. Соломоновым.

ЛИТЕРАТУРА

Беспрозванный Е.М., Погодин А.А. К вопросу о культовых представлениях мезолитического населения бассейна р. Конды // ВАУ. Вып. 23 / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Екатеринбург: Урал. ун-т, 1998. С. 48–62.

Беспрозванный Е.М., Старостина Е.Е. Погребение в Нижнем Приртышье // Проблемы урало-сибирской археологии / ВАУ. Вып. 18 / Отв. ред. Л.П. Хлобыстин. Свердловск: Урал. ун-т, 1986. С. 33–38.

Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник / МИА. № 47. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 431 с.

Дубовцева Е.Н., Клементьева Т.Ю. Поселение Чилимка V и его место в неолите таёжной зоны Западной Сибири // Уральский исторический вестник. 2022. № 2 (75). С. 139–148.

Клементьева Т.Ю., Погодин А.А. Технология орнаментации посуды позднего неолита поселения Большая Умытъя 100 // Археология и история Северо-Западной Сибири / Отв.ред. А.Я. Труфанов. Нефтеюганск; Екатеринбург: Уральский рабочий, 2017. С. 20–49.

Клементьева Т.Ю., Погодин А.А. Погребальная практика населения бассейна Конды в мезолите и неолите // Самарский научный вестник. 2020а. Том 9. № 1 (30). С. 131–141.

Клементьева Т.Ю., Погодин А.А. Стратификация керамических комплексов неолита реки Конды // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020б. Т. 19. № 7. С. 216–228.

Клементьева Т.Ю., Погодин А.А., Дубовцева Е.Н. Поселение раннего неолита Шоушма 10 в верховьях реки Конды // Поволжская археология. 2020. № 3 (33). С. 84–99.

Клементьева Т.Ю., Труфанов А.Я. Культурно-хронологические комплексы эпохи неолита на поселении Большая Умытъя 109 // Вестник Пермского университета. История. 2019. Вып. 1 (44). С. 20–33.

Костыльёва Е.Л., Уткин А.В. Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья: планиграфические и хронологические структуры. М.: ТАУС, 2010. 300 с.

Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. 1986. № 1. С. 65–76.

Погодин А.А. Мезолитические рубящие орудия таежного Обь-Иртышья // Сургут, Сибирь, Россия. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 400-летию города Сургута: Тез. докл. 22–25 марта 1994 / Отв. Ред. И.Л. Манькова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1994. С. 173–176.

Погодин А.Я., Труфанов А.Я. Памятник лозьвинской культуры на поселении Большая Умытъя 100 // Археология и история Северо-Западной Сибири. Нефтеюганск; Екатеринбург: Уральский рабочий, 2017. С. 59–87.

Поселение Быстрый Кульеган 66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья / под ред. Л.Л. Косинской, А.Я. Труфанова. Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2006. 192 с.

Ahola M.E. Tracing Neolithic Funerary Practices from Finnish Ochre Graves – a Case Study from Kukkaroski Comb Ware Burial Ground // Thanatos. 4 (2). 2015, p. 23–40. – URL: <https://helda.helsinki.fi/handle/10138/310555> (дата обращения: 10.11.2022).

Zagorska I. Mesolithic burial traditions in Latvia. A case study from Zvejnieki burial ground // Mesolithic burials – Rites, symbols and social organization of early postglacial communities. International Conference Halle (Saale), Germany, 18th – 21st September 2013 / Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte. Band 13/1. Halle. 2016, p. 229–238. – URL: https://www.academia.edu/37592786/Mesolithic_burials_Rites_symbols_and_social_organisation_of_early_postglacial_communities (дата обращения: 10.11.2022).

Информация об авторах:

Клементьева Татьяна Юрьевна, научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН; специалист-археолог ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие» (г. Екатеринбург, Россия); klementjevaT@yandex.ru

Погодин Андрей Альбертович, заместитель директора по научно-исследовательской работе, ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие» (г. Екатеринбург, Россия); pogodin1966@yandex.ru

Труфанов Александр Яковлевич, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие» (г. Екатеринбург, Россия); trufanov_alex@rambler.ru

REFERENCES

- Besprozvanny, E. M., Pogodin A. A. 1998. In Kovaleva, V. T. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 23. Ekaterinburg: Ural State University, 48–62 (in Russian).
- Besprozvanny, E. M., Starostina, E. E. 1986. In Khlobystin, L. P. (ed.). *Problemy uralo-sibirskoy arkheologii (Issues of Ural-Siberian archaeology)*. Series: *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 23. Sverdlovsk: Ural State University, 33–38 (in Russian).
- Gurina, N. N. 1956. *Oleneostrovskiy mogil'nik (Oleneostrovsky Burial Ground)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 47. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Dubovtseva, E. N., Klementyeva, T. Yu. 2022. In *Ural'skii istoricheskii vestnik (Ural Historical Bulletin)* 2 (75), 139–148 (in Russian).
- Klementyeva, T. Yu., Pogodin, A. A. 2017. In Trufanov, A. Ya. (ed.). *Arkheologiya i istoriya Severo-Zapadnoy Sibiri (Archaeology and history of Northwest Siberia)*. Neft'yugansk; Ekaterinburg: “Ural'skii rabochii” Publ., 20–49 (in Russian).
- Klementyeva T. Yu., Pogodin, A. A. 2020. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* 30 (1), 131–141 (in Russian).
- Klement'eva T. Yu., Pogodin, A. A. 2020. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istorii, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 19 (7), 216–228 (in Russian).
- Klementyeva, T. Yu., Pogodin, A. A., Dubovtseva E. N. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 33 (3), 84–99 (in Russian).
- Klementyeva, T. Yu., Trufanov, A. Ya. 2019. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Istorii» (Bulletin of the Perm University. History Series)* 44 (1), 20–33 (in Russian).
- Kostyleva, E. L., Utkin, A. V. 2010. *Neo-eneoliticheskie mogil'niki Verkhnego Povolzh'ya i Volgo-Okskogo mezhdurech'ya: planigraficheskie i khronologicheskie struktury (Neolithic -Eneolithic Burial Grounds on the Upper Volga and the Volga-Oka Interfluvium: Planigraphic and Chronological Structures)*. Moscow: “TAUS” Publ. (in Russian).
- Ol'khovskiy, V. S. 1986. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 65–76 (in Russian).
- Pogodin, A. A. 1994. In Man'kova, I. L. (ed.). *Surgut, Sibir', Rossiya. (Surgut, Siberia, Russia)*. Ekaterinburg: Ural State University, 173–176 (in Russian).
- Pogodin A. A., Trufanov, A. Ya. 2017. In Trufanov, A. Ya. (ed.). *Arkheologiya i istoriya Severo-Zapadnoy Sibiri (Archaeology and history of Northwest Siberia)*. Neft'yugansk; Ekaterinburg: “Ural'skii rabochii” Publ., 59–87 (in Russian).
- Kosinskaya, L. L., Trufanov, A. Ya. (eds.). 2006. *Poselenie Bystryy Kul'egan 66: pamyatnik epokhi neolita Surgutskogo Priob'ya (Bystryy Kulyogan 66 settlement: Neolithic site of the Surgut Ob region)*. Ekaterinburg; Surgut: “Ural'skoye izd-vo” Publ. (in Russian).
- Ahola, M. E. 2015. In *Thanatos*. 4 (2). 23–40. Available at: URL: <https://helda.helsinki.fi/handle/10138/310555> (accessed: 10.11.2022) (in English).
- Zagorska, I. 2016. In *Mesolithic burials – Rites, symbols and social organization of early postglacial communities. International Conference Halle (Saale), Germany, 18th – 21st September 2013 / Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte. Band 13/1. Halle. 229–238*. Available at: URL: https://www.academia.edu/37592786/Mesolithic_burials_Rites_symbols_and_social_organisation_of_early_postglacial_communities (accessed: 10.11.2022) (in English).

About the Authors:

Klementyeva Tatiana Yu. Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch, Russian Academy of Science. S. Kovalevskoy st., 16, Yekaterinburg, 620990, Russian Federation; SAC SAC “AV COM – Nasledie”. Ltd. Tokarei Str., 24a, Ekaterinburg, 620028, Russian Federation; KlementjevaT@yandex.ru

Pogodin Andrey A., Deputy General Director, SAC “AV COM – Nasledie”. Ltd. Tokarei Str., 24a, Ekaterinburg, 620028, Russian Federation; pogodin1966@yandex.ru

Trufanov Alexander Ya. Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor, Senior Researcher, SAC “AV COM – Nasledie”. Ltd. Tokarei Str., 24a, Ekaterinburg, 620028, Russian Federation; trufanov_alex@rambler.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2023 г.
Статья принята к публикации 01.10.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.5.23.37>

СЕМАНТИКА СЮЖЕТА ТЕРЗАНИЯ КОПЫТНОГО КОШАЧЬИМ ХИЩНИКОМ И ГРИФОНОМ В ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОМ СКИФСКОМ ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ

©2023 г. Л.С. Добровольский, У.У. Умиткалиев

Предметом исследования является содержание мотива терзания копытного кошачьим хищником и грифоном и форма его реализации в скифском зверином стиле восточноевропейской зоны. Выдвигается гипотеза о связи сюжета терзания в многофигурных композициях, содержащих образы копытного (оленя), кошачьего хищника и грифона, с сюжетом древнегреческого мифа о растерзанном Дионисе-Загрее. Используются методы общенаучного гипотетико-дедуктивного метода с общим системно-функциональным и синхронно-диахроническим подходами к рассмотрению исторических фактов. Делаются выводы о наличии персонажей древнегреческого мифа о борьбе Диониса-Загрея с титанами и об использовании изобразительных мотивов и приёмов создания динамичной картины последовательного «преобразования» персонажей. Заметна некоторая разница в воплощении элементов мифа средствами изобразительного искусства в скифском зверином стиле от того, как это представлено в литературной форме в изложении Нонна. Возможно, скифская художественная традиция повествования о событиях орфического мифа отличалась от устной и письменной древнегреческой. Во всех композициях присутствует образ оленя и является в них центральным. Композиция сцены терзания и состав художественных образов в соответствии с мифом о Загрее дают возможность предполагать распространение в среде скифов уже в первой половине V в. до н.э. той версия орфизма, которая отрицала поглощение Диониса Титанами, утверждая сложение его частей Аполлоном и его дальнейшее воскресение.

Ключевые слова: археология, Дионис, Загрей, орфизм, пифагореизм, Северное Причерноморье, скифский звериный стиль.

SEMANTICS OF THE MAULING SCENE OF AN UNGULATE BY A FELINE PREDATOR AND A GRIFFIN IN THE EASTERN EUROPEAN SCYTHIAN ANIMAL STYLE

L.S. Dobrovolskiy, U.U. Umitkaliev

The authors consider the content of the motif of mauling of an ungulate by a feline predator and a griffin and the form of its realization in the Scythian animal style of the Eastern European area. A hypothesis is put forward about the ties of the subject of mauling in multi-figure compositions containing images of an ungulate (deer), a feline predator and a griffin with the ancient Greek myth about Dionysus-Zagreus, who was torn apart. The methods of general scientific hypothetico-deductive method with general system-functional and synchronic-diachronic approaches to the consideration of historical facts are used. Conclusions are drawn about the presence of characters of the ancient Greek myth about the struggle of Dionysus-Zagreus with Titans and about the use of figurative motives and techniques in creating a dynamic picture of the successive "transformation" of the characters. Some difference is noticeable in the embodiment of myth elements by means of fine arts in the Scythian animal style from how it is presented by Nonnus. Perhaps the Scythian artistic tradition of narrating the Orphic myth events differed from the oral and written ancient Greek tradition. The image of a deer is present and central in all compositions. The scene of mauling and the composition of artistic images in accordance with the myth of Zagreus make it possible to assume the spread among the Scythians of the version of Orphism already in the first half of the V century BC, that denied the absorption of Dionysus by the Titans, claiming his combining by Apollo and his further resurrection.

Keywords: archaeology, Dionysus, Zagreus, Orphism, Pythagoreanism, Northern Black Sea region, Scythian animal style.

Постановка проблемы. На протяжении многих десятилетий в центре внимания исследователей находятся вопросы семантики искусства скифского звериного стиля и содержания его образов, а также генезиса скифской культуры в целом, но однозначных ответов нет и все предположения сводятся к оппозиции центральноазиатской, переднеазиатской и полицентрической гипотез. Дискуссия вокруг центральных вопросов скифского искусства не прекращается. Как отмечает Е.Ф. Королькова, несмотря на многочисленные усилия учёных, значительные результаты их трудов и даже выдающиеся открытия, скифская культура в целом, её происхождение и смысл искусства звериного стиля по-прежнему остаются проблемными а скифо-сибирский звериный стиль остаётся одним из самых интересных и загадочных феноменов древней художественной культуры. В частности, не поддающимся смысловому объяснению и адекватной интерпретации является бестиарий, задействованный в сценах терзания, а также обусловленность выбора тех или иных образов, их количество и сочетание в одной схватке (Королькова, 2006, с. 7; Королькова, 2015, с. 161). *Предметом данного исследования* является содержание мотива терзания в скифском зверином стиле, в частности, терзания копытного кошачьим хищником и грифоном и формы его реализации в скифском зверином стиле восточноевропейской зоны.

История вопроса. Содержанием творчества, которое отображало мировоззрение древних народов, была мифология – необходимое условие и первичный материал для всякого искусства (Шеллинг, 1936, с. 146). Считается, что мифология выступает тотально господствующим способом глобального концептирования (Мелетинский, 1995, с. 163). Являясь духовными проявлениями жизни общества, миф, ритуал, религия и искусство «материализовались в пространственных и временных формах художественного творчества» (Королькова, 2015, с. 180). Однако сохранившиеся сведения о религии скифов не дают полной картины того, как они представляли своих богов и героев, за исключением данных о поклонении Аресу и о родоначальнице скифов в облике полудевы-полузмеи (Кузьмина, 1976а, с. 55–56).

В.Д. Блаватский полагал, что мифологические представления автохтонов Северного

Причерноморья не составляли сложной системы мифов, в отличие от их соседей – греков. При этом скифские божества не получили, по крайней мере, в VII–V вв. до н. э., антропоморфных изображений в самобытном искусстве (Блаватский, 1964, с. 20–25).

М.И. Артамонов со ссылкой на сведения Геродота, что скифы не строили своим богам храмов и алтарей, отмечал, что примитивному характеру скифской религии соответствовали неразвитые формы культа (Артамонов, 1961, с. 83); при этом скифское искусство трактовалось исследователем как переработка сюжетов и форм, заимствованных из искусства древнего Востока (Артамонов, 1962, с. 34) – «скифы не просто воспроизводили восточные образцы, а отобрали из сюжетов древневосточного искусства наиболее соответствующие их идеологии» (Артамонов, 1974, с. 49).

Позже было высказано мнение, что в скифском искусстве зооморфные образы отражают характерное для всех индоиранских народов представление о многочисленных перевоплощениях, инкарнациях и различных ипостасях, в которых предстаёт каждое божество (Кузьмина, 1976а, с. 58–59), однако, по замечанию Д.С. Раевского, применительно к скифской мифологии «такая характеристика ничем, кроме ссылки на принадлежность скифов к ираноязычным народам, подкреплена быть не может» (Раевский, 2006, с. 363).

Согласно исследованиям Д.С. Раевского, формирование скифского звериного стиля как символической знаковой системы, предназначенной для описания скифской модели мира, было обусловлено походами скифов в богатую изобразительными традициями Переднюю Азию; при этом «новая социальная реальность должна была осмысляться в категориях, составляющих скифскую мифологическую модель мира, в том числе в пространственно-космических категориях, поскольку в архаических обществах социальный космос мыслится изоморфным (а по сути – тождественным) космосу природному» (Раевский, 2006, с. 370). Тернарная структура скифской модели мира соотносится с тремя уровнями космической модели (Раевский, 1977, с. 121) и глобально распространённым способом их описания посредством зоологического кода – трёхчленной вертикальной системой: на верху композиции размещены связанные с небом птицы; копытные связаны со средней частью,

с землёй; змеи-рыбы — с низом, с подземным царством (Топоров, 1972, с. 93) (вместо рыбы или змеи у скифов использован образ хищника, преимущественно кошачьего) (Раевский, 2006, с. 392).

А.Р. Канторович отмечает богатство традиций переднеазиатского и центральноазиатского зооморфизма в сравнении с восточноевропейской традицией в эпоху, предшествующую возникновению скифо-сибирской общности; однако, уже на стадии своего зарождения восточноевропейский звериный стиль «черпал не из какого-либо одного, а из всех этих трёх источников и явился продуктом сочетания пришлых и автохтонных тенденций (в период его развития добавилось ещё мощное воздействие классического греческого и фракийского зооморфизма)» (Канторович, 2015, с. 1014).

Проблема семантики мотива терзания копытного кошачьим хищником или грифоном служит предметом дискуссий. Этот сюжет не был популярным в собственно скифском зверином стиле в отличие от других областей евразийского степного пояса; особую популярность он получил в эпоху распространения греко-скифских памятников (Раевский, 2006, с. 437). Влиянием античной культурной традиции явилось постепенное возрастание сложности кодовой природы изобразительного искусства Скифии. Зоологический и топографический коды, параллельно используемые с целью синтагматического объединения элементов в пространстве общей композиции, постепенно усложняются повествовательным началом — сценами терзания. Затем используются антропоморфные изображения мифологических персонажей в единичных композициях, и далее — в их сериях (Раевский, 2006, с. 470). Всё же, при схожести семантики скифского звериного стиля и зооморфных греко-скифских композиций Д.С. Раевский отмечает их различия: во-первых, «чисто эллинскую изобразительную трактовку образов животных, не скованную жёстким иконографическим каноном, свободную как в выборе поз и ракурсов, так и в приёмах моделировки тела зверя»; во-вторых, «значительно более широкое введение в зооморфные композиции элемента *действия*, сопряжение отдельных фигур в единой, по существу сюжетной, композиции», пришедшее на смену «безглагольным» изобразительным текстам (Раевский, 2006, с. 437).

На протяжении всего времени научного изучения «терзания» интерпретировалось по-разному. Так, в середине 1960-х гг. В. Хартнер в переднеазиатской традиции животные, участвующие в сценах терзания, соответствуют номенклатуре созвездий, а сама сцена символизирует смену созвездий на небосклоне (Hartner, Ettinghausen, 1964; Hartner, 1965). Позже А.Д. Грач видел в этой сцене воплощение идеи борьбы двух тотемов (то есть двух этнических групп), «прославление победы в борьбе, утверждение силы и права на жестокость» (Грач, 1972, с. 30), а Е.Е. Кузьмина интерпретировала «терзания» как отражение характерной для древних иранцев «дуалистической концепции борьбы доброго и злого начал» (Кузьмина, 1972, с. 52). В трактовке Г.А. Фёдорова-Давыдова мотив терзания воплощает «не столько собственно терзания, сколько проникновение одного звериного существа в другое» как условие приумножения магического эффекта художественного образа, «привлечения на пользу человеку различных способностей животного» (Федоров-Давыдов, 1975, с. 25). Было высказано предположение, что наряду с композицией из переднеазиатского искусства скифы восприняли «и идейное содержание сцены терзания как символа весеннего возрождения, которое было соотнесено иранцами с их главным праздником Ноурузом — Новым годом солярного календаря» (Кузьмина, 1979, с. 78).

Последняя трактовка была справедливо оспорена Д.С. Раевским, поскольку в качестве объектов терзания у скифов выступают животные, «не согласующиеся с астральной номенклатурой — это олень, козел и лошадь как объекты терзания, а в роли терзающих существ — лев, хищная птица и грифон» (Раевский, 2006, с. 439). В то же время исследователь согласился с толкованием Е.Е. Кузьминой терзания как циклической смены явлений природы, космогонического акта творения и возрождения через уничтожение» (Кузьмина, 1976, с. 70), или, согласно А. Фаркаш, как метафорических изображений понятия смерти в терминах, близких степнымномадам (Farkas, 1977, с. 127). «Каждая смерть рассматривается как неперемненное условие продолжения жизни, в конечном счёте — как своего рода жертвоприношение, совершаемое во имя этого продолжения, — пишет Д.С. Раевский. —

Мотив же терзания в искусстве, трактуемый как метафорическое обозначение смерти, должен в таком случае рассматриваться как своего рода *изобразительный эквивалент такого жертвоприношения*» (Раевский, 2006, с. 440).

В нашей работе выдвигаем *гипотезу*: сюжет «терзания» в многофигурных композициях, содержащих изображения копытного, кошачьего хищника и грифона, связан с сюжетом древнегреческого мифа о растерзании Диониса-Загрея Титанами.

В VI–IV вв. и в нач. III в. до н.э. в сакральных комплексах северопонтийских городов, наиболее тесно контактировавших со Средиземноморьем – Никонии, Ольвии и Боспоре – церемонии в честь Диониса переплетались с обрядами, посвящёнными Деметре, Коре, Афродите, Кибеле и Гераклу. С V в. до н.э. и особенно ярко в IV – первой половине III в. до н.э. церемонии в честь Диониса входили в ритуалы элевсинского образца, где Дионис выступал в ипостаси Иакха, и, возможно, переплетались с элементами орфического культа Диониса в ипостаси Загрея – сына Зевса и Персефоны (Кузина, 2008, с. 181)¹.

Подтверждением этому служат сюжеты на элевсинские темы памятников вазописи из северопонтийских погребальных комплексов, содержание памятников эпиграфики – посвячительных граффити Деметре, Персефоне и Иакху в храм Деметры на костяной пластине, посвячительные граффити Иакху в керамической эпиграфике, сюжеты короластики – изображения Деметры, Кору, сатиров, силенов и актёров (спутников Диониса), вотивы в виде яйцевидной гальки и астрагалов, находки терракот с изображением Силена, Паппо-Силена с младенцем Дионисом и комических актёров наряду с ювелирными изделиями с воплощёнными на них образами сатиров и менад в погребальном комплексе жрицы Деметры².

Существование культа орфического Диониса в Ольвии (как и вообще – орфической религии³) являются памятники эпиграфики V в. до н.э. – костяные пластинки⁴, содержащие изречения, глубокий смысл которых близок орфической интерпретации религии Диониса, а также сокращённое имя Диониса и на одной из них – имя Диониса в сочетании со словом «орфики» (изображённый на одной из пластин прямоугольник, разделённый на семь

частей с семью овалами внутри символизировал мистическое расчленение тела Загрея, согласно орфическому мифу). Как указывает А.С. Русяева, Сравнительно большое количество свинцовых букраний и секир местного производства IV–II вв. до н.э. указывает на возрождение в Ольвии древнейшей формы существовавшего на Крите культа Зевса и Диониса-Загрея, и в этой архаизации следует усматривать элементы каких-то религиозно-философских учений, возможно орфических (Русяева, 1978, с. 99–103).

Геродот не упоминает Диониса среди скифских богов, однако указывает на проникновение этого культа в скифскую среду. Как известно, в VI–V вв. до н.э. скифы не знали антропоморфных изображений богов и проявляли враждебность к приобщению знати в мистериальные культы⁵. В то же время, их пантеон включал Гестию, Зевса, Гею, Аполлона, Афродиту Небесную, Геракла, Арея и Посейдона (у скифов царских)⁶.

Историческая наука пока не располагает письменными сведениями о распространении мистических учений и орфической религии у скифов, но косвенным доказательством могут служить произведения скифского искусства – композиции культово-религиозного содержания на золотых бляшках (возможно, украшениях головного убора) из погребений высшей скифской знати степной Скифии – курганы Куль-Оба, Чертомлык, Верхний Рогачик, Первый Мордвиновский, Мелитопольский, №4 в уроч. Носаки, бокового погребения кургана Огуз. На них изображены мистериальные сцены торжественного приобщения (священной трапезы умершего): сидящую богиню (женщину в скифском наряде) с зеркалом в руке и предстоящего ей героя (юношу в скифском наряде, без оружия и пояса), пьющего из ритона (ритон и зеркало – ритуальные принадлежности элевсинских мистерий), а также изображение сидящей богини, справа от неё факел (или алтарик) □ атрибут Деметры и Кору-Персефоны, а слева – мужская фигура с округлым сосудом в руке (священной чашей)⁷.

А.Ф. Лосев отмечает, что орфическая философия Загрея отражает очень древнюю, восходящую к критской культуре и распространённую далеко за пределами исторической Греции (параллели – в египетском Осирисе, фригийском Аттисе, финикийском Адонисе,

малоазиатском Сабазии), сугубо мистическую и даже мистериальную мифологию страдающего и воскрешающего божества и является её философским осознанием, в самой Греции восходящим к VI в. до н.э., но с истоками мифологии третьего Диониса (Иакха) в VII в. до н.э. (Лосев, 1996, с. 172–183).

Среди всех античных текстов, содержащих миф о растерзании Диониса-Загрея и в мифической форме ставящих все кардинальные вопросы мироздания со всеми проблемами единства и множества, распада и воссоединения, гибели и возрождения, А.Ф. Лосев отмечает значительно превышающие по своему объёму конец V и всю VI части знаменитой поэмы Нонна о Дионисе (V в. н.э.): «Несмотря на всю растянутость и произвольные измышления, изложение мифа о Загрее у Нонна является для нас весьма ценным документом и в основе своей восходит к хорошим и безукоризненно древним источникам» (Лосев, 1996, с. 176–187). Восходящая к древним орфикам разработка мифа о Загрее у Нонна представляет особую ценность, поскольку в ней в высокохудожественной форме реставрируется старинная мифология и описаны уникальные эпизоды, не зарегистрированные в других источниках; в частности, превращения Загрея перед растерзанием его Титанами и борьба с ними в зооморфных обликах: *в молодого Зевса, старика Кроноса, младенца, юношу, льва, коня, дракона, тигра и быка* (Нонн Панополитанский. Песни о Дионисе. см. Приложение).

Как нам представляется, прекрасной иллюстрацией этого мифа во всей его динамике и экспрессии служат изображения сцен терзания, выполненные в скифском зверином стиле. Наиболее полно превращения Загрея представлены на золотой обкладке колчана из Ильичёвского кургана, золотой бляхе щита или горита (пластине в виде фигурки лежащего оленя) и золотой обкладке ножен меча из Куль-Обы, золотом конском налобнике из Бердянского кургана, золотой обкладке ножен меча из Великой Белозёрки, золотой обкладке ножен меча из Солохи, а также на золотой обкладке ритона из четвёртого Семибратнего кургана.

Все перечисленные памятники являются объектом данного исследования на предмет наличия в них композиции зооморфных образов, участвующих в сюжете, описанном у

Рис. 1. Золотая обкладка колчана. Ильичёво, к. 1, п. 6 (по: Полідович, 2017, с. 108, рис. 1).

Fig. 1. Golden quiver cover. Ilyichyovo, barrow 1, burial 6 (after Polidovich, 2017, p. 108, fig. 1).

Нонна. *Цель работы* – установить образный состав композиций, описать семантически значимые мотивы художественных образов и приёмы изображения идеи последовательной зооморфной «трансформации», выявить в композициях религиозно-культурную и философскую символику. Исследование построено по логике общенаучного гипотетико-дедуктивного метода при общих системно-функциональном и синхронно-диахроническом подходах к рассмотрению исторических фактов с использованием частных традиционного иконографического, формально-стилистического и структурно-семиотического методов.

Результаты и их обсуждение

1. Золотая обкладка колчана из Ильичёвского кургана (около 2-й четверти V в. до н.э.) (рис. 1). В нашей трактовке многофигурная композиция на золотой обкладке колчана из Ильичёва состоит из образов хищной птицы (возможно, орла как символа «молодого» Зевса из мифа о Загрее⁸), оленя (вследствие повреждения пластины напоминающего коня), двух кошачьих хищников (соответствующих льву и тигру в мифе) и змеи, хвост которой имеет серповидное окончание. Семь соединённых в ряд β -видных фигур – отростков оленьих рогов – символизируют восстановление Аполлоном раздроблённого на семь частей тела Диониса-Загрея, являясь в то же время символом пифагорейской гептомады⁹. Акцентированность лопатки оленя и необыч-

Рис. 2. Золотая бляха щита или горита. Куль-Оба (по: Алексеев, 2012, с. 172).
Fig. 2. Golden plate of a shield or gorytus. Kul-Oba (after Alekseyev, 2012, p. 172).

ность её формы (в трактовке А.Р. Канторовича – «в виде головы то ли лося, то ли птицы» (Канторович, 2015, с. 331)) является мотивом, повторяющимся во всех анализируемых нами в статье образах оленя и других животных (что будет проиллюстрировано далее и в нашей интерпретации является местом, где происходят «превращения» одного животного в другое).

2. Золотая бляха щита или горита (пластина в виде фигурки лежащего оленя) из Куль-Обы (2 четверть V в. до н.э.) (рис. 2). А.Ю. Алексеев отмечает, что механическим наложением на тело оленя фигур собаки, льва, грифона и зайца, (представленных в данном случае хищными животными) мастер необычным для скифского искусства образом выразил сюжет благого терзания (Алексеев, 2012, с. 172). Всё же, в «Каталог сцен преследования, терзания и поглощения в восточно-европейском скифском зверином стиле» она включена не была (Канторович, 2020).

В нашей трактовке перечень изображений животных, размещённых на теле оленя, состоит из льва, грифона, осла (традиционно интерпретируемого как заяц, что, на наш взгляд, является результатом механического повреждения пластины и визуальной укороченности длинной морды, которая, однако имеет характерные для осла округлые скулы и большую пасть)¹⁰, кошачьего хищника с характерной формой небольших ушей (традиционно интерпретируемого как собака, однако, возможно, это пантера)¹¹ и барана (козла), голова которого является стилизацией крайнего слева β -видного отростка оленьих рогов и завершает цепочку «превращений». «Глазные отростки» рогов оленя в форме бычьих рогов могут быть трактованы как «диада Диониса», и в то же время у них форма лиры – образа небесной гармонии и символ Апол-

лона (Лосев, 1996, с. 387, 590), что с остальными семью отростками в одном семантическом ряду символов, очевидно, обозначает «монаду нового бога». Как и на ильичёвском изображении, рога оленя с семью β -видными отростками, вероятно, символизируют «монаду», «диаду» и «гебдомаду» пифогорейцев и орфиков¹².

Отметим также, что лев и дракон обращены головами с обеих сторон к копытному (в данном случае к ослу) так же, как и на бердянском, солохском, куль-обском и великобелозёрском изображениях (рис. 3–6); кошачий хищник (предпоследний в череде «трансформаций») обращён головой ко всем персонажам вместе, а завершающий композицию баран (козёл) находится сверху над всеми остальными участниками сцены, обращённый головой в сторону стилизованных рогов оленя, т.е. в направлении завершающего этапа (не отображённого у Нонна) мифа о Загрее-Дионисе – воссоединения Аполлоном его раздроблённого на семь частей тела и оживления.

3. Золотой конский налобник-наносник из Бердянского кургана (рубеж V–IV вв. до н. э. – первая треть IV в. до н. э., либо 380–365 гг. до н. э.) (рис. 3). В нашей трактовке эта многофигурная композиция иллюстрирует миф о многочисленных превращениях Загрея перед растерзанием Титанами и изображает сцены «взаимопроникновения» и «превращения»: а) льва в копытное животное – голова льва и оленя тесно соприкасаются по контуру, а львиная грива будто переходит в напоминающие буйную конскую гриву пальметидные рога оленя, создавая визуальный образ их слияния; б) оленя в грифона – в результате «взаиморастворения» их голов олений рог в форме птичьей лапы, характерный для оленей на золотых обкладках ножен меча из Солохи

Рис. 3. Золотой налобник. Бердянский курган (по: Канторович, 2020, с. 203, рис. 4).
Fig. 3. Golden frontlet. Berdyansk barrow (after Kantorovich, 2020, p. 203, fig. 4).

Рис. 4. Золотая обкладка ножен меча. Солоха, боковое погребение (по: Алексеев, 2012, с.164).
Fig. 4. Golden sword scabbard plate. Solokha, side burial (after Alekseyev, 2012, p. 164).

(рис. 4), Куль-Обы (рис. 5) и Великой Белозёрки (рис. 6), можно рассматривать одновременно как мотив образа «рогатого грифона», самого оленя – как мифического коня, а его пятнистую шкуру с парными точками и насечками – как признак последующего превращения в леопарда (согласно мифу, в тигра); в) леопарда в быка, о чём свидетельствует раздвоенный силуэт его туловища, шеи и головы с бычьими рогами.

Во всех изображениях, кроме грифона, присутствует мотив «малой лопатки» (плечевого сустава в виде полуовала или завитка), обрамлённой широкой полосой с поперечным рифлением, возможно, имитирующим шерсть). Использование этого мотива является приёмом изображения «взаимопроникновения» животных (обращает на себя внимание форма переходящей в переднюю конечность лопатки – во всех вариантах они напоминают вывернутое в противоположную сторону бедро, «проникающее» в тело животного в месте, окаймлённом широкой рельефной и рифлённой полосой). Образ оленя (рис. 3–6) ассоциируется у нас с «монадой нового бога»: форма рогов оленя, напоминающая птичью лапку, символизирует Аполлона, являясь аллюзией на название острова Делос (место рождения Аполлона), который раньше назы-

вался Ортигией (*Перепёлкой*) (Лосев, 1996, с. 412), а «глазные отростки» в виде лироподобных бычьих рогов, в нашей трактовке, совмещают аполлонийскую и дионисийскую символику, обозначая воскресение Загрея.

4. Золотая обкладка ножен меча из бокового погребения кургана Солоха (400–375 гг. до н.э.) (рис. 4). В нашей трактовке лев и львица на боковых пластинах изображены без объектов терзания и размещены над секциями со львами, «превращающимися» в оленей на основной пластине. Стилизация рогов оленя сходна с той, что на бердянском налобнике (рис. 3) и на обкладках ножен меча из Куль-Обы (рис. 5) и Великой Белозёрки (рис. 6): лироподобные «глазные отростки», напоминающие бычьи рога, и далее – напоминающая птичью лапу ветвь с пальметоидным окончанием. Контур головы льва на большой боковой пластине переходит в контур крайней полосы «жемчужника», имитирующего гриву за лопаткой льва, размещённого в устье основной пластины. Таким приёмом, на наш взгляд, достигается визуальная и семантическая цельность композиции, выражающей процесс «трансформации», начиная с большой верхней пластины, переходящей в первую треть основной пластины и далее – во вторую треть основной пластины и выше – на малую

Рис. 5. Золотая обкладка ножен меча. Куль-Оба (по: Алексеев, 2012, с. 178)

Fig. 5. Golden sword scabbard plate. Kul-Oba (after Alekseyev, 2012, p. 178)

боковую пластину, где изображение львицы/ молодого льва показывает нам направление и промежуточный образ дальнейшей «трансформации» в грифона на последней трети пластины. Грифон, в свою очередь, обращён головой в сторону следующего за ним кошачьего хищника (а не в противоположную, как следовало бы ожидать в случае «преследования» или «терзания»). Поза, небольшой размер и отсутствие агрессивных черт у завершающего композицию кошачьего хищника без гривы (вероятно, тигра, если следовать тексту мифа) также исключают «преследование» или «терзание» им грифона. Все образы двух-ярусной многофигурной композиции содержат мотив обособленной (выпуклой и рельефно выделенной) лопатки, что, как мы предполагаем, несёт в себе семантику «превращения».

5. Золотая обкладка ножен меча из Куль-Обы (345–335 гг. до н.э.) (рис. 5). В нашей трактовке, если рассматривать персонажи композиции в аспекте мифа о Дионисе-Загрее, сцены терзания иллюстрируют череду «превращений». Первая группа образов состоит из льва, «превращающегося» в оленя, и оленя – в грифона. Контур «оленьего рога», продолжая контур головы грифона, совпадает с контуром шеи, спины и лопатки оленя. Голова грифона соприкасается с головой копытного, «растворяясь» в ней. Следовательно, «глазные отростки» и весь «рог оленя» можно трактовать как атрибут «рогатого дракона». Примечательно совпадение художественного приёма взаимного слияния контуров грифона и оленя, а также моделировка образов (в частности, схожесть очертания рога) в изображении на золотом налобнике из Бердянского кургана (рис. 3) – лироподобные «глазные отростки» и одна пальметоид-

ная ветвь, схожая с птичьей лапой. Ещё одна важная, на наш взгляд, деталь единства образов в сцене «превращения» – это рифлёный выпуклый валик, тянущийся вдоль груди грифона, через его клюв, вдоль шеи оленя к лопатке, окаймляя её большим полукругом по внешнему краю.

Следующий эпизод «превращений» (согласно мифу, тигра – в быка) можем проследить во «взаимопроникновении» кошачьего хищника без гривы в животного со стилизованными бычьими рогами. Контурно обособленные и рельефно выделенные лопатки у оленя, льва, тигра и быка символизируют факт «трансформации» и обозначают место «проникновения» одного животного в другое. Облик «морского коня» на боковой пластине изображает сцену «превращения» коня в дракона / змея (представлены два отростка змеиного хвоста с острым и серповидным окончаниями, моделированные в f-образную фигуру).

6. Золотая обкладка ножен меча из Великой Белозёрки (последняя треть IV в. до н. э.) (рис. 6). В нашей трактовке слияние контура головы льва и крупа оленя, а также шеи оленя и головы грифона изображают череду превращений одного животного в другое. В этом отношении примечательна форма оленьего рога, схожая с изображениями на бердянском налобнике (рис. 3) и куль-обской обкладке ножен меча (рис. 5): с двумя лироподобными «глазными отростками» рогов и прямой ветви с пальметоидным окончанием (напоминающим птичью лапу). Голова оленя размещена неестественно – контур головы, переднего и заднего контуров шеи и спины не имеют плавного очертания. Их надломленность и включение головы грифона в линию их очертания, очевидно, иллюстрирует сцену «превращения». Грудину грифона и оленя соединя-

Рис. 6. Золотая обкладка ножен меча. Великая Белозерка (по: Канторович, 2020, с. 202, рис. 5).
Fig. 6. Golden sword scabbard plate. Velikaya Belozerka (after Kantorovich, 2020, p. 202, fig. 5).

ет отмеченный нами ранее на куль-обской обкладке ножен меча (рис. 5) выпуклый рифлёный валик – облекая шею грифона и пронизывая его клюв, он переходит вдоль шеи оленя до его груди. Пятнистый окрас оленя и изображение двух схожих пятнистых хищников разного роста, следующих друг за другом, иллюстрируют последующую «трансформацию» грифона в леопарда/ барса (или дракона в тигра, согласно мифу), при этом приём дублирования образа кошачьего хищника с уменьшением его размера содержит идею его последующего превращения в женскую и далее – в молодую особь. В каждом образе многофигурной композиции присутствует мотив обособленной и выпуклой лопатки, символизирующий, по нашему мнению, идею «трансформации» и «место» возникновения нового образа в цепи превращений. Обращает на себя внимание одинаковая форма полуовала с завитком на лопатках у оленя и грифона, соединённых друг с другом в этом месте крупным рифлёным валиком.

Состав звериных образов в рассмотренных многофигурных композициях приведён в Таблице 1.

Приведённые в Таблице 1 данные демонстрируют повторяемость зооморфных образов в многофигурных композициях и их относительно точное соответствие перечню животных у Нонна, однако следует отметить некоторую специфику.

Конь изображён как гиппокамп (в процессе «трансформации»), или с расходящейся из одного пучка гривой (стилизованной в виде оленя), или с рогами, являющимися мотивом образа грифона (т.е. также в процессе «трансформации»); в одном случае можно предположить изображение осла.

Упомянутый у Нонна рогатый дракон с чешуйчатым телом изображён как огром-

ных размеров змей с раздвоенным окончанием хвоста или как часть гиппокампа с двумя огромными чешуйчатыми кольцами змеиного хвоста – с острым и серповидным окончанием; в составе четырёх композиций изображён грифон с телом кошачьего хищника, крыльями и клювовидной мордой; в одном случае изображено синкретическое существо (кошачий хищник с хвостом волка с гребнем рептилии и ухом копытного/ волка/ грифона).

Своеобразие передачи образа тигра заключается в акцентировании «пёстрой шкуры», которая в трёх изображениях трактуется художником как окрас леопарда или барса.

Замыкающее череду трансформаций животное, упоминаемое у Нонна как бык, в скифских композициях изображено в виде рогатых существ, своеобразно стилизованных в виде протомы барана (козла), полнофигурного изображения опытного с козлиными рогами, а также в виде силуэта быка позади пятнистого кошачьего хищника с бычьими рогами (т.е. в процессе «трансформации»).

Процесс «трансформации» и его направление передаётся с помощью целого ряда приёмов: наложение фигур одна на другую таким образом, что мотивы их образов становятся общими; акцентированное использование мотива одного зооморфного образа в ряду других зооморфных образов, предшествующих ему в процессе «трансформации»; дублирование зооморфных образов как персонажей предыдущей и следующей «трансформации»; изображение молодой особи или особи женского пола как промежуточного звена следующей «трансформации»; объединение в одну композицию образов, находящихся в двух ярусах; разделение композиции на секции с дублированием образов, указывающее на ход «трансформации»; направлен-

Таблица 1. Состав зооморфных образов многофигурных композиций в сценах терзания
Table 1. Zoomorphic images of multi-figure compositions in the mauling scenes

№	Оформляемый/ украшаемый предмет	Происхождение (комплекс)	Зооморфные образы						
			дракон (грифон/змея)	конь/«олень» с конской гривой/ «олень» с рогом грифона/ осёл	олень	лев	львица	леопард/ барс/ патера/ тигр	бык/ козёл/ баран
1.	Золотая обкладка колчана	Ильичёвск, курган 1, погр. 6	+	–	+	+	–	+	–
2.	Золотая бляха щита или горита	Курган Куль-Оба	+	+	+	+	–	+	+
3.	Золотой конский налобник- наносник	Бердянский курган, центральная могила	+	+	–	+	–	+	+
4.	Золотая обкладка ножен меча	Курган Солоха, боковое погребение	+	–	+	+	+	+	–
5.	Золотая обкладка ножен меча	Курган Куль-Оба	+	+	+	+	–	+	+
6.	Золотая обкладка ножен меча	Курган Великая Белозерка	+	–	+	+	+	+	–

ность туловища и головы животного в сторону образа следующей трансформации».

Особым смысловым значением, воплощающим саму идею «трансформации», наделён мотив «акцентированной лопатки», использованный в большинстве образов и обозначающий «место» возникновения нового персонажа в цепи превращений. Динамика движения персонажей композиций выражена приёмами взаимопроникновения образов и взаимопересечения криволинейных поверхностей их контуров.

Сцены схватки животных в скифском искусстве выражали идею жертвоприношения, в которой заложена глобальная концепция единства и взаимообусловленности жизни и смерти, а также идею смерти во имя сохранения и возрождения жизни, причём изображения сцен терзания выступают метафорической формулой-заклинанием, обеспечивающей защиту и поддержку высших сил. В искусстве древних кочевников изображение выступало эквивалентом действия, следовательно, воплощённая и материализованная в художественной форме идея жертвоприношения выполняла роль апотропея (Раевский,

2006, с. 440; Королькова, 2020, с. 21 –29). Золотые изделия с изображениями сцен терзания по сюжету орфического мифа, возможно, были ритуальными предметами погребального обряда, выполнявшими функцию апотропея героизированного представителя скифской элиты.

Выводы

В заключение необходимо отметить, что анализ шести многофигурных композиций, выполненных в восточноевропейском скифском зверином стиле, которые традиционно трактуются как сцены терзания (в частности, копытного кошачьим хищником и грифоном), позволяет предполагать, что в них отражён древнегреческий миф о борьбе Титанами Диониса-Загрея перед своей гибелью, изложенный в «Песнях о Дионисе» Нонна Панополитанского. Образная система композиции состоит из персонажей мифа о зооморфных превращениях Загрея во время схватки с Титанами, однако заметно некоторое отличие в воплощении элементов мифа средствами изобразительного искусства в скифском зверином стиле от того, как он представлен в литературной форме в изложении Нонна.

Возможно, скифская художественная традиция изложения событий орфического мифа отличалась от древнегреческой устной и письменной традиции. Так, во всех композициях присутствует образ оленя и является в них центральным или несколько раз повторяется. В сценах терзания животными друг друга,

символизирующих идею жертвоприношения и традиционных для всего скифо-сибирского звериного стиля, воплощены идеи орфизма и пифагореизма, о бессмертии души, созвучные мировоззрениям номадов о круговороте жизни и жертвоприношении во имя мирового порядка.

Приложение

*Нонн Панополитанский. Песни о Дионисе VI (165–205)*¹³

165 Дева Загрея родит, рогатое чадо: свободно
 К Зевса небесному трону восходит младенец, ручонкой
 Молнию бога берет, и подьмет он, новорожденный.
 Детской ладонью своей, как легчайшее бремя, перуны.
 Только неделю он был близ Зевсова трона: титаны,
 170 Верные ярости Геры, тяжёлой во гневе, чужому
 Демону смазали лик потихоньку кругами из мела
 Хитрого и тартарийским ножом его лик повредили,
 Как перед зеркалом он увидал изменившийся облик.
 Но, расчленённый железом титанов и с жизнью расставшись,
 175 В самой кончине своей Дионис получил возрождение;
 Разнообразно меняя свой вид, становился другим он —
 То как коварный *Кронид молодой*, потрясая эгидой.
 То как медлительный *Кронос, старик*, насылающий ливни;
 Был он как пёстрый обличьем *младенец*, как *юноша* пылкий
 180 С виду, чей пух молодой лишь едва начинал пробиваться
 И обрамлял подбородок Загрея темнеющим краем,
 То он уподобился *льву*, воспылавшему гневом ужасным,
 Пасть изрыгала его приводящее в трепет рычанье.
 Он выпрямлял свою шею, густой осенённую шерстью.
 185 Гриву косматых волос, обвивающих спину крутую,
 Тыча вокруг хвостом подвижным в расстоянии тела.
 Вдруг он свой облик менял: вместо львиного лика казался
 Неукротимым *конем*, издающим звонкое ржанье,
 С гребнем высоким, узду прикусившим зубом надменным,
 190 Стёртую челюсть свою орошающим белою пеной.
 То превращался в *дракона* с рогами, с чешуйчатым телом,
 Пастью огромной своей издавая шипящие свисты,
 Высунув тонкий язык из зияющего подбородка.
 Так он драконом вскочил на угрюмое темя титана,
 195 Крепко связав его шею змеящимся вокруг ожерельем;
 После покинув всегда подвижное змеиное тело,
Тигром он стал, запятнав свою пеструю шкуру, а после
 Преобразился в *быка* и, издав его мордой мычанье.
 Начал титанов бодать заостренным рогом бычачьим.
 200 Так, нападая, он жизнь защищал; но завистливой глоткой
 В воздухе вдруг загремела свирепым мычанием Гера,
 Мачеха, тяжкая гневом; от этого рёва богини
 Шум пробежал в небесах, застонали ворота Олимпа:
 Бык дерзновенный припал — и убийцы рассекли на части
 205 Плоть Диониса в бычачьей природе своими ножами.

Примечания:

¹ См. библиографию о связях античных городов Северного Причерноморья с элевсинским святилищем, начиная с последней трети V в. до н.э. (Кузина, 2008).

² См. библиографию (Кузина, 2008).

³ См. подробнее (Макаров, 1999).

⁴ См. подробнее (Русяева, 1978).

⁵ См. подробнее (Геродот IV, 76, 78-80).

⁶ См. подробнее о сифском пантеоне (Геродот, IV, 59).

⁷ См. подробнее трактовку сцен “приобщения” (Бессонова, 1983, с. 98–105). В этой связи см. дионисийскую тематику сюжетов синкретических образов на золотых изделиях в скифском зверином стиле из Северного Причерноморья (Добровольский и др. 2023).

⁸ Орел являлся птицей самого Зевса и постоянно находился около него на Олимпе – сам Зевс некогда был этим орлом, и уже только позднее орел стал одним из его атрибутов (Лосев, 1996, с. 52).

⁹ А.Ф. Лосев отмечает: «Характерно подчеркивание в орфических материалах растерзания Диониса именно на семь частей: этим, несомненно, хотели сказать, что Дионису причастен весь мир, все мироздание (понимавшееся тогда в виде семи небесных сфер)» (Лосев, 1996, с. 182).

¹⁰ См. о жертвоприношении ослов Аполлону (Лосев, 1996, с. 391, 454, 610).

¹¹ См. памятники северопричерноморской вазописи: изображения Диониса с пантерой у ног и верхом на пантере (Скржинская, 2012).

¹² «Аполлоновская монада противопоставляется диаде Диониса и в то же время воссоединяется с ней: демиург, с одной стороны, приводит мировой ум к дроблению, чтобы из него появились отдельные существа и вещи, – и на мифическом языке это есть растерзание Диониса на семь частей, – с другой стороны, демиург воссоединяет раздробленную мировую цельность, и делает он это с помощью Аполлона, который, будучи *гебдомагетом* (*седмичником*), воссоединяет члены тела растерзанного на семь частей Диониса, так что воссоединенное множество теперь уже перестает быть безразличным и нераздельным единством, но становится порядком (*taxis*) и гармонией (*harmonia*)» (Лосев, 1996, с. 594).

¹³ Перевод Д.С. Недовича (цит. по: Лосев, 1996, с. 202).

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А.Ю. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб.: ГЭ, 2012. 272 с.
- Артамонов М.И. Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. Вып. 2 / Ред. М. И. Артамонов. Л.: ГЭ, 1961. С. 57–87.
- Артамонов М.И. К вопросу о происхождении скифского искусства // СГЭ. Вып. 22. Л.: ГЭ, 1962. С. 30–35.
- Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до конца IV в. до н. э.). Л.: Ленинград ун-т, 1974. 156 с.
- Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. Киев: Наукова думка, 1983. 140 с.
- Блаватский В.Д. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (VII–V вв. до н.э.) // СА. 1964. № 2. С. 13–26.
- Геродот. История в 9 кн. Перевод и прим. Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. 600 с.
- Грач А.Д. Произведения скифо-сибирского искусства в пределах этнокультурных зон азиатских степей // Тезисы докладов III Всесоюзной конференции по скифо-сарматской археологии (Скифо-сибирский «звериный» стиль). М.: ИА АН СССР, 1972. С. 29–30.
- Добровольский Л.С. Апотропеические образы восточноевропейского скифского звериного стиля // Вестник антропологии. 2023. № 2. С. 86–104. DOI: 10.33876/2311-0546/2023-2/86-104.
- Добровольский Л.С., Сыдыков Е.Б., Умиткалиев У.У., Каженова Г.Т. Семантика образов «грифоно-гиппокампа» и «рогатой рыбы» в скифском зверином стиле восточноевропейской зоны // Поволжская археология. 2023. № 1 (43). С. 113–126. DOI: 10.24852/ра2023.1.43.113.126.
- Канторович А.Р. Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция. Дисс... докт. ист. наук. Москва, 2015. 1724 с.
- Канторович А.Р. Сцены преследования, терзания и поглощения в восточноевропейском скифском зверином стиле (проблема интерпретации и статистические показатели) // ДИАЛОГ 2017–2018. Дихотомия искусства в археологии: локус, образы, генезис / Отв. ред. Е. С. Леванова, Н. Ю. Смирнов. М.: ИА РАН, 2020. С. 192–231.

Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (7–4 вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 272 с.

Королькова Е.Ф. Следы невиданных зверей (к проблеме трактовки фантастических образов) // АСГЭ. Вып. 40 / Ред. Т.Б. Сениченкова. СПб: ГЭ, 2015. С. 157–188.

Королькова Е.Ф. Хищник и жертва: формула «Смерть – Жизнь» // ДИАЛОГ 2017–2018. Дихотомия искусства в археологии: локус, образы, генезис / Отв. ред. Е. С. Леванова, Н. Ю. Смирнов. М.: ИА РАН, 2020. С. 17–31.

Кузина Н.В. Элевсинские сакральные традиции и культ Диониса в античных государствах Северного Причерноморья // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 6. С. 178–182.

Кузьмина Е.Е. О синкретизме образов скифского искусства в связи с особенностями религиозных представлений иранцев // Тезисы докладов III Всесоюзной конференции по скифо-сарматской археологии (Скифо-сибирский «звериный» стиль). М.: ИА АН СССР, 1972. С. 51–52.

Кузьмина Е.Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1976а. С. 52–65.

Кузьмина Е.Е. О семантике изображений на Чертомлыцкой вазе // СА. 1976б. № 3. С. 68–71.

Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М.: Мысль. 1996. 975 с.

Макаров И.А. Орфизм и греческое общество в VI–IV вв. до н.э. // ВДИ. 1999. № 1 (228). С. 8–19.

Мифологический словарь / Ред. Е.М. Мелетинский. М.: Советская энциклопедия, 1990. 672 с.

Переводчикова Е.В. Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.: Восточная литература, 1994. 206 с.

Полідович Ю.Б. Пластина – обкладка горита из кургана первой половины V в. до н.э. у с. Ильчєво (Крым) // Музейні читання. Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво – погляд крізь віки» / Ред. Клочко Л.С., Полідович Ю.Б. Київ: Фенікс, 2017. С. 89–108.

Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племён. Опыт реконструкции скифской мифологии. М.: Наука, 1977. 214 с.

Раевский Д.С. Мир скифской культуры. М.: Языки славянских культур, 2006. 598 с.

Русяева А.С. Орфизм и культ Диониса в Ольвии // ВДИ. 1978. № 1. С. 87–105.

Скржинская М.В. Мифы о богах в культуре и искусстве античных государств Северного Причерноморья // Боспорские исследования. 2012. XXVI. С. 59–167.

Топоров В.Н. К происхождению некоторых поэтических символов. Палеолитическая эпоха // Ранние формы искусства / Ред. Е.М. Мелетинский. М.: Искусство, 1972. С. 77–103.

Федоров-Давыдов Г.А. О сценах терзаний и борьбы зверей в памятниках скифо-сибирского искусства // Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 3 / Отв. ред. В.М. Массон. Л.: Наука, 1975. С. 23–28.

Шеллинг Ф.В. Система трансцендентального идеализма. Л.: ОГИЗ СОЦЭКГИЗ. 1936. 479 с.

Farkas A. Interpreting Scythian Art: East vs. West // *Artibus Asiae*. 1977. No. (39) 2. P. 124–138.

Hartner W. The Earliest History of the Constellations in the Near East and the Motif of the Lion-Bull Combat // *Journal of Near Eastern Studies*. 1965. No. (24) 1/2. P. 1–16.

Hartner W., Ettinghausen R. The Conquering Lion, the Life Cycle of a Symbol // *Oriens*. 1965. No. (17). P. 161–171.

Информация об авторах:

Добровольский Любомир Степанович, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, обучающийся (г. Астана, Республика Казахстан); lubomirdobrovolskiy@gmail.com <https://orcid.org/0000-0003-1392-5355>

Умиткалиев Улан Умиткалиевич, кандидат исторических наук, доцент. Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва (г. Астана, Республика Казахстан); uumitkaliev@bk.ru <https://orcid.org/0000-0002-7870-0045>

REFERENCES

Alekseev, A. Yu. 2012. *Zoloto skifskikh tsarey v sobranii Ermitazha (The Gold of the Scythian Kings)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum (in Russian).

Artamonov, M. I. 1961. In Artamonov, M. I. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum) 2*. Leningrad: State Hermitage Museum, 57–87 (in Russian).

Artamonov, M. I. 1962. In *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha (Reports of the State Hermitage Museum) 22*. Leningrad: the State Hermitage Publ., 30–35 (in Russian).

Artamonov, M. I. 1974. *Kimmeriytsy i skify (ot poyavleniya na istoricheskoy arene do kontsa IV v. do n. e.) (The Cimmerians and Scythians (from their appearance on the historical arena to the end of the IV century BC))*. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).

Bessonova, S. S. 1983. *Religioznye predstavleniya skifov (Scythian religious beliefs)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).

Blavatsky, V. D. 1964. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology) (2)*, 13–26 (in Russian).

Gerodot. Istoriia v 9 knigakh (Herodotus. History in 9 books). 1972. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

Grach, A. D. 1972. In *Tezisy dokladov III Vsesoyuznoy konferentsii po skifo-sarmatskoy arkheologii (Skifo-sibirskiy «zverinyy» stil') (Abstracts of the III All-Union conference on the Scythian-Sarmatian archaeology (Scythian-Siberian "animal" style))*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute for Archaeology, 29–30 (in Russian).

Dobrovolskiy, L. S. 2023. In *Vestnik antropologii (Herald of Anthropology) (2)*, 86–104 DOI: 10.33876/2311-0546/2023-2/86-104 (in Russian).

Dobrovolskiy, L. S., Sydykov, E. B., Umitkaliev, U. U., Kazhenova, G. T. 2023. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology) 43 (1)*, 113–126 (in Russian).

Kantorovich, A. R. 2015. *Skifskii zverinyi stil' Vostochnoi Evropy: klassifikatsiia, tipologiia, khronologiia, evoliutsiia (Scythian Animal Style of Eastern Europe: Classification, Typology, Chronology, Evolution)*. PhD Diss. Moscow (in Russian).

Kantorovich, A. R. 2020. In Levanova, E. S., Smirnov, N. Yu. (eds.). *DIALOG 2017–2018. Dikhotomiya iskusstva v arkheologii: lokus, obrazy, genesis (Dialogue 2017-2018. Dichotomy of art in archaeology: locus, images, genesis)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 192–231 (in Russian).

Korolkova, E. F. 2006. *Zverinyi stil' Evrazii. Iskusstvo plemen Nizhnego Povolzh'ia i Iuzhnogo Priural'ia v skifskuiu epokhu (7–4 vv. do n.e.). Problemy stilia i etnokul'turnoi prinadlezhnosti (Zoomorphic Style of Eurasia. The Art of the Tribes of the Lower Volga Region and the Southern Urals during the Scythian Era (7th–4th Centuries B.C.). Issues of style and ethnic-cultural identity)*. Saint Petersburg: “Peterburgskoe vostokovedenie” Publ. (in Russian).

Korolkova, E. F. 2015. In Senichenkova, T. B. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum) 40*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 157–188 (in Russian).

Korolkova, E. F. 2020. In Levanova, E. S., Smirnov, N. Yu. (eds.). *DIALOG 2017–2018. Dikhotomiya iskusstva v arkheologii: lokus, obrazy, genesis (Dialogue 2017-2018. Dichotomy of art in archaeology: locus, images, genesis)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 17–31 (in Russian).

Kuzina, N. V. 2008. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo (Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod) (6)*, 178–182

Kuz'mina, E. E. 1972. In *Tezisy dokladov III Vsesoyuznoy konferentsii po skifo-sarmatskoy arkheologii (Skifo-sibirskiy «zverinyy» stil') (Abstracts of the III All-Union conference on Scythian-Sarmatian archaeology (Scythian-Siberian "animal" style))*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute for Archaeology, 51–52 (in Russian).

Kuz'mina, E. E. 1976a. In Melyukova, A. I., Moshkova, M. G. (eds.). *Skifo-sibirskiy zverinyi stil' v iskusstve narodov Evrazii (Scythian-Siberian animal style in the art of the peoples of Eurasia)*. Moscow: “Nauka” Publ., 52–65 (in Russian).

Kuz'mina, E. E. 1976. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology) (3)*, 68–71 (in Russian).

Losev, A. F. 1996. *Mifologiya grekov i rimlyan (Mythology of the Greeks and Romans)*. Moscow: "Mysl" Publ. (in Russian).

Makarov, I. A. 1999. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* 228 (1), 8–19 (in Russian).

Meletinsky, E. M. (ed.) 1990. *Mifologicheskiy slovar' (Mythology Dictionary)*. Moscow: "Sovetskaya entsiklopediya" Publ. (in Russian).

Perevodchikova, E. V. 1994. *Iazyk zverinykh obrazov. Ocherki iskusstva evraziiskikh stepei skifskoi epokhi (Language of Animal Images. Sketches of Art from Eurasian Steppes in Scythian Time)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).

Polidovich, Yu. B. 2017. In Klochko, L. S., Polidovich, Yu. B. (eds.). *Muzeini chytannia. Materialy naukovoi konferentsii "Iuvelirne mystetstvo – pohliad kriz viky" (Museum studies. Proceeding of the scientific conference "Jewelry art - a view throw the times")*. Kyiv: "Feniks" Publ., 89–108 (in Russian).

Raevsky, D. S. 1977. *Ocherki ideologii skifo-sakskikh plemen. Opyt rekonstruktsii skifskoy mifologii (Essays on the ideology of the Scythian-Saka tribes. The reconstruction experience of Scythian mythology)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Raevsky, D. S. 2006. *Mir skifskoy kul'tury (World of Scythian culture)*. Moscow: "Yazyki slavyanskikh kul'tur" Publ. (in Russian).

Rusyaeva, A. S. 1978. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* (1), 87–105 (in Russian).

Skrzhinskaya, M. V. 2012. In *Bosporskie issledovaniia (Bosporan Studies)* XXVI, 104–132 (in Russian).

Toporov, V. N. 1972. In Meletinsky, E. M. (ed.). *Rannie formy iskusstva (Early art forms)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ., 77–103 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. In Masson, V. M. (ed.). *Uspekhi sredneaziatskoy arkheologii (Achievements of Central Asian archaeology)*. Leningrad: "Nauka" Publ., 23–28 (in Russian).

Shelling, F. V. 1936. *Sistema transsentsdental'nogo idealizma (System of Transcendental Idealism)*. Leningrad: "Sotsekgiz" Publ. (in Russian).

Farkas, A. 1977. In *Artibus Asiae* (39) 2, 124–138.

Hartner, W. 1965. In *Journal of Near Eastern Studies*. (24) 1/2, 1–16.

Hartner, W., Ettinghausen, R. 1965. In *Oriens*. (17), 161–171.

About the Authors:

Dobrovolskiy Liubomyr S. Department of Archaeology and Ethnology. L.N. Gumilyov Eurasian National University. Pushkin str., 11, Astana, 010008, Republic of Kazakhstan; lubomirdobrovolskiy@gmail.com <https://orcid.org/0000-0003-1392-5355>

Umitkaliev Ulan U. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Head of the Department of Archaeology and Ethnology. L.N. Gumilyov Eurasian National University. Pushkin str., 11, Astana, 010008, Republic of Kazakhstan; uumitkaliev@bk.ru <https://orcid.org/0000-0002-7870-0045>

Статья поступила в журнал 01.08.2023 г.
Статья принята к публикации 01.10.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.5.38.68>

КЛАД С РЕКИ БУДУН-ГОЛ С КОТЛАМИ «СКИФСКОГО ТИПА» И РИТУАЛЬНЫМИ ТРЕНОЖНИКАМИ «ДИН»: К ВОПРОСУ О СУДЬБАХ ТРОФЕЙНОГО МЕТАЛЛОЛОМА В ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЯХ

©2023 г. А.А. Ковалев

В статье предпринято исследование проблемы формирования клада бронзовых котлов ранне-скифского времени и китайских ритуальных треножников «дин», обнаруженного на реке Будун-гол в Худэр сомоне Сэлэнгэ аймака Монголии, недалеко от границы Республики Бурятия. Ранее треножники «дин» вместе с котлом «скифского типа» были найдены в составе «клада металлурга» из Сибоцзы (Пекин), который также был оставлен некитайским населением. Как показано в статье, треножники «дин» из обоих кладов происходят с территорий владений Цзинь, Цинь или с Центральной равнины. Найденные на Будун-гол котлы «скифского» типа с кольцевыми ручками, имеющими центральный желобок и вертикальный выступ, скорее всего, происходят из Синьцзяна. Ритуальные сосуды в чжоуском Китае не могли быть предметом торговли или обмена вследствие своей сакральной значимости, а, судя по находкам «скифских» котлов в Китае, племена, совершавшие набеги на Чжоу, использовали котлы с арочными ручками типа найденного в Сибоцзы. Таким образом, треножники «дин» из обоих кладов и котлы с кольцевыми ручками с Будун-Гол были военными трофеями, захваченными как вторичное металлургическое сырье. Добыча бронзового лома была одной из главных целей набегов варварских племен, потрясавших чжоуский Китай в IX-VII вв. до н.э. Наличие большого количества свинца как особенность состава древнекитайской бронзы позволяет предварительно проследить пути распространения трофейного металлолома. Аномально высокое содержание свинца зафиксировано в некоторых бронзовых предметах из Забайкалья, а также в комплекте конского снаряжения аржаномайемирского времени из кургана Элекмонар II-1 (Республика Алтай). Изучение характера вторичного использования бронз в культурах раннего железного века Северной Евразии имеет большие перспективы в свете развития новых научных подходов при условии привлечения данных о химическом составе источников руды.

Ключевые слова: археология, Монголия, Китай, Бурятия, Алтай, Синьцзян, период Восточное Чжоу, раннескифское время, клады, бронзовые котлы, треножники «дин», переплавка бронзовых изделий, набеги варваров «жунди».

TREASURE FROM THE BUDUUN-GOL RIVER WITH “SCYTHIAN-TYPE” CAULDRONS AND “DING” RITUAL TRIPODS: ON THE DISTRIBUTION OF TROPHY SCRAP-METAL IN THE EURASIAN STEPPES

A. A. Kovalev

The article investigates the problem of the formation of a hoard composed from early bronze “Scythian-type” cauldrons with ring-shape handles and Eastren Zhou ritual tripods “ding”, found on the river Buduun-gol in the Khuder sum of the Selenge aimag of Mongolia, not far from the border of the Republic of Buryatia. Previously, tripods “ding” together with a “Scythian-type” cauldrons were found in the “metallurgist's hoard” from Xibozi (Beijing City), which was also left by the some non-Chinese tribe. As shown in the article, the tripods “ding” from both hoards come from the territory of the states of Jin, Qin or from Central Plain. The cauldrons with ring-shape handles with with groove and vertical protrusion found at Buduun-gol most likely also come from a remote area - from Xinjiang. Ritual vessels in Zhou China could not be traded or exchanged due to their sacred significance, and, according to finds of “Scythian-type” cauldrons in China, the tribes that raided the Zhou did not use cauldrons with ring-shaped handles, but cauldrons with arched handles like had been found in Xibozi. Thus, “ding” tripods from both hoards and cauldrons from Buduun-gol were trophy of war captured as secondary metallurgical raw materials. The assumption is confirmed that the robbery of bronze scrap was

one of the main goals of the raids of barbarian tribes that shook Zhou China in the 9th–7th centuries BC. The presence of a large amount of lead as a feature of the composition of ancient Chinese bronze makes it possible to preliminarily trace the distribution of trophy scrap metal. An anomalously high lead content was recorded in some Early Iron Age bronze artifacts from Transbaikalia, as well as in a set of bronze horse equipment of the Arzhan-Mayemir period from the Elekmonar II-1 mound (Altai Republic). The future study of the nature of the secondary use of bronzes in the Northern Eurasia has great prospects in the light of the development of new scientific approaches provided knowledge of the chemical composition of ore sources.

Keywords: archaeology, Mongolia, China, Transbaikalia, Altai, Xinjiang, Eastern Zhou period, Early Scythian period, hoards, bronze cauldrons, “ding” tripods, re-melting of bronzes, raids of the “Rong-Di” barbarians.

В ноябре 2016 г. в полицию Сэлэнгэ аймака Монголии поступили шесть массивных металлических сосудов, по словам находчиков обнаруженных при строительстве подъездных путей к разрезу ООО «Basic Metal Mining» на реке Будун-Гол в Худэр сомоне Сэлэнгэ аймака; описание и схематичные рисунки предметов вскоре были опубликованы сотрудниками Института археологии АН Монголии (Галдан и др., 2017, с. 333–335 (в pdf-издании 328–330), рис. 4). Конфискация уникальных сосудов полицией стала следствием широкой общественной кампании, развернутой проф. Д. Эрдэнэбаатором, обнаружившим в соцсетях объявление о криминальной продаже археологического достояния (Эрдэнэбаатар, 2016). Находчики пытались завлечь покупателей фотографиями, часть из которых сохранилась на интернет-ресурсах и является сегодня одним из источников наших знаний о комплексе (рис. 1). Насколько нам известно, клад с р. Будун-Гол до сих пор не получил отклика в научной литературе, хотя представляет исключительное значение для исследования культурно-исторических процессов в Восточной Азии раннего железного века, характера взаимоотношений чжоуского Китая и скотоводческих племен «северной периферии».

Речка Будун-Гол является правым притоком реки Шара-Гол, притока реки Худрийн-Гол (Худэр), впадающей с юга в реку Чикой, по которой здесь проходит государственная граница Монголии и Российской Федерации (Республика Бурятия). Изучение актуальных спутниковых снимков на ресурсе Google Earth показывает, что строительные работы ООО «Basic Metal Mining» охватывали местность в районе 49° 40' СШ, 107° 32' ВД, в междуречье Шара-Гол и Будун-Гол. Таким образом, находка должна была быть сделана в гористой лесостепи приблизительно в 12 км к югу от центра

Худэр сомона, в 33 км к югу от находящегося у устья р. Худрийн-Гол улуса Цаган-Челутай Кяхтинского района Республики Бурятия.

В состав поступления входят три бронзовых¹ котла «скифского» типа, два бронзовых треножника «дин» (鼎) и один двуручный бронзовый сосуд на поддоне (вероятно, сосуд для зерна «гуй») (簋). Сосуды, вероятно, были литыми, хотя в публикации это не оговаривается. Все они имеют значительные утраты, сильно деформированы. Характер набора артефактов и их состояние приводит к выводу о том, что они составляли так называемый «клад литейщика» – собрание металлического лома для последующей переплавки (Бочкарев, 2010, с. 47).

Для публикации 2017 г. графика была сканирована в ненадлежащем разрешении, в результате чего и в печатной, и в электронной версиях линии рисунка практически не просматриваются, не виден даже масштаб. Нами осуществлена «реконструкция» первоначальных рисунков сосудов (рис. 2). Приведем также их характеристики по фотографиям, рисункам и опубликованному краткому описанию (Галдани др., 2017, с. 333–335 (в pdf-копии 328–330), рис. 4). Предположения о наличии литейных швов на бронзовых котлах сделаны нами на основании выявленных особенностей технологии изготовления аналогичных изделий (Демиденко, 2008, с. 27–42).

– бронзовый котел на поддоне («сосуд № 6») (рис. 1: 1, 2; 2: 1). Около половины тулова сосуда и низ поддона отломаны, трещины на сохранившейся части. Сохранившаяся высота – 36 см, диаметр горла – около 35 см. Толщина стенки 1 см. Венчик отогнут наружу, ширина его 2,2 см. Ручки кольцевидные с округлым выступом и желобком по наружной стороне (Π-образное сечение). На фото виден литейный шов на месте прилива верхней части

Рис. 1. Клад с р. Будун-Гол (Сэлэнгэ аймаг, Монголия). Фотографии, распространявшиеся находчиками. 1 (слева направо) – сосуд №6, сосуд №5, обломки сосуда №4 лежат рядом и на сосуде №3, сосуд №1, сосуд №2; 2 (слева направо) – обломок сосуда №4, в сосуде 5 лежат сосуд №1, на нем сосуд №2 и фрагменты сосуда №3, сосуд №6; 3 – сосуд №2 на сосуде №1 (предоставлены Д.Эрдэнэбаатаром)

Fig. 1. Buduun-gol hoard (Selenge aimag, Mongolia). Photos distributed by the finders. 1 (from left to right) – vessel No. 6, vessel No. 5, fragments of vessel No. 4 lie nearby and on vessel No. 3, vessel No. 1, vessel No. 2; 2 (from left to right) – a fragment of vessel No. 4, inside vessel 5 lies vessel No. 1, on this last one lie vessel No. 2 and fragments of vessel No. 3, vessel No. 6; 3 - vessel No. 2 on vessel No. 1 (courtesy by D. Erdenebaatar)

ручки. По тулову идет горизонтальный литейный шов. Под венчиком также выпуклая (?) линия.

– бронзовый котел на поддоне («сосуд № 5») (рис. 1: 1, 2; 2: 2). Многочисленные утраты на тулове и поддоне. Высота, скорее всего – сосуда (в оригинале – «тулова») 32, 2 см, диаметр горла 30, 7 см, высота ручек – 8,8 см, диаметр ручки – 9,3 см, сохранившаяся высота поддона – 5 см, диаметр – 11, 2 см. Венчик отогнут, под венчиком тонкая рельефная полоска, по тулову – горизонтальный литейный шов. Ручки кольцевидные с конусообразным выступом и желобком по наружной стороне (П-образное сечение). Прилив одной из ручек

не пришелся на должное место. Внутренняя закраина ручки идет по линии обреза устья сосуда. Толщина отогнутого венчика 1,3 см, высота – 0,6–1,1 см. Толщина ручки – 1 см. Толщина стенки тулова 0, 6 см, поддона – 0, 3 см.

– бронзовый котел на поддоне («сосуд № 4») (рис. 1: 1, 2; 2: 3). Обломки, реконструкция. Высота тулова (?) – 30 см, диаметр горла – 31 см, высота ручек – 7, 6 см, диаметр поддона – 9 см. Поддон обломан, сохранившаяся его высота – 0, 7 см. Венчик утолщен, под венчиком тонкая «рельефная» полоска, по верхней части тулова – горизонтальный валик (скорее всего, литейный шов), между ними на

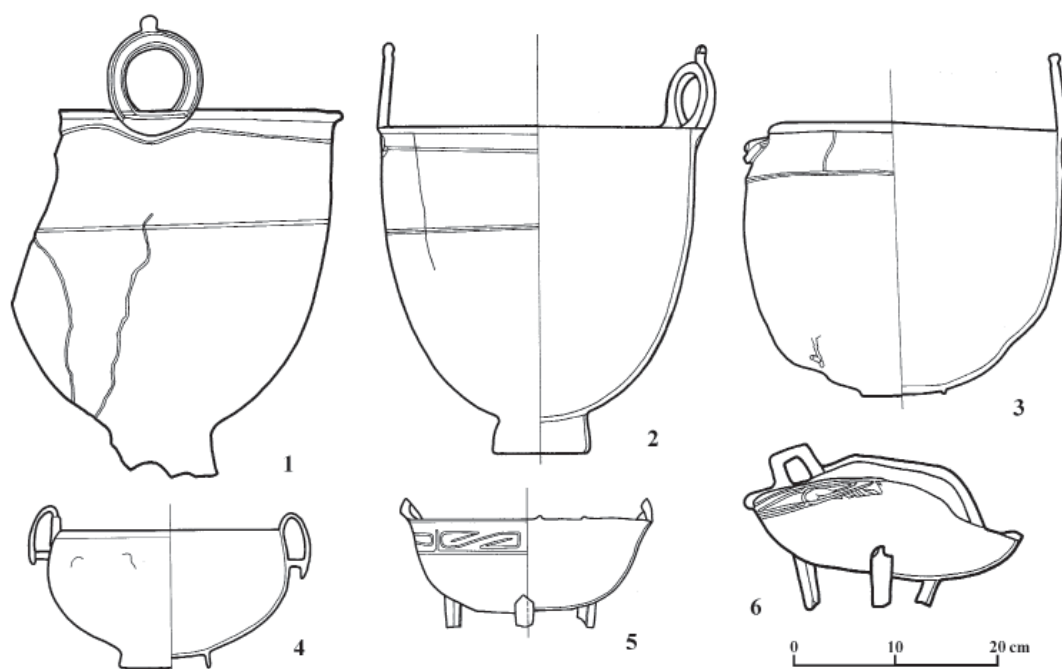

Рис. 2. Клад с р. Будун-Гол (Сэлэнгэ аймаг, Монголия). Прорисовки. 1-3 – бронзовые котлы «скифского» типа (сосуды №6, №5, №4); 4 – бронзовый сосуд «гуй» на поддоне (сосуд №1); 5, 6 – бронзовые треножки «дин» (сосуды №3, №2) (по Галдан и др., 2017)

Fig. 2. Buduun-gol hoard (Selenge aimag, Mongolia). Drawings. 1-3 – “Scythian-type” bronze cauldrons (vessels №6, №5, №4); 4 – bronze vessel ‘gui’ with stand (vessel №1); 5, 6 – bronze “ding” tripods (vessels №3, №2) (after Galdan et al., 2017)

рисунке вертикальная полоска. Ручки кольцевидные с выступом. Толщина венчика – 1 см, стенки – 0,5 см, поддона – 0,2 см. Толщина ручки – 1,2 см. По описанию непонятно, что принято за диаметр сплюсненной горловины сосуда, поэтому его реальный размер может быть несколько большим (до 10%), чем на нашей «реконструкции».

– бронзовый сосуд на поддоне с двумя вертикальными ручками, отходящими от устья (сосуд для зерна «гуй»?) («сосуд №1») (рис. 1; 2: 4). Ручки прикреплены к тулову на 2,5 см ниже устья, но выступают вниз от этой точки на 1 и 0,5 см. Высота тулова 12 см, высота ручек (?) 2,2 см, диаметр устья – 22 см, диаметр поддона – 8,7 см. Толщина стенки 0,3 см, ручки – 0,3 см. Этот сосуд не находит прямых аналогий, но к категории «гуй» его можно отнести по наличию поддона и вертикальных ручек с «ответвлениями» снизу; сосуды «гуй» без орнаментации встречаются в комплексах VI–III вв. до н.э. (см. Лу Гоцюань, 2018, рис. 1.3.3)

– бронзовый треножник «дин» («сосуд №3») (рис. 1; 2: 5). В древности был раздавлен и треснул. Тулово открытой формы, с отогну-

тым устьем. Широкий отогнутый венчик частично обломан. От устья отходят две вертикальные ручки. Ножки сосуда обломаны в нижней части, прямые, в разрезе П-образные. Диаметр устья – 23,5 см, высота тулова 8,7 см, высота ручек (нынешняя) – 3,3 и 2,4 см. Толщина венчика 1 см, стенки тулова – 0,3 см, стенки ножки – 0,2 см. Под устьем орнамент из S-образных элементов.

– бронзовый треножник «дин» («сосуд №2») (рис. 1; 2: 6). Сильно сплюснен. Устье утолщено и отогнуто. От устья отходили две (?) вертикальные прямоугольные ручки (сохранилась одна, высотой 3,5 см). Под устьем полоса рельефного орнамента, составленного из S-видных приостренных элементов. Ножки сосуда прямые, в разрезе П-образные. Диаметр устья 26,6 см, высота тулова – 11,5 см, высота ножек – 5,7, 5,5, 5,5 см, толщина венчика 0,7 см, ручки – 0,3 см, стенок тулова и ножек – 0,2 см.

Обнаружение клада медно-бронзового лома, предназначенного, очевидно, для переплавки, не является уникальным для региона. В 1958 году в 300 км к западу от Будун-Гол, в таком же горно-лесостепном ландшафте был

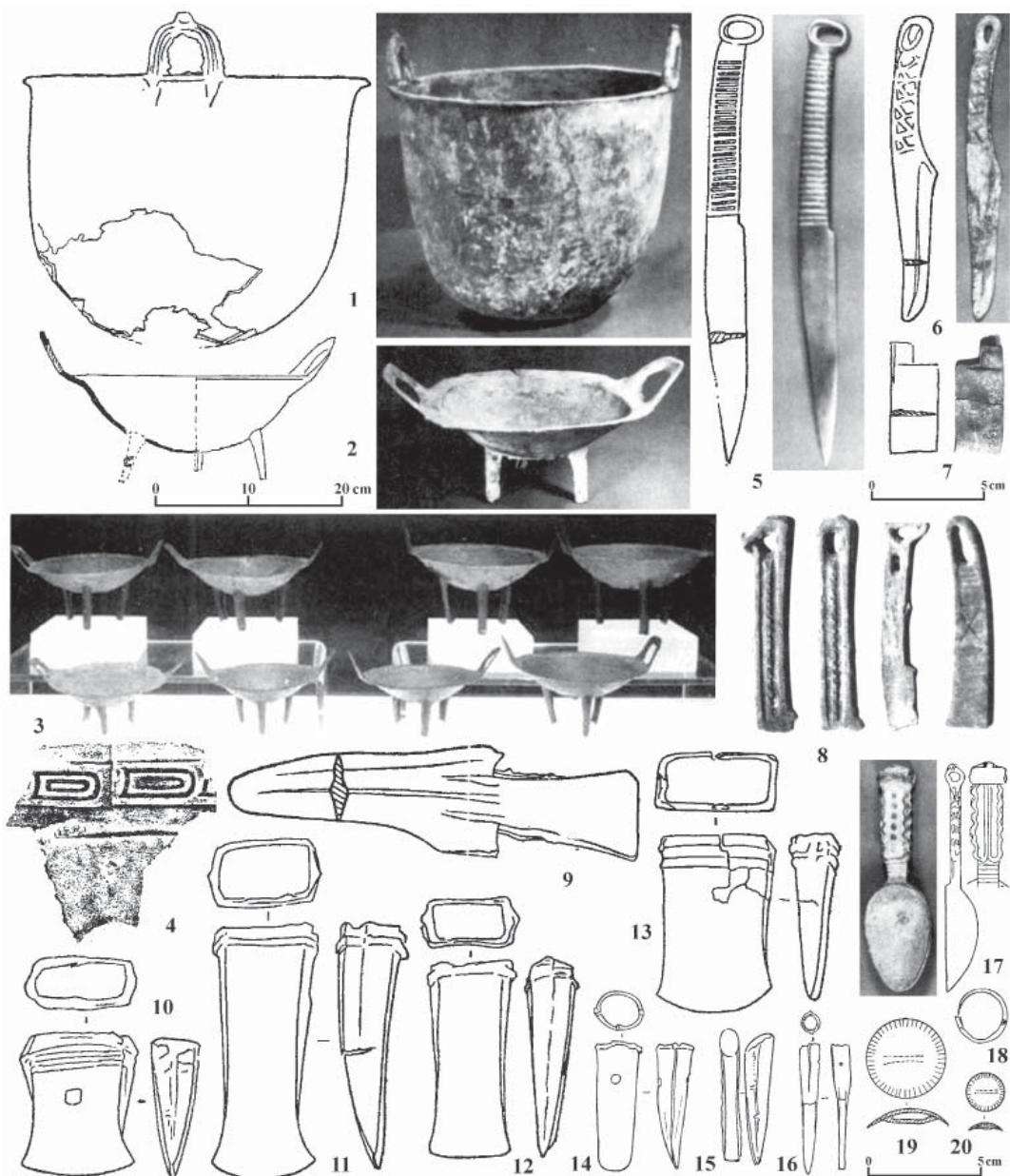

Рис. 3. Клад из Сибоцзы (район Яньцин, Пекин). Бронзовые изделия.

(3 – по Фэн Хао, 2011; остальные – по Бэйцзин ши..., 1979)

Fig. 3. Xibozi hoard (Yanqing, Beijing city, China). Bronze artifacts.

(3 – after Feng Hao, 2011; others – after Beijing shi..., 1979)

найден так называемый Закаменский клад, в который входили в большинстве «частично поломанные, сработанные или неудачно отлитые изделия, а также небольшие фрагменты их» (Гришин, 1981, с. 154), всего 34 предмета раннескифского времени, включая фрагмент стенки бронзового котла с горизонтальным литейным швом, клиновидные кельты с валиками-поясками под втулкой, с прямоугольным и с овальным (тесла) сечением втулки, выгнутообушковые ножи с кольцевыми навершиями, треугольными вырезами на рукояти

и др. (Гришин, 1981, с. 154–155, рис. 55–56; Сергеева, 1981, с. 32–34, табл. 4–5). Однако в комплексе с Будун-Гол впервые в регионе встречены ритуальные древнекитайские сосуды.

С точки зрения состава изделий (бронзовые котлы «скифского» типа и ритуальные сосуды) единственную аналогию рассматриваемому комплексу представляет «клад литейщика», найденный в 1975 г. в деревне Сибоцзы района Яньцин города центрального подчинения Пекин (Бэйцзин ши..., 1979) (рис. 3).

Здесь, в долине реки Гуйшуй к северу от гор Цзюньдушань, при строительстве дороги был обнаружен бронзовый котел, в котором лежали еще более пятидесяти бронзовых предметов. У котла (рис. 3: 1) почти полностью выломано дно, о наличии поддона в публикации не сообщается. В статье 2001 г. сотрудники Пекинского института культурного наследия Цзинь Фэнъи и Ван Цзихун утверждают, что «округлый» поддон был отломан (Цзинь Фэнъи, Ван Цзихун, 2001, с. 69, прим. 2). Ручки с вертикальным выступом и желобком, по описанию и рисунку арочные, хотя по фотографии одна из них, похоже, имеет форму, близкую к кольцевидной. Литейные швы не отмечены, но вероятный литейный шов поперек тулова на фотографии просматривается. Вместе с котлом был найден набор из 11 однотипных треножников «дин» без орнамента, высотой от 11 до 18 см, на прямых ножках, с неглубокой чашей, широким бортиком и отогнутыми прямоугольными ручками (рис. 3: 2, 3). Здесь же нашлись и два фрагмента стенки треножника «дин» с орнаментом «хэнлинь» («горизонтальная чешуя») (рис. 3: 4). Также в комплекс входили: бронзовый втульчатый клевец «гэ» без отверстия в короткой бородке (рис. 3: 9), фрагмент черешкового разделочного ножа (рис. 3: 7), два выгнутообушковых ножа (рис. 3: 5, 6), четыре отломанных рукояти выгнутообушковых ножей (рис. 3: 8), семь топоров-кельтов (рис. 3: 10, 12, 13), два тесла (рис. 3: 11), четыре долота (рис. 3: 14–16), шило четырехугольного сечения без навершия, рыболовный крючок, подвеска-ложечка (рис. 3: 17), восемь выпуклых бляшек-пуговиц (рис. 3: 18–20), а также шесть медьсодержащих конкреций. Входящий в комплекс втульчатый клевец «гэ» находит аналогии в комплексах иньского времени на Центральной Равнине (Цзин Чжунвэй, 2011, с. 39–41, 131), выгнутообушковые ножи, кельты, долота, ложечка, выпуклые бляшки близки по форме к находкам из памятников финальной бронзы – раннего железа Центральной и Северо-Восточной Азии, в том числе обращает на себя внимание обнаружение аналогичных топоров-кельтов и тесел с валиками-поясками под втулкой в составе упомянутого выше Закаменского клад. В публикации клада из Сибоцзы Ци Синь датировал его финальной фазой Западного – началом Восточного Чжоу (конец IX – VIII в. до н.

э.), в основном на основании поверхностных аналогий с памятниками культуры верхнего слоя Сяцзядянь (Бэйцзин ши..., 1979, с. 230). Цзинь Фэнъи и Ван Цзихун, проведя столь же поверхностные сравнения, сочли клад из Сибоцзы памятником раннего этапа (X–VIII вв. до н. э.) так называемой «культуры шаньжунов», выделенной ими на материалах могильников Юйхуанмяо, Хулугоу и Силянгуан в горах Цзюньдушань; при этом авторы уничижительно отозвались о найденных треножниках, отказавшись считать их ритуальными сосудами и называя их «техногими котелками» местного, «варварского» производства (Цзинь Фэнъи, Ван Цзихун, 2001, с. 45–46, 69). В популяризаторской статье 2011 г. этот набор «примитивных» бронзовых треножников объявлен свидетельством местного подражания ритуалам Древнего Китая, где число используемых ритуальных сосудов соответствовало рангу знатности (Фэн Хао, 2011).

Все авторы в качестве причины появления китайских бронз в Сибоцзы называют контакты с соседним государством Янь, центр которого располагался в районе нынешнего Пекина. Тем не менее, аналогии этим предметам говорят отнюдь не о «соседском» их происхождении (рис. 4). Так, самый близкий по форме клевцу «гэ» из Сибоцзы втульчатый клевец был найден на могильнике Дасиньчжуан в Цзинани, столице провинции Шаньдун (Цзин Чжунвэй, 2011, рис. 1-18-4). А два практически идентичных экземплярам из Сибоцзы «примитивных» треножников без орнамента, на прямых ножках, с неглубокой чашей, широкой закраиной и отогнутыми прямоугольными ручками обнаружены в погребениях M20 и M118 могильника Синаньчэн на юго-западе провинции Шаньси (уезд Чанцзы городского округа Чанчжи) (Шаньси шэн..., 2021а, с. 161-164, 346-351, табл. 149, 267) (рис. 5: 1, 3). Бронзовые клевцы «гэ» из этих комплексов (рис. 5: 2, 4) с треугольным бойком и двумя отверстиями в бородке относятся к типу FbIII по Цзин Чжунвэю и тем самым датируются поздней стадией Западного Чжоу, то есть концом IX – первой третью VIII в. до н.э., вплоть до начала Чуньцю (Цзин Чжунвэй, 2011, с. 77, 96, рис. 1-44). Как полагают китайские ученые, могильник Синаньчэн представляет собой кладбище населения «малого» царства Ли (黎), расположенное

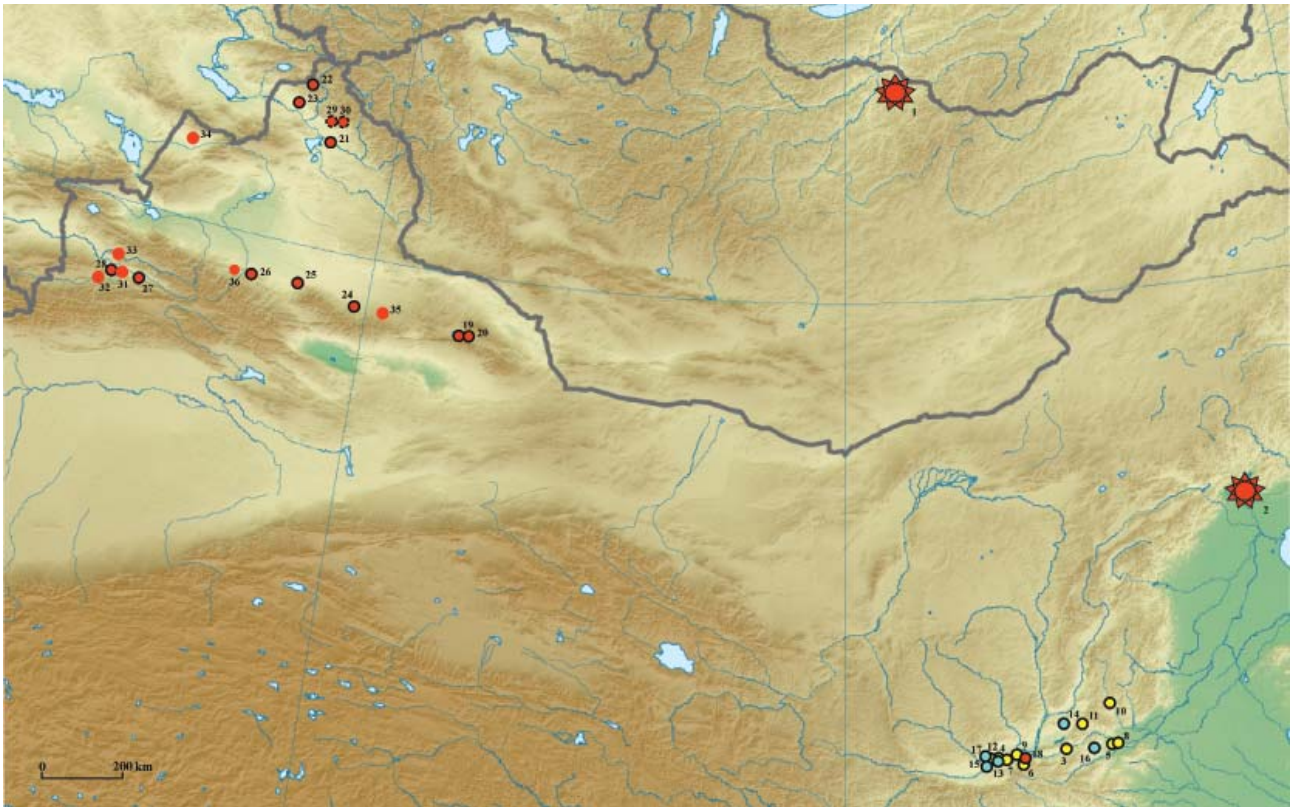

Рис. 4. Упомянутые в статье памятники на карте Восточной Азии. 1 – клад с р. Будун-гол; 2 – клад из Сибоцзы; 3 – могильник Саньмэнься (Шанцуньлин); 4 – Люцзяцунь; 5 – клад из Гаочэн; 6 – клад из Маванцунь; 7 – могила Хуандуй 92ФНМ37, клад из Чжуанбайцунь; 8 – могильник Танхуцунь; 9 – могильник Жэньцзяцзюй; 10 – могильник Синаньчэн; 11 – могильники Хэншуй, Бэйбайэ; 12 – могильники Дэнцзяя, Бацитунь, Бацитунь Сидао; 13 – клад из Ванцзяцунь; 14 – могильник Шангоцунь; 15 – могила из Ганьюйцунь; 16 – могильник Шаншихэ; 17 – Чжифан; 18 – Фанцзячжай; 19- Ланьчжоуваньцзы; 20 – Дахэ; 21 – город Бэйтунь; 22 – волость Теректы; 23 – Кок-Тумсик; 24 – 4 бригада Каньэрцзы; 25 – Чэнгуань; 26 – город Урумчи; 27 – Шарбулак; 28 – волость Тасытуби; 29, 30 – две нелокализованные находки из округа Алтай; 31 – волость Мохэ; 32 – Кушитай; 33 – Каламу дунцунь («восточная деревня»); 34 – уезд Эминь (Дурбульдзин); 35 – уезд Мулэй (Мори); 36 – Чанцзи-Хуэйский автономный округ, не локализована. Желтые кружки – аналогии найденным на Будун-гол и в Сибоцзы бронзовым триподам «дин» и подвеске-ложечке; синие кружки – находки котлов «скифского типа» с арочными ручками и выступом типа Сибоцзы; красные кружки с ободком – находки котлов «скифского типа» с кольцевыми ручками, желобком и вертикальным выступом; красные кружки без ободка – находки котлов «скифского типа» с кольцевыми ручками с желобком без выступов.

Fig. 4. Mentioned sites on map of the Eastern Asia. 1 – Buduun-gol hoard; 2 – Xibozi hoard; 3 – Sanmenxia (Shangcunling) cemetery; 4 - Liujiacun; 5 – Gaocheng hoard; 6 – Mawangcun hoard; 7 – Huangdui 92FHM37 tomb, Zhuangbaicun hoard; 8 - Tanghucun cemetery; 9 – Renjiaju cemetery; 10 – Xinancheng cemetery; 11 – Hengshui, Beibai'e cemeteries; 12 – Dengjiaya, Baqitun, Baqitun Xidao cemeteries; 13 – Wangjiacun hoard; 14 – Shangguocun cemetery; 15 – Ganyucun tomb; 16 – Shangshihe cemetery; 17 – Zhifang; 18 – Fangjiazhai; 19 – Lanzhouwanzi; 20 – Dahe; 21 – Beitun Town; 22 – Terekti Township; 23 – Kok-Tumsik; 24 – Kan'erzi 4th brigade; 25 – Chengguan; 26 – Urumqi City; 27 – Sharbulak; 28 – Tasitubi Township; 29, 30 – two unlocated finds in Altay Prefecture; 31 – Mohe Township; 32 – Kushitai; 33 – Kalamu East village, 34 – Emin (Durbuldzin) County; 35 – Mulei (Mori) County; 36 – Changji Hui Autonomous Prefecture, non localized. Yellow circles – analogies of bronze “dind” tripods found in Buduun-gol and Xibozi hoards; blue circles – finds of “Scythian type” cauldrons with arched handles with a vertical protrusions like Xibozi item; red circles with a rim – finds of “Scythian type” cauldrons with ring-shaped handles with groove and vertical protrusion; red circles without a rim – finds of “Scythian type” cauldrons with ring handles with groove without protrusion.

на его территории в границах начала 1 тыс. до н.э. (У Цзюньхуа, Чэнь Сяосань, 2022, с. 307). С начала и до конца VII века до н.э. до конца практически весь Шандан переходит

под контроль племен «чи ди» (赤狄) и «бай ди» (白狄), правитель и народ Ли был вынужден бежать под защиту царства Вэй (卫) на юго-восток, к Хуанхэ. Это, скорее всего,

произошло в 663 г. до н.э. (Пан Жуйчжи, 2019, с. 151). Не в тот ли период варварами «ди» была разграблена часть могил в Синаньчэн, как это произошло с рассматриваемой могилой M20?

Чуть менее схож с триподами из Сибоцзы треножник «дин», найденный в могиле M3272 могильника Хэншуй (уезд Цзянсянь пров. Шаньси), в 150 км от Синаньчэна (Се Яотин, 2010, с. 28, 378; Шаньси шэн..., 2021б, с. 601-603): он имеет не прямые, а «зооморфные» ножки (рис. 5: 5). Комплекс, к сожалению, не опубликован. Могильник Хэншуй в целом отнесен китайскими исследователями к периоду Западного Чжоу. Как считается, он был оставлен народом малого владения Пэн (邳) либо кланом Хуай (淮), находящимися в зависимости от цзиньского (晉) хоу (Тянь Вэй, 2022). Несколько элитных погребений кладбища можно с большой точностью датировать второй половиной X в. до н.э. (Чэнь Сяоюй, Се Яотин, 2020). Однако могильник насчитывает более чем 1000 погребальных комплексов и подразделяется исследователями на три участка, причем информация о погребениях третьего участка, где находилась могила M3272, практически отсутствует, что оставляет открытым вопрос о ее датировке. Возможно, это погребение относится к позднему Западному или даже к началу Восточного Чжоу. Интересно, что в 50 км на юго-восток от кладбища Хэншуй, в погребении M4 могильника Бэйбайэ (уезд Юаньцюй пров. Шаньси) найдена бронзовая подвеска-ложечка с волнистыми краями рукояти, как и у подвески из Сибоцзы (рис. 5: 5); есть основания предполагать, что эта ложечка использовалась для приема лекарства или наркотика, хранившегося в миниатюрной бронзовой шкатулке (Дин Ли и др., 2023, с. 112, рис. 1). Могильник Бэйбайэ оставлен представителями рода Чжао (召), попавшими сюда из Гуаньчжуна в ходе массовой миграции при переносе чжаоской столицы на восток, и датируется, соответственно, второй половиной VIII в. до н.э. (Чжан Чанпин, 2022)

Близкие по времени к Сибоцзы, но довольно далекие по форме аналогии происходят из центра и западной окраины чжоуского Китая. К раннему Восточному Чжоу (вторая половина VIII – первая половина VII в. до н.э.) относятся могилы Шанцуньлин M1651, Танхуцунь 1976M9 (уездн. гор. Синьчжэн, район Кайфэн,

гор. Чжэнчжоу), Саньмэнься M2012 (гор. Саньмэнься), исследованные на территории провинции Хэнань (Чжунго кэсюэюань..., 1959, табл. XVI, 1; Кайфэн дицю..., 1977, с. 46; Хэнань шэн..., 1999, с. 245);). Найденные здесь треножники «дин» имеют такие признаки, как открытая форма, плоская широкая закраина, прямоугольные ручки, отсутствие традиционного орнамента и в двух случаях прямые ножки, не до конца свернутые в трубку (рис. 5: 7-9).

Похожие сосуды с неглубокой чашей мы встречаем в гораздо более поздних погребальных комплексах: среднего Чуньцю – среднего Чжаньго (VI–IV вв. до н.э.), все они обнаружены в центральной части тогдашнего государства Цинь (пров. Шэньси): Жэньцзяцзюй (гор. Сяньян) M56 (средняя фаза периода Чуньцю), M230 (миниатюрный, диаметр 4,2 см, средняя фаза периода Чжаньго), Дэнцзя M7 (уезд Фэнсян) (ранняя – средняя фаза Чжаньго) (рис. 5: 11), Бацитунь (уезд Фэнсян) 81M14 (средняя фаза Чжаньго) (рис. 5: 12) и Бацитунь Сигоудао M26 (ранняя фаза Чжаньго) (рис. 5:10) (Сяньян ши..., 2005, с. 221; Шэньси шэн..., 1991, с. 18; Шэньси шэн..., 1986а, с. 26–27; Шэньси шэн..., 1986б, с. 21). С этими треножниками по форме смыкаются емкости на трех прямых ножках, относимые обычно к категории «пань» (盃, таз для ритуального омовения), типа найденного в могиле 62M1 в Мяоцянцунь (уезд Ваньжун, пров. Шаньси) (средняя фаза Чуньцю, около 500 г. до н.э.) (Шаньси шэн..., 1994а, с. 235). Самые ранние находки подобных сосудов «пань» на очень коротких плоских прямых ножках, с закраиной и прямоугольными ручками, происходят из комплексов конца VIII–VII вв. до н.э.: могила на сталелитейном заводе в гор. Минган (гор. Синьян, пров. Хэнань) и Циньцзягоу 1963M2 (покрыт орнаментом) (Янпин, гор. Баоцзи, пров. Шэньси) (Лу Гоцюань, 2018, рис. 1.5.4: 16, 17). Картография показывает, что тазы «пань» на трех ножках (разных видов) встречены как в Шэньси, так и в Шаньси, Хэнань и Шаньдуне (Лу Гоцюань, 2018, рис. 3.5.14–3.5.20).

Таким образом, временем изготовления треножников из Сибоцзы можно считать конец IX – первую половину VIII вв. до н.э., а местом их происхождения – южную часть нынешней провинции Шаньси, отстоящую от Сибоцзы более чем на 550 километров.

Рис. 5. Бронзовые треножки «дин» (1, 3, 5, 7-12), имеющие сходство с триподами из клада Сибоцзы, а также бронзовые клеветцы (2, 4) и подвеска-ложечка (6) с территории провинций Шаньси (1-6), Хэнань (7-9), и Шэньси, 1, 2 – Синаньчжи мог. M20; 3, 4 – Синаньчжи мог. M118; 5 – Хэншуй мог. M3272; 6 – Бэйбайэ, мог. M4; 7 – Шанцуньлин, мог. M1651; 8 – Танху мог. 1976M9; 9 – Саньмэнься, мог. M2012 10 – Бацитунь Сигодао, мог. M26; 11 – Дэнцзя, мог. M7; 12 – Бацитунь, мог. 81M14; (1-4 – по Шаньси шэн, 2021a; 5 – по Шаньси шэн 2021b, Се Яотин, 2010; 6 – по Дин Ли и др., 2023; 7 – по *Чжунго кэсюэюань...*, 1959; 8 – по *Кайфэн дицю...*, 1977; 9 – по *Хэнань шэн...*, 1999; 10 – по *Шэньси шэн...*, 1986б; 11 – по *Шэньси шэн...*, 1991; 12 – по *Шэньси шэн...*, 1986а).

Fig. 5. Bronze “ding” tripods (1, 3, 5, 7-12) as well as bronze halberds “ge” (2, 4) and spoon-pendant (6) from Shanxi (1-6), Henan (7-9), and Shaanxi provinces, having similarity with Xibozi bronzes. 1, 2 – Xinzan zhi M118; 3 – Hengshui M3272; 4 – Beibai’e M4; 5 – Shangcunling M1651; 6 – Tanghucun 1976M9; 7 – Sanmenxia M2012; 8 – Hengshui M3272; 9 – Baqitun Xigoudao M26; 10 – Dengjiaya M7; 11 – Baqitun 81M14 (1-4 – after Shanxi sheng..., 2021a; 5 – after Shanxi sheng..., 2021b, Xie Yaoting, 2010; 6 – after Ding Li et al., 2023; 7 – after *Zhongguo kexueyuan...*, 1959; 8 – after *Kaifeng diqu...*, 1977; 9 – after *Henan sheng...*, 1999; 10 – after Shaanxi sheng ..., 1986b; 11 – after Shaanxi sheng ..., 1991; 12 – after Shaanxi sheng..., 1986a).

Это была территория, подвергавшаяся с начала VIII по начало VI вв. до н.э. постоянным вторжениям «варварских» племен: сначала «северных жунов» (北戎), затем «ди» (翟, 狄) (Průšek, 1971, p. 70–76, 119-171).

С территорией царства Цинь, а также прилегающими землями Центральной равнины, скорее всего, связано происхождение треножников «дин», входящих в комплекс с реки Будун-гол, хотя эти места отстоят от Будун-гол более чем на 1800 км (рис. 4). Оба сосуда украшены орнаментом, состоящим

из горизонтальных S-образных фигур. Это редуцированные фигуры драконов с вывернутым туловищем, «лунвэнь» (龙纹, «драконий орнамент»). В провинции Хэнань сосуды «дин» с подобными стилизованными изображениями встречены в комплексах начала Восточного Чжоу: могилы M1708, M1819 могильника Шанцуньлин (Саньмэнься) (рис. 6: 2, 3) (Чжунго кэсюэюань..., 1959, рис. 8: 12, табл. LVIII: 2), могила M1 из Гаочэн (гор. уезд Дэнфэн, гор. Чжэнчжоу) (рис. 6: 5) (Чжэнчжоу ши..., 2009, с. 26). В провинции Шэньси, на

Рис. 6. Треножки «дин» из клада с р. Будун-гол (1) и аналогии в орнаменте на бронзовых треножниках «дин» с территории провинций Хэнань (2, 3, 5) и Шэньси. 2, 3 – Шанцуньлин, мог. М1708, М1819; 4 – Люцзяцунь; 5 – Гаочэн, мог. М1; 6 – Маванцунь, клад; 7 – Хуандуй, мог. 92FHM37; 8 – Чжуанбайцунь, клад. (2, 3 - по *Чжунго кэсюэюань...*, 1959; 4, 7, 8 - по *Цао Вэй*, 2005; 5 – по *Чжэнчжоу ши...*, 2009; 6 – по *Сиань ши...*, 1974)
Fig. 6. “Ding” tripods from Buduun-gol hoard (1) and analogies in ornamentation of bronze tripods from Henan (2, 3, 5) and Shaanxi provinces. 2, 3 – Shangcunling M1708, M1819; 4 – Liujiacun; 5 – Gaocheng M1; 6 – Mawancun hoard; 7 – Huangduicun 92FHM37; 8 – Zhuangbaicun hoard (2, 3 – after *Zhongguo kexueyuan...*, 1959; 4, 7, 8 - after *Cao Wei*, 2005; 5 – after *Zhengzhou shi ...*, 2009; 6 – after *Xi'an shi...*, 1974)

землях Цинь, самые ранние редуцированные S-образные изображения драконов относятся к средней фазе Западного Чжоу (X – начало IX в. до н. э.), в том числе на сосуде из могилы Хуандуй 92FHM37 (уезд Фуфэн) (рис. 6: 7) (Цао Вэй, 2005, с. 1928–1929) и на сосуде из клада в Маванцунь (уезд Чаньань), кото-

рый, как считается, был сокрыт от разграбления после поражения и смерти Ю-вана в 771 г. до н. э. (рис. 6: 6) (Сиань ши..., 1974, с. 2); однако наиболее близкими к орнаменту на сосудах с Будун-гол являются изображения на треножниках из Люцзяцунь (уезд Цишань) (поздняя фаза Западного Чжоу, середина IX –

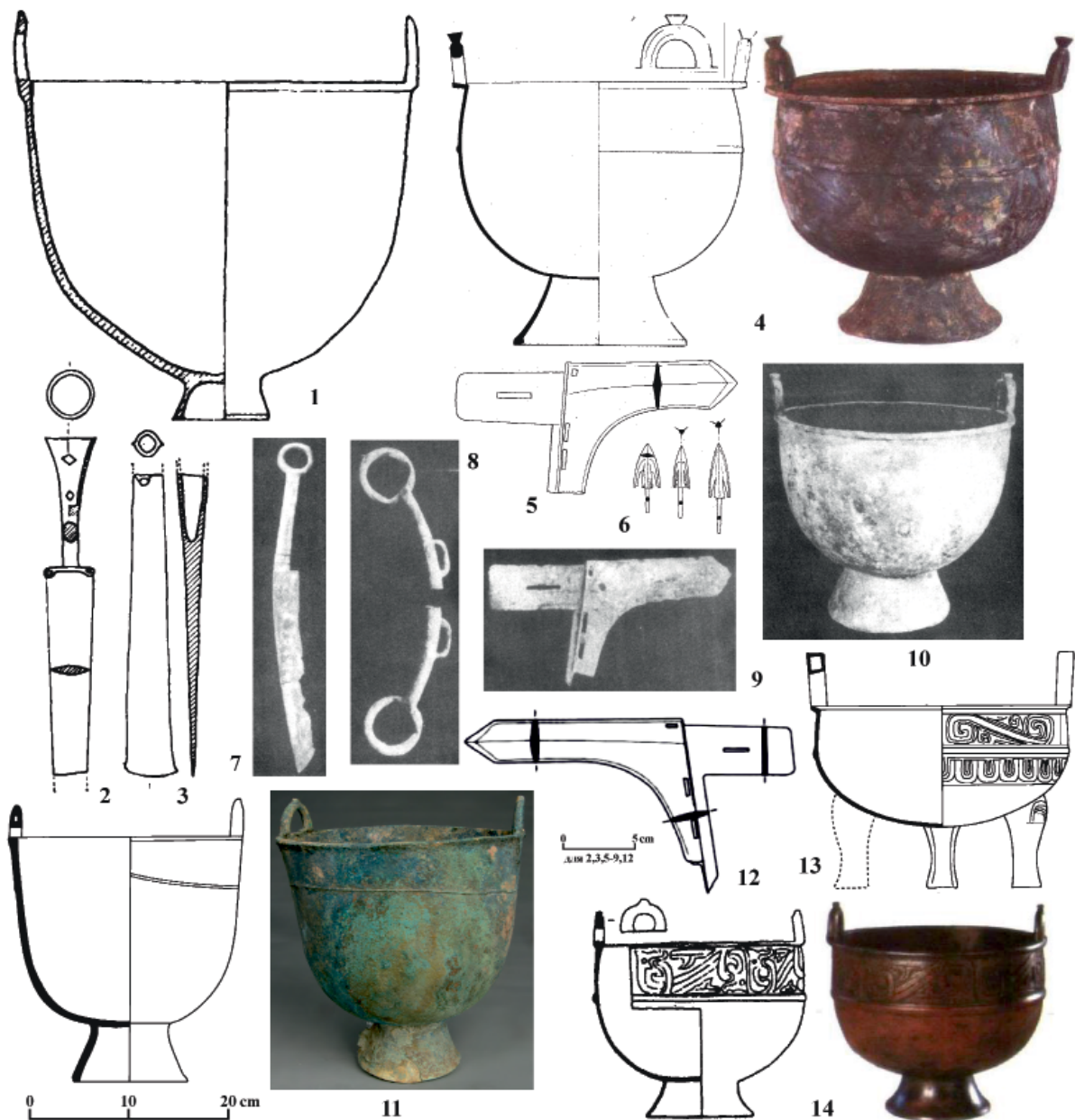

Рис. 7. Бронзовые предметы из комплексов раннего Восточного Чжоу с котлами «скифского типа», аналогичными найденному в кладе Сибоцзы. Провинции Шэньси (1-3, 7-10), Шаньси (4-6) и Хэнань (11-13). 1-3 – Ванцзяцунь, клад; 4-6 – Шангоцунь, могила 76M1; 7-10 – Ганьюцунь, могила; 11-13 – Шаншихэ, могила M35. 14 – бронзовый котел из пос. Чжифан (пров. Шэньси), случайная находка. (1-3 – по Пань Вэньлун, Цуй Вэньин, 1989; 4-6 – по Шаньси шэн..., 1994б; 7-10 – по Гао Цижо, Ван Гуйчжи, 1988; 11-13 – по Саньмэнься ши..., 2019; 14 – по Шэньси шэн..., 1984; Го У, 2003)

Fig. 7. Bronzes from early Eastern Zhou closed complexes with “Scythian-type” cauldrons similar to Xibozi cauldron. Shaanxi (1-3, 7-10), Shanxi (4-6) and Henan (11-13) provinces. 1-3 – Wangjiacun hoard; 4-6 – Shangguocun 76M1; 7-10 – Ganyucun, tomb; 11-13 – Shangshihe M35. 14 – bronze cauldron from Zhifang (Shaanxi), chance find. 1-3 – after Pan Wenlong, Cui Wenyong, 1989; 4-6 – after Shanxi sheng..., 1994b; 7-10 – after Gao Qiruo, Wang Guizhi, 1988; 11-13 – after Sanmenxia shi..., 2019; 14 – after Shaanxi sheng..., 1984, Guo Wu, 2003)

начало VIII в. до н. э.) и из семейного клада Чжуанбайцунь (уезд Фуфэн) (конец X в. до н. э.) (рис. 6: 4, 8) (Цао Вэй, 2005, с. 934–935, 2087–2088). Интересно, что орнамент той же категории, составленный из «проработанных» драконьих фигур, характерных скорее для

XI–X вв. до н. э., украшает бронзовый котел «скифского типа», найденный в пос. Чжифан уезда Фэнсян (рис. 7: 14) (Шэньси шэн..., 1984, с. 30).

С той же территорией связаны и наиболее ранние комплексы с бронзовыми котлами

«скифского типа» на территории Китая (рис. 4). Обращает внимание, что все они имеют не кольцевидные, а «арочные» ручки с выступами, и по этому признаку представляют аналогию котлу, входящему в комплекс Сибоцзы. В клад из Ванцзяцунь (уезд Цишань, Шэньси) (Пань Вэньлун, Цуй Вэньин, 1989) (рис. 7: 1–3) входит фрагмент кинжала с трубчатой рукоятью и «усиками» (рис. 7: 2), того же типа, который встречен в памятниках так называемой «культуры верхнего слоя Сяцзядянь» рубежа Западного-Восточного Чжоу (Лю Госян, 2000, с. 482). В комплексы погребений Шангоцунь 76M1 (уезд Вэньси, Шаньси), Ганьюйцунь (район Вэйбинь, гор. Баоцзи, Шэньси) и Шаншихэ М35 (гор. округ Има, Хэнань) (рис. 7: 4–13) (Шаньси шэн..., 1994б, с. 129–130; Гао Цижо, Ван Гуйчжи, 1988; Саньмэнься ши..., 2019, с. 11–17) входят клеветы «гэ» с треугольным бойком (рис. 7: 5, 9, 12), относящиеся к ранней фазе Чуньцю (конец VIII – середина VII в. до н. э.) (Цзин Чжунвэй, 2011, с. 111–113). Не позже этого времени должен был быть изготовлен котел из пос. Чжифан (Фэнсян, Шэньси), украшенный при изготовлении «драконьим орнаментом» (рис. 7: 14) (Шэньси шэн..., 1984, с. 30; Го У, 2003, с. 91). Впоследствии котловидные сосуды входят в обиход населения чжоуского Китая (鍍 «фу»), их значение в китайском ритуале неясно (Лу Гоцюань, 2018, с. 558–563).

Перечисленные находки показывают присутствие носителей раннескифского культурного комплекса в западной части чжоуского Китая в VIII–VII вв. до н. э. и разнообразие их отношений с местным населением. «Клад» из Ванцзяцунь (котел, в котором лежали фрагменты бронзового кинжала, бронзового долота и пять раковин каури) оставлен, видимо, самим «варваром»; котел из Чжифан с чжоуским ритуальным орнаментом изготовлен по «степной» технологии явно для использования в поликультурной среде. В то же время котел из Шаншихэ М35 найден на кладбище клана Го(虢), переселившегося после разгрома 655 г. до н. э. в район новой чжоуской столицы; этот воинственный клан постоянно упоминается в контексте боевых действий, в том числе он не менее трех раз воевал с цюаньжунами (犬戎), поэтому котел из М35 можно считать военным трофеем (Чжэн Личао, 2019). То же разнообразие отношений отразилось и в письменных источниках, которые

указывают на присутствие в рассматриваемом регионе в IX–VII вв. до н. э. племен, называемых «сяньюнь» (獫狁), «цюань-жун»(犬戎), «си-жун»(西戎), «ди»(翟, 狄) и др. (Průšek, 1971, p. 70–175). Котел из Шаншихэ М35 не только по форме ручек, но и по форме тулова аналогичен находке из Сибоцзы, что позволяет выдвинуть предположение о принадлежности «клада литейщика» из Сибоцзы тому же «народу», благодаря победе над которым в погребение клана Го попал трофейный котел. Однако ритуальные треножки из клада Сибоцзы, как и из клада на Будун-Гол, не могли быть изготовлены на месте или приобретены мирным путем: они могут быть только военным трофеем, насильственно изъятым из обычного употребления или извлеченным из разграбленной могилы. Ведь такие бронзовые сосуды в чжоуском Китае ни в коем случае не могли быть предметом торговли или обмена, они и представляли собой «сокровище», подлежащее сбережению и использованию в ритуале «общения» с предками «поколениями детей и внуков на протяжении десяти тысяч лет» (Крюков, 2000, с. 22–23). Таким образом, клад из Сибоцзы как минимум частично состоял из военных трофеев.

Что же касается клада с реки Будун-гол, то он, по-видимому, полностью был составлен из трофейного бронзового лома. Специфический состав клада, состоящего из деформированных массивных металлических предметов одного хронологического периода, говорит о его намеренном формировании как материальной ценности; в составе клада нет сработанных предметов, неудачных отливок и т.п. При этом не только ритуальные сосуды, но и вторая часть клада – бронзовые котлы (как минимум два из трех) – происходит из отдаленного инокультурного региона, в данном случае – Синьцзяна.

Все три котла имеют кольцевидные ручки, как минимум у двух из них эти ручки имеют по одному выступу и кольцевидные желобки (то есть ручка имеет П-образное сечение и расширяющийся выступ – признаки, характерные для рукоятей ножей периода финальной бронзы). На территории чжоуского Китая мне известна только одна находка котла с кольцевидными ручками, в бывшем местечке Фанцзячжай на севере Сиани (Ван Чанци, 1991, с. 10, рис. 1: 2), причем, судя по описанию и опубликованной фотографии,

Рис. 8. Бронзовые котлы с кольцевыми ручками с желобком и вертикальным выступом из Сиани (1) и Синьцзяна. 1 – Фанцзячжай; 2 – Ланьчжоуваньцзы; 3 – Дахэ; 4, 4а – город Бэйтунь; 5 – Теректы; 6, 8 – округ Алтай; 7 – Кок-Тумсик; 9 – 4 бригада Каньэрцзы; 10 – Чэнгуань (1 – по Ван Чанци, 1991; 2, 4 – по Бай Цзяньяо, 2010; 3 – по Лю Гожуй, Ци Сяошань, 1997; 4а – по Синьцзян Алэтай..., 2021; 5 – по Ван Линьшань, Ван Бо, 1996; 6, 8 – по Алэтай дицюй..., 2014; 7 – по Ци Сяошань, Ван Бо, 2016; 9, 10 – по Синьцзян Чанцзи..., 2014)

Fig. 8. Bronze cauldrons with ring-shaped handles with groove and vertical protrusion from Xian (1) and Xinjiang. 1 – Fangjiazhai; 2 – Lanzhouwanzi; 3 – Dahe; 4, 4a – Beitun Town; 5 – Terekti; 6, 8 – Aletai district; 7 – Kok-Tumsik; 9 – Kan'erzi 4th brigade; 10 – Chengguan (1 – after Wang Changqi, 1991; 2, 4 – after Bai Jianyao, 2010; 3 – after Liu Guorui, Qi Xiaoshan, 1997; 4a – after Xinjiang Aletai..., 2021; 5 – after Wang Linshan, Wang Bo, 1996; 6-8 – after Aletai diqu..., 2014; 9, 10 – after Xinjiang Changji..., 2014)

на его ручках прослеживаются центральный желобок и выступ (рис. 8: 1). Ни среди случайных находок, ни в составе комплексов на территории чжоуских государств котлы с такими признаками пока не зафиксированы. Более того, все известные чжоуские сосуды «фу», являющиеся, несомненно, китайскими подражаниями скифским котлам, имеют либо «арочные», либо прямоугольные ручки (Такахама, 2011, с. 17-20, рис. 2; Лу Гоцюань, 2018, с. 82-86, рис. 1.2.11; Сун Цзявэнь, Шао Хуйцю, 2022, с. 61–65).

К счастью, на сегодняшний день в нашем распоряжении имеется подготовленный японскими учеными свод находок бронзовых котлов Восточной Евразии (Соген коко..., 2011), что позволяет в первом приближении² говорить о региональных особенностях их формы. Для Монголии свод фиксирует четыре «скифских» бронзовых котла с кольцевидными ручками, имеющими вертикальный выступ (Такахама, 2011, с. 13–15, рис. 1). Уже после выхода японского сборника, в 2019 году, в сеть попали фотографии еще четырех котлов с кольцевидными ручками, на двух из которых фиксируются вертикальные выступы: эти находки были конфискованы Главным разведывательным управлением Монголии при попытке нелегальной продажи (Соёлын дурсгал..., 2019), их происхождение неясно, они могли транспортироваться через Монголию транзитом. Сходство с котлами, найденными на р. Будун-Гол, имеет котел с кольцевидными ручками «из Агинских степей», опубликованный Ю.С. Гришиным (Гришин, 1981, с. 186, рис. 35: 2), в том числе на тулове этого сосуда прослеживается вертикальный валик, идущий от устья к центральному литейному шву (как у «сосуда №4» с Будун-Гол). Однако на ручках почти всех³ известных изделий такого рода из Монголии и Забайкалья отсутствует центральный желобок, имеющийся как минимум на двух сосудах из клада на р. Будун-Гол. Что касается региона Среднего и Верхнего Енисея, известного многочисленными находками бронзовых котлов «скифского типа» (Боковенко, 1981), то, если не учитывать котлы с тремя выступами на ручках, в Хакасско-Минусинских котловинах и Туве найдены всего пять котлов, имеющих отчетливо кольцевидные ручки с одним желобком (все с вертикальными выступами на ручках) (Хатакеяма, 2011, с. 136–139, рис.

4), а также около восьми сосудов с кольцевидными ручками без желобка (из них четыре с вертикальными выступами) (Хатакеяма, 2011, с. 124–126, 129, 137–139, 143, 165, рис. 1, 2, 4, 5, 15). На эти 13 котлов с кольцевидными ручками в регионе приходится (без учета котлов с тремя выступами на ручках) минимум 40 котлов с ручками в виде «несомкнутого» кольца или сильно согнутой подковы, в том числе снабженными вертикальным выступом и одним центральным желобком (Хатакеяма, 2011, с. 128–143, 164–165, рис. 2, 3, 4, 5, 15). Именно такую форму ручек можно считать региональной особенностью бассейна Среднего и Верхнего Енисея, также как и кольцевидные ручки, снабженные тремя выступами, встреченные пока только на одном изделии за пределами этого региона (ср. Хатакеяма, 2011, с. 143–145, рис. 6; Демиденко, 2008, с. 98, рис. 104). За исключением рассмотренных выше регионов, «скифские» котлы с кольцевыми вертикальными ручками в евразийских степях представляют редчайшее явление (Боковенко, 1981; 1991; Демиденко, 2008; Ягю, 2011; Юкишима, 2011).

Уникальным регионом на этом фоне выглядит Синьцзян, где у подавляющего большинства известных «скифских» котлов с вертикальными ручками эти ручки имеют кольцевую форму⁴, причем, как правило, имеют центральный желобок (рис. 4). Синьцзянским котлам в конце 90-х – начале 2000-х годов уделялось большое внимание исследователей (Ван Бо, Ци Сяошань, 1996, с. 276-294; Го У, 1999; Тэн Миньюй, 2002; Мэй Цзяньцзюнь и др., 2005; Ли Ган, 2011, с. 209–234), однако претендующая на полноту сводка 2011 года (Ягю, 2011) на сегодняшний день нуждается в существенном дополнении: в 2000–2010-х годах было введено в научный оборот более десятка новых находок, опубликованы фотографии предметов, известных ранее только по схематичным рисункам.

Двенадцать «скифских» котлов, найденных в Синьцзяне, имеют кольцевые ручки с желобком и вертикальным выступом:

- найден при раскопках поселения финальной бронзы – раннего железа Ланьчжоуваньцзы (уезд Баркуль), якобы в слое, данных об обстоятельствах находки нет (Ван Бинхуа и др., 1985, с. 255; рис. по: Бай Цзяньяо, 2010, с. 243) (рис. 8: 2);

Рис. 9. Бронзовые котлы из Синьцзяна с кольцевыми ручками с желобком и вертикальным выступом (1, 2), а также без выступа. 1 – Шарбулак; 2 – волость Тасытуби; 3 – уезд Эминь (Дурбульдзин); 4 – Кушитай; 5 – Чанцзи-Хуэйский автономный округ; 6 – уезд Мулэй (Мори); 7 – Каламудунцунь; 8 – волость Мохэ (1 – по *Синьцзян вэйуэр...*, 1985; 2, 4 – по *Ван Линьшань и др.*, 2008; 3 – по *Ци Сяошань, Ван Бо*, 2016; 5, 6 – по *Синьцзян Чанцзи...*, 2014; 7 – по *Го Линьпин*, 1998; 8 – по *Ли Суюань и др.*, 2013)

Fig. 9. Bronze cauldrons from Xinjiang with ring-shaped handles with groove and vertical protrusion (1, 2) and without protrusion. 1 – Sharbulak; 2 – Tasitubi Township; 3 – Emin (Durbuldzhin) county; 4 – Kushitai; 5 – Changji-Hui Autonomus District; 6 – Mulei (Mori) county; 7 – Kalamu East Village; 8 – Mohe Township (1 – after *Xinjiang weiwuer...*, 1985; 2, 4 – after *Wang Linshan et al.*, 2008; 3 – after *Qi Xiaoshan, Wang Bo*, 2016; 5, 6 – after *Xinjiang Changji...*, 2014; 7 – after *Guo Linping*, 1998; 8 – after *.Li Suyuan et al.*, 2013)

- волость Дахэ, уезд Баркуль (Лю Гожуй, Ци Сяошань, 1997, с. 32, 76) (рис. 8: 3);
 - город Бэйтунь (Бай Цзяньяо, 2010, с. 291; Синьцзян Алэтай, 2021) (рис. 8: 4, 4а);
 - волость Теректы, уезд Хабахэ (Ван Линьшань, Ван Бо, 1996, с. 23, 81) (рис. 8: 5);
 - пос. Кокэтымусукэ (Кок-Тумсик) волости Сартаму, уезд Хабахэ (Алэтай дицюй..., 2014, с. 219) (рис. 8: 8);

- котел из коллекции музея округа Алтай (Алэтай дицюй..., 2014, с. 218) (рис. 8: 6)
 - котел из коллекции музея города Алтай (Алэтай дицюй..., 2014, с. 216; Ци Сяошань, Ван Бо, 2016, с. 325, рис. 4) (рис. 8: 7)
 - 4 бригада пос. Каньэрцзы, уезд Цитай (Синьцзян Чанцзи..., 2014, с. 167) (рис. 8: 9);
 - пос. Чэнгуань, уезд Фукан (с вновь присоединенными верхними частями ручек после

древней починки) (Синьцзян Чанцзи..., 2014, с. 168) (рис. 8: 10);

- пос. Шарбулак (Сяозэрбулакэ), уезд Синьюань (Кюнес) (место дислокации 11 роты 72 полка) (Чжан Юйчжун, 1985; Ли Суюань и др., 2013, с. 82, рис. 1; Чжан Пин, 2006, с. 114, во всех изданиях публикуется одно и то же фото, желобок на обломке ручки просматривается на илл. Синьцзян вэйуэр..., 1985, с. 91) (рис. 9: 1);

- волость Тасытуби, уезд Гунлю; в публикации 2013 года (Ли Суюань и др., 2013, с. 82, рис. 2; 6: 5, 6) ошибочно говорится о двух котлах, на самом деле это один и тот же котел с отломанной ручкой, найденный местными жителями в 1987 году (см. Чжан Юйчжун, Чжао Дэжун, 1991, с. 42, рис. 1: 3) (рис. по: Ван Линьшань и др., 2008, с. 68, рис. 16) (рис. 9: 2);

- сосуд из музея гор. Урумчи (известен только по схематичному рисунку якобы из каталога музея (Ван Бо, 1995, с. 29, рис. 11: 2; Ван Бо, Ци Сяошань, 1996, с. 291, рис. 11: 7).

Шесть котлов из Синьцзяна имеют кольцевые ручки с центральным желобком, но без выступов:

- уезд Эминь (Дурбульджин) (Ци Сяошань, Ван Бо, 2016, с. 344, рис. 3; желобок на ручке виден на фото из Го Чжун, Дан Тун, 2015, с. 39) (рис. 9: 3);

- пос. Кушитай, уезд Текес (Ван Линьшань и др., 2008, с. 67, рис. 12) (рис. 9: 4);

- котел из коллекции музея округа Чанцзи (Синьцзян Чанцзи..., 2014., с. 197) (рис. 9: 5).

- уезд Мулэй (Мори) (Синьцзян Чанцзи..., 2014, с. 199) (рис. 9: 6);

- восточная деревня Каламу (Каламудунцунь), волость Кэлин, уезд Нилки (Го Линьпин, 1998) (рис. 9: 7);

- волость Мохэ уезда Гунлю (Ли Суюань и др., 2013, с. 82, рис. 3) (рис. 9: 8);

Два бронзовых котла имеют кольцевые ручки без желобка с вертикальным выступом: с фермы Хуншань, уезд Баркуль (Лю Гожуй, Ци Сяошань, 1997, с. 32, 76) и из уезда Вэньсу (Ци Сяошань, Ван Бо, 2008, с. 162, рис. 4), два – кольцевые ручки без желобка и выступов: из дер. Ходжаконар волости Упар уезда Шуфу (Ци Сяошань, Ван Бо, 2008, с. 180-181, рис. 7) и из уезда Цинхэ (Чингиль) (Синьцзян вэйуэр..., 2011, с. 217). Еще один котел с «цилиндрическим» туловом и ручками в форме приостренной снизу петли с выступом

вверху, найденный в 16 км к юго-западу от уездного центра Хочэн, известен по краткому описанию и схематичному рисунку, о наличии или отсутствии желобка на ручках не сообщается (Чжан Юйчжун, Чжао Дэжун, 1991, с. 43; Чжан Юйчжун, Чжао Дэжун, 1997, с. 363-364, рис. 1: 8). Только три учтенных синьцзянских котла «скифского типа» имеют арочные вертикальные ручки, все они происходят из долины Или (Ли Суюань и др., 2013, с. 82-84, рис. 4; 5; 6: 7).

Итак, по крайней мере два из трех бронзовых котлов «скифского типа», входящих в клад с реки Будун-гол, с большой вероятностью происходят из Синьцзяна, отстоящего не менее чем в полтора тысячах километров от места обнаружения клада и не менее чем в полтора тысячах километров от региона происхождения найденных в составе клада триподов (рис. 4). Как показано выше, китайские ритуальные сосуды могли быть добыты только в ходе грабежа ритуальных или погребальных комплексов, а находки на территории чжоуского Китая свидетельствуют о том, что добывшие их грабители имели нехарактерную для Синьцзяна традицию изготовления котлов с «арочными» ручками. Таким образом, появление в составе этого клада поломанных «чужеземных» бронзовых котлов тоже, скорее всего, связано с грабежом – на сей раз населения Синьцзяна.

Наличие военных трофеев, таких как треножники «дин» и «скифские» котлы, в составе металлургических кладов Сибоцзы и Будун-гол показывает, что бронзовые сосуды рассматривались грабителями как источник дешевого и простого в использовании металлургического сырья и перемещались в этом качестве на тысячи километров. Конечно, некоторая часть награбленного отложилась в погребениях как предметы престижа (например, ритуальные западночжоуские сосуды с надписями от имени предков в могилах Сяохэйшигоу М8501, М9601, Ганьцзыбао М1) (Сян Чуньсун, Ли И, 1995, с. 6, рис. 7; Нэймэнгу цзычжицюй..., 2009, с. 369-370; Хэ Юн, Лю Цзяньчжун, 1993, с. 27), но такое использование не могло быть основной целью военных походов и набегов. Перековка иноземного, как и «своего» металлолома должна была быть обыденным занятием в древности, что до последнего времени недостаточно учитывалось в специальных рабо-

тах по археометаллургии. В 2010-х годах появились работы, исходящие из концепции «широкого непрерывного потока» металла, рассматривающей дошедшие до нас изделия как извлечения из этого потока, содержащие «эхо» предыдущих форм и контекстов (Bray, Pollard, 2012; Bray et al., 2015). Поскольку входящие изначально в медную руду микроэлементы, особенно мышьяк и сурьма, испаряются при постоянных переплавках, то при точном знании химического состава руды можно определить степень вторичного использования металла. Такая работа, продемонстрировавшая зависимость масштабов вторичного использования от расстояния до рудного источника, была проделана для раннего бронзового века Британских островов (Bray, Pollard, 2012). Более сложной задачей, пока еще далекой от окончательного решения, оказалась работа с металлом из нескольких, порой неизвестных источников, тем более выплавленным в различных традициях; предложено несколько остроумных приемов, но все они, на мой взгляд, могут дать успешный результат только в случае наличия исчерпывающей информации о традиционных рецептах древних металлургов (Bray et al., 2015). В 2016 г. была опубликована статья, в которой «новый подход» был применен к бронзовым изделиям культур раннего железного века степей Восточной Евразии (Hsu et al., 2016). К сожалению, в исследовании не учитываются данные о химическом составе металла вероятных рудных источников, а также культурно-хронологические различия состава металла в разновременных изделиях одного и того же региона. Ведь, скажем, бронзы подгорновского и сарагашенского периодов тагарской культуры принципиально различаются (Хаврин, 2007), это продукты разных производственных традиций, и статистические данные по ним смешивать недопустимо. В статье Hsu et al., 2016, на основании данных о различиях по регионам уровня содержания олова и мышьяка в изделиях из оловянистой бронзы, выдвигается предположение об активной переплавке в Хакасско-Минусинских котловинах, Туве и Забайкалье металлических изделий, каким-то образом попавших сюда с Алтая, но не приводится никаких данных о наличии здесь находок «алтайских» артефактов, что делает это вывод малоубедительным. В то же время авторы впервые связали

очевидное присутствие в забайкальском (и сарагашенском) металле изделий со значительными примесями свинца с возможностью использования металла из чжоуского Китая, не уточнив, однако, связано это с переплавкой готовых изделий или использованием китайского металла в слитках. Находка ритуальных сосудов в кладе с р. Будун-гол показывает, что причиной аномально высокого содержания свинца в некоторых изделиях культур горно-степного пояса Евразии могла стать переплавка именно похищенных в Китае бронз.

Согласно тексту трактата «Каогун цзи», составленного, вероятно, в период Восточного Чжоу, для производства металлических изделий в чжоуском Китае использовались два компонента, называемых 金 («цзинь») и 锡 («си»). Сегодня эти термины обозначают «металл» и «олово». Однако использование этих иероглифов в иных ранних контекстах показывает, что словом 金 («цзинь») обозначался не чистая медь, а ее сплав, а под словом 锡 («си») подразумевали как олово, так и свинец, считая их разными формами одного металла (Liu, Pollard, 2022). На основании данных о реальном составе древнекитайских бронзовых изделий был сделан вывод о том, что вероятнее всего сплав 金 («цзинь») содержал 80 % меди, 15% олова и 5% свинца, а сплав 锡 («си») – 50% меди и 50% свинца (Pollard, Liu, 2022). Теоретически, слитки первого из компонентов могли использоваться для изготовления металлических изделий скифо-сибирских культур с небольшой (1–5%) долей свинца в составе. Однако разницей в процентном содержании свинца в бронзе Забайкалья и Минусинских котловин (см. сводку Hsu et al., 2016, suppl. 2) может указывать на переплавку готовых китайских изделий, награбленных либо полученных в результате обмена. Ведь состав восточно-жоуских бронз крайне нестабилен, несмотря на существование зафиксированных в каноне «шести рецептов»: процентное содержание свинца в реальности колеблется от 0 до 50% (Pollard, Liu, 2022, Fig. 2, 4). При этом содержание свинца в металле ритуальных сосудов из могил на кладбище циньских гунов VII в. до н. э. – от 2 до 11%, а в остальных изделиях – от 3 до 21% (Шао Аньдин и др., 2015). В более позднем могильнике из провинции Шаньси металл ритуальных сосудов содержит от 3 до 37% свинца, остальных изделий

– от 0,5 до 28% (Хань Бинхуа, Цуй Цзяньфэн, 2009). Разброс содержания свинца в пределах 10–30% фиксируется и в изделиях, входивших в инвентарь погребений так называемой «культуры Юйхуанмяо» периода Восточного Чжоу на границе государства Янь, а в составе большинства бронзовых кинжалов «с волнистым лезвием», ставших характерными тогда же для соседнего Ляонина, свинца содержится от 10 до 20%; состав металла показывает, что здесь господствовали китайские технологии (Хань Жулао, Сюй Чжэнни, 2010).

С точки зрения аномально высокого содержания свинца следствием переплавки изделий из чжоуского Китая могут быть такие предметы раннего железного века из Забайкалья, как два ножа с кольцевым навершием (№ 6 – 5% свинца, № 19 – 10%), фрагмент ножен (№ 11 – 10%), бляшка (№ 26 – 4%), навершие с головой волка (№ 28 – 10%) (Сергеева, 1981, табл. Б, Д), пряжка из плиточной могилы 17 на могильнике Шулуун-Шэнэ-гэльжин (28,2%) (Симухин, 2021, с. 50), а из Прибайкалья – выпуклые бляшки и бляшки от наборного пояса из погребений в бухте Курла (5–10%) (Шмыгун и др., 1981, с. 48), хотя это не исключает вторичного использования «китайских» бронз при выплавке других предметов, содержащих свинец. При этом в Горном Алтае в кургане бийкенской культуры Элекмонар II-1 (самое позднее – первая поло-

вина VII в. до н. э.) обнаружен набор конского снаряжения, судя по аномальному содержанию свинца, полностью изготовленного из переплавленного «китайского» металлолома (Tishkin, 2017, с. 135–137). Все предметы изготовлены из медно-оловянисто-свинцового сплава, в набор входят удила (20–22% свинца на очищенной поверхности), две подпружные пряжки (до 38%, патина), шесть пронизей (41–55%, патина), клювовидная пронизка (40,7%, патина), четыре грибовидные застёжки (20–48%, патина). Исследование проводилось рентгенофлуоресцентным спектрометром, на поверхности предметов, что, конечно, может приводить к искажению результатов, однако подобных значений на материалах скифского времени Алтая еще не получал никто, в том числе и автор исследования – А. А. Тишкин. Таким образом, трофейный металл, добытый в результате известных нам из письменных источников грабительских набегов на чжоуский Китай в IX–VII вв., мог транспортироваться вплоть до Алтая. Думаю, что прояснить вопрос о масштабах вторичного использования награбленного металла ранними номадами евразийских степей, в том числе населением тагарской культуры на сарагашенском этапе, позволит детальный микроэлементный анализ с учетом данных о характеристиках рудных источников Древнего Китая, Алтая и Тянь-Шаня.

Примечания:

¹ Здесь и далее – условное определение медных или бронзовых предметов в отсутствие анализов металла.

² К сожалению, сосуды из музейных коллекций для японских подборок не отрисовывались, а опубликованные фотографии не всегда дают представление о деталях предметов, также в статьях сборника использованы сомнительные рисунки и неясные фото из более ранних публикаций.

³ Слабо выраженный желобок виден на ручках одного из конфискованных в Монголии в 2019 году котлов.

⁴ Котел из округа Чугучак с «арочными» ручками (Го Чжун, Дан Тун, 2015, с. 39) изготовлен по китайской технологии (виден вертикальный литейный шов) и не может учитываться в нашей выборке.

ЛИТЕРАТУРА

Боковенко Н.А. Бронзовые котлы эпохи ранних кочевников в азиатских степях // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа / Отв.ред. Т.Н. Троицкая. Новосибирск: Наука, 1981. С. 42–52.

Боковенко Н.А. Этюд о скифских бронзовых котлах Северного Причерноморья // Клейн Л.С. Археологическая типология. Л.: ЛНИАО ЛФ ЦЭНДИСИ, 1991. С. 256–263.

Бочкарев В.С. Проблема интерпретации европейских кладов металлических изделий эпохи бронзы // Бочкарев В.С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб.: Инфо Ол, 2010. С. 159–164.

Гришин Ю.С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М.: Наука, 1981. 203 с.

Демиденко С.В. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в до н.э. – III в. н.э.). М, 2008. 328 с., цв. ил.

Крюков В.М. Текст и ритуал. Опыт интерпретации древнекитайской эпиграфики эпохи Инь-Чжоу. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 464 с.

Сергеева Н.Ф. Древнейшая металлургия меди юга Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, 1981. 152 с.

Симухин А. И. Металлообработка эпохи бронзы Западного Забайкалья II–I тыс. до н. э. (археологический фонд музея БНЦ СО РАН) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 3. С. 46–59.

Хаврин С.В. Тагарские бронзы Ширинского района Хакасии // А.В.: Сборник научных трудов в честь 60-летия А. В. Виноградова / Ред. С.В. Хаврин. СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2007. С. 115–122.

Шмыгун П.М., Сергеева Н.Ф., Лыхин Ю.П. Погребения с бронзовым инвентарем на Северном Байкале // Новое в археологии Забайкалья / Отв. ред. П.Б. Коновалов. Новосибирск: Наука, 1981. С. 46–50.

Галдан Г., Батдалай Б., Амартүвшин Ч. Умард, төв, баруун бүсийн зарим нутгуудад археологийн мэдээ шалгасан тухай (О проверке археологической информации на некоторых территориях Северного, Центрального и Западного регионов) // Монголын археологи – 2016. Улаанбаатар, 2017. С. 332–339 (в pdf-издании 327–334) (на монгол.яз.)

Соёлын дурсгалт зүйлийг хууль бусаар хил нэвтрүүлэх гэж байсан үйлдлийг илрүүлжээ (Зафиксирована попытка контрабанды культурных реликвий). URL: <https://www.medeec.mn/single/142239> (Дата обращения: 18.06.2023). (на монгол.яз.)

Эрдэнэбаатар Д. Алтны компани хосгүй үнэт өв болох хүрэл тогоо, сав суулгыг ухаж, эвдэлж авсан байна (Золотодобывающая компания раскопала и уничтожила бронзовые котлы и блюда, являющиеся уникальным наследием). URL: <https://dnn.mn> (Дата обращения: 16.06.2023). (на монгол.яз.)

Bray P. J., Pollard A. M. A new interpretative approach to the chemistry of copper-alloy objects: source, recycling and technology // *Antiquity*. Vol. 86. 2012. Iss. 333. P. 853–867.

Bray P. J., Cuenod A., Gosden C., Hommel P., Liu R., Pollard A. M. Form and flow: the ‘karmic cycle’ of copper // *Journal of Archaeological Science*. Vol. 56. 2015. P. 202–209

Hsu Y.-K., Bray P. J., Hommel P., Pollard A. M., Rawson J. Tracing the flows of copper and copper alloys in the Early Iron Age societies of the eastern Eurasian steppe // *Antiquity*. Vol. 90. 2016. Iss. 350. P. 357–375.

Liu R., Pollard A. M. Squeezing mind out of metal: combining textual evidence with scientific data for metallurgy in early dynastic China. // *Archaeological and Anthropological Sciences*. Vol. 14. 2022. Iss. 6, article 117. URL: <https://doi.org/10.1007/s12520-022-01578-3>. (Дата обращения: 23.06.2023).

Pollard A. M., Liu R. The six recipes of Zhou: a new perspective on Jin (金) and Xi (锡) // *Antiquity*. Vol. 96. 2022. Iss. 389. P. 1200–1213.

Průšek Ja. Chinese Statelets and the Northern Barbarians in the Period 1400–300 B. C. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1971. 313 p.

Tishkin A. A. Metallic artifacts of Arjan-Mayemir period from the Altai territory: X-ray fluorescence analysis, cultural and chronological attribution // Теория и практика археологических исследований. 2017. № 1. С. 123–144.

阿勒泰地区文物局,阿勒泰地区博物馆*Алтай дицюй вэнью цзюй, Алтай дицюй боугуань* (Бюро культурного наследия округа Алтай, Музей округа Алтай). 狩猎,游牧,黄金道 Шоуле, юму, хуанцзинь дао (Охота и собирательство, кочевое скотоводство, золотой путь). Урумчи: Синьцзян кэсюэ цзишу чубаньшэ, 2014. 382 с.(на кит.яз.)

白建尧 (Бай Цзяньяо). 丝路瑰宝: 新疆馆藏文物精品图录: 英汉对照 Сылу гуйбао: Синьцзян гуань цзан вэнью цзинпинь ту лу: Ин-Хань дуй чжао (Сокровища Шелкового пути: Иллюстрированный каталог коллекций культурных реликвий из хранилищ музеев Синьцзяна: фотографии с подписями на английском и китайском языках). Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 2010. 364 с. (на кит.яз.)

北京市文物管理处 *Бэйцзин ши вэнью гуаньли чу* (Бюро управления культурными реликвиями города Пекина). 北京市延庆县西拨子村窖藏铜器 Бэйцзин ши Яньцин сянь Сибоцзы цунь цзяоцан тунци. (Клад медных изделий в деревне Сибоцзы уезда Яньцин города Пекина) // Каогу. 1979. № 3. С. 227–230. (на кит.яз.)

王炳华, 伊弟利斯 阿不都, 邢开鼎 (Ван Бинхуа, Идрис Абду, Син Кайдин). 巴里坤县兰州湾子三千年前石构建筑遗址 Баркуль сянь Ланьчжоуваньцзы сань цяннь нянь цяннь шигоу цзяньчжу ичжи (Развалины каменных построек трехтысячелетней давности в Ланьчжоуваньцзы, уезд Баркуль) // 中国考古学

年鉴 1985 Чжунго каогусюэ няньцзянь 1985 (Ежегодник китайской археологической науки, 1985 год). Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1985. С. 255–256. (на кит.яз.)

王博 (Ван Бо). 亚欧草原所见青铜鍍及其研究 Яоу цаюань со цзянь цинтун фу цзи ци яньцзю (Найденные в степях Евразии бронзовые котлы и их исследование) // Синьцзян шифань дасюэ сюэбао (Чжэсюэ шэхуй кэсюэ бань). 1995. № 4. С. 26–34. (на кит.яз.)

王博, 祁小山 (Ван Бо, Ци Сяошань). 新疆出土青铜鍍及族属分析—兼谈亚欧草原青铜鍍 Синьцзян чуту цинтун фу цзи цзу шу фэньси – цзянь тань Яоу цаюань цинтун фу (Раскопаннные в Синьцзяне бронзовые котлы, а также анализ их генеалогии – одновременно обсуждая бронзовые котлы евразийских степей) // 王博, 祁小山 (Ван Бо, Ци Сяошань). 丝绸之路草原石人研究 Сычоу чжи лу цаюань шижэнь яньцзю (Исследование антропоморфных изваяний евразийских степей). Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 1996. С. 276–294. (на кит.яз.)

王林山, 王博 (Ван Линьшань, Ван Бо) Чжунго Аэртай шань цаюань вэньу 中国阿尔泰山草原文物 (Культурное наследие степей китайских гор Алтая). Шэньчжэнь: Синьцзян мэйшу шэин чубаньшэ, 1996. 96 с. (на кит.яз.)

王林山, 李溯源, 王博 (Ван Линьшань, Ли Суюань, Ван Бо). 草原天马游牧人: 伊犁哈萨克自治州文物古迹之旅 Цаюань тяньма юму жэнь: Или хасакэ цзычжичжоу вэньу гуцзи чжи лю (Степные кочевники на небесных лошадях: путешествие по культурным реликвиям и древним памятникам Или-Казахского автономного округа). Куйтунь: Или жэньминь чубаньшэ, 2008. 151 с. (на кит.яз.)

王长启 (Ван Чанци), 西安市文管会藏鄂尔多斯式青铜器及其特征 Сиань ши вэньгуаньхуй цан Эрдосы ши цинтун ци цзи ци тэчжэн (Бронзовые изделия ордосского стиля, собранные Комитетом по управлению культурой города Сиань, а также их особенности) // Каогу юй вэньу. 1991. №4. С. 6–11 (на кит.яз.)

高次若, 王桂枝 (Гао Цицзо, Ван Гуйчжи). 宝鸡县甘峪发现一座春秋早期墓葬 Баоцзи сянь Ганьюй фасянь и цзо Чуньцзю цзао ци муцзан (Гробница ранней фазы Чуньцзю обнаружена в Ганьюй, уезд Баоцзи) // Вэнь бо. 1988. № 4. С. 21. (на кит.яз.)

郭林平 (Го Линьпин). 新疆尼勒克县发现古代铜鍍 Синьцзян Нилки сянь фасянь гудай тун фу (В уезде Нилки, Синьцзян обнаружен медный котел) // Вэньбо. 1998. №1. С. 76. (на кит.яз.)

郭物 (Го У). 郭物青铜鍍在欧亚大陆的初传 Цинтун фу цзай Оуя далу дэ чу чуань (Первоначальное распространение бронзовых котлов «фу» на Евразийском континенте) // Оуя сюэкань. Вып. 1. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1999. С. 122–150. (на кит.яз.)

郭物 (Го У). 鍍中乾坤 – 青铜鍍与草原文明 Фу чжун цяньюнь – цинтун фу юй цаюань вэньминь (Котлы «фу» между небом и землей – бронзовые котлы и степная цивилизация). Шанхай: Шанхай шэхуй кэсюэюань чубаньшэ, 2003. 119 с. (на кит.яз.)

郭众, 党彤 (Го Чжун, Дан Тун). 塔城文物 Тачэн вэньу (Культурные реликвии Тачэна). Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 2015. 179 с. (на кит.яз.)

丁莉, 杨琴, 吴娜, 曹俊, 杨及耘 (Дин Ли, Ян Цинь, У На, Ян Цзюнь). Юаньцзюй Бэйбайэ лян Чжоу муди чуту тун хэ чжун цаньлюу дэ чубу фэньси 垣曲北白鹅两周墓地出土铜盒中残留物的初步分析 (Предварительный анализ остатков содержимого медной шкатулки из могильника эпохи обоих Чжоу Бэйбайэ в уезде Юаньцзюй) // Вэньу сюэкань. 2023. №1. С. 111–119. (на кит.яз.)

开封地区文管会, 新郑县文管会, 郑州大学历史系考古专业 Кайфэн дицзюй вэнь гуань хуй, Синьчжэнь сянь вэнь гуань хуй, Чжэньчжоу дасюэ лиши си каогу чжюань (Комитет по управлению культурой района Кайфэн, Комитет по управлению культурой уезда Синьчжэнь, Кафедра археологии исторического факультета Университета Чжэньчжоу). 河南省新郑县唐户两周墓葬发掘简报 Хэнань шэн Синьчжэнь сянь Танху лян Чжоу муцзан фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках могил эпохи обоих Чжоу в Танху уезда Синьчжэнь провинции Хэнань) // Вэньу цзыляо цункань. Вып. 2. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1977. С. 45–65. (на кит.яз.)

李刚 (Ли Ган). 中国北方青铜器的欧亚草原文化因素 Чжунго бэйфан цинтун ци дэ Оуя цаюань вэньхуа иньсу (Влияние культуры евразийских степей в бронзах Северного Китая). Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2011. 268 с., ил. (на кит.яз.)

李溯源, 吴立, 李枫 (Ли Суюань, У Ли, Ли Фэн). 伊犁河谷铜鍍研究 Или хэгу тун фу яньцзю (Исследование медных котлов «фу» долины Или) // Вэньу. 2013. №6. С. 82–91, 96. (на кит.яз.)

路国权 (Лу Гоцюань). 东周青铜容器谱系研究 Дун Чжоу цинтун жунци пуси яньцзю (Исследование генеалогии бронзовых ритуальных сосудов [периода] Восточного Чжоу). Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2018. В 2-х тт. 1063 с. (на кит.яз.)

刘国瑞, 祁小山 (*Лю Гожуй, Ци Сяошань*). 哈密古代文明 哈ми гудай вэньмин (Древняя цивилизация Хаами). Шэньчжэнь: Синьцзян мэйшу шэин чубаньшэ, 1997. 87 с. (на кит.яз.)

刘国祥 (*Лю Госян*). 夏家店上层文化青铜器研究 夏家店上层文化青铜器研究 夏家店上层文化青铜器研究 // Каогу сюэбао. 2000. № 4. С. 451–500. (на кит.яз.)

梅建军, 王博, 李肖 (*Мэй Цзяньцзюнь, Ван Бо, Ли Сяо*). 新疆出土铜腹的初步科学分析 新疆出土铜腹的初步科学分析 新疆出土铜腹的初步科学分析 // Каогу. 2005. №4. С. 78–84. (на кит.яз.)

内蒙古自治区文物考古研究所, 宁城县辽中京博物馆编者 *Нэймэнгу цзычжицзюй вэньу каогу яньцзюсо, Нинчэн сянь Ляо чжун цзин боугуань* (Институт культурных реликвий и археологии Автономного района Внутренняя Монголия, Музей Средней столицы Ляо уезда Нинчэн). 小黑石沟: 夏家店上层文化遗址发掘报告 夏家店上层文化遗址发掘报告 夏家店上层文化遗址发掘报告 // Сяохэйшигоу: Сяцзядянь шан цэн вэньхуа ичжи фацзюэ баогао (Сяохэйшигоу: отчет о раскопках поселения памятника культуры верхнего слоя Сяцзядянь). Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2009. 488 с. (на кит.яз.)

逢锐之 (*Пан Жуйчжи*). 晋国霸权与春秋时期国家间体系稳定 晋国霸权与春秋时期国家间体系稳定 晋国霸权与春秋时期国家间体系稳定 // Гоцзи чжэнчжи кэсюэ. 2019. Т. 4, № 4. С. 119–156 (на кит.яз.)

庞文龙, 崔琰英 (*Пань Вэньлун, Цуй Вэньин*). 岐山王家村出土青铜器 岐山王家村出土青铜器 岐山王家村出土青铜器 // Вэнь бо. 1989. № 1. С. 91–92. (на кит.яз.)

三门峡市文物考古研究所, 义马市文物保护管理所 *Саньмэнься ши вэньу каогу яньцзюсо, Има ши вэньу баоху гуаньли со* (Институт культурных реликвий и археологии города Саньмэнься, Управление охраны культурных реликвий города Има). 河南义马上石河春秋墓发掘简报 河南义马上石河春秋墓发掘简报 河南义马上石河春秋墓发掘简报 // Хэнань Има Шаншихэ Чуныцю му фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках могил [периода] Чуныцю в Шаншихэ, город Има, Хэнань) // Чжуньюань вэньу. 2019. № 4. С. 4–18 (на кит.яз.)

谢尧亭 (*Се Яотин*). 晋南地区西周墓葬研究 晋南地区西周墓葬研究 晋南地区西周墓葬研究 // Цзинь нань дицзюй Си Чжоу муцзан яньцзю (Исследование западножюуских погребальных сооружений южного региона [владения] Цзинь): дис. ... д-ра наук. Чанчунь, 2010. 463 с. (на кит.яз.)

西安市文物管理处 *Сиань ши вэньу гуаньли чу* (Бюро по управлению культурными реликвиями города Сиань). 陕西长安新旺村, 马王村出土的西周铜器 陕西长安新旺村, 马王村出土的西周铜器 陕西长安新旺村, 马王村出土的西周铜器 // Шэньси Чанъань Синьванцунь, Маванцунь чу ту дэ Си Чжоу тунци (Медные изделия [периода] Западное Чжоу, выкопанные в Синьванцунь и Маванцунь, уезд Чанъань, Шэньси) // Каогу. 1974. №1. С. 1–5 (на кит.яз.)

新疆阿勒泰: 目前国内最早的碳化小麦今日正式亮相 新疆阿勒泰: 目前国内最早的碳化小麦今日正式亮相 新疆阿勒泰: 目前国内最早的碳化小麦今日正式亮相 // Синьцзян Алэтай: муцянь гонэй цзуйцзаодэ таньхуа сяомай цзиньжи чжэнши лянсян (Алтай, Синьцзян: сегодня официально представлена самая ранняя на настоящий момент в стране обуглившаяся пшеница), 2021. URL: <http://m.cntgol.com/rcarticle/251826> (Дата обращения: 21.06.2023). (на кит.яз.)

新疆维吾尔自治区社会科学院考古研究所 *Синьцзян вэйуэр цзычжицзюй шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо* (Институт археологии академии общественных наук Синьцзяна-Уйгурского автономного района). 新疆古代民族文物 新疆古代民族文物 新疆古代民族文物 // Синьцзян гудай миньцзу вэньу (Культурные реликвии древних народностей Синьцзяна). Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1985. 22, 4, 19 с., 175 л. илл., разд. пагин. (на кит.яз.)

新疆维吾尔自治区文物局 *Синьцзян вэйуэр цзычжицзюй вэньу цзюй* (Бюро культурных реликвий Синьцзян-Уйгурского автономного района). 新疆维吾尔自治区第三次全国文物普查成果集成. 阿勒泰地区卷 新疆维吾尔自治区第三次全国文物普查成果集成. 阿勒泰地区卷 新疆维吾尔自治区第三次全国文物普查成果集成. 阿勒泰地区卷 // Синьцзян вэйуэр цзычжицзюй ди сань цы цюаньго вэньу пуча чэнго цичэн. Алэтай дицзюй цзюань (Собрание результатов третьей общегосударственной кампании учёта объектов культурного наследия в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Округ Алтай). Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2011. 225 с. (на кит.яз.)

新疆昌吉回族自治州文物局 *Синьцзян Чанцзи хуйцзу цзычжичжюу вэньу цзюй* (Бюро культурных реликвий Чанцзи-Хуэйского автономного округа). 丝绸之路天山廊道—新疆昌吉古代遗址与馆藏文物精品 丝绸之路天山廊道—新疆昌吉古代遗址与馆藏文物精品 丝绸之路天山廊道—新疆昌吉古代遗址与馆藏文物精品 // Сычоу чжи лу Тяньшань ландао – Синьцзян Чанцзи гудай ичжи юй гуань цзан вэньу цзинпинь (Тянь-Шаньский коридор Шелкового пути – коллекции культурных реликвий из древних руин и музейных хранилищ в Чанцзи, Синьцзян). Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2014. В 2-х тт. 680 с. (на кит.яз.)

宋佳雯, 邵会秋 (*Сун Цзявэнь, Шао Хуйцю*). 两周时期北方地区铜鍪再研究——兼谈椭方口鍪的起源 两周时期北方地区铜鍪再研究——兼谈椭方口鍪的起源 两周时期北方地区铜鍪再研究——兼谈椭方口鍪的起源 // Лян Чжоу шици бэйфан дицзюй тун фу цзай яньцзю – цзянь тань тофан коуфу дэ цюань (Предпри-

нятое вновь исследование медных котлов северного региона периода обоих Чжоу, а также обсуждение происхождения котлов с овальным устьем) // Цаюань вэнь. 2022. №1. С. 61-73. (на кит.яз.)

项春松, 李义 (*Сян Чуньсун, Ли И*). 宁城小黑石沟石椁墓调查清理报告 Нинчэн Сяохэйшигоу ши цзо му дяоча цинли баогао (Отчет об исследовательской зачистке могилы с каменным гробом в Сяохэйшигоу, Нинчэн) // Вэнь. 1995. № 5. С. 4-22, 97-98 (на кит.яз.)

咸阳市文物考古研究所 *Сяньян ши вэньу каогу яньцзюсо* (Институт культурных реликвий и археологии города Сяньян). 任家咀秦墓 Жэньцзяцзюй Цинь му (Могилы Цинь в Жэньцзяцзюй). Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2005. 499 с. (на кит.яз.)

滕铭予 (*Тэн Минъюй*). 中国北方地区两周时期铜鎔的再探讨 – 兼论秦文化中所见铜鎔 Чжунго бэйфан дицзюй лян Чжоу шици тун фу дэ цзай таньтао – цзянь лунь Цинь вэньхуа чжун со цзянь тун фу (Возобновленное обсуждение медных котлов «фу» периода обоих Чжоу в северных регионах Китая – а также о медных котлах «фу», наблюдаемых в культуре [царства] Цинь) // Бяньцзян каогу яньцзю. Вып. 1. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2002. С. 34-54. (на кит.яз.)

田伟 (*Тянь Вэй*). 由新见材料再论绛县横水、翼城大河口墓地的性质 Ю синь цзянь цайляо цзай лунь Цзянсянь Хэншуй, Ичэн Дахэкоу муди дэ синьчжи (Дальнейшее обсуждение природы могильников Хэншуй в уезде Цзянсянь и Дахэкоу в уезде Ичэн в соответствии с новым взглядом на материал) // Гугун боюань юанькань. 2022. №8 (244). С. 62-71 (на кит.яз.)

武俊华, 陈小三 (*У Цзюньхуа, Чэнь Сяосань*). 山西出土先秦两汉青铜器纵论 Шаньси чуту сянь Цинь лян Хань цинтун ци цзунлунь (Комплексное обозрение бронзовых изделий до-циньского времени, Цинь и обеих Хань, выкопанных в провинции Шаньси) // 于沃集: 曲村一天马遗址发现60周年暨晋侯墓地发掘30周年纪念文集 Юйво цзи: Цюйцунь – Тяньма ичжи фасянь 60 чжоунянь цзи Цзинь хоу муди фацзюэ 30 чжоунянь цзинянь вэньцзи (Сборник Юйво: 60 лет открытию руин Цюйцунь – Тяньма, а также 30-летие раскопок кладбища цзиньских хоу) / 山西省考古研究院, 北京大学考古文博学院, 曲沃县文化和旅游 Шаньси шэн каогу яньцзююань, Бэйцзин дасюэ каогу вэньбо сюэюань, Цюйво сянь вэньхуа хэ люйю цзюй (Институт археологии провинции Шаньси, Факультет археологии и музеологии Пекинского университета, Бюро культурного наследия и туризма уезда Цюйво). Тайюань: Сань Цинь чубаньшэ, 2022. С. 284-321 (на кит.яз.)

冯好 (*Фэн Хао*). 草原遗珍 两千多年前的青铜列鼎 Цаюань ичжэнь – лян цянью дуо нянь цянью дэ цинтун ле дин (Наследие степи – бронзовые сосуды «дин» более чем двухтысячелетнего возраста) // Цяньсянь. 2011. № 2. С. 63. (на кит.яз.)

韩炳华, 崔剑锋 (*Хань Бинхуа, Цуй Цзяньфэн*). 山西长治分水岭东周墓地出土青铜器的科学分析 Шаньси Чанчжи Фэньшуйлин муди чуту цинтунци дэ кэсюэ фэньси (Естественнонаучные анализы бронзовых предметов, выкопанных на могильнике Фэньшуйлин, уезд Чанчжи, Шаньси) // Каогу. 2009. № 7. С. 80-88. (на кит.яз.)

韩汝唠, 许征尼 (*Хань Жүлао, Сюй Чжэньни*). 北京市延庆县山戎墓地出土铜器的鉴定 Бэйцзин ши Яньцин сянь шаньжун муди чуту тунци дэ цзяньдин (Идентификация бронзовых изделий, выкопанных на могильниках шаньжунов в уезде Яньцин, город Пекин) // 北京市文物研究所 *Бэйцзин ши вэньу яньцзюсо* (Пекинский институт культурных реликвий). 军都山墓地. 葫芦沟与西梁堽 Цзюньдушань муди. Хулугоу юй Силянгуан (Могильники в горах Цзюньдушань. Хулугоу и Силянгуан). Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2010. С. 598-652. (на кит.яз.)

贺勇、刘建中 (*Хэ Юн, Лю Цзяньчжун*). 河北怀来甘子堡发现的春秋墓群 Хэбэй Хуайлай Ганьцзыбао фасянь дэ Чуньцю мусюн (Кладбище периода Чуньцю, обнаруженное в Ганьцзыбао уезда Хуайлай провинции Хэбэй) // Вэньу чуньцю. 1993. №2. С. 23-40, 75. (на кит.яз.)

河南省文物研究所, 三门峡市文物工作队 *Хэнань шэн вэньу яньцзюсо, Саньмэнься ши вэньу гунцзо дуй* (Институт культурных реликвий провинции Хэнань, Рабочая группа культурных реликвий города Саньмэнься). 三门峡虢国墓 (第一卷) Саньмэнься Го го му (ди и цзюань) (Могилы царства Го в Саньмэнься (первый выпуск)). Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1999. Т. 1. 607 с., Т. 2. 8+176 с. (на кит.яз.)

曹玮 (*Цао Вэй*). 周原青铜器 Чжоюань чуту цинтун ци (Бронзовые изделия Чжоюань). Чэнду: Ба Шу шушэ, 2005. В 10 тт. 2280 с. (на кит.яз.)

井中伟 (*Цзин Чжунвэй*). 早期中国青铜戈, 戟研究 Цзао ци Чжунго цинтун гэ, цзи яньцзю (Исследование китайских бронзовых клевцов «гэ», «цзи» раннего периода). Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2011. 446 с. (на кит.яз.)

靳枫毅, 王继红 (*Цзинь Фэнъи, Ван Цзихун*). 山戎文化所含燕与中原文化因素之分析 Шаньжун вэньхуа сохань Янь юй Чжунъюань вэньхуа иньсу чжи фэньси (Анализ элементов культуры Янь и Центральной Равнины, содержащихся в культуре шаньжунов) // Каогу сюэбао. 2001. № 1. С. 43–72. (на кит.яз.)

祁小山, 王博 (*Ци Сяошань, Ван Бо*). 丝绸之路.新疆古代文化 Сычоу чжи лу. Синьцзян гудай вэньхуа (Шёлковый путь. Древняя культура Синьцзяна). Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 2008. 304 с. (на кит.яз.)

祁小山, 王博 (*Ци Сяошань, Ван Бо*). 丝绸之路.新疆古代文化 (续) Сычоу чжи лу. Синьцзян гудай вэньхуа (сюй) (Шёлковый путь. Древняя культура Синьцзяна (продолжение)). Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 2016. 432 с. (на кит.яз.)

张平 (*Чжан Пин*). Цаюань миныйцу вэньхуа дэ линхунь: Синьцзян цаюань вэньхуа ицзи каоча 草原民族文化的灵魂: 新疆草原文化遗迹考察 (Душа культуры народов степей: исследование памятников культуры степей Синьцзяна). Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 2006. 232 с. (на кит.яз.)

张昌平 (*Чжан Чанпин*). 从北白鹅墓地看周人东迁后的社会变局 Цун Бэйбайэ муди кань Чжоу жэнь дун цян хуо дэ жэхуй бяньцзюй (Социальные изменения после переселения чжоусцев на восток на основе рассмотрения могильника Бэйбайэ) // Вэньбу сюэкань. 2022. № 4. С. 52–57. (на кит.яз.)

张玉忠 (*Чжан Юйчжун*). Синьцзян Или дицзюй фасянь дэ дасин тун ци 新疆伊犁地区发现的大型铜器 (Крупногабаритные медные предметы, обнаруженные в округе Или, Синьцзян) // Вэньбо. 1985. № 6. С. 79–80. (на кит.яз.)

张玉忠, 赵德荣 (*Чжан Юйчжун, Чжао Дэжун*). 伊犁河谷新发现的大型铜器及有关问题 Или хэ гу синь фасянь дэ дасин тун ци цзи югуань вэньти (Недавно обнаруженные в долине реки Или крупногабаритные медные предметы, а также относящиеся к этому вопросы) // Синьцзян вэньбу. 1991. №2. С. 42–48. (на кит.яз.)

张玉忠, 赵德荣 (*Чжан Юйчжун, Чжао Дэжун*). Или хэ гу синь фасянь дэ дасин тун ци цзи югуань вэньти 伊犁河谷新发现的大型铜器及有关问题 (Недавно обнаруженные в долине реки Или крупногабаритные медные предметы, а также относящиеся к этому вопросы) // 新疆文物考古研究所, 新疆维吾尔自治区博物馆 *Синьцзян вэньбу каогу яньцзюсо, Синьцзян вэйуэр цзычжэцзюй боугуань (Институт культурных реликвий и археологии Синьцзяна, Музей Синьцзян-Уйгурского автономного округа)*. 新疆文物考古新收获: 续 (1990–1996) Синьцзян вэньбу каогу синь шоуху: сюй (1990–1996) (Новые достижения в области культурных реликвий и археологии в Синьцзяне: продолжение (1990–1996)). Урумчи: Синьцзян мэйшу шэин чубаньшэ, 1997. С. 363–370 (на кит.яз.)

中国科学院考古研究所 *Чжунго кэсюэюань каогу яньцзюсо (Институт археологии Академии наук Китая)*. 上村岭虢国墓地 Шанцуньлин Го го муди (Могильник царства Го в Шанцуньлине). Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 1959. 158 с., илл. (на кит.яз.)

郑立超 (*Чжэн Личао*). 河南义马上石河春秋墓地 M35 出土铜及相关问题 Хэнань Има Шаншихэ Чуньцю муди M35 чу ту тун ци сянгунь вэньти (Бронзы, выкопанные из могилы M35 периода Чуньцю в Шаншихэ, город Има, Хэнань, а также имеющие отношение к этому вопросы) // Чжунъюань вэньбу. 2019. № 4. С. 113–116. (на кит.яз.)

郑州市文物考古研究院, 登封市文物管理局 *Чжэнчжоу ши вэньбу каогу яньцзююань, Дэньфэн ши вэньбу гуаньли цзюй (Институт культурных реликвий и археологии города Чжэнчжоу, Управление культурными реликвиями города Дэньфэн)*. 河南登封告成春秋墓发掘简报 Хэнань Дэньфэн Гаочэн Чуньцю му фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках могил периода Чуньцю в Гаочэн, город Дэньфэн, Хэнань) // Вэньбу. 2009. № 9. С. 21–42. (на кит.яз.)

陈晓宇, 谢尧亭 (*Чэнь Сяюй, Се Яотин*). Ши лунь Дахэкоу юй Хэншуй муди лю цзо муцзан дэ няньдай цзи тэчжэн 试论大河口与横水墓地六座墓葬的年代及特征 (Относительно датировки и особенностей шести могильных сооружений могильников Дахэкоу и Хэншуй) // Вэньбу шицзе. 2020. № 1. С. 16–22 (на кит.яз.)

山西省考古研究所 *Шаньси шэн каогу яньцзюсо (Институт археологии провинции Шаньси)*. 万荣庙前东周墓葬发掘收获 Ваньжун Мяоцян Дун Чжоу муцзан фацзюэ шоухо (Результаты раскопок могил периода Восточного Чжоу в Мяоцян уезда Ваньжун) // 三晋考古. 第一辑 Сань Цзинь каогу. Ди и цзи (Археология Трех Цзинь. Выпуск первый). Тайюань: Шаньси жэньминь чубаньшэ, 1994а. С. 218–250. (на кит.яз.)

山西省考古研究所 *Шаньси шэн каогу яньцзюсо (Институт археологии провинции Шаньси)*. 1976 年闻喜上郭村周代墓葬清理记 1976 нянь Вэньси Шангоцунь Чжоу дай муцзан цинли цзи (Записи о зачистке могил эпохи Чжоу в Шангоцунь, уезд Вэньси, в 1976 году) // 三晋考古. 第一辑 Сань Цзинь

каогу. Ди и цзи (Археология Трех Цзинь. Выпуск первый). Тайюань: Шаньси жэньминь чубаньшэ, 19946. С. 123–138. (на кит.яз.)

山西省考古研究院, 长子县文化旅游发展中心 *Шаньси шэн каогу яньцзююань, Чанцзы сянь вэнью люйю фачжань чжунсинь (Институт археологии провинции Шаньси, Центр развития туризма в области культурного наследия уезда Чанцзы)*. 长子西南呈西周墓地 Чанцзи Синаньчэн Си Чжоу муди (Могильник эпохи Западного Чжоу Синаньчэн в Чанцзи). Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2021a. 486 с., ил. (на кит.яз.)

山西省考古研究院 *Шаньси шэн каогу яньцзююань (Институт археологии провинции Шаньси)*. 棚金集萃——山西绛县横水西周墓地出土青铜器 Пэн цзинь цзицуй: Шаньси Исянь Хэншуй Си Чжоу муди чуту цинтунци (Коллекция металла государства Пэн: бронзовые предметы, выкопанные на могильнике эпохи Западного Чжоу Хэншуй, уезд Исянь, Шаньси. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 20216. В 2-х тт. 820 с. (на кит.яз.)

邵安定, 孙淑云, 梅建军, 陈坤龙, 王辉 (*Шао Аньдин, Сунь Шуюнь, Мэй Цзяньцзюнь, Чэнь Куньлун, Ван Хуй*). 甘肃礼县大堡子山秦公墓出土金属器的科学分析与研究 Ганьсу Ли сянь Дабаоцзышань Цинь гун му чуту цзинь шуци дэ кэсюэ фэньси юй яньцзю (Естественнонаучные анализы и исследование металлического инвентаря из гробниц циньских гунов в горах Дабаоцзы, уезд Лисянь, Ганьсу) // Вэнью. 2015. № 10. С. 86–96, 69. (на кит.яз.)

陕西省雍城考古队 *Шэньси шэн Юнчэн каогу дуй (Юнчэнская археологическая группа провинции Шэньси)*. 一九八二年凤翔雍城秦汉遗址调查简报 И цзю ба эр нянь Фэнсян Юнчэн Цинь Хань ичжи дяоча цзяньбао (Краткий отчет о разведке руин [периодов] Хань и Цинь в Юнчэне, уезд Фуфэн, в 1982 году) // Каогу юй вэнью. 1984. № 2. С. 23–31. (на кит.яз.)

陕西省雍城考古队 *Шэньси шэн Юнчэн каогу дуй Юнчэнская археологическая группа провинции Шэньси)*. 一九八一年凤翔八旗屯墓地发掘简报 И цзю бай и нянь Фэнсян Бацитунь муди фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках могильника Бацитунь в уезде Фэнсян в 1981 году) // Каогу юй вэнью. 1986. № 5. С. 23–44 (на кит.яз.)

陕西省雍城考古队, 尚志儒, 赵丛苍 *Шэньси шэн Юнчэн каогу дуй, Шан Чжисжу, Чжао Цунцан (Юнчэнская археологическая группа провинции Шэньси, Шан Чжисжу, Чжао Цунцан)*. 陕西凤翔八旗屯西沟道秦墓发掘简报 Шэньси Фуфэн Бацитунь Сигоудао Цинь му фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках циньских могил [на могильнике] Сигоудао в Бацитунь, уезд Фуфэн, Шэньси) // Вэньбо. 1986. № 3. С. 3–31. (на кит.яз.)

陕西省考古研究所雍城工作站 *Шэньси шэн каогу яньцзююо Юнчэн гунцзо чжань (Юнчэнская рабочая станция Института археологии провинции Шэньси)*. 凤翔邓家崖秦墓发掘简报 Фэнсян Дэнцзя Цинь му фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках циньских могил в Дэнцзя уезда Фэнсян) // Каогу юй вэнью. 1991. № 2. С. 14–19. (на кит.яз.)

草原考古研究会 *Согэн коко кэнкюкай (Общество исследования археологии степей)*. 鍍の研究—ユーラシア草原の祭器・什器 То но кэнкю – Юрасиа согэн но сай ки дзю ки (Исследование котлов – ритуальная и хозяйственная утварь степей Евразии). Токио: Юзанкаку, 2011. 384 с. (на япон.яз.)

高濱秀 (*Такахама Шу*). 中国の鍍 Тюгоку но то (Котлы Китая) // 草原考古研究会 *Согэн коко кэнкюкай (Общество исследования археологии степей)*. 鍍の研究—ユーラシア草原の祭器・什器 То но кэнкю – Юрасиа согэн но сай ки дзю ки (Исследование котлов – ритуальная и хозяйственная утварь степей Евразии). Токио: Юзанкаку, 2011. С. 9–94. (на япон.яз.)

畠山禎 (*Хатакэяма Тэй*). シベリアの鍍 Сибيريا но то (Котлы Сибири) // 草原考古研究会 *Согэн коко кэнкюкай (Общество исследования археологии степей)*. 鍍の研究—ユーラシア草原の祭器・什器 То но кэнкю – Юрасиа согэн но сай ки дзю ки (Исследование котлов – ритуальная и хозяйственная утварь степей Евразии). Токио: Юзанкаку, 2011. С. 119–190 (на япон.яз.)

雪嶋宏一 (*Юкисима Коичи*). 先スキタイ～スキタイ時代の中央ユーラシア草原西部の鍍 Саки сукитай – сукитай дзидай но тую Юрасиа согэн сэйбу но то (Котлы западного региона центральноевразийской степи доскифского и скифского периодов) // 草原考古研究会 *Согэн коко кэнкюкай (Общество исследования археологии степей)*. 鍍の研究—ユーラシア草原の祭器・什器 То но кэнкю – Юрасиа согэн но сай ки дзю ки (Исследование котлов – ритуальная и хозяйственная утварь степей Евразии). Токио: Юзанкаку, 2011. С. 255–292. (на япон.яз.)

柳生俊樹 (*Ягю Тошики*). 天山北方地域における前1千年紀の鍍 Тэнсян хоппо тиики ни океру зен 1 сэннэн ки но то (Котлы 1 тыс. до н.э. региона на север от Тяньшаня) // 草原考古研究会 *Согэн коко кэнкюкай (Общество исследования археологии степей)*. 鍍の研究—ユーラシア草原の祭器・什器 То

но кэнкю – Юрасиа согэн но сай ки дзю ки (Исследование котлов – ритуальная и хозяйственная утварь степей Евразии). Токио: Юзанкаку, 2011. С. 191-254. (на япон.яз.)

Информация об авторе:

Ковалев Алексей Анатольевич, научный сотрудник, отдел сохранения археологического наследия, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); chemurchek@mail.ru

REFERENCES

- Bokovenko, N. A. 1981. In Troitskaya, T. N. (ed.). *Problemy Zapadnosibirskoi arkheologii. Epokha zheleza (Issues of West Siberian Archaeology. The Iron Age)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 42–52 (in Russian).
- Bokovenko, N. A. 1991. In Klejn, L. S. *Arkheologicheskaya tipologiya (Archaeological typology)*. Leningrad: "LNAIO LF TSENDISI" Publ., 256–263 (in Russian).
- Bochkarev, V. S. 2010. In Bochkarev, V. S. *Kul'turogenез i drevnee metalloproizvodstvo Vostochnoy Evropy (Cultural genesis and ancient metal production of Eastern Europe)*. Saint Petersburg: "Info Ol" Publ., 159–164 (in Russian).
- Grishin, Yu. S. 1981. *Pamyatniki neolita, bronzovogo i rannego zhelezного vekov lesostepного Zabaykal' Pamyatniki neolita, bronzovogo i rannego zhelezного vekov lesostepного Zabaykal'ya (Monuments of the Neolithic, Bronze and Early Iron Ages of the forest-steppe Transbaikalia)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Demidenko, S. V. 2008. *Bronzovye kotly drevnikh plemen Nizhnego Povolzh'ia i Iuzhnogo Priural'ia (V v do n.e. - III v. n.e.) (Bronze Cauldrons of Ancient Tribes from the Lower Volga and the Southern Urals (5th Century B.C. – 3rd Century A.D.))*. Moscow (in Russian).
- Kryukov, V. M. 2000. *Tekst i ritual. Opyt interpretatsii drevnekitayskoy epigrafiki epokhi In'-Chzhou (Text and ritual. Experience in the interpretation of ancient Chinese epigraphy of the Yin-Zhou Periods)*. Moscow: "Pamyatniki istoricheskoy mysli" Publ. (in Russian).
- Sergeyeva, N. F. 1981. *Drevneyshaya metallurgiya medi yuga Vostochnoy Sibiri (Ancient copper metallurgy in the south of Eastern Siberia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Simukhin, A. I. 2021. In *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy (Review of the Laboratory of ancient technologies)* 17 (3), 46–59 (in Russian).
- Khavrin, S. V. 2007. In Khavrin, S. V. (ed.). *A.V.: Sbornik nauchnykh trudov v chest' 60-letiya A. V. Vinogradova. (A.V.: Collection of scientific works in honor of the 60th anniversary of A.V. Vinogradov)*. Saint Petersburg: "Kul't-Inform-Press" Publ., 115–122 (in Russian).
- Shmygun, P. M., Sergeeva, N. F., Lykhin, Yu. P. 1981. In Kononov, P. B. (ed.). *Novoe v arkheologii Zabaikal'ia (Recent Information on the Archaeology of trans-Baikal Region)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 46–50 (in Russian).
- Galdan, G., Batdalai, B., Amartuvshin, Ch. 2017. *Umard, töv, baruun büsiin зарим nutguudad arkheologiiin medee shalgasan tukhai (About checking archaeological information in some areas of the North, Central and West regions)*. In *Mongolyn arkheologi – 2016*. Ulaanbaatar, 332–339 (327–334 in pdf issue) (in Mongolian).
- Soyolyn dursgalt züiliig khuuli busaar khil nevrüülekh gej baisan üildliig ilrüüljee (An attempt to smuggle cultural relics into the country was discovered)*. Available at: URL: <https://www.medee.mn/single/142239> (accessed 18.06.2023) (in Mongolian).
- Erdenebaatar, D. 2016. *Altny kompani khosgüi ünet öv bolokh khürel togoo, sav suulgyg ukhaj, evdelj avsan baina. (The gold mining company excavated and destroyed bronze cauldrons and vessels, which are a unique heritage)*. Available at: URL: <https://dnn.mn> (accessed 16.06.2023) (in Mongolian).
- Bray, P. J., Pollard, A. M. 2012. In *Antiquity* 86 (333), 853–867.
- Bray, P. J., Cuenod, A., Gosden, C., Hommel, P., Liu, R., Pollard, A. M. 2015. In *Journal of Archaeological Science* 56, 202–209.
- Hsu, Y.-K., Bray, P. J., Hommel, P., Pollard, A. M., Rawson, J. 2016. In *Antiquity*. 90 (350), 357–375.
- Liu, R., Pollard, A. M. 2022. In *Archaeological and Anthropological Sciences* 14 (6), article 117. Available at: URL: <https://doi.org/10.1007/s12520-022-01578-3>. (accessed 23.06.2023)
- Pollard, A. M., Liu, R. 2022. In *Antiquity*. 96 (389), 1200–1213.
- Průšek, Ja. 1971. *Chinese Statelets and the Northern Barbarians in the Period 1400–300 B. C.* Dordrecht: D. Reidel Publishing Company.

Tishkin, A. A. 2017. In *Teoriia i praktika arkhologicheskikh issledovaniï (Theory and Practice of Archaeological Research)* 1, 123–144 (in English).

阿勒泰地区文物局,阿勒泰地区博物馆 Aletai diqu wenwu ju, Aletai diqu bowuguan (Altay Prefecture Cultural Relics Bureau, Altay Prefectural Museum) (ed). 2014. 狩猎,游牧,黄金道 *Shoulie, youmu huangjin dao (Hunting and Gathering, Nomadic Pastoralism, Golden Road)*. Urumqi: Xinjiang kexue jishu chubanshe (in Chinese).

白建尧 (Bai Jianyao). 2010. 丝路瑰宝: 新疆馆藏文物精品图录: 英汉对照 *Silu guibao: Xinjiang guan zang wenwu jingpin tu lu: Yinn-Han dui zhao* (Silk Road Treasures: Illustrated catalog of collections of cultural relics from Xinjiang Museums Repositories: Photos with captions in English and Chinese). Urumqi: Xinjiang renmin chubanshe (in Chinese).

北京市文物管理处 Beijing shi wenwu guanli chu (Beijing City Cultural Relics Management Bureau). 1979. 北京市延庆县西拨子村窖藏铜器 *Beijing shi Yanqing xian Xibozi cun jiaocang tongqi (Hoard of copper artifacts in Xibozi village, Yanqing County, Beijing City)*. In *Kaogu* 3, 227–230 (in Chinese).

王炳华, 伊弟利斯 阿不都, 邢开鼎 (Wang Binghua, Idris Abdu, Xing Kaiding) 1985. 巴里坤县兰州湾子三千年前石构建筑遗址 *Balikun xian Lanzhouwanzi san qian nian qian shigou jianzhu yizhi (Ruins of 3,000-year-old stone structures in Lanzhouwanzi, Barkul County)*. In *中国考古学年鉴 1985 Zhongguo kaoguxue nianjian 1985 (Annual of Chinese Archaeology, 1985 year)*. Beijing: Wenwu chubanshe, 255–256 (in Chinese).

王博 (Wang Bo). 1995. 亚欧草原所见青铜镬及其研究 *Yaou caoyuan suo jian qingtong fu ji qi yanjiu (Bronze cauldrons found in the steppes of Eurasia and their research)*. In *Xinjiang shifan daxue xuebao (Zhhexue shehui kexue ban)*, 4, 26–34 (in Chinese).

王博, 祁小山 (Wang Bo, Qi Xiaoshan). 1996. 新疆出土青铜镬及族属分析—兼谈亚欧草原青铜镬 *Xinjiang chutu qingtong fu ji zu shu fengxi – jian tan Yaou caoyuan qingtong fu (Bronze cauldrons unearthed in Xinjiang, as well as analysis of their genealogy – while discussing the bronze cauldrons of the Eurasian steppes)*. In 王博, 祁小山 (Wang Bo, Qi Xiaoshan). *丝绸之路草原石人研究 Sichou zhi lu caoyuan shiren yanjiu (Research on Stone Anthropomorphs in the Steppe of the Silk Road)*. Urumqi: Xinjiang renmin chubanshe, 276–294 (in Chinese).

王林山, 王博 (Wang Linshan, Wang Bo). 1996. 中国阿尔泰山草原文物 *Zhongguo Aertai shan caoyuan wenwu (Cultural heritage of Steppe of Chinese Altay Mountains)*. Shenzhen: Xinjiang meishu sheying chubanshe (in Chinese).

武俊华, 陈小三 (Wu Junhua, Chen Xiaosan). 2022. 山西出土先秦两汉青铜器纵论 *Shanxi chutu xian Qin liang Han qingtong qi zonglun (A comprehensive review of the bronzes of pre-Qin period, Qin and two Han dynasties unearthed in Shanxi)*. In 于沃集: 曲村一天马遗址发现60周年暨晋侯墓地发掘30周年纪念文集 *Yuwo ji: Qucun – Tianma yizhi faxian 60 zhounian ji Jin hou mudifajue 30 zhounian jinian wenji (Yuwo Collection: Collected Works Commemorating the 60th Anniversary of the Discovery of the Tianma Site in Qucun and the 30th Anniversary of the Excavation of the Jin Hou Cemetery)* / 山西省考古研究院, 北京大学考古文博学院, 曲沃县文化和旅游局 *Shanxi sheng kaogu yanjiuyuan, Beijing daxue kaogu wenbo xueyuan, Quwo xian wenhua he luyou ju (Shanxi Provincial Institute of Archaeology, Peking University School of Archaeology and Museology, Quwo County Culture and Tourism Bureau)*. Taiyuan: San Jin chubanshe, 284–321 (in Chinese).

王林山, 李溯源, 王博 (Wang Linshan, Li Suyuan, Wang Bo). 2008. 草原天马游牧人: 伊犁哈萨克自治州文物古迹之旅 *Caoyuan tianma youmu ren. Yili hasake zizhizhou wenwu guji zhi lu (The Nomads on Heaven Horses of the Grassland: A Tour of Cultural Relics and Historic Sites in Ili Kazakh Autonomous Prefecture)*. Kuitun: Yili renmin chubanshe (in Chinese).

王长启 (Wang Changqi). 1991. 西安市文管会藏鄂尔多斯式青铜器及其特征 *Xi'an shi wenguanhui cang Erduosi shi qingtong qi ji qi tezheng (Bronzes of Ordos Style collected by Xi'an Cultural Management Committee, as well as their features)*. In *Kaogu yu wenwu* 4, 6–11 (in Chinese).

高次若, 王桂枝 (Gao Qiruo, Wang Guizhi). 1988. 宝鸡县甘峪发现一座春秋早期墓葬 *Baoji xian Ganyu faxian yi zuo Chunqiu zao qi muzang (An tomb of early period of Spring and Autumn era was discovered in Ganyu, Baoji County)*. In *Wen bo*, 4, 21 (in Chinese).

郭林平 (Guo Linping). 1998. 新疆尼勒克县发现古代铜镬 *Xinjiang Nieleke xian faxiabu gudai tong fu (Copper cauldron was unearthed in Nilki County, Xinjiang)*. In *Wen bo* 1, 76 (in Chinese).

郭物 (Guo Wu). 1999. 青铜镬在欧亚大陆的初传 *Qingtong fu zai Ouya dalu de chu chuan (Initial spread of bronze cauldrons "fu" on the Eurasian continent)*. In *Ouya xuekan 1*. Beijing: Zhonghua shuju, 122–150 (in Chinese).

郭物 (Guo Wu). 2003. 镬中乾坤 – 青铜镬与草原文明 *Fu zhong qiankun – qingtong fu yu caoyuan wenming ("Fu" cauldrons between heaven and earth – bronze cauldrons and steppe civilization)*. Shanghai: Shanghai shehui kexueyuan chubanshe (in Chinese).

郭众, 党彤 (Guo Zhong, Dang Tong). 2015. 塔城文物 *Tacheng wenwu (Tacheng cultural relics)*. Urumqi: Xinjiang renmin chubanshe (in Chinese).

丁莉, 杨琴, 吴娜, 曹俊, 杨及耘 (Ding Li, Yang Qin, Wu Na, Yang Jiyun). 2023. 垣曲北白鹅两周墓地出土铜盒中残留物的初步分析 *Yuanqu Beibai'e liang Zhou mudu chutu tong he zhong canliu wu de chubu fenxi (Preliminary analysis of the remains of the contents of a copper box from the both Zhou Era Beibai'e burial ground in Yuanqu County)*. In *Wenwu xuekan 1*, 111–119 (in Chinese).

开封地区文管会, 新郑县文管会, 郑州大学历史系考古专业 *Kaifeng diqu wen guan hui, Xinzheng xian wen guan hui, Zhengzhou daxue lishi xi kaogu zhuanke* (Kaifeng District Cultural Management Committee, Xinzheng County Cultural Management Committee, Archaeological Department of Faculty of History of the Zhengzhou University). 1977. 河南省新郑县唐户两周墓葬发掘简报 *Henan sheng Xinzheng xian Tanghu liang Zhou muzang fajue jianbao (A short report on the excavation of both Zhou Era tombs in Tanghu, Xinzheng county, Henan Province)*. In *Wenwu ziliao congkan. Issue 2*. Beijing: Wenwu chubanshe, 45–65 (in Chinese).

李刚 (Li Gang). 2011. 中国北方青铜器的欧亚草原文化因素 *Zhongguo beifang qingtongqi de Ouya caoyuan wenhua yinsu (Influence of Eurasian Steppe culture in North China Bronzes)*. Beijing: Wenwu chubanshe (in Chinese).

李溯源, 吴立, 李枫 (Li Suyuan, Wu Li, Li Feng). 2013. 伊犁河谷铜镬研究 *Yili hegu tong fu yanjiu (Study of copper cauldrons "fu" from Yili River basin)*. In *Wenwu 6*, 82–91, 96 (in Chinese).

路国权 (Lu Gouquan). 2018. 东周青铜容器谱系研究 *Dong Zhou qingtong rongqi puxi yanjiu (Research of Genealogy of Bronze Ritual Vessels of Eastern Zhou period)*. Shanghai: Shanghai guji chubanshe. In 2 vol. (in Chinese).

刘国瑞, 祁小山 (Liu Guorui, Qi Xiaoshan). 1997. 哈密古代文明 *Hami gudai wenming (Hami Ancient Civilization)*. Shenzhen: Xinjiang meishu sheying chubanshe (in Chinese).

刘国祥 (Liu Guoxiang). 2000. 夏家店上层文化青铜器研究 *Xiajiadian shang ceng wenhua qingtong qi yanjiu (Research of bronze artifacts of Upper Xiajiadian culture)*. In *Kaogu xuebao 4*, 451–500 (in Chinese).

梅建军, 王博, 李肖 (Mei Jianjun, Wang Bo, Li Xiao). 2005. 新疆出土铜腹的初步科学分析 *Xinjiang chutu tong fu de chubu kexue fenxi (Preliminary scientific analysis of copper cauldrons "fu", unearthed in Xinjiang)*. In *Kaogu 4*, 78–84 (in Chinese).

内蒙古自治区文物考古研究所, 宁城县辽中京博物馆编者 *Neimenggu zizhiqu wenwu kaogu yanjiusuo, Ningcheng xian Liao zhong jing bowuguan* (Institute of Cultural Relics and Archaeology of Inner Mongolian Autonomous Region, Middle Capital of Liao Museum of Ningcheng County) (ed.). 2009. 小黑石沟: 夏家店上层文化遗址发掘报告 *Xiaoheishigou: Xiajiadian shang ceng wenhua yizhi fajue baogao (Xiaoheishigou: Report of excavations of Upper Xiajiadian culture site remains)*. Beijing: Kexue chubanshe (in Chinese).

庞文龙, 崔玟英 (Pan Wenlong, Cui Wenyong). 1989. 岐山王家村出土青铜器 *Qishan Wangjiacun chutu qingtong qi (Bronzes unearthed in Wangjiacun, Qishan county)*. In *Wen bo 1*, 91–92 (in Chinese).

逢锐之 (Pang Ruizhi), 2019. 晋国霸权与春秋时期国家间体系稳定 *Jin guo baquan yu Chunqiu shiqi guojia jian tixi wending (Jin hegemony and the stability of the inter-state system during the Spring and Autumn Period)*. In *Guoji zhengzhi kexue. V. 4 (4)*, 119–156. (in Chinese).

三门峡市文物考古研究所, 义马市文物保护管理所 *Sanmenxia shi wenwu kaogu yanjiusuo, Yima shi wenwu baohu guanlisuo* (Institute of Cultural Relics and Archaeology of Sanmenxia City, Yima Town Cultural Relics Protection Management Office). 2019. 河南义马上石河春秋墓发掘简报 *Henan Yima Shangshihe Chunqiu mu fajue jianbao (Short report on excavations of Chunqiu period tombs in Shangshihe, Yima Town, Henan)*. In *Zhongyuan wenwu 4*, 4–18 (in Chinese).

谢尧亭 (Xie Yaoting), 2010. 晋南地区西周墓葬研究 *Jin nan diqu Xi Zhou muzang yanjiu (Research of Western Zhou tombs of South Jin region)*: Ph. D. Thesis. Changchun (in Chinese).

西安市文物管理处 *Xi'an shi wenwu guanli chu* (Xian City Cultural Relics Management Bureau). 1974. 陕西长安新旺村, 马王村出土的西周铜器 *Shaanxi Chang'an Xinwangcun, Mawangcun chutu de Xi Zhou*

tonqi (*Copper artifacts of Western Zhou period unearthed in Xinwangcun and Mawangcun, Chang'an County, Shaanxi*). In *Kaogu* 1, 1–5 (in Chinese).

新疆阿勒泰: 目前国内最早的碳化小麦今日正式亮相 *Xinjiang Aletai: muqian guonei zuizaode tanhua xiaomai jinzhi zhengshi liangxiang (Aletai district, Xinjiang: the earliest charred wheat to date in the country is officially unveiled today)*, 2021. Available at: URL: <http://m.cntgol.com/particle/251826> (accessed 21.06.2023) (in Chinese).

新疆维吾尔自治区社会科学院考古研究所 *Xinjiang weiwuer zizhiq shehui kexueyuan kaogu yanjiusuo (Institute of Archaeology of the Academy of Social Sciences of Xinjiang-Uigur Autonomous Region)* (ed.). 1985. 新疆古代民族文物 *Xinjiang gudai minzu wenwu (Cultural relics of ancient peoples of Xinjiang)*. Beijing: Wenwu chubanshe (in Chinese).

新疆维吾尔自治区文物局 *Xinjiang weiwuer zizhiq wenwu ju (Xinjiang-Uigur Autonomous Region Cultural Relics Bureau)* (ed.). 2011. 新疆维吾尔自治区第三次全国文物普查成果集成。阿勒泰地区 *Xinjiang weiwuer zizhiq di san ci quanguo wenwu pucha chengguo jicheng. Aletai diqu juan (Collection of the results of the third nationwide campaign for the inventory of cultural heritage in the Xinjiang Uygur Autonomous Region. Altai District)*. Beijing: Kexue chubanshe (in Chinese).

新疆昌吉回族自治州文物局 *Xinjiang Changji huizu zizhizhou wenwu ju (Changji-Hui Autonomous Prefecture Cultural Relics Bureau)* (ed.). 2014. 丝绸之路天山廊道—新疆昌吉古代遗址与馆藏文物精品 *Sichou zhi lu Tianshan langdao – Xinjiang Changji gudai yizhi yu guan zang wenwu jingpin (Tien Shan Silk Road Corridor - Collections of Cultural Relics from Ancient Ruins and Museum Repositories in Changji, Xinjiang)*. Beijing: Wenwu chubanshe. In 2 vol. (in Chinese).

宋佳雯, 邵会秋 (Song Jiawen, Shao Huiqiu). 2022. 两周时期北方地区铜镬再研究——兼谈橢方口镬的起源 *Liang Zhou shiqi beifang diqu tong fu zai yanjiu – jian tan tuofang koufu de qiyuan (A renewed study of the copper cauldrons of the northern region of the period of both Zhou, as well as a discussion of the origin of oval-mouthed cauldrons)*. In *Caoyuan wenwu* 1, 61–73 (in Chinese).

项春松, 李义 (Xiang Chunsong, Li Yi). 1995. 宁城小黑石沟石椁墓调查清理报告 *Ningcheng Xiaoheishigou shi zuo mu diaocha qingli baogao (Research report on researched cleaning of a grave with a stone coffin in Xiaoheishigou, Ningcheng)*. *Wenwu* 5, 4–22, 97–98 (in Chinese).

咸阳市文物考古研究所 *Xianyang shi wenwu kaogu yanjiusuo (Institute of Cultural Relics and Archaeology of Xianyang City)* (ed.). 2005. 任家咀秦墓 *Renjiaju Qin mu (Qin tombs in Renjiaju)*. Beijing: Kexue chubanshe (in Chinese).

滕铭予 (Teng Mingyu). 2002. 中国北方地区两周时期铜镬的再探讨——兼论秦文化中所见铜镬 *Zhongguo beifang liang Zhou shiqi tong fu de zai tantao – jian lun Qin wenhua zhong suo jian tong fu (Renewed discussion of “fu” copper cauldrons from the two Zhou period in the northern regions of China - as well as on “fu” copper cauldrons seen in the Qin culture)*. In *Bianjiang kaogu yanjiu. Issue 1*. Beijing: Kexue chubanshe, 34–54 (in Chinese).

田伟 (Tian Wei). 2022. 由新见材料再论绛县横水、翼城大河口墓地的性质 *Yu xin jian cailiao zai lun Jiangxian Hengshui, Yicheng Dahekou mudi de xinzhi (Further discussion of the nature of the Hengshui burial grounds in Jiangxian County and Dahekou in Yicheng County in accordance with a new view of the material)*. In *Gugong bowuyuan yuankan* 8 (244), 62–71 (in Chinese).

冯好 (Feng Hao), 2011. 草原遗珍——两千多年前的青铜列鼎 *Caoyuan yizhen – liang qian duo nian qian de qingtong lie ding (Heritage of the steppe - bronze vessels “din” more than two thousand years old)*. In *Qianxian* 2, 63 (in Chinese).

韩炳华, 崔剑锋 (Han Binghua, Cui Jianfeng). 2009. 山西长治分水岭东周墓地出土青铜器的科学分析 *Shanxi Changzhi Fengshuiling mudi chutu qingtong qi de kexue fenxi (Science Analysis of Bronze Artifacts Excavated at Fengshuiling Burial Ground, Changzhi County, Shanxi)*. In *Kaogu* 7, 80–88 (in Chinese).

韩汝唠, 许征尼 (Han Rulao, Xu Zhengni). 2010. 北京市延庆县山戎墓地出土铜器的鉴定 *Beijing shi Yanqing xian shanrong mudi chutu tongqi de jian ding (Identification of Bronze Wares Unearthed from Shanrong Cemetery in Yanqing County, Beijing City)*. In 北京市文物研究所 *Beijing shi wenwu yanjiusuo (Institute of Cultural Relics of Beijing City)*. 军都山墓地。葫芦沟与西梁坨 *Jundushan mudi. Hulugou yu Xiliangguang (Burial grounds in Jundushan Mountains. Hulugou and Xiliangguang)*. Beijing: Wenwu chubanshe, 598–652 (in Chinese).

贺勇、刘建中 (He Yong, Liu Jianzhong). 1993. 河北怀来甘子堡发现的春秋墓群 *Hebei Huailai Ganzibao faxian de Chunqiu muxiong (Burial ground of Chunqiu period discovered in Ganzibao, Huailai County, Hebei Province)*. In *Wenwu chunqiu* 2, 23–40, 75 (in Chinese).

河南省文物研究所, 三门峡市文物工作队 Henan sheng wenwu yanjiusuo, Sanmenxia shi wenwu gongzuo dui (Institute of Cultural Relics of Henan Province, Sanmenxia City Cultural Relics Working Group) (ed.). 1999. 三门峡虢国墓 (第一卷) *Sanmenxia Guo guo mu (di yi juan) (Tombs of Guo state in Sanmenxia (part one))*. Beijing: Wenwu chubanshe. Vol. 1, Vol. (in Chinese).

曹玮 (Cao Wei). 2005. 周原青铜器 *Zhouyuan chutu qingtong qi (Zhouyuan bronzeware)*. Chengdu: Ba Shu shushe. In 10 vol. (in Chinese).

井中伟 (Jing Zhongwei). 2011. 早期中国青铜戈, 戟研究 *Zao qi Zhongguo qingtong ge, ji yajiu (Research of Chinese bronze "ge" and "ji" dagger-axes of early period)*. Beijing: Kexue chubanshe (in Chinese).

靳枫毅, 王继红 (Jin Fengyi, Wang Jihong). 2001. 山戎文化所含燕与中原文化因素之分析 *Shanrong wenhua suohan Yan Zhongyuan wenhua yinsu zhi fenxi (Analysis of elements of the Yan and the Central Plain cultures contained in the Shan-Rong culture)*. In *Kaogu xuebao* 1, 43–72 (in Chinese).

祁小山, 王博 (Qi Xiaoshan, Wang Bo). 2008. 丝绸之路. 新疆古代文化 *Sichou zhi lu. Xinjiang gudai wenhua (Silk Road. Ancient culture of Xinjiang)*. Urumqi: Xinjiang renmin chubanshe (in Chinese).

祁小山, 王博 (Qi Xiaoshan, Wang Bo). 2016. 丝绸之路. 新疆古代文化 (续) *Sichou zhi lu. Xinjiang gudai wenhua (xu) (Silk Road. Ancient culture of Xinjiang (continuation))*. Urumqi: Xinjiang renmin chubanshe (in Chinese).

张平 (Zhang Ping). 2006. 草原民族文化的灵魂: 新疆草原文化遗迹考察 *Caoyuan minzu wenhua de linghun: Xinjiang caoyuan wenhua yiji kaocha (The soul of the culture of steppe people: an exploration of cultural monuments of Xinjiang steppes)*. Urumqi: Xinjiang renmin chubanshe (in Chinese).

张昌平 (Zhang Changping). 2022. 从北白鹅墓地看周人东迁后的社会变局 *Cong Beibai'e mudi kan Zhou ren dong qian hou de rehui bianju (Social changes after the migration of the Zhou people to the East based on the consideration of the Beibai'e burial ground)*. In *Wenwu xuekan* 4, 52–57 (in Chinese).

张玉忠 (Zhang Yuzhong). 1985. 新疆伊犁地区发现的大型铜器 *Xinjiang Yili diqu faxian de daxing tong qi (Large-sized copper objects found in Yili Prefecture, Xinjiang)*. In *Wen bo* 6, 79–80 (in Chinese).

张玉忠、赵德荣 (Zhang Yuzhong, Zhao Derong). 1991. 伊犁河谷新发现的大型铜器及有关问题 *Yili he gu xin faxian de daxing tong qi ji youguan wenti (Recently discovered large-sized copper objects in the Ili River Valley, as well as related issues)*. In *Xinjiang wenwu* 2, 42–48 (in Chinese).

张玉忠、赵德荣 (Zhang Yuzhong, Zhao Derong). 1997. 伊犁河谷新发现的大型铜器及有关问题 *Yili he gu xin faxian de daxing tong qi ji youguan wenti (Recently discovered large-sized copper objects in the Ili River Valley, as well as related issues)*. In 新疆文物考古研究所, 新疆维吾尔自治区博物馆 *Xinjiang wenwu kaogu yanjiusuo, Xinjiang weiwuer zizhi qu bowuguan (Xinjiang Institute of Cultural Relics and Archaeology, Museum of Xinjiang-Uigur Autonomous Region)*. 新疆文物考古新收获: 续 (1990–1996) *Xinjiang wenwu kaogu xin shouhu: xu (1990–1996) (New Advances in Cultural Relics and Archeology in Xinjiang: Continuing (1990–1996))*. Urumqi: Xinjiang meishu sheying chubanshe, 363–370 (in Chinese).

中国科学院考古研究所 *Zhongguo kexueyuan kaogu yanjiusuo (Institute of Archaeology of the Chinese Academy of Sciences)* (ed.). 1959. 上村岭虢国墓地 *Shangcunling Guo guo mudi (Burial ground of Guo state in Shangcunling)*. Beijing: Kexue chubanshe (in Chinese).

郑立超 (Zheng Lichao). 2019. 河南义马上石河春秋墓地 M35 出土铜及相关问题 *Henan Yima Shangshihe Chunqiu mudi M35 chutu tong ji xiangguan wenti (Bronzes excavated from tomb M35 of the Chunqiu period in Shangshihe, Yima City, Henan, and related issues)*. In *Zhongyuan wenwu* 4, 113–116 (in Chinese).

郑州市文物考古研究院, 登封市文物管理局 *Zhengzhou shi wenwu kaogu yanjiuyuan, Dengfeng shi wenwu guanli ju (Institute of Cultural Relics and Archaeology of Zhengzhou City, Dengfeng City Cultural Relics Administrative Bureau)*. 2009. 河南登封告成春秋墓发掘简报 *Henan Dengfeng Gaocheng Chunqiu mu fajue jianbao (Short report on the Excavations of Chunqiu period tombs in Gaocheng, Dengfeng City, Henan)*. In *Wenwu* 9, 21–42 (in Chinese).

陈晓宇, 谢尧亭 (Chen Xiaoyu, Xie Yaoting). 2020. 试论大河口与横水墓地六座墓葬的年代及特征 *Shi lun Dahekou yu Hengshui mudi liu zuo muzang de niandai ji tezheng (Regarding the dating and features of the six grave structures of Dahekou and Hengshui burial grounds)*. In *Wenwu shijie* 1, 16–22 (in Chinese).

山西省考古研究所 *Shanxi sheng kaogu yanjiusuo (Institute of Archaeology of the Shanxi Province)*. 1994a. 万荣庙前东周墓葬发掘收获 *Wanrong Miaoqian Dong Zhou muzang fajue shouhuo (Results of the excavation of Eastern Zhou tombs in Miaoqian, Wanrong County)*. In 三晋考古. 第一辑 *San Jin kaogu. Di yi ji (Archaeology of Three Jin. First Issue)*. Taiyuan: Shanxi renmin chubanshe, 218–250 (in Chinese).

山西省考古研究所 Shanxi sheng kaogu yanjiusuo (Institute of Archaeology of the Shanxi Province). 1994b. 1976 年闻喜上郭村周代墓葬清理记 1976 nian Wenxi Shangguocun Zhou dai muzang qingli ji (*Records on the cleaning of Zhou era tombs in Shangguocun, Wenxi County in 1976*). In 三晋考古. 第一辑 San Jin kaogu. Di yi ji (*Archaeology of Three Jin. First Issue*). Taiyuan: Shanxi renmin chubanshe, 123–138 (in Chinese).

山西省考古研究院, 长子县文化旅游发展中心. Shanxi sheng kaogu yanjiuyuan, Changzi xian wenwu luyou fazhan zhongxin (Shanxi Provincial Archaeological Research Institute, Changzi County Cultural Relics Tourism Development Center). 2021a. 长子西南呈西周墓地 Changji Xinancheng Xi Zhou mudi (Western Zhou period cemetery in Xinancheng, Changzi county). Shanghai: Shanghai guji chubanshe. 486 p..

山西省考古研究院 Шаньси шэн каогу яньцзююань Shanxi sheng kaogu yanjiuyuan (Shanxi Provincial Archaeological Research Institute). 2021b. 匜金集萃——山西绛县横水西周墓地出土青铜器 Peng jin jicui: Shanxi Yixian Hengshui Xi Zhou mudi chutu qingtongqi (*Peng State collection of metal artifacts: bronzes unearthed in Western Zhou cemetery in Hengshui, Yixian, Shanxi*). Shanghai: Shanghai guji chubanshe. Two vol. 820 p.

邵安定, 孙淑云, 梅建军, 陈坤龙, 王辉 (Shao Anding, Sun Shuyun, Mei Jianjun, Chen Kunlong, Wang Hui). 2015. 甘肃礼县大堡子山秦公墓出土金属器的科学分析与研究 Gansu Lixian Dabaozi shan Qin Gong mu chutu jin shuqi de kexue fenxi yu yanjiu (*Natural Science Analysis and Research of Metal Artifacts from Qin Gong Tombs in Dabaozi Mountains, Lixian County, Gansu*). In Wenwu 10, 86–96, 69 (in Chinese).

陕西省雍城考古队 Shaanxi sheng Yongcheng kaogu dui (Yongcheng Archaeological Group of Shaanxi Province). 1984. 一九八二年凤翔雍城秦汉遗址调查简报 Yi jiu ba er nian Fengxiang Yongcheng Qin Han yizhi diaocha jianbao (*Short report on the exploration of Han and Qin periods ruins in Yongcheng, Fufeng County, in 1982*). In Kaogu yu wenwu 2, 23–31 (in Chinese).

陕西省雍城考古队 Shaanxi sheng Yongcheng kaogu dui (Yongcheng Archaeological Group of Shaanxi Province), 1986. 一九八一年凤翔八旗屯墓地发掘简报 Yi jiu bai yi nian Fengxiang Baqitun mudi fajue jianbao (*Short report on the excavations of Baqitun burial ground in Fengxiang County, in 1981*). In Kaogu yu wenwu 5, 23–44 (in Chinese).

陕西省雍城考古队, 尚志儒, 赵丛苍 Shaanxi sheng Yongcheng kaogu dui, Shang Zhiru, Zhao Congcang (Yongcheng Archaeological Group of Shaanxi Province, Shang Zhiru, Zhao Congcang). 1986. 陕西凤翔八旗屯西沟道秦墓发掘简报 Shaanxi Fufeng Baqitun Xiguoudao Qin mu fajue jianbao (*Short report on the excavation of Qin graves on Xiguoudao burial ground in Baqitun, Fufeng County, Shaanxi*). In Wen bo 3, 3–31 (in Chinese).

陕西省考古研究所雍城工作站 Shaanxi sheng kaogu yanjiusuo Yongcheng gongzuo zhan (Yongcheng Working Station of the Institute of Archaeology of the Shaanxi Province). 1991. 凤翔邓家崖秦墓发掘简报 Fengxiang Dengjiaya Qin mu fajue jianbao (*Short report on the excavations of Qin graves in Dengjiaya, Fengxiang County*). In Kaogu yu wenwu 2, 14–19 (in Chinese).

草原考古研究会 Sogen koko kenkyukai (Society for Researches of Steppe Archaeology) (ed.). 2011. 鍍の研究—ユーラシア草原の祭器・什器 To no kenyu yurashia sogen no sai ki yu ki (*Research of cauldrons – ritual and house wares of Eurasian Steppes*). Tokyo: Yuzankaku (in Japanese).

高濱秀 (Takahama Shu), 2011. 中国の鍍 Chugoku no to (*Chinese cauldrons*). In 草原考古研究会 Sogen koko kenkyukai (Society for Researches of Steppe Archaeology) (ed.). 鍍の研究—ユーラシア草原の祭器・什器 To no kenyu yurashia sogen no sai ki yu ki (*Research of cauldrons – ritual and house wares of Eurasian Steppes*). Tokyo: Yuzankaku, 9–94 (in Japanese).

畠山禎 (Hatakeyama Tei). 2011. シベリアの鍍 Shiberia no to (*Siberian cauldrons*). In 草原考古研究会 Sogen koko kenkyukai (Society for Researches of Steppe Archaeology) (ed.). 鍍の研究—ユーラシア草原の祭器・什器 To no kenyu yurashia sogen no sai ki yu ki (*Research of cauldrons – ritual and house wares of Eurasian Steppes*). Tokyo: Yuzankaku, 119–190 (in Japanese).

雪嶋宏一 (Yukishima Koichi). 2011. 先スキタイ～スキタイ時代の中央ユーラシア草原西部の鍍 Saki Sukitai ~ Sukitai jidai no chuo yurashia sogen seibu no to (*Cauldrons of the Western Region of the Central Eurasian Steppe of the Pre-Scythian and Scythian Periods*). In 草原考古研究会 Sogen koko kenkyukai (Society for Researches of Steppe Archaeology) (ed.). 鍍の研究—ユーラシア草原の祭器・什器 To no kenyu yurashia sogen no sai ki yu ki (*Research of cauldrons – ritual and house wares of Eurasian Steppes*). Tokyo: Yuzankaku, 255–292 (in Japanese).

柳生俊樹 (Yagyuu Toshiki). 天山北方地域における前1千年紀の鍍 Tenzan hoppo chiiki ni okeru zen 1 sen'nen ki no to (*Cauldrons of 1st Mill. BC in region north of Tien Shan*). In 草原考古研究会 Sogen koko

kenkyukai (Society for Researches of Steppe Archaeology) (ed.). 鍍の研究ーユーラシア草原の祭器・什器 *To no kenyu yurashia sogen no sai ki yu ki (Research of cauldrons – ritual and house wares of Eurasian Steppes)*. Tokyo: Yuzankaku, 191–254 (in Japanese).

About the Author:

Kovalev Alexey A. Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. Dm. Ulianov Str., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; chemurchek@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2023 г.

Статья принята к публикации 01.10.2023 г.

УДК 902.2 (903.5)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.5.69.76>

“EGYPTIAN STATUETTE”, REVEALED IN THE SOUTH-EASTERN REGION OF AZERBAIJAN IN THE SYSTEM OF ANCIENT CULTURAL AND TRADE RELATIONS

©2023 S.K. Karimov, A.M. Agalarzade

Ancient Egypt, being one of the developed centers of the East, had close ties with Western Asia and the South Caucasus, both from a political and commercial point of view. This country, which had not been conquered until the VII century BC, was in the forefront as a political and military power of the period. It was from this viewpoint that many countries sought to establish political union with it, as well as the trade relations. As a result of this relationship, various works of art related to Ancient Egypt also spread to the South Caucasus through the Western Asia. No doubt that Egyptian art items found in Egypt itself are more than samples from other countries where similar finds are common. The paper deals with the archaeological finding – an Egyptian figurine. This artifact, which is so far the only example, found in Azerbaijan, testifies to the existence of ties between the South Caucasus and Egypt. The discovery also contributes to the creation of certain ideas about the small plastic art of that period. It is possible that complex archaeological studies in the region will reveal new artifacts of such art

Keywords: archaeological find, South Caucasus, works of art of Ancient Egypt, sculpture, plastic sample, Iron Age.

«ЕГИПЕТСКАЯ СТАТУЭТКА», НАЙДЕННАЯ В ЮГО-ВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ АЗЕРБАЙДЖАНА В СИСТЕМЕ ДРЕВНИХ КУЛЬТУРНЫХ И ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ

С.К. Каримов, А.М. Агаларзаде

Древний Египет, являющийся одним из развитых центров Востока, имел тесные связи с Передней Азией и Южным Кавказом как с политической, так и с торговой точки зрения. Эта страна, не подвергавшаяся никаким завоеваниям до VII века до н.э., находилась в передних рядах, как политическая и военная сила того периода. Именно с этой точки зрения многие страны стремились к политическому союзу с ней, а также к установлению торговых отношений. В результате этих связей, посредством Передней Азии различные произведения искусства, относящиеся к Древнему Египту, распространились также на Южном Кавказе. Несомненно, что найденных египетских произведений искусства в самом Египте больше, чем образцов из других стран, где распространены подобные находки. В статье сообщается об археологической находке египетской статуэтки. Данный артефакт, являющийся пока единственным примером для территории Азербайджана, свидетельствует о наличии связей между Южным Кавказом и Египтом. Находка также способствует созданию определенных представлений об искусстве малой пластики того периода. Не исключено что в результате комплексных археологических исследований в регионе будут выявлены новые артефакты подобного искусства.

Ключевые слова: археологическая находка, Южный Кавказ, произведения искусства Древнего Египта, скульптура, образец пластики, археологическая находка, железный век.

Introduction. As a result of archaeological excavations carried out at different times in the territory of Azerbaijan, findings of Egyptian production or similar to them have been found. Most of the Egyptian examples found in the South Caucasus are known better than the Iron Age graves, which have close ties with Egypt. Along with its ancient production traditions, our country, where ancient Egyptian glazed vessels, the “Pre-Asiatic type” daggers, cylindrical seals,

glass and paste beads (Джафаров 1984, с. 23, 35, 53, 55) have been found, is also rich in examples brought through trade relations. .

Relations of ancient Egypt with the South Caucasus are based more on archaeological facts than on written sources. Relations of Egypt with the South Caucasus during the different dynasties, were not political, but most likely had a commercial purpose. These trade relations were the result of a multi-step exchange.

Description of the find. One of the regions of Azerbaijan rich in archaeological monuments is the south-eastern foothills of the South Caucasus. An example of an Egyptian faience statue with a double human image (inv. No. 41), which is one of the interesting and rare finds discovered in Lankaran district, about which we will talk in this paper, was found by accident from a ruined grave during the farm work in the Late Bronze-Early Iron Age Divalona necropolis in Digah village of the district in 1962 and given to the Lankaran Museum of Local History (Fig. 1-2). We would like to note that this statue along with being the first find in the territory of Azerbaijan is also of great importance in the study of cultural and trade relations between the South Caucasus and Western Asia.

The height of the preserved part of the find is 11 cm, width 10 cm. In this statue, two people, a man and a woman, are depicted side by side. Since the lower part of the archaeological find is broken, we cannot say surely whether the people depicted in the statue are sitting or standing. But if to look closely at the rear part, it is noticeable that they have a tall object to lean against. This is probably the top of the seat. But all the mentioned are suppositions. Also, when it was removed from the ground, the surface of the statue was also damaged and a great number of chippings appeared. Here, the woman's figure is presented in a relatively low position, and the height of her intact part is 7 cm. The woman's facial features are depicted in a manner characteristic of ancient Egyptians, and her chest is prominent. The headgear is typical for Egyptians. Her body is thin and hands are down on the sides. It should be noted that Egyptian women initially wore light clothes without "outer clothing" that covered the whole body (Вардиман 1990, с. 232).

But the man is made bigger than the woman, has an Egyptian headgear that hangs down to the shoulders, and his left hand is folded at the elbow and crossed on his chest. His right hand is hanging to the side. The waist of the statue is divided into parts by 5 vertical and horizontal lines, and it is assumed that there are certain inscriptions there. However, this part was also damaged when it was removed from the soil and the inscriptions were erased. A careful examination of the archaeological find reveals that the people depicted in the statue are seemingly worshipping. In the statue made in a realistic style, the artist has set himself

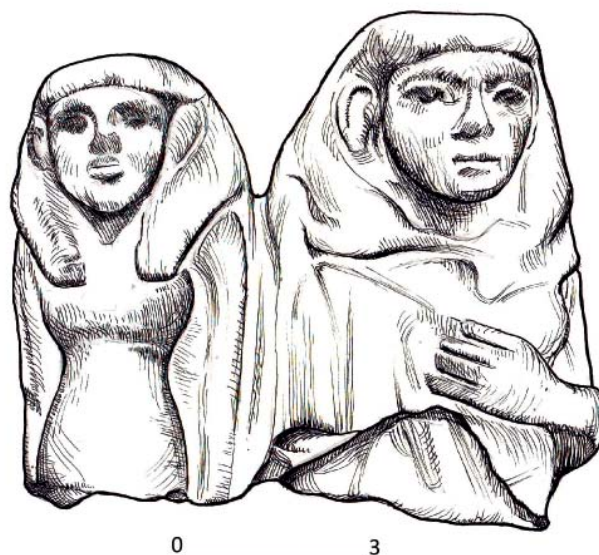

Fig. 1. "Egyptian statuette". Face view (Lankaran Local Lore Museum, inv. No. 41).

Рис. 1. "Египетская статуэтка".

Вид лица (Ленкораньский историко-краеведческий музей, инв. № 41).

the goal of conveying a certain idea with this image.

Along with the statue, six pottery vessels of the Late Bronze-Early Iron Age found from the Divalona necropolis were also given to the museum. A pattern encrusted with white clay was applied on four of the vessels. Most likely, these pottery vessels contained burial goods of the grave where the statue was found. They are important in determining its period.

It should be noted that the Divalona necropolis is located at a distance 1.5 km northeast of the Lankaran city, at the end of Digah village, on the right side of the Alat-Astara highway. In 1968,

archaeologist Farman Mahmudov conducted exploratory research in the monument in connection with the archaeological materials found in this necropolis (Махмудов 2008, с. 79). According to him, in the Divalona necropolis there were stone boxes and earthen graves of the Late Bronze - Early Iron Ages, and in the eastern part of the necropolis there were kurgans covered with river stone and earth (Махмудов 2008, с. 79-80). Among the archaeological materials discovered from the necropolis, bronze swords and daggers, horse harnesses, ornamentals and many beads made of Egyptian paste were found (Mahmudov 1968, s. 27).

Similar findings and comparative analyses.

A similar example of a double human figure made of Egyptian faience discovered from the Divalona necropolis is among the gems of the Ancient Egyptian collection. One of such examples is a small statue of the Sheri family, writer in ancient Egypt (3/1). Another similar statue is known found in 1882 from the Tepebag mound in the center of Adana (photo 3/2). This statue was found while building the house of an American missionary by name Montgomery and he took this statue to the Metropolitan Museum of Art in New York without showing it to the experts. The person depicted in this statue was Satsneferu, known as a nurse in Ancient Egypt, and belongs to the time of Pharaoh Amenhotep III of the 12th Dynasty. It is not known when the statue was brought to Anatolia. If to accept that this statue was brought during the time of Pharaoh Amenhotep, this will be very important evidence in terms of Anatolian-Egyptian relations (Özkan 2017, s. 89-90).

This black basalt stone statue of a seated woman discovered in the Tepebag mound has certain similar features to the Lankaran find we are talking about. Thus, the fact that the left hand of a person is bent at the elbow and crossed on the chest in both statues gives reason to say this. Besides, the granite statue belonging to the 22nd dynasty of Egypt, found in the Karnak temple in 1905 and kept in the Cairo museum has similar features with the Lankaran find (Legrain 1914, p.92-94). The statue is made of black marble and is a work of art depicting a double human (man and woman) 34 cm in size (Fig. 4). In another image, a person is depicted sitting on a rectangular chair. In this statue, the person has his left hand crossed on his chest as well (Fig. 5).

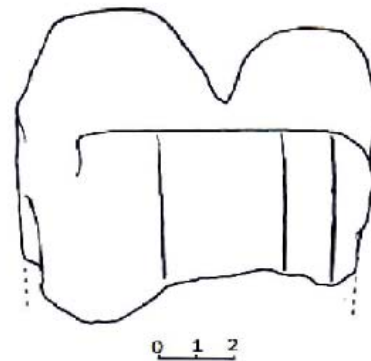

Fig. 2. “Egyptian statuette”. Back view (Lankaran Local Lore Museum, inv. No. 41).

Рис. 2. «Египетская статуэтка». Вид сзади (Ленкораньский историко-краеведческий музей, инв. № 41).

Chronology. The oldest and most interesting maiden example of sculpture related to Egypt in historical sources was found in the Marmariq cemetery dating back to the 5th millennium BC. In this figure, the god is depicted in the image of a woman. Researchers consider this to be the beginning of Egyptian mythology and explain that women have had a superior position in culture (Вардиман 1990, с. 22). The discovery of archaeological artifacts of Egyptian origin in Divalona necropolis was not accidental and indicates the extensive trade relations of the region.

Among the burial goods of the Late Bronze-Early Iron Age monuments of Azerbaijan, beads made of Egyptian faience and paste were discovered sufficiently (Morgan 1896; Mahmudov

Fig. 3. 1 – Sheri family; 2 – Nurse Satsneferu (Özkan 2017).
Рис. 3. 1 – Семья Шери; 2 – Медсестра Сацнеферу (Озкан 2017).

Fig. 4. Man and woman (Legrain 1914, PL.XLVIII-42241).

Рис. 4. Мужчина и женщина (Legrain 1914, PL.XLVIII- 42241)

1968, s.5-8; Kərimov 2006, s.63-64; Ağalarzadə 2017, s.31; Ələkbərov, Mirabdullayev 2017, s.355; Müseyibli, Nəcəfov 2019; Müseyibli, Nəcəfov, Hüseynov 2021). During the archeo-

logical excavations conducted in recent years, new evidence was obtained about the distribution of products of Egyptian origin in a wider area. Thus, Egyptian-style glazed vases and jugs were

also revealed in the investigated Iron Age earthen grave in the Safikurd village of Goranboy district (Hüseynov 2017, s.149-150). All these are facts that reflect the relations of the ancient Azerbaijani tribes with Egypt as a result of a many-branched exchange (Джафаров 1984, с. 23).

It should be noted that in neighboring Anatolia, which had rich trade relations, the first samples of products made of Egyptian faience were distributed starting from the Early Bronze Age. In the Middle Bronze Age of the II millennium BC, their number relatively decreased. Specialists see the reason for this in the development of trade relations with Assyria. But during this period, the Anatolian people had close trade relations with Syria, which was neighboring with Assyria. But their number had increased during the Iron Age. Some researchers also put forward the idea that Egyptian -origin faience products spread to Anatolia and other countries via Syria through Assyrian trade colonists (Özkan 2017, s.89-97). The idea that Egyptian-origin products spread to the territory of Azerbaijan through Assyria can be considered acceptable for now. Because the finding of Assyrian and Egyptian glazed vessels of the same period from the Late Bronze-Early Iron Age monuments of Azerbaijan gives reason to say this, and no doubt, the Anatolia region should be considered a favorable route for the South Caucasus in terms of trade relations.

The tradition of creating double human statues was a characteristic feature of Ancient Egyptian art, and they were mainly made of various types of stone and faience. Most likely, statues of this type were related to a certain religious rite. Since, they are found mostly in temples and grave monuments. It should be noted that during this period art was strongly influenced by religion. These influences further promoted backwardness by suppressing free creativity in painting, sculpture, and architecture (Токарев 1986, с. 318). For the ancient Egyptians, black color indicated grief and this color was given special importance in the funeral process. One of the possible versions is that the black faience statue found in Divalona was intended for burial. It should also be noted that black and blue occupied an important place in the color symbol of the ancient Egyptians, and special attention was paid to these colors during the New Dynasty (Dilek 2022, s. 173-174). Researchers are of the opinion that metal oxides were used in the preparation of various colored faience productions (highly glazed pottery), and

Fig. 5. Sitting human. (Legrain 1914, PL. XIII- 42206).

Рис. 5. Сидящий человек
(Legrain 1914, PL. XIII- 42206).

iron and magnesium were mainly used in black faience productions (Dardeniz, Öztan 2020, s. 859-863).

The presence of sphinx images in ancient Mannaean art proves that Mannaean people were familiar with Egyptian art traditions. During the archaeological excavations conducted in Qalaichi in recent years, which used to be the Mannaean city, the discovery of a large number of glazed brick samples with the image of the sphinx on them also gives reason to say this (Binandeh, Kargar, Khanmohamadi 2017, s. 215-219). So, from the beginning of the Iron Age, Mannaean had certain relations with Egypt, which in turn had had a certain influence on Mannaean art. It

is not an exception that the Egyptian statue found in Divalona necropolis was brought to the south-eastern region of Azerbaijan as a result of certain trade relations. It is possible that these types of statues were mainly used as idols during burials and were placed in the grave chamber after the performance of certain funeral rites. Based on the comparison with other archaeological materials, the Egyptian statue found in Divalona necropolis can be attributed to the 9th-8th centuries BC.

The conclusion. The relations of ancient Egypt with the South Caucasus are determined by the material culture samples found. Such artifacts belonging to the Bronze Age are found mostly in the centers of the coastal regions. No doubt that Egyptian-shaped but Syrian-origin works

were taken to other regions during the time of the Assyrian trade colonists. Especially during the reign of the Hittite, from the time when the first relations with Egypt were established, an independent Egyptian work begins to be seen. During the Iron Age, the number of artifacts brought by trade increased significantly, and especially increased those reflecting religious beliefs. All this indicates that the Egyptian states had relations with the South Caucasus. From here, it can be concluded that the religious beliefs in Egypt were starting to spread through these sculptures, and in a word, their promotion was in the foreground. Undoubtedly, it is not exception that few findings of today with new excavations in the future will increase.

ЛИТЕРАТУРА

- Вардиман Е.* Женщина в древнем мире. М.: Наука, 1990. 335 с.
- Джафаров Г.Ф.* Связи Азербайджана со странами Передней Азии в эпоху поздней бронзы и раннего железа (по археологическим материалам Азербайджана). Баку: Элм, 1984. 106 с.
- Махмудов Ф.Р.* Культура юго-восточного Азербайджана в эпоху бронзы и раннего железа. Баку: "Nafta-Press" 2008. 216 с.
- Токарев С.А.* Религия в истории народов мира. М.: Политиздат 1986. 576 с.
- Binandeh A., Kargar B., Khanmohamadi B.* Mannaean Art: Some glazed bricks from Qalaichi, Iran // *Aula Orientalis*. 2017. Vol. 35, no 2. P. 213–222.
- Legrain G.M.* Catalogue general des Antiquites Egiptiennes du mussee du Gaire. Statues et statuettes de rois et de particuliers. Tome troisieme. Le Gaire Imprimerie de L'institut Français D'Archeologie Orientale, 1914. 158 p.
- Morgan, Jacques de.* Mission scientifique en Perse. Tome quatrieme. Recherches archeologiques. Paris: Ernest lerouxediteur. Premiere partie. 125 pages. Chapitre II. 1896. P. 14–125.
- Aslan N.* Mısır pastası tekniğinde seramik takı uygulamalar// *Ulakbilge Sosyal Bilimler Dergisi*. Vol. 43 (2019 Aralık). P. 941–950.
- Çınardalı N.* Arkeolojik ve filolojik veriler ışığında M.Ö. 2. Binde frit, fayans ve cam malzeme üzerine bir çalışma // *Belleten (Türk Tarih Kurumu)*. No. 77 (278). April 2013. P. 15–72.
- Dardeniz G., Öztan A.* Acemhöyük fayans və frit eserləri üzərinə arkeolojik və arkeometrik dəyərləndirmələr // *Türk Belleten Tarih Kurumu*. Cilt 84, sayı 301. Aralık 2020. P. 837–886.
- Dilek Y.* Eski Mezopotamya və Eski Mısrıda mavi renk kullanımının sembolik anlamları // *Uluslararası Eskiçağ Tarihi araşdırmaları Dergisi*. Sayı 4/1. 2022. P. 163–179.
- Engin D.A.* Anadoludaki tarih öncəsi ana tanrıça figürlerinin Mısır pastası ve metal kullanılarak çağdaş take formunda yorumlanması. Yüksek Lisans Tezi. Afyonkarahisar. Haziran, 2013. 111 p.
- Özkan S.* Ülkemizde bulunan eski Mısır eserlerine göre Anadolu-Mısır ilişkileri // *Tarih incelemeleri dergisi*. Cilt XXII. Sayı 1. Temmuz, 2007. P. 77–116.
- Ağalarzadə A.M.* Lerik rayonunun Son Tunc-İlk Dəmir dövrü qəbir abidələri və dəfn adətləri (fransız arxeoloqu Jak de Morqanın qazıntıları əsasında etno-arxeoloji tədqiqat) // *Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası*. 2017. № 2. P. 22–38.
- Ələkbərov A.İ., Mirabdullayev A.M.* Cənub-şərqi Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar // *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar – 2015*. Bakı: "AfPoliqraff", 2017. P. 351–356.
- Hüseynov M.M.* Naftalan-Goranboy arxeoloji ekspedisiyasının 2015-2016-cı illərdə apardığı arxeoloji tədqiqatlar // *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar – 2015*. Bakı: "AfPoliqraff", 2017. P. 145–150.
- Kərimov S.K.* Lerik rayonunun arxeoloji abidələri. Bakı: Araz, 2006. 164 p.

Mahmudov F.R. Taliş-Muğan zonasına 1967-ci il kəşfiyyat səfərinin hesabatı / Arxeologiya və Etnoqrafiya İnstitutunun Elmi Arxivi (AEİEA), 1968. 30 p.

Müseybli N.Ə., Nəcəfov Ş.N. Zəyəmçay nekropolu. Bakı: Elm və təhsil, 2019. 424 s.

Müseybli N.Ə., Nəcəfov Ş.N., Hüseynov M.M. Tovuzçay nekropolu. Bakı: Elm və təhsil, 2021. 348 p.

About the Authors:

Karimov Samir K. PhD of History. Senior scientific worker, archaeologist. Lankaran Regional Scientific Center Azerbaijan National Academy of Sciences (ANAS). Sh.Akhundov str., 18, Lankaran city, AZ 4200; samir-cayrud@mail.ru

Agalarzade Anar M. PhD of History. Associate Professor in the Specialist of Archaeology, senior scientific worker, archaeologist. Azerbaijan State University Culture and Arts. Inchaatçılar av.-39, Baku, AZ1065, Azerbaijan Republic; anararxeoloq@mail.ru

REFERENCES

Vardiman, E. 1990. *Zhenshchina v drevnem mire (Woman in the ancient world)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Dzhafarov, G. F. 1984. *Svyazi Azerbaydzhana so stranami Peredney Azii v epokhu pozdney bronzy i rannego zheleza (po arkheologicheskim materialam Azerbaydzhana) (Relations of Azerbaijan with the Western Asian countries in the Late Bronze and Early Iron Ages (based on the archaeological materials of Azerbaijan))*. Baku: “Elm” Publ. (in Russian).

Makhmudov, F. R. 2008. *Kul'tura yugo-vostochnogo Azerbaydzhana v epokhu bronzy i rannego zheleza (Culture of south-eastern Azerbaijan during the Bronze and Early Iron Ages)*. Baku: “Nafta-Press” Publ. (in Russian).

Tokarev, S. A. 1986. *Religiya v istorii narodov mira (Religion in the history of the peoples of the world)*. Moscow: “Politizdat” Publ. (in Russian).

Binandeh, A., Kargar, B., Khanmohamadi, B. 2017. In *Aula Orientalis*. Vol. 352, no 2, 213–222.

Legrain, G. M. 1914. *Catalogue general des Antiquites Egiptiennes du mussee du Gaire. Statues et statuettes de rois et de particuliers*. Tome troisieme. Le Gaire Impriemerie de L'institut Français D'Archeologie Orientale.

Morgan, J de. 1896. *Mission scientifique en Perse. Tome quatrieme. Recherches archeologiques*. Paris, Ernest leroux editeur. Premiere partie, 125 p. Chapitre II, 14–125.

Aslan, N. 2019. In *Ulakbilge Sosyal Bilimler Dergisi (Ulakbilge Journal of Social Sciences)*, 43 (December), 941–950 (in Turkish).

Chinardalı, N. 2013. In *Belleten (Türk Tarih Kurumu) (Belleten (Turkish Historical Society/Türk Tarih Kurumu))*, 77 (278), April, 15–72 (in Turkish).

Dardeniz, G., Oztan, A. 2020. In *Türk Belleten Tarih Kurumu (Belleten (Turkish Historical Society/Türk Tarih Kurumu))*, vol. 84, issue 301, 837–886 (in Turkish)..

Dilek, Y. 2022. In *Uluslararası Eskicağ Tarihi araştırmaları Dergisi (International Journal of Ancient History Studies)*, Issue 4/1, 163–179 (in Turkish).

Engin, D. A. 2013. *Anadoludaki tarih öncesi ana tanrıça figürlerinin Mısır pastası ve metal kullanılarak çağdaş take formunda yorumlanması (Modern interpretation of the prehistoric mother goddess figures in Anatolia made of Egyptian paste and metal)*. Master's Thesis. Afyonkarahisar (in Turkish).

Ozkan, S. 2007. In *Tarih incelemeleri dergisi (Journal of Historical Studies)*, Vol XXII, Issue 1, July, 77–116 (in Azerbaijani).

Agalarzade, A. M. 2017 In *Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası (Azerbaijan archaeology and ethnography)* 2, 22–38 (in Azerbaijani).

Alakbarov, A. I., Mirabdullayev, A. M. 2017. In *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar – 2015 (Archaeological research in Azerbaijan – 2015)*. Baku: “AfPoliqraff” Publ., 351–356 (in Azerbaijani).

Hüseynov, M. M. 2017. In *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar – 2015 (Archaeological research in Azerbaijan – 2015)*. Baku: “AfPoliqraff” Publ., 145–150 (in Azerbaijani).

Kerimov, S. K. 2006. *Lerik rayonunun arxeoloji abidələri (Archaeological monuments of Lerik district)*. Baku: “Araz” Publ. (in Azerbaijani).

Mahmudov F.R. 1968. *Talış-Muğan zonasına 1967-ci il kəşfiyyat səfərinin hesabatı (Report of the 1967 exploratory trip to Talysh-Mugan zone)*. Scientific Archive of the Institute of Archaeology and Ethnography (SAIAE) (in Azerbaijani).

Museibli, N. A., Najafov, Sh. N. 2019. *Zəyəmçay nekropolu (Zayamchay necropolis)*. Baku: “Elm və təhsil” Publ. (in Azerbaijani).

Museibli, N. A., Najafov, Sh. N., Huseynov, M. M. 2021. *Tovuzçay nekropolu (Tovuzchay necropolis)*. Baku: “Elm və təhsil” Publ. (in Azerbaijani).

Информация об авторах:

Каримов Самир Карим оглы, доктор философии по истории (к.и.н.), ведущий научный сотрудник, археолог. Ленкоранский Региональный Научный Центр Национальной Академии наук Азербайджана (НАНА), (г. Ленкорань, Азербайджан); samir-sayrud@mail.ru

Агаларзаде Анар Мирсамид оглы, доктор философии по истории (к.и.н.), доцент, ведущий научный сотрудник, археолог. Азербайджанский Государственный Университет Культуры и Искусств (г. Баку, Азербайджан); anararxeoloq@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2023 г.
Статья принята к публикации 01.10.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.5.77.85>

ЗОЛОТАЯ МИНИАТЮРНАЯ «БЛЯШКА» ИЗ КАТАКОМБНОГО ПОГРЕБЕНИЯ 1577 ПАЛАСА-СЫРТСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА IV–V ВВ.: ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ И СТИЛИСТИКИ ДЕКОРА

© 2023 г. Л.Б. Гмыря

Данная статья посвящена уникальному ювелирному изделию, условно обозначенному как «бляшка», обнаруженному в катакомбном захоронении кургана 1577 Паласа-сыртского могильника IV–V вв. Этот предмет представляет интерес как с точки зрения его функционального назначения в комплексе сохранившегося инвентаря (погребение было ограблено) и как образец высокой степени ювелирного искусства, запечатленного в его декоре. Уникальными являются также имеющиеся показатели технологии его изготовления, обстоятельств использования и сохранившиеся следы починки повреждений. Изделие выполнено из золота. На лицевой стороне круглой пластины диаметром 1,3 см при толщине менее 1 мм помещена вставка из перламутра диаметром 0,8 см. Краевой участок пластины-основы декорирован орнаментом из зерни (151 экз. ядрышек). На тыльной стороне «бляшки» припаяны две петельки ленточной формы. По стилю (округлость формы, наличие вставки в центральной части из полудрагоценного материала и декора из зерни) данное изделие практически идентично бляшкам, получившим широкое использование в ювелирном искусстве начального периода (IV–V вв.) времени Великого переселения народов. Однако детальный анализ технологии изготовления, состояния изношенности и небрежность починки Паласа-сыртского образца указывают на его иное функциональное назначение, возможно, связанное с предметом вооружения.

Ключевые слова: археология; Восточное Предкавказье, курганный могильник Паласа-сырт, IV–V вв., золотая миниатюрная бляшка, стилистика декора, функциональное назначение

MINIATURE GOLDEN “BADGE” FROM THE CATACOMB BURIAL 1577 OF THE PALASA-SYRT BARROW FIELD OF THE IV–V CENTURIES: FUNCTIONAL FEATURES AND PECULIARITIES OF DECOR

L.B. Gmyrya

This paper deals with a unique piece of jewelry, conventionally designated as a “badge”, found in the catacomb burial 1577 of the Palasa-Syrt burial ground of the IV–V centuries. This piece is of particular interest both from the point of view of its functional purpose in the complex of preserved burial equipment (the burial was plundered) and as an example of a high degree of jewelry art, reflected in its decor. The available indicators of the manufacturing technology, the circumstances of use and the traces of repair are also unique. The piece is made of gold. On the front side of a round plate with a diameter of 1.3 cm and a thickness of less than 1 mm, there is a pearl insert with a diameter of 0.8 cm. The edge of the base-plate is decorated with granulation (151 granules). On the back side of the “badge” two tape-shaped loops are soldered. In terms of style (roundness of shape, the presence of an insert in the central part made of semi-precious material and granulation decor), this artifact is almost identical to the badges, that were widely used in the jewelry art in the beginning (IV–V centuries) of the Great Migration period. However, a detailed analysis of the manufacturing technology, the state of deterioration and a slipshod repair work of the Palasa-Syrt sample indicate its other functional purpose, possibly related to weapons.

Keywords: archaeology, East Fore-Caucasus, Palasa-Syrt barrow field, IV–V centuries, miniature golden badge, decor style, functional purpose.

Паласа-сыртский курганный могильник, сформировавшийся на возвышенности Паласа-сырт, расположенной на побережье Каспийского моря к югу от г. Дербента, занимает ее северный и южный участки, разделенные руслом р. Рубас (Гмыря, 1993, с. 44; 2013, с. 110, рис. 2–5). На южном участке могильника захоронения составляют обособленные компактные группы (Гмыря, 2013, рис. 5). В 2009–2016 гг. Паласа-сыртской археологической экспедицией ИИАЭ ДФИЦ РАН были проведены раскопки курганных групп № 1–7.

При исследовании в 2015 г. курганный группы № 6, включавшей восемь курганов (кк. 1569–1575, 1577), в нарушенном грабителями погребении кургана 1577 (Гмыря, 2015б, с. 105–141; 2016, с. 157–170, 181–188) среди сохранившегося инвентаря было обнаружено золотое миниатюрное изделие в виде бляшки круглой формы с двумя петельками на тыльной стороне (Гмыря 2015б, с. 123, рис. 11:18). Поверхность была украшена вставкой из перламутра и декором из мелкой зерни золотом (рис. 1: 1–1А).

Образцы подобного стиля широко использовались как декоративные элементы в престижных ювелирных изделиях начального периода эпохи Великого переселения народов (IV–V вв.), но также и как самостоятельные предметы украшения женских костюмов (Засецкая, 1994, с. 23–68, табл. 3–8, 12–15, 17–19 и др., рис. 11–12, 27).

Бляшку из погребения 1577 Паласа-сыртского могильника формально можно причислить к предмету украшения. Но некоторые показатели технологии изготовления этого изделия, состояние изношенности, обусловленное значительными нагрузками в рамках использования, и небрежность починки (наличие грубых следов золотого напоя) свидетельствуют о его ином функциональном назначении, нежели ювелирное украшение.

Цель данного исследования состоит в определении функционального назначения золотого изделия, условно обозначенного как «бляшка» со вставкой, выявленного в погребении кургана 1577 Паласа-сыртского могильника.

Методика раскрытия функционального назначения данного предмета инвентаря погребения 1577 Паласа-сыртского курганного могильника включает выявление особенностей внешнего вида «бляшки» (состояние внешней поверхности «бляшки»; состояние

двух петелек для ее крепления; обусловленность некачественного ремонта основы «бляшки» и др.).

Для установления датировки данного комплекса важное значение имеет исследование стилистики декора золотой «бляшки», его места в развитии способов декорирования подобных изделий орнаментом из зерни.

Курган 1577 находился на значительном удалении от других курганов, составлявших компактную группу № 6, в 46 м к северо-западу от них (Гмыря, 2015б, рис. 41). Он хорошо выделялся на поверхности могильного поля, внешних повреждений насыпи не было видно. Диаметр кургана 1577 по линии С–Ю составил 9,5 м, высота в центре до уровня древнего почвенного слоя – 0,5 м (Гмыря, 2016, рис. 43: 1–2).

В южном секторе курганной насыпи на уровне материка (–0,36 м) была обнаружена каменная плита (плотный мелкозернистый ракушечник с включением гальки) с параметрами 0,6×0,49×0,11 м. Плита, вероятно, представляла собой заклад входа в погребальную камеру, перемещенный из погребального сооружения на уровень подошвы кургана в результате ограбления.

Погребальное сооружение кургана 1577 представляло собой катакомбу с поперечным расположением погребальной камеры относительно входной ямы (Гмыря 2015б, рис. 10:1). Входная яма была ориентирована по направлению СЗЗ–ЮВВ. Вход в камеру был расположен в северо-западной стенке входной ямы. Длина входной ямы на поверхности была 2,15 м, ширина в средней части – 0,59 м. Дно входной ямы имело значительный уклон ко входу в камеру (разница в уровнях dna входной ямы 0,65 м). Глубина входной ямы у входа в камеру составила 1,2 м (Гмыря, 2015б, рис. 10:2).

Значительная покатость dna входной ямы была обусловлена особенностями грунта на территории нахождения этого погребального сооружения. Верхний уровень грунта (сцементированный суглинок) имел толщину 0,19 м. Он подстилался мощным слоем мелкозернистого песка. Дно входной ямы было расположено в слое мелкозернистого песка.

Вход в погребальную камеру не был перекрыт закладом. Как отмечалось, погребение было ограблено, плита, перекрывавшая вход в камеру, была обнаружена в южной поле

кургана, на уровне его подошвы. Входное отверстие получило небольшое повреждение при вскрытии камеры грабителями.

Погребальная камера находилась относительно длинной оси входной ямы под углом в 73°. Она имела в плане эллипсовидную форму. Ее длинная ось была ориентирована практически в меридиональном направлении, отклонение от линии С–Ю к востоку составляло 11° (Гмыря 2015б, рис. 10:1).

Пол камеры и стенки на высоту 1,05 м находились в слое мелкозернистого песка, ее свод – в слое цементированного суглинка. Свод погребальной камеры просел в результате маломощности суглинистого слоя, в котором он был сооружен, а также, видимо, в процессе вскрытия камеры грабителями. Высота свода камеры была предположительно 1,15 м.

Полость камеры была заполнена грунтом (песок, супесь темно-коричневого цвета, суглинок) – результат вскрытия камеры грабителями.

В погребальной камере находились разрозненные костные останки женщины 50–60 лет. Они были сосредоточены в юго-западном конце камеры и в ее центральной части, напротив входа (Гмыря 2015б, рис. 10:1). Костные останки лежали выше уровня пола камеры на слое песка толщиной 0,1–0,15 м.

Скопление костных останков в юго-западной части камеры включало хорошо сохранившийся череп, две целые плечевые кости, обломки ребер и две ключицы. Череп лежал на дне камеры на правой стороне, лицевыми костями обращенными к юго-восточной стенке. Нижняя челюсть была сдвинута со своего места. Она приварилась к внутренней стороне черепа. Плечевые кости находились сверху черепа параллельно друг другу, обломки ребер – рядом с черепом. Одна из ключиц лежала с западной стороны черепа (Гмыря 2015б, рис. 10:1).

В центральной части погребальной камеры, у северо-западной продольной стенки, лежали параллельно друг другу две большеберцовые кости ног с расстоянием между ними 0,06 м. Слева от них находились обломки костей скелета (Гмыря 2015б, рис. 10:1). Судя по положению костей ног, погребенная была захоронена головой к юго-западу.

Погребение было ограблено в древности, но сохранилась часть инвентаря, который находился во входной яме и в погребальной камере.

В погребальной камере находилось 16 единиц инвентаря: керамический кувшин; бусины стеклянные, сердоликовые, из горного хрусталя; подвески в виде головок бычков из синего стекла и перламутра, а также фрагменты бронзового и серебряного изделий (Гмыря 2015б, рис. 11:1–17, 19).

Одна из стеклянных подвесок в виде головки бычка, а также сдвоенная стеклянная бусина и фрагмент бронзового изделия были обнаружены в выбросе грунта из погребальной камеры.

Часть инвентаря была зафиксирована во **входной яме**: золотая «бляшка» с петельками; стеклянная распавшаяся бусина; фрагмент серебряной пластины круглой формы; фрагмент железного изделия размером 1,0×1,5 см и обломок стенки керамического сосуда (Гмыря 2015б, рис. 11:18, 6–7).

В общей сложности в погребении кургана 1577 зафиксирована 21 единица инвентаря. Однако некоторые специфические данные о состоянии костных останков в этом погребении свидетельствуют о том, что инвентарь погребенной включал также головные и нагрудные украшения из серебра. Часть костей черепа и костей скелета, находившихся рядом с ним, была окрашена в зеленый цвет, что свидетельствует об их длительном контакте с изделиями из серебра, причем окисленных во влажной среде (Гмыря, 2016, рис. 461–467, 469, 470).

В зеленый цвет были окрашены: 1) угол нижней челюсти (левая ветвь); 2) плечевой конец правой ключицы (сверху); 3) плечевой конец левой ключицы (сверху и снизу); 4) верхний конец первого ребра (обломок) (верхний конец); 5) обломки ребер (поверхностный уровень) – 4 экз.; 6) обломок плечевой кости (поверхность); 7) обломки грудинных концов двух ключиц (возможно, обломки суставных отростков позвонков).

Исходя из наличия окислов серебра на определенных костях скелета погребенной убор ее костюма, видимо, был идентичен женским уборам из других статусных погребений Паласа-сыртского могильника, включавших височные привески длинно-ленточной формы с фигурным расширением на конце, а также пару двупластинчатых фибул, к которым привязывалась низка бус. Возможно, учитывая утрату окисленных изделий в результате ограбления, височные привески и

фибулы погребения 1577 имели поверхностную обтяжку золотой фольгой и инкрустацию ювелирными камнями. Украшения подобной технологии изготовления были выявлены в погребениях курганов № 193, 244, 478 (Гмыря, 2013, рис. 7:1–2; 12:1–2; 32: 5–8; 2014, с. 25–42; 2015а, с. 194–228).

Имеющиеся данные показывают, что ограбление этого комплекса произошло через значительный промежуток времени после совершения погребения.

Из сохранившегося инвентаря наибольшей полнотой отличается ожерелье погребенной. Оно включало бусы из различных материалов (стекло, сердолик, горный хрусталь) и подвески в виде головок бычков с рожками серповидной формы. В камере находилось девять бусин (Гмыря 2015б, рис. 11:8–16) и три подвески в виде головок бычков (Гмыря 2015б, рис. 11:1–2, 4). Еще два предмета из ожерелья – подвеска в виде головки бычка (Гмыря 2015б, рис. 11:3) и двоякая стеклянная бусина (Гмыря 2015б, рис. 11:17) – выявлены в выбросе из погребальной камеры.

Предметы ожерелья погребенной находились в погребальной камере в 20 см к северу от черепа погребенной (Гмыря 2015б, рис. 10:1А). Они были расположены в виде прямой линии протяженностью в 43 см, направленной с востока на запад. Перламутровая подвеска в виде головки бычка с рожками серповидной формы находилась на расстоянии 0,4 м к северу от основного местонахождения ожерелья, у входа в погребальную камеру. Это обстоятельство может быть интерпретировано как попытка выделить грабителями это изделие как особое, но оброненное при выносе из камеры.

В погребальной камере находился также небольшой керамический кувшин (высота 16 см) серого цвета с заглаженной поверхностью. Ручка сосуда имела зооморфную форму (Гмыря 2015б, рис. 11:19). Кувшин стоял на расстоянии 20 см от черепа, слева от него (Гмыря 2015б, рис. 10:1). Сосуд имел значительные следы изношенности: потертости на поверхности тулова, повреждения верхнего уровня венчика горловины, глубокие вертикальные трещины на тулове. В тесте имеются добавки большого количества мелко толченой ракушки, битой керамики серого цвета и небольшое количество слюды. Состоя-

ние керамического сосуда свидетельствует о длительности его использования в быту.

Золотая «бляшка», составляющая основной предмет исследования данной статьи, была обнаружена во входной яме погребения 1577. Она находилась на уровне дна, на расстоянии 0,48 м к востоку от входа в камеру (Гмыря 2015б, рис. 10:1). Вероятно, это изделие было потеряно грабителями при выносе инвентаря из погребальной камеры.

Золотая «бляшка» имела округлую форму, со вставкой белого цвета (перламутр) (рис. 1: 1–1А). Основание этого изделия выполнено из очень тонкой пластины (менее 1 мм) диаметром 1,3 см. Вставка диаметром 0,8 см была закреплена в гнезде, образованном узкой пластинкой шириной 0,2 см, припаянной к основанию «бляшки» на ребро.

Поверхность «бляшки» украшена мелкой зернью. Гнездо вставки обрамлено двумя рядами зерни, включающими 91 экз. ядрышек. Третий ряд оформлен в виде треугольников, составленных тремя ядрышками. Общее количество треугольных фигур – 20, включающих 60 золотых ядрышек (рис. 1: 1А).

На тыльной стороне «бляшки» припаяны две петельки ленточной формы с расстоянием между ними 0,4 см. Петельки имеют приплюснутую форму (ширина петелек 0,15 см, высота – 0,15 см). Края «бляшки» обрезаны неровно (рис. 1: 1А).

«Бляшка» подвергалась ремонту. На ее тыльной стороне по краю изделия сохранились следы золотого припоя в виде наслоения неправильной формы. Часть припоя имеется также и на лицевой стороне «бляшки», которым задеты три фигурки в виде треугольников (рис. 1: 1А).

Трудности интерпретации назначения этого изделия состоят главным образом в том, что погребение было нарушено грабителями. Это обстоятельство не дает возможности точно установить местоположение инвентаря в системе декора костюма погребенной. Полностью была разрушена и целостность костных останков, на которых могли сохраниться отпечатки нахождения утраченного инвентаря.

Анализ технологии изготовления «бляшки» из погребения 1577 Паласа-сыртского курганного могильника показывает, что, несмотря на драгоценный металл, из которого было сдела-

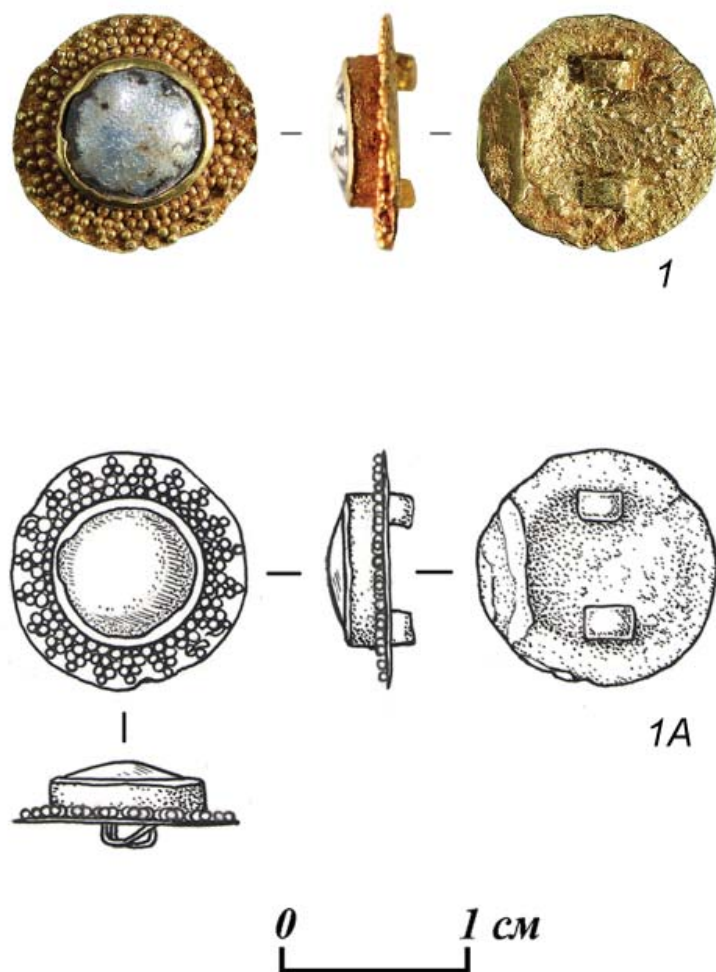

Рис. 1. Курганный могильник Паласа-сырт. Курган 1577. 1-1А - золотая бляшка.
 Fig. 1. Palasa-Syrt barrow field. Barrow 1577. 1-1A - golden badge.

но это изделие, оно не является предметом украшения. В изделии нет изыска, свойственного ювелирному искусству, и стремления изящно оформить краевой участок, обрезанный неровно.

Как самостоятельное изделие паласа-сыртская «бляшка» не могла функционировать. Сама основа изделия (пластина) – очень тонкая, толщиной менее 1 мм. Она отягчена декором, включающим тяжелую вставку из перламутра диаметром 0,8 см, оконтуренную золотым ободком, а также орнамент из золотой зерни, включающий 151 экз. ядрышек диаметром 0,5 мм. Причем каждое ядрышко золотой зерни имеет припой. На тыльной стороне изделия с помощью припоя закреплены две петли для установки на определенном месте.

Тыльная сторона золотой «бляшки» имеет своеобразную шероховатую поверхность (рис. 1: 1А). Создается впечатление, что на ней отпечатались ядрышки зерни, использованные в декоре ее лицевой стороны. Такое состояние тыльной стороны этого изделия могло образоваться в результате длительной опоры «бляшки» на жесткую поверхность, что подтверждается наличием существенной примятости петелек «бляшки».

Как отмечалось, округлость краевой части «бляшки» выполнена небрежно. Пластина, видимо, обрезалась после полного ее изготовления, т. е. нанесения рисунка из зерни и закрепления вставки.

Как представляется, тщательность оформления краевой части «бляшки» не требовалась, т. к. она, видимо, помещалась в специ-

альное углубление, где ее край не был виден. Поверхность места установки «бляшки» отличалась жесткостью. Петельки «бляшек» использовались для крепления ее к основе. Примятость петелек была намеренной, позволяющей прочно удерживать «бляшку» в месте ее установки. Возможно, при выносе грабителями погребального инвентаря из камеры «бляшка» была обронена. Ее потеря была обусловлена изношенностью изделия, в котором она была закреплена.

Золотое изделие из погребения 1577 Паласа-сыртского могильника, украшенное вставкой из перламутра и инкрустацией из зерни, использовалось длительное время. Как отмечалось, на оборотной и лицевой стороне этого изделия имеются следы починки (реставрации). Следует отметить также, что ободок, удерживающий вставку из перламутра полушаровидной формы, также отличается небрежностью исполнения (края бортика неровные) (рис. 1: 1А).

Таким образом, анализ технологии изготовления золотой «бляшки» из погребения 1577 Паласа-сыртского курганного могильника, особенностей ее использования, а также обстоятельств утраты грабителями показывает, что это изделие является составной частью (деталью) специфического инвентаря, вероятно на вершине рукояти кинжала. Хотя кинжал, как правило, является мужским атрибутом, но в определенных обстоятельствах он может служить символом власти вдовы правителя племени.

Прямых аналогий золотой «бляшке» из погребения кургана 1577 Паласа-сыртского могильника нам не удалось найти, хотя ее декор (центральная вставка, обрамленная зернью; треугольные напой из ядрышек зерни) вписывается в стилевое оформление золотых изделий разной функциональной направленности времени Великого переселения народов. Пришивными бляшками с вставками украшались налобные ленты знатных женщин. Многочисленными бляшками с вставками, обрамленными однорядной зернью, декорировались золотые диадемы, колты, шейные подвески. Вставки в основном округлой формы использовались и для других предметов одежды женщин, а также служили украшением деталей поясных наборов мужчин, рукоятей мечей и кинжалов, а также ножен драгоценного холодного

оружия. Встречаются они и в декоре снаряжений коней (См.: Засецкая, 1994, с. 23–68, табл. 3–8, 12–15, 17–19 и др.; Габуев, 2014, рис. 7:1; 8,1–3; 10; 11:1а–в; 12:7–8; 27:1–3, 78; 56:3; 58:1,35; Vona, 1991, s. 19, 270, Tab. 15; L'ordesprinces..., 2000, p. 124).

Отличие паласа-сыртской «бляшки» от других бляшек времени Великого переселения народов состоит в стилистике декора, а именно в способах украшения изделия зернью. Как правило, золотые бляшки этого периода украшены одним рядом зерни, опоясывавшим гнездо вставки и расположенным по ее краю. В Дагестане серия таких бляшек (7 экз.) представлена в материалах гробницы с богатым инвентарем из с. Ираги – круглой, овальной и треугольной формы с вставками из альмандина и сердолика (Абакаров, Давудов, 1993, рис. 49:6,9; Давудов, 2013, с. 59, рис. 4:3).

Паласа-сыртская «бляшка» имеет два ряда зерни вокруг гнезда со вставкой и дополнительно – концевые треугольные фигурки из ядрышек зерни в третьем ряду, формирующем край изделия, придавая ему зубчатый вид. Как представляется, золотая «бляшка» из погребения кургана 1577 Паласа-сыртского могильника относится к ряду престижных золотых изделий эпохи Великого переселения народов, характерной деталью которых были напой из зерни треугольной формы (Засецкая, 1994, табл. 12:3–4; 18:4–5; 24; 25:3 и др.).

Возможно, паласа-сыртская бляшка является одним из ранних предметов декора, включающих напой из зерни треугольной формы. Как отмечалось, она содержит 20 фигурок треугольной формы, составленных из трех ядрышек, придающих всей композиции из зерни зубчатость.

Необычным в ее конструкции является открытость края пластинки-основы, неровно обрезанного. Бляшки этого времени изготавливались, как правило, из двух разных материалов. Пластина-основа обтягивалась сверху золотой фольгой, с загибом ее краев на тыльную сторону бляшки, что камуфлировало неровности ее края. В «бляшке» из Паласа-сырта, как отмечалось, край пластины-основы открыт для обозрения.

Ленточная форма двух петелек этой «бляшки», их конфигурация (примятость основания, некоторая однобокая искривленность одной из петелек) и наличие изношенности одного из участков пластины-основы, потребовавшей

починки, свидетельствуют о более значительной нагрузке на изделие, чем могла испытывать нашивная на одежду бляшка. Как отмечалось, паласа-сыртская «бляшка», возможно, имела иное функциональное назначение. По всей вероятности, она служила навершием рукояти кинжала, который был утрачен при ограблении данного комплекса.

Наиболее близкой аналогией паласа-сыртской «бляшке» является золотое навершие рукояти кинжала из богатого погребения конца IV в. у с. Тугозвново на Алтае (Уманский, 1978, с. 138–141, 159, рис. 10, 12), выполненное в виде бляшки овальной формы, основу которой составляет тонкая пластина (1,4×1,9 см) с неровно обрезанными краями. В центре помещена крупная вставка из сердолика, обрамленная однорядной зернью (Уманский, 1978, рис. 10).

В отличие от паласа-сыртской «бляшки» свободное пространство по краю основы навершия из Тугозвново не было декорировано. Навершие крепилось к стержню рукояти кинжала посредством железной петли, продетой сквозь два отверстия на тыльной стороне. Кинжал с этим навершием датируется временем не позднее конца IV в. (Уманский, 1978, с. 160). Учитывая наличие более поздней версии декора «бляшки» из паласа-сыртского погребения кургана 1577 (двухрядная окантовка зернью гнезда вставки, наличие выкладок из зерни треугольной формы по краю изделия), ее можно отнести ко времени конца IV – начала V в. н. э. Золотая «бляшка» из Паласа-сырта отличается высоким технологическим исполнением.

Своеобразие вещевого комплекса погребения 1577 Паласа-сыртского могильника составляют подвески в виде головок бычков с рожками серповидной формы. Сохранилось четыре экземпляра подвесок. Три из них, отлитые из стекла кобальтового цвета, имели высоту 1,1–1,2 см (Гмыря 2015б, рис. 11:1–3).

Уникальным экземпляром является подвеска в виде головки бычка, вырезанная из перламутра. Ее высота составляет 1,4 см (Гмыря 2015б, рис. 1:4).

Аналог включения в инвентарь погребения кургана 1577 Паласа-сыртского могильника стеклянных подвесок в виде стилизованных головок бычков только один – курганная группа № 3 этого могильника, парное погребение мужчины и женщины в кургане 258, п. 1. В этом нарушенном грабителями погребении находилось 3 экз. стеклянных подвесок кобальтового цвета в виде головок бычков с рожками серповидной формы (Гмыря, 2012, с. 158–159, рис. 12:7–9; 13:18,20,22). Причем типологически подвески в виде головок бычков из этого погребения идентичны подвескам из погребения 1577 курганной группы № 6. Аналог перламутровому экземпляру в виде головки бычка из погребения 1577 нам не известен.

С территории Дагестана по публикациям известны единичные находки стеклянных подвесок в виде головок бычков (Атаев, 1961, с. 239–240, рис. 20:1–5; Путинцева, 1961, с. 252, 256, рис. 8:12).

При всем многообразии форм стеклянных и каменных подвесок в материалах памятников Северного Причерноморья античного времени изделий в виде головок бычков среди них нет (Алексеева, 1975; 1978, 1982). Нет их и в материалах средневековых древностей Северного Кавказа (Деопик, 1959, с. 48–65; Мастыкова, 2009).

Наличие в одном погребении (курган 1577, Паласа-сыртский могильник) золотой «бляшки» с декором из зерни в виде треугольных фигур и подвесок в ожерелье в виде головок бычков с рожками серповидной формы не может быть случайностью. Данные изделия демонстрировали не только высокий статус погребенных, но, видимо, и основные символы религиозных верований.

ЛИТЕРАТУРА

- Абакаров А.И., Давудов О.М. Археологическая карта Дагестана. М.: Наука, 1993. 325 с.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12/1. М.: Наука, 1975. 94 с., 19 табл.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12/2. М.: Наука, 1978. 104 с., табл. 20–34
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12/3. М.: Наука, 1982. 105 с., табл. 35–54.

Атаев Д.М. Некоторые средневековые могильники Аварии // МАД. Т. II. / Отв. ред. Г.Д. Даниялов. Махачкала: Дагестан. филиал АН СССР, 1961. С. 223–247.

Габуев Т.А. Аланские княжеские курганы V в. н.э. у села Брут в Северной Осетии. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2014. 184 с.

Гмыря Л.Б. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Могильники. Махачкала: Дагестанский научный центр РАН, 1993. 367 с.

Гмыря Л.Б. Исследование обособленной группы № 3 на южном участке Паласа-сыртского могильника IV–V вв. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2012. № 3. С. 143–189.

Гмыря Л.Б. Паласа-сыртский курганный могильник у Дербентского прохода (конец IV – первая половина V в.) // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов / Отв. ред. С.Г. Боталов. Челябинск: Рифей, 2013. С. 110–162.

Гмыря Л.Б. Височные привески как социальные маркеры кочевников Западного Прикаспия (по материалам Паласа-сыртского курганного могильника IV–V вв.) // КСИА. 2014. Вып. 234. С. 25–42.

Гмыря Л.Б. Намеренное искажение убора женского костюма в погребальной практике кочевников Западного Прикаспия (по материалам Паласа-сыртского курганного могильника IV–V вв.) // Древние культуры, обряды, ритуалы: памятники и практики / Гл. ред. Е.П. Токарева. Зимовники: Зимовниковский краеведческий музей, 2015а. С. 194–228.

Гмыря Л.Б. Исследование обособленной курганной группы № 6 на южном участке Паласа-сыртского могильника IV–V вв. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2015б. № 4 (44). С. 105–141.

Гмыря Л.Б. Отчет о раскопках Паласа-сыртского курганного могильника IV–V вв. в Дербентском районе Республики Дагестан в 2015 г. Курганная группа № 6. Махачкала, 2016 / РФ Института ИАЭ ДФИЦ РАН. С. 1–210.

Давудов О.М. Погребальный комплекс Ирагинского могильника // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2013. № 1. С. 56–71.

Деопик В.Б. Классификация бус Северного Кавказа IV–V вв. // СА. 1959. № 3. С. 48–65.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.: АО "Эллипс", 1994. 224 с.

Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М.: ИА РАН, 2009. 502 с.

Путинцева Н.Д. Верхнечирюртовский могильник (предварительное сообщение) // МАД. Т. II. / Отв. ред. Г.Д. Даниялов. Махачкала: Дагестан. филиал АН СССР, 1961. С. 248–264.

Уманский А.П. Погребение эпохи «великого переселения народов» на р. Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1978. С. 129–163.

Bóna I. *Das Hunnen-Reich*. Budapest, 1991.

L'or des princesses barbares. Du Caucase a la Gaule Vsiacleapres. J-C. Paris, 2000.

Информация об авторе:

Гмыря Людмила Борисовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН (г. Махачкала, Россия): Lgmyrya@mail.ru

REFERENCES

Abakarov A.I., Davudov, O. M. 1993. *Arkheologicheskaya karta Dagestana (Archaeological map of Dagestan)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Alekseeva, E. M. 1975. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of Northern Pontic Region)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) G1-12/1. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Alekseeva, E. M. 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of North Pontic)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) G1-12/2. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Alekseeva, E. M. 1982. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of North Pontic)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12/3. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Ataev, D. M. 1961. In Daniyalov, G. D. (ed.). *Materialy po arkheologii Dagestana (Materials on the Archaeology of Dagestan)* 2. Makhachkala: Dagestan Branch, Academy of Sciences of the USSR Publ., 223–247 (in Russian).

Gabuev, T. A. 2014. *Alanskie knyazheskie kurgany V v. n.e. u sela Brut v Severnoy Osetii (The Alan princely barrows of the V century. AD near the village of Brut in the North Ossetia)*. Vladikavkaz: "Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatie im. V. Gassieva" Publ. (in Russian).

Gmyrya, L. B. 1993. *Prikaspiyskiy Dagestan v epokhu Velikogo pereseleniya narodov. Mogil'niki. (Caspian Dagestan in the Great Migration period. Burial grounds)*. Makhachkala: Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Gmyrya, L. B. 2012. In *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii (Herald of the Institute of History, Archaeology and Ethnography)* (3), 143–189 (in Russian).

Gmyrya, L. B. 2013. In Botalov, S. G. (ed.). *Gunnskiy forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii kul'tury evraziyskikh gunnov (Huns Forum (Issues of Origin and Identification of the Eurasian Hun Culture))*. Chelyabinsk: "Rifey" Publ., 110–162 (in Russian).

Gmyrya, L. B. 2014. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 234, 25–42 (in Russian).

Gmyrya, L. B. 2015. In Tokareva, E. P. (ed.). *Drevnie kul'ty, obryady, ritualy: pamyatniki i praktiki (Ancient Cults, Ceremonies and Rituals: Monuments and Practices)*. Zimovniki: Zimovniki Museum of Local Lore, 194–228 (in Russian).

Gmyrya, L. B. 2015. In *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii (Herald of the Institute of History, Archaeology and Ethnography)* 44 (4), 105–141 (in Russian).

Gmyrya, L. B. 2016. *Otchet o raskopkakh Palasa-syrtskogo kurgannogo mogil'nika IV–V vv. v Derbentskom rayone Respubliki Dagestan v 2015 g. Kurgannaya grupa № 6. (Report on the excavations of the Palas-Syrt burial mound of the IV–V centuries in the Derbent region of the Republic of Dagestan in 2015. Barrow group No. 6)*. Makhachkala. Manuscript Fund of the Institute of IAE DFRC RAS, 1–210 (in Russian).

Davudov, O. M. 2013. In *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii (Herald of the Institute of History, Archaeology and Ethnography)* 4, 56–71 (in Russian).

Deopik, V. B. 1959. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 48–65 (in Russian).

Zasetskaya, I. P. 1994. *Kul'tura kochevnikov iuzhnorusskikh stepei v gunnskiu epokhu (konets IV–V vv.) (Culture of the Nomads from the South Russian Steppes in the Hun Period (late 4th–5th centuries))*. Saint Petersburg: "Ellips" Publ. (in Russian).

Mastykova, A. V. 2009. *Zhenskii kostium Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ia v kontse IV – seredine VI vv. n. e. (Women's Costume of Central and Western Fore-Caucasus at the End of 4th – Middle 6th Century AD)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Putintseva, N. D. 1961. In Daniyalov, G. D. (ed.). *Materialy po arkheologii Dagestana (Materials on the Archaeology of Dagestan)* 2. Makhachkala: Dagestan Branch, Academy of Sciences of the USSR Publ., 248–264 (in Russian).

Umanskii, A. P. 1978. In Molodin, V. I. (ed.). *Drevnie kul'tury Altaia i Zapadnoi Sibiri (Ancient Cultures of the Altai and Western Siberia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 129–163 (in Russian).

Bona, I. 1991. *Das Hunnen-Reich*. Budapest.

L'or des princes barbares. Du Caucase a la Gaule Vsiecleapres. J-C. Paris, 2000.

About the Authors:

Gmyrya Lyudmila B. Doctor of Historical Sciences, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Magomeda Yaragskogo St., 75, Makhachkala, 367030, Republic of Dagestan, Russian Federation; Lgmyrya@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2023 г.
Статья принята к публикации 01.10.2023 г.

УДК 90/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.5.86.100>

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РИСУНКОВ НА КАМНЯХ ТАГАРСКИХ КУРГАНОВ ПОД ГОРОЙ ТЕПСЕЙ¹

© 2023 г. О.О. Шишкина

В статье представлены результаты полевых исследований петроглифического отряда кафедры археологии КемГУ на территории Тепсейского археологического микрорайона (Краснотуранский район Красноярского края) с 2013 по 2023 гг. Проанализирован корпус источников по наскальному искусству на плитах оград тагарских курганов у подножия горы Тепсей. В результате исследования выявлено более 60-ти камней с рисунками. Оценено современное состояние памятников: большая часть плит с рисунками разрушена, подвергается воздействию внешней среды. Выделены оптимальные способы документирования рисунков на плитах оград тагарских курганов (контактные традиционные способы копирования и инновационные бесконтактные методы документирования). Изображения выполнены разными техническими приемами: крупным и мелким пикетажем с элементами шлифовывания, гравированными линиями. Встречаются изображения антропоморфных фигур, зооморфных персонажей, знаков. Определена хронологическая атрибуция некоторых рисунков: выделены изображения тагарского, тесинского, таштыкского и нового времени. Сделан вывод о том, что большая часть рисунков на камнях тагарских курганов была создана уже после сооружения конструкций оград, и может быть не связана с погребальной практикой.

Ключевые слова: археология, петроглифы; наскальное искусство; тагарские курганы; Минусинская котловина; Тепсей; документирование.

SOME RESULTS OF THE STUDY OF DRAWINGS ON THE STONES OF THE TAGAR BARROWS AT THE FOOT OF MOUNT TEPSEI²

O.O. Shishkina

The article presents the results of field studies of the petroglyphic detachment of the Department of archaeology of the Kemerovo State University on the territory of the Tepsey archaeological microdistrict (Krasnoturansk district of the Krasnoyarsk Krai) from 2013 to 2023. Corpus of sources on rock art on the fence slabs of the Tagar barrows at the foot of Mount Tepsei is analyzed. The study revealed more than 60 stones with drawings. The current state of the monuments was evaluated: most of the slabs with drawings were destroyed and exposed to influences from the external environment. The optimal ways of documenting drawings on the fence slabs of the Tagar barrows (traditional contact methods of copying and innovative non-contact methods of documenting) were identified. The images are made by different techniques: large and small pecking with elements of grinding, engraved lines. There are images of anthropomorphic figures, zoomorphic characters, signs. The chronological attribution of some drawings was determined: images of the Tagar, Tes, Tashtyk and modern era were revealed. It is concluded that most of the drawings on the stones of the Tagar barrows were created after the construction of the fence structures, and may not be related to the burial practice.

Keywords: archaeology, petroglyphs, rock art, Tagar barrows, Minusinsk Hollow, Tepsei, documenting.

Введение

На юге Сибири в степях Минусинской котловины на протяжении сотен лет существовала тагарская археологическая культу-

ра, относящаяся к раннему железному веку. Особенностью сооружения курганов этой культуры являются каменные ограды с массивными вертикальными плитами, установлен-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01099 «Рисунки на камнях тагарских курганов как особый петроглифический источник по древней истории Южной Сибири (по материалам Тепсейского археологического микрорайона)» <https://rscf.ru/project/23-78-01099/>

² The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-78-01099 «Drawings on the stones of the Tagar barrows as a special petroglyphic source on the ancient history of Southern Siberia (based on the materials of the Tepsei archaeological microdistrict)» <https://rscf.ru/project/23-78-01099/>

Рис. 1. Общий вид на курганное поле у подножия горы Тепсей. Фото И.В. Аболонковой.
Fig. 1. General view of the barrow field at the foot of Mount Tepsei. Photo by I.V. Abolonkova.

ными у их оснований. На плитах конструкций оград тагарских курганов нередко встречаются различные выбитые и высеченные изображения, которые привлекали внимание ученых, путешественников и обывателей еще с XVIII в. (Д.Г. Мессершмидт, Д.А. Клеменц, И.П. Кузнецов-Красноярский, А.В. Адрианов и др.). В последние годы интерес к данному виду источников постепенно возрастает (Семенов и др., 2003; Ковалева, 2013; и др.). К настоящему времени при полевом исследовании тагарских курганов отдельное внимание уделяется рисункам в их конструкциях (Данькин и др., 2020; Зоткина и др., 2021; Герман, Мухарева, Емельянцева, 2022; и др.). Кроме того, исследователи все чаще обращаются к анализу рисунков на могильниках, расположенных рядом с местонахождениями наскальных изображений (Миклашевич, Бове, 2015; Мухарева, 2021; Мухарева, Рогова, 2019; и др.).

Одним из самых крупных археологических микрорайонов Минусинской котловины является Тепсейский, расположенный в Краснотуранском районе Красноярского края на правом

берегу р. Енисей. Всего микрорайон охватывает территорию более 27 кв. км и включает в себя хронологически разнородные археологические памятники: могильники, поминальники, поселения, объекты наскального искусства. У самого подножия горы Тепсей на надпойменной террасе вдоль Енисея располагается могильное поле с десятками тагарских курганов (рис. 1). Частично эти могильники были раскопаны в период строительства здесь Красноярского водохранилища в 1960–1970-е гг. Красноярской экспедицией ЛОИА СССР под руководством М.П. Грязнова. К настоящему времени под горой Тепсей сохранились остатки конструкций раскопанных курганов, некогда содержавших многочисленные информативные материалы, в настоящее время хранящиеся в Государственном Эрмитаже и частично опубликованные (Грязнов и др., 1979). В результате исследований последних лет автором настоящей статьи в составе Тепсейского отряда кафедры археологии КемГУ на плитах оград курганов тагарской культуры под горой Тепсей выявлено большое количество изображений, которые необ-

ходимо проанализировать и хронологически атрибутировать.

Характеристика изображений на плитах оград тагарских курганов под горой Тепсей
Краткая история исследования

К сожалению, при проведении на Тепсее археологических работ мало внимания было уделено изображениям на плитах оград курганов тагарской культуры и могильных плитах. Одна из могил в кургане сарагашенского времени (Тепсей VIII)¹ была покрыта большой каменной плитой треугольной формы (180×140 см), на которой были процарапаны изображения фантастических птиц, часть с рисунками была отколота и вывезена в Эрмитаж (Грязнов и др., 1979, с. 56), где и хранится по настоящее время. При спасательных раскопках на Тепсее VII Н.А. Боковенко обратил внимание на выбивку на угловых камнях ограды одного из тагарских курганов, на которых были нанесены стилизованные фигуры людей, круги и проч. (Боковенко, 1977, с. 3). При исследовании тесинского кургана-склепа Тепсей XVI М.Н. Пшеницына упоминала некоторые рисунки, входящие в конструкцию ограды (всего ею отмечено восемь рисунков на семи камнях). Описание всех выявленных изображений в отчете даны довольно условно: «...на всех плитах изображены человеческие фигуры в технике выбивки, а на одной из вертикально поставленных плит северо-западной стены изображена фигура хищной птицы в технике прорисовывания» (Пшеницына, 1978, с. 6). Несмотря на эти отдельные упоминания, приходится констатировать факт, что какого-либо специального внимания данному типу источников во время раскопок не уделялось. Исследования были эпизодическими, сопутствующими другим видам археологических работ. Первым, кто специализированно стал заниматься исследованием рисунков на курганных камнях под горой Тепсей, был Д.Г. Савинов. В 1960-х гг. он самостоятельно обследовал могильники на территории правобережья Енисея в несколько десятков километров: у горы Туран, в Малиновом логу и под горой Тепсей. Материалы его изысканий позднее были частично опубликованы, в т. ч. в иллюстративных материалах были представлены два тепсейских изображения (Савинов, 1976, рис. 2.1, 3.3). Исследователем была дана хронологическая атрибуция некоторых выявленных петроглифов. Наибольшую часть

изображений он отнес к подгорновскому этапу тагарской культуры (Савинов, 1976, с. 61). Специальным изучением петроглифов на плитах тагарских курганов Минусинской котловины в 1981–1983 гг. занимались кемеровские специалисты Т.В. Николаева и Б.Н. Пяткин. У горы Тепсей ими обследовано три могильника и склеп тесинского времени Тепсей XVI, всего задокументировано 72 изображения (Николаева, 1983, с. 49). К сожалению, полученные материалы не были введены в научный оборот. Сделанные ими во время экспедиции полевые копии и фотографии в настоящее время хранятся в музее «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. В 1980-е гг. на Тепсее работал петроглифический отряд во главе с Н.А. Боковенко и Н.В. Леонтьевым, которым удалось обнаружить плитку с изображением всадника в перекрытии таштыкского склепа 2 (Тепсей III), используемую в качестве строительного материала (Боковенко, 1984, с. 17). Ими также изучалась и конструкция ограды склепа Тепсей XVI, в которой зафиксированы камни с изображениями лошадей и орла (Боковенко, 1984, с. 19). Уже в 2010-е гг. Е.А. Миклашевич опубликовала выразительную композицию с торцевой грани одного из курганных камней пункта Тепсей VIII (Миклашевич, 2013, рис. 2.2).

Таким образом, устойчивого исследовательского интереса к данному виду искусства до сих пор должным образом не проявлялось. Исследования были эпизодическими, сопутствующими другим видам археологических работ. Полноценных исследований, посвященных петроглифам на курганных плитах Тепсейского микрорайона, до недавних пор не было вообще.

Документирование изображений на плитах оград тагарских курганов Тепсейским отрядом КемГУ

С 2012 г. Тепсейский отряд КемГУ² под руководством д-ра ист. наук, профессора О.С. Советовой занимается документированием петроглифов всего Тепсейского археологического микрорайона. В 2021 г. опубликована коллективная монография, посвященная наскальным изображениям приенисейской части горы Тепсей (пункты Тепсей I–V, гора Кременная) (Советова, Шишкина, Аболонкова, 2021). В сферу научных интересов петроглифического отряда входит не толь-

ко изучение рисунков на скалах, но и на камнях тагарских курганов, их документирование началось в 2013 г. при непосредственном участии автора, и вплоть до настоящего времени периодически проводятся работы с данными изобразительными материалами. Предварительные результаты обследования рисунков на курганных камнях под горой Тепсей уже были нами опубликованы (Советова, Шишкина, 2014). Однако совершенствование методов документирования и открытия новых изобразительных материалов дают нам возможность более детально обратиться к результатам проведенных исследований. Наши изыскания в основном проводятся на узкой надпойменной террасе непосредственно у подножия горы, именно эти могильники в 1960–1970-е гг. были исследованы раскопками ленинградскими археологами (Грязнов и др., 1979, с. 13–19). Совместно с коллегами проводятся разведки более отдаленных участков – могильного поля в Малиновом логу (примерно в 5 км от основного могильника) под руководством А.Н. Мухаревой³. Археологические разведки Н.Н. Моор в 2020–2022 гг. позволили выявить ранее неизвестные курганы: в устье Широкого лога и в отдалении примерно в 1 км от основного скопления курганов на надпойменной террасе. На плитах оград выявленных курганов тоже встречаются петроглифы.

Всего по итогам десятилетней работы (2013–2023 гг.) Тепсейскому отряду удалось провести документирование практически всех сохранившихся к настоящему времени рисунков на камнях тагарских курганов (конструкции, ограды, отдельно лежащие плиты) под горой Тепсей. В результате выявлены изображения более чем на 60 камнях и плитах, которые входили в конструкции 20 курганов, пяти одиночных камнях (конструкцию кургана проследить не удалось), на трех лежащих плитах. Чаще всего рисунки выбивались на одной-двух гранях камней, но встречаются и камни, на которых рисунки выбиты на трех и более гранях (в том числе и на верхней). Всего рисунки зафиксированы на 84 гранях.

Комплекс методов документирования рисунков на курганных камнях в целом совпадает с теми методами, что используются при исследовании изображений на скалах (более подробно см.: Аболонкова, 2019). Исследования проводились в разные сезоны: весенний,

летний, осенний. Наиболее удачными для документирования рисунков на камнях тагарских курганов являются весенние периоды (начало мая), поскольку при низком травяном покрове обнажаются невысокие камни оград курганов, которые не видны летом при высокой траве. В настоящее время применяется сочетание как традиционных контактных методов копирования изображений (на различные виды бумаги, в т. ч. эстампирование, на прозрачные материалы, создание силиконовых отливок и проч.), так и инновационных бесконтактных методов фиксации рисунков (различные способы фотосъемки, 3D-моделирование). Для определения местонахождений камней и картографирования используются современные ГИС-технологии. Для выявления и полноценного документирования некоторые камни механически очищались от дерна, биообработателей, в т. ч. от лишайников, поскольку они сильно скрывают изображения и оказывают деструктивное воздействие на структуру камня. Удаление лишайника осуществлялось механическим способом водой с помощью капроновых щеток и деревянных палочек. В результате расчистки было определено, что рисунки встречаются часто на нескольких гранях камня, в том числе и на верхних. Порой поверхности камней настолько «съедены» лишайником, что определить, какие именно фигуры были первоначально изображены, уже практически невозможно. Всего за несколько лет работы было расчищено более 30 камней/плит на курганном поле. Многие камни и плиты с изображениями бывают скрыты под каменными насыпями, задернованы, перевернуты. Практика расчистки камней от земли остается обычной в арсенале исследователей (почти 20% камней были подкопаны для обнажения невидимых элементов изображений). Под горой Тепсей встречаются рисунки, выполненные различными техническими приемами: крупный глубокий пикетаж, мелкоточечный глубокий пикетаж, мелкоточечный поверхностный пикетаж, пикетаж с элементами шлифования, шлифование, техника гравирования тонкими линиями. Для разных техник применялись различные способы документирования.

Хронологическая атрибуция полученных материалов

Состав выявленных рисунков на тагарских курганах достаточно разнообразен и хроно-

Рис. 2. Плита с остатками изображения животного в скифо-сибирском зверином стиле. Устье Широкого лога. Фото И.В. Аболонковой.

Fig. 2. Slab with the remains of an animal image in the Scythian-Siberian animal style. Mouth of the Shirokiy Log. Photo by I.V. Abolonkova.

логически неоднороден. Многие специалисты отмечают, что особая ценность рисунков на камнях тагарских курганов заключается в том, что в отличие от рисунков на скалах они связаны с археологическими комплексами, из которых происходят (Савинов, 1976, с. 61; Советова, 2005, с. 9; и др.). Исследования же последних лет показывают, что не всегда такая связь могла существовать. Например, Е.А. Миклашевич и Л.Л. Бове на основе исследования изображений на плитах могильника под горой Бычиха был сделан вывод, что что большинство изображений на камнях оград тагарских курганов могли быть не связаны с данными погребениями, а наноситься на открытые поверхности многократно в разные периоды позже времени сооружения курганов (Миклашевич, Бове, 2015, с. 60). Безусловно, рисунки могли наноситься специально для конкретного погребения или курганной конструкции, являясь частью культово-обрядовой практики, но в то же время плиты с уже нанесенными на них рисунками могли быть переиспользованными – в этих случаях плиты с рисунками ранних эпох включались

в конструкции более позднего времени. Те же камни, которые располагались в наземной части курганов, оставались доступными для создания изображений уже после сооружения курганов в последующие времена, что подтверждается тепсейскими материалами.

Под горой Тепсей встречаются изображения, выполненные в классическом «зверином» стиле, которые традиционно соотносятся с наиболее ранними этапами существования тагарской культуры и могут быть синхронны сооружению курганов. Остатки изображения животного в скифском стиле обнаружены на отдельно лежащей плите рядом с одиночным курганом, расположенном в самом устье Широкого лога (рис. 2). Очевидно, эта плита была отколота от основания углового камня конструкции кургана при проведении сельскохозяйственной работы. На камне сохранилась передняя часть выбитой фигуры животного – у него вытянутая морда, два округлых уха, вытянутая шея, сохранилась часть туловища и две передние ноги, изображенные в позе внезапной остановки, характерном признаке скифо-сибирского звериного стиля (Миклашевич,

Советова, 1999, с. 64). К данной группе могут быть отнесены и изображения коней в «огластинской» манере, обнаруженные на плите, находящейся в конструкции тесинского кургана-склепа Тепсей XVI (Советова, Шишкина, 2014, рис. 1). Не исключено, что данная плита изначально находилась в конструкции соседнего кургана подгорновского этапа тагарской культуры и переиспользована при строительстве склепа (Пшеницына, 1978, с. 7).

На Тепсее четко выделяется серия изображений, выполненных мелкой поверхностной выбивкой и затем шлифованных, видимо представляющих собой общую хронологическую группу. Большой интерес представляют рисунки с одного из камней ограды четырехкаменного тагарского кургана (Тепсей VIII). Камень интересен своей формой, напоминающей гриб с наклонно расположенной шляпкой. При детальном исследовании удалось выявить рисунки и следы выбивки на всех его пяти гранях, включая верхнюю (рис. 3). Все рисунки выполнены очень мелкой и поверхностной выбивкой, затем зашлифованные, некоторые детали проработаны гравированными линиями. Лучше всего различимы фигуры на северной грани камня (рис. 3: 2–3), опубликованной Е.А. Миклашевич (2013, рис. 2, 2). На ней выполнена сцена, включающая антропоморфных персонажей, один из которых показан перевернутым, другой с каким-то предметом в поднятой руке и в своеобразной позе. В центральной части грани выбита фигура всадника на коне с луком в руках. В нижней части камня изображены две фигурки безрогих косуль, пронзенных стрелами. На восточной фронтальной грани камня нанесена многофигурная композиция, выполненная неглубокой мелкой выбивкой, но вполне различимой при определенном освещении (рис. 3: 6–7). В правой части грани изображена фигура оленухи, под животом у которой находится детеныш. Корпус взрослого животного покрыт ломаными линиями, фигурка детеныша выполнена силуэтно. В левой части композиции изображен всадник на коне, гравированными линиями у которого проработан лук и «перьевого» головной убор. Ступни всадника развернуты в разные стороны. В правой же части камня прослеживаются едва различимые фигуры: антропоморфный персонаж, который ведет за поводья животное. Верхняя грань камня имеет шероховатую поверхность,

она была полностью покрыта слоем лишайника. После расчистки стало понятно, что на ней тоже имеются фигуры животных, птицы и всадника, перекликающиеся с фигурами в нижней части камня (рис. 3: 4–5). Рисунки, выявленные на западной и южной гранях камня, невыразительны, слабо различимы. Сама техника исполнения, набор образов и стилистические особенности позволяют нам предположить, что рисунки были созданы в тесинское время. В пользу тесинской принадлежности данной композиции свидетельствуют такие элементы, как раскидистый головной убор всадника, расставленные в разные стороны ступни у антропоморфных персонажей; косули, пронзенные стрелами, а также профильная птица с длинной шеей и клювом, характерные для тесинского времени. В данном случае интерес представляет всадник в «перьевом» головном уборе. В подобном головном уборе изображен всадник на одной из плит могильника Есино X (Савинов, 2013, с. 113). С таким убором встречаются и персонажи на скалах, датируемые тесинским временем (Советова, 2005, табл. 28; и др.). В подобной мелкой технике с элементами шлифовывания выполнены антропоморфные фигуры на одном из курганных камней могильника, расположенного примерно в 1 км от основного скопления курганов (рис. 4). Фигуры слегка вытянутые, чем напоминают изображения тепсейских «великанов» из петроглифического пункта Тепсей V (Советова, 2005, рис. 28). У левой фигуры правая рука расположена на поясе, в левой располагается чекан, которым он замахивается на противника. Некрупными выбоинками у этого персонажа обозначены на голове рожки. У противника рука приподнята, в ней, вероятно, он держит булаву. На этом камне при детальном осмотре и копировании на микалентную бумагу нам удалось зафиксировать палимпсест: фигуру животного, выполненного в классическом скифо-сибирском стиле, которую перекрывают изображения «воинов-великанов». Скорее всего, животное было выбито раньше, о чем свидетельствует и центральное расположение на камне, и стилистическая манера исполнения. Великаны же вписаны в оставшееся пространство и частично перекрывают фигуру животного. Техника исполнения и наличие палимпсеста также могут свидетельствовать о тесинской принад-

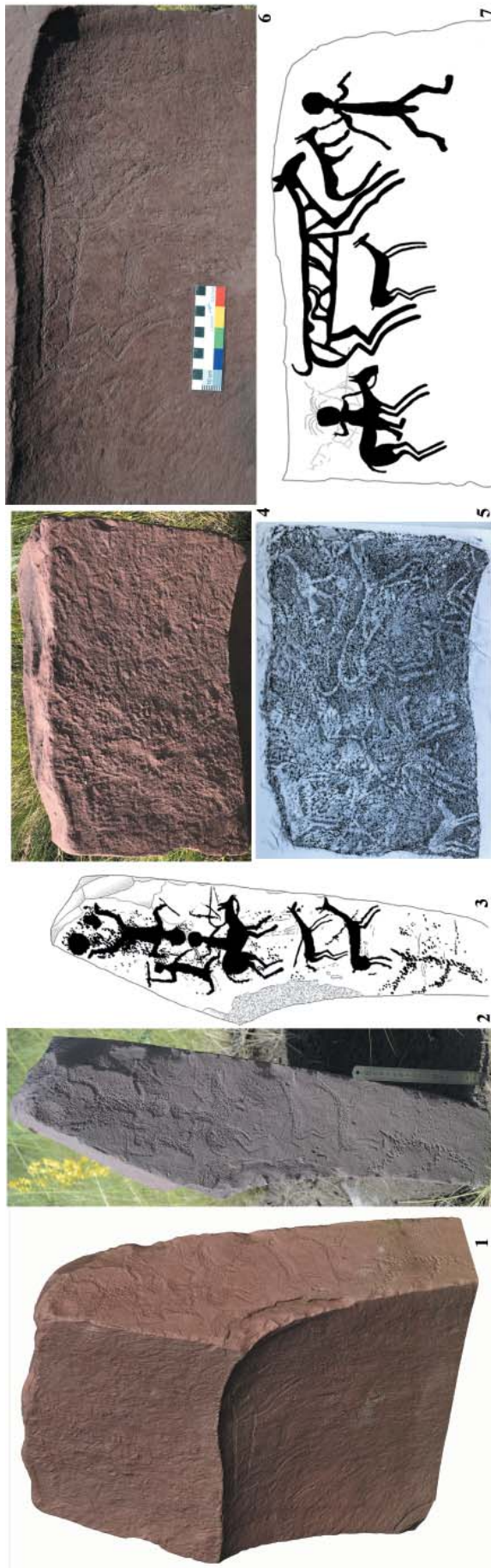

Рис. 3. Камень с тесинскими изображениями, выполненными поверхностной выбивкой. Тесей VIII. 1 – 3d-модель камня, выполнена Е. А. Романенко; 2 – северная грань, фото И.В. Аболонковой; 3 – прорисовка северной грани (по: Миклашевич, 2013); 4 – верхняя грань, фото О.С. Советовой; 5 – микалентная копия верхней грани; 6 – восточная грань, фото И.В. Аболонковой; 7 – прорисовка восточной грани.

Fig. 3. Stone with Tes drawings made by surface pecking. Tersei VIII. 1 – 3d model of the stone by Ye. A. Romanenko; 2 – northern face, photo by I.V. Abolonkova; 3 – drawing of the northern face (after Miklashevich, 2013); 4 – top face, photo by O.S. Sovetova; 5 – mica copy of the upper face; 6 – eastern face, photo by I.V. Abolonkova; 7 – drawing of the eastern face.

Рис. 4. Камень с изображениями «великанов». Тепсей V.
Фото О.С. Советовой.

Fig. 4. Stone with images of "giants".
Tepsei V. Photo by O.S. Sovetova.

лежности данных изображений. Уверенно к тесинскому времени относятся изображения т. н. путаниц и лабиринтов, выделенных Д.Г. Савиновым по изображениям на могильных плитках Есино (Савинов, 1995, с. 6–10). На нескольких курганных камнях Тепсея встречаются различные вариации «тесинских путаниц»: чаще всего в них включены антропоморфные фигуры (Советова, Шишкина, 2014, рис. 2).

Помимо антропоморфных персонажей, включенных в какие-либо сюжетные сцены и пр., на камнях Тепсея встречается очень много отдельных схематичных изображений людей – одиночных, с султанчиками на головах или в других головных уборах, но без каких-либо четких датирующих признаков, часть из которых, наверняка, была создана в тагарскую эпоху. По причине их изобразительной условности и отсутствия каких-либо датирующих элементов с уверенностью отнести их к тагарскому пласту петроглифов довольно сложно.

Тем не менее серия тагарских человечков очень разнообразна и многочисленна. Это и воины, и охотники с различным оружием в руках, и разнообразные всадники, великаны и низкорослые фигуры, фигуры с выраженными пальцами на руках, фертообразные фигуры и человечки с присогнутыми в коленях ногами, и многие другие (рис. 5).

Как уже отмечалось выше, наружные части плит оград тагарских курганов были доступны для создания изображений в последующие периоды. На курганных камнях под горой Тепсей открыты многофигурные таштыкские сцены, выполненные тонкими резными линиями. Рисунки расположены на двух соседних камнях, входящих в конструкцию одного кургана. На первом среди многочисленных тончайших, порой бессистемных линий обнаружены изображения быка, оленя, летящей профильной птицы и нескольких хищных животных с оскаленными пастьями, вздыбленной шерстью и когтистыми лапами, изобра-

Рис. 5. Изображения антропоморфных персонажей на плитах оград тагарских курганов под горой Тепсей. Фото И.В. Аболонковой.

Fig. 5. Images of anthropomorphic characters on the fence slabs of the Tagar barrows at the foot of Mount Tepsei. Photo by I.V. Abolonkova.

женными в стремительном беге (Советова, Шишкина, Аболонкова, 2021, рис. 105–106). Изображения хищников довольно редки в таштыкском искусстве. На таштыкских деревянных плакетках встречаются фигуры медведей, которые тоже изображены с когтистыми лапами (Грязнов, 1979, с. 99, рис. 59), но хищники, изображенные на курганном камне Тепсея, больше напоминают волков.

На втором тепсейском камне была выявлена фигура аналогичного хищника с оскаленной пастью, острыми ушами и длинным хвостом, но уже в иной позе («таштыкской») – с подогнутой ногой. Этот хищник преследует двух животных, над ними парит профильная птица. Птиц (правда, в довольно стилизованном виде) изображали на астрагалах, обнаруженных в таштыкских склепах, есть изображение

Рис. 6. Изображения лося таштыкского времени, Тепсей VIII.

Фото И.В. Аболонковой.

Fig. 6. Images of an elk of the Tashtyk period, Tepsei VIII.

Photo by I.V. Abolonkova

на роговой булавке в одной из могил Тепсейского комплекса (Грязнов, 1979, с. 127, рис. 75). На соседнем камне, входящем в конструкцию того же кургана, мелкой поверхностной выбивкой выполнена фигура лося, изображенного в прыжке, очевидно тоже относящаяся к таштыкскому времени (рис. 6). Стилистически и позой фигура схожа с изображениями на деревянных таштыкских плакетках (Грязнов, 1979, с. 99, рис. 59), а также с наскальными рисунками (Леонтьев, Панкова, 2012, рис. 20; Панкова, 2012, прорис. 3; и др.).

Помимо выразительных многофигурных сцен на курганных камнях Тепсей представлены многочисленные тамги и знаки, относящиеся, видимо, к Средневековью и Новому времени. Более детальный анализ тамг всего Тепсейского археологического микрорайона был уже нами проведен (Шишкина, 2023). Отметим лишь, что большая часть тамг, нанесенных на плиты тагарских курганов, перекликается с изображениями на скалах. Не исключено, что тамги на камнях в степях выбивали для обозначения принадлежности территории. Встречаются и фигуративные «поздние» изображения. Например, на одном из курганных камней запечатлена многофигурная сцена, на которой выбиты животное (олень?), две антропоморфные фигуры и дугообразные тамги (рис. 7). Техника исполнения, стиль и явно одновременное создание всех фигур на грани позволяют предположить, что данная композиция была выбита в Новое время и может быть отнесена к «народному»

искусству. Манера изображения животного очень напоминает стиль «народных» рисунков хакасов, выделенный по материалам соседнего памятника Оглахты: прямоугольное туловище, напоминающее по форме букву «П» (П-образные изображения), передняя нога начинается от замкнутой линии груди (Кызласов, Леонтьев, 1980, с. 40, 41). Аналогичные изображения оленей на скалах известны на писанице Хызыл-Хая (Кызласов, Леонтьев, 1980, рис. 13), Оглахты (Наскальные изображения Оглахты, 2017, с. 120, 131, 142).

В целом на камнях тагарских курганов под горой Тепсей представлены изображения по меньшей мере пяти хронологических пластов: тагарский, тесинский, таштыкский, средневековый, Нового времени. Такие «открытия» последних лет требуют подробного и комплексного изучения петроглифов на курганных камнях других территорий.

Заключение

Таким образом, многолетние наблюдения Тепсейского отряда КемГУ показали, что имеющиеся изображения на плитах оград тагарских курганов стилистически и хронологически разнообразны, многие выполнены на высоком художественном уровне. Часть изображений могла быть создана при сооружении кургана в тагарское время, но большая часть, скорее всего, создана уже позднее (в тесинское, таштыкское время, в Средние века и даже в Новое время). Наличие большого количества изображений более позднего времени среди конструкций оград тагарских

Рис. 7. Плита с «поздними» рисунками. Тепсей VII. Фото О.С. Советовой.

Fig. 7. Slab with "late" drawings. Tepsei VII. Photo by O.S. Sovetova.

курганов позволяет предположить, что часть изобразительных материалов с погребальной практикой не связана. Отдельные сцены Тепсея еще требуют детального исследования и могут пролить свет на различные семантические вопросы, связанные, возможно, с поминальными обрядами⁴ и пр. Кроме того, в настоящее время рисунки на курганных камнях (как и прочие объекты наскального искусства) подвергаются воздействию внешней среды – камни зарастают лишайниками, разрушаются, уходят под песчаные заносы. В годы раскопок под Тепсеем рекультивация не предусматривалась хотя бы в силу того, что эти территории считались бесперспективными, так как поля с курганами должны были уйти под воду в связи с созданием водохранилища, и картина в наши дни соответствующая. В настоящее время на местах раскопок не всегда прослеживаются конструкции оград, поскольку многие плиты упали, другие оказались задернованными, часть могильников разрушена из-за подработки береговой

линии водами водохранилища. Наибольшему разрушению подвергаются конструкции, находящиеся на краю надпойменной террасы. Берег постоянно подвергается обрушению, увлекая за собой деревья, тонны земли, а также еще сохранившиеся на краю надпойменной террасы курганные камни. Поэтому сейчас невозможно назвать даже приблизительное количество имевшихся здесь курганов, как и рисунков на их камнях. В целом, сравнивая современное состояние прибрежной зоны с архивными фотографиями 1970-х гг., приходится констатировать факт, что, очевидно, наибольшая часть плит с рисунками навсегда утрачена. Поэтому сегодня мы располагаем, видимо, лишь небольшой частью корпуса изобразительных материалов, который некогда наполнял Тепсейские степи. Тем не менее даже выявленные изображения представляют собой различные хронологические группы и оригинальные образы наскального искусства Минусинской котловины.

Примечания:

¹ Здесь и далее мы будем пользоваться индексацией археологических памятников, предложенной М.П. Грязновым.

² Автор настоящей статьи входит в состав Тепсейского отряда с 2013 г.

³ Могильники в Малиновом логу включены в территорию Тепсейского археологического микрорайона, но представляют собой отдельную группу археологических памятников, состоящих из десятков курганов, среди конструкций которых встречаются изображения. Отметим, что в настоящем исследовании мы не будем

анализировать материалы Малинового лога, поскольку изображения этого пункта еще требуют дополнительного изучения.

⁴ По материалам археологических раскопок известно, что рядом с курганом, на конструкцию которого нанесены таштыкские рисунки, располагался таштыкский поминальник. В 100 м от камней с таштыкскими изображениями было найдено три сосуда, поставленных вверх дном, а еще немного подальше – яма с керамикой, костями животных (Грязнов и др., 1979, с. 89).

ЛИТЕРАТУРА

Аболонкова И.В. Поиск, выявление и документирование наскальных изображений горы Тепсей в 2012–2019 гг. // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2019. № 10. С. 5–14.

Боковенко Н.А. Отчет о работах Новоселовского отряда в 1977 году. Л., 1978 // Научный архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 6821.

Боковенко Н.А. Отчет об обследовании петроглифов в Новоселовском, Краснотуранском районах Красноярского края и в Хакасской АО в 1983 году. Л., 1984 // Научный архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 18036.

Герман П.В., Мухарева А.Н., Емельянцева М.П. Изображения на каменных плитах могильника Сагайская протока–4 (Аскизский район республики Хакасия) // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». 2022. № 16. С. 5–22.

Грязнов М.П., Комарова М.Н., Завитухина М.П., Пшеницына М.Н., Худяков Ю.С. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. 168 с.

Данькин Е.Н., Есин Ю.Н., Поселянин А.И., Тараканов В.В. Петроглифы тагарской культуры в погребальном контексте могильника Абакан-24 // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2020. № 1 (25). С. 85–96.

Зоткина Л.В., Суругин С.В., Постников Н.В., Богданов Е.С., Тимощенко А.А. Методика документирования наскальных изображений в курганных конструкциях на примере памятника Скальная-5 (Аскизский район, республика Хакасия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 27 / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2021. С. 966–973.

Ковалева О.В. Рисунки на плитах и стелах кургана Барсучий лог // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. № 1. С. 91–112.

Кызласов Л.Р., Леонтьев Н.В. Народные рисунки хакасов. М: Наука, 1980. 176 с.

Леонтьев Н.В., Панкова С.В. Петроглифы горы Георгиевской (таштыкские резные рисунки) // Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская, Лынищенская, Улазы III, Сосниха / Труды САИПИ. Вып. X / Отв. ред. Д.Г. Савинов. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. С. 5–27.

Наскальные изображения Оглахты. Альбом / Сост. Ю. Н. Есин. Абакан: ХаКНИИЯЛИ, 2017. 160 с.

Миклашевич Е. А. Исследование памятников наскального искусства Минусинской котловины в 2012–2013 годах // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIX / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 255–259.

Миклашевич Е.А., Бове Л.Л. Исследование изображений на курганных плитах могильников под горой Бычиха (Минусинская котловина) // Вестник КемГУ. 2015. Т. 1. № 3. С. 52–64.

Мухарева А.Н. Петроглифы на курганных плитах могильника под горой Большой Сибигур на Енисее // Творец культуры. Материальное и духовное пространство человека в свете археологии, истории, этнографии. Сборник научных статей, посвященный 80-летию Д.Г. Савинова / Труды ИИМК РАН. Т. LVII. / Отв. ред. Н.Ю. Смирнов. СПб: ИИМК РАН, 2021. С. 564–571.

Мухарева А.Н., Рогова И. Г. Петроглифы на курганных камнях могильников в окрестностях села Тесь Минусинского района Красноярского края (некоторые результаты полевых исследований 2018 года) // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2019. № 10. С. 43–52.

Николаева Т.В. Изображения на плитах оград тагарской культуры (методика и хронология). Дисс. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1983. 229 с.

Панкова С.В. Ошкольская писаница в Хакасии // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии / Труды САИПИ. Вып. IX / Отв. ред. О.С. Советова, Г.Г. Король. М., Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. С. 76–96.

Пшеницына М.Н. Отчет о работах Тепсейского отряда в 1977 году. Л., 1978 // Научный архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 6712–6712а.

Савинов Д.Г. К вопросу о хронологии и семантике изображений на плитах оград тагарских курганов (по материалам могильников у горы Туран) // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху / Известия кафедры археологии. Вып. 8 / Отв. ред. А. И. Мартынов. Кемерово: КГУ, 1976. С. 57–73.

Савинов Д.Г. Тесинские лабиринты (по материалам могильника Есино III) // Древнее искусство Азии. Петроглифы / Отв. ред. В.В. Бобров. Кемерово: КемГУ, 1995. С. 6–10.

Савинов Д.Г. «Обряды перехода» на курганных плитах Среднего Енисея // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. № 1. С. 112–120.

Семенов В.А., Килуновская М.Е., Красниенко С.В., Субботин А.В. Изображения на плитах тагарских курганов (Шарыповский район Красноярского края). СПб.: ЭликСис, 2003. 122 с.

Советова О.С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 140 с.

Советова О.С., Миклашевич Е. А. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов (по итогам работы Петроглифического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ) // Археология, этнография и музейное дело / Отв. ред. В.В. Бобров. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. С. 47–74.

Советова О. С., Шишкина О.О. Изображения на плитах оград тагарских курганов (Тепсейский археологический комплекс) // Вестник КемГУ. 2014. Т. 3. № 3 (59). С. 93–98.

Советова О.С., Шишкина О.О., Аболонкова И.В. Наскальное искусство Тепсейского археологического микрорайона. Кемерово: Вектор-Принт, 2021. 288 с.

Шишкина О.О. Тамги в наскальном искусстве Тепсейского археологического микрорайона // Проблемы истории, филологии, культуры (ПИФК). 2023. № 2 (80). С. 290–306.

Информация об авторе:

Шишкина Ольга Олеговна, кандидат исторических наук, старший преподаватель Института истории и международных отношений, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, Россия); olgashishkina145@gmail.com

REFERENCES

Abolonkova, I. V. 2019. In *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika «Tomskaya pisanitsa» (Scientific notes of the Tomskaya Pisanitsa Museum-Reserve)* 10, 5–14 (in Russian).

Bokovenko, N. A. 1978. *Otchet o rabotakh Novoselovskogo otryada v 1977 godu (Report on the work of the Novoselovo detachment in 1977)*. Leningrad. Scientific archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund. 1 R. 1, dossier 6821 (in Russian).

Bokovenko, N. A. 1984. *Otchet ob obsledovanii petroglifov v Novoselovskom, Krasnoturanskom rayonakh Krasnoyarskogo kraia i v Khakasskoy AO v 1983 godu (Report on the survey of petroglyphs in the Novoselovo, Krasnoturansk districts of the Krasnoyarsk Krai and in the Khakass AO in 1983)*. Leningrad. Scientific archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund. 1 R. 1, dossier 18036 (in Russian).

German, P. V., Mukhareva, A.N., Emel'yantseva, M. P. 2022. In *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika «Tomskaya pisanitsa» (Scientific notes of the Tomskaya Pisanitsa Museum-Reserve)* 16, 5–22 (in Russian).

Gryaznov, M. P., Komarova, M. N., Zavitukhina, M. P., Pshenitsyna, M. N., Khudyakov, Yu. S. 1979. *Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov u gory Tepsey na Enisee (Complex of archaeological sites at the Mount Tepsei on the Yenisey River)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Dan'kin, E. N., Esin, Yu. N., Poselyanin, A. I., Tarakanov, V. V., 2020. In *Nauchnoe obozrenie Saiano-Altai (Scientific Review of Sayano-Altai)* 25 (1), 85–96 (in Russian).

Zotkina, L. V., Sutugin, S. V., Postnikov, N. V., Bogdanov, E. S., Timoshchenko, A. A. 2021. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and the Adjoining Territories)* 27. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 966–973 (in Russian).

Kovaleva, O. V. 2013. In *Nauchnoe obozrenie Saiano-Altai (Scientific Review of Sayano-Altai)* 1, 91–112 (in Russian).

Kyzlasov, L. R., Leont'ev, N. V. 1980. *Narodnye risunki khakasov (Folk drawings of the Khakas)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Leont'ev, N. V., Pankova, S. V. 2012. In Savinov, D. G. (ed.). *Pamyatniki naskal'nogo iskusstva Minusinskoy kotloviny: Georgievskaya, L'nishchenskaya, Ulazy III, Sosnikha* (Monuments of rock art of the Minusinsk basin: Georgievskaya, L'nishchenskaya, Ulazy III, Sosnikha). Series: Trudy Sibirskoy assotsiatsii issledovateley pervobytnogo iskusstva (Proceedings of the Siberian Association of Researchers of Prehistoric Art) X. Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ., 5–27 (in Russian).

Esin, Yu. N. (ed.). 2017. *Naskal'nye izobrazheniya Oglakhty* (Rock art of Oglakhty). Abakan: Khakass Research Institute of Language, Literature and History (in Russian).

Miklashevich, E. A. 2013. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and the Adjoining Territories) 19. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 255–259 (in Russian).

Miklashevich, E. A., Bove, L. L. 2015. In *Vestnik KemGU* (Bulletin of Kemerovo State University) 1 (3), 52–64 (in Russian).

Mukhareva, A. N. 2021. In Smirnov, N. Yu. (ed.). *Tvoret's kul'tury. Material'noe i dukhovnoe prostranstvo cheloveka v svete arkheologii, istorii, etnografii. Sbornik nauchnykh statey, posvyashchenny 80-letiyu D.G. Savinova* (The creator of culture. Material culture and the human spiritual space in the light of archaeology, history and ethnography: Collection of scientific papers dedicated to the 80th anniversary of Professor Dmitriy Glebovich Savinov). Series: Trudy Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy Akademii nauk (Proceedings of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences) LVII. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 564–571 (in Russian).

Mukhareva, A. N., Rogova, I. G. 2019. In *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika «Tomskaya pisanitsa»* (Scientific notes of the Tomskaya Pisanitsa Museum-Reserve) 10, 43–52 (in Russian).

Nikolaeva, T. V. 1983. *Izobrazheniya na plitakh ograd tagarskoy kul'tury (metodika i khronologiya)*. (Drawings on the fence slabs of the Tagar culture (methodology and chronology). Diss. of the Candidate of Historical Sciences. Kemerovo (in Russian).

Pankova, S. V. 2012. In Sovetova, O. S., Korol, G. G. (ed.). *Izobrazitel'nye i tekhnologicheskie traditsii v iskusstve Severnoi i Tsentral'noi Azii* (Iconographic and Technological Traditions in the Art of North and Central Asia). Series: Trudy Sibirskoy assotsiatsii issledovateley pervobytnogo iskusstva (Proceedings of the Siberian Association of Researchers of Prehistoric Art) IX. Moscow; Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ., 76–96 (in Russian).

Pshenitsyna, M. N. 1978. *Otchet o rabotakh Tepseyskogo otryada v 1977 godu* (Report on the work of the Tepsei detachment in 1977). Leningrad. Scientific archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund. 1 R. 1, dossier 6712–6712a (in Russian).

Savinov, D. G. 1976. In Martynov, A. I. (ed.). *Yuzhnaya Sibir' v skifo-sarmatskuyu epokhu* (Southern Siberia in the Scythian-Sarmatian era). Series: Izvestiya kafedry arkheologii (News of the Department of Archaeology) 8. Kemerovo: Kemerovo State University, 57–73 (in Russian).

Savinov, D. G. 1995. In Bobrov, V. V. (ed.). *Drevnee iskusstvo Azii. Petroglify* (Ancient art of Asia. Petroglyphs). Kemerovo: Kemerovo State University, 6–10 (in Russian).

Savinov, D. G. 2013. In *Nauchnoe obozrenie Saiano-Altai* (Scientific Review of Sayano-Altai) 1, 112–120 (in Russian).

Semenov, V. A., Kilunovskaya, M. E., Krasnienko, S. V., Subbotin, A. V. 2003. *Izobrazheniya na plitakh tagarskikh kurganov (Sharypovskiy rayon Krasnoyarskogo kraya)* (Drawings on the slabs of Tagar barrows (Sharypovo district of the Krasnoyarsk Krai)). Saint Petersburg: "ElikSis" Publ. (in Russian).

Sovetova, O. S. 2005. *Petroglify tagarskoy epokhi na Enisee (syuzhety i obrazy)* (Petroglyphs of the Tagar period on the Yenisey River (figural scene and images)). Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Sovetova, O. S., Miklashevich, E. A. 1999. In Bobrov, V. V. (ed.). *Arkheologiya, etnografiya i muzeynoe delo* (Archaeology, ethnography and museum affairs). Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ., 47–74 (in Russian).

Sovetova, O. S., Shishkina, O. O. 2014. In *Vestnik KemGU* (Bulletin of Kemerovo State University) 59 (3), 93–98 (in Russian).

Sovetova, O. S., Shishkina, O. O. Abolonkova, I. V. 2021. *Naskal'noe iskusstvo Tepseyskogo arkheologicheskogo mikrorayona (Rock art of the Tepsei archaeological microdistrict)*. Kemerovo: "Vektor-Print" Publ. (in Russian).

Shishkina, O. O. 2023. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* 80 (2), 290–306 (in Russian).

About the Author:

Shishkina Olga O. Candidate of Historical Sciences, Kemerovo State University. Krasnaya, str. 6, Kemerovo, 650000, Russian Federation; olgashishkina145@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.08.2023 г.
Статья принята к публикации 01.10.2023 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.5.101.113>

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ЖЕНСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ ЖУЖАНСКОГО ПЕРИОДА (ПО МАТЕРИАЛАМ КОМПЛЕКСА ЧОБУРАК-I)¹

© 2023 г. Н.Н. Серегин, А.А. Тишкин, С.С. Матренин, Т.С. Паршикова

В статье представлены результаты анализа, культурно-хронологической и этносоциальной интерпретации одного из женских погребений (курган №32а), раскопанных на небольшом некрополе булан-кобинской культуры в составе памятника Чобурак-I. Данный комплекс, исследованный археологической экспедицией Алтайского государственного университета, расположен в Чемальском районе Республики Алтай. Ключевыми характеристиками рассматриваемого женского погребения являются небольшая каменная насыпь с овальной крепидой, неглубокая, узкая и длинная яма, труположение вытянуто на спине с ориентировкой головой в западном направлении, а также сопроводительное захоронение лошади в «ногах» человека. В могиле обнаружен представительный инвентарь, включавший украшения, элементы костюма, орудия труда и конское снаряжение. Анализ находок позволил определить датировку данного объекта в рамках середины – второй половины IV в. н.э. Зафиксированные особенности ингумации с верховым конем демонстрируют принадлежность захоронения к дялянской традиции обрядовой практики кочевников булан-кобинской культуры. Судя по качественному составу предметов, женщина, похороненная в кургане №32а, обладала достаточно высоким социальным статусом в рамках локального коллектива, оставившего некрополь Чобурак-I.

Ключевые слова: археология, жужанское время, Алтай, женское погребение, хронология, булан-кобинская культура, социальная история.

NEW DATA ON FEMALE BURIALS OF ROURAN PERIOD FROM THE NORTHERN ALTAI (BASED ON THE MATERIALS FROM THE CHOBURAK-I COMPLEX)²

N.N. Seregin, A.A. Tishkin, S.S. Matrenin, T.S. Parshikova

The article presents the results of the analysis, cultural-chronological and ethnic-social interpretation of one of the female burials (barrow No. 32a), excavated at a small necropolis of the Bulan-Koby culture as part of the Choburak-I site. This complex, studied by the archaeological expedition of the Altai State University, is located in the Chemal district of the Altai Republic. The key characteristics of this female burial are a small stone mound with an oval revetment; a shallow, narrow and long pit; the corpse is stretched on the back with the head, oriented to the west, as well as the accompanying burial of a horse at the “legs” of a dead. A considerable inventory was found in the burial, including jewelry, costume details, tools and harness. Analysis of the finds made it possible to determine the dating of this object within the middle – second half of the IV century AD. The recorded features of inhumation with a riding horse demonstrate that this burial belongs to the Dyalyan tradition of the ritual practice of the Bulan-Koby culture nomads. Judging by the qualitative composition of the items, woman, buried in barrow No. 32a, had a high social status in the local community, that left the Choburak-I necropolis.

Keywords: archaeology, Rouran period, Altai, female burial, chronology, Bulan-Koby culture, social history.

¹ Анализ и интерпретация комплекса осуществлены при финансовой поддержке РФФ №20-78-10037, <https://rscf.ru/project/23-78-50005/>. Обработка материалов раскопок некрополя Чобурак-I проведена в рамках программы развития ФГБОУ ВО АлтГУ «Приоритет 2030».

² The analysis and interpretation of the complex were carried out with the financial support of RSF (project №20-78-10037, <https://rscf.ru/project/23-78-50005/>). Processing of the materials from the Choburak-I necropolis was carried out within the "Priority-2030" Program by the Altai State University.

Рис. 1. Расположение памятника Чобурак-I.

Fig. 1. Location of the Choburak-I site.

Введение

На сегодняшний день история кочевников Алтая в эпоху Великого переселения народов известна, главным образом, по материалам раскопок погребальных памятников булан-кобинской культуры, осуществленным в конце XX – начале XXI вв. разными научными учреждениями Сибири. Одним из результатов имеющегося опыта научных изысканий стало представление о сложных этносоциальных процессах, происходивших на данной территории во второй четверти I тыс. н.э., что в значительной степени было обусловлено фактором военно-политической активности держав центрально-азиатских номадов, прежде всего сяньби и жужаней. Отражением данной ситуации можно считать проживание на Алтае носителей нескольких традиций погребальной практики с разнообразной материальной культурой, гетерогенный антропологический облик макро и микрогрупп населения, а также свидетельства вооруженного насилия с использованием летального оружия (Серегин, Матренин, 2016, с. 147–165; Чикишева, Поздняков, 2000; Тур, Матренин, Соенов, 2018; и др.).

Одной из проблем в интерпретации имеющихся источников остается выделение общих, особенных и единичных признаков погребального обряда женской части популяции булан-кобинской культуры в жужанское

время (вторая половина IV – первая половина V вв. н.э.). Это связано, главным образом, с малочисленностью исследованных в регионе женских захоронений, относящихся к обозначенному периоду (Серегин, Матренин, 2020, с. 24). Приходится констатировать, что среди более 130 раскопанных на Алтае погребений второй половины IV – первой половины V вв. н.э. в составе одиннадцати некрополей остатки женщин уверенно идентифицированы лишь в 24 объектах, из которых полноценно введена в научный оборот только половина (Гаврилова, 1965, с. 54; Соенов, Эбель, 1992, рис. 25–27; Соенов, 2000, с. 1–3, 6, 7, 10; Бобров, Васютин А.С., Васютин, С.А., 2003, с. 174; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 151, 155; Серегин и др., 2019).

Обозначенные обстоятельства определяют важность проведения целенаправленных полевых исследований и осуществления полноценной публикации новых материалов жужанского времени. Настоящая статья посвящена введению в научный оборот сведений об одном из женских погребений, раскопанных в составе некрополя Чобурак-I в Северном Алтае.

Характеристика источников

Погребально-поминальный комплекс Чобурак-I расположен в Чемальском районе Республики Алтай, на правом берегу р. Катунь, к югу от с. Еланда (рис. 1). В процессе архе-

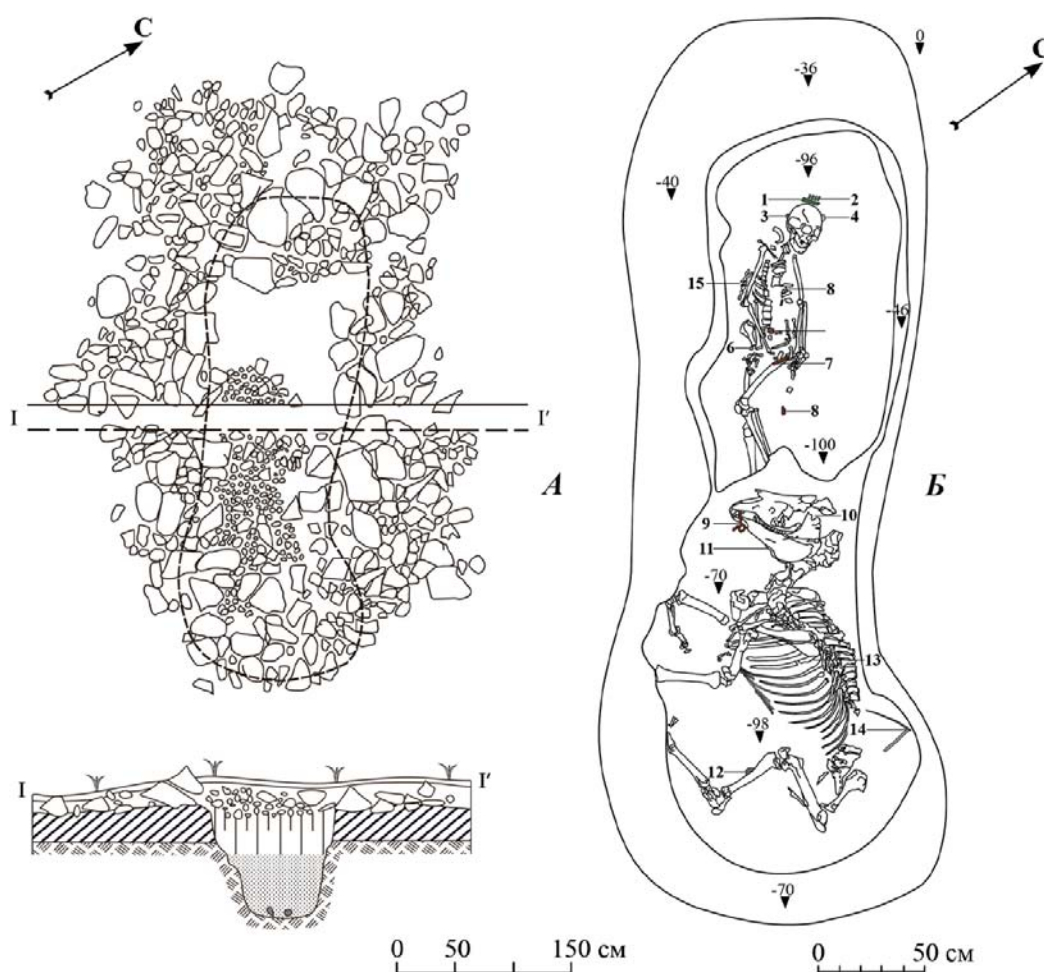

Рис. 2. Чобурак-I, курган №32а: А – план и разрез погребального сооружения; Б – план захоронения женщины с лошадью (1 – большая нашивная пластина; 2 – малые нашивные пластины; 3 – серьги; 4 – пряслице; 5 – элементы пояса (пряжка, бляхи, крепления); 6 – подвеска; 7 – шило; 8 – обломки изделий; 9 – удила; 10 – уздечная пряжка; 11 – детали конского снаряжения; 12 – подпружная пряжка; 13 – накладка; 14 – седельные канты; 15 – кости мелкого рогатого скота).

Fig. 2. Choburak-I, barrow No. 32a: A – plan and cross-sectional view of the burial structure; Б – plan of a female burial with a horse (1 – large sewn-on plate; 2 – small sewn-on plates; 3 – earrings; 4 – spindle whorl; 5 – belt elements (buckle, badges, fasteners); 6 – pendant; 7 – awl; 8 – fragments of items; 9 – bits; 10 – bridle buckle; 11 – harness elements; 12 – girth buckle; 13 – mount; 14 – saddle facings; 15 – bones of small cattle).

ологических работ на обозначенном памятнике Чемальской археологической экспедицией Алтайского государственного университета под руководством одного из авторов статьи был полностью раскопан некрополь буланкобинской культуры (Серегин и др., 2019; и др.). Он состоял из двенадцати курганов, компактно локализованных между самыми крупными погребальными сооружениями, относящимися к периоду энеолита и раннекифскому времени. Все насыпи, содержавшие женские могилы (курганы №32а, 33, 34), входили в состав одной цепочки, включавшей, кроме того, погребение ребенка (курган №29),

подростка (курган №29а) и мужчины (курган №32). Представим подробную характеристику захоронения из кургана №32а с акцентом на ключевые характеристики данного объекта, важные для его культурно-хронологической и этносоциальной интерпретации.

Курган №32а имел плоскую каменную насыпь, до раскопок практически не выделявшуюся на современной поверхности. Установлено, что это была наброска овальной формы размерами 5,56×3,84 м (высотой до 0,4 м), с более крупными камнями по внешнему контуру, которые образовывали крепиду (рис. 2: А). В границах данной выкладки располагалась

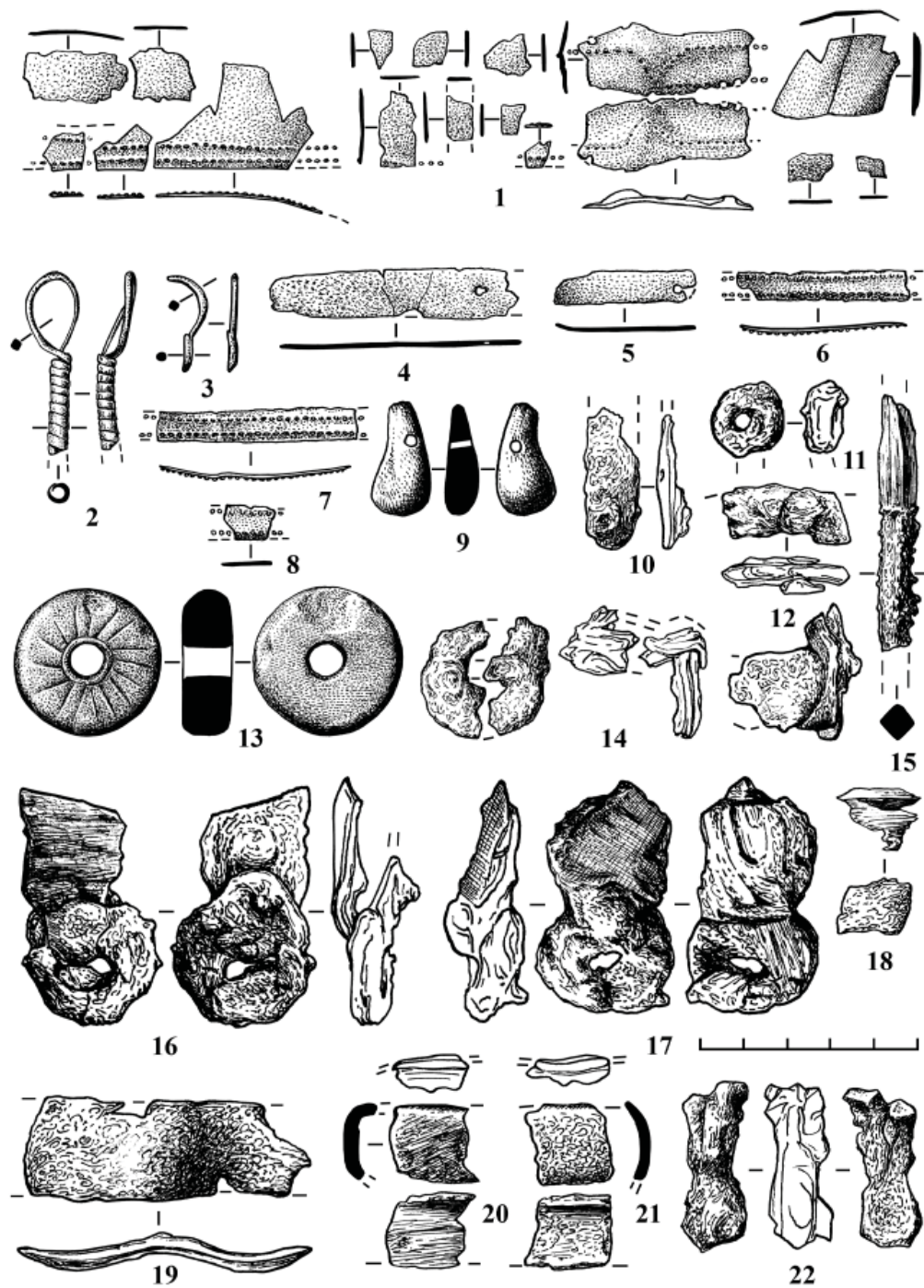

Рис. 3. Предметный комплекс из погребения кургана №32а некрополя Чобурак-I: 1, 4–8 – нашивные пластины; 2, 3 – серьги; 9 – подвеска; 10–12, 18, 20–22 – детали снаряжения; 13 – пряслице; 14 – поясная пряжка; 15 – шило; 16, 17, 19 – поясные бляхи (1–8 – цветной металл; 9 – кость; 10–12, 14–22 – железо; 13 – камень).
Fig. 3. Finds from the burial of the barrow No. 32a at the Choburak-I necropolis: 1, 4–8 – sewn-on plates; 2, 3 – earrings; 9 – pendant; 10–12, 18, 20–22 – equipment elements; 13 – spindle whorl; 14 – belt buckle; 15 – awl; 16, 17, 19 – belt badge (1–8 – non-ferrous metal; 9 – bone; 10–12, 14–22 – iron; 13 – stone).

могильная яма овально-вытянутой формы длиной 4,34 м и шириной 1,4–1,65 м, ориентированная продольной осью по линии юго-восток – северо-запад. В процессе выборки ямы выявлена достаточно плотная структу-

ра грунта, в котором встречались массивные гальки и рваные камни. По мере увеличения глубины могила сокращалась в размерах уступами и достигла на уровне дна длины 3,76 м, ширины 0,8–1,18 м.

В северо-западной половине ямы, на ее дне (показатель глубины 0,96–1 м от уровня древнего горизонта) расчищен скелет женщины 40–50 лет¹ в анатомическом порядке (рис. 2: Б). Умершая была уложена на спину со слегка согнутыми ногами, головой на северо-запад. Левая рука покойной размещалась прямо, правая была немного согнута в локте. Голова умершей женщины была повернута на левую сторону. Возле правого плеча выявлены остатки ритуальной мясной пищи в виде костей мелкого рогатого скота (овцы). С покойной обнаружен разнообразный набор изделий. За головой погребенной зафиксированы фрагменты одной большой (рис. 3: 1) и пяти малых (рис. 3: 4–8) нашивных пластин из цветного металла, а также каменное пряслице с солярным орнаментом (рис. 3: 13). Под черепом лежали две серьги из цветного металла разной формы (рис. 3: 2, 3). В области тазовых костей выявлены сильно корродированные железные элементы пояса: пряжка с подвижным язычком, овальной рамкой и щитком-полуобоймой плохой сохранности (рис. 3: 14), три бляхи-накладки вытянуто-прямоугольной формы (рис. 3: 10, 12, 19), две бляхи-полуобоймы с подвижными кольцами (рис. 3: 16, 17), фрагмент крепления в виде кольца (рис. 3: 11). Под правым крылом таза лежала подвеска из зуба марала (рис. 3: 9), а у левого бедра – железное шило (рис. 3: 15). Обломки железных изделий, не поддающихся функциональной атрибуции, зафиксированы среди ребер (рис. 3: 18, 22) и возле левой ноги (рис. 3: 20–21).

В юго-восточной половине могилы, в «ногах» умершей женщины, на глубине 0,78–0,98 м от уровня древнего горизонта располагалось сопроводительное захоронение верхового коня, уложенного на правый бок с подогнутыми конечностями и обращенного головой в одну сторону с человеком, т.е. на северо-запад. В разных частях скелета животного зафиксированы предметы снаряжения. В зубах находились железные удила (рис. 4: 2), за черепом – железная уздечная пряжка с подвижным язычком и щитком (рис. 4: 1), возле нижней челюсти – железные тренчик (рис. 4: 4) и пластина (рис. 4: 6), среди ребер – железная накладка (рис. 4: 5), а под костями задних ног – костяная (роговая) подпружная пряжка с подвижным язычком (рис. 4: 3). За спиной лошади обнаружены достаточно полно сохранившиеся фрагменты костя-

ных (роговых) кантов от двух седельных луков (рис. 4: 7, 8).

Анализ материалов

Рассматриваемый объект, как и другие исследованные на памятнике Чобурак-I погребения взрослых людей булан-кобинской культуры, был совершен по нормам обрядности дялянской традиции. Ее ключевыми признаками являются небольшая каменная насыпь с овальной крепидой, неглубокая, узкая и длинная яма, труположение человека вытянуто на спине с ориентировкой головой в западном направлении, сопроводительное захоронение лошади в «ногах» или поверх умершего (Серегин, Матренин, 2016, с. 161–162).

В публикуемом закрытом комплексе был обнаружен весьма разнообразный сопроводительный инвентарь, включавший как широко распространенные, так и достаточно редкие типы изделий. Многие из находок являются информативными для определения хронологии погребения и осуществления социальной интерпретации рассматриваемого объекта.

Среди украшений показательной является хорошо сохранившаяся серьга, имеющая сомкнутое овальное кольцо и выделенное основание в форме цилиндрической спирали (рис. 3: 2). Еще одно такое изделие представлено фрагментом (рис. 3: 3). Серьги рассматриваемой конструкции выступают одним из индикаторов предметного комплекса из объектов заключительного этапа (вторая половина IV – V в. н.э.) булан-кобинской культуры и зафиксированы в процессе раскопок некрополей Верх-Уймон, Дялян, Яломан-II (Соенов, 2000, рис. 7: 9; Тетерин, 2005, рис. 2: 29). По мнению некоторых исследователей, поздние образцы подобных экземпляров могут датироваться в рамках V – первой половины VI в. н.э. (Трифанова, Соенов, 2019, с. 57). Ближайшие аналогии им обнаружены в памятниках Верхнего Приобья и Восточного Казахстана эпохи Великого переселения народов (Грязнов, 1956, табл. XLV: 11, 25–27; Арсланова, 1975, табл. II: 11).

Головной убор женщины из кургана №32а был декорирован большой нашивной пластиной из цветного металла, которая представляла собой полосу, согнутую в низкую дугу и орнаментированную рядами точечного рельефного узора (рис. 3: 1). Судя по имеющимся археологическим материалам, похожие изделия использовались населением булан-кобинской

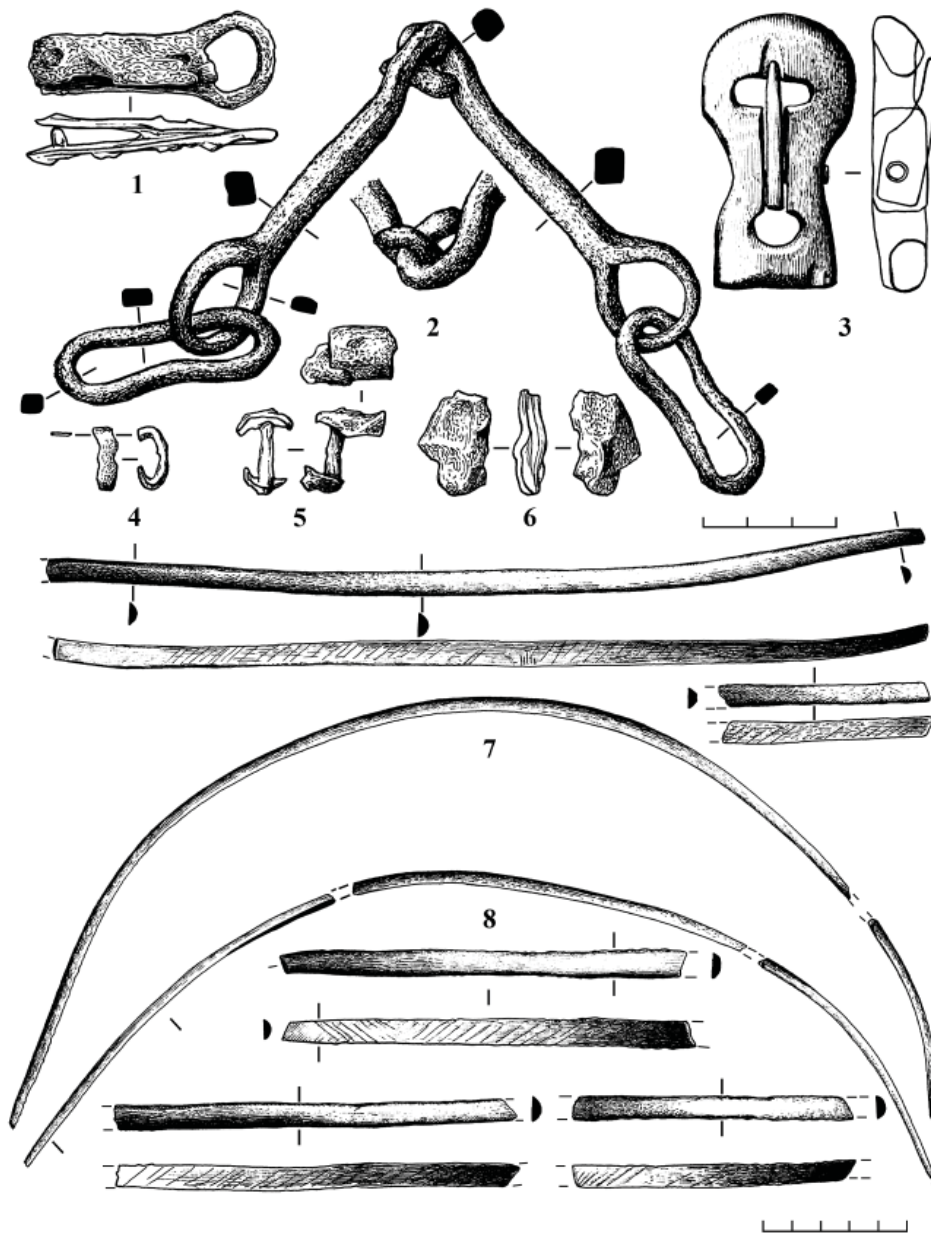

Рис. 4. Предметный комплекс из погребения кургана №32а некрополя Чобурак-I: 1 – уздечная пряжка; 2 – удила; 3 – подпружная пряжка; 4 – тренчик; 5, 6 – детали конского снаряжения; 7, 8 – седельные канты (1, 2, 4–6 – железо; 3, 7, 8 – кость/рог).

Fig. 4. Finds from the burial of the barrow No. 32a at the Choburak-I necropolis: 1 – bridle buckle; 2 – bits; 3 – girth buckle; 4 – belt loop; 5, 6 – harness elements; 7, 8 – saddle facings (1, 2, 4–6 – iron; 3, 7, 8 – bone/horn).

культуры в III–V вв. н.э. для декорирования повязок-диадем (венцов, полувенцов), либо в качестве обкладок (очелий) накидок (Соенов, 2000, рис. 2: 9; Худяков, 2014, с. 111–112; Самашев, 2018, рис. 34; Трифанова, Соенов, 2019, с. 34, рис. 6: 4, 5, 8; 7: 8, 10, 14).

Бронзовые пластины-нашивки в виде прямых узких полос с абрисом вытянуто-прямоугольной формы представлены пятью экземплярами, три из которых декорированы точечным узором (рис. 3: 4–8). Установле-

но, что данные украшения в могиле лежали перпендикулярно относительно ранее рассмотренной большой пластины. Похожие нашивные элементы головных уборов обнаружены на Алтае в погребальных комплексах Улуг-Чолтух-I (курган №29) и Верх-Уймон (курган №27) (Соенов, 2000, рис. 2: 1–3; Худяков, 2014, рис. 5: 8–10). Украшения рассматриваемого типа предварительно представляется возможным датировать в рамках середины III – V в. н.э.

Подвеска из зуба марала со сквозным отверстием для тканевого шнура или ремешка (рис. 3: 9), найденная под тазовыми костями (изделие, вероятно, помещалось в сумочку, либо подвешивалось к поясу), имеет аналогии в материалах булан-кобинских комплексов II–V вв. н.э. (Трифанова, Соенов, 2019, с. 53, рис. 25).

В состав уздечных принадлежностей из кургана №32а входили железные удила с крюковым соединением грызл и петельчатыми окончаниями округлой формы без псалиев, снабженные петлями вытянуто-овальной формы (рис. 4: 2). Удила данной конструкции демонстрируют линию эволюции узды с раннесяньбийского периода (конец I – начало III в. н.э.) (Мамадаков, 1990, с. 104; Яремчук, 2005, рис. 107: 3; 110: 6, 8, 9; 111: 3, 5; 113: 3; Борисенко, Худяков, Юй Су-Хуа, 2006). На Алтае точные аналогии таким изделиям происходят из погребальных комплексов второй половины IV – первой половины V в. н.э. (Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 110; табл. 30: 7, 9; 31: 1, 2).

Найденная в кургане №32а железная уздечная пряжка с подвижным язычком, закрепленным на основании овальной рамки, соединенной с подвижным щитком-полуобоймой (рис. 4: 1), имеет аналогии среди уздечных гарнитур из погребений жужанского времени (Тетерин, 1995, рис. 43–45). При этом по своему облику она близка к поясным пряжкам, получившим распространение в конце II – III вв. н.э. (Матренин, 2017, с. 46–47).

Тренчик уздечного ремня, сделанный из несомкнутой полуобоймы (рис. 4: 3), своим обликом напоминает металлические зажимные бляхи-скобы, использовавшиеся «булан-кобинцами» в IV–V вв. н.э. для декорирования поясных и уздечных ремней (Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 82–83; табл. 19: 3–8; 22: 15–22).

Костяная (роговая) подпружная пряжка с подвижным язычком, закрепленным на вставной костяной вертлюге в основании рамки арочной формы с щитком, выделенным от рамки и фиксирующимся к ремню с помощью прорези, соединенной с отверстием для свободного конца ремня (рис. 4: 3), относится к модификациям седельных застежек, получивших широкое распространение у населения Алтая под влиянием материальной культуры сяньби не ранее второй половины

III – начала IV вв. н.э. Данные изделия выступают одним из маркеров снаряжения «булан-кобинцев» жужанского периода (Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 116–117, рис. 109: 6).

В кургане №32а найдены хорошо сохранившиеся костяные (роговые) окантовки от двух луков седла (рис. 4: 7, 8). Такие предметы представляют собой исключительно редкую категорию конского снаряжения из памятников кочевников Центральной Азии. На сегодняшний день наиболее ранние свидетельства использования седел с кантами по верхнему торцу лука известны у поздних сяньби Северного Китая в IV в. н.э. Среди хорошо сохранившихся окантовок следует упомянуть широко известное седло из могильника Шиэртаг в Чаояне, у которого по внешнему торцу лука шла бронзовая П-образная в сечении полоса, прижимавшая края наружной и внутренней металлических накладок и закреплявшая их на луке (Степанова, 2015, с. 411, илл. 5). Судя по всему, более близкой аналогией является «жесткое» седло из скального погребения жужанского времени в Монгольском Алтае (Урд улаан унээт), на котором просматривается костяная (роговая) окантовка торца передней и задней лука (Серегин, Матренин, Идэрхангай, 2020: рис. 2).

Снаряжение женщины из кургана №32а включало относительно немногочисленные железные предметы, фиксировавшиеся к поясному ремню. Установлено, что пряжка, оснащенная подвижным язычком, овальной рамкой и щитком в виде пластины-полуобоймы (рис. 3: 14), относится к модификациям, использовавшимся кочевниками Алтая во II–V вв. н.э. (Матренин, 2017, с. 46–48). Бляха-накладка из рассматриваемого погребения, выполненная из одной слегка изогнутой пластины прямоугольной в плане формы со шпеньковым креплением (рис. 3: 19), принадлежит к числу гарнитур, получивших распространение в регионе под влиянием традиций материальной культуры сяньби во второй половине II – начале III в. н.э. и широко применявшихся до V в. н.э. включительно (Матренин, 2017, с. 62, 72; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 88; Серегин и др., 2022, с. 68–69). Две бляхи-полуобоймы с подвижным кольцом (рис. 3: 16, 17) являются хронологически показательным элементом поясов населения Алтая и других народов Северной

и Центральной Азии во II–V вв. н.э. (Матренин, 2017, с. 74–75).

Орудия труда представлены в инвентаре женского захоронения кургана №32 комплекса Чобурак-I единичными изделиями. Среди них особого внимания заслуживает каменное дисковидное пряслице со сквозным отверстием в центре, имеющее на одной стороне резной орнамент в виде окружности с расходящимися от нее шестнадцатью «лучами» (рис. 3: 13). Наиболее близкие по оформлению предметы обнаружены на Алтае в захоронениях развитого (Булан-Кобы-IV, погребение №12) и позднего (Верх-Уймон, курган №27) этапов булан-кобинской культуры (Мамадаков, 1990, рис. 18: 2; Соенов, 2000, рис. 2: 7). Актуальными для хронологической атрибуции являются пряслица с похожим узором, обнаруженные в археологических памятниках Верхнего Приобья IV–V вв. н.э. (Грязнов, 1956, табл. XXXIII: 14–16). Шило в виде обломанного железного стержня с квадратным поперечным сечением (рис. 3: 15) имеет аналогии преимущественно в мужских погребениях населения Алтая II–V вв. н.э. (Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, табл. 38: 4, 6–7; Серегин и др., 2022, с. 92–93; и др.).

Обсуждение результатов

Проанализированный комплекс предметов сопроводительного инвентаря с учетом нижней границы появления наиболее поздних изделий дает основания для датировки кургана №32а памятника Чобурак-I в рамках середины – второй половины IV в. н.э. Это заключение в целом согласуется с результатами хронологической интерпретации других погребений рассматриваемого некрополя булан-кобинской культуры.

Погребальный обряд, зафиксированный в ходе раскопок кургана №32а, а также других объектов могильника булан-кобинской культуры на памятнике Чобурак-I, по совокупности признаков обнаруживает высокую степень сходства с комплексом предтюркского времени Дялян, который расположен также в Северном Алтае (Тетерин, 1991; Митько, 2019). Особенностью обозначенных некрополей являлось наличие в могилах всех мужчин и женщин захоронения лошади в юго-восточной части «длинной» ямы, а также отсутствие погребений взрослых людей, совершенных по другому ритуалу. Данное наблюдение можно рассматривать в качестве свидетель-

ства монолитности носителей дялянкой традиции обрядовой практики, хоронивших на некрополях Дялян и Чобурак-I, состоявших, вероятно, из кровных родственников.

Исторические судьбы рассматриваемой локальной группы населения булан-кобинской культуры были тесно связаны с Жужанским каганатом. Судя по имеющимся археологическим материалам, во второй половине IV – начале V в. н.э. носители дялянкой традиции обрядовой практики стали местной элитой общества кочевников Северного Алтая (Серегин, Матренин, 2020). После ослабления жужаней и образования в середине VI в. н.э. Первого тюркского каганата «дяляны» оказались вовлечены в миграционный поток в западном направлении, отражением которого можно считать появление во второй половине VI – VII в. н.э. в восточноевропейских степях могил с лошадей и отдельными частями ее туши, уложенными в «длинных» ямах с западной и северо-западной ориентировкой и размещенными в ногах покойных на разном уровне (Митько, 2018, с. 38). Вероятно, еще одна линия истории была связана с переселением носителей дялянкой традиции в северные предгорья Алтая, что в итоге привело к формированию одного из компонентов, принявшего участие в генезисе сrostкинской культуры Алтайской лесостепи (Уманский, 1970, с. 50–63; Горбунов, 2020, с. 31–33).

В рамках обсуждения специфики женского захоронения из кургана №32а памятника Чобурак-I следует отметить такую редкую деталь, как ритуальная мясная пища, зафиксированная в виде многочисленных костей овцы (пояснично-крестцовая часть скелета, лопатки, ребра). Не исключено, что куски мяса были помещены на деревянное блюдо. В материалах рассматриваемого некрополя документированы еще три случая обнаружения ритуальной пищи на кости в виде отдельных позвонков мелкого рогатого скота, которые происходят только из мужских захоронений. Сравнительное изучение результатов раскопок комплексов булан-кобинской культуры Алтая показывает, что мясная пища на кости зафиксирована в 30% мужских, 21% женских, 14% детских и подростковых захоронений (Серегин, Матренин, 2020, с. 34). При этом отсутствие таких свидетельств у большинства групп населения Северного Алтая во II–V вв.

н.э. было нормой погребальной обрядности (Серегин, Матренин, 2016, с. 69).

Анализ материалов из кургана №32а памятника Чобурак-I позволяет сделать ряд наблюдений относительно прижизненного социального статуса погребенной. Судя по результатам антропологических определений, покойная имела возраст 40–50 лет и являлась самой «взрослой» среди женщин из рассматриваемого могильника. По качественному составу зафиксированных вещевых комплексов данное захоронение выбивалось из «социального стандарта» женского инвентаря кочевников булан-кобинской культуры эпохи Великого переселения народов, который предусматривал наличие основного (преимущественно простого) пояса и небольших металлических украшений, обычно в виде бронзовых блях-нашивок (подвесок) на головной убор и (или) верхнюю одежду (Серегин, Матренин, 2020, с. 72). Важно подчеркнуть, что с женщиной из кургана №32а были найдены комплект «престижных» нашивных украшений головного убора в виде бронзовых пластин, снаряжение верхового коня (удила, уздечная и седельная пряжка, тренчик ремня, два седельных канта), а также другие изделия (две серьги, подвески из зуба марала, наборный пояс с небольшим количеством гарнитур, каменное пряслице, шило), которые демонстрируют довольно высокий прижизненный социальный статус покойной. В целом, имеются основания для заключения о принадлежности ее к привилегированной группе кочевников жужанского времени. Отметим, что в составе некрополя Чобурак-I курган №32а располагался в непосредственной близости с объектом №34, в котором была похоронена женщина 30–35 лет, судя по неординарному сопроводительному инвентарю являвшаяся представительницей местной элиты населения булан-кобинской культуры Северного Алтая второй половины IV в. н.э.

Заключение

Анализ материалов, полученных в ходе раскопок погребения женщины из кургана №32а некрополя Чобурак-I, позволяет установить датировку данного объекта в рамках середины – второй половины IV в. н.э., что соответствует началу жужанского периода в истории населения Алтая. Зафиксированные особенности ингумации с верховым конем демонстрируют принадлежность данного захоронения к дялянкой традиции обрядовой практики кочевников булан-кобинской культуры. Обнаруженная серия изделий сопроводительного инвентаря имеет значительное количество аналогий в погребальных памятниках Алтая эпохи Великого переселения народов, а также содержит редкие типы украшений, снаряжения верхового коня и орудий труда (серьги с основанием в виде цилиндрической спирали, большая нашивная пластина на головной убор, пряслице с солярным орнаментом, роговые седельные канты и подпружная пряжка с сохранившимся подвижным язычком). Судя по составу предметов, женщина, похороненная в кургане №32а, обладала достаточно высоким социальным статусом в рамках локального коллектива булан-кобинской культуры, оставившего могильник Чобурак-I. Исторические судьбы данной группы населения, по-видимому, были связаны с Жужанским каганатом. Публикуемые данные уточняют сложившиеся представления об общих и особенных элементах материальной и духовной культуры кочевников Северного Алтая на рубеже поздней древности и раннего средневековья и дополняют корпус источников для проведения археологических реконструкций. Полученные результаты демонстрируют актуальность продолжения исследований, направленных на изучение социального статуса женщин в обществах кочевников Северной и Центральной Азии различных хронологических периодов.

Примечание:

¹ Половозрастные определения выполнены заведующей кабинетом антропологии Института истории и международных отношений к.и.н. С.С. Тур.

ЛИТЕРАТУРА

Арсланова Ф.Х. Курганы с «усаами» Восточного Казахстана // Древности Казахстана / Отв.ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1975. С. 116–129.

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху великого переселения народов. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. 224 с.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Особенности конского снаряжения сяньби // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XII. ч. II. / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. С. 280–285.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1965. 146 с.

Горбунов В.В. Сопроводительные захоронения животных на могильнике Иня-1 в Барнаульском Приобье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXVI. / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Алт. ун-т, 2020. С. 235–243.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка / МИА. № 48. М.; Л.: АН СССР, 1956. 162 с.

Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э. Дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 317 с.

Матренин С.С. Снаряжение кочевников Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. Новосибирск: СО РАН, 2017. 142 с.

Митько О.А. Археологические свидетельства миграции алтайских племен в восточноевропейские степи в конце первой половины I тыс. н.э. // Актуальные вопросы изучения историко-культурного наследия народов Евразии / Отв. ред. Е.Б. Сыдыков. Астана: Евразийский нац. ун-т им. Л.Н. Гумилева, 2018. С. 26–39.

Самашев З.С. Оружейный комплекс сяньбэй в контексте культуры (по материалам некрополя Берель в Казахском Алтае) // Великая степь: военное наследие / Отв. ред. П.А. Утепова. Астана: Военно-исторический музей ВС РК, 2018. С. 56–72.

Серегин Н.Н., Демин М.А., Матренин С.С., Уманский А.П. Северный Алтай в эпоху Великого переселения народов (по материалам археологического комплекса Карбан-I). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. 276 с.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. 272 с.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н.э. – XIV в. н.э.): по материалам археологических комплексов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. 268 с.

Серегин Н.Н., Матренин С.С., Идэрхангай Т.-О. Скальное погребение Урд Улаан Унээт (Монгольский Алтай): возможности культурно-хронологической интерпретации // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. №2 (49). С. 38–51.

Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. Погребение жужанского времени из Северного Алтая (по материалам могильника Чобурак-I) // Теория и практика археологических исследований. 2019. №4. С. 51–68.

Соенов В.И. Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 году // Древности Алтая. № 5. / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2000. С. 48–62.

Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуні. Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. 116 с.

Степанова Е.В. Седла гунно-сарматского времени // Археология без границ: Коллекции, проблемы, исследования, гипотезы / Труды ГЭ. Т. 77 / Отв. ред. Е.Ф. Королькова. СПб.: ГЭ, 2015. С. 389–425.

Тетерин Ю.В. Могильник Дялян – новый памятник предтюркского времени Горного Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991. С. 155–157.

Тетерин Ю.В. Поясные наборы гунно-сарматской эпохи Горного Алтая // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 131–135.

Тетерин Ю.В. Серьги гунно-сарматской эпохи Южной Сибири (проблемы типологии и хронологии) // Вестник Новосибирского государственного университета. 2005. Т. 4. № 5. С. 52–64.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул: Алт. ун-т, 2018. 368 с.

Трифанова С.В., Соенов В.И. Украшения населения Алтая гунно-сарматского времени. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2019. 160 с.

Тур С.С., Матренин С.С., Соенов В.И. Вооруженное насилие у скотоводов Горного Алтая гунно-сарматского времени // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. № 4. С. 132–139.

Уманский А.П. Археологические памятники у с. Иня // Известия Алтайского отдела Географического общества СССР. 1970. Вып. 11. С. 45–74.

Худяков Ю.С. Женские украшения населения хунно-сяньбийской эпохи в долине реки Эдиган в Горном Алтае (по материалам раскопок могильника Улуг-Чолтух) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. №1. С. 107–114.

Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. Антропология населения Горного Алтая в гунно-сарматское время // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 3. С. 116–131.

Яремчук О.А. Могильник Зоргол-I – памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии. Дисс. ... канд. ист. наук. Чита, 2005. 296 с.

Информация об авторах:

Серегин Николай Николаевич, доктор исторических наук, зав. лабораторией, доцент, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); nikolay-seregin@mail.ru

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, зав. кафедрой, профессор, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); tishkin210@mail.ru

Матренин Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); matrenins@mail.ru

Паршикова Татьяна Сергеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); taty-parshikova@yandex.ru

REFERENCES

Arslanova, F. Kh. 1975. In Kadyrbaev, M. K. (ed.). *Drevnosti Kazakhstana (Antiquities of Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 116–129 (in Russian).

Bobrov, V. V., Vasiutin, A. S., Vasiutin, S. A. 2003. *Vostochnyi Altai v epokhu velikogo pereseleniia narodov (Eastern Altai in the Era of the Great Migration)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography Publ. (in Russian).

Borisenko, A. Yu., Khudyakov, Yu. S., Juj, Su-Hua. 2006. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and the Adjoining Territories)*. Vol. 12. Part 2. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 280–285 (in Russian).

Gavrilova, A. A. 1965. *Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altaiskikh plemen. (Kudyrge Burial Mound as a Source on the History of Altai Tribes)*. Moscow, Leningrad: the Academy of Sciences Publ. (in Russian).

Gorbunov, V. V. 2020. In Tishkin, A. A., (eds.). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediiia Altaiskogo kraia (Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai)* 26. Barnaul: Altai State University Publ., 235–243 (in Russian).

Gryaznov, M. P. 1956. *Istoriya drevnikh plemen Verkhney Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka (History of Ancient Tribes from the Upper Ob on the Basis of Excavations near Bolshaya Rechka)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 48. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Mamadakov, Yu. T. 1990. *Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v pervoy polovine I tys. n.e. (Culture of the Central Altai population in the first half of the I millennium AD)*. Diss. ... the Candidate of Historical Sciences. Novosibirsk (in Russian).

Matrenin, S. S. 2017. *Snaryazhenie kochevnikov Altaya II v. do n.e. – V v. n.e. (Equipment of the Altai Nomads (the 2nd Century BC – 5th Century AD))*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Mitko, O. A. 2018. In Sydykov, E. B. (ed.). *Aktual'nye voprosy izuchenija istoriko-kul'turnogo nasledija narodov Evrazii (Topical issues of studying the historical and cultural heritage of the peoples of Eurasia)*. Astana: Eurasian national University of L.N. Gumilyov Publ., 26–39 (in Russian).

Samashev, Z. S. 2018. In Utepova, P. A. (ed.). *Velikaya step': voennoe nasledie (Great Steppe: military legacy)*. Astana: Voenno-istoricheskij muzej VS RK Publ., 56–72 (in Russian).

Seregin, N. N., Demin, M. A., Matrenin, S. S., Umanskiy, A. P. 2022. *Severnyy Altaj v jepohu Velikogo pereseleniya narodov (po materialam arheologicheskogo kompleksa Karban-I) (Northern Altai in the Great Migration Period (on the materials of the Karban-I archaeological complex))*. Barnaul: Altai University Publ. (in Russian).

Seregin, N. N., Matrenin, S. S. 2016. *Pogrebal'nyy obryad kochevnikov Altaya vo II v. do n.e. – XI v. n.e. (The burial rite of the nomads of Altai in the II century BC – XI century AD)*. Barnaul: Altai University (in Russian).

Seregin, N. N., Matrenin, S. S. 2020. *Sotsial'naya istoriya naseleniya Altaya v epokhu kochevykh imperiy (II v. do n.e. – XIV v. n.e.): po materialam arkheologicheskikh kompleksov (The social history of the population of Altai in the era of nomadic empires (II century BC – XIV century AD): based on materials from archaeological complexes)*. Barnaul: Altai University (in Russian).

Seregin, N. N., Matrenin, S. S., Idjerhangaj, T.-O. 2020. In *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* (2), 38–51 (in Russian).

Seregin, N. N., Tishkin, A. A., Matrenin, S. S., Parshikova, T. S. 2019. In *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy (Theory and practice of archaeological research)* (4), 51–68 (in Russian).

Soenov, V. I. 2000. In Soenov, V. I. (ed.). *Drevnosti Altaia. Izvestiia laboratorii arheologii (Antiquities of the Altai. Bulletin of the Laboratory of Archaeology)* 5. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University Publ., 48–62 (in Russian).

Soenov, V. I., Ebel, A. V. 1992. *Kurgany gunno-sarmatskoy epokhi na Verkhney Katuni (Mounds of the Hun-Sarmatian era on the Upper Katun)*. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State Institute (in Russian).

Stepanova, E. V. 2015. In Korol'kova, E. F. (ed.). *Arkheologiya bez granits: Kollektzii, problemy, issledovaniya, gipotezy (Archaeology Without Borders Collections, Problems, Studies, Hypotheses)*. Series: Transactions of the State Hermitage Museum 77. Saint Petersburg: The State Hermitage Publ., 389–425 (in Russian).

Teterin, Yu. V. 1991. In Kiryushin, Yu. F. (ed.). *Problemy khronologii i periodizatsii arkheologicheskikh pamyatnikov Yuzhnoy Sibiri (Issues of Chronology and Periodization of Archaeological Sites of South Siberia)*. Barnaul: Altai State University, 155–157 (in Russian).

Teterin, Yu. V. 1995. In Kiryushin, Yu. F. (ed.). *Problemy okhrany, izucheniya i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya Altaya (Problems of protection, study and use of the cultural heritage of Altai)*. Barnaul: Altai State University, 131–135 (in Russian).

Teterin, Yu. V. 2005. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. (Bulletin of the Novosibirsk State University)* (5), 52–64 (in Russian).

Tishkin, A. A., Matrenin, S. S., Shmidt, A. V. 2018. *Altay v syan'bijsko-zhuzhanskoe vremya (po materialam pamyatnika Stepushka) (Altay in the Xianbei-Rouran Period (based on the Stepushka Site))*. Barnaul: Altai University Publ. (in Russian).

Trifanova, S. V., Soenov, V.I. 2019. *Ukrasheniya naseleniya Altaya gunno-sarmatskogo vremeni (The Altai population adornments in the Hunnic-Sarmatian period)*. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University (in Russian).

Tur, S. S., Matrenin, S. S., Soenov, V. I. 2018. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* (4), 132–139 (in Russian).

Umanskiy, A. P. 1970. In *Izvestiya Altayskogo otdela Geograficheskogo obshchestva SSSR (Proceedings of the Altai Department of the Geographical Society of the USSR)* (11), 45–74 (in Russian).

Khudyakov, Yu. S. 2014. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* (1), 107–114 (in Russian).

Chikisheva, T. A., Pozdnyakov, D. V. 2000. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* (3), 116–131 (in Russian).

Yaremchuk, O. A. 2005. *Mogil'nik Zorgol-I – pamyatnik khunno-syan'biyskoy epokhi stepnoy Daurii (The burial ground of Zorgol-I is a monument of the Xiongnu-Xianbei era of the steppe Dauriya)*. Diss. ... the Candidate of Historical Sciences. Chita (in Russian).

About the Authors:

Seregin Nikolai N. Doctor of Historical Sciences, Head of Laboratory, Associate Professor. Altai State University, Lenin ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; nikolay-seregin@mail.ru

Tishkin Aleksey A. Doctor of Historical Sciences, Head of Department, Professor. Altai State University, Lenin ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; tishkin210@mail.ru

Matrenin Sergey S. Candidate of Historical Sciences, Altai State University, Lenin ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; matrenins@mail.ru

Parshikova Tatyana S. Candidate of Historical Sciences, Altai State University, Lenin ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; taty-parshikova@yandex.ru

Статья поступила в журнал 25.08.2023 г.
Статья принята к публикации 25.10.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

Средневековая археология Восточной Европы, Северной и Центральной Азии

УДК 902/904; 903.052; 336.741

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.5.114.123>

ЛИТЕЙНАЯ ФОРМА-ИЗЛОЖНИЦА С ГОРОДИЩА АНЮШКАР (К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ «НОМИНАЛОВ» МЕТАЛЛИЧЕСКИХ СЛИТКОВ)¹

© 2023 г. Н.Б. Крыласова

На территории Пермского края, где в эпоху Средневековья велась массовая добыча, выплавка меди и легирование ее для получения готовых латуней и бронз, встречаются многочисленные формы-изложницы для отливки слитков, которые являлись товарной формой металла. Среди этих литейных форм выделяется одна, обнаруженная на городище Анюшкар IX–XV вв. Она сохранилась в неповрежденном виде и содержит 4 литейных гнезда для отливки слитков разного размера и, соответственно, веса. Анализ формы показал, что в ней отливались латунные слитки. Вес этих слитков был основан на старинной сасанидской весовой системе с основной весовой единицей – драхмой в 4,26 г. Эта древнейшая весовая единица и производные от нее единицы в 106 (25 мискалей) и в 29,8 г (7 мискалей), были заимствованы прикамскими мастерами-литейщиками еще в V–VII вв. в период активных торгово-экономических контактов с сасанидским Ираном. Рассматриваемая литейная форма позволяет предполагать наличие своеобразной системы «номиналов» металлических слитков.

Ключевые слова: археология, нумизматическая метрология, эпоха средневековья, Пермский край, форма-изложница, слитки латуни, вес слитков

A CAST-MOULD FROM THE ANUYSHKAR HILLFORT (ON THE QUESTION OF THE METAL INGOT DENOMINATION SYSTEM)²

N.B. Krylasova

A great number of casts for ingot making are to be found on the territory of the Perm region. In the Middle Ages copper was widely mined and alloyed for further use in brass and bronze objects here. The casts served as a standard form of metal for buying and selling. A certain cast is special. Found at the site of the Anuyshkar settlement dating back to the 9–15th centuries, it has been preserved almost entirely. The find contains 4 compartments for casting ingots of different size and, consequently, weight. The analysis showed that the cast was used for making brass ingots. Their weight was based on the ancient Sasanid measurement system with the drachme as the basic weight unit, which equals 4.26 grams. This ancient weight unit and its derivatives weighing 106 grams (25 mithqal) and 29.8 grams (7 mithqal) were adopted by craftsmen in the Kama region as early as in the 5–7th centuries at the time of active trade and economic contacts with the Sasanid Iran. The find suggests that there existed a sort of denomination system for metal ingots.

Keywords: archaeology, numismatic metrology, Middle Ages, Perm Krai, cast, brass ingots, ingot weight

Среди находок, полученных в ходе исследования средневековых памятников Пермского края силами Камской археолого-этнографической экспедиции Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (КАЭЭ ПГГПУ), выделяется целая *глиняная форма-изложница*, предназначенная для отливки «палочковидных» слитков из цвет-

ного металла. Эта литейная форма является уникальным источником, отражающим возможное использование подобных слитков в качестве денежного эквивалента при торговле жителей Предуралья с соседними и отдаленными территориями.

В средневековом Пермском Предуралье осуществлялась массовая добыча и выплав-

1 Работа выполнена в рамках государственного задания, номер регистрации темы АААА-А19-119032590066-2.

2 The work was carried out as a part of the state task, topic registration number АААА-А19-119032590066-2

ка меди. Ее источником служили пермские медистые песчаники Предуральской рудной провинции (Минерально-сырьевые ресурсы, 2006, с. 176–177). Выплавка меди из руды осуществлялась непосредственно вблизи месторождений. Так, к примеру, в районе Кушгортского проявления медистых песчаников высокого сорта (окрестности современного г. Березники) известно несколько производственных поселков металлургов, наличие которых свидетельствует о существовании ремесленной специализации (Белавин, 1987). Затем из районов рудных разработок медь в виде слитков поставлялась в крупные литейные центры, преимущественно локализующиеся на городищах, и лишь частично шла на экспорт. Исследования показали, что прикамские ремесленники самостоятельно производили *легирование меди* (Крыласова, Подосёнова, 2019). Готовые сплавы латуни и бронзы отливались в слитки, представлявшие собой вытянутые бруски (т. н. «палочковидные» слитки). Учитывая, что на продажу шла не сырьевая медь, как полагали ранее, а готовые сплавы, очевидно обладавшие более высокой стоимостью, рассуждать о простой торговле сырьем и расценивать Пермское Предуралье в качестве «сырьевого придатка» Волжской Булгарии (говоря современным языком) неправомерно.

Раньше исследователи, основываясь на визуальных наблюдениях, упоминали в публикациях слитки меди и бронзы. В последнее время методом РФА проанализирована значительная серия средневековых изделий из цветных металлов (исследования Ю.А. Подосёновой, К.В. Моряхиной). В результате этих исследований установлено, что слитки обычно изготовлены из *латуни*, реже – из *оловянистой бронзы*. Особой товарной формой для продажи *чистой меди* служили *прутковые браслеты* – по сути, те же палочковидные слитки, только согнутые в кольцо. Продажа сырья в виде готовых изделий позволяла увеличить прибыль от торговли металлом (Крыласова, 2019).

Таким образом, наряду с пушшиной, традиционно считающейся основным товаром, экспортируемым из Предуралья, одно из первостепенных мест в торговле, очевидно, занимал металл, выступавший своего рода стратегическим сырьем. Те места, где осуществлялись добыча и производство товарного металла

в форме слитков, безусловно, носили характер особых экономических центров. Отсюда по транспортным путям, ведущее значение среди которых имели Камский и Волжский торговые пути, слитки поставлялись в различные центры металлообработки, являвшиеся главными потребителями товарного металла (Крыласова, Белавин, 2021, с. 496).

Формы-изложницы для отливки слитков обнаружены уже на шести памятниках Пермского края (селище Володин Камень I, Роданово, Анюшкар, Рождественское, Кудымкарское, Саломатовское городища) (Крыласова, 2018, с. 60–65), с момента их первой публикации (Крыласова, 2013) было обнаружено ещё несколько форм на Родановом и Рождественском городищах. Аналогичные формы известны и на соседних территориях, где проживало родственное население, – на городище Иднакар в бассейне р. Чепцы (Иванова, 1998, рис. 53: 2, 4–6) и на Еманаевском городище в бассейне р. Вятки (Лещинская, 1988, рис. 8: 1, 10). Такое широкое распространение форм-изложниц отражает значительные масштабы производства в Предуралье слитков цветного металла.

Известные литейные формы-изложницы изготовлены из камня или глины обычно в виде параллелепипеда более или менее правильной формы. На длинных гранях этих параллелепипедов (одной или нескольких) располагаются гнёзда для заливки металла. Литейные гнёзда имеют вид вытянутого желобка полукруглого или подтрапециевидного сечения. В отдельных случаях на одной грани помещалось сразу по два гнёзда, в особенности это характерно для каменных форм. На формах-изложницах, обнаруженных на городище Иднакар, литейные гнёзда почти всегда помещались на двух или трех гранях брусков. При этом на разных гранях находились гнёзда разного размера для отливки слитков длиной от 3,5 до 30–40 см. Свидетельством тому служат не только фрагменты форм, но и сохранившиеся слитки (Иванова, 1998, с. 137).

Слитки, получаемые в рассматриваемых формах, имели вид вытянутых брусочков (палочек) полукруглого или трапециевидного сечения шириной около 1 см, толщиной 0,5–0,9 см. Такие слитки и их обрубки разного размера встречены на многих предуральских памятниках, в особенности в металлообработывающих мастерских (Рождественское,

Рис. 1. Вид с северо-запада на городище Анюшкар
Fig. 1. View of the Anuyshkar hillfort from north-west

Анюшкар, Роданово и др. городища, Чашкинское II селище).

Целая *глиняная форма-изложница*, которую необходимо охарактеризовать подробнее, была обнаружена еще в 1990 г. на Кыласовом городище (Анюшкар) в заполнении ямы № 34 (раскопки А.А. Терехина).

Городище Анюшкар IX–XV вв., занимавшее выгодное положение на р. Иньве недалеко от её впадения в основную водную артерию Предуралья – р. Каму, принадлежит к числу наиболее изученных в Пермском крае. Оно расположено на широком мысу, возвышающемся на 12–14 м над поймой (рис. 1). Раскопы В.А. Оборина 1950-х гг. были заложены у вала, в центре площадки и ближе к концу мыса, в 1990-е гг. Г.Т. Ленц и А.А. Терехиным исследовались участки по краю размываемой стрелки мыса, которая к настоящему времени полностью разрушена водами Камского водохранилища. Анюшкар выделяется среди других городищ большой площадью, выгодным стратегическим положением на главных водных путях, сильными укреплениями, обилием ремесленных сооружений и высоким уровнем технологии

металлообработки. В окрестностях городища имелись доступные рудные источники, в частности в 1 км на правом берегу Иньвы выявлены остатки рудника, из которого добывался медистый песчаник (Оборин, Ленц, 2008). С городища Анюшкар происходит наибольшее количество форм-изложниц (напр., рис. 2), преимущественно каменных (Крыласова, 2013, с. 107, рис. 1: 4–8).

Анюшкарская глиняная форма долгое время оставалась без внимания, пока в коллективе сотрудников КАЭЭ ПГПУ не активизировались исследования в области изучения особенностей цветной металлургии, литейного и ювелирного дела в средневековом Пермском Предуралье. С тех пор она в том или ином аспекте уже неоднократно упоминалась в публикациях (Крыласова., 2013; 2018; 2018a; 2019), и интерес к ней показывает, что этот уникальный источник требует отдельного рассмотрения.

Форма изготовлена из глины со значительной примесью навоза (определение Н.С. Батуевой). Навоз использован для повышения огнеупорности, так как, очевидно, предмет предполагалось использовать

Рис. 2. Примеры глиняных форм-изложниц с городища Анюшкар
Fig. 2. Samples of clay cast-moulds from the Anuyshkar hillfort

Рис. 3. Глиняная форма-изложница для отливки слитков разного «номинала». Городище Анюшкар, Пермский край
Fig. 3. Clay cast-mould for metal ingots of various denomination. Anuyshkar hillfort, Perm Krai

неоднократно. Форма вылеплена в виде прямоугольного параллелепипеда размерами 220×60×47 мм. На всех длинных гранях формы были сформированы *литейные гнёзда* путем оттискивания готовых слитков в сырую глину. Изделие не обожжено, наблюдаемые на нем нагар и частично обожжённые верхние слои сформировались в процессе использования формы (рис. 2: а; 3).

Литейные гнёзда на четырех гранях формы имеют разный размер. Основное гнездо имело размеры 130×8 мм, глубину 8 мм (рис. 3: а). Меньшие гнёзда размерами 62×8 мм (рис. 3: г) и 30×7 мм (рис. 3: б) глубиной 7–8 мм составляют примерно ½ и ¼ от основного. А самое большое гнездо размерами 16,2×8 мм

глубиной до 10 мм (рис. 3: в) длиннее и глубже основного.

Первое исследование формы было произведено в 2010 г., когда Н.В. Ениосова любезно предложила провести рентгенофлуоресцентный анализ остатков металла на формах и литейных сосудах из фондов Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья ПГГПУ. Тигли, льячки (17 экз.) и литейные формы (3 экз., включая рассматриваемую форму) с разных средневековых памятников были исследованы в лаборатории кафедры археологии МГУ на приборе ArtTAX (Röntgenanalysen-Technik) с молибденовой трубкой и полупроводниковым детектором. У анюшкарской формы проведен анализ

самого длинного и самого короткого гнезда. В длинном гнезде выявлены слабые следы свинцовой латуни, в коротком – следы двойной латуни. По заключению Н.В. Ениосовой, «слабые следы металла в полости литейной формы свидетельствуют об успешном литье слитков». Иными словами, изложница была изготовлена качественно, что позволяло производить такие отливки, которые не оставляли после остывания следов пригара. Общий вывод по исследованной коллекции: «В целом в тиглях и литейных формах преобладает один вид сырья – свинцовая латунь» (Ениосова, 2010).

К тому моменту анализов средневекового цветного металла из Пермского Предуралья почти не было (за редчайшим исключением), и полученный вывод стал маленькой сенсацией. Дело в том, что ранее было принято считать, что одним из основных поставщиков оловянных бронз на территорию Руси являлась Волжская Булгария. Предполагалось, что источником меди могли служить месторождения медистого песчаника Среднего и Верхнего Прикамья, откуда медное сырье в товарном виде (о чем свидетельствуют многочисленные формы для отливки слитков) поступало в мастерские Волжской Булгарии, где уже производилось легирование меди (Ениосова и др., 2008, с. 158). Вместе с тем на Руси, особенно в ее северо-западных областях, широко использовались латуни (Ениосова и др., 2008, с. 133), в поисках источников поступления которых в Восточную Европу исследователи прежде никогда не обращались к Уралу. На основе данных, полученных при исследованиях последнего десятилетия, можно утверждать, что на территории Пермского Предуралья в эпоху Средневековья существовал металлургический центр, продукцией которого являлись готовые сплавы (преимущественно латуни) в виде слитков (Крыласова, 2018, с. 64–65).

Представляется, что *товарный металл* поставлялся в виде *длинных палочковидных слитков* (до 30–40 см), которые перевозились связками. Впоследствии литейщики отрубали от них куски необходимого веса для производства отдельных отливок. Подобные невыразительные обрубки зачастую находятся среди вещей, которые если и упоминаются в публикациях, то только как «заготовки, полуфабрикаты и лом металлических изделий».

К примеру, в каталоге находок из Белоозера, который служит образцом полной публикации всех материалов памятника, на отдельной иллюстрации среди заготовок из цветного металла представлены слитки и обрезки палочковидных слитков (Захаров, 2004, рис. 133: 1–16).

Однако рассматриваемая форма демонстрирует, что параллельно существовали и слитки определенного размера и веса, которые, вероятно, могли приниматься на рынке не на вес, а на счет, и служили *элементами денежной системы*. Наличие на форме литейных гнёзд разной длины позволяет предполагать существование своеобразной *системы «номиналов»* металлических слитков. Причем анюшкарская форма не единственная, фрагменты аналогичных форм-изложниц известны на городище Иднакар (Иванова, 1998, рис. 53: 2, 5–6), что свидетельствует о широком распространении подобных слитков.

Разумеется, важной задачей являлось определение *веса слитков* разного «номинала». Конечно, можно было бы вычислить теоретический вес путем математических расчетов, хотя при этом сложно рассчитать неизбежный угар и усадку при плавке. Поэтому благодаря помощи литейщика-реконструктора Д.А. Меренкова был проведен эксперимент по отливке слитков, основными задачами которого было как изучить сам процесс литья, так и определить вес полученных слитков.

На первом этапе были изготовлены слепки гнёзд анюшкарской формы (рис. 4: а). Для этого была использована слепочная масса Speedex на основе С-силикона для корректирующих оттисков, особенностью которой является низкая усадка (рис. 4: б). Слепки показали неожиданный эффект – слепочная масса «оттянула» в себя частицы металла, сохранившиеся в гнёздах литейной формы, которые визуально не просматривались и были зафиксированы прежде лишь при рентгенофлуоресцентном анализе. В результате слепки малых гнёзд приобрели примерно одинаковый зеленый цвет, следовательно, в них заливался одинаковый сплав (двойная латунь, как было определено по анализу самого короткого гнезда). Слепок самого длинного гнезда стал коричневым (в нем зафиксированы следы свинцовой латуни). А слепок из основного гнезда длиной 13 см не изме-

Рис. 4. Снятие слепков с анюшкарской формы: а – форма, б – набор для слепочной массы, в – полученные слепки (эксперимент Д.А. Меренкова)
Fig. 4. Cast-taking from an Anyushkar mould: a – mould, б – casting set, в – resulting casts (D.A. Merenkov's experiment)

Рис. 5. Реплика формы, тигель и металлическое сырье (эксперимент Д.А. Меренкова)
Fig. 5. Cast replica, crucible and metal raw material (D.A. Merenkov's experiment)

нил цвет, вероятно, в это гнездо отливки не производились, и следы металла отсутствуют (рис. 4: в).

На следующем этапе по слепкам из литейных гнёзд была изготовлена реплика глиняной формы (рис. 5), в которой были сделаны отливки слитков (рис. 6).

Слитки для сравнения были отлиты из латуни и из бронзы, особых различий в весе слитков из разного сплава не отмечено. Рассмотрим соотношение веса на примере латунных слитков (рис. 7).

Когда производилось предварительное исследование литейной формы, было выдвинуто предположение, что основной весовой единицей мог являться слиток из гнезда длиной 13 см. Именно такого размера слитки чаще всего упоминаются исследователями. Еще М.В. Талицкий отмечал, что «чушки» длиной 12,6–13 см служили стандартной единицей для продажи или обмена (Талицкий, 1951, с. 52). По мнению Г.А. Федорова-Давыдова, палочковидные слитки обычно имели примерно одинаковый вес, отражающий какой-то весовой стандарт. Среди серебряных он выделяет слитки длиной около 13 см весом 196–200 г (Федоров-Давыдов, 1987,

Рис. 6. Процесс отливки слитков (эксперимент Д.А. Меренкова)
Fig. 6. Ingot casting process (D.A. Merenkov's experiment)

с. 160). Слитки из сплавов на основе меди со стандартной длиной ~ 13 см по размерам и форме были аналогичны серебряным.

Рис. 7. Реплики слитков (эксперимент Д.А. Меренкова)

Fig. 7. Ingot replicas (D.A. Merenkov's experiment)

Основываясь на визуальных наблюдениях, было выдвинуто предположение, что слиток из гнезда длиной 62 мм мог составлять примерно $\frac{1}{2}$ от основного слитка, слиток из гнезда длиной 30 мм – $\sim\frac{1}{4}$, а более толстый слиток из самого большого гнезда длиной 16,2 мм мог быть в 2 раза тяжелее основного (Крыласова, 2013, с. 108). Но при взвешивании экспериментальных отливок подобной кратности (в нашем современном понимании) не получилось.

Разумеется, нельзя претендовать на конечность выводов, учитывая чрезвычайную пестроту средневековых весовых единиц, но полученные результаты выстроились в достаточно стройную систему, что позволяет надеяться на их объективность.

В качестве основного действительно следует рассматривать слиток длиной 13 см. Вес латунного слитка длиной 13 см составил 53 г, что соответствует $\frac{1}{2}$ теоретического веса в 106 г, равного 25 мискалям по 4,26 г.

Данная теоретическая норма отливки слитков в 106 г была высчитана на основе анализа 87 латунных слитков из клада V–VII вв., обнаруженного у с. Щербет в Татарстане. По мнению исследователей, теоретический вес в 106 г основан на сасанидской весовой системе. Он приравнивается к 25 весовым драхмам по 4,26 г ($4,26 \times 25 = 106$) (Валеев, 1981, с. 86–87; Мухамадиев, 1990, с. 73). Весовая норма отливки слитков, выраженная в драхмах, широкое распространение таких слитков, по мнению А.Г. Мухамадиева, могут служить вескими аргументами в пользу того, что эти слитки являлись своего рода *металлическими деньгами* (Мухамадиев, 1990, с. 73).

Слиток самого маленького размера длиной 30 мм, весом 10,5 г соответствует $\frac{1}{5}$ основного слитка в 130 мм. Это составляет также

$\frac{1}{10}$ весовой единицы в 106 г или $\frac{7}{10}$ второго по размеру слитка весом 15 г.

Второй по размеру слиток длиной 62 мм, весом 15 г равен примерно половине весовой единицы в 7 мискалей (29,8 г).

Наконец, самый большой слиток длиной 162 мм, весом 84 г соответствует весу основного слитка с добавлением распространенной в Предуралье весовой единицы в 7 мискалей ($53 + 30 = 83$ г).

Как показал анализ слитков (включая прутковые браслеты как их особый вариант) и разновесов с территории Пермского Предуралья, местная весовая система была основана на мискале в 4,26 г (Крыласова, 2019). Эта древнейшая весовая единица и производные от нее единицы в 106 (25 мискалей) и в 29,8 г (7 мискалей), были заимствованы еще в период активных торгово-экономических контактов с сасанидским Ираном. А.Г. Мухамадиев относит начало обращения бронзовых и латунных слитков к III–IV вв. н. э., периоду, когда началось проникновение в Поволжье и Приуралье сасанидского металла, под воздействием которого возникла собственная денежно-весовая система. В Среднем Поволжье, по его мнению, обращение таких слитков ограничивается VII в., а севернее – по Каме – обращение слитков сохранялось значительно дольше (Мухамадиев, 1984, с. 221).

Как отмечал В.Л. Янин, Прикамье и Западное Приуралье можно считать первым уголком Восточной Европы, открытым восточной торговлей еще в VI веке. Свидетельством тому служат находки сасанидских монет, в подавляющем большинстве сконцентрированных в пределах сравнительно небольшого ареала, включающего территорию Прикамья. Как предполагал В.Л. Янин, данная территория являлась тем центром, из которого проис-

ходило распространение ранних сасанидских монет на другие территории уже как примеси к куфическим монетам (Янин, 2009, с. 60). И нельзя исключать, что вместе с монетами отсюда могло начаться и распространение слитков сплавов на основе меди.

Жители Пермского Предуралья, в целом не чуждые инновациям, в определенных вещах проявляли строгий консерватизм, видимо зафиксированный на уровне мифологического сознания, долгое время сохраняя устойчи-

вые традиции. Возможно, именно этот фактор являлся определяющим в длительном сохранении привычных весовых норм уже в период тесных взаимоотношений с Волжской Булгарией.

В итоге можно еще раз подчеркнуть, что глиняная форма-изложница, обнаруженная на городище Анюшкар, может служить ценным источником как сфере изучения средневековой цветной металлургии, так и в сфере изучения товарно-денежных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

Белавин А.М. Производственные поселки металлургов у финно-угров в конце I – начале II тыс. н.э. // Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) / Отв. ред. Ю.А. Зеленева. Йошкар-Ола: МарГУ, 1987. С. 117–130.

Валеев Р.М. К вопросу о товарно-денежных отношениях ранних булгар (VIII–X вв.) // Из истории ранних булгар / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1981. С. 83–96.

Ениосова Н.В. Результаты РФА анализа тиглей и литейных форм из Пермского края, проведенного в лаборатории МГУ в 2010 г.: Рукопись

Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г. Химический состав ювелирного сырья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья / Отв. ред. Н.В. Рындина. М.: Восточная литература, 2008. С. 107–189.

Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик, 2004. 592 с.

Иванова М.Г. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 294 с.

Крыласова Н.Б. Средневековые литейные формы-изложницы: к вопросу о товарном производстве меди и сплавов на ее основе в Пермском Предуралье // Переходные эпохи в археологии. Материалы всероссийской конференции с международным участием «XIX Уральское археологическое совещание» / ред. И.О. Васкул. Сыктывкар: ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, 2013. С. 107–109.

Крыласова Н.Б. К развитию концепции А.М. Белавина о товарном производстве меди и сплавов на ее основе в средневековом Пермском Предуралье // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XIV / Ред. Н.Б. Крыласова. Пермь: ПГПУ, 2018. С. 54–69.

Крыласова Н.Б. Прикамский металлургический центр в эпоху средневековья // Нутряные жилы земли: металл в культурных традициях населения России: Материалы XV всероссийской научно-практической конференции «Строгановские чтения» (Усолье, 21–22 сентября 2018 г.) / Отв. ред. И.А. Подюков. Усолье: ПГПУ, 2018а. С. 20–29.

Крыласова Н.Б. Слитки и разновесы Пермского Предуралья как источник для изучения средневековых мер веса // Поволжская археология. 2019. № 4 (30). С. 68–81.

Крыласова Н.Б., Белавин А.М. Особенности цветной металлургии и металлообработки в протогородских центрах Среднего Предуралья // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15. № 3. С. 494–506.

Крыласова Н.Б., Подосёнова Ю.А. Легирующие металлы в цветной металлургии Пермского Предуралья: товарная форма и возможные источники поступления // РА. 2019. № 3. С. 62–74.

Лецинская Н.А. Исследования Еманаевского городища // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья / Отв. ред. Л.Д. Макаров. Ижевск: УдГУ, 1988. С. 79–107.

Минерально-сырьевые ресурсы Пермского края: энциклопедия. / Отв. ред. А.И. Кудряшов. Пермь: Горный институт УрО РАН, 2006. 458 с.

Мухамадиев А.Г. Бронзовые слитки – первые металлические деньги Поволжья и Приуралья (I тыс. н. э.) // СА. 1984. № 3. С. 220–221.

Мухамадиев А.Г. Древние монеты Поволжья. Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. 192 с.

Оборин В.А., Ленц Г.Т. Городище Анюшкар (по раскопкам 1951–1955, 1989–1991 гг.) // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. 2 / Отв. ред. Н.Б. Крыласова. Пермь: ПГПУ, 2008. С. 10–15.

Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III / МИА. № 22 / Ред. В.Н. Чернецов. М.: АН СССР, 1951. С. 33–96.

Фёдоров-Давыдов Г.А. Денежное дело и денежное обращение Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 158–204.

Янин В.Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М.: Языки славянской культуры, 2009. 423 с.

Информация об авторе:

Крыласова Наталья Борисовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН, (г. Пермь, Россия); n.krylasova@mail.ru

REFERENCES

Belavin, A. M. 1987. In Zeleneev, Yu. A. (ed.). *Etnicheskie i sotsial'nye protsessy u finno-ugrov Povolzh'ya (I tys. do n.e. – I tys. n.e.) (Ethnic and social processes among the Finno-Ugrians of the Volga region (I millennium BC – I millennium AD))*. Yoshkar-Ola: Mari State University, 117–130 (in Russian).

Valeev, R. M. 1981. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Iz istorii rannikh bulgar (From the History of the Early Bulgars)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 83–96 (in Russian).

Eniosova, N. V. 2010. *Rezultaty RFA analiza tigley i liteynykh form iz Permskogo kraya, provedennogo v laboratorii MGU (Results of x-ray analysis of crucibles and molds from the Perm Krai, conducted in the MSU laboratory in 2010)* (in Russian).

Eniosova, N. V., Mitoian, R. A., Saracheva, T. G. 2008. In Ryndina, N. V. (ed.). *Tsvetnye i dragotsennye metally i ikh splavy na territorii Vostochnoi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Non-Ferrous and Precious Metals and their Alloys in Medieval Eastern Europe)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ., 107–188 (in Russian).

Zakharov, S. D. 2004. *Drevnerusskii gorod Beloozero (The Old Rus Town of Beloozero)*. Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).

Ivanova, M. G. 1998. *Idnakar: Drevneudmurtское городище IX–XIII вв. (Idnakar: Ancient Udmurt Hillfort of 9th – 13th Centuries)*. Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language, and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Krylasova, N. B. 2013. In Vaskul, I. O. (ed.). *Perekhodnye epokhi v arkheologii. XIX Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (Transitional Stages in Archaeology: 19th Ural Archaeological Session)*. Syktyvkar: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Komi Scientific Center, Institute for Language, Literature and History, 107–109 (in Russian).

Krylasova, N. B. 2018. In Krylasova, N. B. (ed.). *Srednevekovaya arkheologiya Evrazii ot Yamala do Carpat. Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Medieval archaeology of Eurasia from the Yamal Peninsula to the Carpathians. Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* 14. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 54–69 (in Russian).

Krylasova, N. B. 2018. In Podyukov, I. A. (ed.). *Nutryanye zhily zemli: metall v kul'turnykh traditsiyakh naseleniya Rossii (Interior veins of the earth: metal in the cultural traditions of the Russian population)*. Usol'e: Perm State Humanitarian University, 20–29 (in Russian).

Krylasova, N.B. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 30 (4), 68–81 (in Russian).

Krylasova, N. B., Belavin, A. M. 2021. In *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy (Yearbook of Finno-Ugric Studies)* 15 (3), 495–506 (in Russian).

Krylasova, N. B., Podosenova, Yu. A. 2019. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* 3, 62–74 (in Russian).

Leshchinskaya, N. A. 1988. In Makarov, L. D. (ed.). *Novye arkheologicheskie pamiatniki Kamsko-Viatskogo mezhdurech'ia* (New Archaeological Sites in the Kama and Vyatka Interfluves Area). Izhevsk: Udmurt State University, 70–109 (in Russian).

Kudryashov, A. I. (ed.). 2006. *Mineral'no-syr'evye resursy Permskogo kraja* (Mineral resources in the Perm Krai). Perm: Mining Institute of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Mukhamadiev, A. G. 1984. In *Sovetskaia Arkheologiya* (Soviet Archaeology) (3), 220–221 (in Russian).

Mukhamadiev, A. G. 1990. *Drevnie monety Povolzh'ia* (Ancient Coins of the Volga Area). Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Oborin, V. A., Lents, G. T. 2008. In Krylasova, N. B. (ed.). *Vestnik muzeia arkheologii i etnografii Permskogo Predural'ia* ((Bulletin of the Museum of Archaeology and Ethnography of the Perm Cis-Urals). Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 10–15 (in Russian).

Talitskiy, M. V. 1951. In Chernetsov, V. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia* (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) III. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 22. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 33–96. (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1987. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury* (City of Bolgar. Essays on History and Culture). Moscow: "Nauka" Publ., 158–204 (in Russian).

Yanin, V. L. 2009. *Denezhno-vesovye sistemy domongol'skoy Rusi i ocherki istorii denezhnoy sistemy srednevekovogo Novgoroda* (Monetary and Weighing Systems of Pre-Mongol Rus and Essays on the History of the Monetary System of Medieval Novgorod). Moscow: "Yazyki slavianskoi kul'tury" Publ. (in Russian).

About the Author:

Krylasova Natalya B., Doctor of Historical Sciences, Institute of Humanities Research in the Perm Federal scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Lenina st., 13A, Perm, 614990, Russian Federation; n.krylasova@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2023 г.
Статья принята к публикации 01.10.2023 г.

УДК 7.033.4/5

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.5.124.130>

ЛОТОСОВИДНАЯ НАКЛАДКА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ДРАКОНА ИЗ НЕРЕВСКОГО РАСКОПА ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

©2023 г. Н.Н. Точилова

Материальная культура Великого Новгорода XIII–XIV вв. демонстрирует ярко выраженное влияние восточных изобразительных традиций, привнесенных новыми контактами с обширным художественным миром Золотой Орды. Наряду с массовыми вещами встречаются выдающиеся произведения прикладного искусства, к числу которых относится лотосовидная накладка с изображением дракона из Неревского раскопа. Этот образ находит ряд аналогий среди находок золотоордынских городов. Основная проблема, рассматриваемая в статье, заключается в анализе происхождения этого образа. Искусство Золотой Орды формировалось под сильным влиянием Китая, что находит отражение в ряде предметов, декорированных изображениями драконов, имеющих узнаваемую стилистику и иконографию. Новгородский дракон, равно как и круг аналогичных ему изображений, не находит абсолютных аналогий среди золотоордынских произведений, сформированных искусством династии Юань, демонстрируя гибридную природу образа.

Ключевые слова: археология, прикладное искусство, резная кость, Золотая Орда, Великий Новгород, древнерусское искусство, монгольское завоевание.

THE LOTUS-SHAPE APPLIQUE WITH A DRAGON IMAGE FROM NEREVSKY SITE IN VELIKY NOVGOROD

N.N. Tochilova

The material culture of Veliky Novgorod of XIII–XIV centuries shows a pronounced influence of Eastern fine art, brought by new contacts with the vast art world of the Golden Horde. Along with mass-scale artefacts distinguished artistic objects come across. One of them is the horn lotus-shaped applique with a dragon image from the Nerevsky site in Veliky Novgorod. This image has a number of stylistic analogies among archaeological artefacts of Golden Horde cities. The main problem of the article deals with the analysis of the origin of this image. The Golden Horde art was formed by strong influence of China. This process was reflected in some artistic objects, which were decorated with dragon images with typical style and iconography. Veliky Novgorod dragon, like other similar images, doesn't find absolute analogies among the Golden Horde items, inspired by the Yuan Dynasty. These features demonstrate the hybrid nature of the artistic image from Veliky Novgorod.

Keywords: archaeology, applied art, bone carved, Golden Horde, Veliky Novgorod, Old Rus art, Mongol conquest

Новгородская коллекция резной кости XIII–XIV вв. имеет ряд вещей, выполненных с высокой степенью художественного мастерства и несущих, несомненно, следы восточного влияния. Наиболее ярко выраженные ориентализирующие черты имеет лотосовидная накладка с изображением дракона (нач. XIV в.) (НГОМЗ КП 32143/7 А-74/7) (5,5×5,5 см), обнаруженная в девятом ярусе Неревского раскопа – 8 (Н-53, 10/602, яр. 9, инв. № 2121) (рис. 1: 1).

В лотосовидное обрамление с тройным контуром вписано изображение драконообразного существа. Длинное змееобразное тело скомпоновано в форме петли таким образом, что оскаленная морда дракона упирает-

ся в кончик хвоста, но не прикусывает его. В раскрытой пасти изображены острые зубы. Пасть обрамлена криволинейным валиком, подчеркивается уголок рта, слегка уходящий вверх, и небольшое утолщение в носовой части. Абрис губ повторяет абрис формата накладки.

Крупный миндалевидный глаз упирается в валик, разграничивающий голову и шею животного. Из-под валика вырастает фактурно проработанный плавник, форма которого напоминает язык пламени.

Змееобразное тело дракона изображено в двойном повороте, о чем свидетельствует полоска «чешуи», проходящая по низу туловища и демонстрирующая изменения ракурса.

Композиционное решение хвостовой части не очень понятно, т. к. петля проходит позади туловища. Однако по положению линии «чешуи» можно предположить, что хвост раздвоен – основная часть идет вверх и упирается в морду, малая – соприкасается внизу с одной из лап, закомпонованных в сложный формат таким образом, что создается ощущение шага. Форма каждой лапы плавно переходит в крыло с проработанным оперением и небольшим утолщением на конце каждого крыла.

Среди новгородских костяных и роговых изделий XIII–XIV вв. эта накладка отличается исключительно высоким уровнем художественного исполнения. Это выражается в едином стилистическом решении криватуры всех линий, когда каждый криволинейный отрезок абриса фигуры или лотосовидной формы на одном из своих концов имеет небольшое искривление.

Актуальным остается вопрос атрибуции накладаки. Пожалуй, единственным сопоставимым вариантом является реконструкция декора парадного седла из с. Филия (Шалобудов, 1991, рис. 3). Согласно ей, подобного рода накладка могла занимать центральное место в композиции декора внешней части передней луки седла.

Накладка попадала в поле внимания исследователей (Колчин, Янин, 1982; с. 37). Исключительные художественные качества резьбы позволяют рассматривать эту вещь в качестве одного из примеров искусства косторезного ремесла Древнего Новгорода (Колчин, Янин, Ямщиков, 1985, с. 84, рис. 157), но следует подчеркнуть, что анализ и интерпретация изображения проводилась сугубо в контексте типологического метода (Козлова, 2004, 2006). Поэтому актуальной задачей является более внимательное изучение стилистических особенностей этой находки.

В исследованиях отмечается, что форма накладаки очень близка форме декоративных изделий, испытавших влияние общераспространенной восточной традиции, без уточнения конкретных прототипов (Козлова, 2004, с. 197–198). Для анализа изображения использовался метод типологического сравнения, опирающийся на сходство внешних форм и общих композиционных схем без учета стилистических особенностей изображения. Результатом такого подхода является

введение памятника в очень абстрактный круг аналогий, таких как лотосовидная накладка из Гашун-Уста с изображением лани и целого ряда металлических накладок, обнаруженных на территории Новгорода (Козлова, 2004, с. 197–199; Козлова, 2006, с. 82). Сразу следует заметить, что сюжет с изображением лани на фоне растительности принадлежит к определенному типу «Горы в осеннем уборе» (Исаков, Афоньков, Шереметьев, Архангельский, 2013, с. 213). Этот сюжет входил в группу парадных охотничьих поясов (Крамаровский, 2001, с. 51; Крамаровский, 2001а, с. 56), в то время как драконовидная геральдика являлась декором воинских поясов. Если общая композиционная схема расположения лани на накладке из Гашун-Уста может создать отдаленное впечатление близости композиционному сюжету на новгородской накладке, то морфология изображений на бронзовых накладках иная.

Единственной обнаруженной на данный момент стилистической аналогией лотосовидной форме является фрагмент костяной накладаки с драконом с Неревского раскопа, ($\approx 4,1 \times 3,5$ см) (1956 г). (рис. 1: 2). Обращает на себя внимание и похожая иконография головы, в то время как изображение тела больше напоминает изображение драконов на роговых обоймицах из Великого Новгорода и Смоленска (Асташова, 1993, с. 73; Козлова, 2006, с. 83). Гораздо более близкие аналогии можно увидеть в изображениях на двух костяных накладках с Маджарского городища (XIII в.) и селища Бешенцево-3 (XIII–XIV вв.).

Привлечение формально-стилистических методов анализа изображения позволяет говорить, что изображение дракона на Маджарской находке ($7,2 \times 7,2$ см) (рис. 1: 3) в большей степени соответствует традиции дальневосточного искусства: у него длинное извивающееся тело, покрытое чешуей; четыре лапы, одна из которых утрачена. На сохранившихся лапах отчетливо видно три когтя. У изображенного существа крупная голова на тонкой шее и большой круглый глаз, пасть широко раскрыта и обрамлена хорошо проработанными губами. Нос зверя задран кверху, отчетливо проработаны большие треугольные зубы и высунутый язык, на кончике которого размещена круглая жемчужина (Обухов, Бочаров, 2018, с. 127). Основные отличия новгородского и маджарского изображения – отсут-

Рис. 1.Роговые лотосовидные накладки с изображением драконов

1 – роговая лотосовидная накладка с изображением дракона, Великий Новгород, Неревский раскоп-8, 1953 г. (Новгородский государственный музей-заповедник); 2 – фрагмент роговой лотосовидной накладки с изображением дракона, Великий Новгород, Неревский раскоп, 1956 (Коллекционная опись Неревского раскопа, 1956, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого); 3 – роговая лотосовидная накладка с изображением дракона, Маджарское городище (изображение предоставлено Ю.Д.Обуховым из личного архива); 4 – роговая лотосовидная накладка с изображением дракона, поселение Бешенцево-3, Нижегородская область (Нижегородский музей-заповедник); 5 – роговая лотосовидная накладка с изображением дракона, Укек, (Саратовский областной музей краеведения)

Fig. 1. The antler lotus-shape appliques with a dragon images

1 – antler lotus-shape applique with a dragon image, Veliky Novgorod, Nerevsky site-8, 1953 (Novgorod State United Museum-Reserve); 2 – antler lotus-shape applique fragment with a dragon image, Veliky Novgorod, Nerevsky site, 1956 (Collection list of the Nerevsky site, 1956, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University); 3 – antler lotus-shape applique with a dragon image from Majar settlement (image provided by Yu.D. Obukhov from his personal archive); 4 – antler lotus-shape applique with a dragon image, Beshentsevo-3, Nizhny Novgorod region (Nizhny Novgorod Museum-Reserve); 5 – antler lotus-shape applique with a dragon image, Ukek settlement, (Saratov Regional Museum of Local Lore)

стве крыльев и четырехлапость последнего. Эти важные иконографические особенности позволяют исключить маджарскую находку из круга аналогий. Морфология этого дракона находит иконографические параллели среди костяных находок северо-запада: на роговой обоймице из Великого Новгорода и двух (целой и фрагментированной) обоймицах из Смоленска, где также изображены четырехлапые бескрылые драконы (Асташова, 1993, с. 73; Козлова, 2006, с. 83). Однако самой важной иконографической деталью, позволяющей

точно соотнести изображение на накладке из Маджар с дальневосточной традицией, является жемчужина, изображение которой занимает важное место в образной системе китайского искусства (Обухов; Бочаров, 2018, с. 129).

Роговая накладка из заполнения ямы № 2 селища Бешенцево-3 Нижегородской области (6,4×4,6 см) (НГИАМЗ, ГОМ-27249/56) (Грибов, 2007, с. 65–66) представляет самую близкую иконографическую аналогию новгородской находки, хотя стилистика этих изобра-

жений разная (рис. 1: 4). Нижегородский дракон также изображен в профиль. Змееобразное тело покрыто стилизованной чешуей в виде ромбических насечек. От основания головы и до конца хвоста идет тонкая и гладкая полоса, показывающая изменение ракурса тела. Изгиб тела переходит в округлую петлю хвоста с маленьким завитком на конце. Дракон также имеет только две лапы, переходящие в крылья. Голова зверя несколько затерта, однако в ее изображении отчетливо видны контурные губы, язык, миндалевидный глаз, а также небольшое округлое ушко, изображенное между двух «плавников»/«хохолков».

Несмотря на близость композиционных приемов, особенности компоновки нижегородского изображения демонстрируют вторичность по отношению к новгородскому образу. Голова, тело и лапы дракона развернуты в одну сторону и изображены строго в профиль. Это лишает необходимости перекручивать туловище, хотя в изображении тела животного сохраняется незаполненная орнаментом полоса, которая в данном случае механически воспроизводит изменение ракурса. Аналогичный прием можно увидеть на фрагменте костяной накладке с изображением змееобразной фигуры, композиционно напоминающей изображение дракона. Изделие было обнаружено в заполнении усадебной ямы христианского квартала золотоордынского города Укека (2,4–3,6/5,2 см) (Саратовский областной музей краеведения, АРХ 32255) (Кубанкин, 2013, с. 145; Кубанкин, 2014, с. 388) (рис. 1: 5).

Новгородская композиция замкнута, что позволяет лаконично вписать композицию в сложный формат. В случае с нижегородским изображением резчик явно столкнулся с необходимостью заполнить пустоты. Эту проблему он решает, поместив рядом с завитком хвоста небольшой круглый элемент (возможно, дополнительный завиток) и подперев брюхо дракона дугообразным элементом.

Особого внимания требуют изображения лап дракона. Как и на новгородском изделии, дракон делает шаг. Поза демонстрирует обе его конечности и два крыла. Компоновка новгородского дракона такова, что ему приходится упираться обеими ногами в рамку изобразительного поля, в то время как нижегородский дракон едва касается лап края бордюра. Также обращает на себя внимание ракурс заднего

крыла, которое неанатомически расположено по отношению к лапе. Можно предположить, что эта ошибка в изображении объясняется только необходимостью соблюсти все особенности иконографии конкретно образа. Самым отличающимся элементом маджарского изображения является голова дракона. Она не несет черт, характерных для дальневосточной традиции. Об этом свидетельствует силуэт головы с округлым ушком и «прядями шерсти», напоминающий скорее хищные образы зверей средневековой териологии.

Еще одна гипотеза происхождения круга изображений предполагает истоки в искусстве хулагуидов¹. Искусство хулагуидского Ирана испытало ощутимое влияние искусства династии Юань. Легче всего эти заимствования прослеживаются по миграции образов китайской мифологии – феникса, цилиня и дракона – существа с длинным, изогнутым змееобразным телом. Особое внимание обращает голова животного с распахнутой пастью, рогами и гребнем, вырастающим из-за щеки, которые сохраняются в искусстве Ирана вплоть до XV–XVII вв. (Metropolitan Museum, пиала с изображением дракона, XV в. Accession Number: 32.33; блюдо с двумя драконами, 1640 г., Accession Number: 65.109.2) (<https://www.metmuseum.org/art/collection/search/448663>; <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/451804>).

Наиболее близким примером миграции образа дракона могут служить изображения на иранских изразцах XIII – XIV вв. (Юрченко, 2013, кат. 75, с. 398; *The legacy of the Genghis Khan*, 2003, p. 92–97, 176) Хорошей аналогией является плитка из Государственного Эрмитажа конца XIII в. (Инв. № VI-72) (ГЭ (Изразец... (дата обращения: 22.12.2022)). Иконография этого изображения вполне традиционна для образа дракона в искусстве Китая: длинное змееобразное тело с раздвоенным хвостом, две пары конечностей с четырьмя когтями. Особое внимание обращает проработка головы с распахнутой оскалившейся пастью, выразительно проработанными губами и двойным плавником, разделяющим переход головы в шею. Также следует отметить наличие длинной полоски чешуи, проходящей по всему телу дракона от шеи и до кончика хвоста. Эти иконографические элементы соответствуют новгородскому изображению и свидетельствуют о родствен-

ности образов. Важной особенностью новгородского изображения является наличие крыльев, в то время как ни юаньские, ни хулагуидские образы их не имеют.

Особенности иконографии восточных протографов делают актуальным вопрос происхождения образа новгородского дракона, природа которого представляется гибридной. Морфология и стилистика головы, двойной хвост, пластика тела однозначно соотносятся с китайской традицией изображения дракона. Форма накладки также находит значительное количество аналогий среди произве-

дений изобразительного мира Монгольской империи. Это могут быть как самостоятельные произведения, например, накладки или поясные обоймицы (Козлова, 2006, с. 81–82; Музей болгарской цивилизации, 2016, с. 141, № 7.2.165, 166–169), так и часть декоративной композиции (Козлова, 2006, с. 81–82; <https://www.hermitagemuseum.org>). Таким образом, совокупность стилистических черт подчеркивают восточное происхождение этого сложного многокомпонентного образа, нашедшего широкое распространение в прикладном искусстве периода монгольского завоевания.

Примечание:

¹ Гипотеза хулагуидского происхождения образа шагающего дракона в лотосовидной обрамлении была высказана к. ист. наук, сотрудником отдела сохранения археологического наследия ИА РАН Н.Н. Грибовым в личной беседе с автором.

ЛИТЕРАТУРА

Асташова Н.А. Костяные изделия средневекового Смоленска // Средневековые древности Восточной Европы / Труды ГИМ. Вып. 82 / Отв. Ред. Н.Г. Недошивина. М.: ГИМ, 1993. С. 69–78.

Грибов Н.Н. Предварительные итоги исследования русского селища второй половины XIII – XIV вв. на окраине Нижнего Новгорода // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара. Вып. 1 / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2007. С. 58–67.

Исаков Р.В., Афоньков Н.Н., Шереметьев А.Г., Архангельский М.С. Парадный золотой пояс раннеджучидского времени из Мариентала: историко-культурный и семантический аспекты исследования // Этнические взаимодействия на Южном Урале / Отв. ред. А.Д. Таиров, Н.О. Иванова. Челябинск: Рифей, 2013. С. 212–226.

Колчин Б.А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода / Отв. ред. Б.А. Колчин, В.Л. Янин. М.: Наука, 1982. С. 3–137.

Колчин Б.А., Янин В.Л., Ямщиков С.В. Древний Новгород. Прикладное искусство и археология. М.: Искусство, 1985. 167 с.

Крамаровский М.Г. Новые материалы по истории ранних Джучидов: воинские пояса конца XII – первой половины XIII вв. (источниковедческие аспекты) // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани 1223–1556 / Отв. ред. М.А. Усманов. Казань: Институт истории АН РТ, 2001. С. 43–81.

Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.: Славия, 2001. 364 с.

Козлова А.В. Украшения ремня, сумок и сбруи восточного происхождения из раскопок в Великом Новгороде // Новгород и новгородская земля. История и археология. Вып. 18 / Отв. ред. В.Л. Янин. Великий Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, 2004. С. 188–207.

Козлова А.В. Восточные традиции украшений и предметов быта из цветных металлов в городах северо-западной Руси и сопредельных территорий. Дисс... канд. ист. наук. М., 2006. 193 с.

Кубанкин Д.А. Археологические раскопки на Увекском городище в 2012 – 2013 гг. (предварительное сообщение) // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 12 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2013. С. 144–154.

Кубанкин Д.А. Христианский квартал золотоордынского города Укек по материалам раскопок 2010–2013 гг. // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. III / Ред. А.Г. Ситдииков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 388–392.

Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдииков А.Г. Музей Болгарской цивилизации. Т. 1. Древний Болгар: жизнь города. Казань: Главдизайн, 2016. 267 с.

Обухов Ю.Д., Бочаров С.Г. Новая находка костяной накладки с изображением дракона на Маджарском городище // Поволжская археология. 2018. № 2 (24). С. 125–133.

Шалобудов В.Н. Парадное седло из кочевнического погребения у села Филия // Проблемы археологии Поднепровья / Отв. ред. И. Ф. Ковалева. Днепропетровск: ДГУ, 1991. С. 110–119.

Юрченко А.Г. Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. СПб.: Евразия, 2013. 432 с.

The Legacy of Genghis Khan. Country Art and Culture of Western Asia, 1256 – 1353 / Eds. by L. Komaroff, S. Carboni. New York: Metropolitan Museum Publ., 2002. 322 s.

Bowl. Доступно по URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/448663?when=A.D.+1400-1600&ft=bowl&offset=0&rpp=40&pos=3> (дата обращения: 22.12.2022)

Dish with Two Intertwined Dragons. Доступно по URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/451804?deptids=14&high=on&ft=dragon&offset=0&rpp=40&pos=6> (дата обращения: 22.12.2022)

Изразец. Доступно по URL: <https://www.heritagemuseum.org/wps/portal/hermitage/digital-collection/08.+applied+arts/179326> (дата обращения: 22.12.2022)

Информация об авторах:

Точилова Надежда Николаевна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры искусствоведения Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии им. А.Л. Штиглица (г. Санкт-Петербург, Россия), arhivolt@yandex.ru

REFERENCES

Astashova, N. A. 1993. In Nedoshivina, N. G. (ed.). *Srednevekovye drevnosti Vostochnoi Evropy (Medieval Antiquities of Eastern Europe)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (Proceedings of the State Historical Museum) 82. Moscow: State Historical Museum, 69–78 (in Russian).

Gribov, N. N. 2007. In Shpolianskii, S. V. (ed.). *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy Rusi (Archaeology of Vladimir-Suzdal land)* 1. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences Publ., 58–67 (in Russian).

Isakov, R. V., Afonkov, N. N., Sheremet'ev, A. G., Arkhangelsky, M. S. 2013. In Tairov, A. D., Ivanova, N. O. (eds.). *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale (Ethnic Interactions in the Southern Urals)*. Chelyabinsk: "Rifei" Publ., 212–226 (in Russian).

Kolchin, B. A., Yanin, V. L. 1982. In Kolchin, B. A., Yanin, V. L. (eds). *Novgorodskii sbornik (50 let raskopok Novgoroda) (Novgorod Collected Works (50 Years of Excavations in Novgorod))*. Moscow: "Nauka" Publ., 3–137 (in Russian).

Kolchin, B. A., Yanin, V. L., Yamschikov, S. V. 1985. *Drevniy Novgorod. Prikladnoe iskusstvo i arkheologiya (Ancient Novgorod. Applied art and archaeology)*. Moscow: "Art" Publ. (in Russian).

Kramarovskiy, M. G. 2001. In Usmanov, M. A. (ed.). *Istochnikovedenie istorii Ulusa Dzhuchi (Zolotoy Ordy) ot Kalki do Astrakhani 1223–1556 (Source Studies on the History of the Uhus of Jochi (the Golden Horde) from Kalka to Astrakhan of 1223–1556)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 43–81 (in Russian)..

Kramarovskiy, M. G. 2001. *Zoloto Chingisidov: kul'turnoye nasledie Zolotoy Ordy (Gold of Genghisid: the cultural heritage of the Golden Horde)*. Saint Petersburg: "Slaviya" Publ. (in Russian).

Kozlova, A. V. 2004. In Yanin, V. L. (ed.). *Novgorod i Novgorodskaya zemlia istoriya i arkheologiya (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology)* 18. Veliky Novgorod: The Novgorodian State Reserve Museum, 188–207 (in Russian).

Kozlova, A. V. 2006. *Vostochnye traditsii ukrasheniy i predmetov byta iz tsvetnykh metallov v gorodakh severo-zapadnoy Rusi i sopredel'nykh territoriy (Oriental traditions of jewelry and household items made of non-ferrous metals in the cities of North-Western Russia and adjacent territories)* Diss. of the Candidate of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Kubankin D. A. 2013. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia (The Archaeological Heritage of the Saratov Region)* 12. Saratov: "Nauchnaya kniga" Publ., 144–154 (in Russian).

Kubankin, D. A. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkhelogicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan)* III. Kazan: "Otechestvo" Publ., 388–392 (in Russian).

Baranov, V. S., Bugrov, D. G., Sitdikov, A. G. 2016. *Muzei bolgarskoi tsivilizatsii. T. 1. Drevnii Bolgar: zhizn' goroda. (Museum of Bolgar Civilization. Vol. 1. Ancient Bolgar: Life of the City)*. Kazan: "Glavdizain" Publ. (in Russian).

Obukhov, Yu. D., Bocharov, S. G. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 24 (2), 125–133 (in Russian).

Shalobudov, V. N. 1995. In Kovaleva, I. F. (ed.). *Problemy arkheologii Podneprov'ia (Archaeological Issues of the Dnieper Region)*. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State university, 110–119 (in Russian).

Yurchenko, A. G. 2013. *Elita mongol'skoi imperii: vremia prazdnikov, vremia kaznei (The Elite of the Mongol Empire: Time for Festivities, Time for Executions)*. Saint Petersburg: Evraziia Publ. (in Russian).

Komaroff, L., Carboni, S. (ed.) 2002. *The Legacy of Genghis Khan. Country Art and Culture of Western Asia, 1256 – 1353*. New York: Metropolitan Museum.

Bowl. Available at: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/448663?when=A.D.+1400-1600&ft=bowl&offset=0&rpp=40&pos=3> (accessed on: 22.12.2022)

Dish with Two Intertwined Dragons. Available at: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/451804?deptids=14&high=on&ft=dragon&offset=0&rpp=40&pos=6> (accessed on: 22.12.2022)

Izrazets (tile). Available at: <https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/digital-collection/08.+applied+arts/179326> (accessed on: 22.12.2022)

About the Author:

Tochilova Nadezhda N. Art History PhD, Associate Professor. Department of Art History of the Saint Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design. Solyanoy lane 13, St. Petersburg, 191028, Russian Federation; arhivolt@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2023 г.
Статья принята к публикации 01.10.2023 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.5.131.159>

СТЕКЛЯННЫЙ СОСУД С НАКЛАДНЫМ И ОБКАТАННЫМ ДЕКОРОМ ИЗ ОСТОЛОПОВСКОГО СЕЛИЩА В ТАТАРСТАНЕ: ТЕРМИНОЛОГИЯ, ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ХРОНОЛОГИЯ

© 2023 г. Е.К. Столярова, К.А. Руденко

Статья посвящена стеклянному сосуду, найденному в 2005 г. на болгарском Остолоповском селище (конец X – конец XII в.), расположенном в левобережье р. Камы (Республика Татарстан), в ходе археологических раскопок под руководством одного из авторов. Сосуд принадлежит к группе восточных изделий с накладным и обкатанным декором, производимых, главным образом, в XII–XV вв. По-видимому, сосуд представлял собой небольшую бутылочку или флакон. Изделия такой формы хорошо известны и широко распространены на Ближнем Востоке, где их использовали для хранения краски для век. Благодаря надежному археологическому контексту – сосуд обнаружен в комплексе, датированном концом XI – началом XII в., его можно отнести к периоду, предшествовавшему этапу массового производства изделий с подобным декором на территории исламского Востока. Среди небольшого количества известных на сегодняшний день узко датированных предметов этой группы, относящихся к домонгольскому времени, флакон из Остолопова можно считать наиболее ранним не только для территории Волжской Булгарии, но и для Восточной Европы в целом, а также, возможно, и для некоторых соседних регионов, в частности, для Южной Европы.

Ключевые слова: археология, стеклянный сосуд, флакон для краски для век, изделия с накладным и обкатанным декором, «перистый» декор, Остолоповское селище, Волжская Булгария, домонгольский период, исламский Восток.

A GLASS VESSEL WITH APPLIED AND MARVERED DECOR FROM THE OSTOLOPOVO SETTLEMENT IN TATARSTAN: TERMINOLOGY, ORIGIN, CHRONOLOGY

E.K. Stolyarova, K.A. Rudenko

The article deals with a glass vessel, found in 2005 on the Bolgar Ostolopovo settlement (late X – late XII century), located on the left bank of the Kama River (Republic of Tatarstan), during archaeological excavations led by one of the authors. The vessel belongs to the group of oriental wares with applied and marvered decor, produced mainly in the XII–XV centuries. Apparently, the vessel was a small bottle or flask. Wares of this shape are well known and widespread in the Middle East, where they were used to keep kohl. Due to the reliable archaeological context, the vessel was discovered in a complex, dated to the end of the XI – beginning of the XII century. It can be attributed to the period preceding the stage of mass production of items with similar decoration in the Islamic East. Among the small number of narrowly dated objects of this group known by today, belonging to the pre-Mongol period, the Ostolopovo flask can be considered the earliest one not only for the territory of Volga Bulgaria, but also for Eastern Europe as a whole, and also, possibly, for some neighboring regions, in particular, for Southern Europe.

Keywords: archaeology, glass vessel, flask, products with applied and marvered decor, featherlike decor, Ostolopovo settlement, Volga Bulgaria, pre-Mongol period, Islamic East.

В 2005 г. в ходе проведения археологических раскопок на Остолоповском селище был обнаружен фрагмент стеклянного сосуда (рис. 1). Ранее сосуд публиковался авторами статьи специально (Столярова, 2008) и в ряду других находок на селище (Руденко, 2012, с. 133, 141, рис. 7: 1). Тогда он рассматривался как византийская продукция (Столярова, 2008, с. 276). Впоследствии атрибуция сосу-

да была пересмотрена и он был отнесен к ближневосточному производству (Руденко, 2016, с. 1490; 2017, с. 301; Столярова, 2016, с. 168)¹. Однако этот вопрос, как и датировка артефакта, освещенная только в общих чертах (Руденко, 2016, с. 1490), не были рассмотрены в отдельной публикации, чего эта уникальная находка, единственная пока в болгарских древностях, вполне заслуживает.

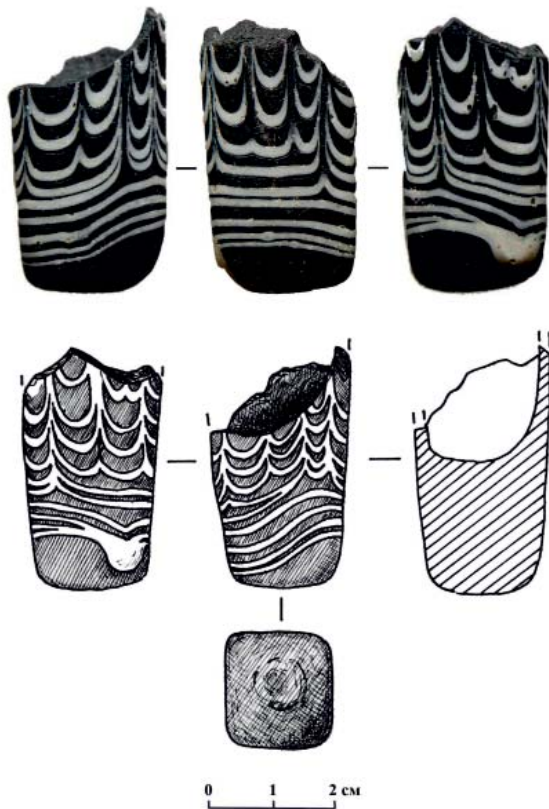

Рис. 1. Стекланный сосуд из Остолоповского селища в Татарстане. Фото К.А. Руденко, рисунок Р.С. Казанцева.

Fig. 1. A glass vessel from the Ostolopovo settlement in Tatarstan. Photo by K.A. Rudenko, drawing by R.S. Kazantsev.

Селище расположено к юго-востоку от с. Речное (бывшее с. Остолопово) Алексеевского района Татарстана, на останце коренной террасы левого берега р. Шенталы, левого притока р. Камы (рис. 2; Руденко, 2012, с. 123; 2021, с. 66). С 1955 г. памятник разрушается водохранилищем, и к 2015 г. была размыта почти половина его территории (Usmanov et al., 2021, fig. 4, tabl. 1). Первые раскопки на селище были проведены Т.А. Хлебниковой в 1969 г., опираясь на которые, она отнесла возникновение его к X–XI вв., а прекращение функционирования произошло, по ее мнению, не позднее второй половины XII в. Т.А. Хлебникова утверждала, что это эталонный памятник первой половины домонгольского периода, на материалах которого была построена ее хронология болгарской керамики этого времени, причем часть материала исследовательница датировала началом X в. (Хлебникова, 1984, с. 82, рис. 33: 5; 52: 2, 3).

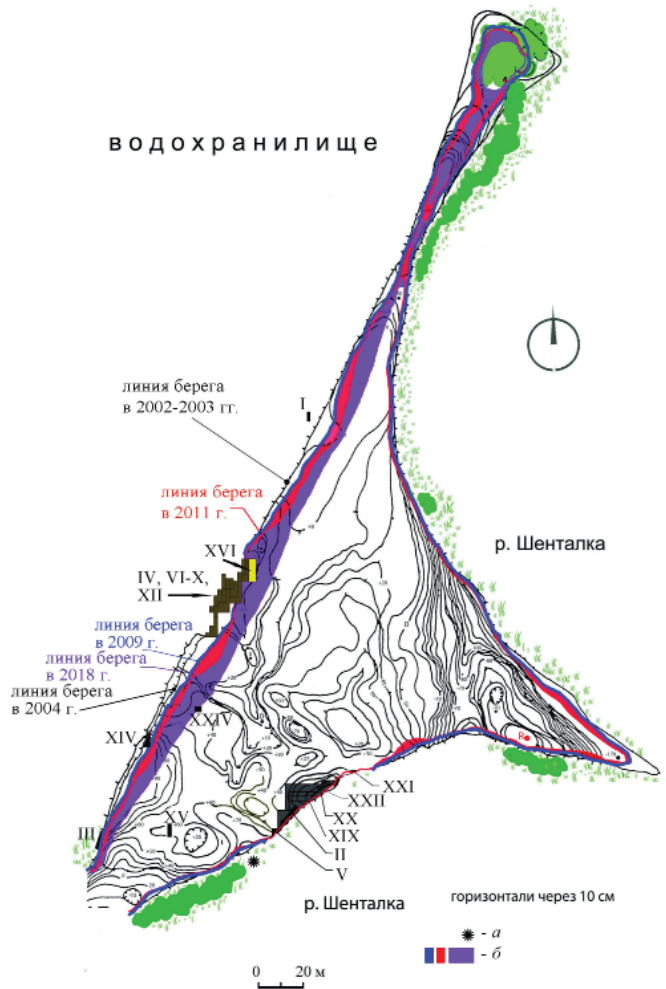

Рис. 2. Остолоповское селище в Татарстане. План с расположением раскопов (обозначены римскими цифрами). Съемка 1997–2018 гг.:

а – раскоп Т.А. Хлебниковой (1969);

б – размытая часть берега с 1997 по 2018 г.

Fig. 2. Ostolopovo settlement in Tatarstan. Layout of excavations (marked with Roman numerals). Survey 1997–2018:

a – excavation by T.A. Khlebnikova (1969); b – eroded part of the bank from 1997 to 2018.

С 1997 по 2017 г. памятник стационарно исследовался одним из авторов. За эти годы вскрыто более 600 кв. м площади. По данным археологических изысканий, полученных за этот промежуток времени, селище возникло на рубеже X–XI вв. и просуществовало до второй половины XII в.; расцвет его пришелся на вторую половину XI – начало XII в. (Руденко, 2017, с. 308). На сегодняшний день это практически единственное средневековое болгарское поселение домонгольского времени с разработанной стратиграфией и хорошо датированными слоями.

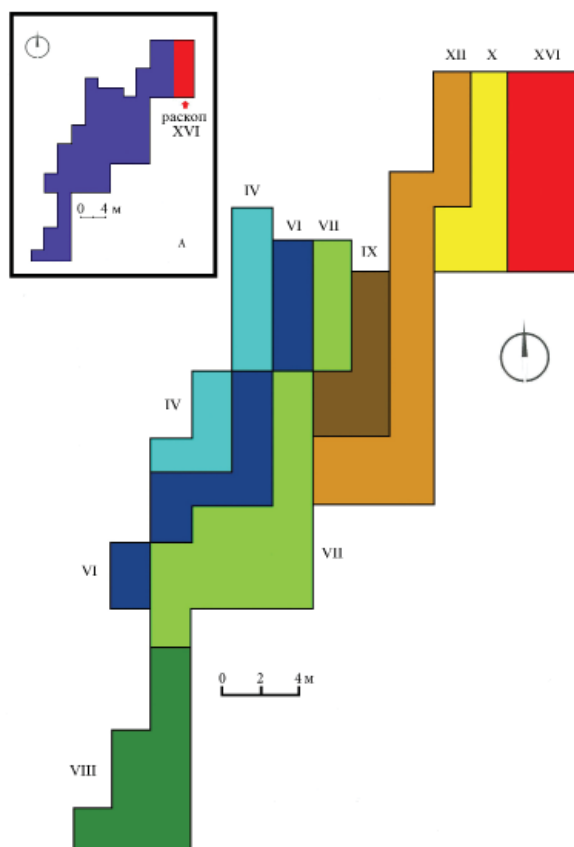

Рис. 3. Схема раскопов (обозначены римскими цифрами) сектора I (западного) и место расположения раскопа XVI (А).
Fig. 3. Layout of excavations (marked with Roman numerals) of sector I (western) and location of excavation XVI (A).

Найденный на селище стеклянный сосуд происходит из объекта хозяйственного назначения – ямы 1, служившей, вероятно, хранилищем для зерна и исследованной на раскопе XVI, располагавшемся в секторе I (западном) изученной части памятника. Эта территория изучалась в 1999–2005 гг. сплошной площадью (рис. 3). В результате работ было вскрыто 338 кв. м, из которых 48 кв. м приходилось на раскоп XVI (рис. 4), примыкавший к участкам 1–6 раскопа X².

Стратиграфия раскопа XVI проста: слой I – дерн (5–7 см); слой II – темно-серая супесь (8–34 см); слой III – серая рыхлая супесь (20–36 см); ниже идет погребенная почва – темно-серая с коричневатым оттенком суглинисто-супесчаная почва. Эти слои прослежены на всех раскопах данного сектора, например, на соседнем раскопе X (Руденко, 2010, с. 212, рис. 5). Датировку их в рамках

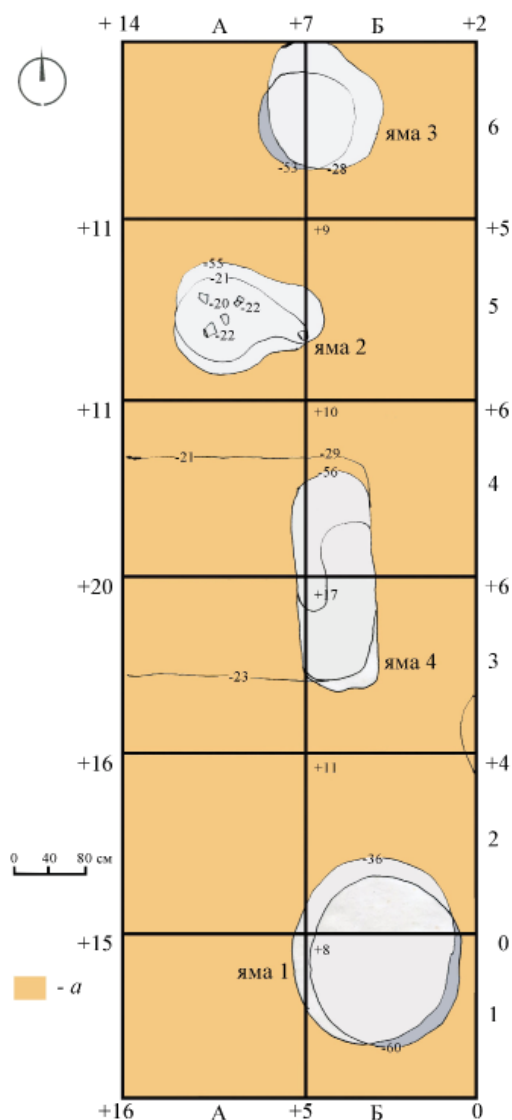

Рис. 4. План раскопа XVI на уровне 2–3 пластов:
 а – погребенная почва на уровне 3 пласта.
Fig. 4. Excavation XVI plan at the level of 2–3 layers:
 а – buried soil at the level of 3d layer.

XI – первой половины XII в. определяют предметы из цветного металла, кости, железа, керамического материала, а также монета Бувейхидов³ (Руденко, 2017, с. 303, рис. 8: 7). Основные отложения на раскопе XVI приходятся на слой III.

Находки с раскопа XVI немногочисленны и представлены бытовыми поделками. Это глиняные прясла, ножи, фрагмент наковаленки (рис. 5: 1, 9–11, 13, 18), а также кусочки шлаков, железный гвоздь, стержень, мелкие предметы из железа и цветного металла (рис. 5: 4–7, 12, 15).

Яма 1, как и остальные объекты раскопа XVI, относится к комплексу усадьбы, размы-

Рис. 5. Индивидуальные находки раскопа XVI: 1 – фрагмент железной наковаленки («каблук») (Б/2-1)*; 2 – железный стержень (проколка?) (Б/6-1); 3 – фрагмент костяного изделия (Б/1-1); 4 – шлак железный (?) (А/4-1); 5 – железный гвоздь (А/6-1); 6 – фрагмент железной пластинчатой скобы (А/1-1); 7 – шлак железный (?) (Б/2-1); 8 – выплеск цветного металла (Б/1-1); 9 – нож железный (А/4-2); 10 – прясло глиняное (А/5-2); 11 – прясло глиняное (А/3-2); 12 – кольцо железное (А/3-2); 13 – лошито (?) из окаменевшего дерева (Б/2-3, яма 1, выборка 1); 14 – нож железный (Б/1-7, яма 1, выборка 5); 15 – полоска медная, скрученная (Б/1-3, яма 1, выборка 1); 16 – нож железный (А, Б/1, 2-3, яма 1, выборка 1); 17 – фрагмент стержня железного (А/2 – отвал); 18 – нож железный (отвал).¶

Fig. 5. Individual finds of excavation XVI: 1 – fragment of iron anvil ("heel") (Б/2-1); 2 – iron rod (punch?) (Б/6-1); 3 – fragment of bone item (Б/1-1); 4 – iron slag (?) (А/4-1); 5 – iron nail (А/6-1); 6 – fragment of iron plate bracket (А/1-1); 7 – iron slag (?) (Б/2-1); 8 – splash of non-ferrous metal (Б/1-1); 9 – iron knife (А/4-2); 10 – clay spindle whorl (А/5-2); 11 – clay spindle whorl (А/3-2); 12 – iron ring (А/3-2); 13 – smoother (?), made of petrified wood (Б/2-3, pit 1, sampling 1); 14 – iron knife (Б/1-7, pit 1, sampling 5); 15 – copper strip, twisted (Б/1-3, pit 1, sampling 1); 16 – iron knife (А, Б/1, 2-3, pit 1, sampling 1); 17 – fragment of iron rod (А/2 - dump); 18 – iron knife (dump).3

той водохранилищем в конце 1980–1990-х годов, часть которой была изучена раскопами IV, VI, VII (Руденко, 2021, с. 69, 70). В целом находку данного стеклянного сосуда стоит

рассматривать в контексте других артефактов, найденных в этом секторе раскопанной части памятника. Это, в первую очередь, фрагменты восточной глазурованной керамики XI–XII

* В скобках указан номер участка – пласт.

Диаграмма 1

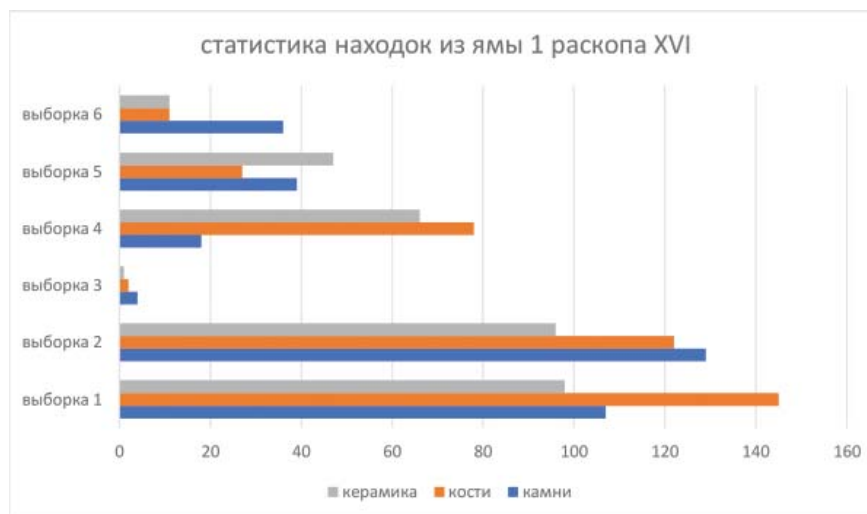

Таблица 1. Находки из заполнения ямы 1 раскопа XVI по выборкам
Table 1. Finds from the pit 1 filling of excavation XVI by samplings

Выборка	Глубина от «0» (см)	Камни	Кости	Керамика
1	–59–69	107	145	98
2	–70–92	129	122	96
3	–93–112	4	2	1
4	–113–132	18	78	66
5	–133–151	39	27	47
6	–152–173	36	11	11
Итого		333	385	319

вв. – семь фрагментов на раскопах VII, VIII, IX, XII и 12 фрагментов – в подъемном материале, а также часть стеклянной лампы (см. ниже) (Руденко, 2016, с. 1482–1486; 2021, с. 68, рис. 2: 17), свидетельствующих об активной торговле, которую вело население этого поселения. Находки предметов вооружения, как наступательного, так и защитного, следы пожара, в результате которого погибла большая часть выявленных построек, человеческие кости, обнаруженные в культурном слое почти на всех раскопах и в большинстве сооружений, как и яма с расчлененным скелетом взрослого мужчины (раскоп X/XII, яма 6), не оставляют сомнений в финале существования этой усадьбы (Руденко, 2000, л. 23, 24; 2002, л. 9–18; 2021, с. 67, 68).

Яма 1 была выявлена на участках А, Б/1–2 на уровне второго пласта (от –19 до –36 см)⁴ (рис. 4; Руденко, 2006, рис. 42, 43). Контуры ямы были четко зафиксированы на фоне погребенной почвы на глубине –60 см (рис. 6). Диаметр ее 2 м при глубине 1,73 м. В верхней части у ямы были вертикальные стенки,

ближе ко дну они чуть сужались. Дно сооружения чашевидное (рис. 7: 3). Изучение заполнения сооружения проводилась выборками по 10–20 см.

Объект в верхней части (выборка 1) (табл. 1) был заполнен рыхлым суглинистым пестроцветом, в котором встречены фрагменты керамики (рис. 8: 1–4) и расколотые кости животных (диаграмма 1). Керамика представлена кухонной (горшки) и столовой (кринки, блюда) посудой, бытовавшей в XII – начале XIII в. (Хлебникова, 1984, рис. 94: 13, 14; 106: 4; Руденко, 2006, рис. 72: 1–4). Здесь же найден сточенный железный нож с обломанным лезвием (рис. 5: 16).

Во второй выборке заполнение стало более рыхлым за счет светло-серой и серой супесей в южной части ямы. В основном в ней были найдены небольшие фрагменты керамики, среди которых части светильника и горшка с примесью шамота (рис. 8: 5, 6), имевших хождение в XI–XII вв., а также небольшой кружечки, датируемой XII в. (Хлебникова, 1984, рис. 93: 1, 8; Руденко, 2006, рис. 72: 5,

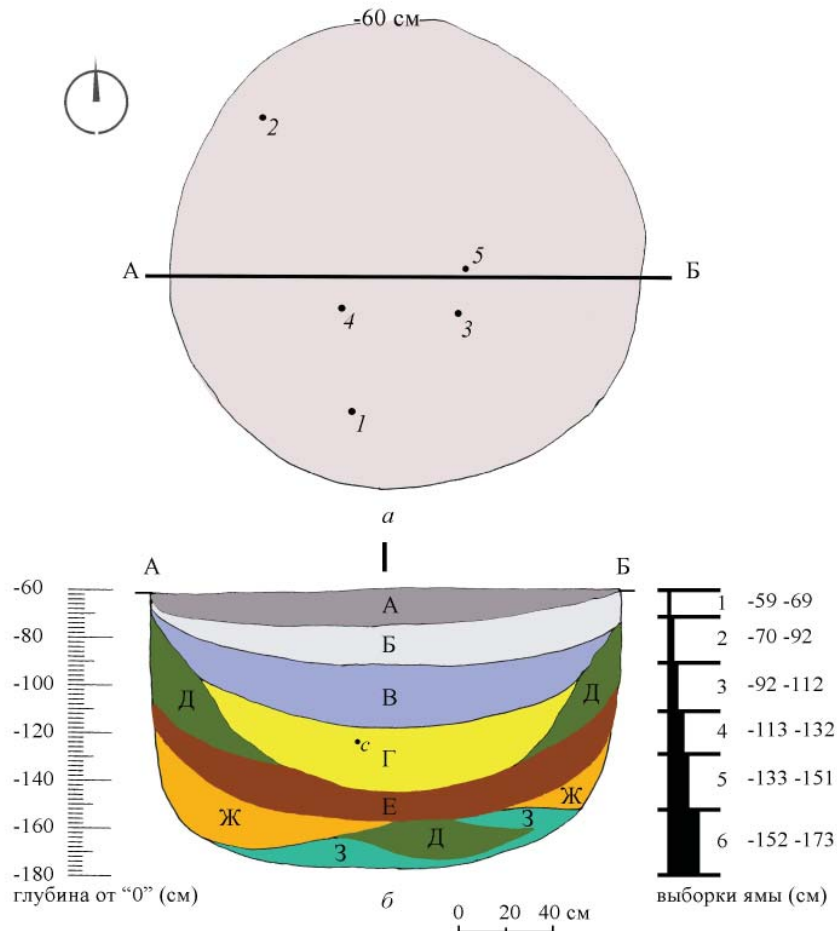

Рис. 6. Яма 1 раскопа XVI. План (а) и разрез (б). На плане: 1 – нож железный (выборка 1, –47 см); 2 – ложило (?) из окаменевшего дерева (выборка 1, –50 см); 3 – полоска медная, скрученная (выборка 1, –43 см); 4 – дно стеклянного сосуда (выборка 4, –122 см); 5 – нож железный (выборка 5, –147 см). На разрезе: с – фрагмент стеклянного сосуда; А – рыхлый суглинистый пестроцвет; Б – светло-серая и серая рыхлая супесь; В – рыхлый суглинистый пестроцвет; Г – суглинистый пестроцвет; Д – темно-серая плотная супесь; Е – темный суглинистый пестроцвет с включениями угля и золы; Ж – суглинок; З – суглинок с включениями пестроцветных линз. ¶

Fig. 6. Pit 1 of excavation XVI. Plan (a) and section (б). On the plan: 1 – iron knife (sampling 1, –47 cm); 2 – smoother (?), made of petrified wood (sampling 1, –50 cm); 3 – copper strip, twisted (sampling 1, –43 cm); 4 – the bottom of a glass vessel (sampling 4, –122 cm); 5 – iron knife (sampling 5, –147 cm). In section: с – a fragment of a glass vessel; А – friable loamy coloured clay; Б – light gray and gray friable sandy loam; В – friable loamy coloured clay; Г – loamy coloured clay; Д – dark gray dense sandy loam; Е – dark loamy coloured clay with coal- and ash- temper; Ж – loam; З – loam with inclusions of multicoloured lenses. ¶

б); индивидуальных находок на этом уровне не обнаружено. В следующей выборке заполнение котлована представляло собой суглинистый пестроцвет и темно-серую супесь без находок.

В четвертой выборке (глубина –113/132 см; рис. 7: 2) центральная часть котлована была заполнена суглинистым пестроцветом, в котором на глубине –122 см был найден фрагмент стеклянного сосуда (рис. 1). Вместе с ним здесь были обнаружены фрагменты

глиняной корчаги (рис. 7: 7) и ручка от еще одного светильника (рис. 8: 8). Корчаги этого типа датируются Т.А. Хлебниковой X–XI вв. (Хлебникова, 1962, с. 140, рис. 39; 1984, с. 149, рис. 60). По краю ямы на этом уровне отмечена полоса темного суглинистого пестроцвета (рис. 7: 2). Из последней субстанции с включением золы и угольков состояли пятая и шестая выборки. В центре объекта на глубине –147 см был найден железный нож (рис. 5: 14), а также мелкие фрагменты керамических

Рис. 7. Остолоповское селище: 1 – разрушение культурного слоя селища в 2005 г.;
2 – зачистка ямы 1 раскопа XVI после 4 выборки; 3 – яма 1 раскопа XVI после выборки.¶

Fig. 7. Ostolopovo settlement: 1 – destruction of the settlement cultural layer in 2005;
2 – cleaning of pit 1 of excavation XVI after 4th sampling; 3 – pit 1 of excavation XVI after sampling.

столовых сосудов (рис. 8: 9). В шестой выборке индивидуальные находки не зафиксированы, встречены лишь единичные небольшие фрагменты круговой столовой посуды (рис. 8: 10), бытовавшей преимущественно в XI в. (Хлебникова, 1984, рис. 57: 5; Руденко, 2006, рис. 72: 10).

Дневной уровень объекта приходится на верхний горизонт серой супеси – III поздний слой, датированный второй половиной XI – началом XII в. (Руденко, 2012, с. 140, табл. 1;

2017, с. 301). Исходя из стратиграфических данных и находок, обнаруженных в заполнении объекта, его постройка и функционирование приходится на вторую половину XI в., а вторичное использование – на начало XII в. Это подтверждают и керамические находки из культурного слоя, перекрывающего котлован ямы (2 пласт; рис. 9: 1–6). Это фрагменты кувшинов разных размеров (рис. 9: 1, 4), кухонного горшка с диаметром горловины 13,5–14 см (рис. 9: 3, 6), а также округлодон-

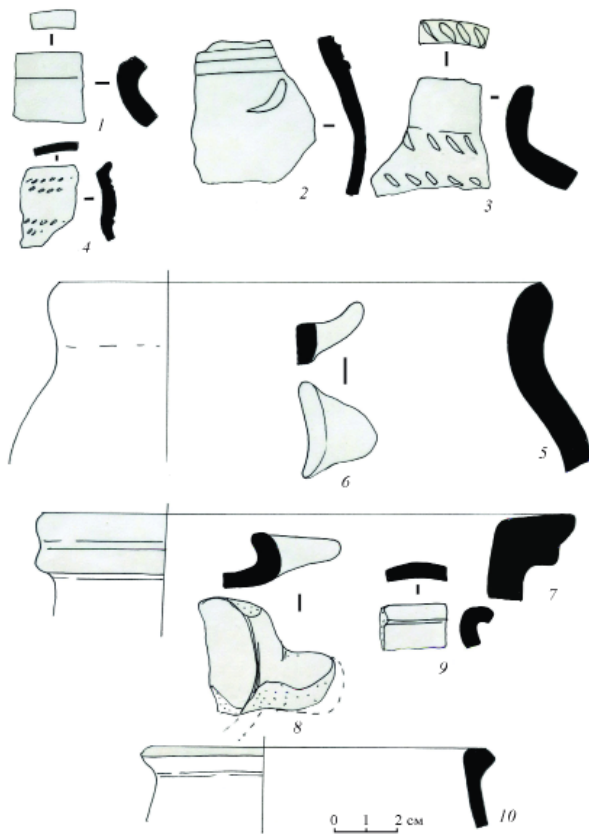

Рис. 8. Керамика из ямы 1 раскопа XVI: 1, 2, 5–10 – круговая; 3 – с шамотом; 4 – с толченой раковинной; 1 (№ 6663), 2 (№ 6645), 3 (№ 6618), 4 (№ 6617) – выборка 1; 5 (№ 5936), 6 (№ 5955) – выборка 2; 7 (№ 5534), 8 (№ 5573) – выборка 4; 9 (№ 5740) – выборка 5; 10 (№ 5066) – выборка 6.

Fig. 8. Ceramics from pit 1 of excavation XVI: 1, 2, 5–10 – wheel-made; 3 – with chamotte; 4 – with smashed shell; 1 (№ 6663), 2 (№ 6645), 3 (№ 6618), 4 (№ 6617) – sampling 1; 5 (no. 5936), 6 (No. 5955) – sampling 2; 7 (№ 5534), 8 (№ 5573) – sampling 4; 9 (No. 5740) – sampling 5; 10 (No. 5066) – sampling 6.

ходило естественное оплывание котлована и отложение в его нижней части осыпавшихся или отслаивающихся стенок – линзы суглинка и погребенной почвы (рис. 6, на профиле – Д, Ж) и смешанной суглинистой субстанции из глины и гумуса (рис. 6, на профиле – З) при попадании случайного мусора в виде, как правило, единичных фрагментов круговой посуды хорошего обжига (табл. 1) и такого же количества колотых костей вперемежку с угольками и золой. Об этом процессе накопления нижних отложений свидетельствует их характер – равномерное распределение грунта на дне и плавное «стекание» его от стенок к центру.

ных горшков ручной лепки с примесью толченой раковины и с веревочной орнаментацией (рис. 9: 2, 5). В целом этот керамический комплекс сложился в болгарских древностях в XII в. (Хлебникова, 1984, с. 176, рис. 92: 4, 7; 94: 2, 12). Встречающиеся в этом слое формы круговой посуды (рис. 9: 9) также бытовали в этот период (Хлебникова, 1984, с. 182, рис. 98: 1, 2).

Заполнение котлована ямы 1 проходило в несколько этапов (рис. 6). На первом этапе (выборки 5–6) после завершения использования ямы по прямому назначению проис-

Рис. 9. Керамика пласта 2 раскопа XVI: 1, 3, 4, 7–9 – круговая; 2, 5, 12 – с толченой раковинной; 6, 11 – с шамотом; 10 – тип джукетау; 1 (№ 6554), 2 (№ 6548), 3 (№ 6824), 4 (№ 6823), 5 (№ 5236), 6 (№ 5446) – находки над ямой 1; 7 (№ 7012), 8 (№ 7013), 9 (№ 7009а-в) – находки над ямой 2; 10 (№ 6437), 11 (№ 5853), 12 (№ 5854) – находки над ямой 3.

Fig. 9. Ceramics of stratum 2 of excavation XVI: 1, 3, 4, 7–9 – wheel-made; 2, 5, 12 – with crushed shell; 6, 11 – with chamotte; 10 – Juketau-type; 1 (№ 6554), 2 (№ 6548), 3 (№ 6824), 4 (№ 6823), 5 (№ 5236), 6 (№ 5446) – finds above pit 1; 7 (№ 7012), 8 (№ 7013), 9 (№ 7009а-в) – finds above pit 2; 10 (№ 6437), 11 (№ 5853), 12 (№ 5854) – finds above pit 3.

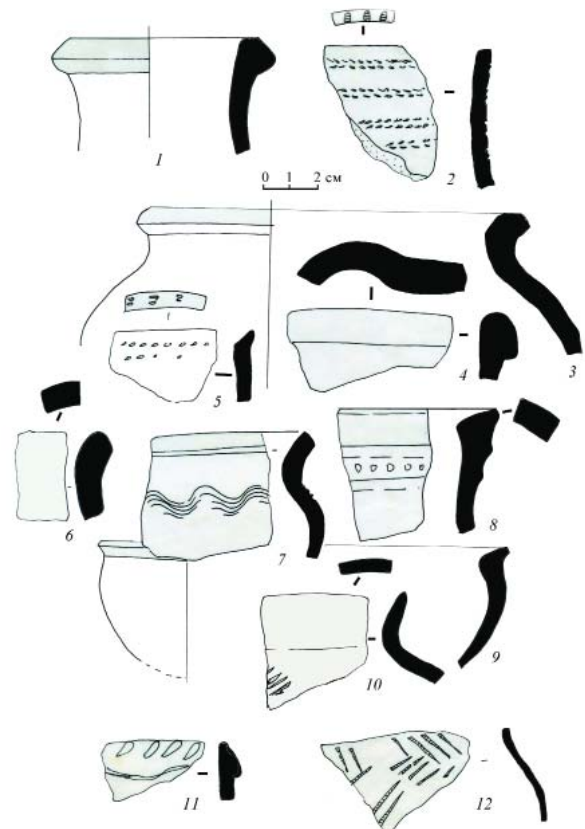

Таблица 2. Результат анализа химического состава стекла сосуда из Остолоповского селища
 Table 2. The result of the analysis of the chemical composition of the glass vessel from the Ostolopovo settlement

Шифр лаборат.	SiO ₂	Na ₂ O	K ₂ O	CaO	MgO	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	MnO	TiO ₂
787-57	base	18	1,4	12	6,0	3,4	1,4	1,6	0,3

На втором этапе (выборка 4) центральная часть котлована была заполнена мусорным сбросом из функционировавшей на тот момент усадьбы (диаграмма 1), в котором значительную долю, кроме пищевых остатков и хозяйственного мусора, составляли фрагменты гончарной посуды, в том числе и тарной, как хорошего, так и плохого обжига (табл. 1). Здесь же оказался и фрагмент рассматриваемого стеклянного сосуда (рис. 6). Отметим, что заполнение на этом уровне отложилось равномерно, без характерной для регулярных мусорных сбросов асимметрии, когда бытовые отходы тяготеют к одному из бортов котлована. Это позволяет предположить непродолжительный период формирования заполнения котлована на этом этапе.

На третьем этапе (выборка 3) котлован заполнялся грунтом из поверхностных отложений культурного слоя, обваливавшихся стенок, достаточно равномерно распределяясь по его площади. Это период запустения данной части поселения⁵.

На четвертом этапе (выборки 1–2) яма интенсивно засыпалась бытовым мусором и пищевыми отходами: фрагментами кухонной и столовой посуды (26%), расколотыми костями животных, мелкими известняковыми камнями (74%; табл. 1). Отметим, что керамика на этом уровне в основном гончарной выделки красно-оранжевого цвета, хорошего обжига (55%). Фрагментов посуды плохого качества бурого и коричневого цвета чуть меньше (45%). Лепная керамика (рис. 8: 3, 4) представлена единичными фрагментами.

Рассматриваемый сосуд найден в четвертой выборке ямы на глубине –122 см. Он оказался там в конце периода функционирования усадебного комплекса, относящегося к последней трети XI в. Отметим, что слой, в котором находился сосуд, был перекрыт грунтом, отложившимся в период запустения селища. Гибель усадьбы в конце XI – начале XII в. позволяет рассматривать эту дату как предел, позже которого сосуд не мог оказаться в котловане сооружения.

Для изучения химического состава стекла сосуда был применен метод оптико-эмиссионной (дуговой) спектрографии (далее – ОЭС) на кварцевом спектрографе ИСП-22 в лаборатории археологической технологии ИИМК РАН аналитиком А.Н. Егорьковым (табл. 2). Согласно методике анализа, разработанной В.А. Галибиным, стандартный вес образца, сжигаемого в кратере коксового электрода в дуге переменного тока, составляет 10 мг. Анализ сопровождается фотофиксацией спектра проб и эталонов, среди которых подобранные В.А. Галибиным и эталоны из Музея стекла в Корнинге. Точность ОЭС низка, и зачастую этот метод рассматривается как полуколичественный. По этой причине для концентраций ниже 1% приводится только одна значащая цифра, выше – две. Достижимая чувствительность по K₂O составляет около 1%, а предел обнаружения серебра – около 0,001%. Содержание SiO₂ не определяется. В том случае если сумма остальных компонентов не превышает 50%, оно является основой. В целом этот анализ дает среднюю относительную ошибку 10–15% (Галибин, 2001, с. 59; Egor'kov, 2022, р. 2, 3). Это один из первых аналитических методов для изучения археологических артефактов (Sayre, Smith, 1961). В прошлом столетии, начиная с первой трети, его наиболее часто применяли для изучения элементного состава стекла. В XXI в. в связи с внедрением современных высокочувствительных способов определения состава стекол применение этого метода отошло на второй план. Тем не менее исследователи продолжают обращаться к ОЭС, что не в последнюю очередь обусловлено доступностью и невысокой стоимостью данного анализа.

Стеклянный сосуд:

морфология и технология

У сосуда, найденного на Остолоповском поселении, утрачена верхняя часть (рис. 1). Сохранившаяся нижняя имеет четырехгранную форму, немного сужающуюся ко дну. Сосуд имел небольшие размеры (ширина граней тулова 2 см, размеры дна 1,85×1,75

см), но довольно толстые стенки (0,25 см) и дно (1,9 см). Изготовлен он при помощи выдувания, о чем свидетельствует находящийся на дне след от понтии диаметром 9 мм. Стекло в тонком слое прозрачное пурпурного цвета, но из-за толстых стенок кажется непрозрачным и почти черным. Снаружи тулово декорировано горизонтально наложенной нитью из белого непрозрачного стекла. Почти у самого дна фиксируется белая капля – место, с которого был начат наклад нити. Несколько нижних витков остались необработанными, верхние «расчесыванием» превращены в фестоны. Вероятно, тулово было обкатано и затем подвергнуто прессованию для придания граненой формы. Хотя, возможно, использование прессования избавило мастера от необходимости применять обкатку. Об этом говорит оставшаяся рельефной капля. Если бы наборку обкатывали, то она тоже стала бы плоской.

Группа изделий с обкатанными фестонами

Описанным выше способом украшали сосуды разных типов: бутылки и небольшие флаконы, бокалы, кубки и стаканы, чаши, изредка с крышками, емкости для розовой воды и сосуды с ручкой как у корзинки, банки и небольшие вазы, а также крупные бутылки с одной или двумя ручками (Джанполадян, 1974, с. 65, 68, № 78, 79, 113; Clairmont, 1977, p. 58, 59, pl. XI, 182–185; Jenkins, 1986, p. 37, 45; Carboni, 2001a, p. 294–301, 304, 305, 308–316, 318–320; 2001b, p. 136–145; Brosh, 2005, p. 186, 188, fig. 1, 3, 5; 2012, p. 415, 416, 422, 423, fig. 15.2, G37; 15.5, G69, 70; 2016, fig. 3; Достиев, 2011, с. 156, рис. XVIII; Boulogne, Hardy-Guilbert, 2012, p. 352, 353, fig. 4; Winter, 2012, p. 335, 336, fig. 4: 9–11; Spasić-Đurić, Jovanović, 2018, p. 59, fig. 9). Кроме сосудов такой же декор имели и другие изделия: фигурки птиц и животных (например, быка, барана или козы, черепахи и мыши из Музея Бенаки в Афинах), фишки для игры или шахматные фигуры, пряслица, изредка гирьки-экзагии и стеклянные шары, интерпретируемые для римского времени как флаконы для жидких или порошкообразных косметических продуктов (Clairmont, 1977, p. 136, 137, pl. XXXIV–XXXV, 498–503; Jenkins, 1986, p. 11, 52, 53; Carboni, 2001a, p. 302, 303, 306, 307, 317, 320; 2001b, p. 106; Spaer, 2001, pl. 41: 552–554; 48: 630; Altino..., 2010, p. 154; Brosh, 2016, p. 361, fig. 3). Таким же способом декорировали украшения: например, бусы разных форм (плоские круглые, ребристые,

Рис. 10. Стеклянный стакан с накладными нитями и фестонами. Египет или Сирия, VIII–XI вв. (по: Carboni, 2001b, p. 138).

Fig. 10. Glass with overlaid threads and festoons. Egypt or Syria, VIII–XI centuries (by Carboni, 2001b, p. 138).

округлые эллипсоидные и цилиндрические) из собрания Музея Израила в Иерусалиме (Spaer, 2001, pl. 14: 175–177; 15: 190, 192, 195; 32: 435), бусы цилиндрической формы из коллекции Музея Бенаки (Clairmont, 1977, p. 137, pl. XXXIV, 505, 506) или подвески такой же формы с длинным ушком из собраний Музея Метрополитен (Jenkins, 1986, p. 54, 55) и Музея Израила (Spaer, 2001, pl. 14, 178, 179). Помимо музейных предметов известно большое количество археологических находок бусин с таким декором, например, ребристые бусы из Двина (Джанполадян, 1974, с. 79, № 130) и Александрии Троадской (Schwarzer, 2009b, Taf. 4: 78), бусы разных форм (ребристые, цилиндрические, биконические) из Пергама (Schwarzer, 2009a, Taf. 4: 77–82). Украшенные подобным способом бусины самых разных форм (округлые шаровидные, эллипсоидные, цилиндрические, биконические, плоские круглые, ребристые) обнаруживаются и на территории Среднего Поволжья (Полубояринова, 1988, с. 158, рис. 82: 6, 9–11, 18, 20, 22, 23; Валиулина, 2005, рис. 29: 26, 28, 33, 37, 39, 40), и в бассейне Камы (Столярова, 2005, рис. 1: 9, 13–15, 21–28, 31, 32), и в целом по всей Восточной Европе (вплоть до

территории Моравии), в том числе и на древнерусских памятниках (Щапова, 1956, с. 177, табл. II: 13–16, 18; Сафарова, 1999, с. 98, рис. 1: 35, 36; Dekówna, 2007, p. 85–87, fig. 20–22; Markiewicz, 2007, fig. 4; Захаров, Кузина, 2008, с. 166, 167, 169, рис. 151–153, 156; Staššíková-Štukovská, Ungerma, 2009, s. 139, 146, obr. 1: 14; 5: 2, 6, 7; Журухина, 2015, с. 219, рис. 1: 27, 28; Dekówna, 2015, s. 171, рис. 3; 2018, p. 128, fig. 43: A1–3; Столярова, 2016, рис. 14: 8; 2018a, рис. 166: 1a; 2018b, с. 160, рис. 4: 35, 37, 38; 2019, с. 69, рис. 2: г5; Pankiewicz et al., 2017, s. 49–51, tab. 1; Зейфер и др., 2019, с. 147, рис. 24: 13; Dekówna, Purowski, 2019, s. 241, рис. 1: 24; Тодорова, 2022, с. 247, рис. 23.1: 23; Krukowska, 2022, fig. 25.4).

Вопросы терминологии

Все эти предметы легко выделяются по характерным мотивам декора и контрастному сочетанию цветов основы и декоративных элементов. Основа, зачастую кажущаяся черной, имеет пурпурный или темно-синий цвет, иногда зеленый или коричневый. Обычно ее украшает накладной и обкатанный декор чаще всего из белых, иногда красных, желтых или зеленых нитей. Нити накладывались на основу по спирали, а затем их растягивали с помощью острия в одну или в разные стороны. Такой прием обычно называют «расчесыванием». В результате создавались различные геометрические мотивы: аркады, фестоны, скобки, зигзаги, волны. Изредка нити оставляли «нерасчесанными» в виде параллельных линий. В результате произведенной обкатки декоративные элементы вдавливались в поверхность основы, становясь плоскими и неразличимыми на ощупь. Иногда их частично оставляли рельефными. Такой декор обычно покрывал всю поверхность изделия. В англоязычной литературе эту группу обычно называют стеклом с обкатанными нитями (*marvered trails*)⁶, реже – с «расчесанным узором» (*“combed patterns”*; Carboni, 2001a, p. 291; 2001b, p. 106).

В отечественной литературе единое название для нее отсутствует. Чаще всего, исходя из характерного декора в виде рядов фестонов, напоминающих оперенье птиц, такие предметы называют стеклом с декором в виде перьев птицы (Щапова, 1963, с. 117), или с перистым узором (Плохов, 2007, с. 174; Валиулина, 2015, с. 249), или с декором «птичье перо» (Голофаст, 2021, с. 109). Когда в результате «расчес-

ывания» нитей получались не фестоны и волны, а зигзаги, то такой узор получал название «елочный» (Полубояринова, 1988, с. 211). Однако все эти названия обозначают только часть декоративных элементов рассматриваемой группы, оставляя за пределами внимания другие виды декора, например, линейный орнамент, изделия с которым известны, хотя, возможно, и менее распространены (Lamm, 1929–1930, Taf. 29: 1, 5, 10; 30: 10, 22; 31: 4; 32: 3, 12; Carboni, 2001a, p. 308, 309, 318; 2001b, p. 140, 141, 145). Учитывать их важно еще и потому, что зачастую линии соседствуют на одном изделии с фестонами или зигзагами – мы видим это прежде всего на сосуде из Остолопова (рис. 1), или на стакане (рис. 10) и пузырьке из коллекции Национального музея Кувейта (Carboni, 2001a, p. 294, 295, 300; 2001b, p. 138), или на сосудах для розовой воды из раскопок в Еврейском квартале Старого города Иерусалима (Brosh, 2012, p. 404, 422, 423, fig. 15.5: 69; 2016, p. 363, 364, fig. 5: 17); несколько предметов с сочетанием этих разных мотивов опубликованы К.Й. Ламмом (Lamm, 1929–1930, Taf. 30: 2, 4, 6–8; 31: 5). В том случае если найденные в ходе археологических раскопок сохранившиеся фрагменты таких изделий будут представлять собой части, украшенные только наложенными параллельно нитями, это не позволит рассматривать их в одной группе с изделиями с «перистым» орнаментом. В качестве примера можно привести осколок сосуда, обнаруженный при проведении археологических наблюдений на территории Московского Кремля в 1994 г. Он пурпурного цвета и украшен белыми расположенными параллельно нитями (Столярова, 2016, с. 678, 679, № 932, рис. 16: 8).

Примечательно, что нити, украшающие этот осколок, остались выпуклыми, то есть не были обкатаны. Такая ситуация часто встречается именно на изделиях, украшенных и фестонами, и горизонтальными нитями. При этом фестоны обкатывали и делали плоскими, а нити оставляли выпуклыми, видимо накладывая их уже после обкатки. Это хорошо видно на уже упомянутых предметах из коллекции Национального музея Кувейта, особенно на стакане, где выпуклые горизонтальные нити лежат поверх плоских фестонов (рис. 10; Carboni, 2001a, p. 300). Такой же способ декорирования обкатанными фестонами

нами и рельефными нитями обнаружен на одном из вышеназванных сосудов для розовой воды XV в. из Иерусалима (Brosh, 2012, p. 404, 422, 423, fig. 15.5: 69). В тех же случаях, когда предметы украшались только нитями, их дополнительно выдували в ребристую форму, что позволяло решить вопрос формообразования и одновременно уплощить нити (Brosh, 2016, p. 358). Такие ребристые закрытые и полузакрытые чаши известны из раскопок в Еврейском квартале Старого города Иерусалима (Brosh, 2016, p. 361, 362, fig. 4: 4, 5), из коллекции Национального музея Кувейта (Carboni, 2001a, p. 308, 309, 318, cat. 82a, c; 3.65b, c, e) и Городского археологического музея в Падуе (Carboni, 2001b, p. 140, 141, cat. No 56), фрагменты нижних частей таких чаш опубликованы К.Й. Ламмом (Lamm, 1929–1930, Taf. 30: 22; 32: 12), а ребристые кубки хранятся в Музее искусств в Толедо (Carboni, 2001b, p. 145, cat. No 60). Однако кроме ребристых форм известны и округлые – это чаши с наложенными по спирали нитями, которые, по-видимому, не подвергались обкатке. Среди них фрагменты полузакрытой чаши из Национального музея Кувейта (Carboni, 2001a, p. 318, cat. 3.65a) и открытой чаши на короткой ножке из Музея коллекции Давида в Копенгагене (Carboni, 2001b, p. 141, cat. No 57). Декор из наложенных по спирали нитей имели и другие изделия округлой формы: например, найденные в Еврейском квартале Старого города Иерусалима бутылки (Brosh, 2016, p. 363, 364, fig. 5: 25), полузакрытые и открытая чаши, интерпретируемые как масляные лампы (Brosh, 2016, p. 361, 362, fig. 4: 1, 2, 7, 8, 10), крышки (Brosh, 2016, p. 361, 362, fig. 4: 9), конические полузакрытые бутылочки с ручкой как у корзинки и без таковой, используемые в качестве чернильниц или подвесных ламп или, возможно, для хранения святой земли (Brosh, 2016, p. 361–364, fig. 4: 12–14; 5: 29–34).

Рассмотренные предметы с линейным декором, зачастую не обработанным обкаткой, позволяют говорить о том, что предлагаемый для обозначения этой группы изделий в англоязычной литературе термин – *стекло с обкатанными нитями* – не охватывает (так же как и отечественные названия) всего разнообразия фиксируемых на них технологических приемов. Для объединения всех этих предметов можно предложить термин *стекло*

с накладным декором с дальнейшим уточнением, какие декоративные элементы (нити, полосы, крошка, глазки) использованы и какая вторичная обработка («расчесывание», обкатка) к ним была применена.

Проблема происхождения

Часть исследователей относит стеклянные предметы с накладным декором в виде линий и фестонов к византийскому производству, часть – к исламскому, а точнее к сирогипетскому. Например, авторы публикации фрагментов темно-синих и желтых сосудов с фестонами из Новогрудка (XII – середина XIII в.) придерживаются мнения об их производстве в Сирии (Гуревич и др., 1968, с. 6, табл. XII: 17, 20)⁷. Сирийскими или египетскими считает К.А. Лавыш фрагменты сосудов из темно-синего и пурпурного стекла с белыми полосами и фестонами (XIII в.) из Волковыска и Полоцка (Лавыш, 2015, с. 227, рис. X, XI). Импортом из мастерских Восточного Средиземноморья называет А.В. Плохов фрагменты сосудов из синего стекла с белым перистым узором, найденные на Рюриковом городище (Плохов, 2007, с. 174). Также с Сирией или Египтом связывают изготовление таких изделий многие зарубежные исследователи (Jenkins, 1986, p. 11, 37, 45; Carboni, 2001a, p. 290–321; 2001b, p. 106–109, 136–145). Причем преобладание находок из темно-синего стекла в Фустате и на Синае, а пурпурных в сирийском регионе, например в Хаме и других местах, позволило им выдвинуть гипотезу, что специализацией сирийских стеклоделов было пурпурное стекло, а египетских – темно-синее (Carboni, 2001a, p. 305; 2001b, p. 106).

Иную точку зрения высказывает Ю.Л. Щапова, оценивая фрагменты новгородских пурпурных и темно-синих чаш с накладными нитями и фестонами, датированные 1116–1134 гг., как византийские (Щапова, 1963, с. 117, 120, 122; 1998, с. 264–267, № 8–10, 12–15, рис. 45: 1–5)⁸. Также Р.М. Джанполадян считает византийским флакон из синего стекла с белым фестончатым декором, найденный в Двине вместе с византийскими монетами X–XI вв. (Джанполадян, 1974, с. 44, 45, 68, № 113)⁹. Косвенным доказательством распространения в Византии рассматриваемого вида декора служат украшенные накладными и обкатанными нитями и фестонами бутылки разных цветов, главным обра-

зом темно-синие и пурпурные, из коллекции Музея Бенаки (XI–XII вв.; Clairmont, 1977, p. 58, 59, pl. XI: 182), из Национального музея Кувейта (XII–XIII вв.; Carboni, 2001a, p. 312, 313), а также найденные в Которе в колодеце во время восстановительных работ в соборе св. Трифона (XII–XIII вв.; Križanac, 2012, p. 409, 411–413, fig. 5–8). Форма бутылок – цилиндрическая, слегка сужающаяся ко дну, с коротким горлом с узким отверстием – абсолютно идентична византийским темно-синим и пурпурным бутылкам с росписью золотом и эмалью с изображением животных, птиц или человеческих фигур, помещенных в медальоны, промежутки между которыми заполнены ковровым декором из растительных завитков¹⁰. Подобные бутылки и их фрагменты найдены в Коринфе (XI–XII вв.), Херсонесе (XI–XII вв.), Стамбуле (в районе Сарачане; XII – начало XIII в.), на Кипре (в Пафосе и Никосии; конец XII – первая четверть XIII в.), в Египте (в Фустате), в Италии (в Тарквинии), в Новгороде (до 953 г.), Новогрудке (XII – середина XIII в.). Такие же бутылки хранятся в Музее стекла в Корнинге и в Британском музее (Lamm, 1929–1930, Farbentaf. A: 9, 12; Джанполадян, 1961, с. 166, 168, 169, табл. 2, рис. 2; Щапова, 1963, с. 116, рис. 3: 9; 1998, с. 266, 269, рис. 45: 7, № 34–36, 38; Гуревич и др., 1968, с. 3, 4, 10, табл. II; Whitehouse, 1998, p. 5–7, fig. 2.1–2.5).

Авторы публикации комплекта сосудов с накладным и «расчесанным» декором середины – второй половины XII в. из Браничева (Сербия), не подвергая сомнению определение типа стекла как исламского ближневосточного, а точнее левантийского, признают возможность того, что мастерская по изготовлению подобных изделий могла располагаться и на территории Византийской империи (Spasić-Đurić, Jovanović, 2018, p. 169). Мнение о том, что техника нанесения подобного орнамента в XII–XIV вв. получила широкое распространение как в византийских, так и в сиро-египетских мастерских, высказывал А.В. Плохов (2007, с. 174). Однако на сегодняшний день устойчивые характеристики форм изделий, особенности технологии декорирования и прочие детали, позволяющие отличить исламские изделия с накладными нитями и фесто-нами от византийских, не установлены.

Стекланный сосуд:

тип, назначение, аналогии

Сосуд, найденный на селище Остолопово, по-видимому, представлял собой небольшую бутылочку или флакон для парфюмерно-косметических или лекарственных средств. Считается, что подобные емкости использовали для хранения краски для век (*kohl*), о чем свидетельствуют археологические находки (Carboni, 2001a, p. 305; 2001b, p. 139). В частности, в 1989 г. сосуд схожей формы с сохранившимся содержимым и лежащей рядом медной палочкой для нанесения состава был обнаружен на территории Южного Синая в Эт-Туре в слое XIV–XV вв. Проведенные анализы сохранившегося вещества позволили исследователям говорить о том, что во флаконе присутствовал галенит¹¹ (сульфид свинца; Satoh et al., 1994). С древнейших времен именно этот минерал чаще всего использовался на Востоке, в частности в Египте, в качестве краски для подведения глаз (Лукас, 1958, с. 149, 151; Dayagi-Mendels, 1993, p. 36; Satoh et al., 1994, p. 80). В зарубежной историографии такие сосуды получили наименование *kohl* по названию хранящего в них содержимого – краски для век.

Сосуды подобной формы относятся зарубежными исследователями к наиболее часто встречаемым на исламском Востоке, в том числе и при археологических раскопках, утилитарным емкостям (рис. 11; Carboni, 2001a, p. 292, 293, 305; 2001b, p. 106, 139; Brosh, 2012, p. 403, 415; 2016, p. 364). Например, они обнаружены на территории Египта (Фустат, Эт-Тур, Кузейр эль-Кадим (слои XIII–XIV вв.; один из сосудов с граненой нижней частью), Сирии (Хама), Ирака (Хир, Киш), Израиля (Иерусалим, XIV–XV вв.; один из них с граненой нижней частью), Йемена (эль-Шихр, XIV в.) (Whitcomb, 1983, p. 102, 103, fig. 2, cc, ee, mm – pp; Satoh et al., 1994, p. 77, 79, fig. 2, 3; Carboni, 2001a, p. 305; 2001b, p. 17, 18, fig. 3; Boulogne, Hardy-Guilbert, 2012, p. 351, 353, fig. 4; Brosh, 2012, p. 403, 415, 416, pl. 15.2, G35–37; 2016, p. 360, 363, 364, fig. 5, 15). Три флакона этого типа, все граненые, происходят из Двина (Джанполадян, 1974, с. 65, № 78, 79), ребристые обнаружены на городище Хульбук в Таджикистане (Якубов, 2011, с. 62, 76, рис. 18: 2, VII: 2).

По мнению ряда исследователей, сосуды такой формы производились непрерывно «с раннеисламского до средневековых периодов» (Carboni, 2001a, p. 292), т. е. с VII до XV

в.¹² Коллекции Национального музея Кувейта и Музея стекла в Корнинге содержат *kohl*-бутылки с накладным и «расчесанным» декором, относимые к VII–IX, XI–XIII вв. (Carboni, 2001a, p. 290, 298, 299, 301, 304, 305, 314, 316; 2001b, p. 106, 107, 136, 137, 139). Среди них есть и граненые формы VII–VIII и XI–XIII вв. (Carboni, 2001a, p. 304, 305, 314, 316; 2001b, p. 106, 107, 139). В Музее Бенаки в Афинах хранятся три *kohl*-флакона с аналогичным декором, датированные IX–XII вв. (Clairmont, 1977, p. 59, pl. XI, 183–185). Оттуда же происходит сосуд VIII–IX вв. аналогичной формы, но украшенный иначе – резным декором в виде горизонтальных полос и овальных фасеток; он вставлен в низкую цилиндрическую стеатитовую подставку с куфической надписью *Bism Allah baraka lisahib al-Mukhala*, что означает «во имя Господа, да пребудет благословение с владельцем *kohl*-бутылки» (Clairmont, 1977, p. 86, pl. XVIII, 280). Примечательно, что в надписи содержится название, используемое в арабском мире для подобных флаконов. Еще один сосуд этой же формы, но декорированный при помощи росписи люстром, датированный X в., находится в Музее Метрополитен (Jenkins, 1986, p. 23, fig. 21).

Несмотря на характерность формы *kohl*-сосудов для Востока исламского периода, у нее были предшественники и в более ранние времена. Речь идет о флаконах для хранения благовоний, ценных масел или мазей середины II – I тыс. до н. э. Они отличаются от исламских *kohl*-сосудов: чаще всего они округлые, хотя изредка отмечены граненые, как, например, уникальный алабастр из Нимруда¹³ (Barag, 1970, p. 156, fig. 47), некоторые имели заостренное дно и раздутое, овоидное тулово, некоторые, в их числе также алабастры, – выпуклое дно и цилиндрическое тулово, но принцип оставался прежним – невысокий узкий с коротким горлом сосуд, который нельзя поставить вертикально без соответствующей опоры. Производство подобных сосудов продолжалось и в римскую эпоху (Barag, 1970, p. 154–170, fig. 43, 44, 48–50, 69–71 etc.; Saldern, 1970, p. 226, 227, fig. 44–48; Nicholson, 1993, p. 55; Кунина, 1997, с. 50–55, 126, 225, 322, 323, рис. 2–11, 91, 199, кат. 354, 357; Vetri antichi..., 1998, p. 8, 21, 23, 34, fig. 113–123, 148, 224; Altino..., 2010, p. 41, fig. 155; Игнатиду, Антонарас, 2011, с. 52)¹⁴.

Химический состав стекла

Рис. 11. Стекланный флакон с накладными фестонами. Египет (?), XI–XII вв. (по: Carboni, 2001b, p. 139).

Fig. 11. Glass flask with applied festoons. Egypt (?), XI–XII centuries (by Carboni, 2001b, p. 139).

Результаты исследования химического состава стекла показали, что пурпурное стекло сосуда из Остолопова было окрашено окисью марганца (1,6%). Содержание натрия 18%, калия 1,4%, кальция 12%, магния 6%. Эти результаты позволяют отнести стекло к натриево-кальциево-кремнеземному ($\text{Na}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{SiO}_2$) химическому классу.

В стекле такого состава щелочной компонент, или флюс, мог происходить из двух природных источников: из минеральной соды или из золы растений пустынной или прибрежной зон, т. н. галофитов. До конца I тыс. н. э. эти рецепты сосуществовали: соду применяли в Египте и на территории Леванта, золу – во внутренних районах Ближнего и Переднего Востока; в Византии использовали оба рецепта (Ščarova, 1975, p. 47, 48; Щапова, 1983, с. 179, 180; 1998, с. 23, 39, 60, 63). Как считается, к X в. в традиционных стеколь-

ных центрах Восточного Средиземноморья и Египта производство содового стекла полностью прекратилось, а на смену ему пришли рецепты, основанные на использовании растительной золы (Brill, 2001, p. 27; Schibille, 2022, p. 19). В Византии производство содового стекла, по-видимому, сохранялось вплоть до начала XIII в. (Biron et al., 1996, p. 55; Bugoi et al., 2013, p. 2887; 2016, p. 1026, 1029; Dussubieux, 2017, p. 308–310; Столярова и др., 2022, с. 146).

Для разделения этих двух рецептов: стекол, сваренных на соде, и стекол, изготовленных на золе, – зарубежные исследователи исходят из точного содержания в пробе трех соединений: оксидов калия (K_2O), магния (MgO) и алюминия (Al_2O_3). Содовые стекла обычно содержат не более 1,5% K_2O и MgO ; Al_2O_3 обычно колеблется от 2,5 до 3,5%. Для золистых стекол содержание K_2O обычно выше 2,5%, MgO – не ниже 2,5% и может достигать 6–7%; содержания Al_2O_3 могут значительно варьироваться (Brill, 2001, p. 27, 28).

Используя это правило точно определить сырьевой источник щелочей для сосуда из Остолопова невозможно: содержание калия 1,4% казалось бы говорит о применении соды, однако этому противоречит высокое содержание оксида магния, составляющее 6%, указывающее на использование золы¹⁵. Возможно, дело в несовершенстве примененного метода. В связи с этим обратимся к анализам стекол, выполненным таким же, как и в нашем случае, методом (дуговая спектрография) и близким по времени к рассматриваемому сосуду. Речь идет об анализах раннеисламских стекол (VIII–X вв.), опубликованных Э.В. Сайром and Р.В. Смитом. У этих стекол среднее содержание калия (1,45%) и верхний предел содержания магния (6,5%) соответствуют полученному нами (Sayre, Smith, 1961, p. 1824, tab. 1).

Очевидно, что способ определения использованного сырья, опирающийся на точные цифры анализа¹⁶, может зайти в тупик, особенно в тех случаях, когда для исследования стекол используются полуколичественные аналитические методы, имеющие погрешности в определении некоторых соединений. В 1980-е годы – период активного применения оптико-эмиссионной спектрографии – Ю.Л. Щаповой была разработана методика определения источников стекольного сырья, карди-

нально отличающаяся от вышеназванных правил (Щапова, 1983, с. 30). Она опирается не на конкретные концентрации соединений, полученные в ходе проведения анализа состава, а на соотношение щелочных соединений (натрия и калия). Этот разработанный Ю.Л. Щаповой алгоритм позволяет получить однозначный ответ на вопрос об использованном сырье¹⁷.

Применим к результату анализа сосуда из Остолопова эту методику. Ее суть: если соотношение натрия и калия больше 13 ($Na_2O/K_2O > 13$), то была применена минеральная сода, если же оно больше 3 и меньше или равно 13 ($3 < Na_2O/K_2O \leq 13$), то была использована растительная зола. Произведем расчет соотношения содержаний натрия и калия, полученных в ходе анализа, и получим 12,9 ($18/1,4 = 12,86$). Учитывая все вышесказанное, можно предположить, что исследованное стекло было сварено с использованием золы растений-галофитов.

Именно к классу $Na_2O-CaO-SiO_2$ относятся все изученные исламские стекла (Brill, 2001, p. 41, 43, 44). Однако исследованные составы византийских стекол позволяют относить их к этому же классу. Среди тех и других известны стекла, сваренные с использованием золы галофитов. Таким образом, отличить византийские стекла от исламских по основным стеклообразующим практически невозможно. Например, анализ византийских стекол XI–XII вв., обнаруженных в результате раскопок 2009 и 2013 гг. в Стамбуле в западной части церкви Пантократора (мечеть Зейрек) и вокруг ее фундамента, показал, что содержание в них Na_2O , K_2O , CaO , MgO , Al_2O_3 , Fe_2O_3 аналогично некоторым из золистых стекол X–XI вв. из Тира, XI–XIII вв. из Банияса и XII–XIV вв. из Дамаска (Siu et al., 2019, p. 2640). Однако недавние исследования византийских браслетов конца X — начала XII в. из раскопок городища Хисн ат-Тинат на юго-востоке средиземноморского побережья Анатолии выявили, что отличия в составе исламских и византийских золистых стекол касаются главным образом следовых элементов, а также алюминия. В частности, в составе исследованных браслетов определено высокое содержание алюминия ($> 4\%$) и/или повышенное содержание бора (≥ 300 ppm, что соответствует 0,1% B_2O_3), а также лития и стронция (Swan et al., 2018, p. 223). По мнению исследовате-

лей, это свидетельствует о местном производстве стекла, поскольку в Западной Анатолии, к югу от Стамбула, находятся пески, характеризующиеся повышенным содержанием бора, что объясняется присутствием в них минералов турмалинового ряда. Высокое содержание алюминия также обусловлено используемым при варке стекла песком, берущим начало из незрелого гранита.

В связи с этим обратимся к результатам анализа сосудов с накладным и «расчесанным» декором, найденных в Браничево в Сербии (Rehren et al., 2018, p. 128, 137, 148). В составе пурпурных стекол обнаружено повышенное содержание бора (> 300 ppm). Возможно, этот факт указывает на их византийское происхождение. Кроме того, следует обратить внимание, что типы обнаруженной там посуды – крупные бутылки с двумя ручками и чаши на накладных кольцевых поддонах – не характерны для исламских изделий (ср. Carboni, 2001a, p. 308, 311, 318, 319; 2001b, p. 140, 141, 143, 144; Brosh, 2005, p. 186–189; 2016, p. 362, 363; 2017, p. 301–304).

Происхождение и хронология

Аналитический метод, использованный для изучения элементного состава стекла сосуда из Остолопова, не определяет микропримеси, а установленное содержание алюминия не превышает вышеназванный предел 4%. В связи с этим для определения происхождения сосуда следует сочетать исследование химического состава стекла с археологическими и типологическими данными. Ареал средневековых находок *kohl*-бутылок (см. выше) показывает, что этот тип сосудов не встречается на территории Византии¹⁸, а характерен для исламского мира в связи с традиционным использованием этого косметического средства на территории Ближнего и Среднего Востока с древнейших времен (Dayagi-Mendels, 1993, p. 36–58). Поэтому определение типа остолоповского сосуда как емкости для хранения краски для век указывает на его исламское происхождение. Преобладающие в Сирии находки пурпурных предметов с подобным декором позволяют нам предположительно отнести рассматриваемый флакон к продукции сирийских стеклоделов.

Д. Спасич-Дурич и С. Йованович собрали практически все опубликованные наход-

ки предметов с накладным и «расчесанным» декором на Востоке, в Европе и Африке. Судя по приведенным ими данным, подобные сосуды встречаются на этих территориях с IX по XV в., в основном с XII по XIV в. При этом периодом наиболее массового производства подобных изделий считаются XIII–XIV вв., относящиеся к эпохе мамлюкской династии (Brosh, 2012, p. 404; Spasić-Đurić, Jovanović, 2018, p. 163–166).

Ряд исследователей выделяет и более раннюю группу предметов этого типа, относящуюся к VII–VIII вв. По мнению С. Карбони, предметы этого времени выступают связующим звеном с изделиями позднеантичной эпохи (Carboni, 2001a, p. 292, 294–303). При этом следует обратить внимание на очевидную близость мотивов и технологии обкатанного декора исламских изделий восточным изделиям еще более древних эпох – бронзового и железного веков, классического и эллинистического периодов (Barag, 1970, fig. 1–10, 19, 21, 28–40, 42–59 etc.; Nicholson, 1993, p. 49, 53–55, 63, 66; Кунина, 1997, с. 49–61, 158, 159, рис. 1–19, 123, 124; Vetri antichi..., 1998, p. 3, 6, 8, 9, 18, 19, 21–23, fig. 41–47, 50, 113–150; Brosh, 2016, p. 358). Это позволяет говорить о том, что на Востоке подобная традиция украшения изделий уходит своими корнями в глубокую древность.

Важно отметить, что хронология исламских изделий с обкатанным декором имеет небольшой разрыв: период X–XI вв. практически ничем не заполнен. То единичное, что известно с территорий Израиля, Ирака и Судана, не имеет узких дат и, как правило, датируется периодом в три-четыре века: IX/X–XII, XI–XIV вв. (Spasić-Đurić, Jovanović, 2018, p. 163, 164). К более узкому периоду XI–XII вв. относятся образцы изделий с обкатанным декором из Северной (Алжир) и Западной (Мали) Африки (Spasić-Đurić, Jovanović, 2018, p. 164). Такую же датировку имеет сосуд из катакомбы Змейского могильника в Северной Осетии. Это сосуд с крышкой с туловом округлой биконической формы с горлом на четырех коротких ножках, выполненный из черного на вид стекла и украшенный белой нитью, наложенной по спирали (Меч и златник..., 2012, с. 155, № 390).

Группу предметов периода XI–XII вв. дополняет и рассматриваемый нами сосуд. Однако его датировка – конец XI – начало XII

в. – еще более узкая. Это позволяет считать данный сосуд самым ранним для территории Среднего Поволжья, где до его обнаружения изделия с накладным и обкатанным декором датировались исключительно золотоордынским периодом (40-е годы XIII – XV в.). В это время они являлись здесь частой находкой, что, вероятно, может объясняться массовым производством таких изделий в этот период на исламском Востоке. Например, подобные предметы известны в Болгарах, где они датируются XIV в., большое количество осколков сосудов с характерным перистым декором найдено на Царевском и Селитренном городищах, один фрагмент происходит с Хмелевского I селища в округе Укека (Полубояринова, 1988, с. 210, 211, рис. 94: 1–3; Валиулина, 2015, с. 249). Возможно, на сегодняшний день сосуд из Остолопова можно признать одним из самых ранних среди археологически датированных находок этой группы в Восточной Европе в целом. По-видимому, он может считаться таковым и для соседнего региона – Южной Европы, где при раскопках Малого града городского центра Браничево в Сербии был обнаружен комплекс из 16 сосудов с подобным декором, датированный серединой – второй половиной XII в., что позволило авторам на момент публикации отнести его к одной из наиболее ранних надежно датированных находок (Spasić-Đurić, Jovanović, 2018, p. 169).

Уникальность находки сосуда на селище

В домонгольский период (вторая половина XI — первая треть XIII в.) в городах Волжской Булгарии находки восточной стеклянной посуды носят массовый характер. Исламское стекло здесь представлено широким набором утилитарной столовой, парфюмерной или аптечной и алхимической посуды, а также ламп. Об этом говорят многочисленные находки этих предметов в таких болгарских городах, как Биляр, Сувар, Муромский городок. Посуда представлена украшенными накладными рельефными нитями стаканами, кубками на ножке, среди которых экземпляры с ободком в нижней части тулова, крупными флаконами с широким цилиндрическим туловом и горизонтально отогнутым венчиком, миниатюрные флакончики для благовоний и лекарств с коническими туловами и цилиндрическими горлами, а также кувшины, банки и чаши. И основа, и декор этих сосудов чаще

всего выполнены из зеленоватого или голубоватого стекла (Валиулина, 2015, с. 246, 255). И среди этого многообразия изделия с накладным, «расчесанным» и обкатанным декором представлены единственной находкой флакона из Остолопова.

С чем же связана редкость предметов с таким декором в Волжской Булгарии в домонгольское время по сравнению с золотоордынским периодом? Это можно объяснить тем, что почти весь импорт стеклянных изделий, главным образом сосудов, фиксируемый на этой территории в домонгольское время, предположительно, иранского происхождения (Валиулина, 2015, с. 246, 247). Так, например, на Остолоповском селище есть находка части сосуда, вероятно иранского производства, – это фрагмент ручки-петельки от стеклянной лампы, происходящей, по-видимому, из разрушенного сооружения той же усадьбы, что и яма с рассматриваемым фрагментом сосуда (Carboni, 2001a, p. 166, 167; 2001b, p. 20, fig. 5; Руденко, 2021, с. 68, 69, рис. 2: 17). Отметим, что лампы с такими ручками обнаружены на Билярском II селище, где датированы X–XI вв. (Беговатов, Полубояринова, 2014, с. 162), что согласуется с датировкой находки с Остолоповского селища. В Иране же изделия с накладными и обкатанными нитями и фестонами, по-видимому, не производились. В результате мы наблюдаем отсутствие изделий этого типа на болгарской территории, за исключением единичной на сегодняшний день находки из Остолопова, предположительно сирийского происхождения. Она могла попасть туда, возможно, с небольшой группой ближневосточного товара, например, найденных на поселении бусин (рис. 12) (Столярова, 2005, с. 59), немногочисленных в этот период в целом на всей территории Волжской Булгарии (Валиулина, 2015, с. 246). Продаваться такая продукция, по мнению исследователей, могла в крупных болгарских городах. Среди них выделяется Биляр как центр международной торговли, откуда чаще всего по территории Булгарии распространялись дорогие и ценные заграничные изделия (Руденко, 2008, с. 20; 2016, с. 1491; 2018, с. 474–480). Не исключено, что там работали и приезжие мастера (Руденко, 2019, с. 550).

После того, как Волжская Булгария была завоевана монголами и была включена в состав Улуса Джучи, направления импорта

Рис. 12. Стекланные бусы из Остолоповского селища в Татарстане: 1–3, 6 – подъемный материал; 4 – раскоп XVIII, уч. 7; 5 – раскоп XVIII, уч. 15.

Fig. 12. Glass beads from the Ostolopovo settlement in Tatarstan: 1–3, 6 – surface finds; 4 – excavation XVIII, site 7; 5 – excavation XVIII, site 15.

изменились. На эту территорию стали поступать стеклянные изделия из Сирии и Египта (Валиулина, 2015, с. 255), где активно развивалось производство стекла с обкатанным фестончатым декором, в том числе и сосудов для благовоний.

Возвращаясь к домонгольскому периоду, заметим, что в это время находки стеклянных сосудов на сельских памятниках в отличие от городских центров чрезвычайно редки. Однако, по мнению одного из авторов статьи, Остолоповское селище – это не рядовое сельское поселение. Прежде всего, здесь не обнаружено явных следов занятий сельским хозяйством, скотоводством и промыслами. На исследованных участках не выявлены признаки гончарного или металлургического производств. Вместе с тем среди находок имеются свидетельства занятий ювелирным делом, изготовлением или ремонтом предметов вооружения и конского снаряжения. Кроме того, встречено большое количество предметов иноземного производства, среди которых есть находки, несвойственные сельским памятникам, в том числе поливная керамика и металлическая подвеска восточного происхождения, фрагмент орнаментированного бронзового сосуда, вероятно иранского производства, ближневосточные стеклянные бусы, византийские браслет и перстень, изделия из янтаря, лазурита и сердолика, бусы из агата и сердолика, украшения из коралла. Даже предметы местного производства, обнаруженные на Остолоповском селище, связаны с внешней и внутренней торговлей. Среди них бронзовый грузик-пломба, железная гирька в бронзо-

вой оболочке, обломки железного коромысла весов и медных чашечек от них, клад свинцовых слитков конической формы, небольшие кусочки весового серебра, а также бронзовые монеты Бувейхидов (Руденко, 2012, с. 141).

Находка исламского стеклянного сосуда на Остолоповском поселении может быть объяснена особым типом памятника, носившего ярко выраженный торговый характер. Видимо, поселение входило в сеть узловых торговых центров и выполняло роль связующего звена между внутренними районами Волжской Булгарии и водной торговой магистралью – Камой, особенно во время весеннего паводка, когда условия для навигации по реке были сложны (Руденко, 2008, с. 23).

Таким образом, рассматриваемый сосуд относится к группе исламских изделий ближневосточного, возможно сирийского, производства. Оказавшись на территории Волжской Булгарии, он использовался как тара для косметических средств, возможно краски для век. Благодаря надежному археологическому контексту эту находку можно отнести к периоду конца XI – начала XII в., предшествовавшему этапу массового производства стеклянных изделий с подобным декором на территории исламского Востока. Среди известного на сегодняшний день небольшого количества хорошо датированных предметов, относящихся к домонгольскому времени, флакон из Остолопова можно считать наиболее ранним не только для территории Волжской Булгарии, но и в целом для Восточной Европы, а также для некоторых соседних регионов.

Примечания:

¹ Такая же атрибуция этой находки была высказана С.И. Валиулиной (2015, с. 249).

² В целом всю вскрытую в 1999–2005 гг. площадь этой западной части памятника следует рассматривать как единый раскоп. Отсчет глубин на всех раскопах велся от единого репера на селище.

³ Обоснование датирования слоев подробно изложено в специальной статье одного из авторов, и возвращаться к этому здесь нет необходимости (Руденко, 2017).

⁴ Глубины здесь и далее указаны от «0» раскопа, за который принят юго-восточный угол участка Б1 (рис. 4).

⁵ Согласно имеющимся данным в последней трети XI – первой половине XII в. селище несколько раз подверглось разгрому. Особенно сильным был набег, случившийся на рубеже XI–XII вв., в результате которого рассматриваемая усадьба полностью прекратила свое существование. К этому периоду относятся останки скелета человека в яме 6 раскопа X, с которым стыкуется раскоп XVI. Они были захоронены вскоре после разорения селища (Руденко, 2010, с. 202, 203, рис. 9, 10). Не позднее середины XII в. жизнь на поселении возобновилась, но в основном на северо-восточной, ранее незастроенной, части останца (Руденко, 2012, с. 135, 138; 2017, с. 301; 2021, с. 75).

⁶ Мы не можем согласиться с предложенным Л.А. Голофаст (2021, с. 108) термином *прокатанный* как эквивалентом английского *marvered*. Он образован от слова *прокатка*, подразумевающего движение стеклянной массы между двумя валками (Шапова, 1989, с. 85). Такой прием применяют в современном производстве для получения листового стекла (Ланцетти, Нестеренко, 1987, с. 263). Он не имеет отношения к обработке рассматриваемых предметов, выполненной с помощью одной неподвижной поверхности, то есть шестка – металлической или каменной плиты (*marver*). Прием *обкатки* согласно З.А. Львовой, предложившей этот термин в разработанной ею технологической классификации стеклянных изделий, заключается в обкатывании по неподвижной плоскости насаженного на инструмент изделия для придания ему формы или сглаживания поверхности. Термин *прокатка* в этой классификации отсутствует (Львова, 1979, с. 92–94, 99, рис. 1; 2: 18). Следует отметить, что в современном стеклоделии термин *обкатка* не используется, вместо него применяется термин *закатка* (Ланцетти, Нестеренко, 1987, с. 78, 79).

⁷ Технологию декорирования авторы не совсем верно называют росписью эмалью в горячем виде.

⁸ В этих публикациях технология декоративных элементов ошибочно названа росписью.

⁹ Р.М. Джанполадян ошибочно описывает технологию декора как роспись белой краской.

¹⁰ Аналогичную роспись золотом в виде птиц и завитков имеют некоторые из приведенных выше параллелей, украшенных накладным и «расчесанным» декором. Размещенная в промежутках между фестонами роспись служит дополнительным доказательством византийского происхождения этих бутылок (Carboni, 2001a. P. 312, 313; Križanac, 2012. P. 412. Fig. 7).

¹¹ Другое название – свинцовый блеск (см. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс] URL: <https://bse.slovaronline.com/9185-GALENIT>)

¹² Принятая в зарубежной литературе периодизация истории исламского стекла состоит из трех периодов: раннеисламский (VII–X вв.), раннесредневековый (XI – середина XIII вв.), позднесредневековый (середина XIII – XV вв.; см. Jenkins, 1986, p. 11, 29, 41).

¹³ Хранится в Иракском музее. Обстоятельства его находки неизвестны.

¹⁴ Следует отметить, что такая форма флакона – невысокий и узкий (от 10 до 15 см в высоту и 2–4 см в диаметре) оказалась настолько удобной, что фактически применяется до сих пор для хранения современных косметических средств – туши для ресниц, подводки для глаз, блеска для губ и т. д. Это тот самый случай, когда форма, придуманная однажды, оказывается настолько удобной, что живет долго и не требует замены.

¹⁵ Очень близкий состав показал осколок пурпурного сосуда с белыми фестонами, обнаруженный при раскопках в Тайницком саду Московского Кремля, датированный по археологическому контексту концом XIII в.: содержание магния в нем почти такое же, как и в стекле остолоповского сосуда – 6,2 %, а концентрация калия немного выше – 2 % (Столярова, 2016, с. 309, 683, табл. II, № ан. 823–33, № по кат. 943, рис. 16, 10).

¹⁶ На этот недостаток зарубежной методики интерпретации состава стекла также указывал В.А. Галибин (2001, с. 68).

¹⁷ Такой же способ определения принадлежности стекла к содовому или золистому, основанный на отношении натрия к калию, избрали А.Н. Егорьков и А.В. Плохов при изучении химического состава стекол Рюрикова городища (Егорьков, Плохов, 2019, с. 93, 94).

¹⁸ Исследователи отмечают отсутствие в Греции и Риме сосудов для краски для век также и в античную эпоху (Dayagi-Mendels, 1993, p. 58).

ЛИТЕРАТУРА

Беговатов Е.А., Полубояринова М.Д. Восточные стеклянные лампы из Поволжья // РА. 2014. № 1. С. 158–162.

Валиулина С.И. Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища). Казань: Казанский государственный университет, 2005. 280 с.

Валиулина С.И. Средневековое исламское стекло в Восточной Европе // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 236–261.

Галибин В.А. Состав стекла как археологический источник. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 216 с.

Голофаст Л.А. Несколько групп стеклянных сосудов из слоя пожара второй половины XIII в. в Херсонесе // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ). 2021. Вып. 26. С. 107–142.

Гуревич Ф.Д., Джанполадян Р.М., Малевская М.В. Восточное стекло в Древней Руси. Л.: Наука, 1968. 26 с.

Джанполадян Р.М. Два стеклянных сосуда из Новогрудка // ВВ. Т. 19. 1961. С. 166–171.

Джанполадян Р.М. Средневековое стекло Двина IX–XIII вв. Ереван: АН АрмССР, 1974. 76 с.

Достиев Т. Азербайджан // Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана. Т. 2. Стекло / Науч. ред. К. Байпаков, Ш. Пидаев, А. Хахимов. Самарканд; Ташкент: МИЦАИ, 2011. С. 161–175.

Егорьков А.Н., Плохов А.В. Химический состав раннесредневековых стеклянных изделий Рюрикова городища // Земля наша велика и обильна: сборник статей, посвященный 90-летию А.Н. Кирпичникова / Отв. ред. С. В. Белецкий. СПб.: Невская Типография, 2019. С. 91–98.

Журухина Е.Ю. Украшения из стекла: тенденции и проблемы исследования находок Киевского Подола // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 218–222.

Захаров С.Д., Кузина И.Н. Вещевой материал Мининского археологического комплекса. Изделия из стекла и каменные бусы // Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 томах / Отв. ред.. Т. 2. Материальная культура и хронология. М.: Наука, 2008. С. 142–215.

Зейфер В.А. Мазурок О.И., Леонтьев А.Е., Столярова Е.К., Сапрыкина И.А. К вопросу об усадебной застройке Переславля-Залесского (Переяславля) XIII–XV вв. (по материалам исследований 2016 года) // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 15 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2019. С. 132–149.

Игнатиаду Д., Антонарас А. Речник античног и средњовековног стакларства. Терминологија, технологија, типологија. Краљево: Завод за заштиту споменика културе, 2011. 135 с.

Кунина Н.З. Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб: Арс, 1997. 360 с.

Лавыш К.А. Находки восточного и византийского стекла на территории Беларуси: новые факты и интерпретации // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 225–235.

Ланцетти А.Г., Нестеренко М.Л. Изготовление художественного стекла. М.: Высшая школа, 1987. 304 с.

Лукас А. Материалы и ремесленные производства Древнего Египта / Пер. с англ. Б.Н. Савченко, общая ред. и вступ. статья проф. В.И. Авдиева. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 745 с.

Львова З.А. Технологическая классификация изделий из стекла // Исследования по археологии Евразии / АСГЭ. Вып. 20 / Ред. Б.Б. Пиотровский. Л.: Искусство, 1979. С. 90–103.

Меч и Златник: К 1150-летию зарождение Древнерусского государства: каталог выставки / Науч. ред.: Д.В. Журавлев, В.В. Мурашева. М.: Кучково поле, 2012. 320 с.

Плохов А.В. Средневековая стеклянная посуда Новгородского (Рюрикова) городища // У истоков русской государственности: сб. материалов междунауч. конф. (Великий Новгород, 4–7 октября 2005 г.) / Отв. ред. Е.Н. Носов. Saint Petersburg: Дмитрий Буланин, 2007. С. 167–175.

Полубояринова М.Д. Стеклянные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 151–219.

Руденко К.А. Отчет о раскопках Остолоповского селища в Алексеевском районе Татарстана в 1999 году. Казань, 2000 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 24185.

Руденко К.А. Отчет о раскопках Остолоповского селища в Алексеевском районе Татарстана в 2001 году. Казань, 2002 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 25467.

Руденко К.А. Отчет о раскопках Остолоповского селища в Алексеевском районе Татарстана в 2005 г. Казань, 2006 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 31313.

Руденко К.А. К вопросу о торговле на Нижней Каме в XI–XII вв. (по материалам Остолоповского селища) // Камский торговый путь. Материалы всероссийской научно-практической конференции (Елабуга, 26–27 апреля 2007) / Ред. А.М. Калимуллин и др. Елабуга: ЕГПУ, 2008. С. 23–30.

Руденко К.А. О необычных захоронениях на Остолоповском селище X–XII вв. в Татарстане // Русь и Восток в IX–XVI веках: новые археологические исследования / Отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М.: Наука, 2010. С. 202–224.

Руденко К.А. О некоторых итогах исследования Остолоповского селища в Алексеевском районе Республики Татарстан // Поволжская археология. 2012. № 2. С. 123–147.

Руденко К.А. Волжская Булгария и Восток в XI–XII вв. (по материалам раскопок Остолоповского селища в устье реки Шенталы Алексеевского района Республики Татарстан) // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки 2016. Т. 158. Кн. 6. С. 1480–1494.

Руденко К.А. Стратиграфия Остолоповского селища XI–XII вв. в Алексеевском районе Татарстана // Археология Евразийских степей. 2017. № 1. С. 296–319.

Руденко К.А. О связях Волжской Булгарии и Булгарского улуса Золотой Орды с Ираном в X–XIV вв. (по археологическим материалам) // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6. № 3. С. 472–488.

Руденко К.А. О связях Среднего Поволжья с Центральной Азией в XI–XIV вв. (по археологическим материалам) // Маргулановские чтения – 2019. Материалы международной археологической научно-практической конференции / Ред. Б.А. Байтанаев, М.К. Хабдулина. Нур-Султан: НИИ археологии им. К.А. Акишева, 2019. С. 548–560.

Руденко К.А. К вопросу о датировке Остолоповского селища в Татарстане // Археология Евразийских степей. 2021. № 3. С. 65–79.

Сафарова И.А. Стекланные бусы древней Твери (XI–XIV вв.) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 3 / Отв. ред. А.Н. Хохлов. Тверь: ТНИИР-центр, 1999. С. 94–106.

Столярова Е.К. Стекланные украшения болгарских селищ низовий Камы // Древности Поволжья: эпоха средневековья. (Исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды) / Под ред. К.А. Руденко. Казань: Школа, 2005. С. 43–66.

Столярова Е.К. Стекланный сосуд из раскопок Остолоповского селища // Материалы Лихачевских чтений (3–5 апреля 2008). Казань: Экспресс-формат, 2008. С. 272–277.

Столярова Е.К. Стекло средневековой Москвы: XII–XIV вв. М.: РГГУ, 2016. 692 с.

Столярова Е.К. Предметы из стекла // Энговатова А.В., Коваль В.Ю., Зоц Е.П., Столярова Е.К., Сарачева Т.Г. Мякининские курганы. Мякининский археологический комплекс в Подмосковье / Материалы спасательных археологических исследований. Вып. 21. М.: ИА РАН, 2018а. С. 60–75.

Столярова Е.К. Стекланные украшения средневекового сельского населения Подмосковья (по материалам Мякининского археологического комплекса) // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 14 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2018б. С. 158–165.

Столярова Е.К. Предметы из стекла курганного могильника Новоселки 2 (Московская область) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 15. М.: ИА РАН, 2019. С. 66–77.

Столярова Е.К., Зайцева И.Е., Мухина Т.Ф., Коваленко Е.С., Подурец К.М., Мурашев М.М., Трунькин И.Н., Ващенко Е.С., Волков П.А., Ретивов В.М., Исмагулов А.М., Куликов А.Г., Терещенко Е.Ю., Яцишина Е.Б. Древнерусский колт с эмалями из Владимира: результаты комплексного аналитического исследования // Междисциплинарные исследования объектов культурного наследия естественно-научными методами. Материалы всероссийской научной конференции (Симферополь, 5–7 октября 2022) / Отв. ред. Э.А. Хайрединова, Е.Б. Яцишина. Симферополь: Антиква, 2022. С. 143–148.

Тодорова А.А. Бусы Шестовицкого поселения (по материалам раскопок 1998–2003 годов) // Поиск длиною в жизнь: к 90-летию Юлии Леонидовны Щаповой / Отв. ред. и сост. Е.К. Столярова. М.: ИНФРА-М, 2022. С. 246–255.

Хлебникова Т.А. Гончарное производство волжских болгар X – начала XIII в. // Труды Куйбышевской экспедиции. Т. IV / МИА. № 111 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1962. С. 93–152

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 240 с.

Щапова Ю.Л. Стекланные бусы древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 55 / Отв. ред. А.В. Арциховский и Б.А. Колчин. М.: АН СССР, 1956. С. 164–179.

Щапова Ю.Л. Стекланные изделия древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. III / МИА. № 117 / Ред. А.В. Арциховский, Б.А. Колчин. М.: АН СССР, 1963. С. 105–163.

Щапова Ю.Л. Очерки истории древнего стеклоделия (по материалам долины Нила, Ближнего Востока и Европы). М.: МГУ, 1983. 200 с.

Щапова Ю.Л. Древнее стекло: морфология, технология, химический состав. М.: МГУ, 1989. 120 с.

Щапова Ю.Л. Византийское стекло. Очерки истории. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 288 с.

Якубов Ю. Таджикистан // Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана. Т. 2. Стекло / Науч. ред. К. Байпаков, Ш. Пидаев, А. Хахимов. Самарканд; Ташкент: МИЦАИ, 2011. С. 65–80.

Altino. Glass of the Venetian Lagoon / Eds. R. Barovier Mentasti, M. Tirelli. Treviso: Vianello Libri, 2010. 167 p.

Barag D. Mesopotamian Core-Formed Glass Vessels (1500–500 B.C.) // Oppenheim A.L., Brill R.H., Barag D., Saldern A. von. Glass and Glassmaking in Ancient Mesopotamia. An Edition of the Cuneiform Texts which Contain Instructions for Glassmakers with a Catalogue of Surviving Objects. Corning: The Corning Museum of Glass, 1970. P. 131–201.

Biron I., Dandridge P., Wypyski M.T., Vandevyver M. Techniques and Materials in Limoges Enamels // Enamels of Limoges 1100–1350. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1996. P. 48–62.

Boulogne S., Hardy-Guilbert C. Le Verre Décoré issu des Fouilles du Site d'al-Shihr au Yémen // Annales du 18e Congrès de Association Internationale pour l'Histoire du Verre. Thessaloniki: Association Internationale pour l'Histoire du Verre, 2012. P. 351–356.

Brill R.H. Some Thoughts on the Chemistry and Technology of Islamic Glass // Carboni S. and Whitehouse D. Glass of the Sultans. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2001. P. 25–45.

Brosh N. Islamic Glass Finds of the Thirteenth to Fifteenth Century from Jerusalem – Preliminary Report // Annales du 16e Congrès de Association Internationale pour l'Histoire du Verre. Nottingham: Association Internationale pour l'Histoire du Verre, 2005. P. 186–190.

Brosh N. Glass Objects from the Cardo and the Nea Church // Gutfeld O. Jewish Quarter Excavations in the Old City of Jerusalem, Conducted by Nahman Avigad, 1969–1982. Vol. 5. The Cardo (Area X) and the Nea Church (Areas D and T). Final Report. Jerusalem: The Israel Exploration Society, 2012. P. 400–425.

Brosh N. Mamluk Glass Workshops in Jerusalem – Marvered Glass // Proceedings of the 9th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East (June 9–13, 2014, University of Basel). Vol. 2 / Ed. by S. Bickel et al. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2016. P. 357–368.

Brosh N. Reexamination of a Mamluk Glass Collection from Jerusalem // Annales du 20e Congrès de Association Internationale pour l'Histoire du Verre. Romont: Verlag Marie Leidorf, 2017. P. 300–306.

Bugoi R., Poll I., Mănuclu-Adameşteanu Gh., Calligaro T., Pichon L., Pacheco C. PIXE-PIGE Analyses of Byzantine Glass Bracelets (10th–13th centuries AD) from Isaccea, Romania // Journal of Radioanalytical and Nuclear Chemistry. Vol. 307. 2016. P. 1021–1036.

Bugoi R., Poll I., Mănuclu-Adameşteanu Gh., Neelmeijer C., Eder F. Investigation of Byzantine Glass Bracelets from Nufăru, Romania Using External PIXE-PIGE Methods // Journal of Archaeological Science. Vol. 40. 2013. P. 2881–2891.

Carboni S. Glass from Islamic Lands. New York: Thames & Hudson, 2001a. 416 p.

Carboni S. Hot-worked Glass // Carboni S. and Whitehouse D. Glass of the Sultans. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2001b. P. 101–145.

Clairmont C.W. Benaki Museum. Catalogue of Ancient and Islamic Glass. Athens, 1977. 166 p., 35 pl.

Dayagi-Mendels M. Perfumes and Cosmetics in the Ancient World. Jerusalem: The Israel Museum, 1993. 139 p.

Dekówna M. Early Medieval Glass Ornaments in the Collection of the State Archaeological Museum, against the General Background of the Development of Glassmaking // Treasures of the Middle Ages. Catalogue of the exhibition edited by Wojciech Brzeziński. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie, 2007. P. 52–87.

Dekówna M. Dwa przedmioty szklane z wczesnośredniowiecznego grodziska w Chodliku, pow. Opole Lubelskie, woj. lubelskie // „Myśl badawcza Aleksandra Gardawskiego” / Red. H. Taras. Lublin: UMCS, 2015. S. 163–181.

Dekówna M. Bead Variety of Dark Glass Decorated with Glass Thread. Problems of Origin and Chronology // The Historical Glass. A Multidisciplinary Approach to Historical Glass. III / Zost. D. Staššiková-Štukovská. Bratislava: Slovenská archeologická spoločnosť pri SAV, 2018. P. 127–144.

Dekówna M., Purowski T. Biżuteria szklana z cmentarzyska w Dziekanowicach // Groby z biżuterią wczesnośredniowiecznego cmentarzyska w Dziekanowicach. T. 1 / Red. Ja. Wrzesiński. Lednica: Muzeum Pierwszych Piastów na Lednicy i autorzy, 2019. P. 237–360. (Biblioteka studiów lednickich. T. 39. Ser. B1. Fontes. T. 8: 1).

Dussubieux L. Mamluk Glass from Quseir Al-Qadim: Chemical Analysis of Some Glass Fragments // Annales du 20e Congrès de Association Internationale pour l’Histoire du Verre. Romont: Verlag Marie Leidorf, 2017. P. 307–312.

Egor’kov A.N. On Cobalt in the Old Russian Lead Glass // Recent Trends in Chemical and Material Sciences. Vol. 8. 2022. P. 1–7.

Jenkins M. Islamic Glass. A Brief History. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1986. 56 p. (The Metropolitan Museum of Art Bulletin. Vol. 44. No 2. 1986/Fall).

Križanac M. Scent bottles from Kotor, Montenegro // Annales du 18e Congrès de Association Internationale pour l’Histoire du Verre. Thessaloniki: Association Internationale pour l’Histoire du Verre, 2012. P. 409–413.

Krukowska O. Glass Beads: Their Function and Meaning in Early Medieval Society // Поиск длиною в жизнь: к 90-летию Юлии Леонидовны Щаповой / Отв. ред. и сост. Е.К. Столярова. М.: ИНФРА-М, 2022. С. 267–275

Lamm C.J. Mittelalterliche Glaser und Steinschnittarbeiten aus dem Nahen Osten. Bd. 1, 2. Berlin: Dietrich Reimer, 1929–1930. 566 p. (Forschungen zur islamischen Kunst. Bd. 5 / Ed. F. Sarre).

Markiewicz M. Aesthetic Qualities of Glass Jewellery Found in Early Medieval Cemeteries of the Chełmno-Dobrzyń zone // Archeologia Polona. Vol. 45. 2007. P. 117–126.

Nicholson P.T. Egyptian Faience and Glass. Princes Risborough: Shire publications Ltd., 1993. 80 p.

Pankiewicz A., Siemianowska S., Sadowski K. Wczesnośredniowieczna biżuteria szklana z głównych ośrodków grodowych Śląska (Wrocław, Opole, Niemcza) / In pago Silensi. Wrocławskie Studia. Wczesnośredniowieczne 3. Wrocław: Uniwersytet Wrocławski, 2017. 364 p.

Rehren T., Cholakova A., Jovanović S. Composition and Texture of a Set of Marvered Glass Vessels from 12th century AD Braničevo, Serbia // Starinar, Vol. 68. 2018. P. 125–149.

Saldern A. von. Other Mesopotamian Glass Vessels (1500–600 B.C.) // Oppenheim A.L., Brill R.H., Barag D., Saldern A. von. Glass and Glassmaking in Ancient Mesopotamia. An Edition of the Cuneiform Texts which Contain Instructions for Glassmakers with a Catalogue of Surviving Objects. Corning: The Corning Museum of Glass, 1970. P. 203–228.

Satoh E., Yamada K., Hirasawa K., Takyu T., Akai Yo., Takeshita Ya., Shindo Yo., Kawatoko M. Analysis of the Contents of a Glass Kohl Bottle Excavated from al-Tūr, Archaeological Site in South Sinai, Egypt // Proceedings of the Japan Academy. Vol. 70. Ser. B. No 6. 1994. P. 77–80.

Sayre E.V., Smith R.W. Compositional Categories of Ancient Glass // Science. Vol. 133. No 3467. 1961. P. 1824–1826.

Šćapova Ju.L. Le verre byzantin du Ve–XIIe siècles (aspect chimico-technologique du problème) // Средньовековно стакло на Балкану (V–XV век). Зборник радова са међународног саветовања (Београд, 22.–24. априла 1974.) / Балканолошки институт Српска академија наук и уметности. Посебна издања. Књ. 3 / Уред. В. Чубриловић. Београд: Слободан Јовић, 1975. P. 33–48.

Schibille N. Islamic Glass in the Making: Chronological and Geographical Dimensions / Ed. P. Degryse / Studies in Archaeological Sciences. Vol. 7. Leuven: Leuven University Press, 2022. 261 p.

Schwarzer H. Spätantike, byzantinische und islamische Glasfunde aus Pergamon // Late Antique/Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean / Ed. by E. Laffi. Izmir, 2009a. P. 85–109.

Schwarzer H. Spätantike und byzantinische Glasfunde aus Alexandria Troas // Late Antique/Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean / Ed. by E. Laffi. Izmir, 2009b. P. 67–84.

Siu I., Henderson J., Canav-Özgümüş Ü., Tindle A.G. An archaeological and chemical investigation of 11th–12th centuries AD glasses from Zeyrek Camii (the Pantokrator church) in Byzantine Constantinople // *Archaeological and Anthropological Sciences*. Vol. 11. 2019. P. 2637–2647.

Spaer M. Ancient Glass in the Israel Museum. Beads and Other Small Objects. Jerusalem: The Israel Museum, 2001. 384 p.

Spasić-Đurić D., Jovanović S. A 12th Century Set of Marvered Purple Glass Vessels from Braničevo (Serbia) // *Starinar*. Vol. 68. 2018. P. 151–173.

Staščíková-Štukovská D., Ungerman Š. Sklené koráliky z včasnostredovekého pohrebiska v Dolných Věstoniciach // *Archeologie doby hradištní v České a Slovenské republice. Sborník příspěvků přednesených na pracovním setkání Archeologie doby hradištní ve dnech 24.–26.4.2006 / Archaeologia Mediaevalis Moravica et Silesiana. Supplementum 2 / Ed. P. Dresler, Z. Měřínský. Brno: Masarykova Univerzita, 2009. P. 136–149.*

Swan C.M., Rehren Th., Dussubieux L., Eger A.A. High-Boron and High-Alumina Middle Byzantine (10th–12th Century CE) Glass Bracelets: A Western Anatolian Glass Industry // *Archaeometry*. Vol. 60. Issue 2. 2018. P. 207–232.

Usmanov B.M., Gainullin I., Gafurov A.M., Rudenko K.A., Ivanov M.A. Using multitemporal remote sensing data for evaluation of the Kuibyshev reservoir bank transformation (Laishevo and Ostolopovo archaeological sites, Tatarstan, Russia) // *Proceedings of Spie*. 2021. Vol. 11863. Earth Resources and Environmental Remote Sensing / GIS Applications XII. 118630D. P. 1–11

Vetri antichi. Arte e tecnica. Mostra (Museo Civico Archeologico di Bologna. 27 ottobre 1998 – 27 giugno 1999). Catalogo / A cura di G. Meconcelli Notarianni, D. Ferrari. Bologna: Futura, 1998. 48 p.

Whitcomb D.S. Islamic Glass from Quseir Al-Qadim, Egypt // *Journal of Glass Studies*. Vol. 25. 1983. P. 101–108.

Whitehouse D. Byzantine gilded glass // *Gilded and enameled glass from the Middle East / Ed. R. Ward. London: British Museum, 1998. P. 4–7.*

Winter T. Glass Vessels from Excavations at the Church of the Holy Sepulchre in Jerusalem // *Annales du 18e Congrès de Association Internationale pour l’Histoire du Verre. Thessaloniki: Association Internationale pour l’Histoire du Verre, 2012. P. 333–340.*

Информация об авторах:

Столярова Екатерина Карленовна, кандидат исторических наук, доцент, ст. преподаватель, исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия); kath.stoliarova@gmail.com

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный институт культуры (г. Казань, Россия); murziha@mail.ru

REFERENCES

Begovatov, E. A., Poluboiarinova, M. D. 2014. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 158–162 (in Russian).

Valiulina, S. I. 2005. *Steklo Volzhskoi Bulgarii (po materialam Biliarskogo gorodishcha) (Glass of Volga Bulgaria: by materials of the Bilyar Fortified Settlement)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).

Valiulina, S. I. 2015. In Gaydukov, P. G. (ed.). *Steklo Vostochnoy Evropy s drevnosti do nachala XX veka (East European Glass from Antiquity to the Early 20th Century)*. Saint Petersburg: “Nestor-Istoriia” Publ., 236–261 (in Russian).

Galibin, V. A. 2021. *Sostav stekla kak arkheologicheskii istochnik (Glass Composition as an Archaeological Source)*. Saint Petersburg: “Peterburgskoe Vostokovedenie” Publ. (in Russian).

Golofast, L. A. 2021. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (26), 107–142 (in Russian).

Gurevich, F. D., Dzhanpoladyan, R. M., Malevskaya, M. V. 1968. *Vostochnoe steklo v Drevney Rusi (Oriental glass in Ancient Rus)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

Dzhanpoladyan, R. M. 1961. In *Vizantiyskiy Vremennik (Byzantine Yearbook)* 19, 166–171 (in Russian).

Dzhanpoladyan, R. M. 1974. *Srednevekovoe steklo Dvina IX–XIII vv. (Medieval glass of Dvin of IX–XIII centuries)*. Erevan: AN of the Armenian SSR (in Russian).

Dostiev, T. 2011. In Baypakov, K., Pidaev, Sh., Khakimov, A. (eds.). *Khudozhestvennaya kul'tura Tsentral'noy Azii i Azerbaydzhana IX–XV vv. T. II. Steklo (Artistic Culture of Central Asia and Azerbaijan of the 9th–15th cc. Vol. II. Glass)*. Samarkand; Tashkent: “MITsAI” Publ., 161–175 (in Russian).

Egor'kov, A. N., Plokhov, A. V. 2019. In Beletskii, S. V. (ed.). *Zemlya nasha velika i obil'na: sbornik statey, posvyashchenny 90-letiyu A.N. Kirpichnikova (Our Land is Great and Plentiful: Collected articles, dedicated to the 90th anniversary of A.N. Kirpichnikov)*. Saint Petersburg: Nevskaya Tipografiya” Publ., 91–98 (in Russian).

Zhurukhina, E. Yu. 2015. In Gaydukov, P. G. (ed.). *Steklo Vostochnoy Evropy s drevnosti do nachala XX veka (East European Glass from Antiquity to the Early 20th Century)*. Saint Petersburg: “Nestor-Istoriia” Publ., 218–222 (in Russian).

Zakharov, S. D., Kuzina, I. N. 2008. In Zakharov, S. D., Makarov, N. A. (eds.). *Arkheologiya severnorusskoi derevni X–XIII vv.: Srednevekovye poseleniia i mogil'niki na Kubenskom ozere (Archaeology of the Northern Rus Village, the 10th–13th Centuries: Medieval Settlements and Cemeteries near Kubenskoye Lake)*. Moscow: “Nauka” Publ., 142–215 (in Russian).

Zeifer, V. A., Mazurok, O. I., Leont'ev, A. E. 2019. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiya Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminar (Archaeology of the Moscow Region: Materials of the Scientific Seminar)* 15. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 132–149 (in Russian).

Ignatiadu, D., Antonaras, A. 2011. *Rechnik antichnog i srednevekovnog staklarstva. Terminologija, tehnologija, tipologija (Dictionary of Ancient and Medieval Glassworking. Terminology, technology, typology)*. Kraljevo (in English and Serbian).

Kunina, N. Z. 1997. *Antichnoe steklo v sobranii Ermitazha (Ancient Glass in the Hermitage Collection)*. Saint Petersburg: “ARS” Publ. (in Russian).

Lavysh, K. A. 2015. In Gaydukov, P. G. (ed.). *Steklo Vostochnoy Evropy s drevnosti do nachala XX veka (East European Glass from Antiquity to the Early 20th Century)*. Saint Petersburg: “Nestor-Istoriia” Publ., 218–222 (in Russian).

Lancetti, A. G., Nesterenko, M. L. 1987. *Izgotovlenie khudozhestvennogo stekla (Art glass making)*. Moscow: “Vysshaya shkola” Publ. (in Russian).

Lucas, A. 1958. *Materialy i remeslennye proizvodstva Drevnego Egipta (Ancient Egyptian Materials and Industries)*. Moscow (in Russian).

L'vova, Z. A. 1979. In Piotrovskii, B. B. (ed.). *Issledovaniya po arkheologii Evrazii. (Studies on Eurasian Archaeology)*. Series: Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum) 20. Leningrad: “Iskusstvo” Publ., 90–103 (in Russian).

In Zhuravlev, D. V., Murasheva, V. V. (ed.). 2012. *Mech i zlatnik. K 1150-letiiu zarozhdeniia Drevnerusskogo gosudarstva: Katalog vystavki. (Sword and Zlatnik. Dedicated to the 1150th Anniversary of the Old Russian State: Exhibition Catalogue)*. Moscow: “Kuchkovo pole” Publ. (in Russian).

Plokhov, A. V. 2007. In Nosov, E. N. (ed.). *U istokov russkoi gosudarstvennosti (At the Origins of Russian National Identity)*. Saint Petersburg: “Dmitrii Bulanin” Publ., 167–175 (in Russian).

Poluboiarinova, M. D. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (City of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: “Nauka” Publ., 151–219 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2000. *Otchet o raskopkakh Ostolopovskogo selishcha v Alekseevskom rayone Tatarstana v 1999 godu (Report on the excavations of the Ostolopovo settlement in the Alekseyevskoye district of Tatarstan in 1999)*. Kazan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R. 1, no. 24185 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2002. *Otchet o raskopkakh Ostolopovskogo selishcha v Alekseevskom rayone Tatarstana v 2001 godu (Report on the excavations of the Ostolopovo settlement in the Alekseyevskoye district of Tatarstan in 2001)*. Kazan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R. 1, no. 25467 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2006. *Otchet o raskopkakh Ostolopovskogo selishcha v Alekseevskom rayone Tatarstana v 2005 godu (Report on the excavations of the Ostolopovo settlement in the Alekseyevskoye district of Tatarstan in 2005)*. Kazan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R. 1, no. 31313 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2008. In Kalimullin, A. M. (ed.). *Kamskii torgovyi put'. (Materialy Vserossiiskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Elabuga, 26-27 aprelya 2007) (Kama Trade Route: Proceedings of the All-Russian*

Scientific and Practical Conference (Elabuga, April 26-27, 2007)). Elabuga: Elabuga State Pedagogical University, 23–30 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2010. In Makarov, N. A., Koval', V. Yu. (eds.). *Rus' i Vostok v IX–XVI vekakh: Novye arkeologicheskie issledovaniia (Rus' and Orient in 9th – 16th Centuries: Recent Archaeological Studies)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; "Nauka" Publ., 202–224 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2012. In *Povolzhskaia arkeologiiia (Volga River Region Archaeology)* (2), 123–147 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2016. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki (Scientific Bulletin of the Kazan University. Series: Humanities)* 158. Book 6, 7–11 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2017. In *Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 296–319 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2018. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 6 (3), 472–488 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2019. In Baitanayev, B.A., Khabdulina, M. K. (eds.). *Margulanovskie chteniya-2019 (Margulan Readings – 2019)*. Nur-Sultan: Institute of Archaeology named after K. A. Akishev, 548–560 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2021. In *Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 65–79 (in Russian).

Safarova, I. A. 1999. In Khokhlov, A. N. (ed.). *Tver', Tverskaia zemlia i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ia (Tver, Tver Land and Adjacent Territories in the Middle Ages)* (3). Tver: Tver Research Historical, Archaeological and Restoration Center, 94–106 (in Russian).

Stolyarova, E. K. 2005. In Rudenko, K. A. (ed.). *Drevnosti Povolzh'ia: epokha srednevekov'ia (issledovaniia kul'turnogo naslediiia Volzhskoi Bulgarii i Zolotoi Ordyy) (Antiquities of the Volga Region: the Medieval Period (Studies of the Cultural Heritage of Voga Bolgaria and the Golden Horde))*. Kazan: "Shkola" Publ., 43–66 (in Russian).

Stolyarova, E. K. 2007. In *Materialy Likhachevskikh chteniy (Proceedings of Likhachev Readings)* Kazan': "Ekspert-format" Publ., 272–277 (in Russian).

Stolyarova, E. K. 2016. *Steklo srednevekovoy Moskvy: XII–XIV vv. (Medieval Moscow glass: XII–XIV centuries)*. Moscow: Russian State University for the Humanities (in Russian).

Stolyarova, E. K. 2018. In Engovatova, A. V., Koval, V. Yu., Zots, E. P., Stolyarova, E. K., Saracheva, T. G. *Myakininskie kurgany. Myakininskiy arkeologicheskiy kompleks v Podmoskov'e (Myakinino barrows. Myakinino archaeological complex in the Moscow region)*. Series: Materialy spasatel'nykh arkeologicheskikh issledovaniy (Materials of rescue archaeological study) 21. Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 60–75 (in Russian).

Stolyarova, E. K. 2018. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiiia Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Materials of the Scientific Seminar)* 14. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 158–165 (in Russian).

Stolyarova, E. K. 2019. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiiia Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Materials of the Scientific Seminar)* 15. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 66–77 (in Russian).

Stolyarova, E. K., Zaitseva, I. E., Mukhina, T. F., Kovalenko, E. S., Podurets, K. M., Murashev, M. M., Trun'kin, I. N., Vashchenkova, E. S., Volkov, P. A., Retivov, V. M., Ismagulov, A. M., Kulikov, A. G., Tereshchenko, E. Yu., Yatsishina, E. B. 2022. In Khairtdinova, E. A., Yatsishina, E. B. (eds.). *Mezhdistsiplinarnye issledovaniya ob'ektov kul'turnogo naslediya estestvenno-nauchnymi metodami (Interdisciplinary study of cultural heritage sites by natural scientific methods)*. Simferopol: "Antikva" Publ., 143–148 (in Russian).

Todorova, A. A. 2022. In Stolyarova, E. K. (ed.). *Poisk dlinoyu v zhizn': k 90-letiyu Yulii Leonidovny Shchapovoy (A Lifelong Search to the 90th anniversary of Yuliya Leonidovna Shchapova)*. Moscow: "INFRA-M" Publ., 246–255 (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1962. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkeologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* 4. Materialy i issledovaniia po arkeologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 111. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 93–152 (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1984. *Keramika pamiatnikov Volzhskoi Bolgarii: (K voprosu ob etnokul'turnom sostave naseleniia) (Ceramic Ware of the Volga Bulgaria Sites. On the Issue of Ethnic and Cultural Composition of the Population)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Shchapova, Yu. L. 1956. In Artsikhovskiy, A. V., Kolchin, B. A. (eds.). *Trudy Novgorodskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Novgorod Archaeological Expedition)* 1. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 55. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 165–179 (in Russian).

Shchapova, Yu. L. 1963. In Artsikhovskii, A. V., Kolchin, B. A. (eds.). *Trudy Novgorodskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Novgorod Archaeological Expedition)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 117. Academy of Sciences of the USSR, 105–163 (in Russian).

Shchapova, Yu. L. 1983. *Ocherki istorii drevnego steklodeliia (po materialam doliny Nila, Blizhnego Vostoka i Evropy) (Essays on the History of Ancient Glassmaking (on the Materials from the Nile Valley, the Middle East and Europe))*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Shchapova, Yu. L. 1989. *Drevnee steklo: Morfologiia, tekhnologiia, khimicheskii sostav (Ancient Glass: Morphology, Typology, Chemical Composition)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Shchapova, Yu. L. 1998. *Vizantiyskoe steklo. Ocherki istorii (Byzantine glass. Essays about history)*. Moscow: "Editorial URSS" Publ. (in Russian).

Yakubov, Yu. 2011. In Baypakov, K., Pidaev, Sh., Khakimov, A. (eds.). *Khudozhestvennaya kul'tura Tsentral'noy Azii i Azerbaydzhana IX–XV vv. T. II. Steklo (Artistic Culture of Central Asia and Azerbaijan of the 9th–15th cc. Vol. II. Glass)*. Samarkand-Tashkent: "MITsAI" Publ., 65–80 (in Russian).

Barovier Mentasti, R., Tirelli, M. (eds.). 2010. *Altino. Glass of the Venetian Lagoon*. Treviso: Vianello Libri.

Barag, D. 1970. In Oppenheim, A. L., Brill, R. H., Barag, D., Saldern, A. von. *Glass and Glassmaking in Ancient Mesopotamia. An Edition of the Cuneiform Texts which Contain Instructions for Glassmakers with a Catalogue of Surviving Objects*. Corning: The Corning Museum of Glass, 131–201.

Biron, I., Dandridge, P., Wypyski, M.T., Vandevyver, M. 1996. In *Enamels of Limoges 1100–1350*. New York: The Metropolitan Museum of Art, 48–62 (in English).

Boulogne, S., Hardy-Guilbert, C. 2012. In *Annales du 18e Congrès de Association Internationale pour l'Histoire du Verre*. Thessaloniki: Association Internationale pour l'Histoire du Verre, 351–356 (in English).

Brill, R. H. 2001. In Carboni, S. and Whitehouse, D. *Glass of the Sultans*. New York: The Metropolitan Museum of Art, 25–45.

Brosh, N. 2005. In *Annales du 16e Congrès de Association Internationale pour l'Histoire du Verre*. Nottingham: Association Internationale pour l'Histoire du Verre, 186–190 (in English).

Brosh, N. 2012. In Gutfeld, O. *Jewish Quarter Excavations in the Old City of Jerusalem, Conducted by Nahman Avigad, 1969–1982. Vol. 5. The Cardo (Area X) and the Nea Church (Areas D and T). Final Report*. Jerusalem: The Israel Exploration Society, 400–425.

Brosh, N. 2016. In Bickel, S. et al. (eds.). *Proceedings of the 9th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East (June 9–13, 2014, University of Basel)*. Vol. 2. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 357–368.

Brosh, N. 2017. In *Annales du 20e Congrès de Association Internationale pour l'Histoire du Verre*. Romont: Verlag Marie Leidorf, 300–306 (in English).

Bugoi, R., Poll, I., Mănușcu-Adameșteanu, Gh., Calligaro, T., Pichon, L., Pacheco, C. 2016. In *Journal of Radioanalytical and Nuclear Chemistry* (307), 1021–1036.

Bugoi, R., Poll, I., Mănușcu-Adameșteanu, Gh., Neelmeijer, C., Eder, F. 2013. In *Journal of Archaeological Science* 40, 2881–2891.

Carboni, S. 2001a. *Glass from Islamic Lands*. New York: Thames & Hudson.

Carboni, S. 2001b. In Carboni S. and Whitehouse D. *Glass of the Sultans*. New York: The Metropolitan Museum of Art, 101–145.

Clairmont, C. W. 1977. *Benaki Museum. Catalogue of Ancient and Islamic Glass*. Athens.

Dayagi-Mendels, M. 1993. In *Perfumes and Cosmetics in the Ancient World*. Jerusalem: The Israel Museum).

Dekówna, M. 2007. In Wojciech Brzeziński (ed.). *Treasures of the Middle Ages*. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie, 52–87.

Dekówna, M. 2015. In Taras, H. (ed.). *Myśl badawcza Aleksandra Gardawskiego (Aleksander Gardawski's research idea)*. Lublin: UMCS, 163–181 (in Polish).

Dekówna, M. 2018. In Staššiková-Štukovská, D. (ed.). *The Historical Glass. A Multidisciplinary Approach to Historical Glass*. III. Bratislava: Slovenská archeologická spoločnosť pri SAV, 127–144.

Dekówna, M., Purowski, T. 2019. In Wrzesiński, Ja. (ed.). *Groby z biżuterią wczesnośredniowiecznego cmentarzyska w Dziekanowicach 1*. Lednica: Muzeum Pierwszych Piastów na Lednicy i autorzy, 237–360 (in Polish).

Dussubieux, L. 2017. In *Annales du 20e Congrès de Association Internationale pour l'Histoire du Verre*. Romont: Verlag Marie Leidorf, 307–312.

Egor'kov A. N. 2022. In *Recent Trends in Chemical and Material Sciences* 8, 1–7.

Jenkins, M. 1986. *Islamic Glass. A Brief History*. Series: The Metropolitan Museum of Art Bulletin. Vol. 44. No 2. 1986/Fall. New York: The Metropolitan Museum of Art.

Križanac, M. 2012. In *Annales du 18e Congrès de Association Internationale pour l'Histoire du Verre*. Thessaloniki: Association Internationale pour l'Histoire du Verre, 409–413 (in English).

Krukowska, O. 2022. In Stolyarova, E. K. (ed.). *Poisk dlinoyu v zhizn': k 90-letiyu Yulii Leonidovny Shchapovoy (A Lifelong Search to the 90th anniversary of Yuliya Leonidovna Shchapova)*. Moscow: "INFRA-M" Publ., 267–275.

Lamm, C. J. 1929–1930. In Saare, F. (ed.). *Mittelalterliche Glaser und Steinschnitarbeiten aus dem Nahen Osten*. Bd. 1, 2. Berlin: Dietrich Reimer (Forschungen zur islamischen Kunst. Bd. 5 (in German)).

Markiewicz, M. 2007. In *Archeologia Polona* 45, 117–126.

Nicholson, P. T. 1993. *Egyptian Faience and Glass*. Princes Risborough: Shire publications Ltd.

Pankiewicz, A., Siemianowska, S., Sadowski, K. 2017. *Wczesnośredniowieczna biżuteria szklana z głównych ośrodków grodowych Śląska (Wrocław, Opole, Niemcza)*. Wrocław: Uniwersytet Wrocławski (in Polish).

Rehren, T., Cholakova, A., Jovanović, S. 2018. In *Starinar*, Vol. 68, 125–149.

Saldern, A. von. 1970. In Oppenheim, A. L., Brill, R. H., Barag, D., Saldern, A. von. *Glass and Glassmaking in Ancient Mesopotamia. An Edition of the Cuneiform Texts which Contain Instructions for Glassmakers with a Catalogue of Surviving Objects*. Corning: The Corning Museum of Glass, 203–228 (in English).

Satoh, E., Yamada, K., Hirasawa, K., Takyu, T., Akai, Yo., Takeshita, Ya., Shindo, Yo., Kawatoko, M. 1994. In *Proceedings of the Japan Academy*. Vol. 70. Ser. B. No 6, 77–80.

Sayre, E.V., Smith, R.W. 1961. In *Science*. Vol. 133. No 3467, 1824–1826 (in English).

Ščapova, Ju. L. 1975. In Chubrilovich, V. (ed.). *Srednjovekovno staklo na Balkanu (V–XV vek). Zbornik radova sa međunarodnog savetovanja (Beograd, 22.–24. aprila 1974.) (Medieval glass in the Balkans (V–XV century). Proceedings of the International Conference (Belgrade, 22.–24. April 1974.))*. Belgrade: Slobodan Jović, 33–48 (in French).

Schibille, N. 2022. *Islamic Glass in the Making: Chronological and Geographical Dimensions*. Series: Studies in Archaeological Sciences 7. Leuven: Leuven University Press.

Schwarzer, H. 2009a. In Laffli, E. (ed.). In *Late Antique/Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean*. Izmir, 85–109 (in German).

Schwarzer, H. 2009b. In Laffli, E. (ed.). In *Late Antique/Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean*. Izmir, 67–84 (in German).

Siu, I., Henderson, J., Canav-Özgümüş, Ü., Tindle, A. G. 2019. In *Archaeological and Anthropological Sciences* 11, 2637–2647.

Spaer, M. 2001. *Ancient Glass in the Israel Museum. Beads and Other Small Objects*. Jerusalem: The Israel Museum.

Spasić-Đurić, D., Jovanović, S. 2018. In *Starinar* 68, 151–173.

Staššiková-Štukovská D., Ungermaň Š. 2009. In Dresler, P., Měřinský, Z. (eds.). *Archeologie doby hradištní v České a Slovenské republice. Sborník příspěvků přednesených na pracovním setkání Archeologie doby hradištní ve dnech 24.–26.4.2006*. Brno: Masarykova Univerzita, 136–149 (in Czech).

Swan, C. M., Rehren, Th., Dussubieux, L., Eger, A. A. 2018. In *Archaeometry*. Vol. 60. Issue 2, 207–232.

Usmanov, B. M., Gainullin, I., Gafurov, A. M., Rudenko, K. A., Ivanov, M. A. 2021. In *Proceedings of Spie*. Vol. 11863. Earth Resources and Environmental Remote Sensing / GIS Applications XII. 118630D, 1–11.

1998. *Vetri antichi. Arte e tecnica. Mostra (Museo Civico Archeologico di Bologna. 27 ottobre 1998 – 27 giugno 1999)*. Catalogo. A cura di G. Meconcelli Notarianni, D. Ferrari. Bologna: Futura (in Italian).

Whitcomb, D. S. 1983. In *Journal of Glass Studies* 25, 101–108.

Whitehouse, D. 1998. In Ward, R. (ed.). *Gilded and enameled glass from the Middle East*. London: British Museum, 4–7.

Winter, T. 2012. In *Annales du 18e Congrès de Association Internationale pour l'Histoire du Verre*. Thessaloniki: Association Internationale pour l'Histoire du Verre, 333–340 (in English).

About the Authors:

Stolyarova Ekaterina K. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Lomonosov Moscow State University. Lomonosovskij Prospect 27, korp. 4, Moscow, 119991, Russian Federation; kath.stolyarova@gmail.com

Rudenko Konstantin A. Doctor of Historical Sciences. Professor, Kazan State Institute of Culture. Orenburgsky Trakt St., 3, Kazan, 420059, Russian Federation; murziha@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2023 г.

Статья принята к публикации 01.10.2023 г.

Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902.2/902.01

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.5.160.170>

ПОЗДНЕКОЧЕВНИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ С МУСУЛЬМАНСКОЙ ОБРЯДНОСТЬЮ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ПОКРОВКА IV НА ЮЖНОМ УРАЛЕ¹

© 2023 г. В.А. Иванов, А.С. Проценко, Е.В. Русланов

*Не оскорбляйте тех, к кому они взывают помимо Аллаха,
а не то они станут оскорблять Аллаха
из враждебности и по невежеству.*

Священный Коран. Сура 6 «Аль-Анам» (Скот), аят 108.

В конце XIV – самом начале XV вв. в степной и горностепной зоне Южного Урала, в среде позднекочевнического населения практиковался религиозный дуализм. По имеющимся археологическим данным, в период Золотой Орды в степях Урало-Поволжского региона известны курганные могильники, содержащие на своей площадке как захоронения с характерным для кочевников–язычников набором погребального инвентаря и с соблюдением ярких элементов языческой обрядности (захоронение коня), так и погребения с выраженными признаками мусульманской обрядности (западная ориентировка, отсутствие вещей, поворот головы на юг и др.). Наиболее рельефно процесс изживания языческих норм и замещения их новыми обрядовыми нормами прослеживается в погребальных традициях. Одним из таких памятников является рассматриваемый в статье могильник, расположенных в верховьях р. Урал на востоке Оренбургской области. Из семнадцати исследованных на памятнике курганов четырнадцать могут быть интерпретированы как мусульманские по набору признаков погребального обряда. Планиграфия памятника показывает, что языческие и мусульманские погребения хотя и составляют единый некрополь, но расположены друг от друга на достаточном расстоянии. Покровский могильник не единственный в регионе с подобной планиграфией (некрополи II Ишкуловский, у пос. Урал и др.), это позволяет считать, что распространение ислама у кочевников Урало-Поволжья не было одномоментным явлением и охватывало довольно длительный промежуток времени (XIV вв.). На начальных этапах распространение новой религии могло сочетаться с традиционной языческой погребальной обрядностью, даже в рамках одного кочевого рода.

Ключевые слова: археология Золотой Орды, река Урал, Оренбургская область, Орды, ислам, номады, каменные курганы.

LATE NOMADIC BURIALS WITH MUSLIM RITES IN THE POKROVKA IV BARROW FIELD IN THE SOUTHERN URAL²

V.A. Ivanov, A.S. Protsenko, E.V. Ruslanov

At the end of the XIV – the very beginning of the XV centuries in the steppe and mountain-steppe zone of the Southern Ural, among the late nomadic population, religious dualism was practiced. According to the available archaeological data, barrow fields, containing both burials with a burial set typical for pagan nomads and with observance of such striking elements of pagan rituals as the burial of a horse, and burials with pronounced signs of Muslim rites (western orientation, absence of things, turning the head to the south, etc.), are known for the Golden Horde period in the steppes of the Ural-Volga region. The process of eradicating pagan traditions and replacing them with new rites can be traced most clearly in burial rituals. One of these monuments is the burial ground, considered in the article, located in the upper part of the Ural River in the east of the Orenburg region. Of the seventeen barrows, studied at the site, according to the set of signs of the burial rite, fourteen can be interpreted as Muslim ones. Spatial analysis of the monument shows that the pagan and Muslim buri-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 22-28-00815 «Комплексная реконструкция освоения горных степей Южного Урала от эпохи камня до Нового времени (социокультурные и природные трансформации)».

²The research was carried out with the support of the Russian National Science Foundation grant No. 22-28-00815 "Comprehensive reconstruction of the development of the mountain steppes of the Southern Urals from the Stone Age to Modern times (socio-cultural and natural transformations)".

als, although they constitute a single necropolis, are located at a sufficient distance from each other. Pokrovka burial ground is not the only one in the region with such spatial structure (Ishkulovo II necropolis, near the settlement of Ural, etc.), which allows the authors to consider that adoption of Islam by the nomads of the Ural-Volga region was not a one-time phenomenon and covered a rather long period (XIV centuries). At the early stages, the spread of a new religion could be combined with traditional pagan burial rites, even within the same nomadic clan.

Keywords: archaeology of the Golden Horde, Ural River, Orenburg region, Islam, nomads, cairns.

Предлагаемая заинтересованным читателям статья продолжает серию работ по публикации кочевнических погребений золотоордынского времени, изученных в разные годы на территории Южного Урала экспедициями под руководством В.А. Иванова (Гарустович и др., 2014, с. 626–633; 2015, с. 28–34; Гарустович, Иванов, 2019, с. 95–104; Иванов и др., 2021, с. 94–107; Иванов и др., 2022, с. 243–258).

Памятник находится в 3 км к югу от с. Покровка Кваркенского района Оренбургской области, на территории бывшего пионерлагеря совхоза им. Розы Люксембург, на краю левого берега Ириклинского водохранилища (рис. 1). На момент исследований урез воды находился на 3 м ниже площадки памятника, а до сооружения водохранилища курганы располагались на слегка 8покатом к югу мысу коренной террасы левого берега р. Урал. Всего на могильнике было зафиксировано 19 курганов, из которых 17 были раскопаны в 1985 г. археологической экспедицией Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР под руководством В.А. Иванова. В статье приводится характеристика погребений с выраженной мусульманской обрядностью, без вещевого комплекса. Погребениям с вещами из курганов № 17, 18 и 19 будет посвящена отдельная публикация. Курганы № 4 и № 5 не исследовались по причине того, что на них стояли частные стога сена, владельцы которых не имели возможности во время работы экспедиции их убрать.

Курган № 1. Фиксировался по отдельным крупным камням, выступающим на современной поверхности. После снятия дерна и расчистки камней обнажилась кладка неправильной формы (диаметром 2 м), покрывающая «панцирем» небольшую земляную насыпь, поскольку линзы могильного выкида проявились под камнями, почти на уровне материка (представлен желтой глиной и

гравием) (рис. 2: 1, 2). Очертания могильной ямы выявлены на профиле бровки по линзам могильного выкида и по серо-желтому цвету могильного заполнения на более темном фоне погребенной почвы (последнюю на профиле бровки проследить не удалось).

Могильная яма прямоугольной формы с закругленными углами, ориентирована длинной осью по линии ЗЮЗ–ВСВ, размеры: длина 90 см, ширина в ЮЗ конце 27 см, в СВ – 18 см, стенки вертикальные, дно ровное, углублена в материк на 23 см. Неудовлетворительно сохранившийся костяк ребенка лежал на дне могилы, вытянуто на спине, головой на юго-запад. Судя по не заросшему теменному отверстию – младенец. Вещей нет.

Курган № 2. Фиксировался по отдельным крупным камням, выступающим на современной поверхности. После расчистки насыпи обнажилось каменное кольцо диаметром 3,5 м, сооруженное чуть выше уровня погребенной почвы (темный суглинок мощностью 10–15 см). Внутри кольца, ближе к его северной половине, по линзам могильного выкида и светлomu пятну заполнения на фоне погребенной почвы была зафиксирована могильная яма. Могила прямоугольной формы с закругленными углами, размером 1,85×0,8 м, ориентирована длинной осью по линии СЗ–ЮВ. В заполнении могилы, на уровне погребенной почвы, обнаружены куски дерева. При дальнейшей расчистке могилы на глубине 25 см от уровня материка вдоль южной стенки ямы обнаружилась ступенька шириной до 20 см (рис. 2: 3, 4). Далее, на глубине 40 см от уровня материка, в заполнении могилы были найдены остатки деревянного перекрытия в виде обломков досок шириной 5–15 см, толщиной 2–3 см, бессистемно лежавших по всей площади могилы. Хорошо сохранившийся костяк погребенного лежал на дне могильной ямы на глубине 90 см от уровня материка, вытянуто на спине, головой на СЗ. Позвоночник чуть искривлен влево, череп также зава-

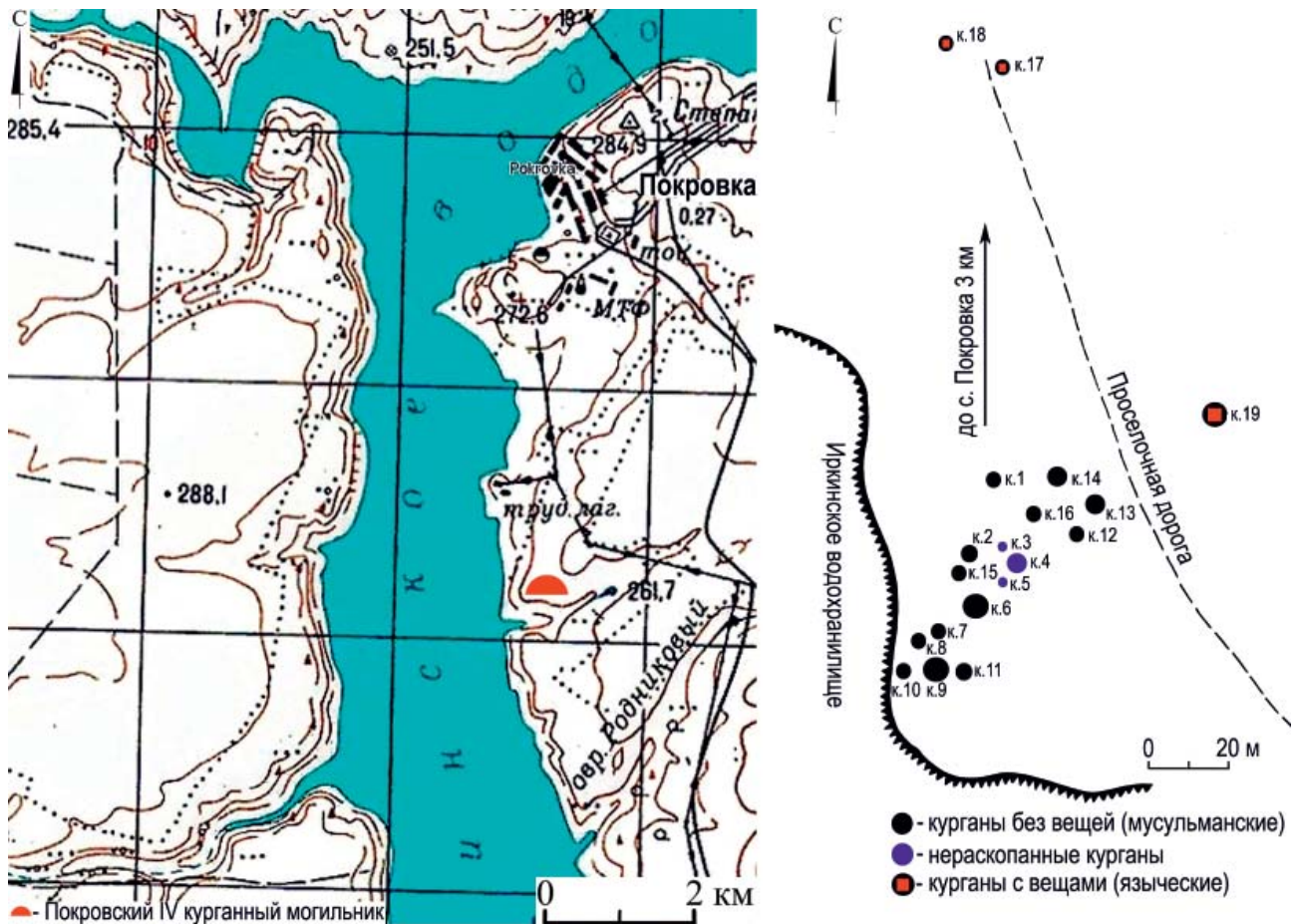

Рис. 1. Местонахождение и план Покровского IV курганного могильника.

Fig. 1. Location and plan of the Pokrovka IV barrow field.

лился лицевой частью влево, кисти рук – на бедренных костях. Вещей нет.

Курган № 3. Зафиксирован по выступающим камням на поверхности. При расчистке оказался скоплением камней округлой формы диаметром 1,7 м. Следов захоронения не обнаружено.

Курган № 6. На современной поверхности выступали отдельные крупные камни. После их расчистки и снятия дерна обнажилась каменная кладка в один слой, круглой формы, диаметром 6 м, сооруженная, очевидно, на древней поверхности (погребенную почву на профиле проследить не удалось, хотя линза могильного выкида от погребения № 1 в южном конце бровки дает основание полагать, что мощность погребенной почвы в данном кургане могла быть в пределах 25 см) (рис. 2: 5). Под камнями обнаружены два погребения.

Погребение 1. Очертания могильной ямы выявились в ЮЗ секторе насыпи по доскам

перекрытия, уложенным поперек ямы на уровне материка (рис. 2: 5, 6). Длина досок 60–65 см, ширина 10–15 см, толщина до 3 см. Относительно хорошо сохранились концы досок, а середина проломилась под тяжестью камней и грунта. Несколько крупных камней оказались в заполнении могильной ямы. После выемки заполнения (суглинок, гравий) проявились контуры могилы: яма овальной формы размером 1×0,48 м, углублена в материк на 80 см. У дна могилы, вдоль северной и южной стенок, – небольшие подбой шириной до 10 см и высотой 30 см. В заполнении могилы, начиная с 40 см от уровня материка и до самого дна, россыпью найдены орехи степного горького миндаля. Плохо сохранившийся костяк ребенка лежал на дне могилы вытянуто на спине, головой на ЗСЗ. Вещей нет.

Погребение 2. Очертания могильной ямы в СВ секторе насыпи на глубине 50 см от современной поверхности выявлены по более темному цвету заполнения на фоне

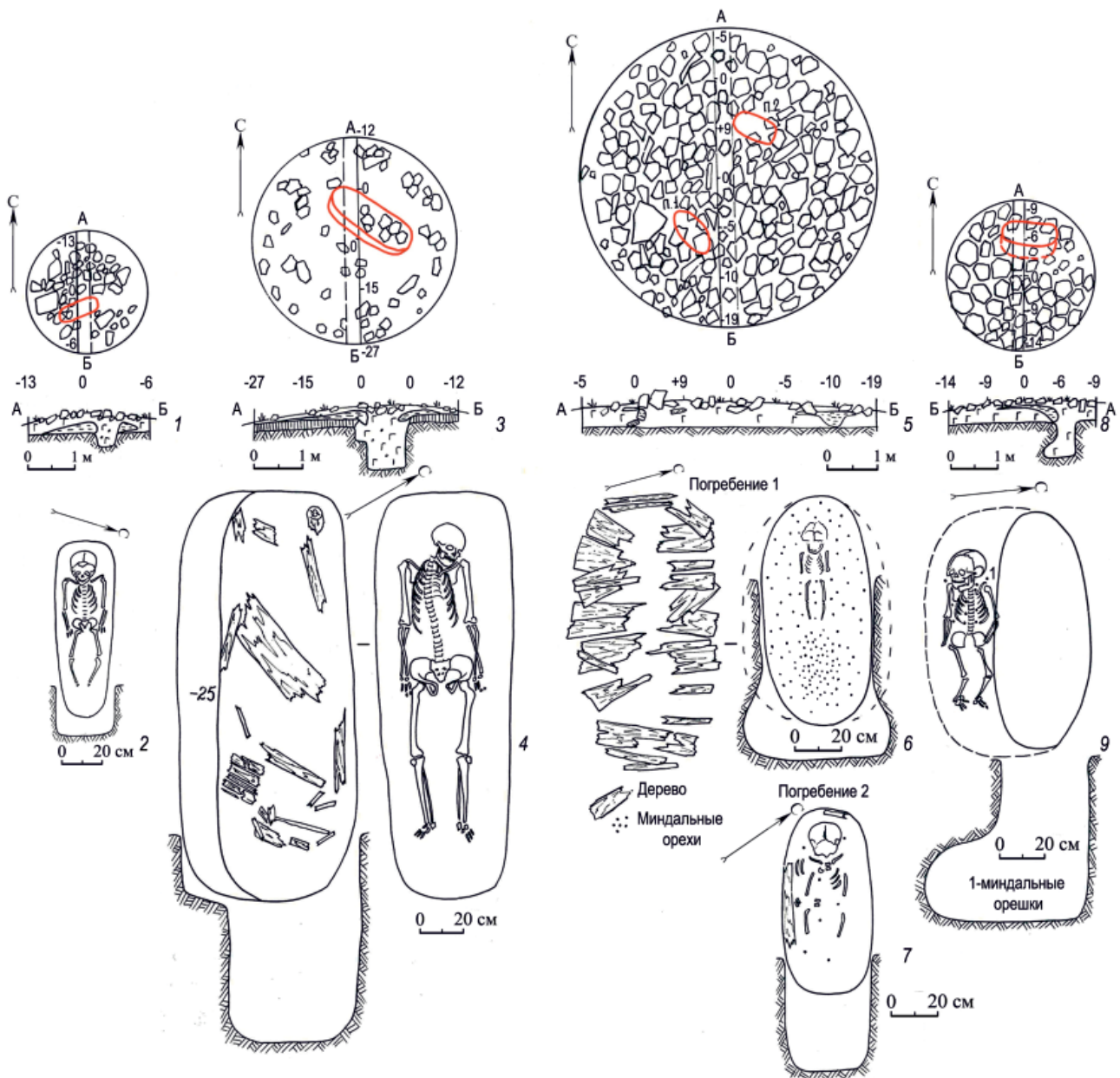

Рис. 2. Покровский IV курганный могильник. 1, 2 – курган №1; 3, 4 – курган №2; 5, 6, 7 – курган №6; 8, 9 – курган №7.

Fig. 2. Pokrovka IV barrow field. 1, 2 – barrow №1; 3, 4 – barrow №2; 5, 6, 7 – barrow №6; 8, 9 – barrow №7.

желтой материковой глины и гравия. Яма овальной формы, размером 0,8×0,4 м, углублена в материк на 50 см, стенки вертикальные, дно ровное. В заполнении могилы на разной глубине встречены куски дерева и мелкие косточки скелета. Костяк ребенка, явно потревоженный грызунами и плохо сохранившийся, лежал на дне могилы, на спине, головой на СЗ. Среди костей скелета также найдено несколько орешков горького степного миндаля. Вещей нет (рис. 2: 5, 7).

Курган № 7. После снятия дерна и расчистки видимых на современной поверхности крупных камней обнажилась каменная кладка (в один слой) круглой формы, диаметром 3 м, сооруженная на уровне погребенной почвы, что было заметно по линзе могильного выкида (желтая материковая глина и гравий) на профиле бровки (рис. 2: 8). Могильная яма выявлена под северной полкой кладки. Яма овальной формы размером 1×0,4 м, углублена в материк на 70 см. У дна могилы вдоль всей южной стенки – подбой шириной 30 и высо-

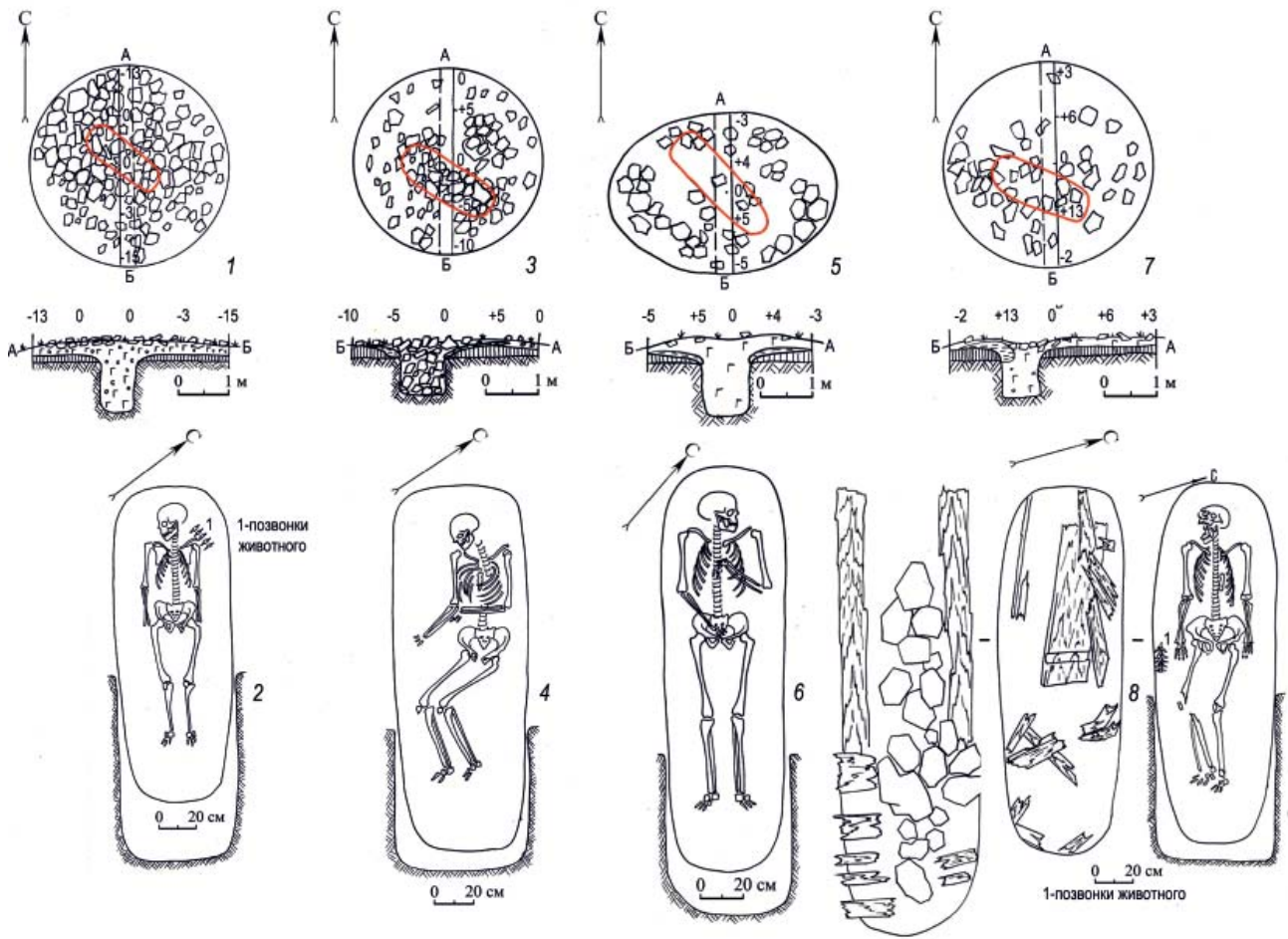

Рис. 3. Покровский IV курганный могильник. 1, 2 – курган №9; 3, 4 – курган №11; 5, 6 – курган №12; 7, 8 – курган №13.

Fig. 3. Pokrovka IV barrow field. 1, 2 – barrow №9; 3, 4 – barrow №11; 5, 6 – barrow №12; 7, 8 – barrow №13.

той 40 см, вырытый на одном уровне с дном могилы.

На дне подбоя лежал костяк ребенка, на спине, головой на запад, лицом на юг. Правая рука вытянута вдоль тела, кисть левой руки – на тазовых костях, ноги слегка согнуты влево (рис. 2: 9). Вещей нет, но, как и в предыдущем погребении, в заполнении могилы и на костях грудной клетки – орехи горького степного миндаля.

Курган № 8. Каменная наброска диаметром 1,5 м, под которой на глубине 30 см от современной поверхности обнаружен свежий скелет, очевидно павшей овцы. Следов человеческого захоронения не зафиксировано.

Курган № 9. После снятия дерна и расчистки видимых на современной поверхности камней обнажилась каменная кладка прямоугольной формы с закругленными углами, размером 3,5×3 м, углами ориентированная

по сторонам света. Вероятно, кладка покрывала невысокую земляную насыпь, так как между ней и уровнем погребенной почвы (суглинок бурого цвета мощностью 15 см) – слой гумуса с гравием мощностью 20–25 см (рис. 3: 1). Очертания могильной ямы обнаружались в центре выкладки, на глубине 40 см от современной поверхности, по пестрому цвету заполнения на однотонном фоне погребенной почвы.

Яма овальной формы размером 1,67×0,6 м, стенки вертикальные, дно ровное, углублена в материк на 1 м. В заполнении могильной ямы, на глубине 80 см от уровня материка, встречены несколько кусков дерева, расположенных без системы. Хорошо сохранившийся костяк погребенного лежал на дне могилы, вытянуто на спине, головой на СЗ, лицом на юг (рис. 3: 2). У левого плеча найдено пять позвонков животного в анатомическом порядке, у

ступней и в заполнении могилы – несколько орехов степного миндаля. Вещей нет.

Курган № 10. Каменная выкладка подпрямоугольной формы 2,5×2 м, углами ориентированная по сторонам света, сооружена на уровне древней поверхности. Следов погребения под выкладкой не обнаружено.

Курган № 11. Зафиксирован по выступающим на современной поверхности отдельным камням. После снятия дерна и расчистки обнажилась кладка из камней различного размера, причем наиболее крупные расположены так, что образуют кольцо диаметром 3 м, сооруженное на уровне погребенной почвы (бурый суглинок мощностью до 25 см). Внутри кольца над могилой (как это выяснилось в процессе разборки кладки) также наблюдалось скопление камней. Очертания могилы обозначились на глубине 25 см от современной поверхности в виде светлого удлиненного пятна на темно-буrom фоне погребенной почвы (рис. 3: 3).

Яма прямоугольной формы с закругленными углами ориентирована длинной осью по линии СЗ–ЮВ, длина могилы 1,9 м, ширина в СЗ конце 65 см, в ЮВ – 50 см, углублена в материк на 70 см, стенки вертикальные, дно ровное (рис. 3: 4). В заполнении могилы встречено много камней и куски дерева, очевидно от перекрытия. Костяк погребенного лежал на дне могилы, на спине, головой на СЗ, лицом на юг. Руки согнуты в локтях, предплечье правой руки откинута в сторону, предплечье левой – лежит в области живота, обе ноги согнуты в коленях вправо. Вещей нет.

Курган № 12. Обозначен отдельными камнями, выступающими на современной поверхности. После снятия дерна и расчистки камней обнажилась сооруженная на уровне погребенной почвы однослойная кладка в виде сомкнутого овала 3×2 м, ориентированного по линии СЗ–ЮВ (рис. 3: 5).

Внутри овала обозначилось могильное пятно, окаймленное линзами могильного выкида (желтая материковая глина, гравий). Яма прямоугольной формы с закругленными углами ориентирована длинной осью по линии СЗ–ЮВ. Длина могилы 1,9 м, ширина в СЗ конце 55 см, в ЮВ – 45 см, углублена в материк на 75 см, стенки вертикальные, дно ровное. Хорошо сохранившийся костяк лежал на дне могилы вытянуто на спине, головой на СЗ, лицом на север. Руки согнуты в локтях, кисть левой руки – на грудной клетке, правой

– на тазовых костях (рис. 3: 6). В заполнении могилы встречены отдельные камни и куски дерева, разбросанные на разной глубине без системы. Вещей нет.

Курган № 13. Зафиксирован по отдельным камням на современной поверхности. После расчистки камней и снятия дерна обнажилась наброска из крупных, редко расположенных камней, в расположении которых можно усмотреть овальную выкладку размером 3×2 м, ориентированную по линии СВ–ЮЗ. Камни набросаны на уровне погребенной почвы (бурый суглинок, мощностью до 25 см) (рис. 3: 7). Очертания могильной ямы выявлены на глубине 30 см от современной поверхности по остаткам деревянного перекрытия, сооруженного из продольной широкой (25–30 см) доски и поперечных более узких досок, поломанных и сдвинутых со своих мест провалившимся в могилу грунтом и камнями (рис. 3: 8).

Могила прямоугольной формы с закругленными углами размером 2×0,65 м, глубиной от уровня погребенной почвы 90 см. Стенки вертикальные, дно ровное. Заполнение могилы – материковая глина, гравий, куски дерева и отдельные камни. На глубине 80 см от уровня погребенной почвы вдоль могилы лежала доска со следами распилов, длиной около 1 м, шириной 30 см, толщиной 6 см. Сразу же под ней – хорошо сохранившийся костяк погребенного, лежавший вытянуто на спине, головой на ЗСЗ. Руки вытянуты вдоль тела, ноги слегка согнуты в коленях вправо. Между правой кистью и стенкой могилы – 5 позвонков животного, лежащих в анатомическом порядке. Вещей нет.

Курган № 14. Зафиксирован по выступающим на современной поверхности камням. После снятия дерна и расчистки обнажилась кладка, в очертаниях которой просматривался прямоугольник размером 3×2,5 м, углами ориентированный по сторонам света. Вероятно, кладка была сооружена на уровне погребенной почвы, о чем можно судить по залеганию линз могильного выкида на профиле бровки (рис. 4: 1).

Очертания могильной ямы зафиксированы на глубине 25 см от современной поверхности по линзам могильного выкида и светлому цвету заполнения на темном фоне погребенной почвы. Яма подпрямоугольная, с закругленными углами, ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Длина 2 м, ширина в СЗ конце

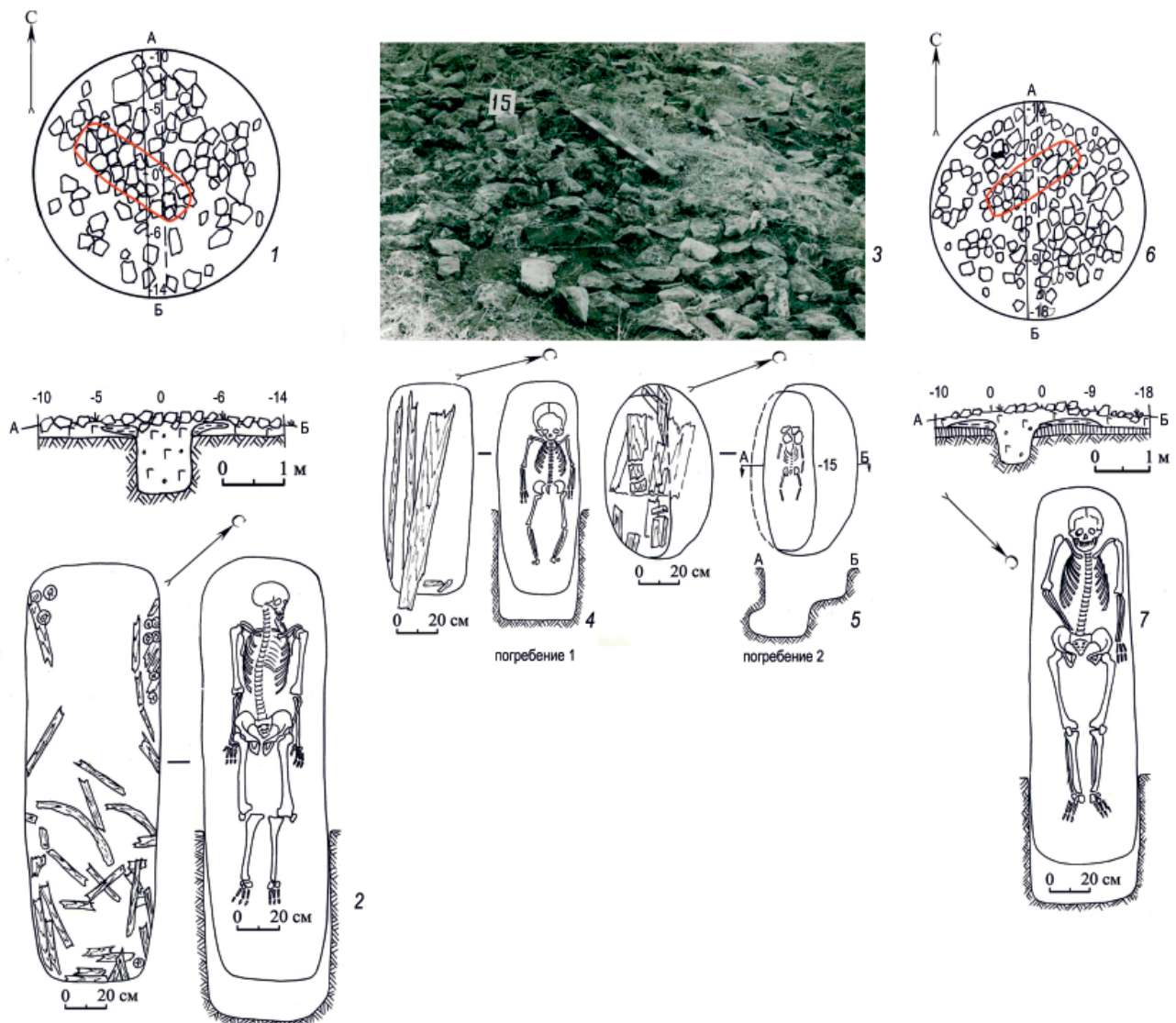

Рис. 4. Покровский IV курганный могильник. 1, 2 – курган №14; 3, 4, 5 – курган №15; 6, 7 – курган №16.
 Fig. 4. Pokrovka IV barrow field. 1, 2 – barrow №14; 3, 4, 5 – barrow №15; 6, 7 – barrow №16.

60 см, в ЮВ – 50 см, стенки вертикальные, дно ровное, углублена в материк на 90 см. В заполнении могилы, на глубине 25–30 см от уровня материка, встречены остатки деревянного перекрытия (?) из кусков жердей диаметром 3–4 см и вертикально стоящих столбиков (в СЗ конце могилы), уходящих в глубину могилы на 30–40 см, с обломанными нижними концами (рухнувшее перекрытие?) (рис. 4: 2). Среди кусков дерева фиксировались отдельные крупные камни.

Костяк погребенного лежал на дне могилы вытянуто на спине, головой на СЗ, лицом к СВ. Руки вытянуты вдоль тела. Вещей нет.

Курган № 15. Был замечен по выступающим на современной поверхности крупным камням. В процессе расчистки обнажилась

однослойная выкладка из камней разной величины, сооруженная на уровне древней поверхности, о чем можно судить по залегающей линзы могильного выкида (желтая материковая глина и гравий) на профиле бровки. Выкладка неправильной формы, напоминающей четырехугольник размером 4×4 м (рис. 4: 3). Под выкладкой найдено два погребения.

Погребение 1. Найдено в северной части выкладки. Очертания могильной ямы проявились на глубине 30–35 см от современной поверхности по могильному выкиду и остаткам деревянных досок, лежащих вдоль могилы у ее верхнего среза. Одна из досок (длиной 1 м, шириной 10 см) своим концом выходила за край могилы (рис. 4: 4). Яма прямоугольной формы с закругленными углами размером

1,05×0,4 м углублена в материк на 55 см, стенки вертикальные, дно ровное. Костяк ребенка лежал на дне могилы вытянуто на спине, головой на СЗ. Ноги раздвинуты в коленях. Вещей нет.

Погребение 2. Находилось в ЮЗ части выкладки параллельно первому погребению. Обнаружено также по остаткам продольных досок на уровне верхнего среза могилы.

Могильная яма прямоугольной формы с закругленными углами размером 0,9×0,55 м, ориентирована длинной осью по линии СЗ–ЮВ. Вдоль северной стенки могилы, на глубине 15 см, идет уступ шириной 15 см и высотой 15 см. На него опирался второй настил, от которого сохранился плотный древесный тлен волокнами вдоль ямы. Вдоль южной стенки на одном уровне с ее дном вырыт подбой шириной около 10 см и высотой 15 см (рис. 4: 5). Плохо сохранившийся костяк младенца лежал на дне могилы вытянуто на спине, головой на СЗ. Вещей нет.

Курган № 16. Каменная выкладка, заметная по крупным камням, выступающим на современной поверхности, была сооружена чуть выше уровня погребенной почвы (бурый суглинок мощностью до 20 см). Кладка неправильной формы в виде многоугольника, размером 3,5×3,5 м. В западной половине кладки прослеживается оградка из крупных камней 1,05×0,7 м, ориентированная по линии СВ–ЮЗ (рис. 4: 6). Могильная яма очень хорошо прослеживалась по линзам могильного выкида на профиле бровки и по более светлому цвету заполнения на буром фоне погребенной почвы.

Могильная яма прямоугольной формы с закругленными углами, размером 1,85×0,5 м, углублена в материк на 60 см, стенки вертикальные, дно ровное. Хорошо сохранившийся костяк лежал на дне могилы вытянуто на спине головой на ЮЗ (рис. 4: 7). Левая рука вытянута вдоль тела, правая согнута в локте и кисть ее лежала на тазе. Вещей нет.

Интересной особенностью погребального обряда Покровского IV могильника является использование косточек миндального ореха, но только у детей, видимо для этой возрастной группы предполагалось допущение и отход от ортодоксального погребального обряда, что является своеобразной реминисценцией. Схожая традиция (возможно, этнографическая) известна в Предуралье в

материалах Ильчигуловского IV могильника в Миякинском районе РБ в долине р. Дема (320 км к северо-западу от описываемого в статье могильника), где в ходе раскопок каменной выкладки № 2 был обнаружен костяк мужчины, уложенный головой на запад без вещей, с орехами горького степного миндаля возле черепа (Гарустович, 1987, с. 37–39). Автор раскопок Г.Н. Гарустович считал, что выкладка оставлена кыпчаками и датировал ее XIV–XV вв. Без сопроводительного инвентаря оспорить или подтвердить предложенную дату является проблематичным.

На данный момент, используя материалы Покровского IV могильника, подкурганное погребение Зауралья и Предуралья, совершенные по мусульманским погребальным канонам (*выкладка овальной формы (мастаба), могила с подбоем в южной стенке (ляхед), западная ориентировка погребенного с поворотом лица на юг (кыбла), отсутствие вещей или наличие лишь орехов степного миндаля в качестве сопровождающих подношений*) (выд. авт.), с наибольшей вероятностью можно датировать XIV – началом XV вв.

Датировка самого могильника по вещевому комплексу из курганов № 17, 18 и 19 (бронзовое зеркало, металлические стремяна, железные наконечники стрел) устанавливается довольно точно – XIV в.

Таким образом, в качестве вывода можно привести следующие суждения. Во-первых, в XIV в. язычество в погребальной обрядности кочевников Золотой Орды продолжало сохранять свои позиции. Во-вторых, можно даже допустить, что в это время в кочевой степи сложился своеобразный конфессиональный дуализм, при котором и язычество, и ислам были одинаково «легитимны» даже внутри отдельных родовых подразделений, подтверждением чему является представительное количество погребений на просторах Дешт-и-Кыпчака (Саратовская, Самарская, Оренбургская области, Республика Казахстан и др.), совершенных по мусульманскому обряду. Как под земляными и каменными насыпями, так и под кирпичной кладкой-мастаба (Кригер, 1984, с. 102–116; Иванов, Кригер, 1988, с. 55; Гарустович и др., 1998, с. 80, 98; Иванов, Любчанский, 2003, с. 230–244; Кравец, 2005, с. 90–91; Бисембаев, 2010, с. 130–131; Недашковский, 2011, с. 231–235;

Иванов, 2015, с. 153–156; Матюшко, 2011, с. 146–155; Матюшко, 2016, с. 153–160; Русланов, 2022, с. 106–113).

И наконец, в-третьих, расположение курганов, содержащих погребения с богатым инвентарным комплексом на периферии публикуемого могильника, вероятно, указывает на сосуществование в рамках одного

кочевого социума как минимум двух групп населения, исповедовавших монотеистическую религию (т. н. мусульманская умма) и кочевников-язычников, возможно находящихся в процессе принятия новой религиозной доминанты для степного пояса Евразии, без враждебного отношения и разделения на условных прозелитов и париев.

ЛИТЕРАТУРА

Бисембаев А.А. Кочевники средневековья Западного Казахстана. Актюбе: ИП Жанадиллов С.Т., 2010. 248 с.

Васильев Д.В. Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде (археолого-статистическое исследование. Астрахань: Астраханский университет, 2009. 179 с.

Гарустович Г.Н. Отчет об археологических работах в Мелеузовском, Кугарчинском, Чишминском, Миякинском, Бишбулякском, и Зианчуринском районах Башкирской АССР по открытым листам формы 1 за №№406 и 407 в 1986 г. Уфа, 1987. С. 37–39 // Архив археологической лаборатории БГПИ.

Гарустович Г.Н., Иванов В.А., Проценко А.С. Погребения кочевников Улуса Шибана (XIII–XIV вв.) в верховьях р. Урал // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. Т. 16. № 3–2. С. 626–633.

Гарустович Г.Н., Иванов В.А., Проценко А.С. Колпаковский I курганный могильник // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2015. № 6 (361). С. 28–34.

Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). Уфа: Гилем, 1998. 336 с.

Иванов В.А. Научный отчет об археологических исследованиях в Оренбургской области в 1985 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. №10676.

Иванов В.А. Кочевники Золотой Орды. Уфа: БГПУ, 2015. 208 с.

Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука, 1988. 92 с.

Иванов В.А., Любчанский И.Э. Новые памятники средневековых кочевников в степях Южного Зауралья УАВ. Вып. 4 / Отв. ред. А.Ф. Яминов. Уфа: Гилем, 2003. С. 230–244.

Иванов В.А., Проценко А.С., Русланов Е.В. Погребения с признаками мусульманского обряда у кочевников Золотой Орды // Поволжская археология. 2021. № 4 (38). С. 94–107. DOI: <https://doi.org/10.24852/ra2021.4.38.94.107>

Иванов В.А., Русланов Е.В., Проценко А.С. Ишкуловский II курганный могильник – памятник монгольских кочевников XIII–XIV вв. на Южном Урале // Нижневолжский археологический вестник. 2022. Т. 21. № 2. С. 243–258. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.14>

Кригер В.А. Погребения кыпчакского времени в могильниках у пос. Лебедевка Уральской области // Памятники кочевников Южного Урала / Отв. ред. В.А. Иванов. Уфа: БФАН СССР, 1984. С. 102–116.

Кравец В.В. Кочевники Среднего Дона в эпоху Золотой Орды. Воронеж: ВГПУ, 2005. 208 с.

Матюшко И.В. Средневековые мавзолеи в Оренбургской области // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 9 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2011. С. 146–155.

Матюшко И.В. Сырцовый мавзолей на территории Оренбуржья // Известия Самарского научного центра РАН. 2016. Т. 18. № 3. С. 153–160.

Недашковский Л.Ф. Подкурганные золотоордынские погребения у Ленинска // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова (Астрахань, 2–6 октября 2011 г.) / Ред. Д.В. Васильев, Ю.А. Зеленева, А.Г. Ситдинов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 231–235.

Русланов Е.В. Мавзолей Бэндэбикэ – статусный погребальный памятник с территории Улуса Шибана: история изучения и окружающий контекст // Археология Евразийских степей. 2022. № 3. С. 106–113. DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.106.113>

Информация об авторах:

Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор. Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (г. Уфа, Россия); ivanov-sanyuch@inbox.ru

Проценко Антон Сергеевич, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии. Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа» (г. Уфа, Россия); научный сотрудник. Институт истории, языка и литературы, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН (г. Уфа, Россия); anton.procenko@mail.ru

Русланов Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник. Институт истории, языка и литературы, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН (г. Уфа, Россия); butleger@mail.ru

REFERENCES

Bisembayev, A. A. 2010. *Kochevniki srednevekov'ya Zapadnogo Kazakhstana (Medieval nomads of Western Kazakhstan)*. Aktobe: "Zhanadilov" Publ. (in Russian).

Vasilyev, D. V. 2009. *Islamizatsiia i pogrebal'nye obriady v Zolotoi Orde (arkheologo-statisticheskoe issledovanie) (Islamization and Burial Rites in the Golden Horde: Archaeological and Statistical Research)*. Astrakhan: "Astrakhanskii universitet" Publishing House (in Russian).

Garustovich, G. N. 1987. *Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh v Meleuzovskom, Kugarchinskom, Chishminskom, Miyakinskom, Bishbulyakskom, i Zianchurinskom rayonakh Bashkirskoy ASSR po otkrytym listam formy I za №№406 i 407 v 1986 g. (Report on archaeological works in Meleuz, Kugarchinsky, Chishmy, Miyaki, Bishbuliak, and Zianchurinsky districts of Bashkir ASSR on excavation licenses of Form I for Nos. 406 and 407 in 1986)*. Archive of the archaeological laboratory of the Bashkir State Pedagogical Institute (in Russian).

Garustovich, G. N., Ivanov, V. A., Protsenko, A. S. 2014. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 16, no. 3–2, 626–633 (in Russian).

Garustovich, G. N., Ivanov, V. A., Protsenko, A. S. 2015. In *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia. (Bulletin of the Chelyabinsk State University. History Series)* 6 (361), 28–34 (in Russian).

Garustovich, G. N., Rakushin, A. I., Yaminov, A. F. 1998. *Srednevekovye kochevniki Povolzh'ia (kontsa IX – nachala XV veka) (Medieval Nomads of the Volga Region (Late 9th – Early 15th Centuries))*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).

Ivanov, V. A. 1985. *Nauchnyy otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Orenburgskoy oblasti v 1985 godu (Scientific report on archaeological studies in the Orenburg region in 1985)*. Archive of the Institute of Archaeology of the RAS, f. R-1, D. 10676 (in Russian).

Ivanov, V. A. 2015. *Kochevniki Zolotoy Ordy (Nomads of the Golden Horde)*. Ufa: Bashkir State Pedagogical University (in Russian).

Ivanov, V. A., Kriger, V. A. 1988. *Kurgany kypchakskogo vremeni na Yuzhnom Urale (XII–XIV vv.) (Barrows of the Kypchak time in the Southern Urals (12th –14th cc.))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Ivanov, V. A., Lyubchanskii, I. E. 2003. In Yaminov, A. F. (ed.). *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 4. Ufa: "Gilem" Publ., 230–244 (in Russian).

Ivanov, V. A., Protsenko, A. S., Ruslanov, E. V. 2021. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 38 (4), 94–107 DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2021.4.38.94.107> (in Russian).

Ivanov, V. A., Ruslanov, E. V., Protsenko, A. S. 2022. In *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik (The Lower Volga Archaeological Bulletin)* 21 (2), 243–258. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.14> (in Russian).

Kriger, V. A. 1984. In Ivanov, V. A. (ed.). *Pamyatniki kochevnikov Yuzhnogo Urala (Monuments of the Nomads of the South Urals)*. Ufa: Bashkirian Branch, Academy of Sciences of the USSR, 102–116 (in Russian).

Kravets, V. V. 2005. *Kochevniki Srednego Dona v epokhu Zolotoi Ordy (Nomads of the Middle Don in the Golden Horde Period)*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University (in Russian).

Matyushko, I. V. 2011. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 9. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 146–155 (in Russian).

Matyushko, I. V. 2016. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 18, nr. 3, 153–160 (in Russian).

Nedashkovsky, L. F. 2011. In Vasilyev, D. V., Zeleneev, Yu. A., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialog of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)*. Kazan; Astrakhan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani of the Tatarstan Academy of Sciences, 231–235 (in Russian).

Ruslanov, E. V. 2022. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 106–113. DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.106.113> (in Russian).

About the Authors:

Ivanov Vladimir A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah. October Revolution St., 3a, Ufa, 450000, Russian Federation; ivanov-sanych@inbox.ru

Protsenko Anton S. Candidate of Historical Sciences. Head of the Department of Archeology. Republican Historical and Cultural Museum-Reserve "Ancient Ufa". Mustaya Karima st. 45, Ufa, 450077, Russian Federation; Institute for History, Language and Literature, Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences. Oktyabrya Av., 71, Ufa, 450054, Republic of Bashkortostan, Russian Federation anton.procenko@mail.ru

Ruslanov Evgeny V. Candidate of Historical Sciences. Institute for History, Language and Literature, Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences. Oktyabrya Av., 71, Ufa, 450054, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; butleger@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2023 г.
Статья принята к публикации 01.10.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.5.171.181>

THE HISTORY OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF THE UNDERGROUND MOSQUE «KHILVET»¹

© 2023 г. M.S. Issayev, T. Apendiyev, G. Batyrbekkyzy, S.T. Shametov

The article presents a schematic overview of the history of archaeological research of the underground mosque «Hilvet». The study is aimed at reviewing and analyzing the archaeological research of the underground mosque «Hilvet», one of the major centers of Sufism, which made a significant contribution to the flourishing development of Sufism and served from the XII century to the first half of the XX century. Different results of archaeological investigations of the underground mosque «Khilvet», repeated reconstruction of the structure created difficulties in determining the exact history of the construction of the object. Specifying the terms and history of construction of such historical monuments allows us to generalize the functional and typological activities of religious underground structures. Expertise and analysis of archaeological data and data on the underground construction of «Khilvet» were carried out using the methods of historical comparison, type-inductive differentiation. The work aimed at revealing the meaning of scientifically refined opinions with an emphasis on methods of comparison and analysis was used in the systematization of data concerning the time and functional activity of the religious underground structure «Khilvet». Based on the results of repeated archaeological excavations that began in the first half of the 1970s and lasted for almost 30 years, it was possible to determine the exact construction date and condition of the original construction of the religious underground structure. The generalization of data from archaeological and historical research works is presented in scientific circulation with differentiation.

Keywords: archaeology, “Khilvet” underground mosque, “Ghar”, Sufism, Khoja Ahmed Yasawi, historiography, religious construction.

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОДЗЕМНОЙ МЕЧЕТИ «ХИЛЬВЕТ»²

М.С. Исаев, Т. Апендиев, Г. Батырбеккызы, С.Т. Шаметов

В статье представлен схематичный обзор истории археологического исследования подземной мечети «Хильвет». Исследование нацелено на рассмотрение и анализ археологических исследований подземной мечети «Хильвет», одного из крупнейших центров суфийского учения, служившего с XII и до середины XX веков, внесший значительный вклад в процветающее развитие суфийского учения. Результаты археологических исследований, проведенных на подземной мечети «Хильвет» разнятся, так как здание неоднократно сносилось и перестраивалось, что создало трудности в определении точной истории строительства объекта. Уточнение даты и истории возведения подобных исторических памятников позволяет обобщить функционально-типологическую деятельность подземных культовых сооружений. Обзоры и анализ археологических сведений и данных о подземном сооружении «Хильвет» проводились методами исторического сравнения типово-индуктивной дифференциации. Отдавая предпочтение методам сравнения и анализа, при систематизации данных, относящихся ко времени строительства и функциональной деятельности религиозного подпольного сооружения «Кылуэт», были использованы работы, направленные на выявление смысла научно выясненных мнений. По результатам неоднократных археологических раскопок, начавшихся в первой половине 1970-х годов и продолжавшихся почти 30 лет, удалось определить точный срок строительства и состояние первоначального строительства религиозного подземного сооружения. Сбор данных археологических и исторических исследований дифференцирован и представлен в научный оборот.

¹ The article was prepared as part of the implementation of the grant funding project of the Ministry of Culture and Sports of the Republic of Kazakhstan «History of the spiritual underground mosques of Kazakhstan and the museumification of the «underground mosque of «Khilvet» (registration number: BR10164268).

² Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Министерства культуры и спорта Республики Казахстан «История духовных подземных мечетей Казахстана и музеефикация «подземной мечети «Хильвет» (регистрационный номер: BR10164268).

Ключевые слова: археология, Подземная мечеть «Хильвет», Гар, Суфизм, Ходжа Ахмет Ясави, история, Культовое сооружение

Introduction

«Khilvet» underground mosque (Fig. 1) is an underground building located 140 meters south-west from the mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi. The name of the underground building is related to the historical secret of the concept of «Khilvet», M. Tuyakbaev cites that the concept of «Khalawat» appeared in the X century. The word «Khalawat» comes from the Arabic word «Khalawatun» - the desire to live alone, at the same time, S. Davydov says that «Khilvet» means «secret» in the Turkmen language (Tuyakbayev, 2000, p. 41).

The main part of the «Khilvet» mosque is the underground «Cave (Ghar)» and the rooms «Meshit» or «Shildekhana» built above it. «Khilvet» mosques consist mainly of «Ghar» and «Shildekhana» rooms, we can see from the construction of «Aulie Kumshik Ata» and «Kishi Khilvet» (Small Khilvet) mosques, and if «Shildekhana» is partially underground, «Ghar» must be located under its floor (Tuyakbayev, 2000, p. 42). «Ghar» is a place where Sufis are isolated and pray. «Shildekhana» is a private room where religious rituals are performed for spiritual purification. At first, orthodox Islamic rulers and aristocracy did not recognize the principles of «Khalawatiya» and persecuted them. Therefore, members of the movement need a secret place to preach their ideas and positions, to perform religious rituals and rituals. Community members, who initially used caves and cellars as places of prayer, began to turn their secret places into mosques. From this, it can be concluded that «Khilvet» underground mosques appeared.

The Nasabnama chronicle, written by Maulana Safiaddin, the niece of Khoja Ahmed Yasawi, states that Khoja Ahmed Yasawi's father Ibrahim Shaykh himself imamized more than thirty underground «Khilvet» mosques, and Ahmed himself taught more than fifty Khilvet, appointing their imams from among his students.

Archaeological researches in the vicinity of the city of Turkestan, including the mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi, begin only from the first years of the Soviet era, that is, from the 1920s. However, archival materials and literature contain general descriptions from the writings of Russian officers and other travelers. Between 1922 and

1927, several research expeditions were organized under the leadership of the Central Administration of Archives and Sredazkomstaris for the Turkish republics. Archival documents show that these studies were limited to taking architectural measurements and taking pictures of the mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi, taking measures for repair work, and did not pay attention to the construction of underground mosques.

The D. Nechkin archaeological expedition, established in 1922–1923 on a special assignment of the Central Department for Archives of the Republic of Turkmenistan, is photographing the mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi with architectural dimensions. Based on this, measures were taken to remove the monument for protection and carry out repair work. The expedition included A. Semenov, A. Schmidt and engineer S.Orlov (Mironov, 1926, p. 28).

In 1925 B. Denike and engineer M. Loginov during the archaeological expedition of the cities of Zhetysay and Turkestan, did not go further than taking architectural measurements and taking photographs of the mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi (Mironov, 1926, p. 30). The work of these archaeological expeditions is limited to making architectural measurements and photographs, taking measures for preservation and repair of the monument. As a result of this expedition, in 1924 research was carried out on the foundation of the mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi (Umnyakov, 1926, p. 30). The first archaeological study of the mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi was conducted in 1928 under the supervision of M. Masson. A special article and monographic work by M. Masson was published about this (Masson, 1929, p. 21–68). However, none of these works report archaeological investigations of the underground «Khilvet» mosque.

It is partially found in the works of foreign scientists related to underground spiritual and religious places. Sufi tradition in the studies of foreign researchers such as M. Brokesap (Brokesap, 1987), P. Froese (Froese, 2005), M. Kemper (Kemper, 2009), E. Tasar (Tasar, 2018) in the Soviet period related to the religious situation in Central Asia and Kazakhstan, conclusions and

Fig. 1. «Khilvet» underground mosque.
Рис. 1. Подземная мечеть «Хильвет».

data about underground mosques and holy places were specially considered.

In the territory of Kazakhstan, there are many underground religious buildings in the Mangistau region. Many of the underground buildings in the Mangistau region are connected with the name of Beket ata. «The largest number of monuments and places of worship in Kazakhstan are located here» (Koshim et.al, 2020, p. 33–41). Similar to the underground mosques of the Turkestan region, underground mosques in this region served as mosques and «Ghar» rooms.

The study of the history, functional function and architectural features, the spiritual potential of religious buildings and sacred sites, including underground mosques, as a material cultural heritage of Kazakhstan, will allow our country to conduct a historical analysis of the spread of Islam and the specific features of the development and formation of religious traditions.

Full-fledged comprehensive research in the field of domestic historical science on the history of spiritual underground mosques in Kazakhstan, their functional activities, and architectural specifics has not been conducted. Nevertheless, they occupy a special place in the history and cultural and spiritual life of our country.

In the course of research work on underground mosques, which are historical and material cultural heritage, it is necessary to collect historical written data and legends, and conduct their scientific examination. Comparison of the collected material with historical data, obtained historical, social, and cultural information makes it possible to identify the spiritual and cultural potential of underground mosques.

Currently, an important issue is determining the scientific, technical, economic, social and organizational conditions necessary to protect underground mosques in Kazakhstan from natural and anthropogenic damage that are registered, not removed, and their connection to a tourist site. For this purpose, the study of the history of underground mosques in the country, adequate promotion of the collected scientific data and data becomes an urgent issue.

The variety of research results related to the identification of the history and activities of the underground mosque «Khilvet», the years of construction, repeated changes in construction, and difficulties in determining the exact period of improvement. Only thanks to years of archaeological research work, it was possible to draw accurate conclusions. Determining the

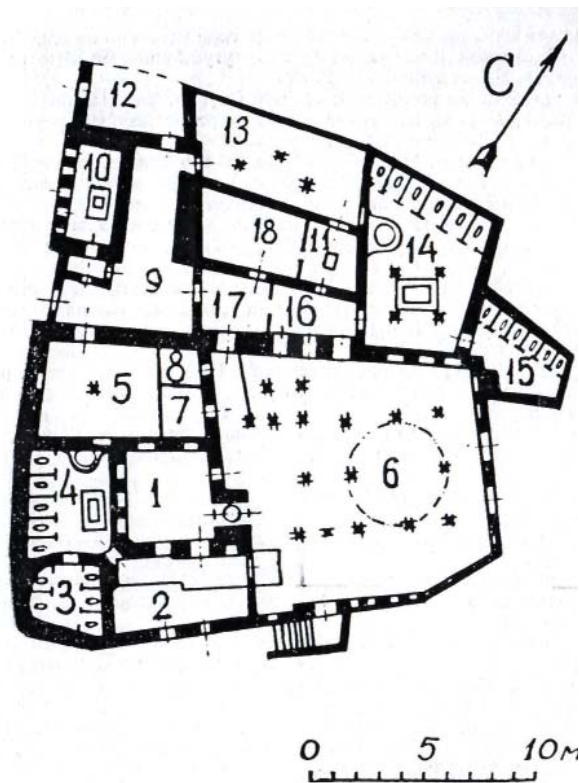

Fig. 2. The A.L.Schmidt's layout of the «Big Khilvet» mosque. 1940 y.

Рис. 2. Макет мечети "Большой Хильвет", выполненный А.Л. Шмидтом. 1940 г.

history and dates of construction of underground mosques allows us to accurately summarize the typological function of these structures.

Analysis and analysis of historical data on the underground mosque «Khilvet» was carried out using historical comparative and historical-typological, inductive methods. Priority was given to methods of comparison and analysis, aimed at revealing data on the period of activity and construction of the underground mosque «Khilvet», the content of scientifically formulated facts.

There is reason to believe that the first archaeological studies of the underground mosque «Khilvet» began in 1940 with the layout, designed by the architect (in the scientific literature, once a sculptor, once an archaeologist, once a traveler) A. Schmidt (Fig. 2). This is due to the fact that archaeological studies of the underground mosque «Khilvet» are almost entirely based on this layout. As you know, the creation of the layout of the capital construction of the underground mosque «Khilvet» was not without archaeological research. In the work of E. Smagulov, F. Grigoriev, A. Itenov «Essays on the history and archaeology of middle-century

Turkestan» «before the destruction of the great sword in 1940, the architect A. Schmidt developed a model of the interior made of wood and papier-mache (Fig. 3). It can be used to determine the appearance of a mosque in the first half of the twentieth century (Smagulov, Grigor'ev, Itenov, 1999, p. 138).

The correctness of the layout is confirmed by the oral data of old-timers that the underground mosque «Khilvet» operated until the 1940s, and secondly, in the book of the famous Russian orientalist V. Gordlevsky «Concept of the history of the Turkestan sanctuary «about «Khilvet»: «until the first half of the twentieth century, followers of the path of Khoja Ahmed Yasawi instead of his worship gathered thousands (up to twenty thousand)» (Smagulov, Grigor'ev, Itenov, 1999, p. 136) - provides information. The search for articles and a written report by A. Schmidt on the conducted research has not yet ended in vain. According to the layout, the underground «Khilvet» mosque has an area of 20.5×11.5 m² and descended from the northeast to the southwest (Senigova, 1977, p. 47).

However, as a result of archaeological research conducted in subsequent years, the remains of the walls of the original construction of the underground mosque «Khilvet» were discovered, which revealed a discrepancy between these walls and the layout developed by A. Schmidt. As it is proved that the construction of the underground mosque «Khilvet» consists of several stages (Smagulov, Grigor'ev, Itenov, 1999, p.138).

A thorough archaeological study of the underground mosque «Khilvet» began in 1972–1973. In 1972-1973, the Institute of History, Archeology and Ethnology of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR together with the Ministry of Culture of the Kazakh SSR conducted archaeological studies of monuments in the protected area of the Khoja Ahmet Yasawi memorial complex in Turkestan. Among the religious structures in which archaeological excavations are conducted are «Small Khilvet», «Childekhana» and «Big Khilvet» (Senigova, 1977, p. 42).

M. Tuyakbayev writes that such historical sites as «Small Khilvet», «Big Khilvet» were demolished in 1942, and the bricks were used to build a fat plant in Turkestan (Tuyakbayev, 2000, p. 42). However, evidence of the reconstruction and operation of the underground mosque «Khilvet» by the Sufis in the Soviet period is not found in the scientific literature. In the report of

Fig. 3. The A.L.Schmidt's model of the interior of the «Big Khilvet» mosque. Made of wood and papier-mache.

Рис. 3. Макет интерьера мечети «Большой Хильвет», выполненный А.Л. Шмидтом. Изготовлен из дерева и папье-маше.

the senior inspector of the authority for religious customs affairs under the Council of Ministers of the Kazakh SSR P. Galikhaidarov dated September 20, 1948, it is stated that the underground mosque «Khilvet» was demolished in 1932–1933 (SA RF, ф. P-6991, д. 414, л. 132). This was the first demolition of the underground mosque «Khilvet» in Soviet times.

In Soviet time, the underground «Khilvet» mosque was demolished and seized for the construction of a building materials creamery (Smagulov, Grigor'ev, Itenov, 1999, p. 138) T. Senigova was unable to conduct large-scale archaeological excavations, as the presence of other extensions above the underground mosque, built and operating in the Soviet period, prevented the full excavation. Only by digging 3 trenches in an easterly direction along the north-east wall and 3 trenches in a northerly direction to determine the direction of the main wall and the A. Schmidt of this wall. Having determined that it corresponds to the layout developed by A. Schmitt, based on the examination of ceramic dishes found during excavations of the interior of the underground mosque «Khilvet», the building was built in the XV–XVI centuries, «he concludes (Senigova, 1977, p. 58). During these archaeological excavations, research is also conducted inside the «Ghar» premises (Fig. 4, 5, 6). About it T. Senigova: «at the bottom there is an entrance to the underground room - «Ghar»

is made in the form of an oval well (hatch) with a diameter of 75x90 cm and a depth of 1.10 cm. Then there is a long corridor surrounded by a box wall, with four brick stairs. The corridor leading to the «Ghar» is oriented to the east, like a mihrab, and ends with an arch of 12 baked ceramic (brick) slabs. The width of the arch is two bricks (55 cm). Corridor 40 cm depending on the main size of the arch tapers to 50 cm up until it expanded. «Ghar» has a square shape (1.34×1.34 m) and is crowned with a dome; the floor is lined with baked bricks. Two opposite walls of «Ghar» have one recess lined with bricks in the corner. Groove height 50 cm, width 30 cm. Opening depth 25–27 cm. (Senigova, 1977, p. 48–50),– gives a definition.

Incomplete archaeological excavations of the external walls of the object by T. Senigova did not allow us to accurately determine the period of construction of the building. Analyzing the findings during archaeological excavations, T. Senigova mistakenly concludes that the age of the building is the XV–XVI centuries. Vessels typical of the XV–XVI centuries found inside the building are probably evidence that the underground mosque «Khilvet» has not stopped its activity since that era. Analyzing the archaeological excavations carried out in 1972–1973, in 1979, archaeological research was carried out by E. Smagulov, and A. Schmidt found that the layout of the Big Khilvet complex is created

Fig. 4. The door of the underground room – «Ghar».
Рис. 4. Дверь подземного помещения – «Гар».

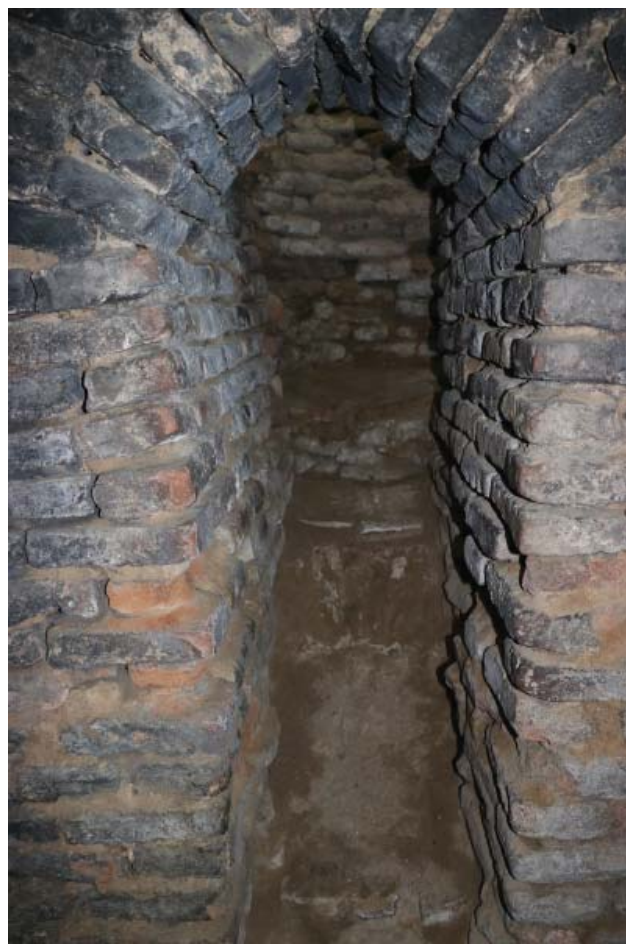

Fig. 5. The corridor of the underground room – «Ghar».
Рис. 5. Коридор подземного помещения – «Гар».

Fig. 6. «Ghar» has a square shape (1,34×1,34 m) and is crowned with a dome.
Рис. 6. «Гар» имеет квадратную форму (1,34×1,34 м) и увенчан куполом.

through diversified premises, which consist of two stages of construction.

During the archaeological excavations conducted in 1979, it is noted that the underground mosque «Khilvet» is located underground for almost half the height of the entire wall. However, the question of whether the underground «Khilvet» mosque was originally built as a partially underground structure or whether the walls were partially buried in the ground due to the growth of the cultural layer that remained around it was not answered. But this study claims that the «Ghar» room of Khoja Ahmed Yasawi, who, after reaching the age of the prophet, went underground and spent the rest of her life there, could have been minted in the XII century». According to folk legend, the oldest room is «Khilvet», and it is there that the mosque «Ghar» is located, which is believed to have lived before the death of Khoja Ahmed Yasawi, and is located under the floor in the corridors. That is, its construction can be attributed to the XII century» (Smagulov, Grigor'ev, Itenov, 1999, p.141).

During an archaeological survey conducted in 1979, E. Smagulov reported that the roofs of the Great Hall where the General Assembly is held, which is the main room of the underground «Khilvet» mosque, were supported by sixteen columns (Fig. 7) and that the columns were relief Turkistan ornaments, the original columns of which are currently located in the exhibition in the Tashkent Art Museum of G. Pugachenkova «On carved wooden columns of the XIV–XV century Turkistan» (Pugachenkova, 1948, p. 40–53), referring to his work.

The second stage of construction was built into this great hall, so the entrance door was placed on the west wall of the Great Hall. The second stage of construction includes rooms. This part mainly consists of utility rooms. As it was established during the excavations of these rooms, the structures of the second stage were not built at the same time. This is because the floor level in each room is different than in written research reports.

In the article «Religious buildings» of E. Smagulov, F. Grigoriev, A. Itenov, the underground mosque «the room has a domed roof», – expressed the opinion (Smagulov, Grigor'ev, Itenov, 1999, p. 141). The domed Dome of any of the Middle Ages is a sign of history. The origin of the central mausoleum of Central Asia from the temples of the East is associated with the fact that some religions found in Asia are prepared for the

Eastern origin of the construction of Khorasan, Maverannahr and widespread Islam, domed structures, mausoleums, if a complex study of social and ideological aspects is carried out (Baitenov et.al, 2019, p. 80–93).

In 1982, the underground mosque «Khilvet» was repaired by the institution «Kazkaitazhangyrtu». According to the data from the departmental archive of the institution «Kazkaitazhangyrtu», «during the study of preliminary design work in 1980, it was found that only the remains of the walls of the «Shildehana» room were preserved. The project was developed based on the layout of A. Schmidt, made in the 40s, for restoration work. According to this project, restoration work was carried out» (Kazkaitazhangyrtu ... қ. I: 1). It seems that even after the archaeological research carried out in 1972–73, there were no significant changes in the underground mosque «Khilvet». After all, there are no significant differences compared to the documents of the research carried out by the institution «Kazkaitazhangyrtu» for design work and the records of T. Senigova who conducted archaeological excavations in 1972–1973. According to the layout, eighteen rooms were indicated, but only two were preserved until the start of reconstruction. The walls of the rooms were also demolished, but they were rebuilt under the auspices of unknown sympathizers. The restoration project, carried out in 1982, included the south-eastern wall, and 8 previously built rooms were restored according to the layout (Kazkaitazhangyrtu ... f. I: 1).

In 1997, the design and engineering institution «Kazkaitazhangyrtu» conducted a full-scale external inspection of the building of the underground mosque «Khilvet», as a result of which deviations from the construction design system were revealed. According to the departmental archive of this institution, «it was found that the distances of the main columns, the joints of the rafters, the composition of the roof and the geometric dimensions of the walls were not observed» (Kazkaitazhangyrtu ... f. I: 1).

The next archaeological excavations of the underground mosque «Khilvet» were carried out in 1996 at the expense of the «Azret Sultan» State Historical and Cultural Reserve-Museum under the leadership of archaeologists E. Smagulov and M. Tuyakbayev. M. Tuyakbayev's article «Archaeological research in Big Khilvet» notes that determining the age of the «Ghar» room

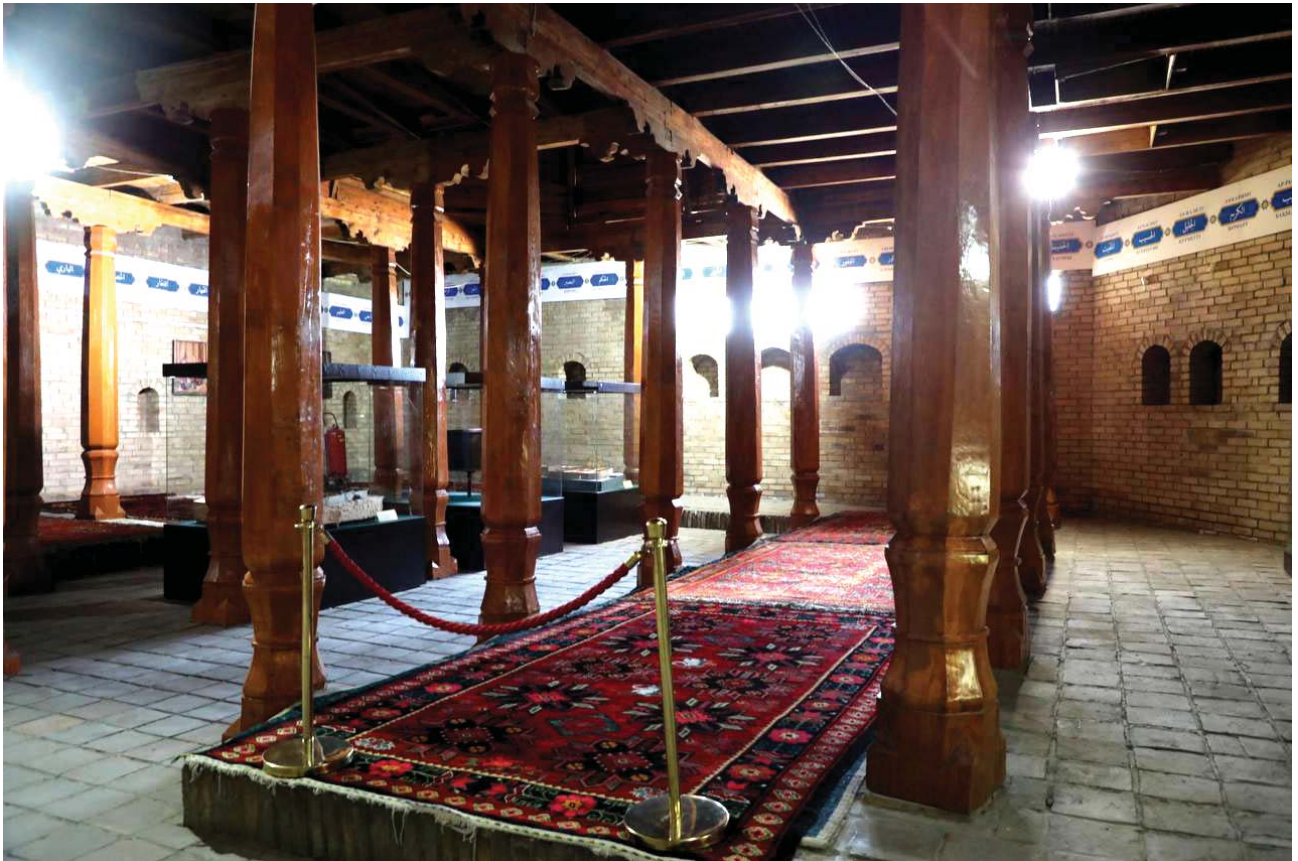

Fig. 7. The main room of the underground «Khilvet» mosque and columns.

Рис. 7. Основной зал подземной мечети «Хильвет» и колонны.

is the main goal of archaeological excavations (Tuyakbayev, 2000, p. 42–48).

During the excavations, it was found that the construction time of the «mosque» and «Ghar» was of two types. This is due to the fact that the mismatch of the walls of the current underground mosque with the walls of the «Ghar» indicates that the mosque room was rebuilt later or on the site of a demolished building. The written report on this stressed that «first of all, the direction of the walls of the «Ghar» and the walls of the Mosque room located above it is somewhat inconsistent, with an oblique angle to one of them (about 15 degrees). Even in the layout of A. Schmidt, these walls do not coincide exactly in the same way. The south-western wall of the mosque passes over the «Ghar». The discrepancy between the walls of the «Ghar» and the walls of the mosque room indicates that the two buildings are not related to each other in terms of construction time» («Azret Sultan» ... f. 6: 1).

The main archaeological work was carried out on the outside of the «Ghar» wall. During the initial survey work for excavation (pit) at a depth

of more than one meter, the place of the wall knocked out of the reeds is found. The construction volume on this wall is about a meter less than the current wall of the «mosque», but it is parallel to the current wall, that is, it is inclined about 15 degrees from the «Ghar» wall». The topmost «Ghar» flap is about a meter below. From here, the fired ceramic floor of the mosque room is also tilted by 15 degrees. The conclusion from this shows that the wall of the mosque, forged from reeds, was also laid after the construction of «Ghar». This is stated in M. Tuyakbayev's article «Archaeological research in Big Khilvet», which» indicates that the wall of reeds is the site of a former mosque from the current «mosque», but was built after the «Ghar» room (Tuyakbayev, 2000, p. 42–48). This article claims that on top of the «Ghar» there used to be a structure in the shape of another square or circle, and later a «mosque» was built instead, possibly built in the XV century.

The above evidence suggests that the underground «Khilvet» mosque may have been rebuilt from burnt ceramics during the time of Amir

Timur during the construction of the mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi. M. Tuyakbayev's article «Archaeological research in Big Khilvet» states that «the reconstruction of «Khilvet» from burnt bricks is connected with the Timurid period, the construction of the mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi. In those days, in addition to the mausoleum, in the direction of «Pilgrimage (ziyarat)» included «Khilvet» and the residential building of Ahmed Yasawi (now the site of the «Zhuma (Friday)» mosque, located near the mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi) and the burial places of his relatives. Amir Timur was also interested in places associated with the name of Yasawi, and intended to make a full pilgrimage. During the pilgrimage, you could see the pathetic «Khilvet», built of reeds. Thus, the current floor level of the mosque «room rose 80 cm higher than the original, and the «Ghar» went deeper by another meter. The wall of the well (hatch) «Ghar» is additionally lined with nine rows of ceramics. This can be easily determined by the image of the well (manhole) shown during the explosion. The walls of the square in front of the entrance to the «Ghar» were raised by nine more rows of brickwork and surrounded and reinforced with logs on four sides. Rafters were also installed over the entrance arch, thus trying to reduce the weight from above» (Tuyakbayev, 2000, p. 42).

Despite the fact that the age of the buildings on the «Ghar» was determined in the course of previous archaeological research, the actual issue remained determining the time of construction of the «Ghar» premises. To achieve this goal, in 1996, archaeologists conducted excavations on the outside of the «Ghar» wall. During the excavation, fragments of pottery were found in the soil outside the wall. Examination of parts of the finds shows that they are characteristic of the X–XII centuries. In addition, the walls of «Ghar» have dimensions of about 24×27 cm. large ceramics were widely used in the XI–XII centuries. This was reported by M. Tuyakbayev «dimensions 24×27; 25×26; 26×26 cm. such bricks that will be in the XI–XII centuries. Central Asia, it is known for its numerous ritual and memorial structures. The same bricks were used in the construction of the walls of the first stage of the mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi, which differ from the bricks of the second stage, created specifically for the mausoleum between the XIV and XV centuries. At the first stage of construction,

they demolished the old buildings that were part of the territory of the future mausoleum, and used them to build the lower parts of the walls. This is the reason for the anomalies of bricks of the first stage of construction «Khilvet» from 24 cm to 27 cm» («Azret Sultan» ...f. 6, p. 2), concludes.

Also in 1972–1973, archaeological excavations were carried out in the north-western part of «Khilvet», where no excavations were carried out due to the construction of outbuildings. However, since this part of the building is an additional service part built in the XVIII–XX centuries, according to the decision of experts, it was suggested that it has no historical or architectural value.

In 1999, the Turkestan branch of the Kazkaitazhangyrtu institution excavated the north-western part of the building. But this year, only the layer that is characteristic of the nineteenth and twentieth centuries is revealed.

In 2000, archaeological research will resume. In the course of this research, it was discovered that the north-western part of the building was reconstructed in the XIX century according to the layout of A. Schmidt.

According to the archaeological research of T. Senigova, conducted in 1996 in 1972–1973, the construction of the «Ghar» is characteristic of the XII century it was argued that the prevailing opinion that it was built was a hasty statement that part of the underground mosque «Khilvet», which was considered the first, actually belonged to a later construction.

After analyzing the results of the above-mentioned archaeological studies, we can see that the underground mosque «Hilvet « was studied by archaeologists at different levels. Analyzing the research data and written reports, we can draw the following conclusions. Archaeological studies conducted in different years by T. N. Senigova and E. Smagulov showed that the date of construction of the underground mosque «Khilvet» in the XV–XVIII centuries is a mosque that was rebuilt over an ancient mosque minted from reeds in the XIII–XIV centuries. The first underground mosque «Khilvet» was a building consisting of only two rooms. These are: a round room for making «dhikr» on «Ghar» and a mosque with a square-shaped mihrab. Over time, the underground «Khilvet» gradually expanded to its current size.

Based on the analysis of archaeological research, our article fully proves that the «Ghar» and the underground circular mosque built on top of it were built in the XII century. This is evidenced by fragments of ceramic objects found during the excavation of the Ghar room, and square-shaped ceramics, approximately 24x27 cm in size, with the walls of the Ghar. Scientific expertise has established that the found ceramic objects belong to the X–XII centuries, and ceramics measuring 24×27 cm are widely used in other historical monuments of Central Asia and Kazakhstan dating back to the X–XII centuries, was discovered on the basis of an analysis of archaeological research.

The underground mosque «Khilvet» was studied by archaeologists at different levels. Analyzing the research data and written reports, we can draw the following conclusions. Archaeological studies conducted in different years by N. Senigova and E. Smagulov showed that the date of construction of the underground mosque «Khilvet» in the XV–XVIII centuries is a mosque that was rebuilt over an ancient mosque minted from reeds in the XIII–XIV centuries. The first underground mosque «Khilvet» was a building consisting of only two rooms. These are: a round room for building «dhikr» on «Ghar» and a mosque with a square-shaped mihrab. Over time, the underground «Ghar» mosque gradually expanded to its current size.

In connection with the construction of the mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi in the late XIV and XV centuries, the former «Khilvet» was demolished and rebuilt in its place from burnt ceramics. The floor level has undergone significant changes due to the fact that several

repairs have been carried out on this part, which is built of brick.

It is known that in the second half of the XVI century, Khan Abdullah II made repairs to the portal and roof of the mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi and built a bathhouse and a madrasah. It is impossible not to make repairs and take into account the opinion of the representatives of the major local religions, seeing in this visit the north-western wall of the underground mosque «Khilvet», which was knocked out of the rubble. Therefore, we conclude that the Northern Economic part of the underground mosque «Khilvet» was founded in the last quarter of the XVI century with burnt pottery.

In conclusion, the underground mosque «Khilvet» was built underground in the first version, which was transformed into a semi-underground mosque under the influence of subsequent construction and repair. The underground mosque «Khilvet», as the main center that created the conditions for the widespread and successful spread of Sufism among the Turkic peoples, is a unique religious structure that has its own influence on its widespread spread.

Thus, in the course of our research, it was established that the underground mosque «Khilvet» was built underground in the original version, and then transformed into a semi-underground mosque under the influence of several subsequent construction and repair works. In addition, earlier in archeology, it was concluded that the main part of the underground mosque «Khilvet» was built in the XII century and since then has become the main center that contributed to the widespread spread of Sufism among the Turkic peoples.

REFERENCES

“Azret Sultan” memlekettik tarihi-madeni koryk-muzej arhivi. Archive of the state historical and cultural reserve-museum found. 6-k., 8-t., 5-is, 1-p. (in Kazakh)

Kazkajtazhangyrtu mekemesinin vedmostvalyk arhivi (Archive of the «Kazkajtazhangyrtu». I tom, I kitap. (in Kazakh).

Masson, M. E. In *Izvestiia Sredneaziatskogo geograficheskogo obshchestva (Bulletin of the Central Asian Geographical Society)* XIX (in Russian).

Mironov, A. M. 1926. In *Izvestiya Sredne-Aziatskogo komiteta po delam muzeev, okhrany pamyatnikov stariny, iskusstva i prirody (Sredazkomstaris) (Bulletin of the Central Asian Committee for Museums, Protection of Ancient Monuments, Art and Nature)*. 2. Tashkent: “Sredazkomstaris” Publ., 12–41 (in Russian).

Pugachenkova, G. A. 1948. In *Izvestiya Akademii nauk Kazakhskoy SSR. Seriya arkhitekturnaya (Proceedings of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Architectural series)* 3, 40–53 (in Russian).

1948. *Doklad starshego inspektora upravleniya po delam religioznykh obychaev pri Sovete Ministrov Kazakhskoy SSR P. Galikhaydarova ot 20 sentyabrya 1948 goda (Report of the senior inspector of the*

authority for religious customs affairs under the Council of Ministers of the Kazakh SSR P. Galikhaidarov dated September 20, 1948). State archive of Russian Federation. Fund. R-6991-k., dossier 414. 3-t. (in Russian)

Tuyakbaev, M. 2000. *Turkistan syrlary (Secrets of Turkestan)*. Almaty: "Atamura" Publ., (in Kazakh).

Senigova, T. N. 1975 *Kul'tovye sooruzheniya okolo mavzoleya Khodzhi Akhmeda Yasevi (Cult construction near the Mausoleum of Khoja Ahmed Yasevi)*. Series: Voprosy arkheologii yuzhnogo i zapadnogo Kazakhstana (Issues of Archaeology of the Southern and Western Kazakhstan). Almaty: "Nauka" Publ. (in Russian).

Smagulov, E., Grigor'ev, F., Itenov, A. 1999. *Ocherki po istorii i arkheologii srednoviekovogo Turkestana (Essays on the history and archaeology of Middle-century Turkestan)*. Almaty: "Gylym" Publ. (in Russian).

Umnyakov, I. I. 1926. In. *Izvestiya Sredne-Aziatskogo komiteta po delam muzeev, okhrany pamyatnikov stariny, iskusstva i prirody (Sredazkomstaris) (Bulletin of the Central Asian Committee for Museums, Protection of Ancient Monuments, Art and Nature)*. 1. Tashkent: "Sredazkomstaris" Publ., 26–41 (in Russian).

Baitenov, E., Tuyakbayeva, A., Abdrasilova, G. 2019. In *Frontiers of Architectural Research* (8), 80–93 (in English).

Broxup, M. 1987. In. *Asian Affairs*, 18, 283–293. (in English).

Froese, P. 2005. In. *Journal of Church and State*. 47, 473–501 (in English).

Kemper, M. 2009. In. *Die Welt des Islams*. 49, 1–48 (in English).

Koshim, A.G., Sergeyeva, A.M., Saparov, K.T., Berdibayeva, S.K., & Assylbekova, A.A. 2020. In. *GeoJournal of Tourism and Geosites*. 34, 33–41 (in English).

Tasar, E. 2018. Jo-Ann Gross, Devin DeWeese (ed.). *Sufism in Central Asia*. Boston: Brill, 256–283 (in English).

About the Authors:

Issayev Mukhtar S. PhD, Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University. B. Sattarkhanov Ave., 29B, Turkestan, 161200, Republic of Kazakhstan; mukhtar.issayev@ayu.edu.kz

Apendiyev Timur A. PhD. Abai Kazakh National Pedagogical University. Dostyk ave. 13, Almaty, 050010, Kazakhstan; timur.apendiev@mail.ru

Batyrbekkyzy Gaukhar. PhD. South Kazakhstan State University named after M. Auezov. Tauke-khan Ave., 5, Shymkent, 160018, the Republic of Kazakhstan; goha_batyr@mail.ru

Shametov Saken T. «Azret Sultan» State Historical and Cultural Reserve-Museum. Aitike Bi, 1B Str., Turkistan, 161204, Kazakhstan; shayan65@mail.ru

Информация об авторах:

Исаев Мухтар Сеитханулы, PhD, Международный казахско-турецкий университет имени Ходжа Ахмеда Ясави. Туркестан, Казахстан, mukhtar.issayev@ayu.edu.kz

Апендиев Тимур, PhD, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Алматы, Казахстан, timur.apendiev@mail.ru

Батырбеккызы Гауһар, PhD, Южно-Казахстанский университет имени М. Ауэзова, Шымкент, Казахстан, goha_batyr@mail.ru

Шаметов Сакен Таласбекович, научный сотрудник, Государственный историко-культурный музей-заповедник «Азрет Султан». Туркестан, Казахстан, shayan65@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2023 г.

Статья принята к публикации 01.10.2023 г.

Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.5.182.195>

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ОСТАТКОВ МОРСКОЙ КРЕПОСТИ МАРАКЛЕЯ (ХАРАБ МАРКИЯ) В АКВАТОРИИ СИРИЙСКОЙ АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 2021-2022 ГГ.¹

©2023 г. В.В. Лебединский, В.В. Прудников

В январе и сентябре 2022 г. были продолжены исследования сирийско-русской подводной археологической экспедиции, которые проходят в акватории мухафазы (далее провинция) Тартус Сирийской Арабской Республики. К настоящему моменту группой специалистов Института востоковедения РАН и Севастопольского государственного университета проведены обследования целого ряда подводных археологических объектов. Одно из мест, где проводит исследования международная экспедиция – это уникальные сооружения морской крепости Мараклея, находящиеся у населенного пункта Хараб Маркия. Участниками экспедиции было проведено изучение и фиксация этих сооружений на морском дне. Целью исследований было создание общего плана и цифровой модели этих уникальных сооружений, а также анализ письменных источников о данной морской крепости, для получения объективной информации и интерпретации выявленных объектов. Долгое время Мараклея была небольшим приморским городком, тем не менее, имевшим богатое историческое прошлое. После Первого крестового похода он стал одним из важнейших владений крестоносцев, входивших в состав графства Триполийского, которому, в свою очередь, суждено было стать последним оплотом западного рыцарства на Святой земле. Именно Мараклея стала предметом ожесточённой борьбы между крестоносцами и мамлюкскими султанами, в результате которой город был буквально стёрт с лица земли. Однако в кратчайшие сроки в море, напротив разрушенной Мараклеи, был возведён замок с одноимённым названием. Современники и историки сходились во мнении, что эта вознесшаяся из морской пучины крепость являлась для своего времени мощнейшим фортификационным сооружением и по многим своим характеристикам практически не имеет аналогов в мировой истории. Несмотря на то, что укрепление просуществовало сравнительно недолго, оно оставило очень яркий след в истории и продолжает оставаться предметом дискуссий ученых.

Ключевые слова: подводно-археологические исследования, Сирийская Арабская Республика, Тартус, Хараб Маркия, затопленные сооружения, Мараклея.

RESULTS OF THE STUDY OF THE SEA FORTRESS REMAINS OF MARACLEA (KHARAB MARAQIYA) IN THE WATER AREA OF THE SYRIAN ARAB REPUBLIC IN 2021-2022²

V.V. Lebedinskiy, V.V. Prudnikov

In January and September 2022, the studies of the Syrian-Russian underwater archaeological expedition continued in the water area of the Tartus Governorate. To date, the specialists of the Institute of Oriental Studies RAS and the Sevastopol State University has examined a number of underwater archaeological sites. One of the places, where the international expedition conducts research, is the unique structures of the sea fortress of Maraclea, located near the settlement of Kharab Maraqiya. The expedition members studied and fixed these structures on the seabed. The purpose of the studies was to create a general plan and a digital model of these unique structures, as well as to analyze written sources about this sea fortress in order to receive objective information and interpretation of the identified objects. For a long time Maraclea was a small coastal town, nevertheless it had a rich historical past. After the First Crusade, it became one of the most important Crusader possessions, part of the County of Tripoli, which in turn was destined to become the last stronghold of Western chivalry in the Holy Land. It was Maraclea that became the subject of a fierce struggle between the crusaders and the Mamluk sultans, as a result of which the town was literally wiped off the ground. However, in the short-

¹ Исследования проводятся и финансируются в рамках подпрограммы «Археонет» программы «Приоритет-2030».

² The studies are conducted and funded under the “Archeonet” subprogram of the program “Priority-2030”.

est possible time, a castle with the same name was erected in the sea, opposite the destroyed Maraclea. Contemporaries and historians agree that this fortress Maraclea, rising from the depths of the sea, was for its time the most powerful fortification and, in many of its characteristics, has almost no analogues in world history. Thus, although sea fortress Maraclea did not last long, it remained a very bright trace in history and continues to be the subject of the discussions among the scientists.

Keywords: underwater archaeological studies, Syrian Arab Republic, Tartus, Kharab Maraqiya, flooded structures, Maraclea.

В январе и сентябре 2022 г. были продолжены исследования сирийско-российской подводной археологической экспедиции, которые проходят в акватории мухафазы (далее провинция) Тартус Сирийской Арабской Республики (Лебединский и др. 2020, 2022). Работы выполняются российскими специалистами Севастопольского государственного университета, Института востоковедения РАН, сирийскими учеными из Департамента древностей и музеев провинции Тартус при поддержке Русского географического общества и Экспедиционного центра МО РФ, на основании договора об учреждении совместной сирийско-российской миссии для проведения исследовательских подводных работ в акватории г. Тартус от 08.10.2019 № 13/2019. Руководители работ: с российской стороны - доцент кафедры «Востоковедение» Севастопольского государственного университета, заведующий Центром историко-археологических исследований Крыма и Средиземноморья Института востоковедения РАН, к.и.н. В.В. Лебединский, с сирийской стороны - директор Службы Древностей и музеев провинции Тартус доктор Марван Хассан.

Исследования проводятся в регионе, который на протяжении тысячелетий был ключевым местом в морских торговых путях Восточного Средиземноморья, – в районе города Тартус и острова Арвад, Тартус был крупным торговым городом-государством в финикийский, греческий и римский периоды, наравне с Тиром и Сидоном, и упоминается еще в ветхозаветных библейских текстах.

Целью исследовательских работ является поиск, фиксация (фото- и видеосъемка, нанесение на план) и обследование подводно-археологических объектов в акватории провинции Тартус и острова Арвад. Обследование района проводится водолазной группой, с применением различных технических средств.

К настоящему моменту специалистами Института востоковедения РАН и Севастопольского государственного университета

проведены обследования целого ряда подводных археологических объектов. Одно из мест, где проводит исследования международная экспедиция, - это уникальные сооружения морской крепости Мараклея, находящиеся у населенного пункта Хараб Маркия (рис. 1). Участниками экспедиции было проведено обследование и фиксация этих сооружений на морском дне. Результатами работы экспедиции стали создание общего плана и цифровой модели данных сооружений, анализ письменных источников об этих крепостных сооружениях для получения объективной информации и интерпретации выявленных объектов.

В ходе работ на данном объекте была произведена аэрофотосъемка с использованием современного оборудования: квадрокоптеров DJI Fly 2 More Combo (производитель DJI, КНР) и морского квадрокоптера SplashDrone 2 (производитель Swellpro, КНР). Полученные данные позволили с помощью метода фотограмметрии составить общий план объекта (рис. 2: а), ортофотопланы были использованы для создания топографического плана памятника. Визуальное обследование объекта позволило выявить под водой целый ряд архитектурных деталей: колонны и каменные блоки различной формы и размеров. Полученная в ходе обработки данных цифровая модель может применяться для последующей научно-исследовательской работы, реконструкции и мероприятий по сохранению данного памятника (рис. 3).

Для интерпретации обследованных сооружений мы обратились к письменным источникам. Сохранился целый ряд источников, которые описывают данный район в эпоху крестоносцев. Так, Гвиберт Ножанский в следующих словах повествует о взятии крестоносцами Тортозы (Тартус) и Мараклеи: «Этот город, расположенный на море, имеет прекрасный порт в одном из его пригородов. На следующий день наши приготовились атаковать город в полном составе, но когда они собрались для боя, то обнаружили, что

Рис. 1. План-схема района исследования. Текстурированная модель с платформы GoogleEarth. (Maxar Technologies).

Fig. 1. Sketch-map of the study area. Textured model from the GoogleEarth platform (Maxar Technologies).

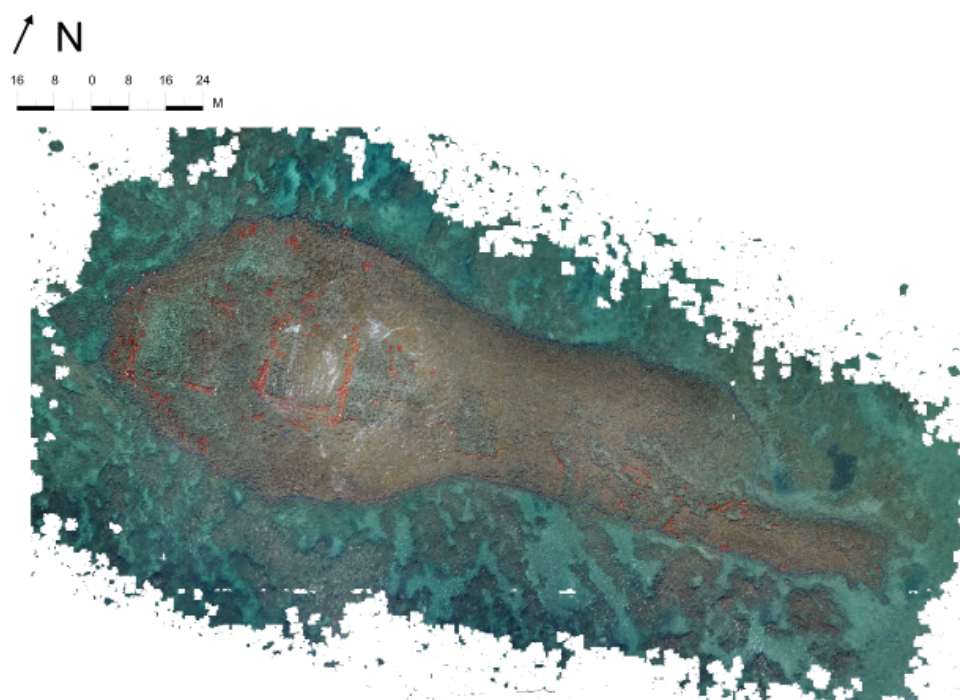
город пуст. Войдя, они оставались там только до тех пор, пока не отправились на осаду города Аркас, о котором я упоминал выше. Однако поблизости находился еще один город, который назывался Мараклея. Тот, кто им заведовал, которого называли адмиралом (эмиром – В.П.), немедленно приготовился заключить соглашение и вскоре принял наших людей и их знамена в городе» (Guibert de Nogent, 1996, p. 259). Город открыл свои ворота для воинов Христа в феврале 1099 г. (Histoire anonyme, 1924, p. 186-187).

Но крестоносцам не удалось сразу утвердиться в этом городе. Если верить генуэзскому историку Каффаро, побывавшему в этих местах около 1101 г., то власть в этом маленьком городке, рядом с морем, названным им на арабский манер «Марахия» (Marachia), принадлежала грекам-византийцам, а в соседнем Баньясе всё ещё заправляли мусульмане (Annali genovesi, 1890, p. 115).

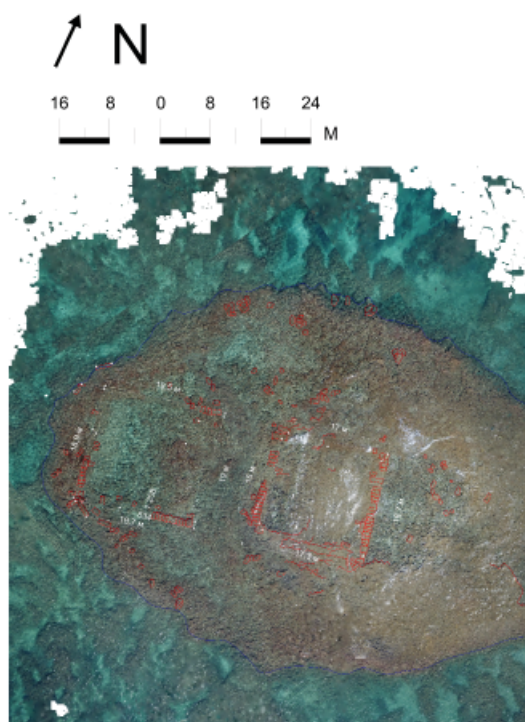
Когда Бодуэн покинул Эдессу, чтобы принять в Иерусалиме наследство своего

брата Готфрида Бульонского, он проезжал через Мараклею. Эта территория была занята регентом Антиохии Танкредом между 1109 и 1111 гг. Когда Бертран, граф Триполи, умер в январе 1112 г., у него остался сын Понс, еще очень маленький. Танкред позаботился о его образовании и передал ему во владение несколько городов: Тортозу, Сафиту, Мараклею и Хосн аль-Акрад, который позднее стал именоваться Крак-де-Шевалье (Mayer, 2018, p. 9).

В дальнейшем Мараклея стала самым важным леном графства Триполи, который занимал его северную оконечность, в нескольких километрах от Тортозы, недалеко от границы княжества Антиохии. Вильгельм Тирский утверждал, что граница между графством Триполи и княжеством Антиохийским пролегла между двумя прибрежными городами Мараклеей и Баньясом (Guillelmus Tyrensis, 1844, p. 754-755). Будучи архиепископом Тирским, Вильгельм не забывает подчеркивать, что Мараклея находится в Финикии,

а

б

Рис. 2. (а, б). Общий план сооружений и каменного рифа у населенного пункта Хараб Маркия.

Fig. 2 (а, б). General plan of structures and rocky reef near the settlement of Harab Maraqiya.

чья метрополия с древности располагалась в городе Тир (Guillelmus Tyrensis, 1844, p. 302, 558-559) и, соответственно, принадлежит его архиепископии (Guillelmus Tyrensis, 1844, p. 1065-1066).

Первый общий предок владельцев Мараклеи, Гийом, занимал важное место в графстве

с 1140 г. Из четырех его сыновей - Саксона, Раймона, Рейнуара и Гийома - только Рейнуар и Гийом впоследствии являлись сеньорами: первый в 1151 г. упоминается в исторических источниках как «господин Тортозы», а в 1176 г. - «Нефина», второй в 1163 г. - "Мараклеи". Саксон и Раймонд по-прежнему появляются без какого-либо другого наименования (Mayer, 2018, p. 10; Rudt de Collenberg, 1964, p. 294).

Таким образом, первым известным представителем сеньоров Мараклеи являлся Гийом Мараклейский (Guillelmus de Mareclea) (Mayer, 2018, p. 20; Röhrlich, 1904, p. 99, 158) сын Гийома Рейнуара. Источники сообщают, что своей печати у него ещё не было, и для заверения документов он пользовался печатью своего сеньора графа Триполийского Раймунда III. В качестве владельца замка

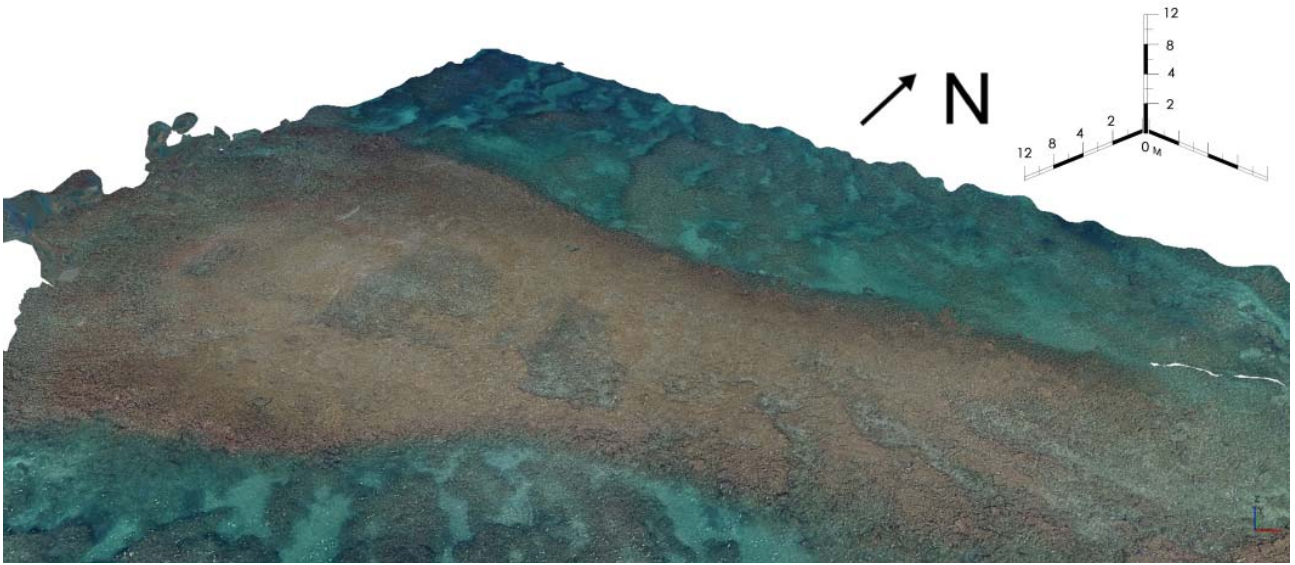

Рис. 3. Цифровая модель сооружений и каменного рифа у населенного пункта Хараб Маркия.
Fig. 3. Digital model of structures and rocky reef near the settlement of Harab Maraqiya.

Рис. 4. План-схема фундаментов на каменном рифе.
Fig. 4. Sketch-map of foundations on a rocky reef.

он был известен с 1163 по 1180 гг., а его сын Мейлор упоминается с 1179 по 1189 гг.; также он в 1179 г. попал в плен в битве при Мердж-Аюне, и снова был взят в плен в битве при Хаттине в 1187 г. (Deschamps, 1977, p. 324).

Ко времени вторжения Саладина в графство Триполи в 1188 г., оборона Мараклеи была возложена на госпитальеров. В 1199 г. Боэмунд IV, сославшись на угрозу его жизни со стороны ассасинов (Röhricht, 1904, p. 202),

попросил госпитальеров вернуть ему Мараклею. После чего он отдал Мараклею во владение выдающемуся деятелю Антиохийского княжества Пьеру де Равенделю вместе с рукой дочери Мейлора I – Агнес (Richard, 1972, p. 351). Отныне эта сеньория должна была оставаться в семье Равенделов. Однако после смерти Боэмунда IV в 1233 г. Госпитальеры потребовали Мараклею обратно и обратились к папе римскому. Дело все еще затягивалось до 1241 г., когда был достигнут компромисс, который обеспечивал права молодого правителя Мараклеи сына Жана де Равенделя, пока ему не исполнится пятнадцатый год (Röhricht, 1904, p. 286-287). После этого он мог свободно выбирать либо стать вассалом госпитальеров, либо Боэмунда V. Этот сын Жана де Равенделя, несомненно, и был Мейлором II де Равенделем.

Его печать сохранилась в коллекции Парижской национальной библиотеки (Schlumberger, 1905, p. 205). Справа изображен всадник, верхом на скачущей лошади, а с обратной стороны – башня или донжон с двустворчатыми входными воротами и двумя небольшими башенками. Подпись на обеих сторонах одна и та же: смесь латинского и старо-французского языка: + S(IGILLVM) MEILLOR DE RAVEDEL SIR DE MARECLEE, которую можно перевести как: «печать Мейлора де Равенделя сира Мараклеи» (рис. 8). Однако во временном периоде между 1255 и 1262 гг. источники сообщают только о его сыне Мейлоре III (Mayer, 2018, p. 55). По этой причине нельзя быть совершенно уверенным, кому именно принадлежала данная печать, – Мейлору II отцу или его сыну Мейлору III.

К сожалению, латинские источники обходят молчанием обстоятельства строительства морской крепости крестоносцев. Основным источником информации по этому вопросу для нас являются сочинения египетских историков мамлюкского периода Ибн Абд ал-Захира (1223–1293) и его последователя Ал-Макризи (1364–1442), которому удалось сохранить многое из исторического наследия своего предшественника (Mayer, 2018, p. 66). Знакомство с их трудами стало возможным для нас благодаря переводам на французский язык, ссылки на которые приводятся далее.

После взятия замка Крак-де-Шевалье в 1271 г. Султан Бейбарс напал на Мараклею. В арабских хрониках говорится о некоем Барте-

леми, сеньоре Мараклеи (Quatremère, 1837, p. 100; Röhricht, 1881, p. 403). Возможно, что именно этот Бартеlemi или в русской транскрипции Варфоломей отправился к монголам, и он же представлял Боэмунда VI перед сыном и преемником Хулагу, ханом Персии Абагой в надежде получить военную помощь (Cahen, 1940, p. 719). Бейбарс так возненавидел Варфоломея, что попытался убить его руками ассасинов, но те потерпели неудачу.

О дальнейшей судьбе сеньора Мараклеи и обстоятельствах постройки крепости мы опять узнаем от арабских авторов. Выдержки и переводы из их произведений были представлены в изданиях французского историка Жозефа Франсуа Мишо, посвященных истории крестовых походов в разделе о жизни султана Калауна.

К сожалению, нам не удалось найти оригинальный арабский текст, с которого осуществлялся французский перевод, а равно установить его авторство. Как следует из предисловий к изданиям Мишо: материалы для интересующего нас раздела «Библиографии крестовых походов» (1822 г.) (которая была переиздана в 1829 г. Уже как «Библиотека крестовых походов») были взяты из трудов Абу-л-Фиды, Ал-Макризи, историй правления Бейбарса и Калауна, а также ибн Ал-Фурата. Переводы и пересказы данных текстов были осуществлены ориенталистом М. Рейно и М. Журденом, который переводил ибн Ал-Фурата (Michaud, 1822, p. 259-260). При этом надо заметить, что сами переводы от одного издания к другому очень сильно менялись по тону и содержанию (Michaud, 1822, p. 697–700; Michaud, 1829, p. 551–552), что побудило нас попытаться свести воедино данные источников.

Из сличения обоих вариантов французского перевода в изданиях 1822 и 1829 гг. вкратце следует, что после смерти Бейбарса Варфоломей вернулся с намерением восстановить Мараклею, но, опасаясь, что не сможет защитить город от нападений мусульман, он решил построить поблизости замок и укрепил его со всей возможной тщательностью. Правитель Триполи, госпитальеры Маргата (Маркаба) и другие «франки» всеми силами помогали ему в этом начинании. Этот замок был расположен напротив Мараклеи посреди моря всего в двух полетах стрелы от берега и представлял собой прямоугольную и продолговатую башню. Каждая сторона имела в длину двад-

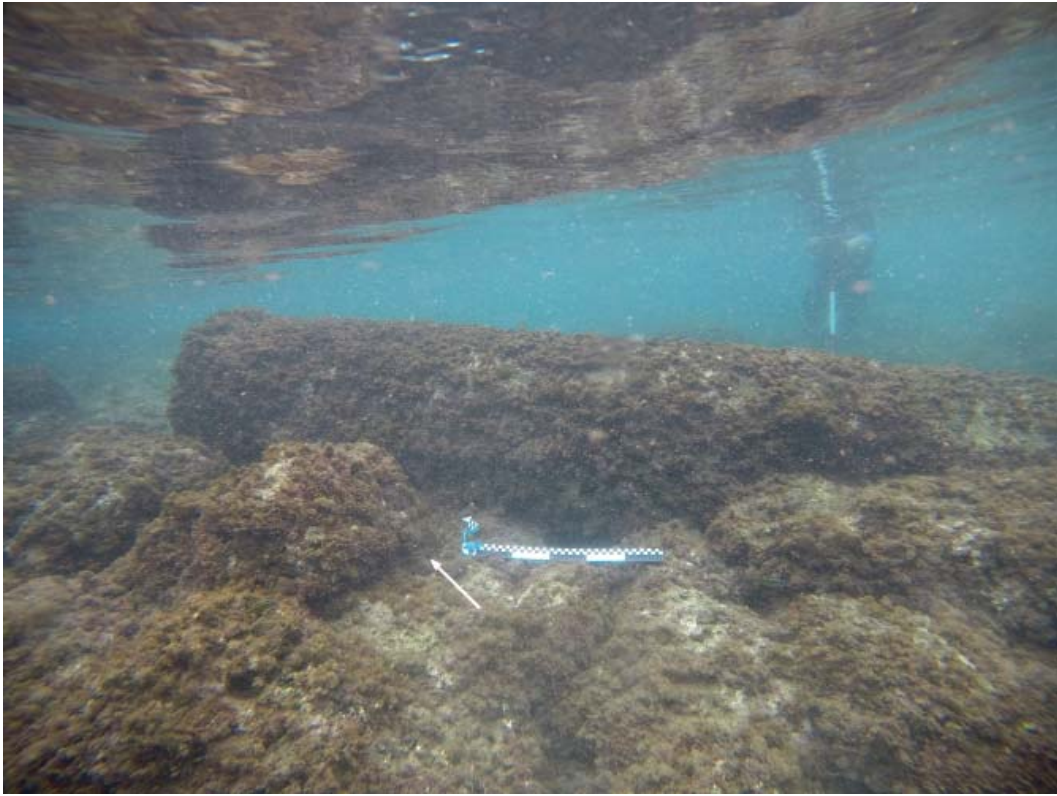

Рис. 5. Колонна размером 3 м, диаметром 0,5 м предположительно из серого базальта.

Fig. 5. Column with a size of 3 m, diameter of 0.5 m, presumably from grey basalt.

цать пять с половиной локтей. Стены были толщиной в семь локтей, а сама башня имела семь этажей.

В качестве основы для постройки послужили лодки, которые грузили камнями и полностью затапливали в море. Под каждый угол башни якобы было затоплено до девятисот лодок. Камни крепостных стен были связаны друг с другом железными прутьями, а каждый ряд кладки был покрыт слоем свинца. Внутри башни была устроена большая цистерна, которой вполне хватало для нужд гарнизона. Этот замок защищали около ста воинов, а за ним находилась еще одна прилегающая башня, на которой размещались три осадные машины.

После взятия Маргата (Маркаба) в мае 1285 г. Султан Калаун спустился на равнину и обратил все свое внимание на завоевание Мараклеи, но скоро он сам убедился в невозможности достигнуть желаемого результата, поскольку замок находился в море, и по причине отсутствия кораблей он ничего не смог с ним сделать. Поэтому он написал графу Триполийскому о том, что ему известно об участии того в строительстве замка и потребовал его снести под угрозой неминуе-

мого вторжения. Тот был настолько напуган угрозами султана, что поспешил, действуя угрозами и уговорами, приказать своему подчинённому снести замок. Однако Варфоломей упорно отказывался это сделать. Дело дошло до того, что якобы его родной сын оставил его и отправился к султану с просьбой о мире. Тогда Варфоломей настиг его в городе Акра и собственноручно заколол его. Только после этого замок был разобран совместными усилиями крестоносцев и мамлюков.

В третьем томе своей «Истории крестовых походов» Мишо добавляет ещё ряд интересных подробностей к этому рассказу: оказывается, что в арабских источниках правителя Мараклеи именовали то сеньором де Телима, то Варфоломеем, и что ужас от убийства им собственного сына заставил христиан отвернуться от последнего и тем самым поддержать требования мамлюкского султана. Это, в свою очередь, побудило Варфоломея стать заклятым врагом всех христиан, уйти жить к мусульманам и ради мести постоянно призывать тех к уничтожению христианских городов (Michaud, 1891, p. 68-69).

Рис. 6. Часть колонны размером 2,6 м, диаметром 0,5 м.
Fig. 6. Part of the column with a size of 2.6 m, diameter of 0.5 m.

Эммануэль Гийом-Рей считал, что сам морской замок был построен Мейлором III в 1260 г. На островке под названием Джебзайре, который находится напротив мыса Рас-эль-Хасан (Rey, 1871, p. 161). Во время своих путешествий по Ближнему Востоку Рене Дюссо обнаружил во время отлива на рифе напротив Мараклеи, примерно в 50 м от берега, руины квадратной башни длиной около 16 м, которые он идентифицировал как постройку, возведенную Варфоломеем (Dussaud, 1896, p. 318-324; Dussaud, 1897, p. 340; Dussaud, 2015, p. 126).

Поль Дюшам выразил мнение, что эти данные вполне согласуются с указаниями арабских источников. Он заявил, что Гюстав Шлюмберже справедливо полагал, что печать Мейлора де Равенделя, сира Мараклеи, могла быть выполнена примерно в 1260 г., но, скорее всего, он ошибся, когда предположил, что укрепление, изображенное на оборотной стороне этой печати, было видом морского замка. По мнению исследователя, на печати Мейлора II был выбит укрепленный город Мараклея, который был разрушен Бейбарсом около 1271 г., и ни в коем случае не содержит

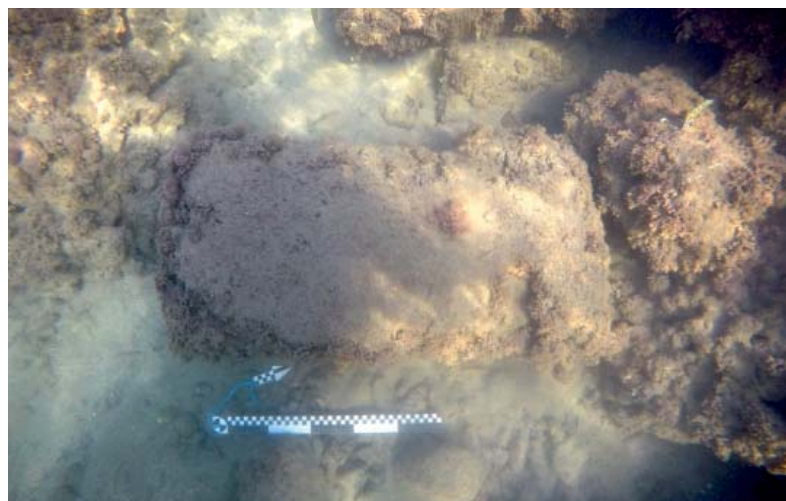
намек на морской замок, который был возведен позднее (Deschamps, 1977, p. 326). В пользу выдвигаемого им мнения можно привести тот факт, что печати, украшенные видами укрепленных сооружений, были распространены на Латинском Востоке и, чаще всего, на них изображали города, такие как Иерусалим, Сидон, Арсур, Кесария, Яффа, Тир, Триполи и т.п.

По мнению Дюшам, детали, приведенные в мусульманских текстах, кажутся ему достаточно точными, и, с другой стороны, нельзя предположить, что примерно в 1260 г., когда региону не угрожала опасность, в очень сложных условиях и с большими затратами было бы построено такое убежище. По этой причине наиболее вероятными датами строительства могут считаться те, которые укладываются во временной промежуток между 1277 и 1285 гг. (Deschamps, 1977, p. 326).

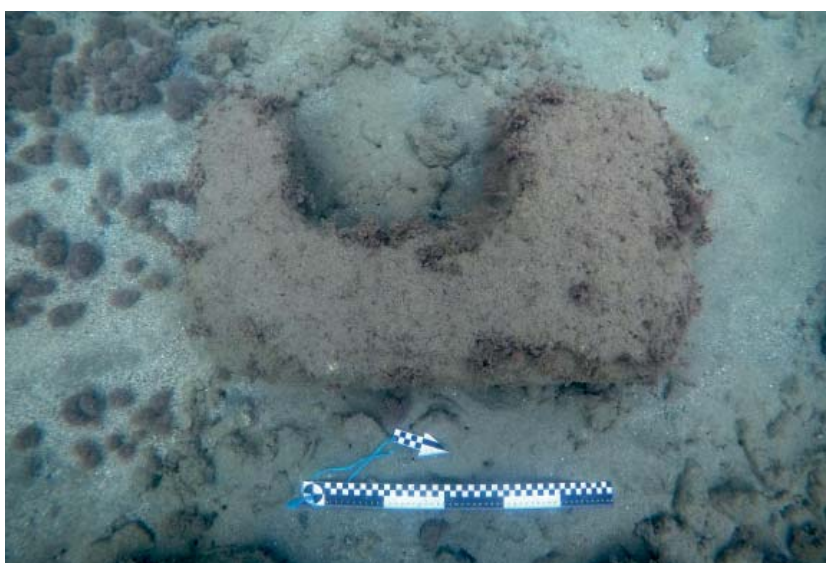
Необходимо отметить, что в 1992 г. Вышла работа Хусейна Хиджази «Старые порты, гавани и якоря на побережье Сирийской Арабской Республики», в которой приводится упоминание и схематичный план морской крепости напротив населенного пункта Хараб

а

б

в

Рис. 7. (а, б, в) Каменные блоки из известняка различной формы, некоторые с креплениями в виде «ласточкин хвост».

Fig. 7 (a, б, в) Limestone blocks of various shapes, some with “swallowtail” fasteners.

Рис. 8. Печать сеньора Мараклеи Мейлора де Равенделя (из собрания Г. Шлюмберже).
Fig. 8. Seal of Meillour de Ravendel, lord of Maraclea (from G. Schlumberger's collection).

Маркия (Hussein Hejazi, 1992, p. 124). Однако эти данные дают мало информации и нуждаются в уточнении.

Ганс Майер считает, что риф, на котором в 1896 г. Дюссо был обнаружен фундамент укрепления, расположен не в 50 м от берега, как считали Дюссо, а вслед за ним и Дешам, а на расстоянии приблизительно 183 м (Mayer, 2018, p. 65). Вызывает интерес также критика Майера в отношении данных арабских источников, которые он считает совершенно надуманными. В частности, он выражает сомнение по поводу возможности закладки около тысячи лодок с камнями под каждый из четырех углов башни. В то же время, наличие сведений о семи ярусах у замка он считает вполне обоснованным, так как это позволяло выиграть при строительстве в пространстве, экономя на ширине башни. Он также произвел расчеты, в соответствии с которыми при длине в 25,5 локтя с каждой из четырех сторон толщина стен башни составляет 7 локтей, тогда всего 11,5 локтя при 54 см (= 6,21 м) внутреннего размера. По его мнению, поскольку башня была квадратной, полезная внутренняя площадь пола составляла всего $6,21 \times 6,21 = 38,56$ м². Этот расчет и дал Майеру повод сомневаться в данных арабских источников, т.к. указанные размеры не только не оставляли места для второй системы внутренней обороны, но и значительно уступали размерам полезной площади укреплений, расположенных в окрестностях Мараклеи. Вместе с тем, основной вывод он делает о том, что сама башня являлась очень мощным укреплением для своего времени (Mayer, 2018, p. 65).

В историографии по-прежнему остается открытым вопрос о том, кого считать строителем замка: Мейлора II, Мейлора III де Равенделей или некоего Варфоломея, о котором мы знаем только от арабских авторов. В новейшем исследовании Майера рассмотрены все существующие в историографии версии о том, кто мог быть строителем столь необычного морского укрепления: от сеньоров Нефина и Мараклеи до представителей клана Джебель-Порселе (Mayer, 2018, p. 54–70). Последняя версия выглядит наиболее убедительной, т.к. среди её представителей в данный период времени действительно был известен некий Варфоломей де Джебель. В любом случае, те и другие были вассалами Боэмунда VII, а именно к нему обратился султан Калаун с обвинениями в строительстве замка и требованиями его разобрать.

Таким образом, рассмотрение письменных источников и историографии наводит на мысль о том, что предоставленные данные крайне противоречивы и не дают достаточно точной информации о расположении крепостных сооружений относительно берега. Например, среди исследователей на протяжении почти двух столетий не возникло консенсуса по вопросу о том, на каком именно расстоянии от берега находятся руины морской крепости. То же можно сказать о размерах и других не менее важных деталях этой постройки. В то же время они позволяют составить представление об историческом периоде, в котором осуществлялось строительство, а также устройстве этого уникального фортификационного сооружения и его судьбе. В более поздней историографии также не были пред-

ставлены точные данные о размерах этих сооружений, точных данных о деталях строения находящихся под водой, не было точного плана.

Обследованные нами затонувшие сооружения расположены в 19,3 км к северу от города Тартус. В 82 м от берега находится каменный риф, на котором сохранились фундаменты сооружений размерами 16,7×17,4×16×17 м и 19×19,5×19,7×18,9 м (рис. 2 б, рис. 3). Кладка расположена в 184 м от берега (рис. 1). Средний размер блоков составляет 120×55 см. Объект расположен на глубинах от 0 до 0,6 м и ориентирован по оси запад-восток.

Полученные данные дают возможность разобраться с утверждениями ряда историков. Мнение Дюссо и Дешама о том, что крепость находилась то в 50 м от берега, можно считать явно ошибочным. В то же время, подтвердились сведения приведенные Майером с опорой на данные аэрофотосъемки о том, что фундаменты построек расположены в 183 м от берега.

В свете сказанного выше сложно признать достоверными известия арабских источников, даже если принять во внимание исследования баллистики стрел по данным археологии, в соответствии с которыми среднее расстояние полета стрелы, пущенной из простого лука, было около 40 м (Коробейников, Митюков, 2007, с. 64-70). В данном случае сумма расстояний двух полетов стрелы составит около 80 м, что полностью соответствует расстоянию от берега до рифа, но не сходится с расстоянием до фундаментов Мараклеи, на что указывали арабские историки. С другой стороны, в зависимости от конструкции лука, средневековых представлений о дальности полета стрелы и т.п. расстояние до объекта может очень сильно варьироваться. Как бы то ни было, данный вопрос нуждается в дополнительном исследовании.

Арабские источники совершенно точно указали на то, что сам замок состоял из двух башен: основной, прямоугольной, продолговатой, семиэтажной и прилегающей к ней вспомогательной башни меньшего размера. В историографии сам факт существования прилегающей башни зачастую игнорировался или не признавался существенным.

Даже на довольно свежем и подробном плане Хусейна Хиджази указан фундамент только одной постройки. Таким образом, благодаря последним данным подводно-археологических изысканий, мы, наконец, узнали количество фундаментов и точные размеры этих двух сооружений, которые вместе составляли единое целое.

В непосредственной близости от фундаментов под водой зафиксирован ряд архитектурных деталей: ствол колонны из серого базальта (?) (длина 3 м, диаметр 0,5 м) на глубине 0–0,6 м (рис. 5); фрагменты колонн размером 1,8 м (на глубине 1,2 м) и 2,6 м (на глубине 1–1,2 м) (рис. 6) (обе диаметром 0,5 м). Говорить о типологии найденных колонн можно будет после их очистки, которая запланирована в следующих сезонах работ. Также на морском дне, с южной стороны от башни, на глубине 2 м, обнаружены обработанные известняковые блоки, некогда принадлежавшие данному строению. Некоторые из них имеют U-образную форму; часть имеют замки типа «ласточкин хвост» (рис. 7: а, б, в).

Наличие колонн может подтверждать сведения письменных источников о существовании семиярусной башни. Очевидно, что колонны могли быть наиболее практичным средством для укрепления каменных сводов постройки. Если принять эту версию о количестве, а равно о назначении колонн, то по их длине можно судить о высоте внутренних помещений. Однако говорить о функциональности обнаруженных колонн можно будет только после полного обследования остатков крепости.

На сезоны 2023–2025 гг. запланировано продолжение морских исследований на данном памятнике Международной сирийско-российской археологической экспедиции. Дальнейшее проведение подводно-археологических исследований, изучение и анализ письменных источников, данных картографии, гидрологии и цифровое моделирование береговой линии Сирийской Арабской Республики позволит расширить созданную геоинформационную систему (ГИС), интерактивную карту, базу данных древних портовых сооружений, мест кораблекрушений, якорных стоянок и других объектов, связанных с историей и развитием навигации в данном регионе.

ЛИТЕРАТУРА

Коробейников А.В., Митюков Н.В. Баллистика стрел по данным археологии: введение в проблемную область. Ижевск: Изд-во НОУ КИТ, 2007. 136 с.

Лебединский В.В., Татарков Д.Б., Двухшорстнов В.И., Марван Хассан, Алаа Хаммуд. Подводные археологические исследования совместной сирийско-русской археологической экспедиции в акватории г. Тартус и острова Арвад Сирийской Арабской Республики в 2019 году. М.: ФГБУН ИВ РАН, 2020. 200 с.

Лебединский В.В., Татарков Д.Б., Пронина Ю.А. Результаты исследований международной сирийско-русской подводно-археологической экспедиции в акватории провинции Тартус в сезоне 2020-2021 гг. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2022. № 3. С 55–62.

Annali genovesi di Caffaro e de' suoi continuatori dal MXCIX al MCCXCIII, nuova edizione a cura di L.T. Belgrano. Vol. I. Genova: Tip. del R. Istituto sordo-muti, 1890.

Bibliographie des croisades: contenant l'analyse de toutes des chroniques d'Orient et d'Occident qui parlent des croisades, par M. Michaud de l'Académie française. T. 2, Paris: Chez L.G. Michaud, librairie, rue de Cléry, n. 13, et chez ponthieu, librairie, palais-royal, galerie de bois, n. 122, 1822.

Bibliothèque des croisades: Chroniques arabes, par M. Michaud de l'Académie française. Quatrième Partie. Chroniques arabes, Traduites et mises en ordre par M. Reinaud, Employé' au Cabinet des Manuscrits orientaux de la Bibliothèque du Roi. Paris: Imprime par autorisation du roi a l'Imprimerie Royale, 1829.

Deschamps P. Les châteaux des Croisés en Terre Sainte, III: La défense du comté de Tripoli et de la principauté d'Antioche. Paris: P. Geuthner, 1977.

Dussaud R. Voyage en Syrie // *Revue archéologique*, publiée sous la direction de A. Bertrand et G. Perrot membres de L'Institut. T. 28. Janvier-juin 1896. Paris: Ernest Leroux, editeur 28, rue Bonaparte 28, 1896. Pp. 299–336.

Dussaud R. Voyage en Syrie // *Revue archéologique* publiée sous la direction de A. Bertrand et G. Perrot membres de L'Institut. T. 30. Janvier-juin 1897. Paris: Ernest Leroux, editeur 28, rue Bonaparte 28, 1897. Pp. 305–357.

Dussaud R. Topographie historique de la Syrie antique et médiévale. Paris: Presses de l'Ifpo, 2015.

Cahen C. La Syrie du Nord a l'époque des croisades et la principauté franque d'Antioche. Paris: Librairie Orientaliste, 1940.

Guillelmus Tyrensis archiepiscopus, Historia rerum in partibus transmarinis gestarum, Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux, ed. A. Beugnot and A. Le Prévost. T. I. Paris: Imprimerie royale, 1844.

Guibert de Nogent. Dei gesta per Francos et cinq autres textes. Turnholti: Brepols, 1996. 441 p.

Histoire anonyme de la première croisade / texte établi et traduit par L. Brehier. Paris: Les Belles Lettres, 1924.

Histoire des sultans Mamlouks de l'Égypte écrite en arabe par Taki-eddin-Ahmed-Makrizi. Traduite en français, et accompagnée de notes philologiques, historiques, géographiques par M. Quatremère. T. I. Paris: Firmin Didot Printed for the Oriental translation fund of Great Britain and Ireland; sold by A.J. Valpy and B. Duprat, 1837.

Mayer H.E. Die Kreuzfahrerherrschaften von Maraclea und Nephin. Berlin: De Gruyter Akademie Forschung, 2018.

Hussein Hejazi. From here came civilization - ancient ports, anchorage, anchorages, the coast of the Syrian Arab Republic. Damascus: Dar Al Amana, 1992 (in Arabic).

Regesta regni Hierosolymitani (MXCVII—MCCXCI): Additamentum, ed. R. Röhrich. Oeniponti: Libreria Academica Wagneriana, 1904.

Rey E.G. Etude sur les monuments de l'architecture militaire des croisés en Syrie et dans l'île de Chypre. Paris: Impr. nationale, 1871.

Richard J. Le comté de Tripoli sous la dynastie toulousaine. Paris: Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1945.

Richard J. Le comté de Tripoli dans les chartes du fonds des Porcellet // *Bibliothèque de l'école des chartes.* 1972. Tome 130. Livraison 2. Pp. 339–382.

Rôhricht R. Études sur les derniers temps du royaume de Jérusalem, dans Archives de l'Orient latin. T I-II. Gênes: Imprimerie Institut Royal des Sourds-Muets, 1881.

Rudt de Collenberg W.H. Les «Raynouard», seigneurs de Nephin et de Maraclé en Terre sainte, et leur parenté en Langudoc // Cahiers de civilisation médiévale. 7e année (n°27). Juillet-septembre 1964. Pp. 289–311.

Schlumberger G. Quelques sceaux de l'Orient latin au moyen âge. // Mémoires de la Société nationale des Antiquaires de France. Quatrième série tome septième. Paris: C. Klincksieck, Libraire de la Société, 11, rue de Lille, 1905. Pp. 253–273.

Schlumberger G. Quelques sceaux de l'Orient latin au moyen âge // Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres. 49e année. N. 2. 1905. Pp. 204–209.

The History of the crusades by Joseph Francois Michaud, translate by W. Robson, T. III, New York: A.C. Armstrong and son, 1891.

Информация об авторах:

Лебединский Виктор Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (г.Москва, Россия); ведущий научный сотрудник, заведующий кафедрой «Востоковедение», Севастопольский государственный университет (г Севастополь, Россия); v_lebednski@mail.ru ORCID: 0000-0002-6801-0497

Прудников Виталий Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, Институт востоковедения РАН (г.Москва, Россия); gviskar@mail.ru ORCID: ORCID: 0000-0001-5236-6555

REFERENCES

Korobeinikov, A. V., Mityukov, N. V. 2007. *Ballistika strel po dannym arkheologii: vvedenie v problemnyu oblast' (Ballistics of arrows according to archaeology: an introduction to the problem space)*. Izhevsk: "KIT" Publ. (in Russian).

Lebedinskiy, V. V., Tatarkov, D. B., Dvukhshorstnov, V. I., Marvan Hassan, Alaa Hammud. 2020. *Podvodnye arkheologicheskie issledovaniya sovmestnoy siriysko-rossiyskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v akvatorii g. Tartus i ostrova Arvad Siriyskoy Arabskoy Respubliki v 2019 godu (Underwater Archaeological Research of a Joint Syrian-Russian Archaeological Expedition in the Waters of Tartous and the Islands of Arwad of the Syrian Arab Republic in 2019)*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Lededinkiy, V. V., Tatarkov, D. B., Pronina, Yu. A. 2022. In *Vostok (Oriens)* (3), 55–62 (in Russian).

Belgrano, L.T. (nuova edizione a cura di). 1890. *Annali genovesi di Caffaro e de' suoi continuatori dal MXCIX al MCCXCIII*, Vol. I. Genova: Tip. del R. Istituto sordo-muti (in Italian).

1822. *Bibliographie des croisades: contenant l'analyse de toutes des chroniques d'Orient et d'Occident qui parlent des croisades, par M. Michaud de l'Académie française*. T. 2, Paris: Chez L.G. Michaud, librairie, rue de Cléry, n. 13, et chez ponthieu, librairie, palais-royal, galerie de bois, n. 122 (in French).

1829. *Bibliothèque des croisades: Chroniques arabes, par M. Michaud de l'Académie française. Quatrième Partie. Chroniques arabes, Traduites et mises en ordre par M. Reinaud, Employé au Cabinet des Manuscrits orientaux de la Bibliothèque du Roi*. Paris: Imprime par autorisation du roi a l'Imprimerie Royale (in French).

Deschamps, P. 1977. *Les châteaux des Croisés en Terre Sainte, III: La défense du comté de Tripoli et de la principauté d'Antioche*. Paris: P. Geuthner (in French).

Dussaud, R. 1896. In Bertrand, A. et Perrot, G. (publiée sous la direction de). *Revue archéologique* T. 28. Janvier-juin 1896. Paris: Ernest Leroux, editeur 28, rue Bonaparte 28, 299–336 (in French).

Dussaud, R. 1897. In Bertrand, A. et Perrot, G. (publiée sous la direction de). *Revue archéologique* T. 30. Janvier-juin 1897. Paris: Ernest Leroux, editeur 28, rue Bonaparte 28, 305–357 (in French).

Dussaud R. 2015. *Topographie historique de la Syrie antique et médiévale*. Paris: Presses de l'Ifpo.

Cahen, C. 1940. *La Syrie du Nord a l'époque des croisades et la principauté franque d'Antioche*. Paris: Librairie Orientaliste (in French).

Beugnot, A. and Le Prévost, A. (eds.) 1844. *Guillelmus Tyrensis archiepiscopus, Historia rerum in partibus transmarinis gestarum, Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux*. T. I. Paris: Imprimerie royale (in French).

Guibert de Nogent. 1996. *Dei gesta per Francos et cinq autres textes*. Turnholti: Brepols (in French).

Brehier, L. (etabli et traduit par). 1924. *Histoire anonyme de la premiere croisade*. Paris: Les Belles Lettres (in French).

1837. *Histoire des sultans Mamlouks de l'Égypte écrite en arabe par Taki-eddin-Ahmed-Makrizi. Traduite en français, et accompagnée de notes philologiques, historiques, géographiques par M. Quatremère*. T. I. Paris: Firmin Didot Printed for the Oriental translation fund of Great Britain and Ireland; sold by A.J. Valpy and B. Duprat (in French).

Mayer, H. E. 2018. *Die Kreuzfahrerherrschaften von Maraclea und Nephin*. Berlin: De Gruyter Akademie Forschung (in German).

Hussein Hejazi. 1992. *From here came civilization - ancient ports, anchorage, anchorages, the coast of the Syrian Arab Republic*. Damascus: Dar Al Amana (in Arabic).

1904. *Regesta regni Hierosolymitani (MXCVII—MCCXCI): Additamentum, ed. R. Röhricht*. Oeniponti: Libreria Academica Wagneriana.

Rey, E. G. 1871. *Etude sur les monuments de l'architecture militaire des croisés en Syrie et dans l'île de Chypre*. Paris: Impr. Nationale (in French).

Richard, J. 1945. *Le comté de Tripoli sous la dynastie toulousaine*. Paris: Librairie Orientaliste Paul Geuthner (in French).

Richard, J. 1972. In *Bibliothèque de l'école des chartes*. Tome 130. Livraison 2, 339–382 (in French).

Röhricht, R. 1881. *Études sur les derniers temps du royaume de Jérusalem, dans Archives de l'Orient latin*. T I-II. Gênes: Imprimerie Institut Royal des Sourds-Muets (in French).

Rudt de Collenberg, W. H. 1964. In *Cahiers de civilisation médiévale*. 7e année (n°27). Juillet-septembre, 289–311 (in French).

Schlumberger, G. 1905. In *Mémoires de la Société nationale des Antiquaires de France. Quatrième série tome septièm*. Paris: C. Klincksieck, Libraire de la Société, 11, rue de Lille, 253–273 (in French).

Schlumberger, G. 1905. In *Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres*. 49e année. (2) 204–209 (in French).

Robson, W. (transl.). 1891. *The History of the crusades by Joseph Francois Michaud*. Vol. III, New York: A.C. Armstrong and son.

About the Authors:

Lebedinskiy Victor V., Candidate of Historical Sciences, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation; Leading Researcher, Head of the Department of Oriental Studies, Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation; v_lebednski@mail.ru ORCID: 0000-0002-6801-0497

Prudnikov Vitaly V., Candidate of Historical Sciences Senior Researcher, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation. gviskar@mail.ru ORCID: ORCID: 0000-0001-5236-6555

Статья поступила в журнал 01.08.2023 г.
Статья принята к публикации 01.10.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 72.033(477.75)''15''

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.5.196.210>

РАЗРЕЗЫ КЕФЕНСКОЙ БИЮК ДЖАМИ

© 2023 г. В.П. Кирилко

Иконографические материалы и письменные свидетельства являются основным источником для изучения архитектоники здания XVI в., утраченного в 1833–1834 гг. Их предметное рассмотрение позволяет устранить ряд бытующих в научном обороте заблуждений и получить важные выводы: подпружные арки в конструкции главного купола не использовались; дворик мечети имел крышу; на рисунке К. Х. Гейслера совмещены изображения минаретов, принадлежавших двум разным постройкам – Муфтий Джамии (слева) и Биюк Джамии (справа). Установлено также, что на рыночной площади первым делом появилась хаммам, затем было начато возведение мечети. На это указывает ломаная конфигурация боковой стены внешнего харама Биюк Джамии со стороны бани, образовавшаяся в результате вынужденной пригонки строений. Купольное перекрытие центральной части молельного зала мечети имело оригинальную объёмную композицию и хорошо продуманную конструкцию, которые вполне могли принадлежать руке столичного мастера, курировавшего строительные работы на крымских объектах Ходжа Синана.

Ключевые слова: Крым, Феодосия, Ходжа Синан, шахзаде Сулейман-хан, султан Селим II, мечеть, османская архитектура, иконографические источники, чертежи Уильяма Хейсти.

SECTIONS OF BIYUK JAMI IN KEFE

V.P. Kirilko

Iconographic materials and written evidence are the main source for studying the architectonics of the building of the XVI century, lost in 1833–1834. Their substantive consideration allows us to remove some delusions that are common in scientific circulation and to get important conclusions: supporting arches were not used in the construction of the main dome; the courtyard of the mosque had a roof; images of minarets in the drawing by Ch. G. Geisler, belonging to two different buildings, are combined – Mufti Jami (left) and Biyuk Jami (right). It was also established that the hammam first appeared on the market square, after it the construction of the mosque was started. This is indicated by the broken configuration of the side wall of the Biyuk Jami outer haram from the side of the bath-house, which was formed as a result of the forced fitting of buildings. The doming of the central part of the mosque prayer hall had an original volumetric composition and a well thought-out design, which could well have belonged to the hand of the capital's master, who supervised the construction work at the Crimean structures of Mimar Sinan.

Keywords: Crimea, Feodosia, Mimar Sinan, shahzade Suleiman-khan, Sultan Selim II, mosque, Ottoman architecture, iconographic sources, drawings by William Hastie.

Несмотря на моё весьма скептическое отношение к научному творчеству Э.Д. Зиливинской, причём исключительно в той части, что касается непосредственно архитектуры средневекового Крыма (Кирилко, 2019а; 2019b; 2021), последнее её сочинение по теме, появившееся синхронно в двух разных и достаточно солидных изданиях (Зиливинская, 2021а, с. 709–712, рис. 17–20; 2021b, с. 344–347, рис. 1–4), меня приятно порадовало более качественным, чем прежде, содержимым, особенно иллюстративным материалом. Отдельную благодарность приношу коллеге за то, что та обнаружила и исправила серьёзную ошибку, допущенную мною в своё время при изучении кефенской Биюк

Джами, – неправильно указанное количество малых куполов: одиннадцать вместо девяти (Кирилко, 2018, с. 229). Правда, восстановление ею истины не обошлось без побочных явлений, что меня весьма огорчило. Причина последнего не в том, что просчитался – с кем не бывает, но вдруг выяснилось, что попутно искажению подверглось моё заключение относительно выводов предшественников – Б.Н. Засыпкина и С.Г. Бочарова. Э.Д. Зиливинская сообщает, что я их считаю ошибочными (Зиливинская, 2021b, с. 346, прим. 1; 2021а, с. 712, прим. 4). Между тем в исходном тексте, на который ссылается исследовательница, мнения Б.Н. Засыпкина и С.Г. Бочарова мною трактованы исключительно как мало-

вероятные (Кирилко, 2018, с. 229, прим. 4). Отчасти поэтому из всех доступных мне тогда свидетельств я отдал предпочтение сведениям П.С. Палласа и Ф. Дюбуа де Монпере, посчитав их более достоверными (Кирилко, 2018, с. 225, 229). Быть ошибочным и быть маловероятным – совершенно разные по сути понятия. Одновременно со мной рикошетом досталось и С.Г. Бочарову, который, согласно Э.Д. Зиливинской, якобы лишь повторил мнение Б.Н. Засыпкина (Зиливинская, 2021b, с. 346, прим. 1; 2021a, с. 712, прим. 4). Справедливости ради необходимо отметить, что если Б.Н. Засыпкин просто обозначил свою позицию, причём никак её не аргументируя (Засыпкин, 1927, с. 140), то С.Г. Бочаров в качестве обоснования опубликовал выкопировку (к сожалению, в подписи к иллюстрации отсутствует ссылка на источник) схематичного плана мечети, обнаруженного им в картографических материалах конца XVIII в. (Бочаров, 2016, с. 123, рис. 4). Поскольку это произошло впервые, его выводам однозначно присуща научная новизна, следовательно, считать их обычным повторением суждения предшественника по меньшей мере некорректно.

Итак, по сути. Биюк Джамии – самая большая культовая постройка османского города Кефе (Бочаров, 2016, рис. 4). По свидетельству турецкого путешественника XVII в. Эвлия Челеби, она принадлежала к числу соборных и носила имя шахзаде Сулейман-хана, который «построил ее, когда здесь правил» (Книга путешествий, 1999, с. 90). В экспликации к генеральному плану Каффы 1798 г. здание названо мечетью султана Селима (Бочаров, 2016, с. 124, табл. 1), что также нашло отражение в научном обиходе (Засыпкин, 1927, с. 140). В 1833–1834 гг. сооружение подверглось уничтожению и прекратило своё существование (Тункина, 2011, с. 59–50; Дюбуа де Монпере, 2009, с. 83–84). В настоящее время о полностью исчезнувшей с лица земли Биюк Джамии можно судить лишь благодаря наблюдениям тех, кто видел постройку до разрушения и оставил после себя её описания и графические изображения, причём нередко крайне лаконичные и не всегда достоверные.

Среди упомянутых свидетельств наиболее информативными документами являются чертежи – план и три фасада мечети (рис. 1–2), выполненные шотландским архитектором на

русской службе Уильямом Хейсти в 1798 г. (О сохранении, 1872, табл. 7; Храпунов, 2017, с. 280–281, рис. 4; 2018, рис. 4). Согласно им, основной объём здания посередине завершался большим сферическим куполом на двухъярусном многогранном барабане. Боковые части строения с обеих сторон были перекрыты маленькими куполами, крайние из которых (южные) представлены на заднем виде. Точное их количество чертежи не сообщают, поскольку проекции этих сводов на план не нанесены, а восточный и западный фасады мечети, надо полагать, автором не разрабатывались, по крайней мере пока они неизвестны и в альбоме У. Хейсти отсутствуют. Галерея перед главным (северным) входом в здание была пятикупольной.

Немного ранее учёный с немецкими корнями, энциклопедическими знаниями и безукоризненной репутацией, академик П.С. Паллас, видевший Биюк Джамии во время путешествия по Крыму в 1783–1784 гг., при описании постройки обратил внимание на следующее: «Главный ее купол – более девяти саженей в поперечнике, и с трех сторон она еще имеет одиннадцать маленьких куполов» (Паллас, 1999, с. 117). Сейчас, задним числом, трудно понять, чем руководствовался этот весьма педантичный по своей природе исследователь, сообщая столь конкретную, но, как теперь оказалось (Зиливинская, 2021b, с. 347, прим. 1; 2021a, с. 711), ошибочную информацию о завершении постройки. Вероятнее всего, общее количество малых куполов он определил посредством обычного суммирования, исходя из их расположения на фасадах: с боков видно по три свода, а спереди – пять, итого получается одиннадцать. Как бы там ни было, но позднее ещё один представитель академической науки, высококвалифицированный специалист и прекрасный рисовальщик, швейцарец Ф. Дюбуа де Монпере, в 1832 г. заставший здание уже полуразрушенным и с полностью утраченным перекрытием (рис. 3), практически дословно повторил сведения П.С. Палласа, видимо не имея веских причин не доверять коллеге (Дюбуа де Монпере, 2009, с. 83). Спустя почти два века его примеру последовал и я, обычный научный работник с архитектурным образованием (Кирилко, 2018, с. 229).

Совершенно иначе мечеть воспринял коллежский советник в Министерстве юсти-

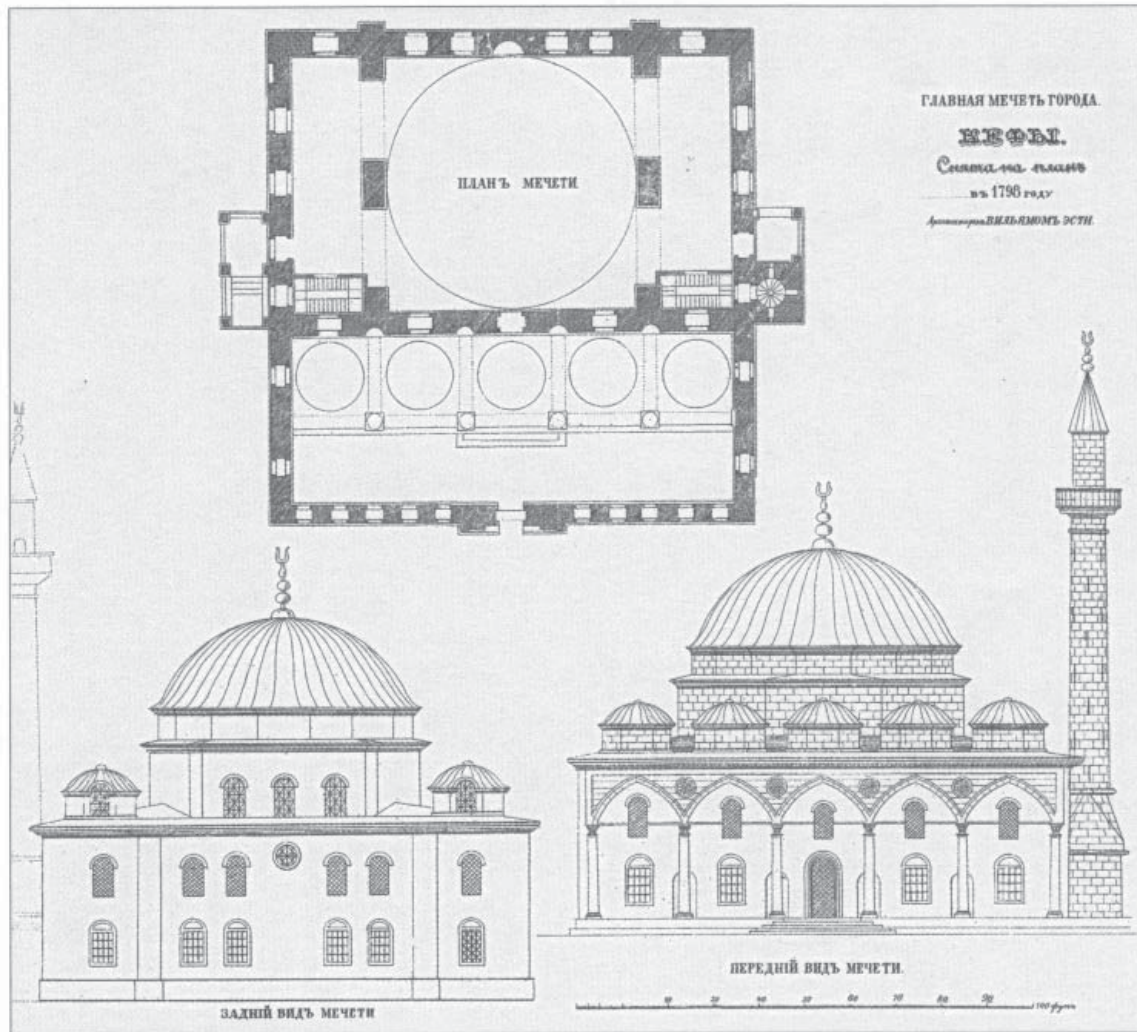

Рис. 1. У. Хейсти. «Главная мечеть города Кефы». План и виды. 1798 г. (по: Тункина, 2011, ил. 34).

Fig. 1. W. Hastie. “The principal mosque of the city of Kefa”. Plan and views. 1798 (after Tunkina, 2011, fig. 34).

ции и, по его собственному признанию, «автор по неволи» П.И. Сумароков, посетивший город в 1799 г.: «Она сделана из обожженных кирпичей с 10 на ней куполами, из коих на одном главном только осталась в целости свинцовая его крышка» (Сумароков, 1800, с. 62).

Сохранилось ещё два письменных свидетельства с информацией о завершении здания мечети. Одно из них, датированное 1666–1667 гг., принадлежит Э. Челеби. Он сообщает: «Все купола его строений внутри и снаружи особым образом покрыты свинцом» и «Над внешней софой на 6 колоннах – 5 отстроенных куполов» (Книга путешествий, 1999, с. 90). Появление второго документа, в своё время оставшегося мне неизвестным, относится к 1787 г. и связано с краткосрочным пребыванием в городе венесуэльского борца за независимость испанских колоний в Южной

Америке Франсиско де Миранда, который, будучи эрудированным и наблюдательным человеком, в своём дневнике оставил исключительно содержательную запись: «Мы тотчас же отправились в главную мечеть, каковая является далекой от совершенства имитацией наиболее крупных мечетей Константинополя. По форме это параллелограмм, где малые купола образуют просторный перистиль, а внутренняя центральная часть заканчивается большим куполом наподобие того, что в Св. Софии, и по два малых купола с каждой стороны» (Миранда, 2001, с. 68–69).

Основываясь на сведениях Ф. де Миранда и П.И. Сумарокова, собственных рассуждениях по поводу конструкций – небезынтересных, хотя и далеко не бесспорных, а также примерах других османских мечетей, привлекаемых в качестве аналогий, Э.Д. Зиливинская пришла к убедительному выводу о том,

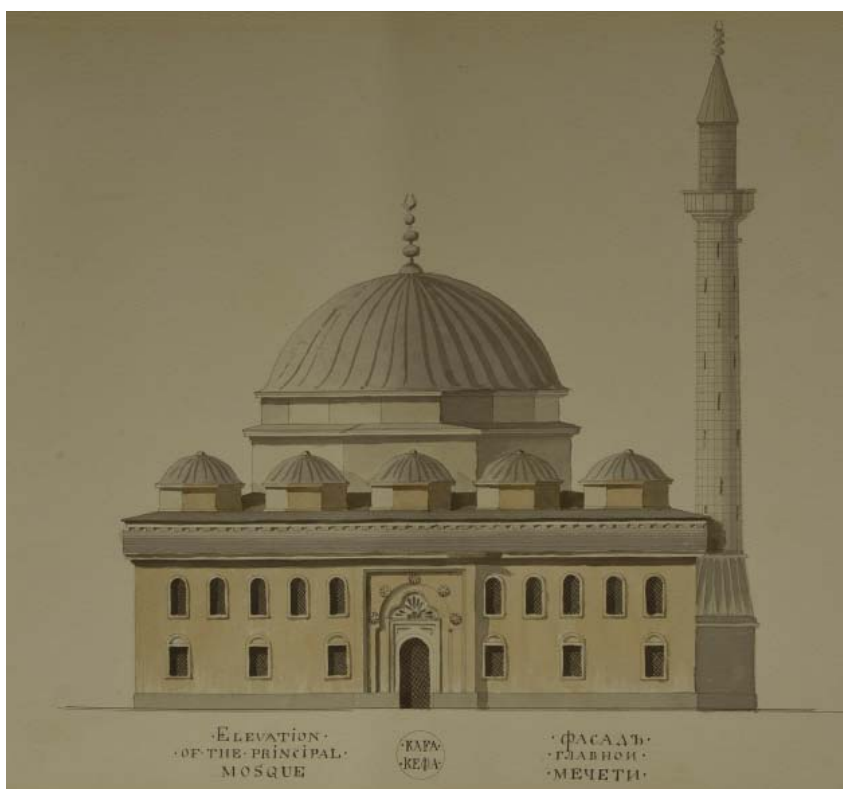

Рис. 2. У. Хейсти. «Кефа. Фасад главной мечети». 1798 г. (по: Храпунов, 2017, рис. 4).
Fig. 2. W. Hastie. “Kefa. Elevation of the principal mosque”. 1798 (after Khrapunov, 2017, fig. 4).

Рис. 3. Ф. Дюбуа де Монпере. «1. Старая генуэзская церковь и мечеть в Кефе. 2. Старые татарские бани, разрушенные вместе с мечетью в 1833 г.». Зарисовка в путевом альбоме. 1832 г. (по: Тункина, 2011, ил. 63).
Fig. 3. F. Dubois de Montpéroux. “1. Old Genoese church and mosque in Kefe. 2. Old Tatar bath-houses, destroyed along with the mosque in 1833. Sketch in the travel album. 1832” (after Tunkina, 2011, fig. 63).

что Биюк Джамии в Кефе имела всего десять куполов – один большой и девять маленьких, по два с боков и пять спереди (Зиливинская, 2021b, с. 345, 347; 2021a, с. 711, 712). Весомым подтверждением этому является недавно

опубликованный иконографический источник, пожалуй, самый надёжный из числа всех известных сейчас – план Феодосии, выполненный Н.И. Корсаковым в 1784–1787 гг. (Джанов, 2019, рис. 2). Представленный на

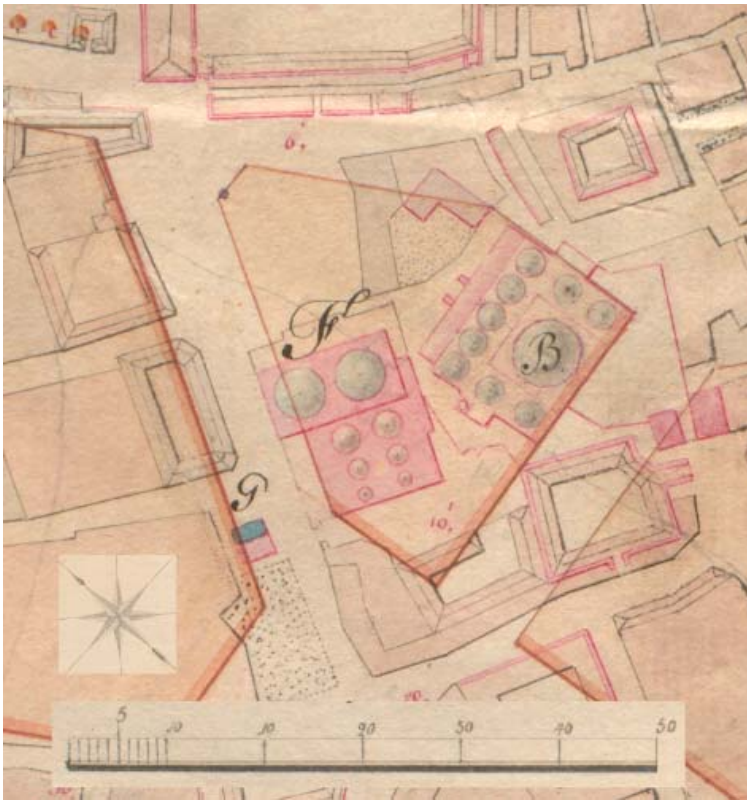

Рис. 4. Н. И. Корсаков. «План Феодосии». Фрагмент. 1784–1787 гг. (по: Джанов, 202 , рис. 2). Условные обозначения: В – Большая мечеть; F – баня; G – фонтан.

Fig. 4. N.I. Korsakov. “Plan of Theodosius”. Fragment. 1784–1787 (after Dzhанov, 202, fig. 2). Symbols legend: B – Great Mosque; F – bath-house; G – fountain.

нём вид мечети сверху (рис. 4) предельно точно передаёт форму здания и его перекрытия.

Проблемы, затронутые Э.Д. Зиливинской, являются исключительно важными для правильного понимания архитектуры Биюк Джамии. Однако при их рассмотрении она не смогла избежать целого ряда досадных заблуждений, искажающих достоверную информацию документов, и тем самым дезориентирует своих читателей.

Заблуждение 1. Исследовательница имеет крайне смутное представление о том, как устроено купольное перекрытие основного помещения молельного зала мечети, что получило своё отражение в хаотическом нагромождении серии постулатов: «Центральная квадратная часть была перекрыта куполом диаметром около 17 м. Барабан купола возведён на подпружных арках, из которых северная и южная опирались на контрфорсы, причем южная стена была усилена контрфорсами и снаружи. С запада и востока подпружные арки были перекинута между контрфорсами и устоями в центре зала. Переход к барабану осуществлялся при помощи парусов. Барабан был двухъярусным: на восьмигранный был поставлен шестнадцатигранный с полусфери-

ческим куполом, крытым свинцом. В зените купола находился алем» (Зиливинская, 2021b, с. 346; 2021a, с. 712).

На самом деле в конструкции купольного перекрытия центральной части молельного зала Биюк Джамии подпружных арок нет, а те арки, которыми завершались проёмы в боковых стенах, таковыми не являются (рис. 5–7). Более того, не имелось в них и особой надобности, поскольку все стены здания – и внешние, и внутренние – были несущими. Нагрузка от купола передавалась непосредственно на кладку стен и парусов. Поскольку распор пандативов относительно помещения был направлен по диагоналям, то все конструкции, определяемые исследовательницей как контрфорсы (исключая разве что слегка выступавшие наружу пилоны южного фасада), ему почти не противодействовали и, следовательно, считаться ими могут лишь с очень большой натяжкой. Иначе располагались и сами паруса. В действительности они обеспечивали переход только к верхней, выделенной карнизом, части барабана, ибо практически полностью принадлежали его нижней половине, которая в свою очередь образовалась в результате трансформации стен и по сути является их естественным продолжением.

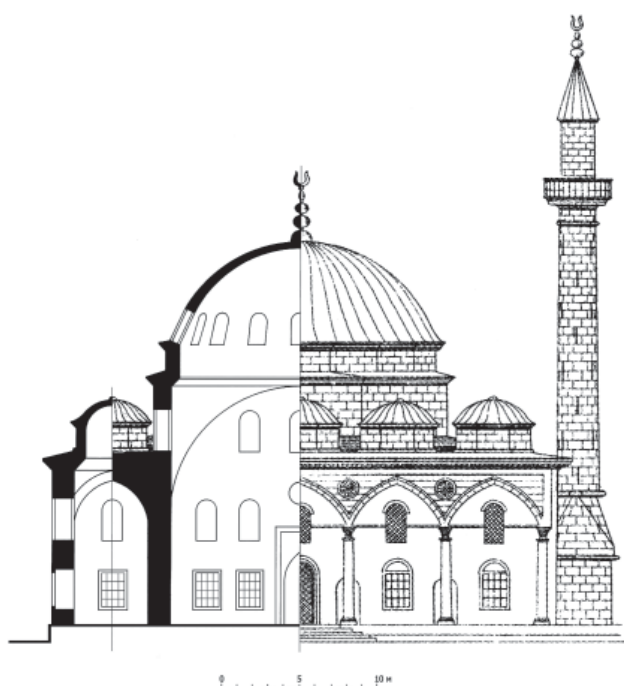

Рис. 5. Поперечный разрез мечети.

Реконструкция, совмещённая с видом работы У. Хейсти (чертёж автора).

Fig. 5. Cross section of the mosque.

Reconstruction, combined with the view of the work of W. Hastie (author's drawing).

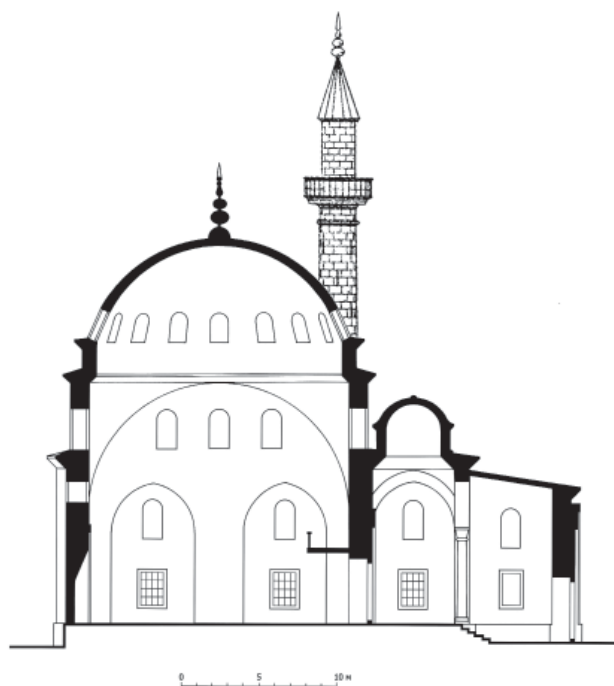

Рис. 6. Продольный разрез мечети. Реконструкция, совмещённая с видом работы У. Хейсти (чертёж автора).

Fig. 6. Longitudinal section of the mosque. Reconstruction, combined with the view of the work of W. Hastie (author's drawing).

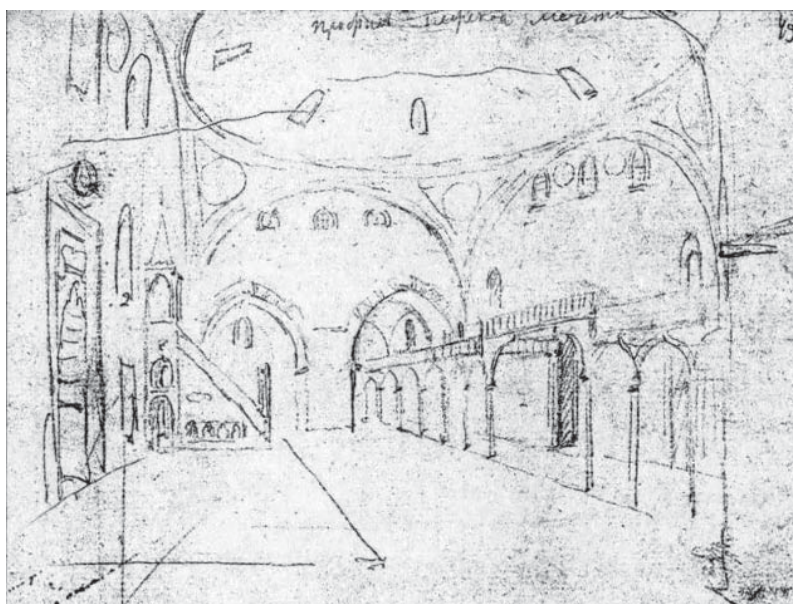

Рис. 7. Н. А. Львов. «Профиль кефской мечети». Зарисовка в путевой тетради. 1803 г. (по: Тункина, 2011, ил. 49).

Fig. 7. N.A. Lvov. "Profile of the Kefe Mosque". Sketch in a travel notebook. 1803 (after Tunkina, 2011, fig. 49).

ем. Нельзя не отметить и то, что зенит купола (сиречь высшая точка сферической поверхности) вообще-то находится с внутренней стороны конструкции, тогда как алем венчал свод и всё здание снаружи.

Заблуждение 2. Поскольку У. Хейсти выполнил два немного отличающихся друг

от друга чертежа с абсолютно одинаковыми названиями, Э.Д. Зиливинская пришла к выводу о том, что архитектор «зарисовал северный фасад в его первоначальном виде, с открытой пятипролетной арочной галереей и с заложёнными арками. Вероятно, закладка арок предполагалась для укрепления здания,

но, скорее всего, эта перестройка так и не была сделана» (Зиливинская, 2021b, с. 346, рис. 2: 1, 2; 2021a, с. 711, рис. 18: 1, 2). Автором самой идеи является Н.И. Храпунов, а её полная версия выглядит следующим образом: «Чертежи зафиксировали два состояния главного фасада мечети: “оригинальный” – с крытой аркадой и “с переделкой”, где аркада заложена, а в получившейся стене устроен парадный портал. Когда произошла эта переделка, неясно. Во второй половине XVII в. аркада еще существовала, в 1833 г. уже была заложена. <...> Быть может, упомянутая выше перестройка портала феодосийской мечети также зафиксировала планы реставрации, согласно которым аркада должна была превратиться в стену с пышным входом и двумя рядами окон» (Храпунов, 2017, с. 280–281, рис. 4).

Ошибочность этого мнения ещё в 2018 г. убедительно обозначил С.Г. Бочаров при обсуждении доклада Н.И. Храпунова, представившего эти результаты своих наблюдений на VIII международной научной конференции, посвящённой памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова (г. Пятигорск – с. Прасковья, 20–25 сентября). Согласно его выводам, У. Хейсти на чертежах изобразил вовсе не два разных состояния постройки, но реально существовавшие одновременно фасады – собственно, северный вид самой мечети и наружный вид передней стены, ограждавшей дворик перед галереей (внешний *харам*, по Э. Челеби). Э.Д. Зиливинская также принимала участие в работе конференции и ей известна позиция С.Г. Бочарова, однако в обеих своих публикациях она ту не только проигнорировала, но даже не упомянула о существовании альтернативной точки зрения.

На мой взгляд, кроме вполне достоверной информации о том, как выглядело здание мечети со стороны рыночной площади (идентичный вид оно имеет также на гравюре с рисунка К.Х. Гейслера 1794 г.), архитектор сообщает и другие, не менее важные сведения. В частности, на чертеже изображена односкатная кровля, которая примыкает к галерее и находится непосредственно над двориком (рис. 2), следовательно, внешний *харам* сверху был полностью перекрыт (рис. 6). Ближайшей аналогией подобного архитектурно-конструктивного решения является пример Атик Валиде Султан Джами в Ускюдаре, датирован-

ной 1571–1578 гг. (Düzenli, 2015, p. 192–196, fig. 16; Кононенко, 2022, с. 223–226).

Заблуждение 3. Пытаясь выяснить точное количество минаретов, Э.Д. Зиливинская привлекла все известные ей изображения мечети, представленные на общих видах Феодосии, и пришла к двум ложным выводам: «П.С. Паллас в 1794 г. описывает два минарета, более того, они изображены на рисунке Г.Х. Гейслера (нем. Christian Gottfried Heinrich Geißler. – В. К.)» и «На рисунках М.М. Иванова, Е.М. Корнеева и А. де Палдо 1803–1805 гг. изображен один минарет, хотя не всегда с правильной стороны» (Зиливинская, 2021b, с. 347, рис. 3; 2021a, с. 712, рис. 19). Ошибочность её суждений в значительной мере обусловлена незнанием элементарных законов перспективы и отсутствием реального представления о топографии города. Дело в том, что на гравюре с рисунка К.Г. Гейслера оказались рядом и частично совпали друг с другом изображения двух разных мечетей – Биюк Джами (справа) и расположенной немного поодаль, но практически на одной оси с ней Муфтий Джами (слева). Обе они купольные, что чётко обозначено художником, а каждая из них имеет всего по одному минарету, находившемуся сбоку у северо-западного угла постройки. По этой же причине не «с правильной стороны» вдруг оказался минарет на рисунке А. де Палдо, но иначе и не могло случиться, ибо он принадлежал Муфтий Джами, тогда как находившаяся ближе Биюк Джами к 1805 г. свой минарет уже утратила (Кирилко, 2018, с. 225). Кстати, подобным образом совмещение переднего и дальнего планов произошло также на акварели У. Хейсти (рис. 8), в результате чего у мечети неожиданно появился второй минарет, хотя на всех одновременных с рисунком чертежах архитектора (рис. 1, 2) он везде представлен в единственном числе. О том, что здесь изображены две совершенно разные постройки, свидетельствует лишь их ракурс и совсем незначительные отличия по высоте.

Поскольку читатель любого научного труда не должен теряться в догадках по поводу того, что имел в виду автор, сообщая ту или иную информацию, вынужден отметить ещё несколько недоработок, ухудшивших исследование Э.Д. Зиливинской. Во-первых, спорным выглядит утверждение: «Главный (кыбловый) вход в мечеть находился по

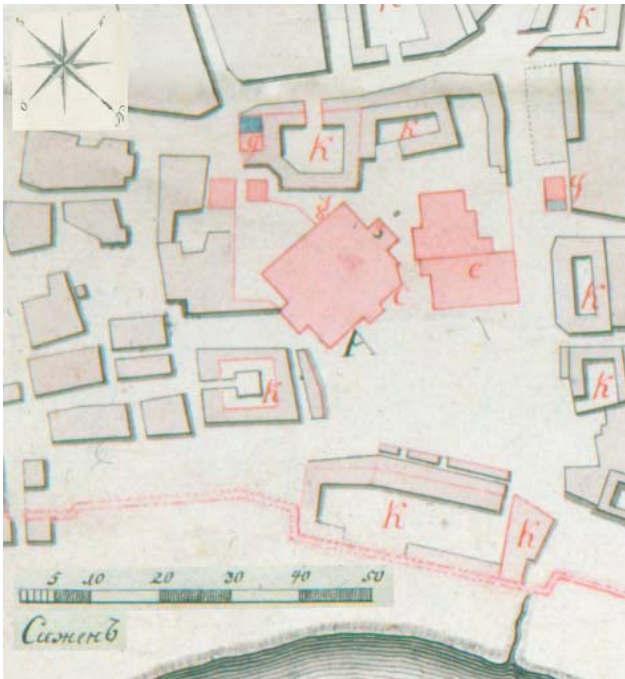
Рис. 8. У. Хейсти. «Кефа. Рисунок с натуры. 18 сентября 1798 г.». Фрагмент (по: Джанов, 2021, с. 216–217).

Fig. 8. W. Nastie. “Kefa. Drawing from nature. September 18, 1798”. Fragment (after Dzhanov, 2021, p. 216–217).

центру южной стены» (Зиливинская, 2021b, с. 347; 2021a, с. 712). Стена, о которой идёт речь, принадлежит основному объёму мечети, представляет собой внешнюю несущую конструкцию здания и по своему расположению является северной стеной. Трактовать её как южную только на основании того, что к ней с севера примыкает галерея, неприемлемо, ибо в этом случае у мечети сразу появляются две южных стены (и обе наружные), а значит, путаница неизбежна. Во-вторых, боковые входы в постройку, о которых сообщает Э. Челеби (Книга путешествий, 1999, с. 90), на чертеже У. Хейсти Э.Д. Зиливинская почему-то не обнаружила – «на плане они не видны» (Зиливинская, 2021b, с. 347; 2021a, с. 712). Тем не менее они там есть и расположены рядом с подножием минарета, причём самим архитектором (в полном соответствии с нормами инженерной графики) обозначены именно как дверные проёмы (рис. 1). В-третьих, определение размеров молельного зала, то есть помещения, по внешнему периметру стен вызывает недоумение. При этом толщина кладок в описании не сообщается, следовательно, вычесть её и хотя бы таким образом получить полноценное представление о величине внутреннего пространства мечети невозможно.

По большому счёту, отмеченные недостатки не являются катастрофическими, разве что усложняют процесс восприятия информации, превращая его в бесконечный квест. Обусловленные этим неизбежные издержки компенсируются лишь неиссякаемостью интереса исследователей к постройке, который пусть и в таком виде, но способствует её дальнейшему изучению. Завершая рассмотрение новых публикаций с материалами о Биюк Джамии, нельзя не обратить внимание на ещё один важный иконографический источник – «План города Феодосии с показанием вокруг оного каменной стены в плане и фасаде», датированный восьмидесятыми годами XVIII в. (Джанов, 2019, рис. 1). Специалистам он известен давно, но впервые издается в цвете и с высоким разрешением цифровой копии, которые позволяют получить исчерпывающее представление о мельчайших подробностях документа, в частности связанных с градостроительной структурой османского Кефе.

До появления Биюк Джамии рыночная площадь имела чётко выраженную форму в виде прямоугольной трапеции (рис. 9). С юго-восточной, северо-восточной и северо-западной сторон её обрамляли торговые ряды и ханы. Угол квартала, примыкающего к ней с юго-запада, был занят баней. Огромное здание

мечети своей величиной ощутимо превышает все остальные сооружения архитектурного ансамбля и буквально втиснуто в существующую застройку, причём зодчему пришлось проявить немалое мастерство, чтобы справиться с этой задачей. Правда, пересечения красной линии ему избежать всё равно не удалось, что привело к небольшому изменению первоначальной конфигурации мейдана.

Участок, принадлежавший Биюк Джамии, с боков ограничен двумя монументальными строениями – хаммамом и караван-сараям. С южной стороны он упирался в колодезь. Спереди находилась рыночная площадь, край которой оказался под угловой частью мечети, полностью перекрывшей при этом проезд в переулок, расположенный между ханом и соседним кварталом. Существовавшую стеснённость места строительства подтверждает также Э. Челеби: «Внутри мечеть очень просторная, занимает 10 тысяч шагов. Но она находится на рынке, на узком куске земли, и внешний *харам* ее маленький. Он не соответствует величине мечети» (Книга путешествий, 1999, с. 90). Ограниченные размеры участка и высокая плотность застройки сказались не только на незначительной глубине двора, но также обусловили асимметричное уменьшение его ширины спереди.

Западная боковая стена внешнего *харам* имеет ломаную конфигурацию. На одном плане (рис. 9) она сильно скошена, на втором

Рис. 9. «План города Феодосии с показанием вокруг него каменной стены в плане и фасаде». Фрагмент. 1780-е гг. (по: Джанов, 2019, рис. 1). Условные обозначения: с – мечеть; е – баня; g – фонтан; j – колодезь; k – хан.

Fig. 9. “Plan of the Feodosia with an indication of a stone wall around it in plan and facade”. Fragment. 1780s (after Dzhanov, 2019, fig. 1). Symbols legend: c – mosque; e – bath-house; g – fountain; j – well; k – khan.

(рис. 4) – разворот едва заметен, но в обоих случаях ограда и галерея на стыке друг с другом разделены чётко обозначенным уступом. Вместе с тем на чертежах У. Хейсти (рис. 1–2) ничего подобного нет, за исключением, пожалуй, небольшого смещения вовнутрь крайних колонн аркады на северном фасаде и почти неощутимого сужения двора со стороны рынка на горизонтальной проекции. Точные причины противоречивости последнего источника неизвестны. Вероятнее всего, руководствуясь желанием или необходимостью придать Биюк Джамии более правильные и совершенные формы, архитектор специально изменил реальный облик постройки при её вычерчивании. По крайней мере такими неточностями грешат многие детали здания, представленные на его чертежах, что обнаруживается при сравнении разных иконографических материалов. Например, наличник главного входа в интерпретации У. Хейсти (рис. 1) не имеет ничего общего с порталом на рисунке Ф. Дюбуа де Монпере (рис. 3), который изображен более правдоподобно, поскольку точно переданы характерные для османского зодчества формы. Согласно сведениям У. Хейсти, непосредственно над дверным проёмом находилось окно, но его нет у Ф. Дюбуа де Монпере, причём по весьма прозаичной и убедительной причине – из-за недостатка там места. Отсутствие окна подтверждает также зарисовка Н.А. Львова (рис. 7). На фасадах У. Хейсти главный купол представлен без окон (рис. 1–2), хотя они известны по рисункам интерьера (рис. 7) и видам здания на панорамах города, в том числе и его собственной (рис. 8, 10) (Кирилко, 2018, с. 225–226, ил. 6; Храпунов, 2020, рис. 2). Разнится также информация о количестве внешних михрабов. Чертежи У. Хейсти сообщают о четырёх нишах (рис. 1), располагавшихся напротив колонн аркады – по две с каждой стороны от входа. По свидетельству

Рис. 10. К. Ф. Кюгельхен. Вид с Феодосийской крепости. 1824 г. (по: Тункина, 2011, ил. 57).

Fig. 10. K. von Kügelgen. View from the Feodosia fortress. 1824 (after Tunkina, 2011, fig. 57).

Ф. Дюбуа де Монпере, в западной половине северной стены строения находилась только одна аназа (рис. 3). Вызывают сомнения и слишком высокие барабаны малых куполов (рис. 1–2). Обычно они были более приземистыми, что наряду с многочисленными примерами косвенно подтверждается рисунком К.Ф. Кюгельхена (рис. 10), который среди всех известных сейчас перспективных изображений мечети выделяется самой точной передачей пропорций и форм здания. На северном фасаде постройки нижний ярус барабана У. Хейсти представлен без окон, тогда как о них сообщает карандашный набросок интерьера, выполненный Н.А. Львовым (рис. 7).

На мой взгляд, усложнённые скосом и уступом очертания угловой части Биюк Джами со стороны хаммама, беспристрастно обозначенные на планах города военными топографами (рис. 4, 9), реально существовали и были вынужденной мерой, обусловленной расположением обеих построек почти вплотную друг к другу. Таким образом архитектору удалось немного увеличить расстояние между двумя зданиями не только визуально, но и, что не менее важно, физически. Причём появление

бани по времени однозначно предшествовало возведению мечети и определяет для той *terminus post quem*, в противном случае пригонке подверглась бы первая.

Дата строительства хаммама, автором которого считается великий османский зодчий Ходжа Синан (ок. 1489–1588 гг., после 1538 г. – главный придворный архитектор), точно не известна (Rabb, 2013, p. 33; Кононенко, 2022, с. 153–155). Немного прояснить ситуацию позволяет Э. Челеби, сообщающий о некой кефенской бане Татлы: «Она во внешней крепости, ее заложили, когда здесь правил *шахзаде* Сулейман-хан Гази, а потом при его преемниках она была завершена» (Книга путешествий, 1999, с. 92–93). Хотя турецкий путешественник имя архитектора не называет, расположение самой постройки и особенно перечисление присущих ей достоинств, сопоставимых с достоверными сведениями документальных источников (Дюбуа де Монпере, 2009, с. 83–84; Тункина, 2011, с. 50, 72–73), позволяют уверенно отождествить это здание с хаммамом на рыночной площади. Поскольку введение бани в эксплуатацию затянулось, ситуация с долгостроящим не могла не сказаться

ся на судьбе соседней Биюк Джамии. Поэтому Э. Челеби, свидетельствуя о возведении соборной мечети шахзаде Сулейман-ханом – «построил ее, когда здесь правил», вероятнее всего, имел в виду лишь причастность того к закладке сооружения. Иначе теряет какой-либо смысл вынужденное изменение внешних очертаний здания, равно как необъяснимым остаётся то, почему позднее за постройкой закрепилось имя султана Селима, владевшего престолом в 1566–1574 гг.

Большая мечеть Кефе представляет собой уникальное сооружение, не имеющее близких аналогий на территории полуострова. В определённой степени с ней сопоставима лишь одна крымская постройка, причём настолько же по местным меркам грандиозная и неординарная – Джума Джамии в Гёзлёве, которая является ярким произведением столичной архитектурной школы и была построена Ходжа Синаном в пределах 1552–1564 гг. (Кутайсов, Кутайсова, 2007, с. 77–79). Несмотря на то, что в пресловутом списке, где перечисляются все произведения мастера, кефенская мечеть не упомянута, очевидное тождество стиля и наличие в Крыму целых двух достоверно подтверждаемых его работ (гёзлёвской Джума Джамии и бань султана Сулеймана в Кефе) позволили в своё время Б.Н. Засыпкину предположительно связать её происхождение именно с творчеством знаменитого турецкого зодчего, а возведение самого здания «отнести к середине XVI в.» (Засыпкин, 1927, с. 140–143).

Поскольку Э. Челеби «совершенно определено» указывает, что мечеть была построена Сулейман-ханом во время правления санджаком, А.П. Григорьев счёл возможным уточнить дату сооружения, за которым, как он полагает, «без всяких видимых на то оснований укрепилось имя султана Селима II (1566–1574)». Согласно выводам исследователя, постройка появляется до 1520 г., «ближе всего стоит к стамбульской Шахзаде, будучи гораздо проще её по формам», и принадлежит к наиболее раннему этапу в творчестве Синана (Григорьев, 1974, с. 27–28). Несмотря на то, что сам турецкий путешественник, обычно не упускавший важных деталей, с деятельностью знаменитого зодчего данное строение никак не связывает, оно и сейчас иногда продолжает относиться к богатому наследию

мастера (Бочаров, 2016, с. 127), хотя документального подтверждения этому до сих пор нет (Aslanapa, 1992; Goodwin, 1992, p. 196–283; Goodwin, 1993; Necipoglu, 2005; Rabb, 2013, p. 26–36; Кононенко, 2022, с. 155). Равно как отсутствует и уверенность в том, что возведение Соборной мечети в Кефе было полностью завершено при шахзаде Сулейман-хане.

Э.Д. Зиливинская сообщает о трёх аналогиях. Самой близкой из них является Султан-Джамии в Манисе 1522 г., которая «практично идентична ей по плану». Две другие – мечети Чешнигир 1474 г. и Хатуние 1479 г. – находятся там же и имеют «сходную планировку» (Зиливинская, 2021b, с. 347; 2021a, с. 712). По мнению Е.И. Кононенко, упомянутые постройки, дополненные им ещё несколькими примерами, образуют целую группу мечетей с боковыми нефами из двух ячеек. Они локализируются преимущественно в Манисе и служат «иллюстрацией особого вектора развития композиционных новаций эдирнской Юч Шерефели-джамии, приведшего не к новому столичному типу “большой османской мечети”, а к созданию провинциальной версии трехнефных мечетей, в которых не делалась попытка объединения зального пространства» (Кононенко, 2022, с. 120). Вместе с тем, несмотря на тождество плановой схемы, ни одна из них не имеет объёмной композиции, подобной той, что завершала перекрытие центральной части Биюк Джамии и представляла собой комбинацию двух многогранных призм, поддерживавших основной купол.

Возвращаясь к рассмотрению чертежей У. Хейсти, следует отметить, что на переднем и заднем видах здания (рис. 1–2) все вертикальные плоскости нижнего яруса барабана имеют разную ширину и форму. Точнее и детальнее они представлены на южной проекции. Судя по изображению, фасадные грани были более широкими, чем примыкающие к ним с боков соседние поверхности. Благодаря этому автору строения удалось не только гармонично разместить оконные проёмы, но также ощутимо увеличить толщину стен барабана со стороны парусов, что в свою очередь позволило почти полностью скрыть кладку пандативов в его теле. Обращает на себя внимание чётко обозначенное на чертежах усечение вертикальных рёбер посредством фасок, которое привело к топологическому

преобразованию октагональной призмы в многогранник с шестнадцатью разновеликими лицевыми плоскостями. Примеры аналогичной конструкции, чаще всего представлявшей собой обычный четверик либо немного модифицированное завершение кубовидного объёма самого здания, на других монументальных постройках османского мира мне неизвестны. Несколько с ней сопоставимы лишь угловые участки перекрытия Джума Джамии в Гёзлёве, парусам которого снаружи придана ступенчатая форма (Кутайсов, Кутайсова 2007, с. 75–79), более совершенная и изящная по сравнению с кефенской.

На чертежах южного фасада Биюк Джамии, выполненных У. Хейсти, центральный барабан строения выглядит относительно правдоподобно. По меньшей мере многогранность его нижнего яруса косвенно подтверждается предельно скрупулёзным рисунком

К.Ф. Кюгельхена (рис. 10). С другой стороны, этому противоречит неизвестный художник рубежа XVIII–XIX вв., неожиданно изобразивший ту же самую конструкцию в виде высокой прямоугольной призмы (Кирилко 2018, с. 226, ил. 6). Остальные иконографические материалы, доступные сейчас для изучения (Тункина, 2011, ил. 36, 52, 60; Храпунов, 2017, с. 279, рис. 3; Джанов 2019, рис. 5; Зиливинская, 2021b, рис. 3; 2021a, рис. 19), невыразительны. Если сообщаемые У. Хейсти сведения о несколько необычной форме барабана являются достоверными, в чём я не сомневаюсь, есть основание считать, что завершение основного объёма здания имело оригинальную и хорошо продуманную композицию, которая вполне могла принадлежать руке столичного мастера, курировавшего строительные работы на крымских объектах Ходжа Синана.

ЛИТЕРАТУРА

- Бочаров С.Г. Мечети города Каффа (Кефе) // Поволжская археология. 2016. № 2 (16). С. 120–137.
- Григорьев А.П. “Книга путешествия” Эвлии Челеби – источник по истории Крыма XIII–XVII вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 3 / Отв. ред. Г.В. Ефимов. Л.: ЛГУ, 1974. С. 19–28.
- Джанов А.В. Каффа, Крымское ханство и османы 1454–1456 гг. (по данным книг массарии Каффы) // Сугдейський збірник. 2019. Вип. 2(VIII). С. 79–373.
- Джанов А.В. Каффа, Крымское ханство и соседние государства в 1456–1459 гг. (по данным книг массарии Каффы) // Сугдейський збірник. 2021. Вип. 3–4(VIII). С. 163–462.
- Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. В 6 томах. Париж, 1843. Т. 5, 6 / Перевод, предисловие и примечания Т.М. Фадеевой. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. 328 с.
- Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. 1927. № 2(4). С. 113–168.
- Зиливинская Э.Д. Культовая архитектура крымского ханства // История крымских татар. В 5 томах. Т. III. Крымское ханство XV–XVIII вв. / Отв. ред. И. В. Зайцев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021а. С. 692–742.
- Зиливинская Э.Д. Многокупольные мечети в Крымском ханстве // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ). 2021б. Вып. XXVI. С. 343–361.
- Кирилко В.П. Архитектура мечетей османского города Кефе (по материалам письменных и графических источников) // Вопросы всеобщей истории архитектуры. Вып. 10 / Гл. ред. А.Ю. Казарян. М.; СПб: Нестор-История, 2018. С. 222–241.
- Кирилко В.П. Культовая архитектура золотоордынского Крыма: версия Э. Д. Зиливинской // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань, Кишинев: Stratum plus, 2019а. С. 691–739.
- Кирилко В.П. О башенных мавзолеях золотоордынского Крыма и некоторых исследовательских выводах // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований. В 2 кн. Кн. 1 / отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2019б. С. 119–125.
- Кирилко В. П. Хронологические парадоксы дюрбе Мухаммед-Шах-бея в г. Бахчисарай // Поволжская археология. 2021. № 2(36). С. 93–120 DOI: <http://doi.org/10.24852/pa2021.2.36.107.120>
- Книга путешествия. Турецкий автор Эвлии Челеби о Крыме (1666–1667 гг.) / Пер. и коммент. Е.В. Бахревского. Симферополь: Таврия, 1999. 142 с.

Кононенко Е.И. Эволюция архитектуры османской мечети. М.: Прогресс-Традиция, 2022. 512 с.

Кутайсов В.А., Кутайсова М.В. Евпатория: Древний мир. Средние века. Новое время. Киев: Стилос, 2007. 284 с.

de Миранда Ф. Путешествие по Российской Империи / пер. с исп. М. С. Альперовича, В. А. Капанадзе, Е. Ф. Толстой. М.: МАИК «Наука/Интерпериодика», 2001. 362 с.

Юргевич В.Н. Псифисы древнего города Херсонеса о назначении почестей и наград Диофанту, полководцу Митридата Евпатора за покорение Крыма и освобождение херсонесцев от владычества скифов // Записки Одесского общества истории древностей (ЗООИД). Одесса, 1889. Т. 16. С. 21–45.

О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности, и об издании описания и рисунков оных // ЗООИД. Т. 8. Одесса, 1872. С. 363–403.

Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 гг. / Пер. с нем. М.: Наука, 1999. 246 с.

Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году, Павлом Сумароковым. С историческим и топографическим описанием всех тех мест. М.: Университетская типография, 1800. 250 с.

Тункина И.В. Открытие Феодосии. Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771–1871. Киев: Болеро, 2011. 240 с.

Храпунов Н.И. Культурное наследие Крыма эпохи Золотой Орды и Крымского ханства в описаниях иностранцев рубежа XVIII–XIX вв. // ПИФК. 2017. № 4. С. 270–291.

Храпунов Н.И. О крымских акварелях Андрея Воронихина // Боспорские исследования. 2020. Вып. 40. С. 229–238.

Aslanapa O. *Mimar Sinan*. Ankara: Kültür Bakanlığı, 1992. 138 p.

Düzenli H. İ. *XVI–XVII. Yüzyıl İstanbul Mimarisi* // Antik Çağ'dan XXI. Yüzyıla Büyük İstanbul Tarihi 8 / Coşkun Y. (ed.). İstanbul, 2015. P. 176–243.

Goodwin G. *A history of Ottoman architecture*. London: Thames and Hudson, 1992. 512 p.

Goodwin G. *Sinan: Ottoman Architecture and Its Values Today*. London: Saqi Books, 1993. 136 p.

Necipoglu G. *The Age of Sinan: Architectural Culture in the Ottoman Empire (1539–1588)*. Princeton NJ.: Princeton University Press, 2005. 592 p.

Rabb P. “We are all servants here!” Mimar Sinan – architect of the Ottoman Empire // *Periodica Polytechnica. Architecture*. 2013. № 44(1). P. 17–37. DOI: <http://www.pp.bme.hu/ar/article/view/7444>

Информация об авторе:

Кирилко Владимир Петрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН (г. Симферополь, Россия); vladimirkirilko.33@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5431-9127>

REFERENCES

Bocharov, S. G. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 16 (2), 120–137 (in Russian).

Grigor'ev, A. P. 1974. In Efimov, G. V. (ed.). *Istoriografiia i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki (Historiography and Historical Sources for Asia and Africa Countries)* 3. Leningrad: Leningrad State University, 19–28 (in Russian).

Dzhanov, A. V. 2019. In *Sugdeys'kiy zbirnik (Sougdeia Collection of Papers)* 2 (VIII), 79–373 (in Russian).

Dzhanov, A. V. 2021. In *Sugdeys'kiy zbirnik (Sougdeia Collection of Papers)* 3–4 (VIII), 163–462 (in Russian).

Dubois de Monpéroux F. 2009. *Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhazam, v Gruziiyu, Armeniyu i v Krym. V 6 tomakh. Parizh, 1843. (Voyage autour du Caucase, chez les Tscherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée)*. In 6 vol. Paris, 1843) 5, 6. Translation, preface and notes by T.M. Fadeeva. Simferopol: “Biznes-Inform” Publ. (in Russian).

Zasytkin, B. N. 1927. In *Krym (Crimea)* 4 (2), 113–168 (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2021a. In Zaitsev, I. V. (ed.). *Istoriya krymskikh tatar. V 5 tomakh T. III: Krymskoe khanstvo XV–XVIII vv. (History of the Crimean Tatars in 5 volumes. Vol. III: Crimean Khanate XV–XVIII centuries)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 692–742 (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2021b. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* 26, 343–361 (in Russian).

Kirilko, V. P. 2018. In Kazaryan, A. Yu. (ed.). *Voprosy vseobshhej istorii arhitektury (Questions of the history of world architecture)* 10. Moscow; Saint-Petersburg: “Nestor-Istoriia” Publ., 222–241 (in Russian).

Kirilko, V. P. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)* 2. Kazan, Kishinev: “Stratum Plus” Publ., 691–739 (in Russian).

Kirilko, V. P. 2019. In Bazarov, B. V., Kradin, N. N. (eds.). *Kochevye imperii Evrazii v svete arkheologicheskikh i mezhdistsiplinarnykh issledovaniy. V 2 kn. Kn. 1 (Nomadic Empires of Eurasia in Archaeological and Interdisciplinary Studies)*. In two volumes. Vol. 1. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Science Center SB RAS Publ., 119–125 (in Russian).

Kirilko, V. P. 2021. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 36 (2), 93–120 DOI: <http://doi.org/10.24852/pa2021.2.36.107.120> (in Russian).

Evliya Çelebi. 1999. *Kniga puteshestviia. Turetskii avtor Evliia Çelebi o Kryme (1666–1667 gg.) (The Book of Travels. Turkish Writer Evliya Çelebi on Crimea (1666–1667))*. Simferopol: “Tavriia” Publ. (in Russian).

Kononenko, E. I. 2022. *Evolutsiya arkhitektury osmanskoy mecheti (The evolution of the architecture of the Ottoman mosque)*. Moscow: “Progress-Traditsiya” Publ. (in Russian).

Kutaisov, V.A., Kutaisova, M.V. 2007. *Evpatoriya: Drevniy mir. Srednie veka. Novoe vremya (Evpatoria: The Ancient World. The Middle Ages. The Modern History)*. Kiev: “Stilos” Publ. (in Russian).

de Miranda, F. 2001. *Puteshestvie po Rossiyskoy Imperii (A travel through the Russian Empire)*. Moscow: “Nauka/Interperiodika” Publ. (in Russian).

Iurgevich, V. N. 1889. In: *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii drevnostei (Notes of the Odessa Society of History of Antiquities)* 16. Odessa, 21–45 (in Russian).

1872. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii drevnostei (Notes of the Odessa Society of History of Antiquities)* 8. Odessa, 363–403 (in Russian).

Pallas, P. S. 1999. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 gg. (Observations made during a Journey across the Southern Governorates of the Russian State in 1793–1794)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Sumarokov, P. 1800. *Puteshestvie po vsemu Krymu i Bessarabii v 1799 godu, Pavlom Sumarokovym. S istoricheskim i topograficheskim opisaniem vsekh tekhn mest (Travelling throughout the Crimea and Bessarabia in 1799 by Pavel Sumarokov. With a historical and topographical description of all those places)*. Moscow: University Printing (in Russian).

Tunkina, I. V. 2011. *Otkrytie Feodosii. Stranitsy arkheologicheskogo izucheniia Yugo-Vostochnogo Kryma i nachal'nye etapy istorii Feodosiiskogo muzeia drevnostei 1771–1871 (Discovery of Feodosia. Pages of the archaeological study of the South-Eastern Crimea and the initial historical stages of the Feodosia Museum of Antiquities. 1771–1871)*. Kiev: “Bolero” Publ. (in Russian).

Khrapunov, N. I. 2017. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* (4), 270–291 (in Russian).

Khrapunov, N. I. 2020. In *Bosporskie issledovaniia (Bosporan Studies)* 40, 229–238 (in Russian).

Aslanapa, O. 1992. *Mimar Sinan*. Ankara: Kültür Bakanlığı (in Turkish).

Düzenli, H. İ. 2015. In Coşkun Y. (ed.). *Antik Çağ'dan XXI. Yüzyıla Büyük İstanbul Tarihi* 8, 176–243 (in Turkish).

Goodwin, G. 1992. *A history of Ottoman architecture*. London: Thames and Hudson.

Goodwin, G. 1993. *Sinan: Ottoman Architecture and Its Values Today*. London: Saqi Books.

Necipoglu, G. 2005. *The Age of Sinan: Architectural Culture in the Ottoman Empire (1539–1588)*. Princeton NJ.: Princeton University Press.

Rabb, P. 2013. In *Periodica Polytechnica. Architecture* 44(1), 17–37. DOI: <http://www.pp.bme.hu/ar/article/view/7444>

About the Authors:

Kirilko Vladimir P. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of Crimea of Russian Academy of Sciences. Academician Vernadsky Ave., 2, Simferopol, 295007, Crimea, Russian Federation; vladimirkirilko.33@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5431-9127>

Статья поступила в журнал 01.08.2023 г.
Статья принята к публикации 01.10.2023 г.

УДК 623.11

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.5.211.215>**И СНОВА О СВИЯЖСКОЙ КРЕПОСТИ 1551 Г.**

© 2023 г. А.Н. Медведь

Статья посвящена уточнению конструкции элементов Свияжской крепости (середина XVI в.), предложенной в статье А.М. Губайдуллина и Р.Н. Хамзина. На основании данных раскопок 2016 г., а также примеров европейской фортификации XIV–XV вв. автором предлагается иная реконструкция крепостных сооружений Свияжска. Высказывается гипотеза о том, что некоторые укрепления Свияжска не были фундаментальными и представляли собой сооружения, предназначенные для временного сдерживания противника. Конструкция таких сооружений была максимально простой, не подразумевала каких-либо сложных элементов и представляла собой разреженный тын. Простота конструкции была обусловлена сжатыми сроками сооружения крепости, недостатком материалов и отсутствием серьезной опасности использования огнестрельного оружия со стороны войск Казанского ханства.

Ключевые слова: археология, средневековье, крепость Свияжск, фортификация, история фортификации.

AGAIN ABOUT THE SVIYAZHISK FORTRESS OF 1551**A.N. Medved**

The article deals with the accurate definition of the construction elements of the Sviyazhsk fortress (middle of the XVI century), proposed in the article by A.M. Gubaidullin and R.N. Khamzin. Based on the 2016 excavation data, as well as examples of European fortification of the XIV–XV centuries, a different reconstruction of the Sviyazhsk fortifications is proposed by the author. It is hypothesized that some of the fortifications of Sviyazhsk were not fundamental and were structures, built for temporarily contain the enemy. The construction of such structures was as simple as possible, did not imply any complex elements. It was a sparse paling. The simplicity of the design was due to the short time of construction of the fortress, lack of materials and absence of serious danger of using firearms by the troops of the Kazan Khanate.

Keywords: archaeology, Middle Ages, Sviyazhsk fortress, fortification, history of fortification.

В 2020 г. в шестом номере журнала «Археология Евразийских степей» была опубликована статья А.М. Губайдуллина и Р.Н. Хамзина, посвященная укреплениям г. Свияжска. В данной работе хотелось бы обратить внимание на некоторые выводы и гипотезы, предложенные авторами.

Напомним, что представления о первоначальной Свияжской крепости как о мощном деревянном сооружении, выстроенном с использованием городен, начали формироваться еще в начале XX в.

Согласно данным Лицевого летописного свода, Свияжская крепость была построена за четыре недели. Пожалуй, это один из наиболее быстро возведенных фортификационных объектов 1-й пол. XVI в.

В советской и российской историографии Свияжску уделялось некоторое внимание, однако в большей степени исследователи концентрировались на изучении взятия Казани.

Свияжск как крепость впервые стал объектом научных исследований благодаря М.К. Каргеру (Каргер, 1929). Именно М.К. Каргер утверждал, что стены Свияжска были «рублены городнями», положив начало представлениям о Свияжской крепости как мощном фортификационном сооружении. Однако М.К. Каргер в своей работе, посвященной реконструкции Свияжской крепости и собственно города Свияжска, руководствовался «Писцовой книгой Свияжска и Свияжского уезда», созданной в 1565–1567 гг., т. е. спустя 14 лет после занятия острова русскими подразделениями. За эти годы вполне могла быть выстроена основательная деревянная крепость и укрепления, упомянутые в «Писцовой книге...», могли иметь иную конструкцию и масштаб.

Чуть позже В.Н. Подключников, говоря о крепостных стенах города, отметил: «... по абсолютным размерам они превосходили все подобные сооружения, выстроенные на территории Древней Руси, включая... укреп-

пления Московского Кремля, а по конструкции представляли собой последнее слово русской фортификационной техники XVI в. ...» (Подключников, 1943, с. 35). Такой взгляд породил некоторые публикации, где авторы а priori исходили из того, что Свияжская крепость вся рубилась тарасами, и пытались даже рассчитать количество людей, принимавших участие в строительстве (Бобков, с. 117). Надо ли говорить, что подобные расчеты вряд ли имеют какую-либо научную ценность, ведь точно неизвестно, какие технологические приемы использовались строителями Свияжска в 1551 г., как неизвестна площадь острова, занятая фортификационными сооружениями.

В современных работах по истории фортификации Свияжск воспринимается как полноценная крепость со стенами и башнями. Так, К.С. Носов, говоря о Свияжске, повторяет тезис В.Н. Подключникова и отмечает: «... крепость была возведена всего за четыре недели, а ведь периметр ее стен превышал протяженность стен Московского Кремля» (Носов, 2019, с. 100). Сравнение Московского Кремля и Свияжска представляется очень важным наблюдением. Но это сравнение также заставляет усомниться в том, что стены и башни Свияжска в 1551 г. создавались как фундаментальные укрепления.

Следует также отметить, что какие-либо фундаментальные укрепления Свияжска, которые можно было бы с уверенностью идентифицировать как археологический след укреплений XVI в., до сих пор не были обнаружены (раскопки 2013 г. выявили лишь предположительные остатки таких укреплений).

Исключение составляют археологические исследования 2016 г., результаты которых были отражены в статье А.М. Губайдуллина и Р.Н. Хамзина.

Одним из важнейших выводов, который сделали авторы, было предположение, что бытовавшее многие десятилетия представление о Свияжской крепости как о фортификации, которая создавалась из полностью привезенных материалов, требует пересмотра.

Авторы корректируют современные представления о свияжских укреплениях. Они абсолютно обоснованно отмечают, что «в древности крепостные постройки всегда строились с учетом особенностей рельефа местности. Там, где это было необходимо, возводились сложные и мощные стены,

башни и другие дополнительные сооружения. В местах же, защищенных самой природой, строились более «легкие», «простые» конструкции» (Губайдуллин, Хамзин, 2020, с. 411). Возможно, наличием таких предельно простых конструкций отчасти объясняется столь быстрое возведение свияжской крепости.

Обратим внимание и на еще один момент. Авторы предположили, что материалы для ограды, следы которой были обнаружены во время раскопок 2016 г., заготавливались на месте, а не были привезены из Углича, как значительная часть дерева, из которого создавалась Свияжская крепость (Губайдуллин, Хамзин, 2020, с. 413).

Это предположение не лишено оснований. Лес, перевезенный из Углича и, скорее всего, предназначавшийся для сооружения башен и/или городен, был срублен примерно за год до начала строительства крепости. То есть, было время для того, чтобы он подсох и не деформировался после его сборки в фортификационные конструкции. При этом часть леса, использованная для создания укреплений, была срублена на острове непосредственно перед сооружением крепости (это известно из летописных данных). Совершенно очевидно, это был сырой лес, не годившийся для городен. Вероятно, именно такой, «местный» лес и мог стать основой для тыновой ограды Свияжска.

Соглашаясь с главными положениями, предложенными авторами, тем не менее отметим, что предложенная ими реконструкция вызывает вопросы. Дело в том, что данная реконструкция представляет собой сплошной забор с бревнами, которые очень плотно подогнаны друг к другу. Также на реконструкции изображены перпендикулярные горизонтально расположенные бревна, которые, по мнению авторов, могли быть основой для площадок верхнего боя. Изображен и сам верхний бой. Очевидно, авторы статьи использовали в своей реконструкции идеи Ф.Ф. Ласковского, который в своей работе предложил похожий вариант конструкции тына (Ласковский, 1858, рис. 82, 83).

Однако на фотографиях раскопок видно, что бревна тына расположены на некотором расстоянии друг от друга – не менее 10 см. А тыновая ограда в юго-восточной части Свияжска, судя по фото, была еще более разрежен-

Рис. 1. Фрагмент фрески из Палаццо Публико (1320-е гг.) с изображением деревянного частокола.

Fig. 1. Fragment of a fresco from Palazzo Público (1320s) depicting a wooden paling.

ной. Вряд ли пустое пространство между бревнами образовалось из-за их усыхания – в этом случае картина была бы совершенно иной.

Также в материке не видно следов перпендикулярно расположенных горизонтальных бревен. Впрочем, если учесть, что такие бревна не были впущены в грунт, то их следы не могли сохраниться в принципе.

Но остается несколько вопросов:

Действительно ли вертикальные бревна были вбиты на некотором расстоянии друг от друга?

Если это было так, то какой смысл было делать перпендикулярные горизонтальные бревна?

За счет чего должны были крепиться эти горизонтальные бревна?

На первый вопрос, видимо, следует ответить утвердительно – на всех фотографиях раскопов видно, что между вертикальными бревнами имеется пустое пространство.

Наличие пустых пространств между элементами тына, казалось бы, нелогично. Очевидно, что для долговременных фортификационных сооружений, да еще и выполняющих роль внешней ограды, такие пустые пространства неприемлемы. Однако имеются примеры в европейской фортификации, когда при сооружении крепостей внешняя тыновая ограда намеренно делалась сильно разреженной. Имеется несколько изображений таких конструкций. Одна из них встречается на фреске в Палаццо Публико (Сиена, 1320-е гг.) (Медведь, 2022, с. 398) (рис. 1).

Важно отметить, что это был не просто забор, обозначавший границы владения, – на одном из фрагментов фрески изображены копьа, лежащие на заборе. Такая ограда явно выполняла защитные функции. Конечно, это довольно ранний (по сравнению со Свяжском) пример, но технологические традиции в использовании дерева в фортификационных объектах были довольно консервативны как в Европе, так и в русских землях. Даже несмотря на распространение огнестрельного оружия. Также конструкция в виде такого «редкого тына» изображена на страницах трактата по военному делу «Feuerwerksbuch» немецкого автора М. Мерца (1470–1480-е гг.) (Медведь, 2023, с. 166) (рис. 2). Здесь тын выполнял роль дополнительной линии защиты (основным фортификационным объектом была небольшая крепость) и был дополнен плетневыми элементами, которые фиксировали вертикальные столбы сверху. Отметим, что плетень не являлся элементом, защищающим воинов. При этом в середине – 2-й половине XVI в. существовала технологическая традиция использования плетневых конструкций в фортификации, получившая название *Modus Hungaricus*. Археологически такая технология прослеживается в виде вертикальных столбов, располагавшихся на определенном расстоянии друг от друга (вероятно, они были соединены плетнем, но его следы, как правило, не сохраняются).

Переплетения с фортификациями Центральной и Восточной Европы, на наш

взгляд, имеют право на существование. Вспомним хотя бы о том, что во взятии Казани участвовало некоторое количество иностранных военных инженеров.

Впрочем, возможно, никакого плетня в Свияжске не было, и тын представлял собой обычные вертикальные бревна, не связанные между собой либо соединенные горизонтальными перекладинами сверху и снизу.

Столь странное с точки зрения фортификации расположение бревен тына могло иметь несколько причин, одной из которых была экономия строительных материалов. Причина эта более чем актуальна, особенно в свете отмеченного авторами статьи явного дефицита дерева для строительства капитальных фортификационных сооружений.

Также если учесть, что между бревнами тына существовало пустое пространство, то нелогичной представляется и гипотеза авторов о наличии горизонтальных бревен, поддерживавших «верхний бой». Тогда возникают сомнения и в существовании самого верхнего боя – при такой упрощенной конструкции ему просто не на чем было бы держаться.

Сплошной тын, конечно, более надежное укрепление, особенно когда речь идет о противнике, обладающем большим количеством огнестрельного оружия, в том числе и крупнокалиберного. Однако в случае Свияжска такого противника не было. Конечно, войско Казанского ханства имело на вооружении довольно большое количество огнестрельного оружия, в том числе и артиллерию. Однако во время штурма Свияжска применение такого оружия могло носить ограниченный характер. Например, вести огонь по укреплениям пришлось бы с речных судов. Казанское ханство имело довольно мощный речной флот, который иногда одерживал победы над русским речным флотом, однако к 1540-м гг. казанский флот перестал доминировать на Волге. Кроме того, было ли на кораблях казанских татар огнестрельное оружие (например, пушки)? Основной тактикой морского и речного боя в условиях Волги и Каспийского моря был абордаж (с предварительным обстрелом противника метательным оружием). Довольно сложно представить казанские корабли, обстреливающие новую крепость из пушек. А стрельба с кораблей

Рис. 2. Изображение тына из трактата М. Мерца «Feuerwerksbuch» (2-я пол. XV в.).

Fig. 2. Images of paling from treatise by M. Merz "Feuerwerksbuch" (2nd half of the XV century).

из ручного огнестрельного оружия по даже такой простейшей тыновой конструкции вряд ли была бы эффективной.

Поэтому тыновые ограды, обращенные к реке, могли быть сооружены скорее как превентивная защита от десанта, вооруженного метательным и холодным оружием. Такие ограды были первой линией обороны крепости, и при серьезной опасности эта линия могла оставаться ее защитниками, которые переходили в более капитальные укрепления – в деревянные башни, которые служили узлами обороны и предназначались для уничтожения противника, прорвавшегося через первую линию.

Итак, вероятнее всего, тын, исследованный в Свияжске, мог представлять собой простую конструкцию в виде забора из толстых вертикальных бревен с промежутками между ними, закрытыми плетнем либо без него.

ЛИТЕРАТУРА

Бобков А.С. Сборное строительство на Руси в XVI в. // История строительной науки и техники / Гл. ред. И. В. Кузнецов. М.: АН СССР, 1956. С. 112–119.

Губайдуллин А.М., Хамзин Р.Н. О крепостных сооружениях Свяжска // Археология Евразийских степей. 2020. № 6. С. 410–413.

Каргер М.К. Крепостные сооружения Свяжска // ИОАИЭ. Т. XXXIV. Вып. 3-4. Казань, 1929. С. 131–151.

Ласковский Ф.Ф. Карты, планы, чертежи к I части Материалов для истории инженерного искусства в России. СПб., 1858. 30 л.

Медведь А.Н. Древо-земляные укрепления в Италии XVI в. – становление традиции // КСИА. 2022. № 267. С. 396–409.

Медведь А.Н. Фортификация Московского государства XVI в. и плетневые конструкции Центральной Европы // Поволжская археология. 2023. № 2 (44). С. 160–172.

Носов К.С. Русские средневековые крепости. М.: Яуза, 2019. 304 с.

Подключников В.Н. Планировка и постройка древнего Свяжска // Архитектура СССР. 1943. Вып. 3. С. 34–38.

Информация об авторе:

Медведь Александр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва, Россия); man1153@yandex.ru

REFERENCES

Bobkov, A. S., 1956. In *Istorija stroitel'noj nauki i tehniki (History of building science and technology)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 112–119 (in Russian).

Gubaidullin, A. M., Khamzin, R. N. 2020. In *Arkheologija Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 410–413 (in Russian).

Karger, M. K. 1929. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* Vol. 34, no 3–4, 131–151 (in Russian).

Laskovsky, F. F., 1858. *Karty, plany, chertezhi k I chasti Materialov dlja istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii (Maps, plans, drawings to Part I of the Materials for the history of engineering in Russia)*. Saint Petersburg (in Russian).

Medved, A.N. 2022. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 267, 396–409 (in Russian).

Medved, A. N. 2023. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 44 (2), 160–172 (in Russian).

Nosov, K. S. 2019. *Russkie srednevekovye kreposti (Russian medieval fortresses)*. Moscow: “Yauza” Publ. (in Russian).

Podklyuchnikov, V. N. 1943. In *Arhitektura SSSR (Architecture of the USSR)* 3, 34–38 (in Russian).

About the Author:

Medved Aleksandr N. Candidate of Historical Sciences, Russian State University for the Humanities. Miusskaya sq., 6, Moscow, 125047, Russian Federation; man1153@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2023 г.
Статья принята к публикации 01.10.2023 г.

УДК 902 / 903.3

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.5.216.228>

ОТОПИТЕЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ ГОРОДА ТОБОЛЬСКА)

© 2023 г. Н.П. Турова, П.Г. Данилов

Данное исследование посвящено описанию конструкции печи, исследованной в ходе археологических работ на территории верхнего посада одного из старейших городов Сибири – Тобольска (основан в 1587 г.). Стратиграфические наблюдения вкупе с нумизматической коллекцией позволили датировать выявленную отопительную конструкцию второй половиной XVIII в. Установлено, что печь была сооружена на дне погреба; ее основанием служила рама из плах, на которой и производилась кирпичная кладка (зафиксировано повторное использование кирпича от разобранных печей). Изученная часть основания печи сохранилась на высоту 1 м; максимальные изученные размеры – 170×160 см. На основании анализа кладки установлено, что печь имеет форму прямоугольника. Она была украшена изразцами. Авторы считают, что исследованная конструкция печи не является типовой для Тобольска второй половины XVIII в, а находилась в доме зажиточного горожанина.

Ключевые слова: археология, Западная Сибирь, Тобольск, XVIII в., усадьба, печь, изразцы, кирпичи, клейма.

HEATING STRUCTURE OF THE SECOND HALF OF THE XVIII CENTURY (BASED ON THE ARCHAEOLOGICAL MATERIALS OF TOBOLSK)

N.P. Turova, P.G. Danilov

This study deals with description of the furnace structure, studied during archaeological work on the territory of the upper part of one of the oldest towns in Siberia – Tobolsk (founded in 1587). Stratigraphic surveys together with a numismatic collection allowed the authors to date the revealed heating structure to the second half of the XVIII century. It was established that the furnace was built at the bottom of the cellar; its base was a frame of scaffolds, on which the brickwork was made (the reuse of bricks from pulled down furnaces was recorded). The studied part of the furnace base has been preserved to a height of 1 m; the maximum studied dimensions are 170×160 cm. Based on the analysis of the masonry, the furnace found to be rectangular in shape. It was decorated with tiles. The authors believe that the studied furnace design is not typical for Tobolsk of the second half of the XVIII century. It was in the house of a wealthy citizen.

Keywords: archaeology, Western Siberia, Tobolsk, XVIII century, estate, furnace, tiles, bricks, stamps.

Печь в истории человечества — одно из важнейших изобретений, без которого немислима жизнь. Любая нежилая постройка превращалась в жилье, когда в ней появлялась печь. (Лыхин, Аболина, 2013, с.118). Отопительная система совершенствовалась непрерывно на протяжении столетий, претерпевая значительные трансформации. Этот важный элемент планировочной структуры жилища европейской территории России и Сибири рассматривается в многочисленных трудах, авторы которых опирались на разнообразные источники: архивные, этнографические, археологические (они использовались как по отдельности, так и в комплексе) (Аболина,

2014; Бломквист, 1956; Люцидарская, 2019; Майничева, 1997; Резниченко, 2020; Визгалов, Пархимович, 2008; Визгалов, Пархимович, Петрова, 2022; Корчагин, Мельничук, Соколова, 2000; Адаптация русских..., 2014). Наибольшее внимание исследователи традиционно уделяют характеристике изразцовых печей (преимущественно изучению стиливых декоративных особенностей изразцов) (Баранова, 2006; Зубарева, 2013; Маслих, 1983; Ситдииков, 2006; Черная, 2015). Значительно реже появлялись специальные научные работы, посвященные именно анализу конструкций печей, выявленным в ходе археологических исследований (Аболина, Щербаков,

2017; Лыхин, Аболина, 2013; Спегальский, 1968).

Для территории Западной Сибири данная проблематика до сегодняшнего дня продолжает оставаться практически не разработанной. В Тобольске, одном из старейших городов Сибири, не смотря на значительный объем проведенных археологических исследований, в работах, характеризующих жилищно-хозяйственный комплекс русского населения города, имеются лишь упоминания или краткие описания отопительных устройств (Адамов, Балюнов, Данилов, 2008; Аношко, 2014; Балюнов, 2014; Балюнов, 2019, Данилов, 2010). Специальные же исследования, посвященные отопительным устройствам, отсутствуют.

Целью данной работы является введение в научный оборот и интерпретация печи, выявленной в ходе археологических исследований, проведенных на территории города Тобольска.

В исторической нагорной части Тобольска в 2020-2021 годах Н.П. Туровой исследован Библиотечный раскоп площадью около 30 кв. м, находящийся в 0,3 км к северо-востоку от Кремля, по ул. Академика Юрия Осипова. На площади четырех секторов раскопа изучены культурные напластования и объекты XVII–XX вв. Мощность слоя Библиотечного раскопа составляет от 128 см (до уровня материкового суглинка на основной площади), до 190 см – в ямах.

Особый интерес представляет участок усадьбы, на котором изучены подземная часть жилого помещения - **погреб (объект I)** и **основание печи (объект II)**. О том, что постройка носила жилой характер свидетельствует и представительный комплекс артефактов, выявленных в заполнении погреба: фрагменты глиняной и фарфоровой посуды, инструменты, пуговицы, нательный крест, игрушки и др. С опорой на нумизматический и вещевой материал объекты I и II можно датировать 60-ми – 80-ми гг. XVIII в. Вероятнее всего, жилая постройка погибла в результате Большого пожара 1788 г., уничтожившего большую часть строений Тобольска (следы пожара фиксируются по обугленным верхним краям деревянных столбов, вкопанных по периметру котлована погреба, а также на верхнем горизонте, соответствующем уровню дневной поверхности, на котором и происходила расчистка территории). В дальнейшем

постройка не восстанавливалась и участок не застраивался. Вышележащие напластования XIX в. содержат в себе остатки деревянного настила (тротуар), неоднократно подновлявшегося.

Объекты I и II стали фиксироваться с уровня зачистки 5 горизонта (с глубины 64 см от дневной поверхности). Погреб наземного жилого сооружения исследован практически полностью. Он имеет подквадратную форму, наибольшими размерами около 3,6×4 м, практически отвесные стенки, длинной стороной ориентирован в направлении ССВ-ЮЮЗ. Глубина котлована, с учетом материкового выброса, составляет от 0,85 до 1,05 м. Котлован погреба был углублен в материковый суглинок в среднем на 0,35 м. Для заполнения котлована погреба характерны прослойки, содержащие значительное количество кирпичной крошки, фрагментов печных кирпичей, угля, что свидетельствует о пожаре, и об обрушении жилого сооружения с печью. Края погреба были укреплены столбами, которые удерживали обшивку стенок котлована, состоявшую из горизонтально уложенных жердей и плах. В заполнении котлована объекта I выявлена большая часть индивидуальных находок, а также кирпичи от обрушившейся печи.

Спуск в погреб, по всей вероятности, находился у северной длинной стороны печи, примыкая к восточной стенке котлована погреба (сек. 3-4, квадраты 5-А и 5-3) (рис. 1: Б; 6: А). Таким образом, спускались в погреб с восточной стороны. Для спуска было выкопано коридорообразное углубление, шириной от 120 см (в верхней части) до 80 см – в нижней. Наибольшая длина, на которую исследован данный объект – около 1 м (кв. 5-3). Его заполнение представлено мешанным желто-серым суглинком, в котором встречается кирпичная крошка и фрагменты кирпичей (рис. 6: А).

Изученное раскопками основание печи (Объект II) располагалось на самом дне погреба (на глубине около 1,6 м от современной дневной поверхности), в юго-восточной его части. После того, как был выкопан котлован под погреб, строители пытались выровнять его поверхность под основание печи. Для этого была осуществлена подсыпка дна погреба плотным, практически чистым материковым суглинком. Максимальная мощность этого слоя около 10 см (в западной части).

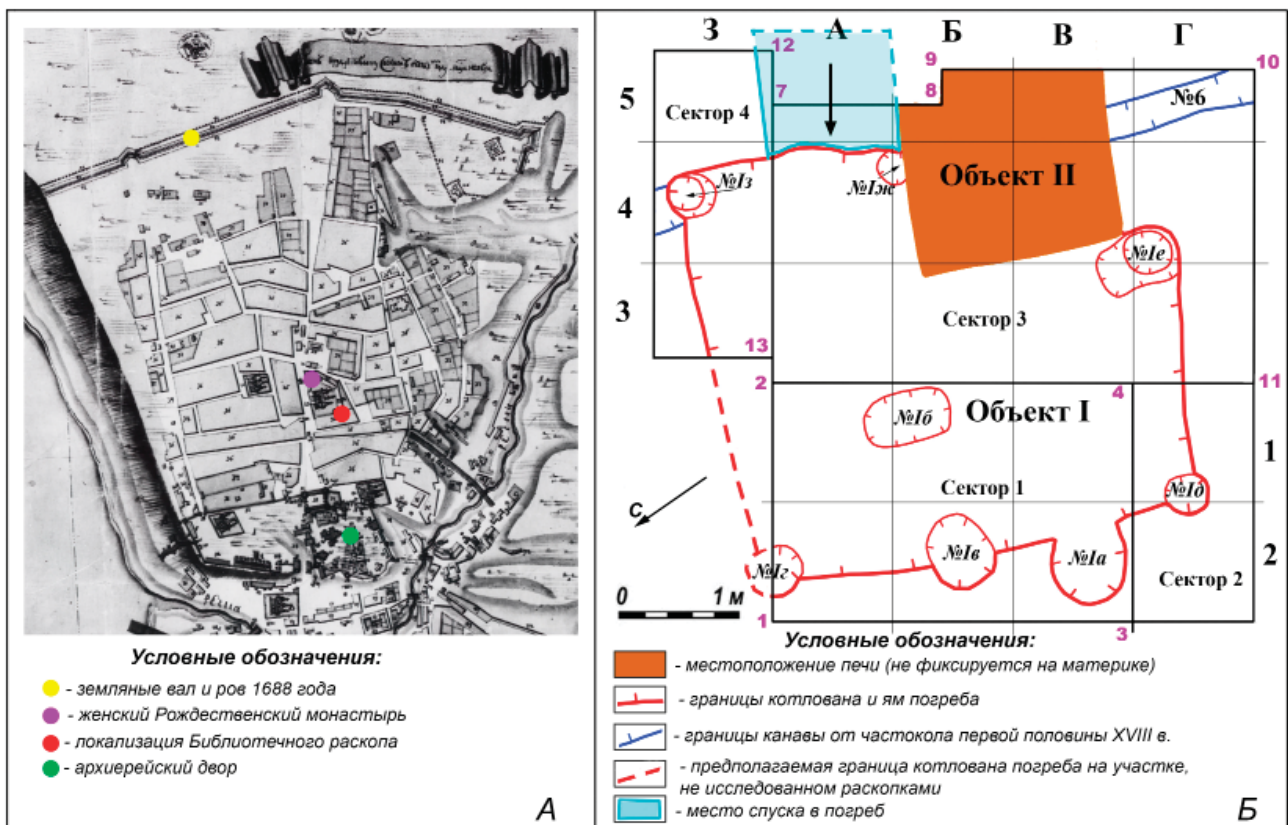

Рис. 1. Фрагмент плана г. Тобольска 1763 г. (А) и планиграфия Библиотечного раскопа с обозначением границ погреба и печи (Б).

Fig. 1. Plan fragment of Tobolsk in 1763 (A) and the planography of the Bibliotechniy excavation with the indication of the borderlines of the cellar and furnace (B).

Затем по контуру печи была сооружена рама из плах хвойных пород дерева, уложенных плоской стороной вверх – своеобразный фундамент под кирпичное основание печи. Под сами плахи выкапывались канавки-желобки, повторяющие форму деревянных элементов (рис. 2: А, Б; 3: А, Б).

Деревянные детали (плахи) обозначены под номерами: № II Б-Г (рис. 3):

- № II Б – самая нижняя часть деревянной конструкции; остальные элементы залегают поверх нее. Вошла в раскоп полностью. Располагается вдоль западного края печи. Длина 166 см, ширина 27-34 см, толщина около 6 см.;

№ II В – располагается вдоль северного края печи. Вошла в раскоп частично. Длина 140 см, ширина 24 см, толщина до 8 см;

№ II Г – располагается вдоль южного края печи. Ориентирована параллельно плахе № II В. Вошла в раскоп частично. Длина 140 см, ширина 24 см, толщина до 8 см.

Для страховки, под северо-западный угол деревянной конструкции, под самую нижнюю плаху под № II Б (в квадрате 4-Б), были уложе-

ны «опорные» кирпичи (один из них практически целый, а другой представлен фрагментом) (рис. 2; 3). Вероятно, строители предусмотрели возможную просадку подсыпанного грунта, но, как показали исследования, этих мер было недостаточно: конструкция печи имела уклон к западу – в месте подсыпки; именно по этой причине произошло частичное обрушение кирпичной кладки западной стенки в процессе выборки заполнения котлована объекта I).

Затем площадка внутри деревянной конструкции была заполнена целыми кирпичами и их фрагментами, скрепленными глиняным раствором (рис. 4: А). Следующий (второй по счету) слой кирпичной кладки сделан по всей площади конструкции, перекрыв плахи (рис. 4: Б). На юго-западном углу печной кладки вертикально установлен столб № II А (из хвойных пород дерева, диаметром около 41 см). Этот столб, обложенный кирпичами, сохранился на высоту 78 см (рис. 4: Б).

После этого по всей площади печи был уложен третий слой кирпичной кладки

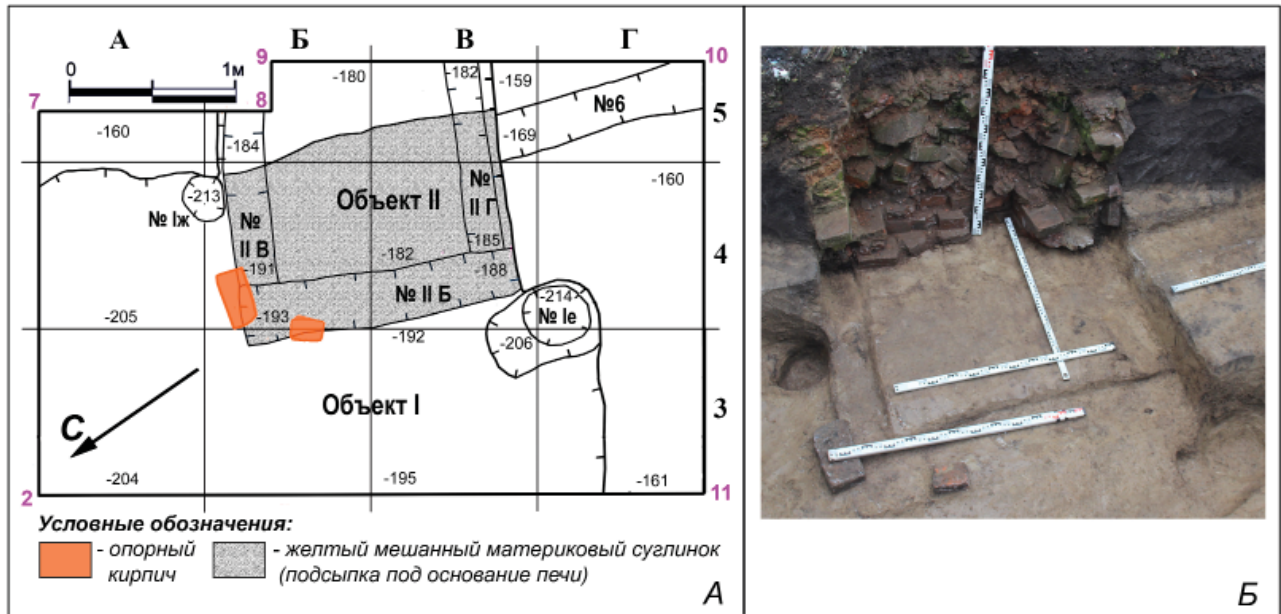

Рис. 2. Библиотечный раскоп. Объекта II (печь) на уровне материка (вид на канавки для деревянных элементов основания печи). Планиграфия (А) и фото (Б).

Fig. 2. Bibliotechniy excavation. Object II (furnace) at the level of virgin soil (view of the ditches for the wooden elements of the furnace base). Planography (A) and photo (B).

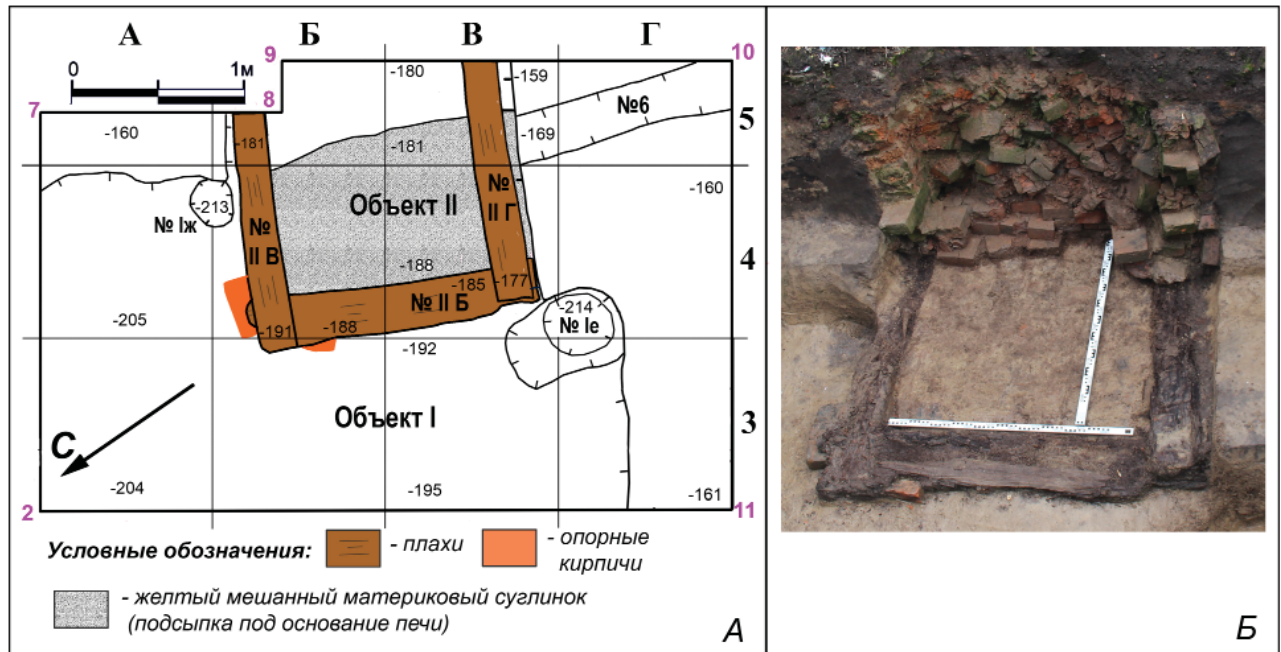

Рис. 3. Библиотечный раскоп. Объект II (печь). Планиграфия раскопа (А) и фото деревянной рамы основания печи (Б).

Fig. 3. Bibliotechniy excavation. Object II (furnace). Planography of the excavation (A) and photo of the wooden frame of the furnace base (B).

(рис. 5: А). Четвертый уровень был не сплошной, а лишь по периметру печи (3 ряда вдоль западного края, два – северного, один – южного), а остальная площадь заполнена битым кирпичом на глиняном растворе (рис. 5: Б).

С пятого по двенадцатый уровни кладка в один ряд кирпичей фиксировалась лишь

по периметру конструкции, в то время как внутренняя часть была заполнена крупными фрагментами битого кирпича на глиняном растворе (рис. 6; 7).

На наибольшую высоту сохранилась северная часть кладки. Максимальная высота, на которую сохранилась конструкция печи,

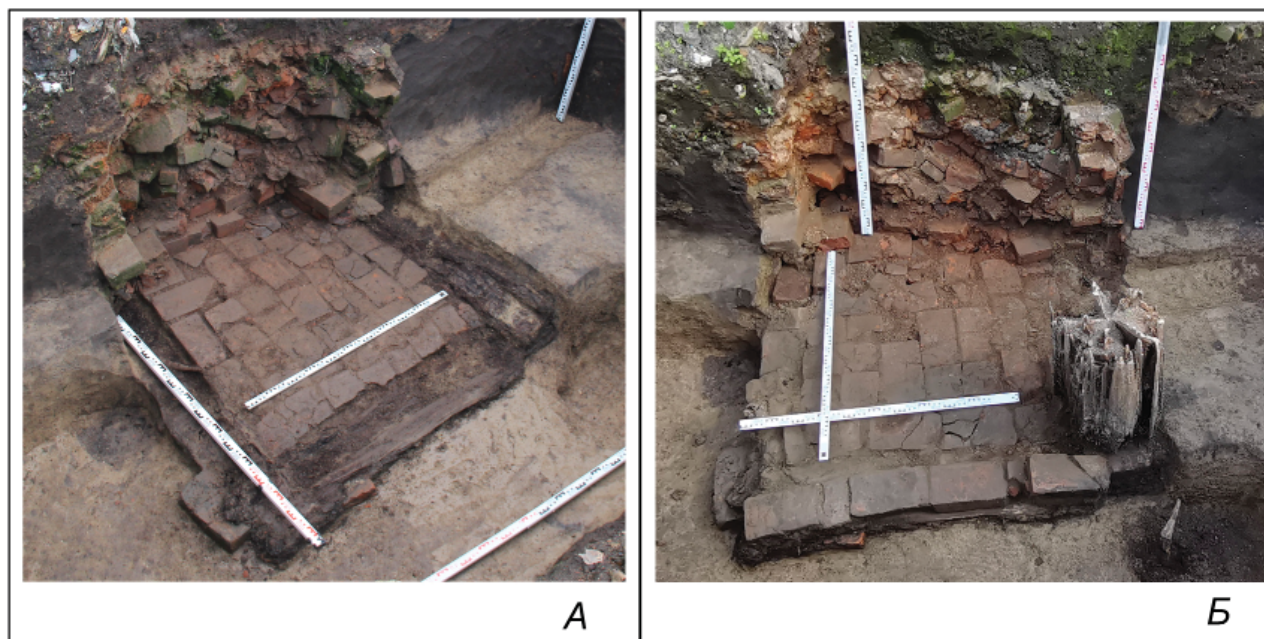

Рис. 4. Библиотечный раскоп. Объект II (печь). Первый (А) и второй (Б) уровни кирпичной кладки печи.
Fig. 4. Bibliotechniy excavation. Object II (furnace). The first (A) and second (Б) levels of brickwork of the furnace.

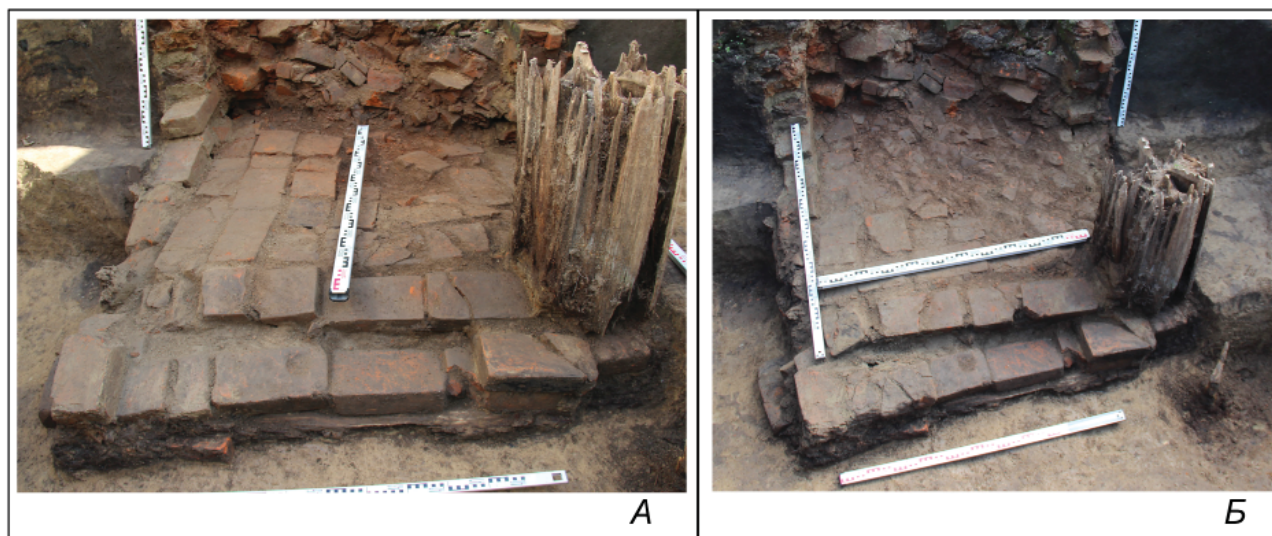

Рис. 5. Библиотечный раскоп. Объект II (печь). Третий (А) и четвертый (Б) уровни кирпичной кладки печи.
Fig. 5. Bibliotechniy excavation. Object II (furnace). The third (A) and fourth (Б) levels of brickwork of the furnace.

от дна канавок под плахи до верхней части кирпичной кладки, – 1 м (рис. 7: А, Б).

Кирпичи. Наблюдения показали, что для сооружения основания печи использовались целые и фрагментированные большеформатные кирпичи, среди которых были и элементы от разобранных (старых) печей – на части кирпичей фиксировались следы копоти (как на тычковых, так и на ложковых гранях).

Метрические характеристики целых экземпляров печных кирпичей следующие: длина

от 271 до 312 мм, ширина от 135 до 170 мм, толщина от 52 до 83 мм. Средний размер изделий около 290×150×65–75 мм. В зависимости от размера варьирует и вес кирпичей: от 4,2 кг (при размерах 290×136×56 мм) до 6 кг (312×160×70 мм). Усредненные размеры кирпича из печи в целом укладываются в границы регламентированных еще в первой половине XVIII века для всей России и считавшихся эталоном размеров: 28×14×7 см (Киселев, 1986, с. 8).

Рис. 6. Библиотечный раскоп. Объект II (печь). Вид на конструкцию с севера (шестой уровень кирпичной кладки).
Fig. 6. Bibliotechniy excavation. Object II (furnace). View of the structure from the north (sixth level of the brickwork).

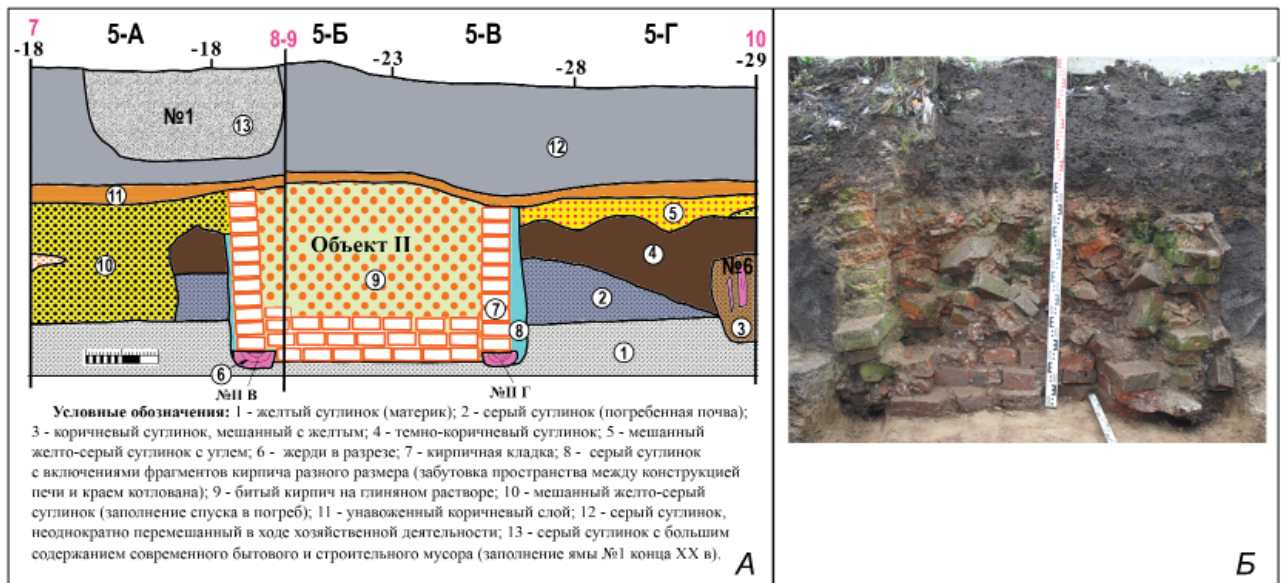

Рис. 7. Библиотечный раскоп. Объект II (печь). Схематический стратиграфический профиль восточного борта раскопа (А). Профиль объекта II в восточной стенке раскопа, фото (Б).
Fig. 7. Bibliotechniy excavation. Object II (furnace). Schematic stratigraphic profile of the eastern side of the excavation (A). Profile of object II in the eastern wall of the excavation, photo (B).

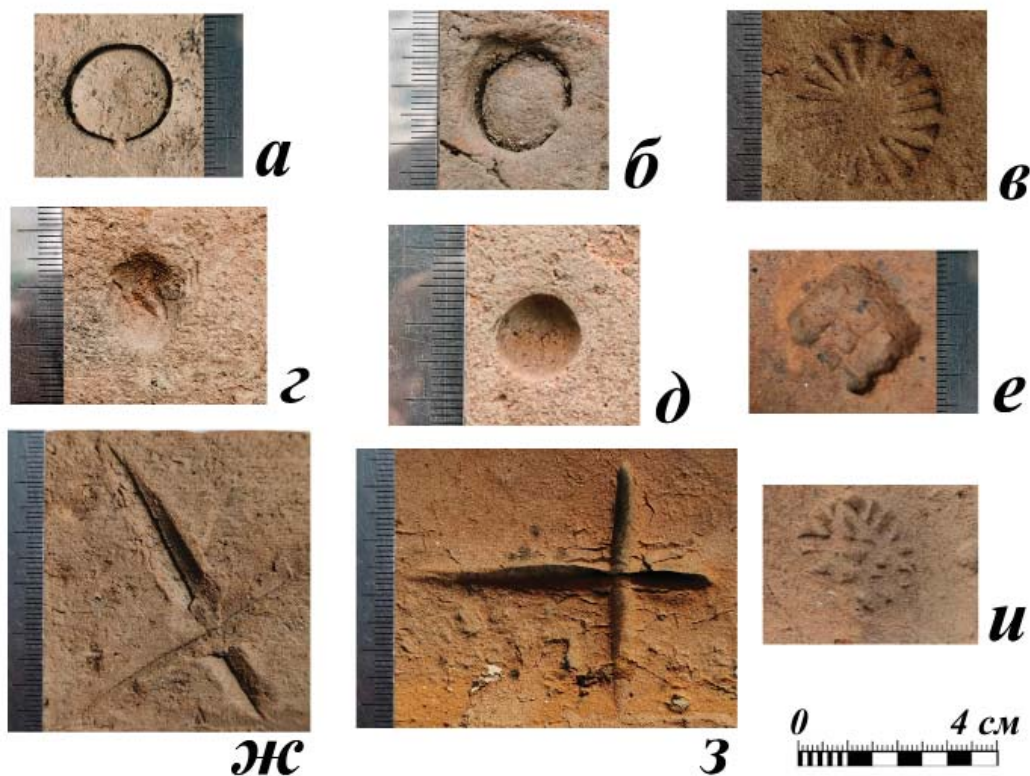

Рис. 8. Библиотечный раскоп. Клейма и метки на кирпичях из кладки печи.

Fig. 8. Bibliotechniy excavation. Stamps and marks on furnace bricks.

На части кирпичей присутствуют отметки, выполненные разными способами: имеются прочерченные знаки и штампованные (рис. 8). К счетным меткам, скорее всего, относятся прочерченные до обжига крестообразные знаки (косой и прямой крест, по 1 экз.), а также простые овальные пальцевые вдавления (внутри некоторых отчетливо читаются отпечатки ногтевых пластин) (4 экз.), правильные округлые вдавления, выполненные инструментом (3 экз.), округлые или О-образные контурные оттиски (10 экз.) (рис. 8: а, б, г, д, ж, з). Клейма мастера/мастерской представлены ромбическими штампами, заполненными вафельным орнаментом (4 экз.), а также круглой солярной «розеткой» (1 шт.) и овальным оттиском с решетчатым орнаментом (1 экз.) (рис. 8: в, е, и). Установлено, что преимущественно метки/клейма располагались по центру тычковой грани кирпича, и лишь в одном случае знак был нанесен ближе к краю тычковой грани. Крестообразные знаки, судя по опубликованным материалам, были распространены довольно широко по территории современных Тюменской, Омской и Курганской обла-

стей (Мемячкин, 2016, с. 142; Порох, 2011, с. 220).

Изразцы. Убранство печи составлял изразцовый декор. Целых экземпляров не обнаружено. Немногочисленные фрагменты встречены в культурных напластованиях 4–6 условных горизонтов – на верхнем уровне развала печи; в заполнении погребца изразцы не обнаружены. Выявленные фрагменты относятся к полихромным расписным изразцам барочного типа печей (Немцова, 1989, с. 7, 9). Их принадлежность к печным наборам предполагается нами по следам копоти и сажи с тыльной стороны и наличию румп коробчатой формы с отступом по краям. По бокам румпы имеются отверстия для крепления изразцов проволокой к печи.

По сохранившимся фрагментам изразцов удалось определить их принадлежность к двум типам одного печного набора:

1. Стенной (лицевой) изразец (рис. 9: 1). Размеры наиболее крупных сохранившихся фрагментов 10,4×6,2 см, 17,3×19,8 см, толщина лицевой пластины 0,1 см. Румпа отступает от краев плитки на 2,4–2,7 см. Форма лицевой пластины прямоугольная, точные разме-

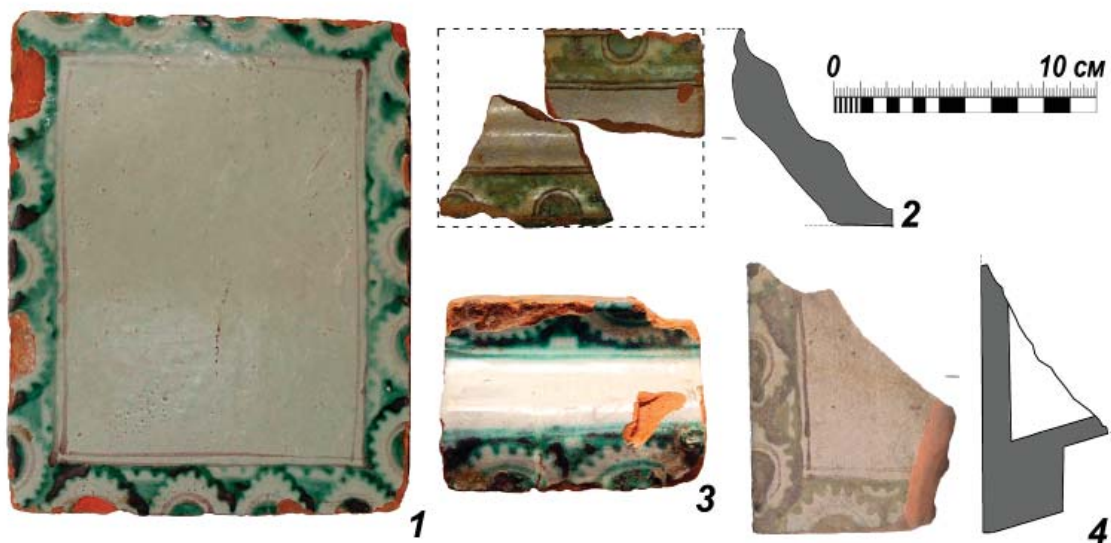

Рис. 9. Изразцы из Библиотечного раскопа (2, 4) и фондов Тобольского музея-заповедника (1 – ТМ-8472; 3 – ТМ-15427/40).

Fig. 9. Tiles from Bibliotechniy excavation (2, 4) and collections of the Tobolsk Museum-Reserve (1 – ТМ-8472; 3 – ТМ-15427/40).

ры не установлены ввиду значительной фрагментированности коллекции. Глазури трех цветов: белая, зеленая и коричневая. Рисунок представлен растительным орнаментом по краю лицевой пластины, ограниченной по периметру рамкой из двух параллельных линий коричневого цвета. Центральная часть пластины представлена белым фоном без рисунка. Узор окантовки выполнен в зеленом цвете, поверх него местами нанесена коричневая глазурь.

Близкие аналоги выявленным изразцам хранятся в фондах Тобольского музея-заповедника. Там они представлены целыми формами, имеющими размеры 22 – 23×15 см (ТМ – 8472, ТМ - 15249/3, ТМ - 15249/7) (ГОСКАТАЛОГ РФ: № 3414358). Место обнаружения указанных изразцов в книге поступлений музея не указано. В коллекции учреждения также имеется фрагмент изразца (размеры 5,1×2,9 см), обнаруженный в ходе археологических раскопок на территории Чукманского мыса в Тобольске (ТМ – 15677/6). Музейные изразцы выполнены в той же цветовой гамме (рис. 9: 4). Схожий рисунок окантовки имеется и на изразцах московского производства из келий Никитского монастыря в Переславле – Залесском, датируемых второй четвертью XVIII в. (Маслих, 1983, рис. 210), а также на изразцах с Гоголевского бульвара Москвы

(первая половина XVIII в.) (Ветхозаветные сюжеты...). Размеры московских изразцов также близки изделиям, найденным в Тобольске: 21,5×17,2 см.

2. Карнизный пояс (рис. 9: 2) представлен двумя фрагментами размерами 5,6×3,5 см и 6,1×4,6 см. Глазури трех цветов: белая, зеленая и коричневая. Фигурный изразец в виде выпуклого валика с гребнем, румпа не сохранилась. Растительный орнамент. Центральная часть изразца не орнаментирована, по верхнему и нижнему краям проходят по два ряда параллельных линий коричневого цвета. Под линиями орнамент в виде полукружий с двумя полуовалами. Центральный из них покрыт зеленой глазурью, поверх которой местами прослеживается коричневая. Аналогичные по сюжету изразцы встречены в коллекции из Чукманского раскопа в Тобольске (Матвеев, Аношко, Селиверстова, 2011, с. 122, рис. 8, 5, 8) и фондах Тобольского музея – заповедника (рис. 9: 3) (ТМ – 15427/40) (ГОСКАТАЛОГ РФ: № 3453307). Изразец из фондов музея, согласно информации из книги поступлений, найден в 1984 г. при реставрационных работах в южной башне Тобольского кремля. Представлен целым экземпляром размерами 10×7,5×5,1 см.

Найденные в границах Библиотечного раскопа изразцы относятся к одному печному

набору, изготовленному, видимо, в Тобольске. В пользу этого свидетельствуют невысокое качество проработанности рисунка с потеками на сохранившихся фрагментах изразцов, наличие прямых аналогов, имеющих точную привязку местонахождения в Тобольске, отличие от аналогичных изразцов московского производства по сюжету. Тобольские изразцы близки к московским по размерам, используемым цветам в росписи и орнаменту в окантовке. Главное отличие тобольских изразцов от московских заключается в отсутствии узора в центральной части, тогда как на московских присутствуют различные бытовые и библейские сюжеты.

Обсуждение и выводы. Несомненно, изученная нами кирпичная конструкция (объект II) является основанием большой печи, располагавшимся в подполе избы на подклете. Так как печь попала в раскоп частично, достоверно мы можем установить лишь ее ширину – около 160 см. Скорее всего (судя по характеру кирпичной кладки), печь имела форму прямоугольника, длинной стороной ориентированного в направлении ЗСЗ-ВЮВ. В длину объект исследован на 170 см. Максимальная высота, на которую сохранилась конструкция – 1 м.

Печное основание было сооружено из большемерного кирпича на глиняном растворе, уложенного на деревянную конструкцию из плах. Для кладки основания печи использовались кирпичи (как целые, так и фрагменты), в том числе от разобранных печей.

Данных о конструкции наземной части отопительного устройства получено очень мало. Мы можем лишь констатировать, что печь была декорирована набором изготовленных в Тобольске полихромных расписных изразцов с растительным орнаментом, нанесенным глазурями трех цветов: белой, зеленой и коричневой.

Интерпретация назначения столба № II А, установленного на юго-западном углу основания, вызывает некоторые затруднения. Логичным было бы определить его назначение в качестве так называемого печного. Последний обычно имел вид массивного квадратного столба, который устанавливался на угол печного сруба (опечья), обращенного внутрь помещения. Если этот столб – печной, то, следовательно, западный край следует считать устьевым. Однако этому противоре-

чит характер заполнения погреба, куда западный торец печи и обрушился: в нем не найдено элементов декоративных элементов печи – изразцов. К тому же было установлено, что спуск в погреб находился у длинной северной стенки печи (в заполнении коридорообразного входа также нет изразцов, логичным будет предположить, что над входом был сооружен голбец, вход в который осуществлялся с восточной стороны, а изразцами был декорирован восточный торец печи, который располагается за пределами раскопа). Принимая во внимание все приведенные доводы, а также учитывая круглую форму выявленного столба № II А, на данный момент нет оснований считать его печным столбом.

Ввиду того, что наземная деревянная часть жилого сооружения в раскопе не зафиксирована, сложно судить о его размерах и устройстве, так и о положении печи в планировочной структуре жилища. Возможно, данная масштабная конструкция печи предназначалась для обогрева нескольких помещений, и располагалась не в углу избы, а в центре жилого помещения, разделенного перегородкой.

Печь подобной конструкции и размеров изучена в Тобольске впервые. В ходе археологических работ в Тобольске были выявлены развалы нескольких глинобитных и кирпичных печей XVII – XVIII веков: (Адамов, Балюнов, Данилов, 2008, с. 61–62; Балюнов, 2014, с. 54; Балюнов 2019, с. 201; Аношко, 2014, с. 139). Все выявленные развалы печей, найденные *in situ*, располагались на полу жилой постройки. Локализация в жилище установлена в трех случаях: в двух случаях печь располагалась в северо-западном углу жилой постройки; в одном – у восточной стены, по центру. Печи имели подквадратную форму, размеры 1,4×1,35 м и 1,32×1,7 м.

Не выявлены аналогии рассматриваемой конструкции печи из Библиотечного раскопа и среди опубликованных археологических материалов с других территорий Сибири и Европейской России.

Судя по сохранившимся чертежам города Тобольска второй половины XVIII в., этот участок верхнего посада располагался рядом с комплексом Рождественского женского монастыря (рис. 1: А). Скорее всего, усадьба принадлежала не рядовому жителю Тобольска, а состоятельному тоболяку, о чем, по

нашему мнению, можно судить по масштабной конструкции изученного основания печи, наличию изразцового убранства, а также по составу вещевого комплекса из заполнения погреба: кроме типовых бытовых предметов там были найдены фрагменты стеклянных фужеров, китайской и европейской фарфоровой посуды. Поэтому описанную конструкцию тобольской печи вряд ли можно считать типовой для второй половины XVIII в.

ЛИТЕРАТУРА

Аболина Л.А. Ленские избы, печи и другие характерные детали времени (период с конца XIX – по конец XX в.) // Культура русских в археологических исследованиях. Т. II / Отв. ред. Л.В. Татаурова, В.А. Борзунов. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. С. 151–158.

Аболина Л.А., Щербаков В.В. Печи Енисейска XVII–XX веков: от каенок и глинобитных беструбных к кирпичным русским и изразцовым голландским до «утермарковских» // Культура русских в археологических исследованиях / Отв. ред. Л.В. Татаурова. Омск: Наука, 2017. С. 57–63.

Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск, 2008. 114 с.

Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI–XVIII веке (по материалам археологических исследований) / Отв. ред. Л.В. Татаурова. Омск: Издатель-Полиграфист, 2014. 374 с.

Аношко О.М. Посадские постройки Тобольска XVII–XIX вв.: описание, датировка, назначение (по материалам Первого и Второго Гостиных раскопов) // Культура русских в археологических исследованиях. Т. I / Отв. ред. Л.В. Татаурова, В.А. Борзунов. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014а. С. 138–142.

Балюнов И.В. Археологические материалы для реконструкции тобольской городской усадьбы XVII–XVIII веков // Баландинские чтения. Т. XIV / Отв. ред. Д.Д. Гаркуша. Новосибирск: НГУАДИ, 2019. С. 200–204.

Балюнов И.В. Остатки жилой постройки XVIII века: материалы археологических исследований 2007 г. на территории Тобольского кремля // Баландинские чтения. Т. IX. Ч. 1. / сост. Д. Д. Гаркуша, Д. С. Шемелина. Новосибирск: НГАХА, 2014. С. 52–56.

Баранова С.И. Москва изразцовая. М.: Московведение; Московские учебники, 2006. 400 с.

Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белоруссов // Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. / Отв. ред. С.А. Токарев. М.: АН СССР, 1956. С. 3–458.

Ветхозаветные сюжеты и мифологические персонажи: археологи нашли фрагменты печных изразцов XVIII века // Новости города 22 августа 2019 года / URL: <https://www.mos.ru/news/item/60740073/>. (дата обращения 28.04.2023).

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001 – 2004 гг.). Екатеринбург, Нефтеюганск: Магеллан, 2008. 296 с.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г., Петрова Е.Н. Березов: первый русский город Югры XVI–XVIII веков (краткие результаты комплексного археологического исследования) / Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 20. Ханты-Мансийск, Нефтеюганск, Сургут, 2022. 158 с.

ГОСКАТАЛОГРФ: №3414358. Доступно по URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=3699769>. Дата обращения 28.04.2023.

ГОСКАТАЛОГРФ: №3453307. Доступно по URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=3693015>. (дата обращения 28.04.2023).

Данилов П.Г. Новые материалы к истории домостроения первой половины XVIII в. в Тобольске // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2 (13). С. 79–84.

Зубарева М.М. Изразцы Казани конца XVI–XIX веков. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Казань, 2013. 24 с.

Киселев И.А. Датировка кирпичных кладок XVI–XIX вв. по визуальной характеристике. М.: Реставрация, 1986. 35 с.

Корчагин П.А., Мельничук А.Ф., Соколова Н.Е. Историко-археологическое изучение г. Перми конца XVIII – первой половины XIX в. // Обдорские чтения: Материалы археологических конференций. Вып. 1 / Отв. ред. Г.Н. Чагин. Пермь: Пермский областной краеведческий музей, 2000. С. 52–71.

Люцидарская А.А. Фискальный источник учета отапливаемых помещений Томска как знак благополучия горожан и символ социальной трансформации городской среды в начале XVIII века // Баландинские чтения. Т. XIV / Отв. ред. Д.Д. Гаркуша. Новосибирск: НГУАДИ, 2019. С. 54–56.

Лыхин Ю.П., Аболина Л.А. Печи и печное отопление в Восточной Сибири в XVIII – середине XIX века // Известия архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Вып. 6 / Отв. ред. Ю.П. Лыхин. Иркутск: АЭМ "Тальцы", 2013. С. 118–127.

Майничева А.Ю. Развитие традиционного жилища русских крестьян Западной Сибири // Народы Сибири: история и культура / Отв. ред. В.М. Кулемзин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1997. С. 120–127.

Маслих С.А. Русское изразцовое искусство XV–XIX вв. М.: Изобразительное искусство, 1983. 270 с.

Матвеев А.В., Аношко О.М., Селиверстова Т.В. Изразцы из культурного слоя верхнего посада Тобольска // АВ ORIGINE: археолого-этнографический сборник ТюмГУ. Вып. 3 / Отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: ТюмГУ, 2011. С. 103–127.

Мемячкин К.А. Кирпичные клейма Тюменской области конца XVII – начала XX веков // Вестник Югорского государственного университета. 2016. Вып. 1. С. 139–143.

Немцова Н.И. Исследование и реставрация русских изразцовых печей XVII–XVIII вв. М.: Росреставрация, 1989. 35 с.

Порох М.И. Тарский кирпич XVIII – начала XX вв. (по результатам археологических исследований и визуального осмотра кладок зданий) // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии / Отв. ред. Л.В. Татаурова. Омск: Омский ин-т (филиал) РГТЭУ, 2011. С. 217–223.

Резниченко Т.Ю. Проблемы сохранения печного отопления в деревянной застройке конца XIX – начала XX века в городе Томске // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 63–74. DOI: 10.31675/1607-1859-2020-22-1-63-74.

Ситдииков А.Г. Казанский кремль: историко-археологическое исследование. Казань: ООО Фолиантъ, 2006. 288 с.: ил.

Спегальский Ю.П. О некоторых приёмах устройства отопительных печей XVII в. (по находкам в Пскове) // КСИА. Вып. 113 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: Наука, 1968. С. 74–78.

Чёрная М.П. Воеводская усадьба в Томске, 1660-1760 гг. историко-археологическая реконструкция. Томск: Д-Принт, 2015. 276 с.

Информация об авторах:

Турова Наталья Петровна, научный сотрудник, Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук (г. Тобольск, Россия); turova2707@yandex.ru

Данилов Петр Григорьевич, научный сотрудник, Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук (г. Тобольск, Россия); danilovpg@mail.ru

REFERENCES

Abolina, L. A. 2014. In Tataurova, L. V., Borzunov, V. A. (eds.). *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh (The Culture of Russians in Archaeological Research)* II. Omsk; Tyumen; Yekaterinburg: "Magellan" Publ., 151–158 (in Russian).

Abolina, L. A., Shcherbakov, V. V. 2017. In Tataurova, L. V. (ed) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh (The Culture of Russians in Archaeological Research)*. Omsk: "Nauka" Publ., 57–63 (in Russian).

Adamov, A. A., Balyunov, I. V., Danilov, P. G. 2008. *Gorod Tobol'sk. Arheologicheskiy ocherk (City of Tobolsk. Archaeological essay)*. Tobolsk (in Russian).

Tataurova, L. V. (ed). 2014. *Adaptatsiya russkikh v Zapadnoy Sibiri v kontse XVI–XVIII veke (po materialam arkheologicheskikh issledovaniy) (Adaptation of Russians in Western Siberia at the end of the XVI–XVIII centuries (based on archaeological studies))*. Omsk: "Izdatel'-Poligrafist" Publ. (in Russian).

Anoshko, O. M. 2014. In Tataurova, L. V., Borzunov, V. A. (eds.). *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh (Culture of the Russians in Archaeological Research)* I. Omsk; Tyumen; Yekaterinburg: "Magellan" Publ., 138–142 (in Russian).

Balunov, I. V. 2019. In Garkusha, D. D. (ed) *Balandinskie chteniya (Balandin's Readings)*. XIV. Novosibirsk: Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts, 200–204 (in Russian).

Balunov, I. V. 2014. In Garkusha, D. D., Shemelina, D. S. (comp.). *Balandinskie chteniya (Balandin's Readings)*. Vol. IX. Part. 1. Novosibirsk: Novosibirsk State Academy of Architecture and Fine Arts, 52–56 (in Russian).

Baranova, S. I. 2006. *Moskva izraztsovaya (Moscow tiled)*. Moscow: "Moskvovedenie"; "Moskovskie uchebniki" Publ. (in Russian).

Blomkvist, E. E. 1956. In Tokarev, S. A. (ed.). *Vostochnoslavyanskiy etnograficheskiy sbornik. Ocherki narodnoy material'noy kul'tury russkikh, ukrainsev i belorusov v XIX – nachale XX v. (East Slavic ethnographic collection. Essays on the folk material culture of the Russians, Ukrainians and Belarusians in the XIX – beginning of the XX centuries)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 3–458 (in Russian).

Vetkhovzetnye syuzhety i mifologicheskie personazhi: arkhelogi nashli fragmenty pechnykh izraztsov XVIII veka (Old Testament scenes and mythological characters: archaeologists have found fragments of furnace tiles of the XVIII century). Available at: <https://www.mos.ru/news/item/60740073/> (accessed 28.04.2023) (in Russian).

Vizgalov, G. P., Parkhimovich, S. G. 2008. *Mangazeia: novye arkhelogicheskie issledovaniya (materialy 2001–2004 gg.) (Mangazeya: new archaeological research (materials 2001–2004))*. Ekaterinburg; Neft'yugansk: "Magellan" Publ. (in Russian).

Vizgalov, G. P., Parkhimovich, S. G., Petrova, E. N. 2022. Berezov: pervyy russkiy gorod Yugry XVI–XVIII vekov (kratkie rezul'taty kompleksnogo arkhelogicheskogo issledovaniya) (*Berezov: the first Russian town in Yugra (brief of results of complex archaeological research)*). Series: Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo (Khanty-Mansi Autonomous Okrug in the mirror of the past) 20. Khanty-Mansiysk, Neft'yugansk, Surgut (in Russian).

GOSKATALOG.RF (State catalogue of the Russian Federation) No 3414358. Available at: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=3699769>. (accessed 28.04.2023) (in Russian).

GOSKATALOG.RF (State catalogue of the Russian Federation) No 3453307. Available at: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=3693015>. (accessed 28.04.2023) (in Russian).

Danilov, P. G. 2010. In *Vestnik arkhelologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 13 (2), 79–84 (in Russian).

Zubareva, M. M. 2013. *Izraztzy Kazani kontsa XVI–XIX vekov (Kazan tiles of the end of the XVI - XIX centuries)*. Thesis of Diss. of the Candidate of Historical Sciences. Kazan (in Russian).

Kiselev, I. A. 1986. *Datirovka kirpichnykh kladok XVI–XIX vv. po vizual'noy kharakteristike (Dating of brickwork of the XVI–XIX centuries by visual characteristics)*. Moscow: "Rosrestavratsiya" Publ. (in Russian).

Korchagin, P.A., Mel'nichuk, A. F., Sokolova, N. E. 2000. In Chagin, G. N. (ed.). *Oborinskie chteniia. Materialy arkhelogicheskikh konferentsiy (Oborin Readings. Materials of the Archaeological Conferences)* I. Perm: Perm Regional Museum of Local Studies, 52–71 (in Russian).

Lyutsidarskaya, A. A. 2019. In Garkusha, D. D. (ed.). *Balandinskiye chteniya (Balandin Readings)* XIV. Novosibirsk: Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts, 54–56 (in Russian).

Lykhin, Yu. P., Abolina, L. A. 2013. In Lykhin, Yu. P. (ed.). *Izvestiya arkhitekturno-etnograficheskogo muzeya «Tal'tsy» (News of architectural and ethnographic museum "Tal'tsi")* 6. Irkutsk: Architectural and ethnographic museum "Tal'tsi", 118–127 (in Russian).

Maynicheva A.Yu. 1997. In Kulemzin, V. M. (ed.). *Narody Sibiri: istoriya i kul'tura (Peoples of Siberia: history and culture)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 120–127 (in Russian).

Maslikh, S. A. 1983. *Russkoe izraztsovoe iskusstvo XV–XIX vv. (Russian tile art of the XV–XIX centuries)*. Moscow: "Izobrazitel'noe iskusstvo" Publ. (in Russian).

Matveev, A. V., Anoshko, O. M., Seliverstova, T. V. 2011. In Matveeva, N. P. (ed.). *AB ORIGINE* (3). Tiumen: Tiumen State University Publ., 103–127 (in Russian).

Memyachkin, K. A. 2016. In *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta (Yugra State University Bulletin)* 1, 139–143 (in Russian).

Nemtsova, N. I. 1989. *Issledovanie i restavratsiya russkikh izraztsovykh pechey XVII–XVIII vv. (Research and restoration of Russian tiled furnaces of the XVII–XVIII centuries)*. Moscow: "Rosrestavratsiya" Publ. (in Russian).

Porokh, M. I. 2011. In Tataurova, L. V. (ed.). *Kul'tura russkikh v arkhelogicheskikh issledovaniyakh: mezhdistsiplinarnye metody i tekhnologii (The Culture of Russians in Archaeological Research: interdisciplinary methods and technologies)*

plinary methods and technologies). Omsk: Omsk Institute (branch) of Russian State University of Trade and Economics Publ., 217–223 (in Russian).

Reznichenko, T. Yu. 2020. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta (Journal of Construction and Architecture)* 22 (1), 63–74. DOI: 10.31675/1607-1859-2020-22-1-63-74 (in Russian).

Sitdikov, A. G. 2006. *Kazanskii Kreml': istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Kazan Kremlin: Historical and Archaeological Study)*. Kazan: "Foliant" Publ. (in Russian).

Spegal'sky, Yu. P. 1968. In Passek, T. S. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 113. Moscow: "Nauka" Publ., 74–78 (in Russian).

Chernaya, M. P. 2015. *Voevodskaia usad'ba v Tomske. 1660–1760 gody. Istoriko-arkheologicheskaiia rekonstruktsiia (Voivode Estate in Tomsk. 1660–1760)*. Tomsk: "D-Print" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Turova Natalya P. Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Ac. Iu. Osipova st, 15, Tobolsk, 626152, Russian Federation; turova2707@yandex.ru

Danilov Petr G. Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Ac. Iu. Osipova st, 15, Tobolsk, 626152, Russian Federation; danilovpg@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2023 г.
Статья принята к публикации 01.10.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 739.2+7.04+7.033.3

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.5.229.241>

ЛИТЫЕ УКРАШЕНИЯ КАЗАНСКИХ ТАТАР: ОПЫТ ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2023 г. С.В. Сулова, Л.Н. Дони́на

По результатам изучения многообразия литых артефактов – украшений представляется очевидным, что казанско-татарским ремесленникам были знакомы элементарные и достаточно сложные методы литья. Наиболее распространенным являлось литье по готовой модели в закрытые земляные формы. Так изготавливалось большинство литых украшений. Из сложных способов были известны литье «навыплеск» и литье по выплавляемой восковой модели. Они представляют особый интерес в плане выявления истоков литейных технологий, тесно связанных со средневековыми традициями тюркских, финно-угорских, славянских этносов Евразии. В разные периоды этнокультурной истории литейное ремесло находилось на различных ступенях технологической эволюции, что объясняется рядом исторических причин, связанных в частности с пробирным законодательством Российской империи.

Ключевые слова: археология, этнография, татары, художественный металл, литьевые технологии, традиции, этнокультурные взаимосвязи

MOULDED JEWELRY OF THE KAZAN TATARS: EXPERIENCE OF ETHNIC-ARCHAEOLOGICAL AND TECHNOLOGICAL STUDY

S.V. Suslova, L.N. Donina

From the variety of moulded artifacts studied by the authors, it is obvious that the Kazan Tatar craftsmen were familiar with elementary and rather complex casting technologies. Casting from a ready-made model into closed earthen moulds was the simplest and most widespread. This is how most of the moulded jewelry was made. "Splash" casting and casting on a melted wax model were known among the complex methods. They are of particular interest in terms of identifying the origins of casting technologies closely related to the medieval traditions of the Turkic, Finno-Ugric, Slavic ethnic groups of Eurasia. In different periods of ethnic-cultural history, the casting work was at various stages of technological evolution, which is explained by a number of historical reasons, particularly related to the assay legislation of the Russian Empire.

Keywords: archaeology, ethnography, the Tatars, metal art pieces, casting technologies, ethnic traditions, ethnic-cultural relationships

Литьё является наиболее древним видом художественной обработки металла, традиционным для тюрков Евразии, в том числе и татар (Ювелирные..., 2018). Казанско-татарские литьевые традиции по ряду объективных причин до сих пор практически не изучены. Настоящая публикация является первой попыткой такого рода исследования.

В качестве источника использованы материалы Историко-этнографического атласа татарского народа (Сулова, Мухамедова, 2000), в основе которых лежат данные этнографических экспедиций 1971–1990 гг. Ценные археолого-этнографические источники были получены при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 13-06-97056 «Ювелирные украшения тюркских народов Евразии») в экспозициях и фондах крупнейших российских музеев –

Национального музея Республики Татарстан (Казань) и Российского этнографического музея (Санкт-Петербург).

Литье – неотъемлемая составляющая технологического процесса. Чтобы изготовить ювелирное изделие необходимо сначала выплавить металл – переплавить лом или слиток. В отличие от других видов технологий (филигрань, чеканка), оно требует большого количества драгоценного сырья и при этом неизбежны потери. Со времени правления Петра I с образованием сильной имперской власти стратегический по сути металл всегда находился под контролем государства. Именными и сенатскими Указами 1721 (№ 3748), 1728 (№ 5311), 1741 (№ 8420) годов по всей России запрещалось «сплавлять в слитки старые монеты и государственные деньги». Нарушение рассматривалось как разорение

казны, за что грозила смертная казнь (ПСЗРИ, VI, с. 363–366, VIII, с. 66, XI, с. 458–459). Система контроля за оборотом драгоценного металла ужесточалась и последующими Указами 1758 года «*О степенях наказания за тайную сплавку золота и серебра*», объявленным во всенародное известие, и 1765 года «*О непроизведении в деревнях... литейного мастерства, во избежание подделки монеты*» (ПСЗРИ, XV, с. 180–181, XVII, с. 139–140). В совокупности все эти законы, безусловно, влияли на характер технологических процессов, вплоть до временного исчезновения из домашнего сплава серебра, отчасти и забвения некоторых средневековых литейных традиций, что наблюдаем и у казанских татар. Следствием таких узаконений явилась, например, тенденция к воспроизведению ранних традиционных типов литых украшений в технике чеканки и филигрании, не требующих большого количества драгоценного металла (см. ниже).

Вопросам обработки драгоценных металлов, в том числе описанию процессов плавки и способов литья, инструментарию, характеру литейных форм, посвящен ряд серьезных исследований (Минасян, 2014; Андрющенко, 1904), на которые мы опирались при изучении вопросов литейного дела у татар. Несколько редких взаимодополняющих записей, восстанавливающих технологический процесс литья по готовой модели в открытые земляные формы в условиях русского кустарного промысла в с. Рыбная Слобода приводятся в работах рубежа XIX–XX вв. (Гильдт, 1913, с. 4–6; Казем-Бек, 1895, с. 5).

К сожалению, документальная информация по казанско-татарскому литью практически отсутствует. Не удалось получить такие сведения и во время этнографических экспедиций. О способах литья татарских ремесленников можно судить лишь опосредованно, по внешним характеристикам самих украшений. Первые примеры того, как это можно сделать путём визуального анализа литого украшения, приводятся в известном труде середины прошлого столетия «Ремесло Древней Руси» (Рыбаков, 1948). Более обоснованные с технологических позиций сведения о способах литья, об изготовлении модели, о материалах, из которых сделано украшение, можно получить благодаря трасологическому методу, заключающемуся в экспериментальном выяв-

лении различного рода следов, образованных на протяжении всего процесса производства (Минасян, 2014, с. 155).

Способы и методы литья

Основным материалом у татар традиционно служило серебро – металл ковкий, способный прокатываться в вальцах и протягиваться в весьма тонкую проволоку. Чистое серебро слишком мягкое, поэтому его сплавляли с другими металлами (легировали), чаще всего с медью и цинком. Легирование осуществляли в жаропрочном тигле с соблюдением строго неизменных для литейщиков правил. Очистительная плавка серебра от примесей осуществлялась в глиняных льячках, температура пламени горелки нагнеталась с помощью мехов. Этот довольно сложный процесс требовал знаний о свойствах металлов и флюсов – специальных примесей, прибавляемых при выплавке металлов (Андрющенко, 1904, с. 17–18).

Из многообразия изученных нами литых образцов можно предположить, что татарским ремесленникам в целом были знакомы и элементарные приемы, и достаточно сложные методы, доступные лишь высоко профессиональным мастерам.

Наиболее характерным являлся способ литья в закрытые (двустворчатые) земляные формы, изготовленные с помощью моделей, шаблонов или оригинальных готовых изделий. Этот древний и достаточно простой способ был распространен в Евразии практически повсеместно. Формовочный песок готовили из местных видов песка и глины. Рельеф модели (односторонний, двусторонний, с полостью и пр.) предопределял процесс изготовления песчаной формы с литейной полостью, формирование литейных и воздушных каналов. Чтобы извлечь отливку, форма разрушалась; из этой формовочной смеси изготавливалась новая. Этим, вероятно, объясняется отсутствие в татарских материалах литейных форм. Наиболее распространённой практикой была отливка фигурных пластин, которые входили в состав традиционных типов наконечников украшений в качестве основной бляхи или подвесок (рис. 1). Петли для соединения смежных элементов обычно отливались вместе с пластиной.

Из достаточно сложных способов, судя по имеющимся артефактам, были известны литье в двустворчатые земляные формы, изго-

Рис. 1. Пластинчатые накосники *чулты*. Литьё в закрытые земляные формы. XVI–XVIII вв. Этнографический музей КФУ.

Fig. 1. Lamellar *chulpa* nakosniks. Casting in closed earth moulds. XVI–XVIII centuries. Ethnographic Museum of Kazan Federal University.

товленные по готовому филигранному изделию и по восковой модели.

Литьё по готовому филигранному украшению в качестве модели было достаточно распространённым. Для того чтобы сделать ажурное украшение или часть его с фестончатыми прорезями, в литейных формах оставались нетронутыми места, где предполагались пустоты, соответствующие ажуру. Нетронутые фрагменты плотно соприкасались с крышкой формы, а металл, поступающий в форму, обходил препятствия стороной. Однако отливки получались достаточно грязными, с заливами металла (рис. 2: 1, 2). Об использовании готовых ажурных украшений в качестве модели для литья, в частности при изготовлении серег, ранее упоминал и Ф.Х. Валеев (Валеев, 1975, с. 164). Традиционные украшения, выполненные имитацией татарской ажурной филигранны, не являются редкостью. Они встречаются даже в чувашских, башкирских, марийских этнографических коллекциях. При изготовлении таких

1

2

Рис. 2. Литьё навывплек по готовому филигранному изделию. XVIII–XIX вв.: 2.1. Серьги миндалевидные. Казань, Кремль (Присутственные места. Экспозиция, 21.03.2023); 2.2. Подвеска накосника *чулты*. Казань, частная коллекция.

Fig. 2. Casting in closed earth moulds on a finished filigree item. XVIII–XIX centuries: 2.1. Almond-shaped earrings. Kazan, the Kremlin (Public places. Exposition, 03/21/2023); 2.2. *Chulpa* nakosnik pendant. Kazan, private collection.

украшений могло применяться известное со средневековья литьё *навывплек* (Полякова, 1996, с. 159; Крымина, 1977, с. 249–267). О подобных татарских украшениях, изготовлен-

Рис. 3. Футляр для Корана. Конец XIX в. Серебро, позолота, гравировка, коралл, малахит, стекло. Накладная ложная зернь и скань, изготовленные способом литья навывплеск. Национальный музей Республики Татарстан, инв. № 10197-1.

Fig. 3. The Quran case. End of the XIX century. Silver, gilding, engraving, coral, malachite, glass. False grain and filigree made by splash casting. National Museum of the Republic of Tatarstan, № 10197-1.

ных по старинным или привозным образцам (рис. 3), упоминает Н.И. Воробьев (Воробьев, 1953, с. 288). Причину появления на востоке Европы ложной филигрны, изготовленной *литьем навывплеск*, исследователи объясняют повсеместным проникновением в VIII веке арабских и иранских предметов (Рындина, 1963, с. 261).

Литье по восковой модели. Этот метод также применялся в ювелирной практике казанско-татарских мастеров (рис. 6). При изготовлении из воска моделей таких изделий требовался высокий профессионализм. Детализация, корректировка и проработка рельефа готового изделия производилась металлическими чеканами с лицевой стороны. Изнаночная сторона значения не имела, поэтому она сохраняла фактуру литейной поверхности. *Литье по восковой модели* разной степени сложности издревле особенно было характерно для соседних финно-угорских народов края. С IX–X вв. оно широко представлено

в марийских археологических комплексах (Никитина, 2002, с. 142–147). Процесс изготовления полых объемных изделий по восковой модели описан на примере удмуртских древностей (Иванова, 1994, с. 119–120). Способ новгородских литевых технологий X–XIV вв. представлен Н.В. Рындиной, в том числе с использованием большого числа финно-угорских предметов (шумящих зооморфных подвесок, карельских фибул и др.) (Рындина, 1963, с. 200–268).

Свидетельства о применении оригинальной разновидности такого способа литья хранятся в татарских коллекциях НМРТ, РЭМ. Это браслеты, наконники, визуально напоминающие витье из проволок. Восковая модель для них сплеталась из проволочных шнуров, которые легко слипались друг с другом. Задачей при этом являлось вытапливание из формы воска и выжигание остатков шнура. Ярким образцом могут служить литые татарские наконники *чулты*, представленные на Всесо-

Рис. 4. Накосник *чулпы*. Литье по выплавляемой вощёной модели. XVI–XVII вв. НМ РТ, № 10264-17.
Fig. 4. *Chulpa nakosnik*. Casting on a wax model. XVI–XVII centuries. National Museum of the Republic of Tatarstan, № 10264-17.

юзной выставке 1923 года в Москве (рис. 4). Аналогичную литую бляху находим в материалах известной коллекции археологических древностей В.И. Заусайлова (Tallgren, 1918). Они близко согласуются с литыми, так называемыми «умбоновидными» и «арочными» накосниками, широко распространенными у средневековых финно-угорских, особенно марийских, племен Волго-Камья (Крыласова, 2001, с. 61–73). Литейные формы для изготовления украшений-подвесок обнаружены археологами на Билярском городище (Культура Биляра, 1985, с. 84–100). Заслуживает внимания точка зрения о том, что «возникнув в VIII в., шумящие подвески прошли длительную эволюцию и развились в накосники типа татарских *чулпы*, прослеживаемые в этнографическое время у тюркских народов» (Белавин, 1989, с. 20). В целом исследователи сходятся во мнении, что кропотливая техника *литья по восковой модели*, в том числе плетёной (*восковое вязание*), была широко распространена в Средневековье на северо-востоке Европы с распространением моды на шумящие подвески, так характерные для финно-угорских племен (Рыбаков, 1948, с. 88–91; Минасян, 2014, с. 83, 108, 112).

Из истории литейного ремесла

По визуальным характеристикам украшений представляется возможным выявить не только способы литья, но и наметить в

общих чертах этапы функционирования его в ювелирной практике татар. Особые наборы литых изделий позволяют констатировать, что в разные периоды истории литейное ремесло то затухало, то процветало.

Высочайшего уровня развития оно достигло в период Волжской Булгарии. Наличие собственного производства литых украшений подтверждается находками литейных форм, отражающих высокое мастерство средневековых литейщиков. В болгарских материалах представлено многообразие литых бронзовых и серебряных изделий: детали поясных ремней, браслеты, височные кольца, бляхи и подвески, реплики готовых изделий.

В фондах Булгарского историко-археологического музея-заповедника, в Национальном музее РТ хранятся открытые (одночастные) и составные литейные формы. Такие формы изготавливались из глины или мягких жаропрочных пород камня – мелкозернистого известняка или сланца (Высоцкий, 1908, с. 340–351). *Открытые формы* не имели литников, металл заливался непосредственно в литейную полость, т. н. «гнездо» горизонтально лежащей формы. *Составные* разъёмные формы большей частью были двухстворчатые. Каменные формы позволяли тиражировать и одновременно отливать несколько вещей. Изображение вырезалось на одной из створок, другая оставалась чистой. Для одновременной отливки одинаковых мелких бляшек, подвесок применялся способ литья «в ёлку». Формы для их отливки имели общий литейный канал с отводами к полостям, отпечатанным одним оригиналом (рис. 5). В Восточной Европе он известен с IX–X вв. в славянских и финно-угорских древностях. Хорошо представлено в археологической литературе болгарское литье *навыплеск*, которое позволяло получить изделия, имитирующие технологические приемы обработки драгоценных металлов. Среди стратиграфически обоснованных форм экземпляры для литья *навыплеск* относятся к золотоордынскому времени – второй половине XIII–XIV вв. (Полякова, 1996, с. 159). Они известны и хорошо изучены по материалам золотоордынских городов Нижнего Поволжья (Крымина, 1977, с. 249–267).

Самый ранний пласт именно казанско-татарских литых украшений относим к периоду Казанского ханства. Население ханства, в основе своей болгарское, безусловно, сохра-

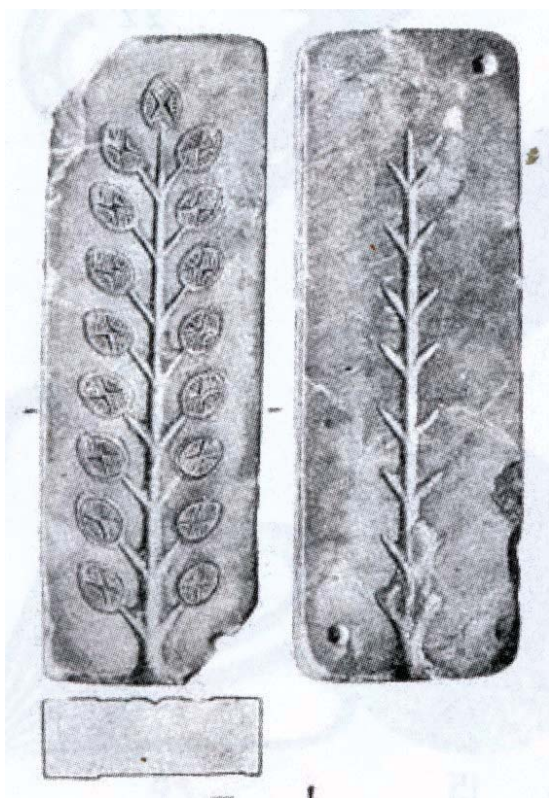

Рис. 5. Разъёмная форма для литья «в ёлку». Вторая половина XIII–XIV вв. Источник: Tallgren A.M. Collection Zaussäilov...

Fig. 5. Split mould for spruce-shaped casting. Second half of the XIII–XIV centuries. Source: Tallgren A.M. Collection Zaussäilov ...

няло ювелирные традиции Булгарского Улуса Золотой Орды благодаря известной устойчивости этнических традиций. Однако письменных и достоверных археологических источников этого периода по сравнению с Волжской Булгарией крайне мало. Среди материалов «Музея истории государственности татарского народа и Республики Татарстан» в Казанском Кремле представлены каменные формы, матрицы для изготовления литевых форм и прочих инструментарий.

К литым украшениям ханского времени относятся известные «львиноголовые» браслеты, истоки которых связаны с искусством Волжской Булгарии, о чем писал в середине прошлого века Н.Ф. Калинин (Калинин, 1948, с. 90–107), позднее К.А. Руденко (Руденко, 2015, с. 310–324). Они были в употреблении у татарок и в более позднее время. В МЭ КФУ представлены литые серьги, которые технологически и визуально восходят к булгарским серьгам, описанным Ф.Х. Валеевым (Валеев, 1975, с. 83). Особый интерес «ханского» круга

артефактов представляют собой упомянутые выше литые пластинчатые наконечники (рис. 1). Фрагменты их из частных собраний коллекционеров и «искателей древностей» массово выложены на различных интернет-порталах. По конструкции – вертикальное соединение двух блях, снабженных монетовидными литыми подвесками, – и их формам (вазообразные, тюльпановидные, пальметтовидные) эти ранние артефакты визуально и типологически очень близки. Встречаются литые бляхи, украшенные крупным самоцветом, многие из них декорированы гравированным или чеканным орнаментом. Архаичные цветочно-растительные, часто геометризированные мотивы орнамента, связанные с кочевническими традициями т. н. «степного орнаментализма», также предполагают их принадлежность к наиболее раннему этапу этнокультурной истории народа. Средневековые вариации литых украшений широко распространились в женском наряде не только татарок, но и других народов края, проживающих в рамках единого историко-культурного пространства. При отсутствии традиции украшать волосы наконечниками типа татарских *чулпы* марийки, чувашки, башкирки оформляли ими височную часть головных уборов, нагрудники и другие матерчатые украшения или одежду. Их бытование в свадебной, праздничной одежде сопредельных этносов сохранялось вплоть до середины прошлого столетия, а факт использования в ритуальной одежде говорит об архаичности данного элемента культуры.

В последующие столетия достаточно развитые в булгарский период литейные технологии приходят в еще больший упадок, что, вероятно, связано с известными трагическими событиями XVI в. и особенно с серией имперских указов и реформ XVIII в., связанных с различными запретами на домашний сплав серебра. Следствием этой политики явилась переориентация на изготовление ювелирной продукции другими технологическими способами и забвение богатых в прошлом литейных традиций. «Ханские» литые украшения близких форм и конструкций стали воспроизводиться в более популярных и повсеместно распространенных техниках чеканки и филигранны, на изготовление которых серебряного сплава шло гораздо меньше. На чеканных наконечниках этого периода, как и прежде, присутствуют «монетовидные» чеканные или

Рис. 6. Застежки для камзола *каптырма*, напоминающие сдвоенные личины барана. Литьё по восковой модели. НМ РТ, №№ 10217-58, 23, 22; Российский этнографический музей, № 2676-1а.

Fig. 6. Camisole *kaptyrma* clasps, resembling double ram masks. Casting on a wax model. National Museum of the Republic of Tatarstan, №№ 10217-58, 23, 22; Russian Ethnographic Museum, № 2676-1a.

гравированные подвески-бляхи, а не русские серебряные монеты, что видим на изделиях более позднего времени.

После присоединения Казанского ханства в регионе формируются новые технологии, связанные с ремесленными традициями русских ювелирных центров (Великий Устюг, Вологда, Новгород, Псков и др.). К XVIII в. Казань уже была крупным центром русского золотого и серебряного дела (Постникова-Лосева, 1974, с. 100–104). На этом фоне в искусстве казанских татар также наблюдается взлет ремесла, процветающего в ювелирных центрах Татарской Слободы г. Казани и крупных аулов Заказанья. Именно к этому времени исследователи относят великолепные образцы казанско-татарского ювелирного искусства, выполненные с применением этноспецифических технологий, таких как бугорчатая филигрань. Возрождению способствовали указы Екатерины II, в частности «Ремесленное положение» из «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи» 1785 года, которые создавали льготные условия для развития ремесел (ПСЗРИ, XXII, с. 369–379).

Литейное искусство Казанского Поволжья в имперский период характеризуется своеобразной синкретичностью, которая прослеживается на уровне технологии и

на формировании некоторых традиционных татарских украшений. Она проявляется и на изделиях русских серебряников – на украшениях, которые изготавливались ими по заказу для татарок, на предметах православного культа (Донина, Суслова, 2018, с. 71–80).

В татарских коллекциях этого времени известны оригинальные литые двухстворчатые застежки *каптырма* в виде скрепленных между собой блях с прикрепленными к ним одной-тремя пальметтовыми цепочками, завершающимися бляшками или подвесками типа гирек. Конструктивно они представляют собой миниатюрные (8–10 см) аналоги этноспецифического татарского ожерелья – воротниковой застежки *яка чылбыры* размером 25–30 см (Ювелирные украшения, 2018, с. 169).

Каптырма выполняли функцию поясных застежек для женского камзола. Они отличаются особой художественно-образной выразительностью; большая их часть напоминает стилизованные сдвоенные личины барана (рис. 6). Изображение издревле характерно для декоративно-прикладного искусства тюрко-монгольских (Сураганов, 2014) и ираноязычных этносов Евразии. Голова и образ животного часто являлись элемента-

ми костюма; встречались и поясные пряжки (Вольная, Найфонова, 2016, с. 5–23).

Образцы татарских поясных украшений изготовлены из высокопробного серебра, что соответствует применению техники точного литья. Они отливались в составных земляных формах, изготовленных по моделям оригинального исполнения. Судя по плавным формам объёма, выверенной симметрии и графической точности линий, аналоги отливаемых изделий выполнялись способом резьбы по воску, причем очень профессионально. Отверстия для пришивания застёжек к полам камзола, декор фактурного характера формировались ювелирными инструментами непосредственно на модели. Выразительность барельефного изображения на отлитых украшениях дополнялась чернью. Составные элементы конструкции застёжек (звенья цепей, соединительные кольца, концевые подвески) изготавливались одновременно способом литья «в ёлку» (Минасян, 2014, с. 87, 83). Они собирались в определённой последовательности с использованием точечной пайки. Процесс был весьма трудоёмким, исключая серийное производство таких украшений.

Визуально, функционально и технологически татарские застёжки представляют собой аналог русских кафтанных застёжек, широко известных под названием «ракушки» и «скарабеи». Исследователями они датируются XVI – первой половиной XVIII вв. (Жилина, 2015, с. 227–253). Фото многочисленных случайных находок, размещённые на различных ресурсах интернета, также свидетельствуют об их повсеместном распространении на территории России (рис. 7). Застёжка-ракушка середины XVII в. демонстрируется в экспозиции Музея дерева Государственного

Рис. 7. Кафтанный застёжка «скарабеи». Литьё по восковой выплавляемой модели. Бронза, янтарь. XVI–XVIII вв.

Источник: <https://meshok.net/item/272867153.0> Дата обращения: 05.01.2023.

Fig. 7. Caftan clasp "scarabaeus". Casting on a wax model. Bronze, amber. XVI–XVIII centuries.

Source: <https://meshok.net/item/272867153.0> Date of access: 01/05/2023.

историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Остров-град Свияжск».

В отличие от татарских, оба варианта русских застёжек обладают устойчивыми стилистическими и конструктивными признаками, свидетельствующими об их массовом производстве. Крючок на *скарабейях* обычно скрывался полусферой, часто с антропоморфным декором (маскароном), наделяющим украшение защитными функциями. Двустворчатую форму для отливки «скарабеев» находим в материалах археологических древностей В.И. Заусайлова, значительную часть которых составляют не только болгарские, но и предметы более позднего времени (рис. 8). Это даёт основание полагать, что их производство существовало и в Среднем Поволжье, и велика вероятность, что именно они послу-

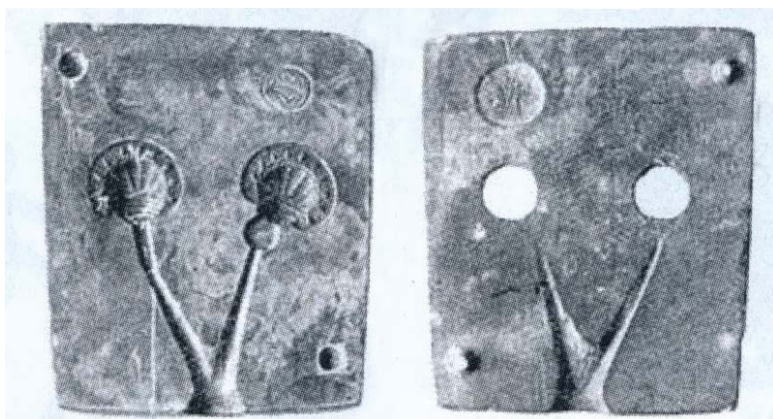

Рис. 8. Разъёмная форма для литья застёжек «скарабеи».

Источник: Tallgren A.M. Collection Zaussäilov...

Fig. 8. Split mould for casting clasps "scarabaeus".

Source: Tallgren A.M. Collection Zaussäilov

...

Рис. 9. Воротниковая застёжка *yaka chylbyry*. Серебро, позолота, монеты. Литые по выплавляемой восковой модели. Казанские татары. НМ РТ, № 10217-57.

Fig. 9. Collar clasp *yaka chylbyry*. Silver, gilding, coins. Casting on a wax model. Kazan Tatars. National Museum of the Republic of Tatarstan, № 10217-57.

жили прообразом татарских *каптырма* в виде «личины барана».

Среди этого круга татарских литых артефактов встречаются и более крупные по размерам украшения, до 20 см; на некоторых из них в качестве подвесок присутствуют монеты правления Екатерины Великой. Застежки разнообразны по стилизации, тяготеющей от зооморфности в сторону цветочно-растительной композиции. Правая их часть имеет декоративно-конструктивный выступ, скрывающий крючок, который нередко украшался бирюзой или рельефным декором в виде розетки. Заметим, что пальметтовидные соединительные звенья цепочек для этих украшений не отливались, а вырубались (вырезались) из пластины; в качестве концевых подвесок использовались бляхи с самоцветами или российские монеты (рис. 9). Технические приемы их изготовления характерны

для развитой формы оригинальной татарской застёжки-ожерелья *yaka chylbyry*. Эти украшения можно рассматривать как переходную форму, символизирующую смену их функционального назначения – от поясной застёжки к шейно-нагрудной. Предположение согласуется с ранними письменными источниками, фиксирующими бытование *yaka chylbyry* в культурной традиции народа только в начале – середине XIX (Фукс, 1844, с. 15).

Конец XIX – начало XX вв. определяется исследователями как период упадка татарского ювелирного ремесла (Валеев, 1984, с. 57), вызванного рядом объективных причин, среди которых можно назвать активное распространение фабрично-заводской продукции и общую переориентацию населения центральных уездов на европейский костюм (Сусллова, Мухамедова 2000, с. 195). Однако и в это время спрос на литые украшения, особен-

но ориентированные на крестьянский быт, благодаря сравнительной их дешевизне был довольно велик. Его замещала продукция русского кустарного промысла села Рыбная Слобода. В основном это были застёжки для женских камзолов, перстни, жетоны, подвески, которые отливались из самых различных металлов – от свинца и олова до низкопробного серебра. В практике же татарских ремесленников преобладающими в это время оставались чеканка, гравировка, чернь, несколько реже филигрань. Не встречены традиционные литые украшения и во время этнографических экспедиций конца XX в., за исключением простеньких перстней и браслетов, изготовленных в условиях крестьянского хозяйства.

Заключение

Литье, по сравнению с другими видами художественной обработки драгоценного металла (чеканка, филигрань), является в целом менее характерным для казанско-татарской ювелирной традиции. Из изученных нами артефактов видно, что татарским литей-

щикам были знакомы и элементарные приемы, и достаточно сложные методы литья.

Наиболее распространенным, как и у большинства народов Евразии, являлся способ литья в закрытые (двустворчатые) земляные формы, изготовленные с помощью моделей или оригинальных изделий, в том числе филигранных. Так изготавливалось большинство украшений. Из сложных способов были известны литье навывплек и литье по выплавляемой восковой модели. Они представляют особый интерес в плане выявления истоков литейных технологий, тесно связанных со средневековыми традициями тюркских, финно-угорских, славянских этносов Евразии. В разные периоды этнокультурной истории литейное ремесло у татар находилось на разных ступенях технологической эволюции, что объясняется рядом исторических причин, связанных в частности и с пробирным законодательством Российской империи – строгой системой контроля за оборотом драгоценного металла.

ЛИТЕРАТУРА

- Андрющенко А.И. Руководство золотых и серебряных дел мастерства. Нижний Новгород: Типография Губернского Правления, 1904. 158 с.
- Белавин А.М. О своеобразии ювелирной продукции Волжской Булгарии X–XIII вв. // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 1992. С. 142–148.
- Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1975. 214 с.
- Валеев Ф.Х. Народное декоративно-прикладное искусство Татарстана. Казань: Татарское книжное издательство, 1984. 188 с.
- Вольная Г.Н., Найфонова Ф.Т. Образ барана в прикладном искусстве кобанской культуры и традиционной культуре населения Центрального Кавказа // Известия СОИГСИ. 2016. Вып. 21 (60). 523 с.
- Воробьев Н.И. Казанские татары: Этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода. Казань: Таткнигоиздат, 1953. 383 с.
- Высоцкий Н.Ф. Несколько слов о древностях Волжской Булгарии // ИОАИЭ т. XXXIV, вып. 4. Казань: Казанский университет, 1908. С. 340–351.
- Гильдт В. Ювелирно-металлический промысел в России // Кустарная промышленность России. Т. 1. СПб.: Типо-Литография «Якорь», 1913. С. 4–6.
- Донина Л.Н., Суслова С.В. Татарское ювелирное искусство: о проявлениях татаро-русской синкретичности в ремесленных традициях Казанского Поволжья // Историческая этнология. 2018. Т. 3. №1. С. 71–80.
- Жилина Н.В. Застёжки в костюме Московской Руси: предварительный очерк // Археология Подмосковья. Вып. 11 / Отв. ред. А.В. Энгватова. М.: ИА РАН, 2015. С. 227–253.
- Иванова М.Г. Истоки удмуртского народа. Ижевск, 1994. 191 с.
- Казем-Бек Н.А. Общественная лавка кустарей села Рыбной слободы Лаишевского уезда Казанской губернии. Казань: Скоропечатня Л.П. Антонова, 1895. 15 с.
- Калинин Н.Ф. К вопросу о происхождении татар // Происхождение казанских татар / Ред. Б. Д. Греков. Казань: Таткнигоиздат, 1948. С. 90–107.

Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X – XIII вв. / Отв. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука, 1985. 216 с.

Крыласова Н.Б. История прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь: ППГУ, 2001. 260 с.

Крымина М.М. Литейные формы из золотоордынских городов Нижнего Поволжья // СА. 1977. № 3. С. 249–267.

Минасян Р.С. Металлообработка в древности и средневековье. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2014. 472 с.

Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. 432 с.

Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Фёдоров-Давыдов. Казань, 1996. С. 159–163.

Постникова-Лосева М.М. Русское ювелирное искусство, его центры и мастера. XVI–XIX вв. М.: Наука, 1974. 374 с.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. VI. 1720–1722. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собств. Его Императорского Величества Е.И.В. Канцелярии, 1830. 815 с.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. VIII. 1728–1732. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собств. Его Императорского Величества Е.И.В. Канцелярии, 1830. 1014 с.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. XI. 1740–1743. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собств. Его Императорского Величества Е.И.В. Канцелярии, 1830. 1022 с.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. XV. 1758–1762. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собств. Его Императорского Величества Е.И.В. Канцелярии, 1830. 1048 с.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. XVII. 1765–1766. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собств. Его Императорского Величества Е.И.В. Канцелярии, 1830. 1115 с.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. XXII. 1784–1788. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собств. Его Императорского Величества Е.И.В. Канцелярии, 1830. 1158 с.

Руденко К.А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Т. II. Казань: Заман, 2015. 528 с.

Рыбаков Б.А. Ремесло древней Руси. М.: АН СССР, 1948. 792 с.

Рындина Н.В. Технология производства новгородских ювелиров X–XIV в. // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. III / МИА. № 117 / Под ред. А.В. Арциховского, Б.А. Колчина. М.: АН СССР, 1963. С. 200–268.

Сураганов С.К. К вопросу о популярности традиционного рогообразного орнаментального мотива в искусстве народов Евразии // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. № 2 (33). Ч. II / Отв. ред. И. Гулин. Новосибирск: СибАК, 2014. С. 74–80.

Суслова С.В., Мухамедова Р.Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань: ФЭН, 2000. 311 с.

Фукс К.Ф. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. Казань, 1844. 210 с.

Ювелирные украшения тюркских народов Евразии. Историко-этнографические очерки / Отв. ред. С.В. Суслова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 256 с.

Tallgren A.M. Collection Zaussäilov au Musée National de Finland a Helsingfors II. Vol. 1-2. Helsingfors, 1918. 59 p.

Информация об авторах:

Суслова Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Россия); sv_suslova@mail.ru

Донина Лариса Николаевна, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Россия); lis.art@mail.ru

REFERENCES

Andryushchenko, A. I. 1904. *Rukovodstvo zolotykh i serebryanykh del masterstva (Gold- and silversmithing guide)*. Nizhnij Novgorod: “Tipografiya Gubernskogo Pravleniya” Publ. (in Russian)

- Belavin, A. M. 1992. In Savel'eva, E. A. (ed.). *Problemy finno-ugorskoj arkheologii Urala i Povolzh'ia (Issues of the Finno-Ugric Archaeology of the Urals and the Volga Region)*. Syktyvkar: Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 142–148 (in Russian).
- Valeev, F. Kh. 1975. *Drevnee i srednevekovoe iskusstvo Srednego Povolzh'ia (Ancient and Medieval art in the Middle Volga Region)*. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Valeev, F. Kh. 1984. *Narodnoe dekorativno-prikladnoe iskusstvo Tatarstana (Folk decorative and applied arts of Tatarstan)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian)
- Vol'naya, G. N., Naifonova, F. T. 2016. In *Izvestiya Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy im. V.I. Abaeva (Proceedings of the V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies)* 21 (60), 5–23 (in Russian)
- Vorob'ev, N. I. 1953. *Kazanskije tatory: Etnograficheskoe issledovanie material'noi kul'tury dooktiabr'skogo perioda. (The Kazan Tatars: Ethnographic Study of the Material Culture of the Pre-October Period)*. Kazan: "Tatknigoizdat" Publ. (in Russian).
- Vysotsky, N. F. 1908. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* XXXIV (4). Kazan: Kazan University, 1908, 340–351 (in Russian).
- Gildt, V. 1913. In *Kustarnaya promyshlennost' Rossii (Handicraft industry in Russia)* 1. Saint Petersburg: "Типо-Литография Якор" Publ., 4–6 (in Russian)
- Donina, L. N., Suslova, S. V. 2018. In *Istoricheskaya Etnologiya (Historical Ethnology)* 3 (1), 71–80 (in Russian)
- Zhilina, N. V. 2015. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiya Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Materials of the Scientific Seminar)* 11. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 227–253 (in Russian).
- Ivanova, M. G. 1994. *Istoki udmurtskogo naroda (Origin of the Udmurt people)*. Izhevsk, 1994 (in Russian).
- Kazem-Bek, N. A. 1895. *Obshchestvennaya lavka kustarey sela Rybnoy slobody Laishevskogo uezda Kazanskoy gubernii (Public handicraft shop in the village of Rybnaya Sloboda, Laishevo uyezd, Kazan Governorate)*. Kazan: "Skoropechatnya L.P. Antonova" Publ. (in Russian)
- Kalinin, N. F. 1948. In Grekov, B. D. (ed.). *Proishozhdenie kazanskih tatar (Genesis of the Kazan Tatars)*. Kazan: "Tatgosizdat" Publ., 96–108 (in Russian)
- Khalikov, A. Kh. (ed.). 1985. *Kul'tura Biliara. Bulgarskie orudiia truda i oruzhie X–XIII vv. (Culture of Bilyar. Bulgar Tools and Weapons in 10th – 13th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Krylasova, N. B. 2001. *Istoriia prikamskogo kostiuma. Kostium srednevekovogo naseleniia Permskogo Predural'ia (History of the Kama River Region Costume. Medieval Costume of the Perm' Cis-Urals Population)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).
- Krymina, M. M. 1977. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 249–267 (in Russian).
- Minasian, R. S. 2014. *Metalloobrabotka v drevnosti i srednevekov'e (Metalworking in Antiquity and the Middle Ages)*. Saint Petersburg: "State Hermitage" Publ. (in Russian).
- Nikitina, T. B. 2002. *Mariitsy v epokhu srednevekov'ia (po arkheologicheskim materialam) (The Mari People in the Middle Ages (by archaeological materials))*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History (in Russian).
- Polyakova, G. F. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (City of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Tatarstan, 159–163 (in Russian).
- Postnikova-Loseva, M. M. 1974. *Russkoe juvelirnoe iskusstvo, ego centry i mastera. XVI–XIX vv. (Russian jewelry art, its centers and masters. XVI–XIX centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian)
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe (Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Collection)* VI. 1830. Saint Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancery Publ. (in Russian).
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe (Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Collection)* VIII. 1830. Saint Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancery Publ. (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe (Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Collection) XI. 1830. Saint Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancery Publ. (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe (Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Collection) XV. 1830. Saint Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancery Publ. (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe (Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Collection) XVII. 1830. Saint Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancery Publ. (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe (Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Collection) XXII. 1830. Saint Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancery Publ. (in Russian).

Rudenko, K. A. 2015. *Bulgarskoe srebro (Bulgarian Silver)*. Series: Drevnosti Biliara (Antiquities of Biljar) II. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).

Rybakov, B. A. 1948. *Remeslo drevnej Rusi (Craft of Ancient Rus)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian)

Ryndina, N. V. 1963. In Artsikhovskii, A. V., Kolchin B. A. (eds.). *Trudy Novgorodskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Novgorod Archaeological Expedition) II*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 117. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 200–268 (in Russian).

Suraganov, S. K. 2014. In Gulin, I. A. (ed.). *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniia i kul'turologii (In the world of science and art: issues of philology, art history and culturology) no. 2 (33), vol. 2*. Novosibirsk: "SibAK" Publ., 74–80. (in Russian)

Suslova, S. V., Mukhamedova, R. G. 2010. *Narodnyi kostium tatar Povolzh'ia i Urala (seredina XIX – nachalo XX vv.). Istoriko-etnograficheskii atlas tatarskogo naroda (Folk Costume of the Tatars from the Volga Region and the Urals (mid-19th – early 20th centuries). Historical and Ethnographic Atlas of the Tatar People*. Kazan: "FEN" Publ. (in Russian).

Fuks, K. F. 1844. *Kazanskie tatary v statisticheskom i etnograficheskom otnosheniyakh (The Kazan Tatars in statistical and ethnographic terms)*. Kazan (in Russian).

Suslova, S. V. (ed.). 2018. *Yuvelirnye ukrasheniya tyurkskikh narodov Evrazii. Istoriko-etnograficheskie ocherki (Jewelry of the Turkic peoples of Eurasia)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian)

Tallgren, A. M. 1918. *Collection Zaussäilov au Musee National de Finland a Helsingfors II*. Vol. 1-2. Helsingfors (in Finland)

About the Authors:

Suslova Svetlana V. Candidate of Historical Sciences, Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences Baturin St., 7A, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation; sv_suslova@mail.ru

Donina Larisa N. Candidate of Science (Art History), Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences Baturin St., 7A, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation; ; lis.art@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2023 г.
Статья принята к публикации 01.10.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

**Естественнонаучные исследования
на основе археологических материалов**

УДК 902

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.5.242.258>

**ОРНИТОФАУНА НА НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ
ДНЕПРО-ДВИНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ: РОЛЬ ПТИЦ В КУЛЬТУРЕ
ДРЕВНИХ ОХОТНИКОВ-СОБИРАТЕЛЕЙ 6-3 ТЫС. ДО Н.Э.¹**

© 2023 г. Е.В. Долбунова, А.В. Пантелеев, Й. Мэгро,
М.В. Саблин, А.Н. Мазуркевич

В статье представлено исследование орнитофауны на неолитических памятниках Днепро-Двинского междуречья – памятники Сертея I и II. Смена палеоэкологических условий и биотопов, археологических культур и типов стоянок определили изменения в культурной и экономической модели древнего населения, повлияв и на набор орнитофауны в различные временные периоды. Выделяются 4 биотопические группы птиц: околоводные, опушечные, лесные и лугово-степные. Доминируют птицы из околоводной группы. Можно допустить, что птицы играли заметную роль в пищевом рационе весной и осенью. Палеоэкологические исследования позволяют реконструировать смену типов водоемов, что могло обусловить изменения в наборе видов птиц. Смена ареалов гнездования и миграций птиц может также свидетельствовать о палеоэкологических изменениях в 5–3 тыс. до н.э. Несмотря на распространенную практику изготовления орудий, украшений из костей и зубов животных на памятниках неолита Днепро-Двинского междуречья, кости птиц использовались достаточно редко. Практически вся коллекция датируется концом 4–3 тыс. до н.э. и представлена в основном пронизками и заготовками.

Ключевые слова: археология, орнитофауна, неолит, Днепро-Двинское междуречье, свайные поселения, пронизки, изделия из костей птиц, промысловая охота, охотники-собиратели.

**AVIFAUNA AT THE NEOLITHIC SITES
OF THE DNIEPER-DVINA BASIN: THE ROLE OF BIRDS
IN THE CULTURE OF ANCIENT HUNTER-GATHERERS
OF THE VI–III MILLENNIUM BC²**

E.V. Dolbunova, A.V. Panteleyev, Y. Maigrot, M.V. Sablin, A.N. Mazurkevich

The article presents a study of avifauna at the Neolithic sites of the Dnieper-Dvina basin (Serteya I and II sites). Changes of paleo-environmental conditions and biotopes, archaeological cultures and types of campsites might have determined changes in the cultural and economic model of the ancient population, having an influence on avifauna particularity in different time periods. Four biotopic groups of birds: near-water birds, woodside birds, forest and meadow-steppe birds are singled out. Birds from the near-water group dominate. It can be assumed, that birds played an important role in food ration in spring and autumn. Paleo-ecological studies allow us to reconstruct a change of water body types. That may have caused a change in bird species.

¹ Исследование коллекций выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 22-18-00086 «Между востоком и западом: охотники-собиратели озерного края на Западе России в 7–3 тыс. до н. э. (экономические стратегии, культурные традиции, межрегиональные взаимосвязи и палеоэкологические условия)»). Сравнение с эталонной орнитологической коллекцией ЗИН было выполнено в рамках госзадания ЗИН РАН №122031100282-2. Трасологический анализ выполнен при поддержке IRP NORth (CNRS) и MEAE (2NOR).

²The study of the collections was supported by the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00086 "Between East and West: hunter-gatherers of the lake region in Western Russia in the VII–III millennium BC (economic strategies, cultural traditions, interregional interrelationships and paleo-ecological conditions)"). Comparison with the standard ornithological collection of ZIN was carried out within the state task of ZIN RAS №122031100282-2. Traceological analysis was supported by IRP NORth (CNRS) and MEAE (2NOR).

Changes in bird nesting and migration areas may also be evidence of paleo-ecological changes in the V–III millennium BC. Despite the widespread practice of making tools and ornaments from bones and animals teeth at the Neolithic sites in Dnieper-Dvina basin, bird bones were used rather seldom. Almost the entire collection dates back to the end of IV–III millennium BC and is represented mainly by tube beads and blanks.

Keywords: archaeology, avifauna, Neolithic, Dnieper-Dvina basin, stilted dwelling settlements, tube beads, tools made of bird bones, commercial hunting, hunter-gatherers.

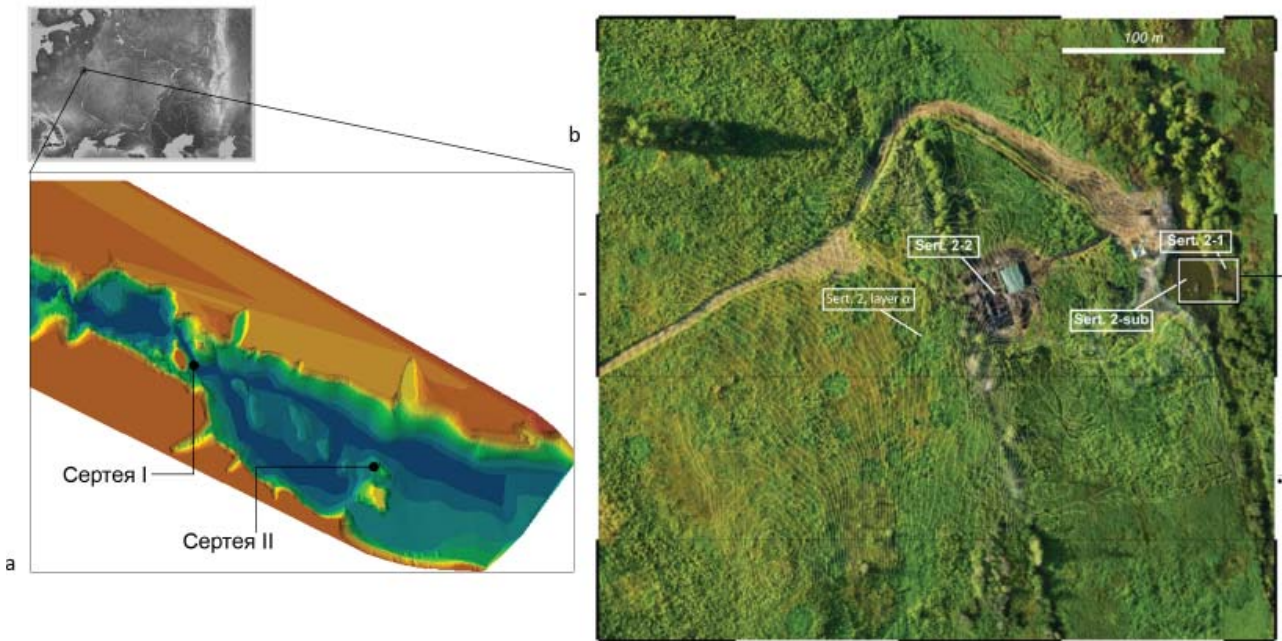

Рис. 1. Месторасположение памятников Сертея II и Сертея I (а), участки п. Сертея II (II-2 – западный участок; IIsub, II-2 – восточный участок с остатками построек свайного поселения) (б).

Fig. 1. Location of Serteya II and Serteya I sites (a), sectors of Serteya II site (II-2 – western sector; IIsub, II-2 – eastern sector with the remains of the stilted buildings) (b).

Введение

Остатки костей птиц были обнаружены в неолитических культурных слоях торфяниковых памятников 6–3 тыс. до н.э. Днепро-Двинского междуречья. Находки немногочисленны и представлены на п. Усвяты IV, Наумово, Дубокрай V, IX, Рудня Сертейская (Саблин и др., 2011), Сертея I, II, X.

Наиболее информативная коллекция была получена в последние годы исследований на п. Сертея II и происходит из культурных слоев западной и восточной части памятника (Mazurkevich et al., 2020) (рис. 1). В раннем неолите в 6 тыс. до н.э. в западной части памятника были зафиксированы следы кратковременного пребывания древнего человека в прибрежной части (в нижнем отделе слоя черного опесчаненного сапропеля/верхнем отделе слоя серого крупнозернистого песка). К этому же времени относятся находки орнитофауны со стоянки Рудня Сертейская (Саблин и др., 2011). Регрессивно-транс-

грессивные режимы древнего озера в 5–4 тыс. до н.э. совпадают с появлением в регионе многочисленных разновременных и разнокультурных групп из лесостепного и степного Подонья и Днепровского Левобережья. В это время между 4150 и 3250 л. до н.э. отмечается интенсивная антропогенная активность, когда уровень воды был относительно высоким и стабильным и совпадает с устройством здесь деревянных конструкций для ловли рыбы (вершей, запоров) в прибрежной зоне, которые залегают в нижнем отделе оливкового сапропеля. Колебания уровня воды и возможное исчезновение водоема в сухие сезоны отмечено около 3250–2500 л. до н.э. (Kittel et al., 2020), в это время здесь фиксируются следы жилой площадки. Находки орнитофауны с п. Сертея X синхронны этому периоду (Саблин и др., 2011). Начиная со второй четверти 3 тыс. до н.э. из-за значительного понижения уровня воды, сопровождавшегося сезонными колебаниями, здесь формируется поселенче-

ская структура жижицкой культуры, которая включала круглогодичные жилые свайные постройки (№1–6) на восточной береговой части и наземные конструкции, места разделки туш, расположенные в западной, более высокой части. В постройке 1 было выявлено пять строительных горизонтов. Разновременные рыболовные конструкции и находка сети на п. Сертея I охватывают период 4-3 тыс. до н.э., совпадая со временем существования свайного поселения и рыболовных конструкций 4 тыс. до н.э. на п. Сертея II (Долбунова, 2014).

Смена палеоэкологических условий и биотопов, археологических культур и типов стоянок определили изменения в культурной и экономической модели древнего населения, фаунистическом наборе, представленном в различные временные периоды. Цель данной статьи – анализ орнитофауны на памятниках Сертея микрорегиона (Сертея I, II) в условиях изменяющейся среды и смены типов стоянок и археологических культур, реконструировать биотопы и палеоэкологические условия, выявить роль охоты на птиц в жизни древнего неолитического населения.

Материалы и методы исследования

Находки костей птиц, представленные в статье, происходят из раскопок п. Сертея II (1972-1974, 1980–1989, 1993-2022 г.) и Сертея I (2010-2011 гг.). Кости птиц, обнаруженные *in situ*, фиксировались в трехмерной системе координат. Проводилась промывка слоя, что позволило выявить все мельчайшие остатки, включая кости птиц, которые фиксировались по квадратам и слоям. Памятник Сертея II имеет сложную историю формирования на различных участках культурных слоев. В западной части памятника, прилегающей к основанию минерального мыса, слои накапливались в результате береговых процессов палеозера (Kittel et al., 2020). Кости птиц, выявленные при промывке, атрибутировались согласно выделенным культурным горизонтам, приуроченным к литологическим слоям (Mazurkevich et al., 2020).

На памятниках Сертея I и II насчитывается всего 340 костных остатков птиц, из которых 271 оказались определяемыми до вида (табл. 1).

Определения костей птиц были выполнены на основе сравнения с типовой остеологической коллекцией Лаборатории орнитологии

Зоологического института РАН (ЗИН РАН, Санкт-Петербург).

Описание остеологического комплекса и видового распределения

Всего установлено 34 вида птиц из 14 семейств (табл. 1). В слое крупнозернистого серого песка найдены остатки кряквы, чирка-свистунка, хохлатой чернети, лутка и тетерева. В слое черного опесчаненного сапропеля обнаружены единичные кости птиц (кряква, чирок-свистунок, хохлатая чернеть, скопа, ястреб-тетеревятник, серая ворона, воробьиная птица).

Основная коллекция происходит из слоя оливкового сапропеля: серый гусь, шилохвость, чирок-свистунок, хохлатая чернеть, гоголь, скопа, ястреб-тетеревятник, черныш, вальдшнеп, серая ворона. Больше всего остатков кряквы (33 экз., или 50,8% определяемых фрагментов). Единичные кости происходят от чернозобой гагары, серой цапли и кваквы, белого аиста, глухаря. Основная концентрация расположения костей птиц совпадает с концентрацией других фаунистических остатков на хозяйственной площадке (в кв. И-М/24-26) в слое оливкового сапропеля и может быть синхронна со временем существования археологических культур, распространившихся из степной зоны в конце 5-4 тыс. до н.э. К этому же времени можно отнести немногочисленные остатки костей птиц на п. Сертея X: кряква, свиязь, серая куропатка.

В слое коричневого сапропеля преобладают кости кряквы, встречены единичные кости гагары, цапли, серого гуся, серой утки, чирка-свистунка. В это время, во второй половине 3 тыс. до н.э., в восточной части памятника в жилых постройках свайного поселения (п. 3 и п.1) отмечается разнообразный набор костей птиц. В п. 3 большинство костей принадлежат крякве, но также встречены кости черношейной поганки, кудрявого пеликана, серой цапли, белого аиста, свиязи, серого гуся, чирка-свистунка, чирка-трескунка, широконоски, хохлатой чернети, гоголя. В п. 1, кроме костей кряквы, встречены кости краснозобой гагары, серого гуся, серой утки, чирка-свистунка, широконоски, свиязи, савки, лутка, глухаря, камышницы, лысухи (верхний горизонт) и схожий набор в нижнем (5) горизонте п. 1: серошекая поганка, кряква, чирок-трескунка, шилохвость, широконоска, гоголь,

Таблица 1. Виды птиц на памятниках Сергея II и I.
Table 1. Bird species on Serteya II and I sites.

Памятник	Сергея II (западный участок)			Сергея I			Сергея II (восточный участок)			Всего	Бином. группа	Пролетные	Гнездящиеся	Залетные
	б-начало 5 т.до н.э.	5 тыс. до н.э.	4 тыс. до н.э.	3 т.до н.э.	4-3 тыс. до н.э.	сер.3 т.до н.э.	сер.3 т.л.	сер.3 т.л.	сер.3 т.л.					
Контекст	серый крупозернистый песок	чёрный опесчаный сапропель	оливковый сапропель	коричневый сапропель		постройка №3	постройка №1 (горизонт 4, 5)	постройка №1 (горизонт 1)						
Вид														
Чернозобая гагара - <i>Gavia arctica</i>			1						1	1				
Краснозобая гагара - <i>Gavia stellata</i>				1										
Гагара - <i>Gavia sp.</i>							1							
Серощёкая поганка - <i>Podiceps griseigena</i>								1						
Черношейная поганка - <i>Podiceps nigricollis</i>							1							
Кудрявый пеликан - <i>Pelecanus crispus</i>							2/2							
Серая цапля - <i>Ardea cinerea</i>			1	3						3/3				+
Цапля - <i>Ardea sp.</i>										3				
Жёлтая цапля - <i>Ardeola ralloides</i>			3/2							1				
Кваква - <i>Nycticorax nycticorax</i>			1				1			3/2				
Белый аист - <i>Ciconia ciconia</i>			1				3/3			2/2				
Серый гусь - <i>Anser anser</i>			27/16	1			5/3			8/8				
Кряква - <i>Anas platyrhynchos</i>	4/4	6/5	27/16	27/21	1					157/89				
Серая утка - <i>Anas strepera</i>				2/2						19/8				
Связзь - <i>Anas penelope</i>				1						2/2				
Цирок-трескунок - <i>Anas querquedula</i>				1						4/2				
Шилохвость - <i>Anas acuta</i>			2/1	1						5/5				
Широконоска - <i>Anas strepera</i>			4/4	9/9						3/2				
Цирок-виштунок - <i>Anas crecca</i>	1	1								6/5				
Утка - <i>Anas sp.</i>	1	1	4/4	2/1	1					22/20				
Хохлатая черныш - <i>Aythya fuligula</i>	1	1	4/4	2/1	1					1				
Белоглазый нырок - <i>Aythya nyroca</i>			2/2							12/11				
Гоголь - <i>Visperhala clangula</i>										1				
Савка - <i>Oxyura leucorhynchos</i>										1				
Луток - <i>Mergus albellus</i>	1	1	4	3						4/4				
Утинные - <i>Anatidae indet.</i>										2/1				
Скопа - <i>Pandion haliaetus</i>										8				
Ястреб-тетеревятник - <i>Accipiter gentilis</i>										1				
Пустельга - <i>Cerchneis tinnunculus</i>				3/2						1				
Глухарь - <i>Tetrao urogallus</i>			3/3							3/2				
Тетерев - <i>Lagopus tetrix</i>	1									9/7				
Серая куропатка - <i>Perdix perdix</i>										1				
Куропаточные - <i>Galliformes indet.</i>										1				
Лысуха - <i>Fulica atra</i>										1				
Камышинка - <i>Gallinula chloropus</i>										1				
Черныш - <i>Tringa ochropus</i>			2/1							1				
Вальдшнеп - <i>Scolopax rusticola</i>			1							3/3				
Вяхрь - <i>Columba palumbus</i>										1				
Серая ворона - <i>Corvus cornix</i>	1	1	2/1	1						2/1				
Воробьиные - <i>Passeriformes indet.</i>	2	1	13	6	3					5				
Птицы неопределяемые - <i>Aves indet.</i>										40				
ВСЕГО	11	13	72	64	13	85	20	62	340					

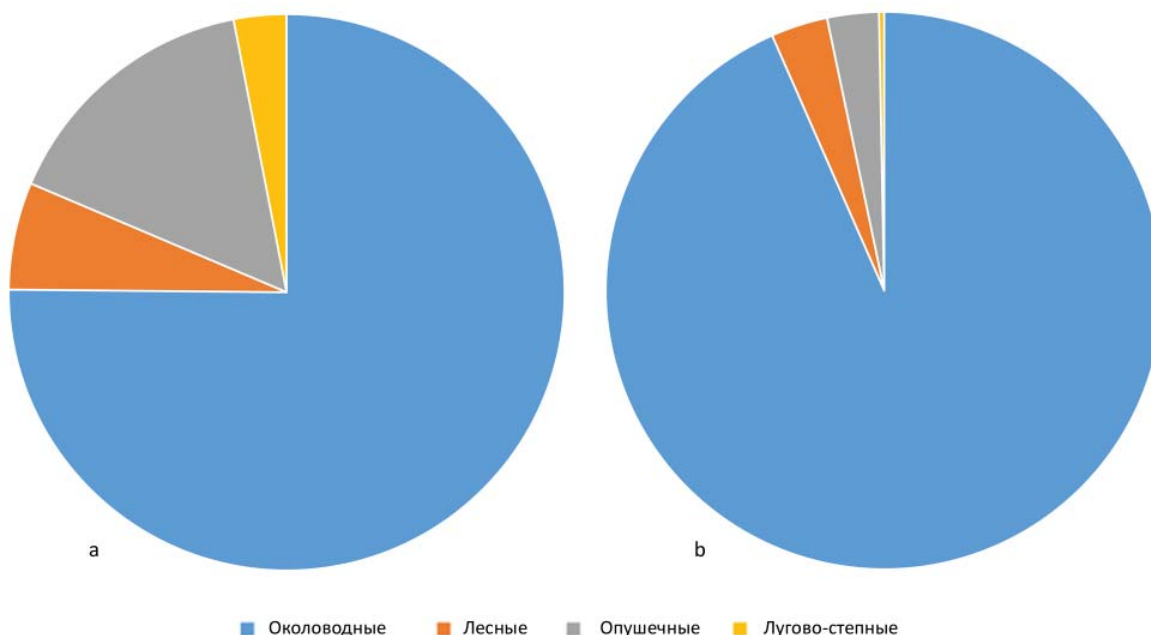

Рис. 2. Соотношение видов птиц (а) и костных остатков (б) в биотопических группах на памятниках Сертея I и II.

Fig. 2. The ratio of bird species (a) and bone remains (b) in biotopic groups on Serteya I and II sites.

глухарь. Во 2 и 3 горизонте кости птиц полностью отсутствуют.

Крякве принадлежали более половины (55.8%) определяемых костей птиц, присутствуют практически все элементы её скелета с преобладанием плечевой кости и коракоида. Все другие птицы представлены малочисленными или единичными фрагментами.

Фаунистическая коллекция представлена в основном взрослыми особями, доля остатков молодых птиц незначительна – в разных слоях от 5 до 23%, в среднем около 10%.

Видовая структура птиц памятника Сертея I похожа на структуру, представленную на п. Сертея II. Коллекция остатков птиц крайне малочисленна, здесь найдены кости кряквы, присутствуют серый гусь, чирок-свистунок, хохлатая черныш. Также найдена кость, принадлежащая жёлтой цапле, и единственная кость серой куропатки.

Биотопы и палеоэкологические условия

Птицы, выявленные на п. Сертея II и I, относятся к 4 биотопическим группам: околоводные, опушечные, лесные и лугово-степные (рис. 2). Из них только пять оседлых видов (ястреб-тетеревятник, глухарь, тетерев, серая куропатка и серая ворона), остальные мигрирующие.

В группу околоводных птиц (25 видов, 75.8%, рис. 2, табл. 1) вошли виды, система-

тически далеко не родственные между собой (гагары, поганки, пеликаны, цапли, водоплавающие, хищные, пастушковые, кулики), но по образу жизни тесно связанные с водой. Их остатки составили 92.6% определяемых костей (рис. 2). Особенно часто встречаются кости кряквы (55.8%). Эта утка наиболее многочисленна и наименее осторожна, поэтому была сравнительно лёгкой добычей для охотников. Другой вид, встречающийся практически во всех слоях, – чирок-свистунок, самая маленькая утка Восточной Европы. Он широко распространён, может гнездиться даже в небольшой канаве с водой, но добыть его труднее, поэтому и доля его составляет 8.2%. Остатки других видов малочисленны или единичны.

В группу опушечных птиц вошли 5 видов (15.2%) – пустельга, тетерев, вальдшнеп, вяхирь и серая ворона. Эти виды связаны с древесной растительностью, но им также необходимы и открытые пространства – большие поляны, луга, болота. Доля остатков этих птиц невелика (3.3%).

Настоящих лесных птиц только два вида: ястреб-тетеревятник и глухарь (6.1%). Но их значение (3.7%), прежде всего глухаря, в экономике человека могло быть больше, чем у более обширной группы опушечных птиц, в силу значительно большего размера этих

птиц. На глухаря могли охотиться скорее всего либо поздней осенью, либо ранней весной на току (Герман, 1957). Оптимальными местами обитания глухаря служат кустарничково-зеленомошные сосновые, елово-сосновые и другие смешанные леса с участием сосны, чередующиеся с участками верховых болот (Пиминов, 2020).

Среди лугово-степных птиц встречается серая куропатка на п. Сертея I, рядом с которым были подходящие сухие открытые биотопы. Учитывая характер памятника – специализированное место рыбной ловли без постоянного проживания, добыча могла быть случайной или ситуативной. Отсутствие этого вида в материалах других памятников свидетельствует о том, что он не был объектом охоты.

Смена ареалов гнездования и миграций птиц, отсутствие в современной фауне региона некоторых видов птиц может свидетельствовать о палеоэкологических изменениях. Так, в современной фауне Днепро-Двинского междуречья не встречаются на гнездовании краснозобая гагара, кудрявый пеликан, кваква, желтая цапля, савка. Краснозобая гагара – северная птица, современная южная граница её ареала проходит по Южной Карелии (Пантелеев, Храбрый, 2020). Однако, в конце XIX – начале XX веков эта птица была обычна на гнездовании на Карельском перешейке, а в 1960-х гг. вторично проникла в Ленинградскую область, Латвию и Эстонию (Мальчевский, Пукинский, 1983). Происходит флуктуация южной границы гнездования, и при определённых климатических условиях эта граница могла сдвигаться ещё южнее, в неолите на озёрах Днепро-Двинского междуречья птицы могли останавливаться во время миграций. Эта птица встречена только в постройке 1 (горизонт 1).

Современное распространение кудрявого пеликана очень фрагментарно, участки гнездового ареала разбросаны от Восточной Европы до Монголии (Мацына, Мацына, 2011). В настоящее время в европейской части России область гнездования охватывает черноморско-каспийский регион. Однако в историческое время известны залёты пеликанов далеко на север, вплоть до Финляндии. Можно предположить, что при потеплении климата вид мог значительно расширять к северу свой ареал обитания.

Гнездовой ареал жёлтой цапли, так же как и у кудрявого пеликана, состоит из изолированных очагов. Ближайшие места гнездования находятся в Северном Причерноморье, на Нижнем Дону, в дельте Волги. Известны отдельные залёты в Европу, на север – до Финляндии (Русев, 2011а). При более тёплом климате, вероятно, был более широкий ареал, в том числе к северу.

Кваква имеет более обширный ареал, гнездится в Азово-Черноморском регионе, в Нижнем Поволжье, на север доходит до Орла и Воронежа. Случаи залёта известны в Прибалтику, район Пскова, Московскую и Тверскую области (Русев, 2011б). При благоприятных климатических условиях возможно изменение ареала в сторону расширения.

Основной ареал савки - в Волгоградской и Астраханской областях, тянется на восток до Тувы, в Казахстан и Среднюю Азию (Дементьев и др., 1952). Не так давно савка гнездилась в Западной Европе и Азово-Черноморском регионе, но сейчас исчезла и встречается там только на пролёте. Когда-то обширный единый ареал, сейчас разбит на фрагменты.

Находки костей этих видов птиц единичны и соответствуют слою оливкового сапропеля и культурному слою в п. 3, кости савки встречены в верхнем горизонте п. 1.

Использование костей птиц на п. Сертея II

Несмотря на распространённую практику изготовления орудий, украшений из костей и зубов животных на памятниках неолита Днепро-Двинского междуречья (Mazurkevich et al., 2020a), кости птиц использовались достаточно редко. Всего известно 16 предметов, из них 3 орудия, 6 украшений, 7 отходов и заготовок производства. Все они, за исключением одного острья, относятся к культуре строителей свайных поселений конца 4 тыс. до н.э. (усвятской) и середины 3 тыс. до н.э. (жижицкой). В основном использовались кости утиных, также зафиксировано использование кости серой цапли и кости крупной хищной птицы. Обрабатывались только длинные полые кости: плечевая, лучевая, локтевая и тарзометатарзус.

Острие, найденное в слое серого песка в западной части памятника, предположительно датируется временем второй половины 6 тыс. до н.э. (рис. 3: 9). Оно было изготовлено

Рис. 3. Орудия (9, 14), бусины (1-6) и заготовки для бусин (7, 8, 10-13) на п. Сертея II (восточная часть, постройка №1 (1-4), постройка №3 (6-8, 11); западная часть памятника (9 – слой серого песка, ранний неолит; 14 – оливковый сапропель, усвятская культура; 5 – жижицкая культура; 10, 12, 13 – усвятская культура).

Fig. 3. Tools (9, 14), beads (1-6) and bead blanks (7, 8, 10-13) on the site Serteya II site (eastern part, building No. 1 (1-4), building No. 3 (6-8, 11); western part of the site (9 – grey sand layer, Early Neolithic; 14 – olive sapropel, Usviaty culture; 5 – Zhizhitskaya culture; 10, 12, 13 – Usviaty culture).

из локтевой кости с сохраненным проксимальным эпифизом. Диафиз был сегментирован и заострен продольным соскабливанием. На территории циркум-Балтийского пространства и Восточной Европы известны лишь единичные экземпляры (Lozowski, 1996; Mannermaa, 2013, 2008; Ванкина, 1999). Среди орудийного набора культур других регионов острия из костей птиц являются распространенной категорией (например, в Южной Америке - Scheinsohn 1997, Christensen 2016),

Комплекс конца 4 - середины 3 тыс. до н.э. включает изделия, обнаруженные на площади

свайных построек в восточной части памятника и на хозяйственной площадке в западной части памятника. Здесь были найдены два изделия с кольцевыми углублениями. Одно изделие было выполнено из лучевой кости (или плечевой кости) крупного хищника, два эпифиза которой были распилены и отделены. Проксимальная часть была пропилена тонкой веревкой/сухожилием (U-образная канавка), дистальная - кремневым инструментом (V-образная канавка) (рис. 3: 14). На диафизе видна серия желобов, перпендикулярных продольной оси, реже косых. Эти

желоба, неравномерно врезанные по окружности, в основном имеют U-образную форму в поперечном сечении, что свидетельствует о многократном контакте с волокнами тонкой веревки. По всей видимости, эти орудия могли использовать для размягчения волокон сухожилий. Второе было выполнено из плечевой кости крупной водоплавающей птицы, эпифизы были сохранены. Желоба на диафизе также имеют U-образный профиль. Они более многочисленны, гораздо мельче, имеют более регулярную организацию. Подобные изделия были обнаружены на п. Усвяты IV (Микляев, 1971; Малютина, Саблин, 2014), Дубокрай VIII (плечевая кость, серая цапля). Исследования этих изделий показали, что все они имеют желобчатые углубления с "U"-образным профилем, для их изготовления выбирались кости крупных птиц.

Самая распространенная категория – пронизки. Пять происходят из восточной части с площади свайных построек (4 – из постройки 1, 1 – из постройки 3 (рис. 3: 1-4, 6), одна – из слоя оливкового сапропеля западной части памятника (рис. 3: 5). Все они могут быть отнесены к жижицкой культуре. Эти пронизки представляют собой короткие сегменты диафиза длинной птичьей кости. Их поперечное сечение (от 5 до 8 мм) предполагает использование относительно тонкой кости. Края этих бусин настолько притуплены износом, что следы изготовления часто полностью уничтожены. Однако некоторые из них имеют небольшие поперечные V-образные надрезы, которые позволяют предположить, что они были сделаны кремневым инструментом. Также найдено 6 фрагментов, которые могут быть атрибутированы как заготовки/отходы производств подобных пронизок (рис. 3: 7, 8, 10–13). Это фрагменты диафизов (в основном плечевой или лучевой кости, а также тарзо-метатарзуса), часто эпифизарных, довольно тонких длинных костей (сечение 5–8 мм), соответствующих морфометрическим стандартам пронизок, описанных выше. Диафизы сегментированы путем распиливания и отламывания. Можно выделить две техники распиливания. Первая, характеризующаяся V-образным желобком, полученным при работе кремневым инструментом (рис. 3: 7, 8 и 11). Они происходят из п. 3. Вторая техника относится к пилению веревкой/жилой, о чем свидетельствует "U" профиль желобка (рис. 3: 10, 12

и 13). Все они происходят из западной части памятника, в основном – из слоя оливкового сапропеля, и могут быть отнесены к усвятской культуре. Эти производственные отходы могут иметь и другие бороздки, расстояние между которыми аналогично размерам бус. Их наличие указывает на то, что бусины были изготовлены на месте. Однако для усвятской культуры готовые бусины не были найдены. Пронизки из птичьих костей довольно часто встречаются как в мезолите, так и в раннем (например, на п. Нарва I (по Гурина, 1967), и позднем неолите (на п. Абора I (Лозе, 1979); п. Асавец 2, 7 (Charniauski, Charniauski, 2010).

Отдельно стоит отметить подвеску, морфология которой может свидетельствовать о стилизованном изображении водоплавающей птицы (рис. 4), которая была обнаружена в постройке 3 в восточной части памятника Сертея II. Заготовка этой подвески была выполнена из длинной кости крупного млекопитающего. Весь контур был обработан кремнем для придания ему зубчатого края. Биконическая перфорация сделана вращательным давлением кремневым резцом. Подобная иконография украшений встречается в материалах п. Сахтыш I (Костылева, Уткин, 2009), памятников на территории Белорусского Подвинья (Charniauski, Charniauski, 2010). В Днепро-Двинском междуречье на п. Усвяты IV также была найдена длинная лопаточка из ребра лося с изображением головы птицы (Мазуркевич, 2009). Изображения птиц, выполненные из разных материалов, широко распространены на территории Восточной Балтики, северо-запада России (Жульников, Кашина, 2010).

Обсуждение

К раннему неолиту 6 тыс. до н.э. на памятнике относятся единичные находки и небольшое количество костей околородных видов птиц. Это может объясняться сохранностью материалов этого времени – часть из них, видимо, была снесена во время последующего поднятия уровня воды (Mazurkevich et al., 2020) и непродолжительным периодом обитания древнего человека на этом месте, где существовали неглубокие водоемы озерного типа, с сезонными паводками (около 5500–4150 л. до н.э.) (Kittel et al, 2020; Mroczkowska et al., 2021). Свидетельством охоты на птицу могут быть находки потерянных наконец-

Рис. 4. Изображение водоплавающей птицы, выполненное на кости млекопитающего (п. Сертея II, постройка №3).

Fig. 4. Image of a waterfowl made on the bones of a mammal (Serteya II site, building No. 3).

ников в прибрежной зоне (Долбунова и др., 2023).

Небольшое количество костей птиц в верхнем отделе слоя черного сапропеля/ нижнем отделе слоя оливкового сапропеля п. Сертея II, где были найдены остатки рыболовных конструкций 4 тыс. до н.э., обусловлено тем, что на этом месте существовало озеро (около 4150 – 3250 л. до н.э.), а место постоянного обитания находилось скорее всего на более высоких участках берега. В это время мы фиксируем на этом участке активную прибрежную деятельность, связанную с рыбной ловлей. Попадание птиц в сети и рыболовные конструкции скорее всего случайно или в результате ситуативной охоты во время рыбной ловли. К последнему случаю можно отнести находки костей куропатки на п. Сертея I.

Большое количество костей птиц, преимущественно околородных видов, отмечает-

ся в слое оливкового сапропеля в линии кв. И-М/24-26 и соответствует хозяйственной площадке на этом участке, которая может быть синхронна времени существования археологических культур, распространившихся из степной зоны в 4 тыс. до н.э. В конце этого периода, около 3250–2500 л. до н.э., фиксируются колебания уровня воды и, возможное, исчезновение водоема в сухие сезоны, эрозия в береговой линии (Kittel et al, 2020; Mroczkowska et al., 2021).

Наибольшее количество птиц было зафиксировано на п. Сертея II на площади построек свайного поселения в восточной части памятника, в слое коричневого сапропеля в западной части памятника. В это время, в течение 2500–2100 л. до н.э. отмечается изменение облика водоема - длительное понижение уровня воды с сезонными флуктуациями. Озерная система могла быть замещена речной системой. Палеоклиматические изменения в периоды 2550-

2475 и 2150–2000 л. до н.э. приводят к изменению состава леса: доминирующие виды *Alnus* на торфянике и смешанный лес рядом замещаются *Pinus* и *Picea* (Kittel et al., 2020), с чем может быть связано увеличение количества глухаря в культурных слоях свайного поселения. Поселение становится обитаемым круглый год, о чем свидетельствует состав фауны (Саблин и др., 2011). Состав орнитофауны этого периода отражает круглогодичную охоту на птиц в различных ландшафтах. Отсутствие орнитофауны в 2 и 3 строительном горизонте п.1 может отражать сезон обитания и/или минимальное присутствие птиц в этот период в данном месте из-за высокой антропогенной нагрузки и / или изменения озерной системы на озерно-речную (Kittel et al., 2020).

Похожий состав костей птиц наблюдается в культурных слоях свайных поселений соседних микрорегионов – п. Наумово, слой Б и Усвяты IV, слой Б (Саблин и др., 2011). Однако можно отметить и определенное своеобразие. На п. Наумово (слой Б) отмечается значительно большее количество костей орлана-белохвоста, несколько костей глухаря и кость серой куропатки. Последняя находка может указывать на существование открытых сухих пространств в непосредственной близости от поселения. Орлан-белохвост предпочитает гнездиться рядом с крупными водоемами, этим может объясняться большее количество этих птиц на п. Наумово и Усвяты IV, которые расположены на берегах крупных водоемов. На п. Усвяты IV (слой Б) отмечается значительно большее разнообразие видов птиц и другое соотношение видов: практически одинаковое количество костей глухаря и кряквы. На втором месте – кости чернозобой гагары, серой цапли, широконоски, орлана-белохвоста, врановых.

Выделяется особая группа – "южные" птицы (кудрявый пеликан, жёлтая цапля, кваква и савка), которые не встречаются в современной орнитофауне региона, хотя редкие залёты одиночных особей известны из соседних или даже отдалённых северных регионов. Однако залёты "южных" птиц в северные регионы очень редки и носят случайный характер. Учитывая наличие нескольких особей от отдельных видов, можно предположить изменение их ареала, что совпадает с периодом существенного потепления климата

(Mroczkowska et al., 2021). Пеликаны также найдены на ряде археологических памятников среднего и позднего голоцена Центральной Европы (Nikulina, Schmöcke, 2015) и на стоянке Асавец-2 (Витебская обл.) (Никифоров, 2008).

Состав костей птиц на п. Сертея II указывает на то, что птицы целиком приносились на поселение и разделялись на месте. Нужно отметить минимальное количество следов разделки (рис. 5), что типично для многих орнитокомплексов (White et al., 2021a; Маннермаа, 2013) и может быть связано с приготовлением птиц целиком, либо с особенностями разделки птиц, при которой следы остаются лишь на определенном наборе костей (White et al., 2021a). Следы порезов на локтевой кости (скопа), плечевой (кудрявый пеликан, кряква) могут маркировать намеренное снятие крыльев и/или перьев.

Количество жженных костей на п. Сертея II составляет 10% от всех определимых костей и приурочено к местам подочажных песчаных подсыпок в постройке 1 и хозяйственной площадке в слое оливкового сапропеля в западной части памятника. Соотношение жженных костей птиц и костей без следов термического воздействия различаются достаточно сильно на разных памятниках. Так, в мезолитических-раннеолитических слоях п. Замостье 2 отмечается полное отсутствие обожженных костей (Маннермаа, 2013), а коллекции птичьих костей с ряда стоянок каменного века Карелии и Финляндии состоят почти исключительно из обожженных костей птиц (Mannermaa, 2008) и могут насчитывать на отдельных поселениях тысячи фрагментов.

Доминирование остатков околородных птиц в слоях археологических памятников одинаково характерно и для сообществ охотников-собирателей, и земледельцев (Gal et al., 2021; Mannermaa, 2013; White et al., 2021; Russell, 2019; Маннермаа, 2013; Карху, 1990). Наличие значительного количества костей видов птиц на различных памятниках, обитающих и в других биотопах, может быть обусловлено несколькими факторами – близостью определенных типов ландшафтов (Vos, Russell, 2021), функциональной направленностью и сезонностью обитания на памятнике, ориентированностью на определенный сезонный богатый ресурс (White et al., 2021), культурный выбор. Сходные

Рис. 5. Следы порезов на костях птиц (восточная часть памятника, постройка №3 (1, 4); западная часть памятника (2, 3, 5, 6)): 1 – кудрявый пеликан, плечевая кость, 2 – кряква, коракоид, 3 – бедренная, 4 – серый гусь, грудина, 5 – скопа, локтевая, 6 – кряква, плечевая кость (указанный масштаб – 1 см).

Fig. 5. Traces of cuts on bird bones (eastern part of the site, building No. 3 (1, 4); western part of the site (2, 3, 5, 6)): 1 – Dalmatian pelican, humerus, 2 – mallard, coracoid, 3 – femur, 4 – graylag goose, sternum, 5 – osprey, ulna, 6 – mallard, humerus (indicated scale – 1 cm).

ландшафтные условия и биотопы с определенным набором орнитофауны могут определять близкие охотничьи стратегии и сходный набор птиц в археологических слоях памятников (Zhilin, Karhu, 2002; Маннермаа, 2013; Tomek, Gumiński, 2003; Mannermaa, 2008). Так, для памятников внутренних водоемов Финляндии кряква, чирок-свистунок и гага-

ра находятся на первом месте, далее следует глухарь, куропатка (Mannermaa, 2008), на памятниках Верхней Волги на первом месте – кряква, на втором – глухарь (Zhilin, Karhu, 2002; Маннермаа, 2013). В Подонье кости птиц на памятниках могут составлять как около 2%, так и более 60% всей фаунистической коллекции (п. Черкасская, Черкасская

5, Доброе 9) (Яниш и др., 2019; Кузьмина, Каспаров, 1987; Скоробогатов и др., 2016). Приуроченность к водным ландшафтам автоматически не означает одинаковый набор орнитофауны, чаще всего она отражает специализацию, либо пищевые пристрастия древнего населения.

Заключение

На п. Сертея I и II коллекция орнитофауны включает 34 вида, которые относятся к 4 биотопическим группам: околотоводные, опушечные, лесные, лугово-степные. На памятниках Сертейского микрорегиона доля остатков околотоводных птиц составляет 93,4%. Птицы других биотопических групп (кроме глухаря) могли стать результатом ситуативной охоты - добываться попутно. Из 34 видов только 5 – оседлые, остальные – перелётные. Обширный набор определяемых видов может быть связан с охотой в прибрежной зоне на любых случайно попавшихся птиц и сетевым рыбным промыслом со случайным попаданием сопутствующих ныряющих видов. Основная масса птиц добывалась, по-видимому, на пролёте в тёплое время года, с апреля до октября-ноября. Учитывая незначительную долю остатков молодых птиц, можно предположить, что в период массового появления лётного, неокрепшего молодняка (июль-начало августа) охота на птиц была слабо выражена.

Несмотря на распространенную практику изготовления орудий, украшений из костей и зубов животных на памятниках неолита Днепро-Двинского междуречья, кости птиц использовались достаточно редко. Практически вся коллекция датируется временем культур строителей свайных поселений (усвятской, жижицкой) конца 4–3 тыс. до н.э. и представлена в основном пронизками и заготовками для них. Известно также

одно изображение птицы, найденное на п. Сертея II в постройке 3.

Отличительной особенностью фаунистического набора п. Сертея II является небольшое количество реконструируемых особей животных (Mazurkevich et al., 2020a), среди которых процент птиц относительно невелик. Вероятно, до нас дошли лишь последние фаунистические остатки, которые отложились в культурный слой непосредственно перед гибелью и археологизацией памятника. Исходя из этого мы можем лишь реконструировать состав орнитофауны, добываемой для еды или/или в культовых нуждах для короткого промежутка времени. Можно допустить, что птицы играли заметную роль в пищевом рационе весной и осенью. Это были утиные и другие птицы из прибрежного биотопа. В конце осени или ранней весной существенным дополнением к питанию был глухарь.

Палеоэкологические исследования позволяют реконструировать смену типов водоемов на месте памятника Сертея II и климатические изменения 6–3 тыс. до н.э. (Kittel et al., 2020; Mroczkowska et al., 2021), что могло обусловить изменения в наборе птиц. Смена ареалов гнездования и миграций птиц, отсутствие в современной фауне региона некоторых видов птиц может свидетельствовать о палеоэкологических изменениях в 5–3 тыс. до н.э.

Специализация на определенный богатый сезонный ресурс может быть частью экономической модели ряда древних сообществ как охотников-собирателей, так и сообществ, ориентированных на производящую экономику (охота на перелетных птиц в момент их наивысшего количества, лов во время нереста особо ценных пород рыб или любого другого исключительного ресурса (Bondetti et al., 2021; Cramp et al., 2019).

ЛИТЕРАТУРА

- Герман В.Е. Охота на лесную (боровую) дичь. М.: ФиС, 1957. 71 с.
- Гурина Н.Н. Из истории древних племен западных областей СССР / МИА. № 144. Л.: АН СССР, 1967. 212 с.
- Долбунова Е.В. Рыболовные конструкции среднего – позднего неолита (памятник Сертея I, Смоленская обл.) // Труды IV (XX) всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I / Ред. А.Г. Ситдилов, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 243–246.
- Долбунова Е.В., Мазуркевич А.Н., Мэгро Й., Филиппова В.Л. Днепро-Двинское междуречье в конце 6 тыс. до н. э. и ранние керамические традиции циркумбалтийского региона // Поволжская археология. 2023. №1 (43). С. 8–26.
- Жульников А.М., Кашина Е.А. Образ птицы в искусстве неолита-энеолита лесной зоны Восточной Европы // РА. 2010. № 2. С. 5–17.

Карху А.А. Среднеголоценовые птицы из археологических памятников Подмосковья // Орнитология. Палеорнитология. Вып. 24. М.: МГУ, 1990. С. 67–71.

Костылева Е.Л., Уткин А.В. Произведения искусства неолитической эпохи центра Русской равнины // Зверь и человек. Древнее изобразительное творчество Евразии. Материалы научной конференции / Труды Государственного Эрмитажа. Т. XLIV / науч. ред. А.Н. Мазуркевич, М.Э. Полковникова. СПб: Гос. Эрмитаж, 2009. С. 63–69.

Кузьмина И.Е., Каспаров А.К. Остатки животных из неолитических стоянок Копанице и Черкасская в Воронежской области // Плейстоценовые млекопитающие Северной Евразии / Труды Зоологического института АН СССР. Т. 168 / ред. Кузьмина И.Е., Барышников Г.Ф. Л.: Зоологический институт АН СССР, 1987. С. 87–99.

Лозе И.А. Поздний Неолит и Ранняя Бронза Лубанской равнины. Рига, 1979. 205 с.

Мазуркевич А.Н. Художественное творчество древнего населения Северо-Запада России // Зверь и человек. Древнее изобразительное творчество Евразии. Материалы научной конференции / Труды Государственного Эрмитажа. Т. XLIV / науч. ред. А.Н. Мазуркевич, М.Э. Полковникова. СПб: Гос. Эрмитаж, 2009. С. 79–87.

Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий. Т. 1. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1983. 573 с.

Маннермаа К. Охота на птиц среди озер и болот на стоянке Замостье 2, Россия, ок. 7900–6500 л. н. // Замостье 2. Озерное поселение древних рыболовов эпохи мезолита-неолита в бассейне Верхней Волги / Ред. В.М. Лозовский, О.В. Лозовская, И. Клементе Конте. СПб.: ИИМК РАН, 2013. С. 214–229.

Мацына А.И., Мацына Е.Л. Кудрявый пеликан *Pelecanus crispus* Bruch, 1832 // Птицы России и сопредельных регионов: Пеликанообразные, Аистообразные, Фламингообразные / отв. ред. В.А. Зубакин. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2011. С. 24–37.

Микляев А.М. Неолитическое свайное поселение на Усвятском озере // АСГЭ. Вып. 13. Л.: Аврора, 1971. С. 7–29.

Никифоров Н.Е. Формирование и структура орнитофауны Белоруссии. Минск: Белорусская наука, 2008. 297 с.

Пантелеев А.В., Храбрый В.М. Краснозобая гагара. *Gavia stellata*. Red-throated Loon // Атлас гнездящихся птиц европейской части России. 2020 / Ред.-сост. М.В. Калякин, О.В. Волцит. М.: Фитон XXI, 2020. С. 50–51.

Пиминов В.Н. Глухарь. *Tetrao urogallus*. Western Capercaillie // Атлас гнездящихся птиц европейской части России / Ред.-сост. М.В. Калякин, О.В. Волцит. М.: Фитон XXI, 2020. С. 243–245.

Русев И.Т. Кваква *Nycticorax nycticorax* (Linnaeus, 1758) // Птицы России и сопредельных регионов: Пеликанообразные, Аистообразные, Фламингообразные / отв. ред. В.А. Зубакин. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2011б. С. 212–236.

Русев И.Т. Желтая цапля *Ardeola ralloides* (Scopoli, 1769) // Птицы России и сопредельных регионов: Пеликанообразные, Аистообразные, Фламингообразные / отв. ред. В.А. Зубакин. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2011а. С. 244–259.

Саблин М.В., Пантелеев А.В., Сыромятникова Е.В. Археозоологический анализ остеологического материала из неолитических свайных поселений Подвинья: хозяйство и экология // Труды Зоологического института РАН. 2011. Том 315. № 2. С. 143–153.

Скоробогатов А.М., Яниш Е.Ю., Александровский А.Л. Неолитическая стоянка Черкасская-5 на Среднем Дону. Соотношение охоты и рыболовства по фаунистическим и археологическим данным // Стратегии жизнеобеспечения в каменном веке, прямые и косвенные свидетельства рыболовства и собирательства. Материалы международной конференции, посвященной 50-летию В.М. Лозовского / Под ред. О.В. Лозовской, А.А. Выборнова и Е.В. Долбуновой. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 72–75.

Яниш Е.Ю., Куличков А.А., Юркина Е.С., Желудков А.С., Смольянинов Р.В. Археозоологическая коллекция поселения Доброе 9 на Верхнем Дону // Труды Воронежского областного краеведческого музея. 2019. Вып. 3. С. 45–48.

Bondetti M., González Carretero L., Dolbunova E., McGrath K., Presslee S., Lucquin A., Tsybriy V., Mazurkevich A., Tsybriy A., Jordan P., Heron C., Meadows J. E., Craig O. Neolithic farmers or Neolithic foragers? Organic residue analysis of early pottery from Rakushechny Yar on the Lower Don (Russia) // Archaeological and Anthropological Sciences. – 2021. Vol. 13 (8). P. 141–157.

Charniauski M., Charniauski M. The excavation of Kryvina peatbog settlements in Northern Belarus between 2000 and 2009 // Underwater Archaeology in the Baltic region, *Archaeologia Baltica*. 2010. №14. P. 100–119.

Christensen M. L'industrie osseuse des chasseurs-cueilleurs : le cas des nomades marins de Patagonie et de terre de feu. Ediciones Universidad de Magallanes. 2016. 306 p.

Cramp L. J. E., Ethier J., Urem-Kotsou D., Bonsall C., Borić D., Boroneanț A., Evershed R.P., Perić S., Roffet-Salque M., Whelton H.L., Ivanova M. Regional diversity in subsistence among early farmers in South-east Europe revealed by archaeological organic residues // *Proceedings of the Royal Society B*. 2019. №286: 20182347.

Gal E., Billera Z., Nyerges E., Osztas A. Bird remains from the Starčevo and Lengyel culture settlements of the site Alsónyék-Bátaszék (South-western Hungary) // *MATERIALE ȘI CERCETĂRI ARHEOLOGICE (serie nouă). SUPPLEMENTUM 1*. 2021. P. 467–486.

Kittel P., Mazurkevich A., Alexandrovskiy A., Dolbunova E., Krupski M., Szmańda J., Stachowicz-Rybka R., Cywa K., Mroczkowska A., Okupny D. Lacustrine, fluvial and slope deposits in the wetland shore area in Serteya, Western Russia // *Acta Geographica Lodziensia*. 2020. №110. P. 103–124.

Lozowski V.M. *Zamostje 2*, éditions du CEDARC, Treignes, 1996. 96 p.

Malyutina A.A., Sablin M.V. The choice of raw material and preliminary treatment of bone and antler material of peat-bog Neolithic Site Usviaty IV // *Archaeology of lake settlements IV–II mill. BC / Mazurkevich A.N., Polkonikova M.E., Dolbunova E.V. (eds)*. Saint Petersburg: The State Ermitage Museum, 2014. P. 210–213.

Mannermaa K. The Archaeology of wings. Birds and people in the Baltic sea regions during the Stone Age, PhD, University of Helsinki. 2008. 94 p.

Mazurkevich A., Kittel P., Maigrot Y., Dolbunova E., Mroczkowska A., Wieckowska-Lüth M., Piech W. Natural and anthropogenic impact on deposits' formation in the wetland shore area: case study from the Serteya site, Western Russia // *Acta Geographica Lodziensia* 2020. № 110. P. 81–102.

Mazurkevich A., Sablin M. V., Dolbunova E., Kittel P., Maigrot Y., Kazakov E. Landscape, seasonality and natural resources use in the 3rd millennium BC by pile-dwelling communities (NW Russia) // *Settling waterscapes in Europe. The Archaeology of Neolithic and Bronze-Age pile-dwellings*. OSPA. 2020. №1. P. 17–36.

Mroczkowska A., Pawłowski D., Gauthier E., Mazurkevich A., Luoto P.T., Peyron O., Kotrys B., Stephen J. Brooks, Nazarova L.B., Syrykh L., Dolbunova E., Thiebaut E., Płóciennik M., Antczak-Orlewska O., Kittel P. Middle Holocene climate oscillations recorded in the Western Dvina Lakeland // *Water*. 2021. №13, 1611. P. 1–24.

Nikulina, E. A., & Schmölcke, U. First archaeogenetic results verify the mid-Holocene occurrence of Dalmatian pelican *Pelecanus crispus* far out of present range // *Journal of Avian Biology*. 2015. 46 (4). P. 344–351.

Russell N. Feathers and talons: birds at Neolithic Çatalhöyük, Turkey // *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2019. №11. P. 6393–6410.

Scheinson V. Explotación de materias primas óseas en la Isla Grande de Tierra del Fuego, PhD dissertation. Universidad de Buenos Aires, 1997. 378 p.

Tomek T., Guminski W. Bird remains from the Mesolithic and Neolithic Site Dudka, Masuria, NE Poland // *Acta zoologica cracoviensia*. 2003. 46 (1). P. 9–18.

Vankina L. The collection of stone age bone and antler artefacts from lake Lubana, Latvijas Vestures Muzeja Raksti NR, 4 Arheologija, Riga, 1999. 284 p.

Vos D., Russell A. Silence of the Birds: Avifauna exploitation during a period of increasing reliance on domesticates at Late Neolithic Tell Sabi Abyad, Syria // *Levant*. 2021. 53(2). P. 139–150.

White J., Houry F., Greet B., Mithen S. The utilization of birds at neolithic WF16, southern Jordan: Cut marks, body parts, and experimental skinning // *International Journal of Osteoarchaeology*. 2021. №31. P. 1–14.

White J., Finlayson B., Makarewicz C., Houry F., Greet B., Mithen S. The bird remains from WF16, an early Neolithic settlement in southern Jordan: Assemblage composition, chronology and spatial distribution // *International Journal of Osteoarchaeology*. 2021. №31. P. 1030–1045.

Zhilin M. G., Karhu A. A. Exploitation of birds in the early Mesolithic of Central Russia. In: Proceedings of the 4th Meeting of the ICAZ Bird Working Group Kraków, Poland, 11-15 September, 2001 // Acta zoologica cracoviensia. 2002. №45. P. 109–116.

Информация об авторах:

Долбунова Екатерина Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург, Россия); katjer@mail.ru

Пантелеев Андрей Валентинович, младший научный сотрудник, Зоологический институт РАН (г. Санкт-Петербург, Россия); pav001@list.ru

Мэгро Йолейн, PhD, научный сотрудник, Лаборатория Тражектуар. Национальная академия научных исследований (г. Париж, Франция); yolaine.maigrot@cnrs.fr

Саблин Михаил Валерьевич, доктор биологических наук, заведующий лабораторией, Зоологический институт РАН (г. Санкт-Петербург, Россия); msablin@yandex.ru

Мазуркевич Андрей Николаевич, старший научный сотрудник. Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург, Россия); a-mazurkevich@mail.ru

REFERENCES

German, V. E. 1957. *Okhota na lesnyyu (borovuyu) dich' (Hunting for forest (coniferous forest) game)*. Moscow: "FiS" Publ. (in Russian).

Gurina, N. N. 1967. *Iz istorii drevnikh plemen zapadnykh oblastey SSSR (From the history of ancient tribes of the western regions of the USSR)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 144. Leningrad: the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Dolbunova, E. V. 2014. In Sitdikov, A. G., Makarov, N. A., Derevianko, A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan)* IV. Kazan: "Otechestvo" Publ., 243–246 (in Russian).

Dolbunova, E. V., Mazurkevich, A. N., Maigrot, Y., Filippova, V. L. 2023. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 43 (1), 8–26 (in Russian).

Zhul'nikov, A. M., Kashina, E. A. 2010. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 5–17 (in Russian).

Karkhu, A. A. 1990. In *Ornitologiya. Paleornitologiya (Ornithology. Paleornithology)* 24. Moscow: Moscow State University, 67–71 (in Russian).

Kostyleva, E. L., Utkin, A. V. 2009. In Mazurkevich, A. N., Polkovnikova, M. E. (eds.). *Zver' i chelovek. Drevnee izobrazitel'noe tvorchestvo Evrazii (Man and Animal. Ancient Art of Eurasia)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the State Hermitage Museum) 44. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 63–69 (in Russian).

Kuzmina, I. E., Kasparov, A. K. 1987. In Kuzmina, I. E., Baryshnikov, G. F. (eds.). *Pleistotsenovyie mleko-pitayushchie Severnoy Evrazii (Pleistocene mammals of Northern Eurasia)*. Series: Trudy Zoologicheskogo instituta AN SSSR (Proceedings of Zoological Institute of the USSR Academy of Sciences) 168. Leningrad, 87–99 (in Russian).

Loze, I. A. 1979. *Pozdnyy Neolit i Rannyya Bronza Lubanskoy ravniny (Late Neolithic and Early Bronze Age of the Lubana Plain)*. Riga (in Russian).

Mazurkevich, A. N. 2009. In Mazurkevich, A. N., Polkovnikova, M. E. (eds.). *Zver' i chelovek. Drevnee izobrazitel'noe tvorchestvo Evrazii (Man and Animal. Ancient Art of Eurasia)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the State Hermitage Museum) 44. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 79–87 (in Russian).

Malchevskii, A. S., Pukinskii, Yu. B. 1983. *Ptitsy Leningradskoy oblasti i sopredel'nykh territoriy (Birds of the Leningrad Oblast and adjacent territories)*. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).

Mannermaa, K. 2013. In Lozovski, V. M., Lozovskaya, O. V. (eds.). *Zamost'e 2. Ozerne poselenie drevnikh rybolovov epokhi mezolita-neolita v bassejne Verkhney Volgi (Zamostje 2 Lake Settlement of the Mesolithic and Neolithic Fisherman in Upper Volga Region)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 214–229 (in Russian).

Matsyna, A. I., Matsyna, E. L. 2011. In Zubakin, V.A. (ed.). *Ptitsy Rossii i sopredel'nykh regionov: Pelikanoobraznye, Aistoobraznye, Flamingoobraznye (Birds of Russia and adjacent regions: Pelecaniformes, Ciconiiformes, Phoenicopteriformes)*. Moscow: "KMK" Publ., 24–37 (in Russian).

Miklyaev, A. M. 1971. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 13. Leningrad: "Aurora" Publ., 7–29 (in Russian).

Nikiforov, N. E. 2008. *Formirovanie i struktura ornitofauny Belorussii (Formation and structure of the avifauna of Belarus)*. Minsk: "Belarusskaya nauka" Publ. (in Russian).

Panteleev, A. V., Khrabryi, V. M. 2020. In Kalyakin, M. V., Voltsit, O. V. (comp.). *Atlas gnezdyashchikh-sya ptits evropeyskoy chasti Rossii. 2020 (Atlas gnezdyashchikh ptits evropeyskoy chasti Rossii. 2020)*. Moscow: "Fiton" Publ., 50–51 (in Russian).

Piminov, V. N. 2020. In Kalyakin, M. V., Voltsit, O. V. (comp.). *Atlas gnezdyashchikh-sya ptits evropeyskoy chasti Rossii. 2020 (Atlas of nesting birds of the European part of Russia)*. Moscow: "Fiton" Publ., 243–245 (in Russian).

Rusev, I. T. 2011. In Zubakin, V.A. (ed.). *Ptitsy Rossii i sopredel'nykh regionov: Pelikanoobraznye, Aistoobraznye, Flamingoobraznye (Birds of Russia and adjacent regions: Pelecaniformes, Ciconiiformes, Phoenicopteriformes)*. Moscow: "KMK" Publ., 212–236 (in Russian).

Rusev, I. T. 2011. In Zubakin, V.A. (ed.). *Ptitsy Rossii i sopredel'nykh regionov: Pelikanoobraznye, Aistoobraznye, Flamingoobraznye (Birds of Russia and adjacent regions: Pelecaniformes, Ciconiiformes, Phoenicopteriformes)*. Moscow: "KMK" Publ., 244–259 (in Russian).

Sablin, M. V., Panteleev, A. V. 2011. In *Trudy Zoologicheskogo instituta RAN (Proceedings of the Zoological Institute of the Russian Academy of Sciences)* Vol. 315, no. 2, 143–153 (in Russian).

Skorobogatov, A. M., Yanish, E. Yu., Aleksandrovskii, A. L. 2018. In Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A., Dolbunova, E. V. (eds.). *Strategii zhizneobespecheniya v kamennom veke, pryamyie i kosvennyie svidetel'stva rybolovstva i sobiratel'stva (Subsistence Strategies in the Stone Age, Direct and Indirect Evidence of Fishing and Gathering)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 72–75 (in Russian).

Yanish, E. Yu., Kulichkov, A. A., Yurkina, E. S., Zheludkov, A. S., Smol'yaninov, R. V. 2019. In *Trudy Voronezhskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeia (Proceedings of the Voronezh Regional Museum of Local Lore)* 3, 45–48 (in Russian).

Bondetti, M., González Carretero, L., Dolbunova, E., McGrath, K., Presslee, S., Lucquin, A., Tsybriy, V., Mazurkevich, A., Tsybriy, A., Jordan, P., Heron, C., Meadows, J. E., Craig, O. 2021. In *Archaeological and Anthropological Sciences*. Vol. 13 (8), 141–157.

Charniauski, M., Charniauski, M. 2010. In *Underwater Archaeology in the Baltic region, Archaeologia Baltica*. 14, 100–119.

Christensen, M. 2016. *L'industrie osseuse des chasseurs-cueilleurs : le cas des nomades marins de Patagonie et de terre de feu*. Ediciones Universidad de Magallanes.

Cramp, L. J. E., Ethier, J., Urem-Kotsou, D., Bonsall, C., Borić, D., Boroneanț, A., Evershed, R. P., Perić, S., Roffet-Salque, M., Whelton, H. L., Ivanova, M. 2019. In *Proceedings of the Royal Society B*. 286: 20182347.

Gal, E., Billera, Z., Nyerges, E., Osztas, A. 2021. In *MATERIALE ȘI CERCETĂRI ARHEOLOGICE (serie nouă)*. SUPPLEMENTUM 1, 467–486.

Kittel, P., Mazurkevich, A., Alexandrovskiy, A., Dolbunova, E., Krupski, M., Szymańda, J., Stachowicz-Rybka, R., Cywa, K., Mroczkowska, A., Okupny, D. 2020. In *Acta Geographica Lodziensia*. 110, 103–124.

Lozowski, V. M. 1996. *Zamostje 2*, éditions du CEDARC, Treignes.

Malyutina, A. A., Sablin, M. V. 2014. In Mazurkevich, A.N., Polkonikova, M. E., Dolbunova, E. V. (eds). *Archaeology of lake settlements IV–II mill. BC*. Saint Petersburg: The State Ermitage Museum, 210–213.

Mannermaa, K. 2008. *The Archaeology of wings. Birds and people in the Baltic sea regions during the Stone Age*. PhD, University of Helsinki.

Mazurkevich, A., Kittel, P., Maigrot, Y., Dolbunova, E., Mroczkowska, A., Wieckowska-Lüth, M., Piech, W. 2020. In *Acta Geographica Lodziensia* 110, 81–102.

Mazurkevich, A., Sablin, M. V., Dolbunova, E., Kittel, P., Maigrot, Y., Kazakov, E. 2020. In *Settling water-scapes in Europe. The Archaeology of Neolithic and Bronze-Age pile-dwellings*. OSPA. №1, 17–36.

Mroczkowska, A., Pawłowski, D., Gauthier, E., Mazurkevich, A., Luoto, P.T., Peyron, O., Kotrys, B., Stephen J. Brooks, Nazarova, L. B., Syrykh, L., Dolbunova, E., Thiebaut, E., Płóciennik, M., Antczak-Orlewska, O., Kittel, P. 2021. In *Water*. 13, 1611, 1–24.

Nikulina, E. A., & Schmölcke, U. 2015. In *Journal of Avian Biology* 46 (4), 344–351.

Russell, N. 2019. In *Archaeological and Anthropological Sciences*. 11, 6393–6410.

Scheinson, V. 1997. *Explotación de materias primas óseas en la Isla Grande de Tierra del Fuego*. PhD dissertation. Universidad de Buenos Aires.

Tomek, T., Guminski, W. 2003. In *Acta zoologica cracoviensia* 46 (1), 9–18.

Vankina, L. 1999. *The collection of stone age bone and antler artefacts from lake Lubana*, Latvijas Vestures Muzeja Raksti NR, 4 Arheologija, Riga.

Vos, D., Russell, A. 2021. In *Levant* 53 (2), 139–150.

White, J., Houry, F., Greet, B., Mithen, S. 2021. In *International Journal of Osteoarchaeology* 31 1–14.

White, J., Finlayson, B., Makarewicz, C., Houry, F., Greet, B., Mithen, S. 2021. In *International Journal of Osteoarchaeology* 31, 1030–1045.

Zhilin, M. G., Karhu, A. A. 2002. In *Acta zoologica cracoviensia* 45, 109–116.

About the Authors:

Dolbunova Ekaterina V. Candidate of Historical Sciences. State Hermitage. Dvortsovaya Naberezhnaya (Embankment), 34, Saint Petersburg, 190 000, Russian Federation; katjer@mail.ru ORCID 0000-0003-1843-9620

Pantelev Andrei V. Zoological Institute of the Russian Academy of Sciences. Universitetskaya embankment, 1, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation; pav001@list.ru

Maigrot Yolein. PhD, UMR 8215 Trajectoires laboratory. Paris, France; yolaine.maigrot@cnrs.fr

Sablin Mikhail V. Doctor of Biological Sciences, Zoological Institute of the Russian Academy of Sciences. Universitetskaya embankment, 1, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation; msablin@yandex.ru

Mazurkevich Andrey N. State Hermitage. Dvortsovaya Naberezhnaya (Embankment), 34, Saint Petersburg, 190 000, Russian Federation; a-mazurkevich@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2023 г.
Статья принята к публикации 01.10.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК904:59(470.57)"653/654"

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.5.259.267>

АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ РАСКОПОК 2022 Г. НА ГОРОДИЩЕ УФА-II¹

©2023 г. А.В. Кисагулов, А.С. Проценко

В работе представлены результаты анализа археозоологической коллекции с реперного памятника эпохи раннего средневековья южноуральского региона – городища Уфа-II. Среди памятников Уфимско-Бельского междуречья городище является наиболее полно изученным археологическим объектом. Данная статья вводит в научный оборот новые данные по археозоологическим материалам с одного из локальных участков городища. Характерной чертой данного участка является мощное антропогенное воздействие, повлекшее за собой уничтожение/смешение стерильных слоев эпохи средневековья и Нового времени. В связи с данным обстоятельством, результаты проведенных исследований в полной мере нельзя сравнить с предыдущими работами. Дальнейшая публикация археозоологических коллекций позволит детализировать хозяйственную деятельность населения на разных хронологических этапах существования памятника.

Ключевые слова: археозоология, археология, Южный Урал, р. Белая, раннее средневековье, Новое время.

ARCHAEOZOOLOGICAL MATERIALS FROM THE 2022 EXCAVATIONS ON THE UFA-II HILLFORT²

A.V. Kisagulov, A.S. Protsenko

This paper deals with the results of the analysis of the archaeozoological collection from the Ufa-II hillfort, a standard monument of the Early Middle Ages in the Southern Ural region. Among the sites of the Ufa-Belaya interfluvium the mentioned hillfort is the most fully studied archaeological site. The paper puts new data on archaeozoological materials from one of the local sectors of the hillfort into scientific discourse. The characteristic feature of this area is a powerful anthropogenic impact, which resulted in the destruction/mixing of sterile layers of the Middle Ages and Modern era. In connection with this circumstance, the results of the studies cannot be fully compared with previous work. Further publication of archaeozoological collections will allow us to detail the economic activity of the population at different chronological stages of the site's existence.

Keywords: archaeozoology, archaeology, Southern Urals, Belaya River, Early Middle Ages, Modern era.

Городище Уфа-II расположено в историческом центре столицы Республики Башкортостан, на пересечении улиц Заки Валиди, Новомостовой, Октябрьской революции и проспекта Салавата Юлаева, на мысу, образованном двумя глубокими оврагами. По центру мыса и площадке проходит улица Пушкина, с двух сторон которой расположены современные жилые и хозяйственные постройки. Площадь территории памятника составляет 56832,79 кв. м. В физико-географическом отношении городище относится к Предуральской лесостепной зоне в пределах междуречья

Уфы и Белой, на правом коренном берегу р. Белой (Проценко и др., 2019, с. 61). Несмотря на то, что памятник открыт в далеком 1953 г., планомерные археологические раскопки, инициированные еще в начале 2000-х гг., не прекращаются и по сей день. Таким образом, городище Уфа-II является наиболее исследованным археологическим памятником эпохи раннего Средневековья на территории Уфимско-Бельского междуречья.

Исследователи выделяют несколько этапов освоения территории городища: наиболее полно памятник функционировал в пери-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 23-78-10057 “Динамика культурного развития и освоения Южного Урала с древности и до вхождения в состав России (IV в. до н.э. – XVI в.): междисциплинарное археологическое исследование”.²

² This study was supported by the RSF grant № 23-78-10057 "Dynamics of cultural progress and development of the Southern Urals from the ancient times until it became part of Russia (IV century BC – XVI century AD): an interdisciplinary archaeological study".

од III/IV – VIII/первая половина IX в., когда существование городища было связано с мазунинским, имендьяшевским, турбаслинским, романовско-именьковским, бахмутинским, кушнарниковским и кара-якуповским населением. В эпоху позднего Средневековья (XI–XIV вв.) на территории памятника проживало «чияликское» население. Поздний этап маркируется материалами XVIII–XIX вв. – это время включения площадки памятника в общегородскую застройку расширяющегося уездного города Уфы (Сунгатов и др., 2018, с. 134–135; Русланова и др., 2019).

На сегодняшний день проведен целый спектр естественно-научных исследований, которые в большей степени опубликованы (Сатаев и др., 2011; Сатаев, Куфтерин, 2014; Романов, 2013, 2020; Романов, Русланов, 2015; Романов, Шевченко, 2015; Белявская и др., 2021, с. 126–189; Пластеева и др., 2022; и др.). Результаты таксономического определения остеологических коллекций из раскопов прошлых лет показывают единообразие видового состава. Среди домашних видов млекопитающих преобладают мелкий рогатый скот и лошадь. Число диких видов различается в раскопах разных лет (от 6 до 13 таксонов) (Сатаев и др., 2011; Романов, 2013; Русланов и др., 2016). Однако доля костей диких млекопитающих во всех раскопах незначительна.

Настоящая публикация посвящена анализу археозоологической коллекции, полученной в ходе раскопок 2022 г. (рук. А.С. Проценко).

Археологические раскопки в 2022 г. проходили в юго-западной части памятника (по ул. Воровского) с целью установления мощности культурного слоя и оценки антропогенного воздействия на культурный слой памятника (незаконными строительными работами, проведенными в начале 2000-х гг.).

В результате проведенных исследований (площадь раскопа составила $\approx 62,23$ кв. м) установлено, что культурный слой памятника на данном локальном участке значительно поврежден (переотложен) хозяйственной деятельностью второй половины XX в. (на территории были расположены хозяйственные постройки жилых домов по четной стороне ул. Пушкина) и строительными работами в начале 2000-х гг. Данное обстоятельство подтверждается планиграфической и стратиграфической ситуацией, зафиксированной на

раскопе. Необходимо отметить, что раскоп был значительно удален от основной исследованной части городища (2006–2017, 2021 гг.) и в отличие от предыдущих исследований подвергался наиболее мощному антропогенному воздействию.

В ходе исследований получена богатая керамическая (607 ед.) и остеологическая (1674 ед.) коллекция материала. Керамическая коллекция массово представлена культурными группами, такими как бахмутинская, турбаслинская, романовско-именьковская и единичными находками имендьяшевской керамики. Индивидуальные находки (48 ед.) представлены изделиями из глины (пряслице), камня (оселки, изделия), кости (проколки, наконечники стрел, фрагмент пряжки и др.), металла (пуговицы, нашивки, кованые гвозди, наконечник копья, боевые топоры), стекла (бусы, клеймы, флаконы), также получена коллекция нумизматического материала (имперские монеты (XIX в.) и советского периода)¹.

Таксономическая диагностика костного материала проводилась путем сравнения субфоссильных костей со сравнительными коллекциями скелетов из музея ИЭРиЖ УрО РАН (г. Екатеринбург). Возраст забоя домашних копытных устанавливался по смене зубов (Silver, 1963). При анализе соотношения отделов скелета все кости были сгруппированы следующим образом. К костям головы отнесены череп, нижняя челюсть и рога. Изолированные зубы вынесены в отдельную категорию. В туловищный отдел включены позвонки, ребра, грудина, лопатка и тазовые кости. К проксимальному отделу конечностей отнесены плечевая, лучевая с локтевой, бедренная и берцовые кости. К дистальному отделу конечностей отнесены кости пясти и плюсны, мелкие кости запястья и плюсны, а также фаланги пальцев.

Вся коллекция рассматривалась нами как единая хронологическая выборка. Остеологические материалы представлены 1674 экземплярами (табл. 1). Из них 1616 (96%) принадлежит млекопитающим, 44 – птицам (3%) и 12 рыбам. Также найдены два фрагмента раковины двустворчатого моллюска (род беззубки Anodonta).

Таксономическая принадлежность определена для 780 костей млекопитающих (48%). Стоит отметить, что неопределимые до вида

Таблица 1. Таксономический состав костных остатков
Table 1. Taxonomic composition of bone remains

Таксон	Кол-во костных остатков, экз.
Крупный рогатый скот – <i>Bos taurus</i>	279
Мелкий рогатый скот – <i>Capra hircus et Ovis ammon</i>	294
Домашняя лошадь – <i>Equus caballus</i>	122
Домашняя свинья – <i>Sus scrofa domestica</i>	64
Домашняя собака – <i>Canis familiaris</i>	6
Домашняя кошка – <i>Felis catus</i>	1
Лось – <i>Alces alces</i>	6
Сибирская косуля – <i>Capreolus pygargus</i>	4
Бурый медведь – <i>Ursus arctos</i>	1
Речной бобр – <i>Castor fiber</i>	1
Степной сурок – <i>Marmota bobak</i>	2
Млекопитающие неопределимые – Mammalia indet.	836
Курообразные – Galliformes	2
Домашняя курица – <i>Gallus gallus domesticus</i>	17
Серый/домашний гусь – <i>Anser</i> sp.	1
Кряква/домашняя утка – <i>Anas</i> sp.	2
Тетерев – <i>Lyrusus tetrax</i>	3
Глухарь – <i>Tetrao urogallus</i>	1
Лебедь-кликун – <i>Cygnus cygnus</i>	1
Гусеобразные – Anseriformes	2
Птицы неопределимые – Aves indet.	15
Белорыбица – <i>Stenodus leucichthys leucichthys</i>	7
Щука – <i>Esox lucius</i>	2
Сом – <i>Silurus glanis</i>	1
Рыбы неопределимые – Pisces indet.	2
Двустворчатые моллюски – Anodonta sp.	2
Всего	1674

кости ($n = 836$) можно разделить на две группы. Первая группа – крупные млекопитающие (75%). Эти кости могут принадлежать крупному рогатому скоту, лошади, лосю, благородному или северному оленям, медведю. Вторая группа – мелкие млекопитающие (25%). К этой группе могут относиться кости мелкого рогатого скота, свиньи, собаки, волка, косули.

Всего определено 11 таксонов млекопитающих. По своей численности кости домашних видов млекопитающих значительно преобладают над таковыми диких видов (96% и 4% соответственно).

Среди всех костей птиц определено 29 остатков (66%). Из них один домашний вид – курица. К диким видам относятся глухарь,

тетерев и лебедь-кликун. Часть костей принадлежит птицам из родов *Anas* (кряква или домашняя утка) и *Anser* (серый или домашний гусь). Видовая идентификация птиц этих двух родов затруднена в связи со схожестью костей дикой и домашней форм. В силу плохой сохранности часть костей определена до уровня отряда (курообразные и гусеобразные).

Наиболее малочисленная группа рыб представлена тремя таксонами.

Во всех горизонтах доминируют костные остатки домашних копытных (крупный и мелкий рогатый скот, лошадь, свинья). Единичные кости диких видов млекопитающих не позволяют проанализировать тенден-

Таблица 2. Соотношение костных остатков домашних видов копытных, %
Table 2. Proportional representation of bone remains of domestic ungulate species, %

Таксон	Горизонт						
	осыпь	I	II	III	IV	V	VI
Крупный рогатый скот	30	38	38	41	41	14	-
Мелкий рогатый скот	49	34	36	43	40	57	100
Лошадь	7	19	16	9	19	29	-
Свинья	14	9	10	8	1	-	-
Всего, экз.	94	164	222	162	86	14	2

цию в распределении остатков по горизонтам. Стоит лишь отметить высокую долю костей лося в материалах осыпи.

Кости домашней курицы встречаются в 1, 2 и 3 горизонтах. Скорее всего, эти горизонты соответствуют позднему времени (вторая половина XX века). В этих же горизонтах отмечены и дикие виды птиц, включая как боровую дичь (тетерев и глухарь), так и водоплавающую (лебедь). Одна кость гуся происходит из 6 горизонта.

Остатки рыбы представлены тремя видами – белорыбица, щука, сом. Все кости расположены в 1, 2, 3 и 4 горизонтах. Малочисленность остатков не позволяет судить о значимости рыбной ловли в хозяйстве населения городища.

Среди домашних копытных наиболее многочисленны кости крупного рогатого скота и мелкого рогатого скота (табл. 2). Ниже доля лошади и свиньи. В подъемном материале (осыпь) доля костей свиньи вдвое превышает

таковую для костей лошади, в условных раскопчных горизонтах остатки лошади или превышают по численности кости свиньи, или сопоставимы с ними.

Среди костных остатков крупного рогатого скота представлены все элементы скелета (табл. 3), что говорит о разделке туш на поселении. Отмечено четыре рога, представленных осколками и фрагментами. Преобладают кости туловища и конечностей. Высокая доля костей дистального отдела конечностей объясняется большим числом мелких костей в пястных и плюсневых суставах, а также фаланг. Высокий процент туловищного отдела и проксимального отдела конечностей отвечает потреблению в пищу наиболее мясных частей туши. Можно отметить особо крупные единичные кости (лучевая кость и вторая фаланга), происходящие из 1 условного горизонта. По трем таранным костям был восстановлен рост в холке для трех особей. Он равняется 104, 105 и 127 см.

Таблица 3. Соотношение отделов скелета крупного рогатого скота, экз.

Table 3. Ratio of the cattle skeleton parts, ex.

Отдел скелет	квадраты												Всего, %
	А2					Б1				Б2			
	горизонты												
	I	II	III	IV	V	I	II	III	IV	I	II	III	
Голова	1	4	4	1	-	1	2	-	1	5	1	1	8
Зубы	-	10	3		-	1	-	1	1	2	-	3	8
Туловище	2	20	9	6	2	6	1	1	1	16	4	6	29
Проксимальный отдел конечностей	2	9	6	5	-	-	3	6	4	7	6	4	21
Дистальный отдел конечностей	6	13	14	11	-	1	8	3	5	13	4	5	33
Всего, экз.	11	56	36	23	2	9	14	11	12	43	15	19	251

Таблица 4. Соотношение отделов скелета мелкого рогатого скота, экз.
Table 4. Ratio of the small cattle skeleton parts, ex.

Отдел скелета	квадраты												Всего, %	
	А2						Б1			Б2				
	горизонты													
	I	II	III	IV	V	VI	I	II	III	IV	I	II		III
Голова	3	2	5	2	-	-	-	-	2	2	1	3	1	8
Зубы	1	6	2	-	2	-	2	3	-	-	1	1	2	8
Туловище	6	17	12	10	3	1	7	5	8	2	9	-	8	35
Проксимальный отдел конечностей	5	12	6	7	3	1	5	8	5	1	10	6	6	30
Дистальный отдел конечностей	1	13	5	8	-	-	2	3	3	2	3	-	4	18
Всего, экз.	16	50	30	27	8	2	16	19	18	7	24	10	21	248

Наибольшую долю среди всех остатков мелкого рогатого скота составляют кости туловищного отдела и проксимального отдела конечностей, то есть наиболее мясные части туши (табл. 4).

Все крупные кости лошади разбиты на фрагменты. К немногочисленным целым костям относятся мелкие кости запястья и заплюсны, а также фаланги (табл. 5). Это может говорить об употреблении лошади в пищу. Стоит отметить одну первую фалангу лошади с двумя искусственными отверсти-

ями (в верхней суставной поверхности и в задней стенке кости) и следами металла на внутренней поверхности кости (квадрат Б2, горизонт 2). В материалах горизонта 1 квадрата Б2 найдена обработанная человеком кость. Фрагмент представляет собой прямоугольную пластину с ровными срезанными краями. Артефакт изготовлен из тазовой кости крупного копытного животного.

Среди остатков свиньи преобладают кости головы (табл. 6). Вероятно, население дробило черепа для употребления мозгов в пищу.

Таблица 5. Соотношение отделов скелета лошади, экз.
Table 5. Ratio of the horse skeleton parts, ex.

Отдел скелета	квадраты												Всего, %
	А2						Б1			Б2			
	горизонты												
	I	II	III	IV	V	I	II	III	IV	I	II		
Голова	-	-	-	-	1	-	1	-	-	-	1		3
Зубы	4	3	4	7	-	2	3	1	1	1	1		27
Туловище		4	1	3	1	4	-	-	-	4	3		20
Проксимальный отдел конечностей	5	4	3	-	-	1	1	-	-	3	3		20
Дистальный отдел конечностей	2	3	3	3	2	1	2	2	2	4	6		30
Всего	11	14	11	13	4	8	7	3	3	12	14		100

Наиболее мясные части туши (туловище и проксимальный отдел конечностей) представлены примерно в равной доле (24% и 27% соответственно). Одна фаланга свиньи несет на себе следы пребывания в желудочном соке животного. Вероятно, кость была съедена собакой.

В материалах представлены остатки полу-взрослых (18–24 месяца) и взрослых особей (старше 2 лет) крупного рогатого скота (табл. 7). При этом число взрослых особей почти вдвое выше, чем полувзрослых (девять и пять соответственно). При мясном направлении животноводства забой производится по окон-

Таблица 6. Соотношение отделов скелета свиньи, экз.
Table 6. Ratio of the pig skeleton parts, ex.

Отдел скелета	квадраты								Всего, %
	А2			Б1			Б2		
	горизонты								
	I	II	III	II	III	IV	I	II	
Голова	-	4	5	1	2	1	1	2	31
Зубы	1	-	-	1	-	-	-	-	4
Туловище		2	1	3	1		4	1	24
Проксимальный отдел конечностей	1	4	-	2	2	-	4	1	27
Дистальный отдел конечностей	3	1	1	1	1	-	-	-	14
Всего, экз.	5	11	7	8	6	1	9	4	51

Таблица 7. Возрастной состав крупного рогатого скота, число особей
Table 7. Cattle age, quantity

Возраст	Горизонт				
	осыпь	I	II	III	IV
1,5–2 года	1	1	3	-	-
старше 2 лет	-	-	3	5	1

чании роста коровы. Поэтому высокая доля взрослых особей свидетельствует о мясомолочном направлении хозяйства населения.

Для мелкого рогатого скота также характерно преобладание взрослых особей старше 2 лет (табл. 8). Население могло содер-

Таблица 8. Возрастной состав мелкого рогатого скота, число особей
Table 8. Small cattle age, quantity

Возраст	Горизонт					
	осыпь	I	II	III	IV	V
9–18 месяцев	1		-	-	-	-
старше 2 лет	1	2	1	3	1	1

Таблица 9. Возрастной состав лошади, число особей
Table 9. Horse age, quantity

Возраст	Горизонт		
	осыпь	I	II
2–3,5 года	1	-	-
старше 3,5 лет	2	1	1

жать взрослых особей для получения мяса и шерсти.

Костные остатки лошади принадлежат одной полувзрослой и четырем взрослым особям (табл. 9). Вероятно, полувзрослые особи служили источником мясной пищи, а взрослые использовались для верховой езды или вьючных работ.

Для свиньи характерно иное соотношение возрастных групп, нежели для рогатого скота и лошади (табл. 10). Преобладают остатки поросят возрастом менее 7 месяцев ($n = 9$). Отмечены также одна полувзрослая и одна взрослая особи. Такое распределение отвечает мясному направлению хозяйства.

Таблица 10. Возрастной состав свиньи, число особей
 Table 10. Pig age, quantity

Возраст	Горизонт				
	осыпь	I	II	III	IV
4–7 месяцев	2	-	4	3	-
7–17 месяцев	-	-	-	-	1
старше 1,5 лет	-	-	-	1	-

Собака. Всего определено шесть костей. Все кости целые, без следов обработки. Исключение составляет затылочная часть черепа собаки, происходящая из 4 горизонта. Однако фрагмент черепа принадлежит молодой особи, и отпал уже в слое, потому что череп не успел срастись по швам.

Кошка. Найден скелет кошки. Кости целые, не несут на себе следов обработки. Скелет принадлежит павшему животному. По цвету и типу сохранности костей можно заключить, что скелет современный и не относится к исторической части культурного слоя.

Лось. Всего найдено шесть костных остатков, из них два изолированных зуба взрослых особей, фрагмент нижней челюсти и три фрагмента трубчатых костей. Все кости расколоты и представлены мелкими фрагментами.

Сибирская косуля. Виду принадлежит четыре остатка. Все они представлены фрагментами трубчатых костей.

Бурый медведь. В материалах 3 горизонта квадрата Б2 найдена четвертая пястная кость. Кость целая, без следов обработки.

Речной бобр. Целая плечевая кость найдена в материалах осыпи квадрата А1. По внешнему виду кость синхронна прочим костям из культурного слоя, происходит от добытого населением животного.

Степной сурок. Кости сурка найдены во 2 и 3 горизонтах квадрата Б1 (всего две кости). По внешнему виду и характеру сохранности можно предполагать, что кости принадлежат животным, умершим в норах в современности, и не связаны с древним населением памятника. В историческое время степной сурок доходил до широты Уфы (Громов, Ербаева, 1995).

Домашняя курица. Виду принадлежит 17 костей. Все они являются кухонными отбросами. Большая часть костных остатков найдена в первых трех горизонтах, и только одна кость в 4-м.

Серый/домашний гусь. В 6 горизонте квадрата А2 определена цевка гуся.

Кряква/домашняя утка. Определено две кости.

Дикие виды птиц представлены тремя таксонами и единичными костями – глухарь (n = 1), тетерев (n = 3) и лебедь-кликун (n = 1).

Белорыбица. Виду принадлежит девять позвонков. Кости отмечены во 2 и 3 горизонтах.

По одной кости приходится на щуку (позвонок) и сома (кость головы).

Анализ таксономической принадлежности костных остатков показал, что в хозяйстве древнего населения Уфы-II преобладало скотоводство. В состав стада входили четыре вида – крупный и мелкий рогатый скот, лошадь и свинья. В первых четырех условных горизонтах доминантами являются крупный и мелкий рогатый скот, их доля приблизительно равна (34–41% от всех домашних копытных). Лошадь занимает третье место по численности, кости свиньи единичны. В 5 горизонте резко увеличивается доля костей мелкого рогатого скота (57%), лошадь занимает второе место по численности костных остатков (29%). Костей свиньи в 5 горизонте не найдено. Вероятно, первые четыре горизонта отражают хозяйство позднего периода города (середина XIX – XX в.). Это косвенно подтверждает наличие в первых четырех горизонтах костей курицы.

Здесь еще раз отметим, что для изученного нами участка культурного слоя характерно мощное антропогенное воздействие, повлекшее за собой уничтожение/смешение стерильных слоев эпохи Средневековья и Нового времени. В связи с данным обстоятельством результаты проведенных исследований в полной мере нельзя коррелировать с результатами предыдущих лет.

В целом состав и соотношение видов схожи с археозоологическими описаниями предыдущих лет (Пластеева и др., 2022). То же справедливо и для характера соотношения отделов скелета, а также для распределения возрастных групп домашнего скота.

Охота и рыболовство составляли незначительную часть в хозяйстве населения (доля костей диких видов – до 4% от всех остатков). Все представленные дикие виды обычны для рассматриваемого региона.

Примечание:

¹ Полная публикация материалов, полученных в ходе исследований 2022 г., будет дана в отдельной статье.

ЛИТЕРАТУРА

Белявская О.С., Проценко А.С., Курманов Р.Г. Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2017 года. Уфа: Первая типография, 2022. 293 с.

Громов И.М., Ербаева М.А., 1995. Млекопитающие фауны России и сопредельных территорий. Зайцеобразные и грызуны. СПб, 522 с.

Пластеева Н.А., Девяшин М.М., Романов А.А. Результаты изучения костных остатков млекопитающих городища Уфа-II / Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2017 года. Уфа: Первая типография, 2022. С. 160–189.

Проценко А.С., Шамсутдинов М.Р., Гумеров М.М. Современное состояние изучения городища Уфа-II на Южном Урале. Междисциплинарные аспекты научной темы // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований. В 2 кн. Кн. 1 / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С. 60–62.

Романов А.А. Результаты изучения остатков животных из культурного слоя городища Уфа-2 по материалам раскопок 2011-2012 гг. // Урал и просторы Евразии сквозь века и тысячелетия: научные публикации, посвященные 80-летию юбилею Н.А. Мажитова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. С. 55–61.

Романов А.А. Естественнонаучные исследования раннесредневековых напластований городища Уфа-2 // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2020. № 4 (36). С. 284–310. Доступно по : URL: http://vestospu.ru/archive/2020/articles/17_36_2020.pdf (дата обращения: 28.09.2023)

Романов А.А., Русланов Е.В. Кости млекопитающих и птиц из культурного слоя археологического памятника эпохи раннего средневековья «Городище Уфа-II» (по материалам раскопок 2015 г.) // VIII Башкирская археологическая конференция студентов и молодых ученых / Отв. ред. А.Н. Султанова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. С. 65–72.

Романов А.А., Шевченко А.М. Кости животных из культурного слоя археологического памятника раннего средневековья «Уфа-2» // Научные труды SWorld. 2015. Т. 19. № 2 (39). С. 61–65.

Русланова Р.Р., Русланов Е.В., Белявская О.С. Металлические изделия и относительная хронология средневекового городища Уфа-II в лесостепном Приуралье // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. №58. С. 159–170.

Сатаев Р.М., Сатаева Л.В., Куфтерин В.В., Гимранов Д.О., Султанов Р.Р. Особенности природопользования средневекового населения Уфимского полуострова. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 5-3. С. 101–105.

Сатаев Р.М., Куфтерин В.В. Новые археозоологические исследования на городище Уфа-II (материалы 2012 года) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. III / Ред. А.Г. Ситдииков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 333–336.

Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н., Бахшиева А.К., Мухаметдинов В.И., Русланова Р.Р., Русланов Е.В. К проблеме городов Южного Урала эпохи средневековья. Уфа: Самрау, 2018. 335 с.

Silver I.A. The ageing of domestic animals / Science in archaeology: a survey of progress and research. Brothwell D.R., Higgs E.S., Clark G. (eds). London: Thames and Hudson, 1963. P. 250–268..

Информация об авторах:

Кисагулов Антон Владимирович, младший научный сотрудник, Институт экологии растений и животных Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург, Россия); akis9119@gmail.com

Проценко Антон Сергеевич, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии, Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа» (г. Уфа, Россия); anton.procenko@mail.ru

REFERENCES

- Belyavskaya, O. S., Protsenko, A. S., Kurmanov, R. G. 2022. *Gorodishche Ufa-II. Materialy raskopok 2017 goda (Ufa-II hillfort. Materials of the 2017 excavations)*. Ufa: "Pervaya tipografiya" Publ. (in Russian).
- Gromov, I. M., Yerbayeva, M. A., 1995. *Mlekopitayushchie fauny Rossii i sopredel'nykh territoriy. Zaytseobraznye i gryzuny (Mammals of the fauna of Russia and adjacent territories. The lagomorphs and rodents)*. Saint Petersburg (in Russian).
- Plasteeva, N. A., Devyashin, M. M., Romanov, A. A. 2022. In Belyavskaya, O. S., Protsenko, A. S., Kurmanov, R. G. 2022. *Gorodishche Ufa-II. Materialy raskopok 2017 goda (Ufa-II hillfort. Materials of the 2017 excavations)*. Ufa: "Pervaya tipografiya" Publ., 160–189 (in Russian).
- Protsenko, A. S., Shamsutdinov, M. R., Gumerov, M. M. 2019. In Bazarov, B. V., Kradin, N. N. (eds.). *Kochevye imperii Evrazii v svete arkheologicheskikh i mezhdistitsiplinarnykh issledovaniy. V 2 kn. Kn. 1 (Nomadic Empires of Eurasia in Archaeological and Interdisciplinary Studies). In two volumes. Vol. 1*. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Science Center SB RAS, 60–62 (in Russian).
- Romanov, A. A. 2013. In Sultanova, N. A. (ed.). *Ural i prostory Evrazii skvoz' veka i tysyacheletiya: nauchnye publikatsii, posvyashchennye 80-letnemu yubileyu N.A. Mazhitova (The Urals and Eurasian expanses through centuries and millennia: scientific publications, dedicated to the 80th anniversary of N.A. Mazhitov)*. Ufa: Bashkir State University, 55–61 (in Russian).
- Romanov, A. A. 2020. In *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University)* 36 (4), 284–310 Available at: http://vestospu.ru/archive/2020/articles/17_36_2020.pdf (accessed: 28.09.2023) (in Russian).
- Romanov, A. A., Ruslanov, E. V. 2015. In Sultanova, A. N. (ed.). *VIII Bashkirskaya arkheologicheskaya konferentsiya studentov i molodykh uchenykh (VIII Bashkir archaeological conference of students and young scientists)*. Ufa: Bashkir State University, 65–72 (in Russian).
- Romanov, A. A., Shevchenko, A. M. 2015. In *Nauchnyye trudy SWorld (Scientific works of SWorld)*. Vol. 19, no 2 (39), 61–65 (in Russian).
- Ruslanova, R. R., Ruslanov, E. V., Belyavskaya, O. S. 2019. In *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia (Bulletin of the Tomsk State University: History)* 58, 159–170 (in Russian). 159–170 (in Russian).
- Satayev, R. M., Satayeva, L. V., Kufterin, V. V., Gimranov, D. O., Sultanov, R. R. 2011. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 13, no 5-3, 179–185 (in Russian).
- Satayev, R. M., Kufterin, V. V. 2014. In Sitdikov, A. G., Makarov, N. A., Derevianko, A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russian Archaeological Congress at Kazan)* III. Kazan: "Otechestvo" Publ., 333–336 (in Russian).
- Sungatov, F. A., Sultanova, A. N., Bakhshiyeva, A. K., Mukhametdinov, V. I., Ruslanova, R. R., Ruslanov, E. V. 2018. *K probleme gorodov Yuzhnogo Urala epokhi srednevekov'ya (To the issues of the urban settlements of the Southern Urals in the Medieval period)*. Ufa: "Samrau" Publ. (in Russian).
- Silver, I. A. 1963. In Brothwell, D. R., Higgs, E. S., Clark, G. (eds). *Science in archaeology: a survey of progress and research*. London: Thames and Hudson, 250–268.

About the Authors:

Kisagulov Anton V., Research assistant, Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Russian Federation, 620144, Yekaterinburg, E-mail: akis9119@gmail.com

Protsenko Anton S., Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Archeology, State Budgetary Institution Republican Historical and Cultural Museum-Reserve "Ancient Ufa". Mustai Karim St., 45, Ufa, 450077, Republic of Baskortostan, Russian Federation; anton.procenko@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2023 г.
Статья принята к публикации 01.10.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 572 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.5.268.282>

ПАЛЕОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НЕКРОПОЛЯ БЛАГОВЕЩЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ Г. АСТРАХАНЬ¹

©2023 г. С.Б. Боруцкая, С.В. Васильев, Д.В. Васильев

В результате археологических исследований была получена крупная серия антропологического материала, позволившая подробно охарактеризовать особенности населения русской Астрахани XVI–XX вв. Проведен палеодемографический анализ с использованием материалов из некрополя XVI–XIX вв. из Благовещенского монастыря Астрахани. Была использована методика J. Angel. Общее число индивидов составило 350 человек. 270 скелетов принадлежали взрослым людям, 80 – детям. Для данной группы были характерны довольно высокая средняя продолжительность жизни (29,3 лет), низкий процент детской смертности (22,9%), в том числе и в первый год жизни. Первый пик смертности приходился на возрастную когорту 0–5 лет, второй – на возрастную когорту 30–35 лет. В целом можно констатировать феномен относительного демографического благополучия в исследуемой группе.

Ключевые слова: археология, палеодемография, некрополь, возрастная когорта, средняя продолжительность жизни, процент детской смертности, пик смертности.

PALEODEMOGRAPHIC STUDY OF THE ANNUNCIATION MONASTERY'S NECROPOLIS IN ASTRAKHAN²

S.B. Borutskaya, S.V. Vasilyev, D.V. Vasilyev

As a result of archaeological studies, a large series of anthropological material was obtained, which made it possible to characterize in detail the characteristics of the Russian Astrakhan population in the XVI–XX centuries. A paleodemographic analysis was carried out using materials from the necropolis of the XVI–XIX centuries from the Annunciation Monastery in Astrakhan. The methodology of J. Angel (1969) was used. The total number of individuals was 350. 270 skeletons belonged to adults, 80 – to children. This group was characterized by a rather high average life expectancy (29.3 years), a low percentage of child mortality (22.9%), including in the first year of life. The first peak of mortality occurred in the 0–5 age cohort, the second – at the age of 30–35 years. In general, the authors can ascertain the phenomenon of relative demographic well-being in the study group.

Keywords: archaeology, paleodemography, necropolis, age cohort, average life expectancy, child mortality rate, mortality peak

Введение

В 2022 году религиозной организацией «Благовещенское архиерейское подворье города Астрахань Астраханской епархии русской православной церкви (Московский патриархат)» было начато строительство храма на территории Благовещенского монастыря. В центральной части территории монастыря был выкопан котлован размерами 24×31 м и глубиной 3 м, который разрушил культурный слой и остатки архитектурных сооружений (фундаменты снесённых в 1930-х гг. храмов).

Археологические раскопки на территории Благовещенского монастыря носили спасательный характер и проводились археологической экспедицией Школы «Археология Нижнего Поволжья» Астраханского государственного университета имени В.Н. Татищева под руководством к.и.н. Д.В. Васильева и С.Ю. Акимовского. Исследования велись на раскопе № 1, который включал два участка, примыкающих к котловану строительства с востока (участок «Восток») и с запада (участок «Запад»). Здесь сохранились, согласно имеющимся планам, остатки фундаментов

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РФФ-БРФФИ 23-48-10011 «Биоархеологическая реконструкция образа жизни и физических характеристик средневекового населения Беларуси и европейской части России».

² The article was prepared with the support of the grant РФФ-БРФФИ 23-48-10011 "Bioarchaeological reconstruction of the lifestyle and physical characteristics of the medieval population of Belarus and the European part of Russia".

двух снесённых на рубеже 1920-х и 1930-х гг. храмов, а также кладбища вокруг вышеупомянутых храмов.

Помимо этого, проведены работы в самом котловане – зачистка и графическая, а также фотографическая фиксация имеющихся обнажений культурного слоя с описанием стратиграфии.

Задачами раскопок являлись оценка мощности культурных напластований, исследование остатков культовых, жилых и иных объектов, которые попадут в границы раскопа, датировка культурных отложений и объектов. Данные работы позволили впервые изучить культурный слой наиболее древнего внегородского поселения русского времени на территории современной Астрахани, где до настоящего момента раскопочные исследования не проводились (Акимовский, 2023).

Исследуемый участок располагается в центральной части города Астрахани на левом берегу Волги и находится по Балтийской шкале высот на отметках от 0 до –22 метров относительно уровня моря. В геоморфологическом отношении данная территория относится к Прикаспийской низменности в пределах пойменной равнины левобережья Волги. Изучаемая площадка располагается на вершине бэровского бугра. Впервые эти формы рельефа были описаны в 1856 году академиком К.М. Бэр, именно поэтому они и получили известность в научной литературе как «бэровские» бугры (Руденко, 1973). Возникновение этих бугров связывают с воздействием вод Каспийского моря, формировавшего рельеф южных районов нынешней Астраханской области.

Благовещенский женский монастырь (известный также под названиями Девичий или Новодевичий) располагается в историческом центре города Астрахани, на Кремлёвском (Долгом, Заячьем) бугре, в его восточной части, примыкая с востока к территории памятника археологии «Культурный слой Белого города» в границах, ограниченных улицами Калинина, Советской, Молодой Гвардии и Морским садиком (бывший Полицейский сад).

Представляет собой небольшую внутригородскую крепость, изначально (в XVII–XVIII вв.) располагавшуюся вне пределов основных укреплений Белого города.

На территории Благовещенского монастыря в своё время располагались, помимо зданий монашеских келий (которые сохранились до настоящего времени), два храма, снесённые в 1929–1930 гг.

История собственно Благовещенского женского монастыря начинается с начала XVIII века – до этого здесь находился древний (рубежа XVI–XVII вв.) Вознесенский мужской монастырь. Вознесенский монастырь был первым церковным строением, возникшим за пределами Кремля и Белого города на той территории, которая в середине XVII века получит название Земляного города (Рубцова, 2017).

В конце XVI века у восточной стены острога (будущего Белого города) находился убогий дом или богадельня, называемая «Царское богомолье». При убогом доме находилось кладбище для погребения странных, т. е. бездомных или бедных, жителей города, которых некому было хоронить.

В 1620 году было закончено строительство деревянного соборного храма. Первоначально монастырь был обнесён деревянным тыном, но, несмотря на это, считался серьёзным укреплением, усиливающим фортификационные сооружения восточной части Белого города.

Только в 1641 году было начато строительство в обители каменной церкви в честь иконы Божией Матери «Знамение». Строительство затянулось до 1699 года, когда храм был освящён уже как Благовещенский.

После 1703 года в Благовещенский монастырь были переведены монахини из Пятницкого женского монастыря, а к соборному монастырскому Благовещенскому храму в это время был пристроен придел в честь Мученицы Параскевы Пятницы. В 1722 году в монастырь из Кремля была перенесена деревянная церковь Иоанна Богослова по распоряжению губернатора А.П. Волынского для очищения Кремля по случаю ожидания царя Петра I.

В 1929 году было продано под слом (на кирпич) здание Иоанно-Богословской церкви, вместе с которой была разобрана и часовня «Живоносный источник». А 22 апреля 1930 года было принято решение о продаже под снос здания Благовещенского собора. В 1930 году были разобраны все церковные постройки, колокольня и обветшавшие службы (Марьян, 2002).

Со временем, в 1949 году, большая часть монастыря была передана Астраханскому облвоенкомату, который там располагался до 2021 года.

В результате археологических раскопок обнаружено около 350 погребений, которые датируются периодом с конца XVI века по начало XX века.

Помимо этого, в раскопе изучены остатки сооружений – хозяйственных построек и середины – второй половины XX века, двух храмов – Благовещенского собора и Иоанно-Богословской церкви. Большой удачей является появившаяся возможность установить время начала строительства каждого храма, поскольку были найдены закладные монеты в фундаментных траншеях. Начало строительства Благовещенского собора датируется монетами Михаила Фёдоровича Романова 1630-ми годами, а начало строительства (перенос из Кремля на территорию монастыря) Иоанно-Богословской церкви – вторым десятилетием XVIII века, эпохой правления Петра I.

Помимо этого, в раскопе выявлены остатки заплота – бревенчатой фортификационной конструкции зигзагообразной формы, окружавшей монастырь на наиболее раннем этапе строительства. Удалось проследить фрагменты северо-восточной стены, юго-западной и западной.

В раскопе был обнаружен ряд хозяйственных и столбовых ям периода конца XVI – конца XX вв. (Акимовский, 2023).

Таким образом, мы можем констатировать, что в раскопе выявлены культурные напластования и объекты трёх основных периодов: конца XVI – начала XVII вв., или времени существования богадельни «Царское Богомолье» (к этому периоду относится котлован землянки, построенной во второй половине XVI столетия, огороженный заплотом – первой монастырской оградой); первой – второй четверти XVII в. (периода существования Вознесенского монастыря), середины XVII – второй четверти XVIII вв. (времени существования Благовещенского мужского монастыря и начала активного каменного строительства на его территории), середины XVIII – 1920-х гг. (времени существования женского Благовещенского монастыря и активного хозяйственного освоения данного участка городской территории), первой поло-

вины XX в. – 20-х гг. XXI в. (периода разрушения храмовых и монастырских построек и использования территории монастыря для военного и гражданского строительства).

Ко всем этим периодам, кроме последнего, относится большое количество захоронений, которые располагались вначале на загородном, а впоследствии – на внутригородском кладбище очень высокой плотности.

Все погребения являются христианскими, выполненными в простых грунтовых ямах и представляют собой труположения на спине вытянуто, головой на запад. Все захоронения были совершены в деревянных гробах трапециевидной формы, имели очень плохую сохранность. Ряд погребений совершены в сводчатых склепах, выстроенных из обожжённого кирпича прямоугольной формы (это захоронения второй половины XIX – начала XX вв.) Большая часть погребений сопровождалась нательными крестами из медных и серебряных сплавов, некоторые из которых были украшены эмалью и стеклянными вставками, а также елейницами – стеклянными и керамическими сосудами, содержащими остатки освящённого еля, оставшегося от соборования. В отдельных могилах позднего периода (XIX–XX вв.) обнаружены остатки одежды и обуви из органических материалов – тканей и кожи.

Условия выявления погребений были очень тяжёлыми, так как в многократно перекопанном грунте практически не прослеживались границы отдельных могильных ям. Многочисленные погребения совершались зачастую в одних и тех же повторно вскрывавшихся могильных ямах, ярусами, многие могилы перерезали друг друга и разрушали предшествующие захоронения. В полевых условиях значительную трудность представляло выделение индивидуальных погребений в комплексах, которые представляли собой скелеты, лежавшие многоярусными напластованиями, порою – до пяти покойных один на другом, кости которых оказались перемешаны из-за истлевания гробов. В дальнейшем приходилось скелеты идентифицировать. Сложности добавляла также чрезвычайно плохая сохранность костных останков. Тем не менее точная датировка части погребений возможна по внутренней хронологии объектов раскопа (если траншеи архитектурных сооружений, точная дата строительства кото-

рых нам известна, перерезали более ранние захоронения, и наоборот), а также по сопровождающему инвентарю – по типам нательных крестов и культовых сосудов (елейниц).

Ряд погребений можно характеризовать как монашеские (например, такие, в которых в качестве «подушки» под головой покойного использовался обожжённый кирпич, уложенный внутрь деревянного гроба (Беляев, 2011).

Большинство погребений совершено, по всей видимости, в XVII–XIX вв. Несмотря на все сопутствующие процессу исследований трудности, в нашем распоряжении впервые за время археологических исследований в Нижнем Поволжье оказалась крупная серия антропологического материала, которая может подробно характеризовать особенности населения русской Астрахани XVI–XX вв.

Задачей нашего исследования было проведение полномасштабного палеодемографического анализа, базирующегося на данных половозрастного определения скелетов из некрополя Благовещенского монастыря г. Астрахани.

Поскольку основной массив погребений относится к XVII–XIX вв., а материал по большей части в плане датировок перемешан, мы в работе попытались определить демографическую ситуацию в Астрахани в целом, в среднем на протяжении трех веков. Повековое демографическое исследование некрополя провести невозможно по причине степени сохранности скелетного материала, нередко очень плохой, перекрывания на кладбище одних погребений другими, иногда невозможности точной датировки погребения. При этом проведение палеодемографического исследования корректно в силу значительного объема материала.

Материалы и методы

Методика расчета палеодемографических индексов и их последующего анализа базировалась на программе J. Angel (1969), описанной в работе Д. Богатенкова с соавторами (Алексеева, Богатенков, Лебединская, 2003).

Определение пола в нашей работе проводилось у индивидов старше 15 лет. Определение возраста проходило согласно традиционным антропологическим методам, учитывающим процесс развития морфологических особенностей черепа и посткраниального скелета, а также зубной системы (Никитюк, 1960а; Никитюк, 1960б; Алексеев, Дебец 1964;

Алексеев 1966; Добряк, 1960; Пашкова, 1963; STANDARDS, 1964; Ubelaker, 1978). Общее число идентифицированных индивидов составило 350 человек.

В ходе работы были рассчитаны следующие палеодемографические индексы:

Na – объем взрослой выборки,

Nc – объем детской выборки,

Nm – объем взрослой мужской выборки,

Nf – объем взрослой женской выборки,

Dx – число индивидов в возрастной когорте,

Sx – процент индивидов в возрастной когорте,

Lx – процент индивидов, доживших до соответствующей возрастной когорты,

qx – вероятность смерти индивида в конкретной возрастной когорте,

A – средний возраст смерти в группе (средняя продолжительность жизни),

AA – средний возраст смерти взрослых индивидов группы, в том числе мужчин (**AAm**) и женщин (**AAf**),

PCD – процент детской смертности,

PBD – процент детей, умерших в первый год жизни. Этот индекс был рассчитан тремя способами:

PBD(0–50+) – процент индивидов в возрастной когорте 0–1 год, рассчитанный относительно всех индивидов группы;

PBD(0–15) – процент индивидов в возрастной когорте 0–1 год, рассчитанный относительно всех детей группы (то есть индивидов от 0 до 15 лет);

PBD(0–5) – процент индивидов в возрастной когорте 0–1 год, рассчитанный относительно первого пятилетнего возрастного интервала (0–5) лет, в который дети до 1 года тоже входят;

Cm:Cf – процентное соотношение взрослых мужчин и женщин группы,

C50+ – процент индивидов в последней, или финальной, возрастной когорте,

Cm50+ – процент мужчин в финальной возрастной когорте (относительно всех взрослых мужчин),

Cf50+ – процент женщин в финальной возрастной когорте (относительно всех взрослых женщин).

Было проведено палеодемографическое исследование группы в целом, детской части группы, взрослой мужской и взрослой женской частей группы, проведено сравнение

результатов с данными о палеодемографии некоторых других городов и селений Восточной части России XVI–XIX вв.: двух серий из некрополей города Твери, г. Нижнего Новгорода (3 серии), Липецка, Казани (сборная серия из нескольких городских русских кладбищ), из села Исупово Костромской области, некрополя Блохино-1 у бывшей засечной крепости Саранского уезда (ныне восточная окраина города Саранска) (Васильев С.В., Боруцкая С.Б., 2004; Васильев С.В., Боруцкая С.Б., 2007; Боруцкая С.Б., Васильев С.В., 2015; Васильев С.В., Боруцкая С.Б., Земцов Г.Л., 2020; Боруцкая С.Б., Васильев С.В., 2021; Боруцкая С.Б., Харламова Н.В., Рудников С.А., Черных И.Н., 2021; Боруцкая С.Б., Васильев С.В., Газимзянов И.Р., Кошелев А.И., 2021).

Палеодемографические исследования приблизительно отражают картину половозрастных соотношений в группе в соответствующее историческое время. Подобные исследования проводят на основе исследования одного или нескольких некрополей населенного пункта, что зависит от масштаба проводимых археологических раскопок. Разные исследователи имеют собственное представление о возможности палеодемографического анализа материала конкретных раскопок. Мы считаем, что подобное исследование возможно только в том случае, если в итоге раскопок было поднято около 100, а лучше – больше, скелетов людей, живших приблизительно в одном столетии (или погребенных на данном некрополе в течение примерно ста лет). Если некрополь формировался дольше, то и индивидов, захороненных в нем, должно быть адекватно больше. Если же число погребений было значительно меньше ста на сто лет, а также если число определенных в плане пола и возраста индивидов было меньше ста на сто лет формирования кладбища, полноценный палеодемографический анализ проводить не корректно. В подобных случаях можно проводить только лишь половозрастное определение и расчет ограниченного количества индексов.

Результаты исследования

После определения пола и возраста скелетов все индивиды были распределены по когортам, соответствующим пятилетним интервалам. Для детей до 15 лет пол не определялся. В том случае если возраст человека определялся в десятилетнем интервале (если

не удавалось оценить возраст в пределах пяти лет, например, если скелет имел очень плохую сохранность), индивид как бы наполовину распределялся между соответствующими пятилетними возрастными когортами. Использовался метод простой скользящей средней. Такое в палеодемографии допускается, так как в конечном итоге нужно определить различные показатели, выраженные в процентах или в годах. Индивиды старше 50 лет все относились к последнему возрастному интервалу «50+ лет». Индивиды возрастного интервала 0–1 выделены и исследованы отдельно, но при этом они также входили в возрастную когорту «0–5 лет».

В таблице 1 представлены результаты общего палеодемографического анализа группы из Астрахани. На основе данных этой таблицы далее были рассчитаны общие палеодемографические индексы. На рисунке 1 изображена диаграмма распределения индивидов группы по возрастным когортам (в процентах).

Из таблицы 1 и диаграммы рисунка 1 видно, что пик смертности в группе приходится на первую пятилетнюю когорту. Преодолев возраст пяти лет, индивиды умирали значительно реже вплоть до возраста 25–30 лет. Начиная с 25 лет и до 50 индивиды данной группы из Астрахани почти равномерно умирали в каждом пятилетнем интервале. При этом пик смертности взрослых людей группы, хотя и не ярко выраженный, приходился на 30–35 лет. Таким образом, высокая смертность в группе была в самом младшем возрасте, когда дети, в том числе и новорожденные, нуждались в особой заботе и медицинском обслуживании, которое в XVI–XIX вв. в Астрахани, так же как и во всех других городах и селениях России, было еще недостаточно развито. Должное внимание маленьким детям уделять также было невозможно в силу того, что родителям приходилось много работать. Старшие дети, подростки и юноши, уже сами могли о себе позаботиться. Смертность в этих возрастах в группе находится на низком уровне.

Равномерная смертность во взрослых возрастных когортах – интересный палеодемографический феномен исследуемой группы из Астрахани. В принципе высокая смертность в период трудовой активности, вероятно, была связана с тяжелым физиче-

Таблица 1. Демографические показатели по возрастным когортам группы из некрополя Благовещенского монастыря г. Астрахань.

Table 1. Demographic indices by age cohorts of the group from the Annunciation Monastery's necropolis in Astrakhan

Возраст/индексы	Dx (чел.)	Cx (%)	Lx (%)	qx
0-1 лет*	12	3,429	100%	0,034
0-5 лет	52	14,857	100%	0,149
5-10 лет	14	4,000	85,143	0,047
10-15 лет	14	4,000	81,143	0,049
15-20 лет	15	4,286	77,143	0,056
20-25 лет	18	5,143	72,857	0,071
25-30 лет	40	11,429	67,714	0,169
30-35 лет	48	13,714	56,285	0,244
35-40 лет	45	12,857	42,571	0,302
40-45 лет	43	12,286	29,714	0,414
45-50 лет	37	10,571	17,428	0,607
50+ лет	24	6,857	6,857	1,000
Σ	350	100%		

0-1 лет* - индивиды этого интервала также входят в когорту 0-5 лет.

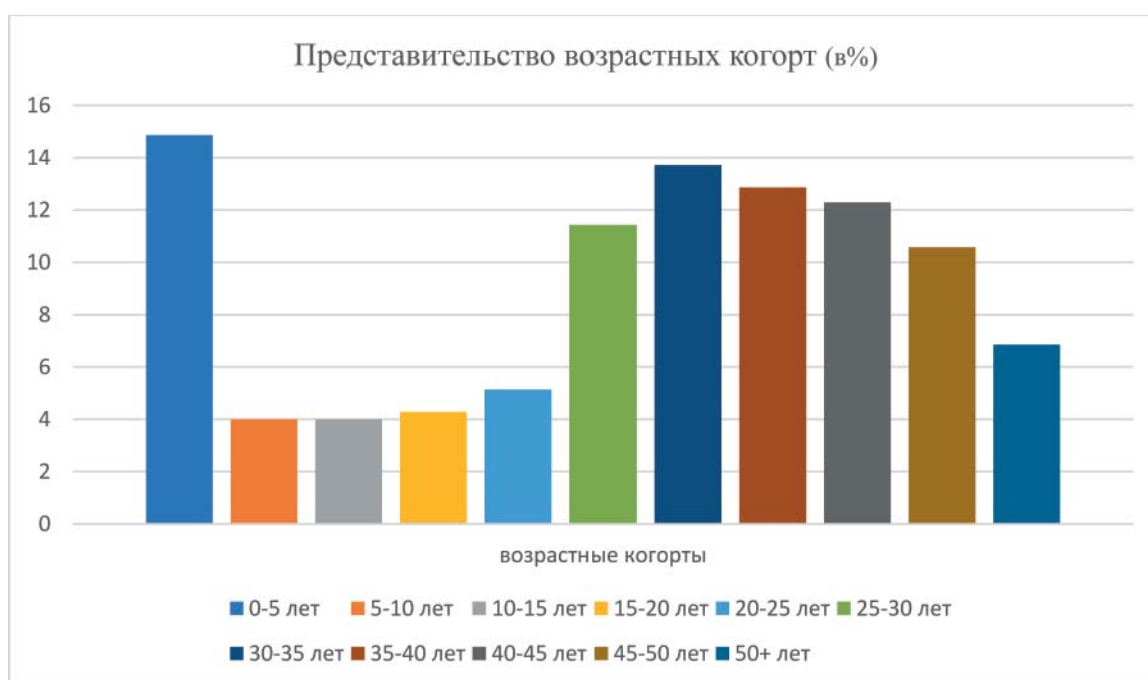

Рис. 1. Распределение индивидов группы по возрастным когортам (в %).

Fig. 1. Distribution of group individuals by age cohorts (in %).

ским трудом и, может быть, с неблагоприятными условиями работы.

Процент индивидов в финальной возрастной когорте, то есть после 50 лет, невелик, поскольку большинство людей умерли в предыдущих взрослых возрастных когортах.

В таблице 2 приведены расчеты палеодемографических индексов только для детей группы.

Пик детской смертности приходится на возрастной интервал 0–5 лет. Это также и вообще главный пик смертности всей группы из Астрахани. В остальных двух детских возрастных интервалах умирало одинаковое количество детей и всего по 17,5%. Интересно, что в первый год жизни умерло всего 15% детей ($PBD(0-15) = 15\%$), что от всей группы индивидов составило только 3,429%

Таблица 2. Демографические показатели детской части группы из некрополя Благовещенского монастыря г. Астрахань
 Table 2. Demographic indices of the children's part of the group from the Annunciation Monastery's necropolis in Astrakhan

Возраст/индексы	Dx (чел.)	Cx (%)	Lx (%)	qx
0-1 лет*	12	15,0	100%	0,15
0-5 лет	52	65,0	100%	0,65
5-10 лет	14	17,5	35,0	0,50
10-15 лет	14	17,5	17,5	1,00
Σ	80	100%		

*индивиды из возрастной группы 0-1 год входят в когорту 0-5 лет.

(PBD(0–50+) = 3,429%), а от непосредственно первой возрастной когорты – меньше четверти (PBD(0–5) = 23,1%). Таким образом, можно предположить, что за самыми маленькими детьми, особенно новорожденными, уход и присмотр были достаточно хорошими, но когда ребенок становился чуть постарше, забота о нем уменьшалась.

Далее мы рассмотрели палеодемографические показатели взрослых индивидов, общее количество которых составило 270 человек. В таблицах 3 и 4 приведены результаты расчета демографических индексов в отдельности для мужчин и женщин. На диаграммах (рисунки

сти мужчин группы. Главный пик наблюдается в возрасте 35–40 лет, но разница между остальными тремя пиками невелика (примерно от 1% до почти 4%). Таким образом большинство мужчин умирали в период наиболее активной трудовой деятельности. И можно предположить, что на этот феномен влияли тяжесть и условия труда. Интересно также, что график демонстрирует подобие нормального распределения. Постепенное нарастание количества индивидов в когортах, от «25–30 лет» до пиковой «35–40 лет», а затем снижение числа индивидов в когортах, от пиковой до «45–50 лет». Картина распределения

Таблица 3. Палеодемографические показатели для мужской части группы из некрополя Благовещенского монастыря г. Астрахань
 Table 3. Paleodemographic indices for the male part of the group from the Annunciation Monastery's necropolis in Astrakhan

Возрастные когорты / индексы	Dx (чел.)	Cx (%)	Lx (%)	qx
15-20	5	3,846	100%	0,039
20-25	3	2,308	96,154	0,024
25-30	21	16,154	93,846	0,172
30-35	25	19,231	77,692	0,248
35-40	26	20,000	58,461	0,342
40-45	24	18,461	38,461	0,480
45-50	13	10,000	20,000	0,500
50+	13	10,000	10,000	1,000
Σ	130	100%		

2 и 3) наглядно изображено представительство индивидов группы, мужчин и женщин, в разных возрастных когортах.

Большинство взрослых мужчин умирали в возрастном промежутке 25–45 лет. На пятилетние интервалы этого временного периода приходится четыре основных пика смертно-

сти мужчин по когортам близка к картине распределения по возрастным когортам всей группы. Финальная возрастная когорта у мужчин весьма представительна – 10%. Также интересно, что у самых молодых мужчин возрастом от 15 до 25 лет отмечается очень низкая смертность.

Рис. 2. Процентное распределение мужских взрослых индивидов по возрастным когортам в группе из Астрахани.

Fig. 2. Percentage distribution of male adult individuals by age cohort in the group from Astrakhan.

В женской группе наблюдаются два пика смертности: первый соответствует возрастной когорте «45–50 лет», второй наблюдается в период «30–35 лет». Разница между ними невелика. Можно было бы также увидеть нормальное распределение индивидов по когортам, если бы не пиковое значение смертности в когорте «45–50 лет», немного нарушающее картину. В целом же можно сказать, что женщины умирали в период активной

трудовой деятельности. В пользу относительного демографического благополучия группы говорит факт того, что значительное количество женщин умирало в относительно пожилом возрасте, даже пик смертности приходится на возраст 45–50 лет. После 50 лет умерли почти 8% женщин. Это, можно сказать, средний показатель.

На основе полученных данных о количестве и проценте индивидов в возрастных

Таблица 4. Палеодемографические показатели женщин из некрополя Благовещенского монастыря г. Астрахань
Table 4. Paleodemographic indices for the female part of the group from the Annunciation Monastery's necropolis in Astrakhan

Возрастные когорты / индексы	Dx (чел.)	Cx (%)	Lx (%)	qx
15-20	10	7,143	100%	0,071
20-25	15	10,714	92,857	0,115
25-30	19	13,571	82,143	0,165
30-35	23	16,430	68,572	0,240
35-40	19	13,571	52,142	0,260
40-45	19	13,571	38,571	0,352
45-50	24	17,143	25,000	0,686
50+	11	7,857	7,857	1,000
Σ	140	100%		

Рис. 3. Процентное распределение взрослых женских индивидов по возрастным когортам в группе из Астрахани.

Fig. 3. Percentage distribution of female adult individuals by age cohort in the group from Astrakhan.

когортах мы рассчитали общие палеодемографические индексы, характеризующие демографическую обстановку в Астрахани XVI–XIX вв. Результаты представлены в таблице 5.

было немного больше, чем мужчин, примерно на 3,5%.

Для группы была характерна достаточно низкая детская смертность – всего 22,86%,

Таблица 5. Палеодемографические индексы группы из Астрахани XVI–XIX вв.
Table 5. Paleodemographic indices of the group from Astrakhan of the XVI–XIX centuries

индекс	значение	индекс	значение
Nr	350 чел.	C(50+)	6,86%
Na	270 чел.	C(50+)m	10%
Nc	80 чел.	C(50+)f	7,86%
Nm : Nf	130 чел.: 140 чел.	Cm : Cf	48,15% : 51,85%
A	29,30 лет	PCD	22,86%
AA	36,52 лет	PBD (0-50+)	3,43%
AAm	37,23 лет	PBD (0-15)	15,0%
AAf	35,86 лет	PBD (0-5)	23,1%

Итак, средняя продолжительность жизни людей группы из Астрахани (или средний возраст смерти) составила 29,3 лет, что является довольно хорошим показателем. При этом средняя продолжительность жизни взрослых женщин была немного ниже, чем у мужчин.

Финальная возрастная когорта в целом для группы оказалась непредставительной, хотя этот показатель мужской части группы достаточно большой. Взрослых женщин в группе

что указывает на, может быть, не яркое, но все же относительное демографическое благополучие. Всего 3,43% индивидов умирали в первый год жизни, что составило только 15% от всех детей. При этом следует напомнить, что основной пик смертности в данной группе все же приходится на первую возрастную когорту (0–5 лет).

Для сравнительного анализа основных демографических показателей группы из

Астрахани XVI–XIX вв. с другими относительно синхронными группами были использованы результаты исследований трех групп из Нижнего Новгорода, двух групп из Твери, популяции из села Исупово Костромской области, палеогруппы из Липецка, сборной серии из Казани и группы из могильника при засечной крепости Блохино-1 в Саранской области. Большинство материала датируется XVII–XVIII вв. Ниже приводим краткие сведения об использованных для сравнения сериях.

Нижний Новгород

Первая выборка, имеющая самую большую численность индивидов, была собрана в Нижнем Новгороде при раскопках кладбища, расположенного по адресу между пл. Театральная, 1, и ул. Пожарского, 12. Это было кладбище посадского русского населения. Раскопки проводились в 2011 году в связи с расчисткой территории под строительство, а также с охранными мероприятиями. Руководителем раскопок был В.А. Батюков. Работа проводилась под контролем к.и.н. Т.В. Гусевой. Скелетная выборка включает в себя материал из двух городских некрополей при Никольской Верхнепосадской деревянной и Никольской Верхнепосадской каменной церквях, останки которых были также обнаружены при раскопках кладбища. Точная дата постройки деревянной церкви неизвестна, но она уже упоминается в Писцовой книге в 20-е годы XVII в. Каменная церковь была построена в 1740–1741 гг., захоронения при ней велись до конца XVIII в. Некрополь при каменной церкви и она сама «наложились» на некрополь XVII в. Все захоронения совершены по православному обряду.

Вторая Нижегородская выборка была собрана на кладбище, расположенном по Верхне-Волжской наб., д. 2а. Это также городской некрополь с привязкой к Георгиевской церкви на Верхнем посаде. Раскопки проводились в 2009 г. под руководством Е.Э. Лебедевой и контролем к.и.н. Т.В. Гусевой. Таким образом, датировка кладбища – XVIII в.

Третья выборка из Нижнего Новгорода была собрана при раскопках в Нижегородском Кремле у церкви Михаила Архангела. Раскопки проводились в 2003/2004 годах под руководством археолога к.и.н. Т.В. Гусевой. Части некрополя были обнаружены при выкапывании шурфов под канализационные колодцы.

Датируется некрополь XVII в. (вероятно, и началом XVIII в.).

Село Исупово Костромской области. Следующий исследуемый в нашей работе могильник был обнаружен в 2002 году у села Исупово Сусанинского района Костромской области, после чего были произведены археологические раскопки. Формирование могильника относится ко времени Смуты и представляет большой интерес. Погребения принадлежат русскому населению XVII века, формирование могильника продолжалось примерно один век. В 2003 году был обнаружен еще один участок могильника, и раскопки были продолжены. В целом могильник датируется XVII – началом XVIII века. Руководил раскопками А.В. Новиков.

Первая выборка из Твери была получена при раскопках Смоленского кладбища на юго-восточной окраине города из бывшего Загородного посада. Формирование этого некрополя началось в XVIII веке и продолжалось на протяжении двух веков. Вероятно также, кладбище существовало и в самом начале XX века. Таким образом, основная датировка этого кладбища XVIII–XIX вв. По данным тверского краеведа Бориса Ротермеля, это было самое древнее и самое большое кладбище города Твери (цит. по Боруцкой, Харламовой, 2011). Раскопки проводились в 2006–2007 годах под руководством сотрудника Тверского государственного объединенного музея Д.С. Рудникова.

Вторая выборка из города Твери получена при спасательных археологических раскопках в Затьмацком посаде на улице Борисоглебская пристань. Согласно археологическим исследованиям, на этом участке были обнаружены остатки храма, а также приходское средневековое кладбище, функционировавшее в XVI–XVII вв.

Казань. Скелетный материал получен в результате раскопок православных кладбищ XVII–XVIII в Казанском Кремле, на территории возле Кремля и в городе, относительно недалеко от центра. Раскопки проводились в 1977 г, в 2001–2003 гг., 2004 г., 2005 г. и не менее чем в десяти пунктах города Казани, с большим количеством заложенных раскопов, траншей, участков и шурфов.

Половозрастные определения проведены с.н.с НЦАИ ИИ АН Республики Татарстан И.Р. Газимзяновым и любезно предоставле-

Таблица 6. Некоторые общие демографические показатели группы из Астрахани и сравниваемых групп
 Table 6. Some general demographic indices of the Astrakhan group and the compared groups

Группа	n (чел.)	A (лет)	AA (лет)	PCD (%)	PBD (0-50+) (%)	PBD (0-15) (%)	C50+ (%)
Астрахань, Благовещенский монастырь	350	29,3	36,52	22,86	3,43	15,00	6,86
г.Тверь, Смоленское кладбище	371	27,2	39,14	19,14	8,36	43,66	14,02
г.Тверь, Зятьмацкий посад	173	23,9	36,0	38,73	11,56	29,85	4,05
Нижегородский Кремль	133	20,6	33,8	47,41	20,74	43,75	1,48
Н.Новгород, Верхневолжская набережная	161	32,7	37,91	18,63	11,18	60,00	16,77
Н.Новгород, Театральная площадь	1587	28,2	36,5	25,77	5,36	20,78	8,07
Липецк, Дмитровский некрополь	94	27,0	38,23	34,04	4,26	12,50	7,44
Казань, сборная городская серия	946	33,96	40,28	18,18	3,49	19,19	15,64
Село Исупово Костромской области	457	31,54	37,84	19,91	5,69	28,57	7,66
Могильник Блохино-1, окраина г.Саранск	1045	14,5	39,1	67,08	43,45	64,77	8,33

ны нам для сравнительного демографического анализа. С одной из серий из Казанского Кремля работали авторы данной статьи. Итоговая численность выборки, использованная в работе, составила 946 индивидов.

Липецк. Материал был получен при раскопках территории бывшего Дмитровского кладбища на улице Фрунзе города Липецка. Раскопки некрополя начались в связи с реконструкцией дороги на улице Фрунзе. Руководитель раскопок – нынешний председатель Фонда научного краеведения Липецкой области И.Н. Казмирчук. Датируется данный некрополь XVIII веком.

Результаты расчета основных палеодемографических индексов приведены в таблице 6. Для показателей средней продолжительности жизни и процента детской смертности были построены диаграммы (рисунки 4 и 5).

Для астраханской группы характерен достаточно высокий показатель средней продолжительности жизни, но не самый высокий. Дольше в среднем жили люди в Казани в XVII–XVIII вв. Самые же низкие показатели среднего возраста смерти населения оказались в группе из засечной крепости Блохи-

но-1 Саранского уезда и в группе из Нижегородского Кремля.

Средний возраст смерти взрослых членов групп во всех популяциях примерно одинаков, за исключением группы из Нижегородского Кремля.

Процент детской смертности в Астраханской группе на фоне населения других городов и селений – невысок, особенно если сравнивать с такими популяциями, как из засечной крепости Блохино-1 Саранского уезда и из Нижегородского Кремля. Если в Астрахани этот процент составил 22,86%, то в Блохино-1 – в три раза больше: 67,08%. Есть среди исследованных групп и более благополучные, чем астраханская. Например, это группы из Казани, села Исупово Костромской области, посадская группа из Нижнего Новгорода. При этом смертность в первый год жизни в группе из Астрахани XVI–XIX вв. такая же низкая, как и в перечисленных городах.

Заключение

Таким образом, для населения города Астрахани XVI–XIX вв. были характерны довольно высокая средняя продолжительность жизни (или средний возраст смерти), низкий процент детской смертности, в том числе

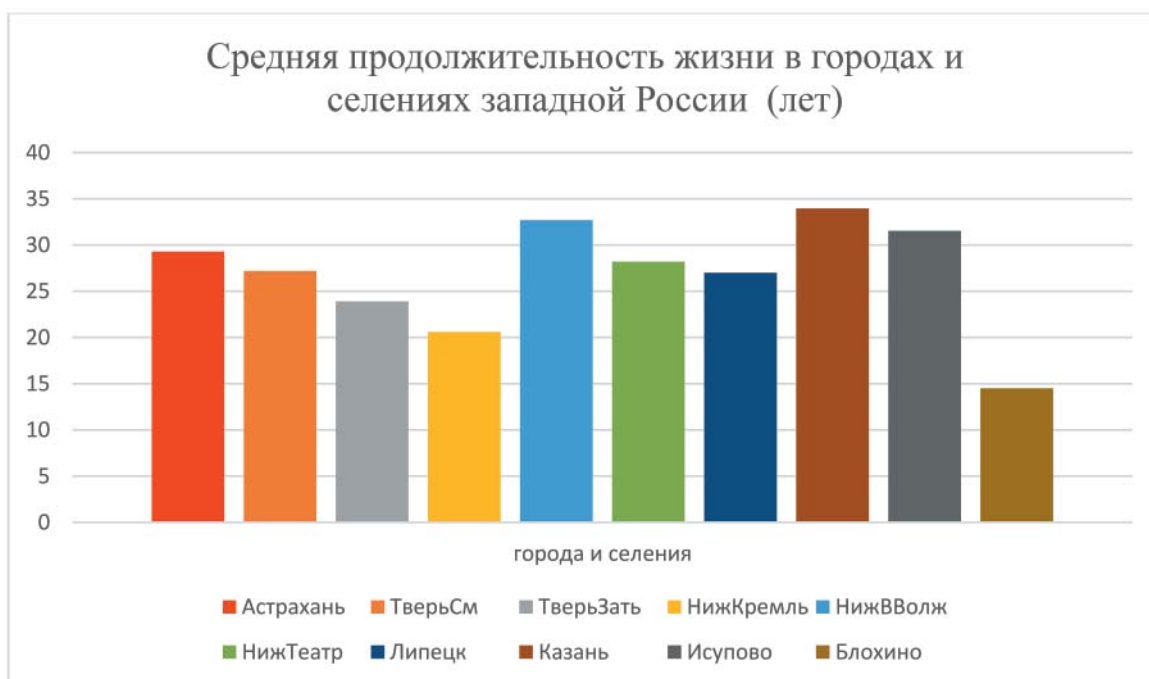

Рис. 4. Диаграмма средней продолжительности жизни населения городов и селений западной части России в XVI–XIX вв.

Fig. 4. Diagram of the average life expectancy of the urban and rural population of the western part of Russia in the XVI–XIX centuries.

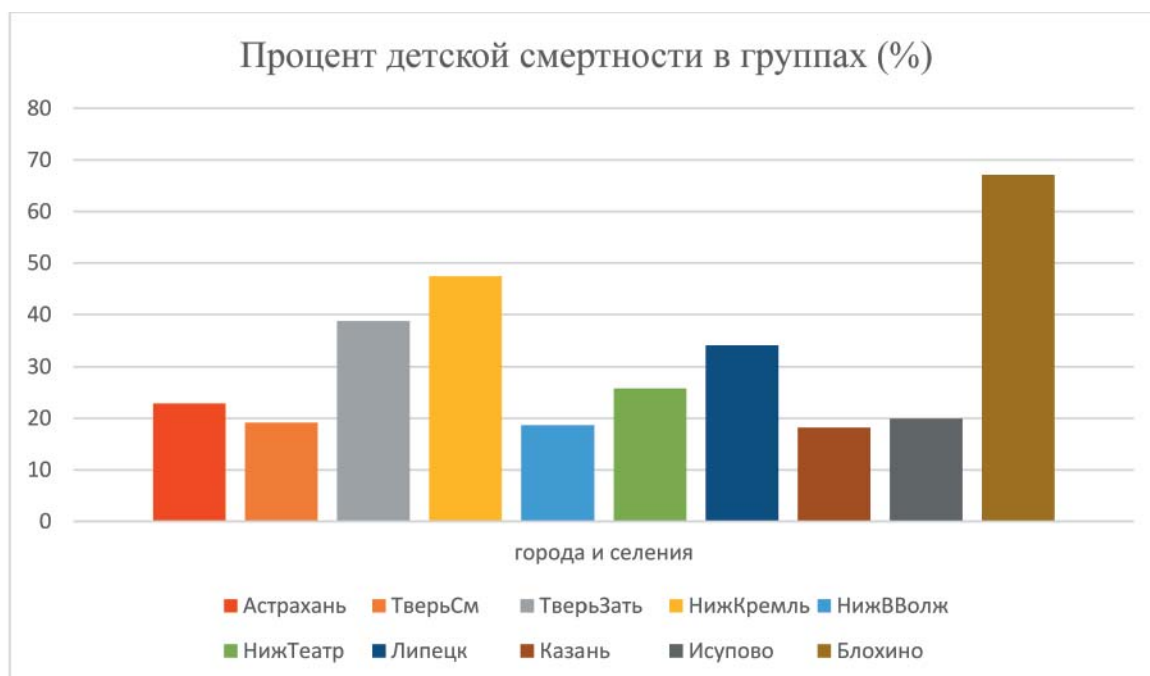

Рис. 5. Диаграмма процента детской смертности городов и селений западной части России в XVI–XIX вв.

Fig. 5. Diagram of the percentage of child mortality among urban and rural population of the western part of Russia in the XVI–XIX centuries.

и в первый год жизни. В этом плане группа из некрополя с территории Благовещенского монастыря города Астрахани близка к населению аналогичного времени из Загородного посада Твери, посадскому населению Нижнего Новгорода, деревенскому населению из села Исупово Костромской области. Первый пик смертности приходился на возрастную когорту 0–5 лет, как и в большинстве позднесредневековых городов России. Представительность финальной возрастной когорты в астраханской группе не очень высокая (около 7%). В целом можно констатировать феномен относительного демографического благополучия в астраханской группе, ее долгое существование и процветание.

ЛИТЕРАТУРА

- Акимовский С.Ю.* Отчёт об археологических раскопках на территории Благовещенского монастыря в историческом центре города Астрахани в 2022 г. Астрахань, 2023 // Архив ИА РАН.
- Алексеев В.П.* Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 252 с.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.* Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
- Беляев Л.А.* Камень под головой и лестница в небо: археология, иконография, источники // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. 2011. Вып. 2 (5). С. 72–84
- Богатенков Д.В.* Палеодемография Мистихали // Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В. Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М.: Научный мир, 2003. С. 19–49.
- Боруцкая С.Б., Васильев С.В.* Палеодемографический анализ населения Твери XVII–XIX вв. // Тверской археологический сборник. Вып. 10 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2015. С. 318–325.
- Боруцкая С.Б., Васильев С.В.* Палеодемография Нижнего Новгорода XVII–XVIII вв. по данным раскопок трех городских некрополей // Археология Евразийский степей. 2021. № 3. С. 307–320
- Боруцкая С.Б., Харламова Н.В., Рудников С.А., Черных И.Н.* Особенности палеодемографии города Тверь XVIII–XIX вв. по данным исследования Смоленского кладбища из бывшего Загородного посада // ВА. 2021. № 2. С. 311–329
- Боруцкая С.Б., Васильев С.В., Газимзянов И.Р., Кошелев А.И.* Палеодемография православного населения позднесредневековой Казани // Актуальные вопросы антропологии. 2021. Вып. 16. С. 28–38 .
- Васильев С.В., Боруцкая С.Б.* Комплексная палеоантропология Дмитровского некрополя XVIII века г. Липецка // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 3 / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк, СПб.: РИЦ ЛГПУ, 2007. С. 289–312.
- Васильев С.В., Боруцкая С.Б., Земцов Г.Л.* 2020. Палеодемографическая ситуация в Саранском уезде XVII–XVIII вв. по материалам могильника Блохино-1 // Stratum plus. 2020. № 6. С. 335–346.
- Васильев С.В., Боруцкая С.Б.* Палеоантропология населения Костромской области XVII в.: по материалам могильника Исупово // Расы и народы. № 30. / отв. ред. С.В. Васильев. М.: ИАЭ РАН, 2004. С. 249–267
- Добряк В.И.* Судебно-медицинская экспертиза скелетированного трупа. Киев: Гос. мед. изд-во УССР, 1960. 192 с.
- Игумен Иосиф (Марьян).* Астрахань. Храмы и монастыри. Астрахань : Новая линия, 2002.
- Никитюк Б.А.* О закономерностях облитерации швов на наружной поверхности мозгового отдела черепа человека. // ВА. 1960. Вып. 3. С. 115–121.
- Никитюк Б.А.* Определение возраста человека по скелету и зубам. // ВА. 1960. Вып. 3. С. 118–129.
- Пащикова В.И.* Очерки судебно-медицинской остеологии. М.: Медгиз, 1963. 153 с.
- Рубцова С.С.* Градостроительная эволюция Астрахани. В 2-х книгах. Ульяновск: Ульяновский дом печати, 2017. 496 с.
- Руденко Е.И.* Загадки бугров Бэра. Волгоград : Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1973.
- Angel J.L.* The bases of paleodemography // American Journal of Physical Anthropology. 1969. Vol. 30, P. 427–438.
- STANDARDS.* For data collection from human skeletal remains. Indianapolis. 1994. No. 44, P. 1–35.

Ubelaker D.H. Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis, Interpretation. Chicago: Adline publishing company, 1978. 172 p.

Информация об авторах:

Боруцкая Светлана Борисовна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия); vasbor1@yandex.ru

Васильев Сергей Владимирович, доктор исторических наук, заведующий, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва, Россия); vasbor1@yandex.ru

Васильев Дмитрий Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева (г. Астрахань, Россия); hvdv@mail.ru

REFERENCES

Akimovsky, S. Yu. 2023. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na territorii Blagoveshchenskogo monastyrya v istoricheskom tsentre goroda Astrakhani v 2022 g. (Report on archaeological excavations on the territory of the Annunciation Monastery in the historical center of Astrakhan in 2022)*. Astrakhan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Alekseev, V. P. 1966. *Osteometriia. Metodika antropologicheskikh issledovaniy (Osteometry. Anthropologic Research Technique)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Alekseev, V. P., Debets, G. F. 1964. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovaniy (Cranio-metry. Anthropologic Research Technique)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Belyaev, L. A. 2011. In *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya V. Voprosy istorii i teorii khristianskogo iskusstva (St. Tikhon's University Review. Series V. Issues of history and theory of Christian art)* 2(5), 72–84 (in Russian).

Bogatenkov, D. V. 2003. In Alekseeva, T. I., Bogatenkov, D. V., Lebedinskaia, G. V. *Vlakhi. Antropo-ekologicheskoe issledovanie (po materialam srednevekovogo nekropolia Mistikhali) (The Vlakhs. Anthropological – Ecological Research (on Materials from the Medieval Necropolis of Mistikhaly))*. Moscow: "Nauchnyi mir" Publ., 19–49 (in Russian).

Borutskaya, S. B., Vasilyev, S. V. 2015. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Papers)* 10. Tver: Tver State United Museum, 318–325 (in Russian).

Borutskaya, S. B., Vasilyev, S. V. 2021. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 307–320 (in Russian).

Borutskaya, S. B., Kharlamova, N. V., Rudnikov, S. A., Chernykh, I. N. 2021. In *Voprosy antropologii (Issues of Anthropology)* 2, 311–329 (in Russian).

Borutskaya, S. B., Vasilyev, S. V., Gazimzyanov, I. R., Koshelev, A. I. 2021. In *Aktual'nye voprosy antropologii (Topical issues of anthropology)* (16), 28–38 (in Russian).

Vasilyev, S. V., Borutskaya, S. B. 2007. In Bessudnov, A. N. (ed.). *Verkhnedonskoi arkheologicheskii sbornik (Upper Don Archaeological Collected Articles)* 3. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University, 289–312 (in Russian).

Vasilyev, S. V., Borutskaya, S. B., Zemtsov, G. L. 2020. In *Stratum Plus* (6), 335–346 (in Russian).

Vasilyev, S. V., Borutskaya, S. B. 2004. In Vasilyev, S. V. (ed.). *Rasy i narody (Races and peoples)* 30. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklouho-Maklay, Russian Academy of Sciences, 249–267 (in Russian).

Dobriak, V. I. 1960. *Sudebno-meditsinskaia ekspertiza skeletirovannogo trupa (Forensic Medical Examination of Skeletonized Cadaver)*. Kiev: State Medical Publisher House of the Ukrainian SSR (in Russian).

Igumen Iosif (Maryan). 2002. *Astrakhan'. Khramy i monastyri (Astrakhan. Churches and monasteries. Astrakhan)*. Astrakhan: "Novaya Liniia" Publ. (in Russian).

Nikitiuk, B. A. 1960. In *Voprosy antropologii (Issues of Anthropology)* 2. Moscow: Moscow State University, 115–121 (in Russian).

Nikitiuk, B. A. 1960. In *Voprosy antropologii (Issues of Anthropology)* 3. Moscow: Moscow State University, 118–129 (in Russian).

Pashkova, V. I. 1963. *Ocherki sudebno-meditsinskoi osteologii (Essays on Forensic Osteology)*. Moscow: "Medgiz" Publ. (in Russian).

Rubtsova, S. S. 2017. *Gradostroitel'naya evolyutsiya Astrakhani (Urban development of Astrakhan)*. Ulyanovsk: Ulyanovsk Printing House (in Russian).

Rudenko, E. I. 1973. *Zagadki bugrov Bjera (Secrets of Baer knolls)*. Volgograd: "Nizh.-Volzh. Knizhnoe izdatelstvo" Publ. (in Russian).

Angel, J. L. 1969. In *American Journal of Physical Anthropology* (30), 427–438.

STANDARDS. 1994. *For data collection from human skeletal remains*. Indianapolis, 44, 1–35.

Ubelaker, D. H. 1978. *Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis, Interpretation*. Chicago: Adline publishing company.

About the Authors:

Borutskaya Svetlana B. Candidate of Biological Sciences, Senior Researcher, Associate Professor. M.V. Lomonosov Moscow State University. Leninskiye Gory, 1, build.12, Moscow, 119991, Russian Federation; borsbor@yandex.ru

Vasilyev Sergey V. Doctor of Historical Sciences. N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. Leninsky prospect, 32A, Moscow, 119334, Russian Federation; vasbor1@yandex.ru

Vasilyev Dmitry V. Candidate of Historical Sciences, Astrakhan State University. Tatischev St., 20a, Astrakhan, 414056, Russian Federation; hvdv@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2023 г.
Статья принята к публикации 01.10.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

Дискуссии

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.5.283.292>**О ПРАВОМЕРНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОНЯТИЯ
«РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ» ПО ОТНОШЕНИЮ
К АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ КОМПЛЕКСАМ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ**

©2023 г. В.И. Гребенюков, Т.И. Шуляк

Состояние научного знания, применительно к общественным процессам, наиболее значимая проблема современной действительности. Дальнейшее развитие общественных наук, базой которых является историческая наука, в нашу эпоху приобретает особое значение. Принятие этой ответственности налагает на историческую науку определенные соответствующие обязанности. Касается это понятийного аппарата науки, в целях придания ему понятного и не двусмысленного значения. Археология, как часть исторической науки, в Российской научной традиции имеет свою долю ответственности в формировании сбалансированного исторического контента. Этот контент должен стремиться к соответствию современным концептуальным положениям истории первобытности. Вносить ясность в терминологию археологической науки означает, в том числе, и привносить не только новое, но актуализировать уже имеющиеся наработки. Эта ответственность предполагает большую включенность археологии и археологов в обще исторический дискурс. По мнению авторов, применять определение «Средние века» к материалам, традиционно относимым к этому не только хронологическому периоду, но и к определенному этапу развития экономики и общества, видимо, нет никаких оснований. Учитывая сложность определения принадлежности археологических комплексов к конкретным этническим группам на ранних этапах периода, можно использовать определение «продолженный ранний железный век» либо понятие «археологическая культура», в рассматриваемом случае «нижеобская археологическая культура».

Ключевые слова: наука, археология, первобытность, периодизация, понятия, термины, клады, ритуал, погребения.

**ON THE LEGALITY OF USING THE CONCEPT "EARLY MIDDLE
AGES" IN RELATION TO THE ARCHAEOLOGICAL COMPLEXES
OF WESTERN SIBERIA**

V.I. Grebenyukov, T.I. Shulyak

The state of scientific knowledge, as it relates to social processes, is the most significant problem of today's reality. The further development of social sciences, which are based on historical science, is highly important nowadays. Accepting this responsibility imposes respective obligations on historical science. First and foremost, this concerns the conceptual framework of the science, so as to shape clear and unambiguous meanings of notions. Archaeology, as a part of historical science, in the Russian scientific tradition has its share of responsibility in forming a balanced historical content. This content should strive for corresponding to modern conceptual positions in the history of primitiveness. To bring clarity into the terminology of archaeological science means, among other things, to bring not only new knowledge, but also to update the existing developments. This responsibility implies a greater involvement of archaeology and archaeologists in the general historical discourse. According to the authors, there is apparently no reason to apply the definition of "Middle Ages" to materials traditionally attributed to this not only chronological period, but also to a certain stage of economic and social development. Considering the complexity of determining the belonging of archaeological complexes to specific ethnic groups at the early stages of the period, it is possible to use the definition of "prolonged Early Iron Age" or the concept of "archaeological culture", in the case under consideration, "Lower Ob' archaeological culture".

Keywords: science, archaeology, primevality, periodization, concepts, terms, treasures, ritual, burials.

Понятийный аппарат наук – это своеобразный скелет, на котором формируется и развивается знание конкретной отрасли. Принятое деление наук на точные, естественные и гуманитарные отражает наши современные возможности в познании. Таблица умножения, теорема Пифагора или закон всемирного тяготения столь очевидны, что не дают поводов для дискуссии. Строение скелета живых существ не менее очевидно, чего не скажешь о процессах, протекающих в живых организмах, но и здесь знание, очевидно, продвигается по мере появления новых технических возможностей. Знания о системе организации и функционировании человеческого общества столь же многообразны, как и противоречивы. Малые и большие сообщества: род – племя – народ – социальная группа – профессиональное сообщество – государство и т. п., – по-разному видят и оценивают происходящие процессы. Гуманитарные науки в своем стремлении преодолеть «мифологию» священных писаний не всегда достигают желаемого результата. Показательна вариативность содержания термина «толерантность» применительно к философии, и к психологии, и к педагогике (Романова, 2018, с. 204–219; Чистогрдова, 2020). Другим примером может служить дискуссия по поводу содержания понятия «демократия» (Наматбекова, Сергеев, 2019, с. 24–25; Остроменский, 2013, с. 108–112; Мартыянов, 2016, с. 41–60; Ким, 2017, с. 80; и др.). Это понятие, рожденное на стыке двух эпох, поздней первобытности и ранней «цивилизации», является важнейшим для анализа древней и современной истории.

Движение в области изучения окружающего мира во всех его проявлениях диктует необходимость уточнения содержания имеющегося понятийного аппарата. Применительно к исторической науке, частью которой является археология, эта потребность не менее важна. По сравнению с иными подразделениями исторического знания археология обладает серьезным преимуществом, имея в основе своей классификации систему трех веков.

На нашей ближайшей памяти мы видели разрушение теории общественно-экономических формаций как способа систематизации знаний (Гросул, 2007, с. 136–137; Арзамаскин, 2013, с. 81–84; и др.). Мы видели и бесплодность попыток перехода к цивилизационному подходу (Гросул, 2007, с. 132–133; Мишечкин,

2018, с. 217–220; и др.). Отсутствие понятных критериев систематизации в области относительной периодизации заставило вернуться к хронологическому подходу в изучении различных этапов нашего прошлого (Столярова, 2013, с. 106–107). Затронул такой подход и относительно «молодые» археологические материалы.

Наша работа посвящена периоду от завершения раннего железного века – IV в. н. э. – до начала русского проникновения в отдельные районы Западной Сибири (Петрухин, 2007, с. 36–42; Менщиков, Перцев, 2017, с. 129–135; Пузанов, 2014, с. 161–164; и др.). Наиболее ранние контакты относятся ко времени XI–XII веков.

Отмеченный период с IV по XII века н. э. традиционно относят к раннему Средневековью (Зыков, 2012, с. 11–33; Карачаров, 1993, с. 110–111; и др.). Определение «раннее Средневековье» обращает нас к хронологическому периоду от времени падения Римской империи до начала эпохи Возрождения. Начало раннего Средневековья традиционно связывают с падением Римской империи. Собственно Римская империя – это этап в развитии государственности народов Апеннинского полуострова, а начало римской государственности традиционно связывают с «царским» периодом. Показательно, что со времени выхода в свет фундаментального труда Теодора Моммзена «История Рима» (Моммзен, 1997) принципиальных изменений в подаче материала не произошло. Одно осталось неизменным: от эпохи царей до падения Римской империи мы говорим о римской цивилизации. Признаки «цивилизации» со времени их выделения Л.Г. Морганом, уточненные Ф. Энгельсом, и до сегодняшнего дня включают много показателей, но основные критерии указывают на наличие ремесел, государства, права, налогов (Энгельс, 1937. с. 13, 141, 146; Гринин 2003. с. 12). Из всех ремесел особо следует выделить гончарный круг как показатель товарного производства керамической посуды. Наиболее раннее использование гончарного круга относится ко времени IV тыс. до н. э. в Месопотамии. У восточных славян круговая керамика появляется в середине X века, что совпадает по времени с созданием налоговой системы, т. н. реформы княгини Ольги (Марков, 2018, с. 268). Перед нами не стоит задача разбора сути дискуссий по поводу понятий «цивилизация»,

«государство» или иных непростых событий прошлого, это предмет особого исследования.

В российской и мировой исторической традиции имеется достаточно идей и выводов, которые позволяют сделать предварительные заключения по темам прошлого с учетом особенностей любого региона. Хронологический подход выделения исторической эпохи наиболее простой, но несет в себе некоторые издержки. Его использование приводит к синхронизации истории этносов с очень разными экономическими системами и, соответственно, с отличными друг о друга социальными структурами. Европоцентричный подход в исторической периодизации не в состоянии адекватно отражать все особенности исторического процесса, не позволяет учитывать региональную специфику.

В российской науке о первобытности используется понятие «первобытная периферия». Все общества, которые не соответствуют критериям «цивилизации», относятся к первобытной эпохе. Собственно, и первобытность не единый монолитный этап. Её периодизация, в той или иной мере, принимается научным сообществом, о чем свидетельствует ее использование в учебной литературе (Алексеев, Першиц, 2007, с. 10). Применительно к заключительному этапу первобытности используется термин «позднепервобытная община». Этот тип организации жизни первобытных коллективов базировался на хозяйстве высших охотников, рыболовов и собирателей, а также раннем земледелии и скотоводстве.

Археологические материалы, датированные IV–XV веками на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, и исторические реконструкции, сделанные исследователями (экономика – социальная структура), дают возможность выявить наличие или отсутствие признаков, позволяющих применить иной, не хронологический, подход к эпохальной характеристике указанных древностей региона.

Ханты-Мансийский автономный округ начал заселяться с эпохи верхнего палеолита. Сегодня это установленный факт, хотя еще в конце XX века такие прогнозы могли быть и нереалистичны (Макаров, 2009, с. 63–75). Доминировало мнение о недоступности территории, покрытой ледником. Исследования последних двух десятилетий изменили наше представление о многих периодах

прошлого территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Это небольшой пример динамично меняющейся источниковой базы археологии. Такое положение не может сохранять в неизменном виде устоявшиеся подходы к периодизации прошлого.

Начало изучению памятников археологии указанного периода Среднего Приобья, севера Западной Сибири, таежного Приобья было положено в конце XIX – начале XX вв. Но силу разных причин, подробно освещенных в научной литературе, с результатами этих исследований общественность познакомилась относительно недавно. С учетом этого факта первым исследователем древностей региона можно считать В.Н. Чернецова. Его стараниями специалистам впервые были представлены материалы многих эпох Среднего и Нижнего Приобья. В академическом издании «Древняя история Нижнего Приобья» В.Н. Чернецов создал первое представление о неолите, эпохе бронзы и раннего железного века практически всей территории Западной Сибири (Чернецов, 1953). Спустя четыре года были представлены и комплексы первого тысячелетия нашей эры в труде «Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. Обзор и классификация материала» (Чернецов, 1957).

Указанные труды стали отправной точкой археологического изучения заявленной в названии эпохи региона. Коллекции, опубликованные В.Н. Чернецовым, активно использовались последующими поколениями исследователей, его труды непременно включались в библиографические подборки. Многие его наблюдения и выводы лежат в основе значительной части культурно-хронологических построений в современных исследованиях, в том числе о периоде, обозначенном как «раннее Средневековье».

Новые археологические материалы, достаточно массовые по объему артефактов и полученные со всего спектра памятников археологии Среднего Приобья, стали относительно доступны в период 70–90-х годов XX века. Самый общий анализ состояния источников по раннему Средневековью Среднего Приобья последней четверти XX века в общих чертах проведен Е.А. Сергеевой (Сергеева, 2022). Ее наблюдения показали слабое и несвоевременное публикационное освещение материалов эпохи, которые не позволяли адекватно оценивать выводы и заключения авторов

публикаций. Всеобъемлющее обращение к теме источниковедения и историографии всех эпох Среднего Приобья, очевидно, еще впереди. Об этом свидетельствует, в частности, работа А.П. Зыкова «Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и Новое время» (Зыков, 2012) и рецензия на этот труд К.Г. Карачарова (Карачаров, 2012, с. 250–262). Не менее показательна и рецензия на труд коллектива авторов «Город Сибирь – Городище Искер» (Зыков и др., 2017) А.А. Адамова (Адамов, 2017, с. 226–236).

Информацию о типах памятников и общие представления об их инвентарных комплексах, иных фактах археологического контекста стало возможным получить благодаря публикациям В.А. Посредникова, В.М. Морозова, К.Г. Карачарова, Н.В. Федоровой и еще целого ряда исследователей (Посредников, 1973, с. 65–93; Морозов, 1991, с. 126–145; Карачаров, 1993, с. 110–118; Федорова, 1981, с. 140–142; и др.).

Основную часть памятников археологии эпохи составляют поселенческие комплексы: городища, поселения, селища. Другая достаточно крупная группа памятников – могильники, в том числе курганные. Значительно реже встречаются ловчие ямы, святилища, клады.

Наиболее массовым материалом поселенческих памятников является керамика. На протяжении всего рассматриваемого периода она изготавливалась лепным способом. Детали технологии керамического производства Таежного Приобья были представлены Д.В. Селиным и Ю.П. Чемякиным в серии публикаций (Селин, Чемякин, 2022, с. 71–88; Селин, Чемякин, 2021, с. 116–128; Селин, Чемякин, 2022, с. 44–57). Первая гончарная (круговая) керамика фиксируется в Западной Сибири с конца XVI века, со времени продвижения в регион русского населения (Загваздин, Загваздина, 2020, с. 73–84). Использование гончарного круга служит одним из маркеров «цивилизации».

Редкое, но показательное явление для периода региона – клады. Атрибутация этого специфического вида археологических источников не имеет однозначного толкования. И сами клады по своему составу не идентичны по характеру коллекций. Клады обычно состоят из изделий, изготовленных из цветных металлов, иногда представлены слитка-

ми (серебра, золота), монетными кладами. Отдельное место занимают оружейные клады (Гисматулин, 2015, с. 275–277).

Наиболее часто исследователи обращают внимание на возможную датировку вещей из клада, на возможные культурные контакты, географию распространения однотипных изделий (Боброва, Ширин, 2016, с. 13–24). Обращают внимание исследователи и на назначение кладов, делая акцент на их ритуальном характере как имеющих аналогии в погребально-поминальном обряде (Бородовский, Ларичев, 2011, с. 198–199; Степанов, 2012, с. 147–154).

Н.В. Федорова предложила классификацию кладов Западной Сибири. Она выделила группы кладов и провела анализ гипотез, высказанных разными исследователями, связанных с их интерпретацией. Особое внимание исследователь уделила теме «возвратных» и «невозвратных» кладов. К «возвратным» кладам, по ее мнению, следовало относить предметы вооружения. Предполагалось, что это могли быть случайные утраты коллекции столь необходимого и дорогого вооружения. Невозвратные клады связываются с некими ритуалами (Федорова, 2018, с. 95–96).

Если обратиться к теме оружейных кладов: история знает примеры намеренного избавления от оружия. Среди индейцев Северной Америки известен обычай погребения топора (томагавка) в знак примирения, заключения мира (Patterson, 2009, с. 48). Нельзя исключать наличие подобной практики и у древних насельников Западной Сибири. Этнографы XIX века фиксировали наличие обычая кровной мести у остяков и вогулов (Харузин, 1899, с. 33). Это наблюдение позволяет предполагать бытование такого обычая (кровной мести) и в более ранние периоды истории. Возможно, оружейные клады могли быть свидетельством завершения «вендетты». Наличие большого числа укрепленных поселений – «городищ» – в IV–XII веках на территории Западной Сибири свидетельствует о регулярных военных столкновениях в рассматриваемую эпоху (Приступа, 2003, с. 338–345; Кардаш, Пономарева, 2010, с. 312–321; и др.). Причиной таких столкновений могла служить и кровная месть.

Понятие «ритуал» нуждается в отдельном анализе. В качестве реплики стоит отметить, что помимо вышеупомянутого «традицион-

ного» понимания этого явления, можно обратить внимание на естественный характер поступков людей в прошлом. Сомнительно, что поступки, ими совершаемые, осознавались такими, какими мы их пытаемся представить, трактовать. Использование определения «ритуальный» – распространенный способ характеристики не только кладов, но всего того, что выходит за рамки привычного толкования комплексов артефактов.

Этнографические свидетельства, относящиеся к позднепервобытной эпохе, демонстрируют постепенное замещение первобытного равно обеспечивающего способа распределения средств потребления трудовым, распределением по труду. Перемены в области распределения средств потребления в позднепервобытную эпоху позволяют сделать предварительные выводы в толковании «ритуала». Престижная экономика как показатель разрушающихся родовых отношений и зарождения нового способа распределения средств потребления позволяла накапливать престижные вещи или излишки продовольствия. Продукты непосредственного потребления могли либо «уничтожаться» на совместных пиршествах, либо использовались в качестве средства помощи нуждающимся. Предметы престижа были в пользовании у отдельных, наиболее значимых членов общества, оставаясь в то же время общей собственностью рода или большой семьи (Алексеев, Артемова и др., 1988, с. 150–154). Сохранение баланса между старой общинной собственностью и личными накоплениями достигалось путем вывода предметов престижа из общего пользования посредством погребения с умершим собственником либо облечения процесса изъятия престижных вещей в форму подношения значимым для общины символам. Такой акт мог быть способом социального регулирования общественных отношений, в том числе методом воспитания подрастающего поколения.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что попытки найти признаки «цивилизации» в Среднем Приобье заведомо обречены на неудачу. Поэтому применять определение «Средние века» к материалам, традиционно относимым к этому не только хронологическому периоду, но и к определенному этапу развития экономики и общества, видимо, нет никаких оснований.

В российской археологической традиции существуют такие понятия, как «археология Золотой Орды», «славянская археология» и т. п. Применительно к западносибирским материалам также может быть применим аналогичный принцип. Учитывая сложность определения принадлежности археологических комплексов к конкретным этническим группам на ранних этапах периода, можно использовать определение «продолженный ранний железный век» либо понятие «археологическая культура», в рассматриваемом случае «нижеобская археологическая культура». В таком или ином подобном определении отразится процесс неравномерного развития экономик и обществ. Не лишним может быть и учет русского влияния, которое на соответствующем хронологическом этапе могло принести в регион новации в социальную структуру и поведенческие стереотипы западносибирских традиционных обществ.

Обращение к хронологическому принципу периодизации возвращает нас ко времени состояния исторического знания «Повести временных лет». Между тем, история – это процесс, а исторические факты нуждаются в осмыслении и систематизации путем применения понятных критериев.

Периодизация российской истории советского периода базировалась на теории общественно-экономических формаций. Критерием периодизации служили производительные силы и производственные отношения (тип производственных отношений) (Маркс, 1959, с. 7). То, что этот критерий ушел в прошлое – событие естественное. Периодически тот или иной критерий со временем показывает свою несостоятельность, это нормальное явление в науке. Развитие научной мысли в связи с появлением новых источников, изменения системы взглядов требует обоснования несостоятельности того или иного понятия, концепции. Но в то же время необходимо рассматривать и альтернативные принципы, подходы к систематизации знания, понятные не только научному сообществу, но и принимаемые обществом в целом (Флиер, 2015; Денисова, 2012, с. 60–64).

То, что в глобальной истории поиски нового способа систематизации зашли в тупик, не означает, что дальнейшее движение невозможно. История исследует все стороны прошлого, и это не только политическая

история с отдельными элементами иных сторон жизни государств – экономики, социальных процессов и т. п. Возможно, проще фрагментировать историю по крупным взаимосвязанным частям и в рамках этих направлений вести поиск понятных критериев периодизации. Движение от частного к обще-

му может выявить со временем некоторые общие признаки, поддающиеся систематизации.

Наше предложение не претендует на завершенность: это приглашение к поиску в интересах не только археологии, но и исторической науки в целом.

ЛИТЕРАТУРА

Адамов А.А. «Тернистый» путь археолога или как рождаются историографические мифы. Рецензия на монографию: Зыков А.П., Косинцев П.А., Трепавлов В.В. Город Сибирь – Городище Искер (историко-археологическое исследование). М.: Восточная лит-ра, 2017. 559 с. // Поволжская археология. 2019. №4 (30). С. 226–236.

Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества. М.: АСТ. Астрель, 2007. 350 с.

Арзамаскин Ю.Н. Периодизация истории России: прозрачная ясность или труднейшая головоломка? // Вестник Самарского юридического института. 2013. № 2 (10). С. 81–84.

Боброва Л.Ю., Ширин Ю.В. Егзовский клад // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. №. 2 (66) С. 13–24.

Бородовский А.П., Ларичев В.Е. Предметный комплекс Июского клада // Вестник НГУ. Серия: История. Филология. 2011. Т. 10. №. 7. С. 196–208.

Гисматулин М.Р. Сенгилеевский клад XI–XII вв. // Филология и культура. 2015. № 1 (39). С. 275–277.

Гринин Л.Е. Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации // Философия и общество. 2003. № 3. С. 5–60.

Гросул В.Я. О периодизации всемирной и отечественной истории // Российская история. 2007. № 3. С. 122–139.

Денисова Л.В. Систематика знания и модели классификации наук // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 1 (44). С. 60–64.

Загваздин Е.П., Загваздина Я.Г. Глиняная посуда конца XVI — первой четверти XVIII в. с софийского двора тобольского кремля и верхнего посада: сравнительно-морфологический анализ // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 4 (51). С. 73–84.

Зыков А.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2012. 232 с.

Зыков А.П., Косинцев П.А., Трепавлов В.В. Город Сибирь – городище Искер (историко-археологическое исследование). М.: Вост. лит-ра, 2017. 456 с.

История первобытного общества. Эпоха классообразования / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М.: Наука, 1988. 564 с.

Карачаров К.Г. Сделаем усилие и... приблизимся к истине. Рецензия на монографию: Зыков А.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время / Алексей Павлович Зыков; отв. ред. А. Я. Труфанов; рецензенты А. В. Головнёв, С. Ф. Кокшаров – Екатеринбург: изд-во «Уральский рабочий», 2012. – 232 с.: ил. – ISBN 978-5-85383-513-9 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 11 / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Томск. ун-т, 2013. С. 250–262.

Карачаров К.Г. Хронология раннесредневековых могильников Сургутского Приобья // Хронология памятников Южного Урала / Отв. ред. Б.Б. Агеев. Уфа: УНЦ РАН, 1993. С. 110–118.

Кардаш О.В., Понамарёва Т.М. Аварийные археологические раскопки на городище Стрелка в Сургутском районе ХМАО-Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 8 / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск, 2010. С. 312–321.

Ким Ю. В. Демократический идеал и демократическая традиция // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 1. С. 77–82.

Макаров С.С. Динамика культурного развития и освоение Западно-Сибирской равнины в позднем плейстоцене // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 3. С. 63–75.

Марков В.В. Еще раз к вопросу о месте и времени возникновения Смоленска // Исторический формат. 2018. № 3–4. С. 256–279.

Маркс К. К критике политической экономии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 13. Изд. 2-е. М: ГИПЛ. 1959. С. 5–167.

Мартьянов В.С. Рентная демократия // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2016. Т. 16. Вып. 3. С.41–60.

Менициков В.В., Перцев Н.В. Новгородская экспансия на восток в XII–XVI-веках // Вестник Пермского университета. История. 2017. Вып. 1 (36). С. 129–135.

Мишечкин Г.В. Периодизация всемирной истории: новые подходы и старые проблемы // Вестник Донецкого педагогического института. 2018. № 3. С. 215–222.

Моммзен Т. История Рима. В 4 томах. Т. III. Ростов-на-Дону: Феникс; М.: Зевс, 1997. 640 с. Доступно по: URL: https://opentextnn.ru/wp-content/uploads/mommzen_t_-_istoria_rima_t.3.pdf (дата обращения: 18.03.2023).

Морозов В.М. Средневековые поселения и постройки Сургутского и Нижнего Приобья // Проблемы урало-сибирской археологии / ВАУ. Вып. 18 / Отв. ред. В.А. Борзунов. Свердловск: УрГУ, 1986. С. 99–107.

Наматбекова Н.М., Сергеев С.Г. «Принудительная демократизация»: Истоки, риски и последствия // Вестник Поволжского института управления. 2019. Т. 19. № 1. С. 19–25.

Остроменский А.П. Ресурсы и демократия // Интерэкспо. Гео-Сибирь. 2013. Т. 6. № 1. С. 108–112.

Петрухин В.Я. Югра: Начало взаимодействия славянского и финно-угорского миров // Славянский альманах. 2006 / Отв. ред. М.А. Робинсон. М.: Индрик, 2007. С. 36–42.

Посредников В.А. Большеларьякское поселение II – археологический памятник Сургутского Приобья // Из истории Сибири. Вып. 5 / Отв. ред. В.И. Матющенко. Томск: Том. ун-т, 1973. С. 65–93.

Приступа О.И. Городище Увал: предварительные итоги раскопок 2003 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 2 / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск: ТГУ, 2004, С. 338–345.

Пузанов В.Д. Русские походы в Югру XI–XVI вв. // Вестник урovedения. 2014. № 3 (18). С. 161–164.

Романова Т.В. Информационный обзор: категории толерантность/политкорректность как объект лингвистического осмысления // Вопросы психолингвистики. 2018. № 4 (38). С. 204–219.

Селин Д.В., Чемякин Ю.П. Особенности керамики кулайской культуры (сургутский вариант) городища Барсов городок I/32 (Сургутское Приобье) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20. № 5. С. 116–128. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-5-116-128

Селин Д.В., Чемякин Ю.П. Технологические традиции в керамике кулайской культурно-исторической общности Барсовой Горы (по материалам городищ Барсов городок I/5 и I/7) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21 № 5. С. 71–88.

Селин Д.В., Чемякин Ю.П. Керамика населения кулайской культуры (сургутский вариант) селища Барсова гора III/2: технология и традиции // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 2 (57). С. 44–57.

Сергеева Е.А. О некоторых проблемах археологического изучения раннесредневековых памятников на территории Ханты-Мансийского автономного округа – югры в последней четверти XX века // Студенческий вестник. 2022. № 17 (209). URL: <https://studvestnik.ru/journal/stud/herald/209> (дата обращения: 15.02.2023).

Степанов А.Д. Ритуальный клад сунских монет в Якутии // Известия Лаборатории древних технологий. Вып. 9 / Отв. ред. А.В. Харинский. Иркутск: ИрГТУ, 2012 С. 147–154.

Столярова Н.В. Проблемные вопросы периодизации отечественной истории // Вестник Самарского юридического института. 2013. №3 (11). С. 104–107.

Федорова Н.В. Западносибирские клады в контексте исторического развития территории (ранний железный век – средневековье) // Средневековая археология Евразии от Ямала до Карпат. Труды КААЭЭ. Вып. XIV / Отв. ред. Н.Б. Крыласова. Пермь: ПГПУ, 2018. С. 88–113.

Федорова Н.В. Итоги четырехлетнего изучения поселений I тысячелетия н. э. Барсовой Горы // ВАУ. Вып. 15 / Отв. ред. В.Е. Стоянов. Свердловск: УрГУ, 1981. С. 140–142.

Федорова Н. В., Зыков А. П. Морозов В.М., Терехова Л. М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. Вып. 20 / Отв. ред. В.Т. Ковалева Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 1991. С. 126–145.

Флиер А.Я. Академизм культурологии – свидетельство ее зрелости // Культура культуры. 2015. 4. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/akademizm-kulturologii-svidetelstvo-ee-zrelosti/viewer> (дата обращения: 15.02.2023).

Харузин Н. Медвежья присяга. Тотемические основы культа медведя у остяков и вогулов // Этнографическое обозрение. 1898. № 3. Доступно по URL: <https://www.booksite.ru/folk/periodika/14/1898/3.pdf> (дата обращения: 15.02.2023).

Харузин Н. Медвежья присяга. Тотемические основы культа медведя у остяков и вогулов. М.: 1899. 72с. Доступно по URL: <https://остяко-вогульск.рф/wp-content/uploads/2021/05/medvezhya-prisyaga.pdf> (дата обращения: 15.02.2023).

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // Смирнов А.П., Мошинская В.И., Чернецов В.Н., Золотарёва И.М. Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири / МИА. № 58. М.: АН СССР, 1957. С. 136–245.

Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // Древняя история Нижнего Приобья / МИА. Вып. 35. / Под ред. А.В. Збруевой. М.: АН СССР, 1953. С. 7–71.

Чистогрдова О.А. Смысловое поле термина «толерантность»: междисциплинарный анализ // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 3. Т. 8. Доступно по URL: <https://mir-nauki.com/PDF/59PDMN320.pdf> (дата обращения: 15.02.2023).

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. XVI. Ч. I. М.: Партиздат ЦК ВКП (б), 1937. С..

Patterson S. Eighteenth-Century Treaties: The Mi'kmaq, Maliseet, and Passamaquoddy Experience: // Native Studies Review. 2009. Vol. 18, no. 1. Доступно по URL: https://preserve.lib.unb.ca/wayback/20141205151334/http://contestedterrain.lib.unb.ca/sites/default/files/patterson_nsr_2009.pdf (дата обращения: 15.02.2023).

Информация об авторах:

Гребенюков Владимир Иванович, кандидат исторических наук, доцент. Профессор кафедры истории России и документоведения. Нижневартковский государственный университет (г. Нижневартовск, Россия); grebenukov@mail.ru

Шуляк Тимур Ильгамович, аспирант. Нижневартковский государственный университет (г. Нижневартовск, Россия); koraka_nyva@mail.ru

REFERENCES

Adamov, A. A. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 30 (4), 226–236 (in Russian).

Alekseev, V. P., Pershits, A. I. 2007. *Istoriya pervobytnogo obshchestva (History of primitive society)*. Moscow: “AST. Astrel” Publ. (in Russian).

Arzamaskin, Yu. N. 2013. In *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo institute (Bulletin of the Samara Law Institute)* 10 (2), 81–84 (in Russian).

Bobrova, L. Yu., Shirin, Yu. V. 2016. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Kemerovo State University)* 66 (2), 13–24 (in Russian).

Borodovsky, A. P., Larichev, V. E. 2011. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 10 (7), 196–208 (in Russian).

Gismatulina, M. R. 2015. In *Filologiya i kul'tura (Philology and Culture)* 39 (1), 275–277 (in Russian).

Grinin, L. E. 2003. In *Filosofiya i obshchestvo (Philosophy and Society)* 3, 5–60 (in Russian).

Grossul, V. Ya. 2007. *Rossiyskaya istoriya (Russian history)* 3, 122–139 (in Russian).

Denisova, L. V. 2012. In *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii (Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia)* 1 (44), 60–64 (in Russian).

Zagvazdin, E. P., Zagvazdina, Ya. G. 2020. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Archeologii, Antropologii i Etnografii)* 4 (51), 73–84 (in Russian).

Zykov, A. P. 2012. *Barsova Gora: ocherki arkheologii Surgut'skogo Priob'ya. Srednevekov'e i novoe vremya (Barsova Gora: Essays on the Archaeology of the Surgut Ob region. Middle Ages and Modern times)*. Ekaterinburg: “Ural'skiy rabochiy” Publ. (in Russian).

Zykov, A. P., Kosintsev, P. A., Trepavlov, V. V. 2017. *Gorod Sibir – gorodishche Isker (istoriko-arkheologicheskoe issledovanie) (Town of Sibir – the fortified settlement of Isker (historical and archaeological study))*. Moscow: “Vostochnaia literatura” Publ. (in Russian).

Bromlei, Yu. V. (ed.). 1988. *Istoriya pervobytnogo obshchestva. Epokha klassoobrazovaniya (History of primitive society. The era of class formation)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Karacharov, K. G. 2013. In Yakovlev, A. Ya. (ed.). *Khanty-Mansiyskiy avtonomniy okrug v zerkale proshlogo (Khanty-Mansi Autonomous Area in the Mirror of the Past)* (11). Tomsk: Tomsk State University, 250–262 (in Russian).

Karacharov, K. G. 1993. In Ageev, B. B. (ed.). *Khronologiya pamiatnikov Iuzhnogo Urala (Chronology of the Southern Urals Sites)*. Ufa: Ufa Research Center of the Russian Academy of Sciences, 110–118 (in Russian).

Kardash, O. V. Ponamareva, T. M. 2010. In Yakovlev, A. Ya. (ed.). *Khanty-Mansiyskiy avtonomniy okrug v zerkale proshlogo (Khanty-Mansi Autonomous Area in the Mirror of the Past)* (8). Tomsk: Tomsk State University, 312–321 (in Russian).

Kim, Yu. V. 2017. In *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of the Kemerovo State University)* (1), 77–82 (in Russian).

Makarov, S. S. 2009. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 8 (3), 63–75 (in Russian).

Markov, V. V. 2018. In *Istoricheskiy format (Historical Format)* 3–4, 256–279 (in Russian).

Marx, K. 1959. In Marx, K., Engels, F. *Sochineniia (Compositions)* 13. Moscow, 5–167 (in Russian).

Martyanov, V. S. 2016. In *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN (Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences)* 16 (3), 41–60 (in Russian).

Menshchikov, V. V., Pertsev, N. V. 2017. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriia (Bulletin of the Perm University: History Series)*. 36 (1), 129–135 (in Russian).

Mishechkin, G. V. 2018. In *Vestnik Donetskogo pedagogicheskogo institute (Bulletin of the Donetsk Pedagogical Institute)* 3, 215–222 (in Russian).

Mommsen, T. 1997. *Istoriia Rima (History of Rome)*. Vol. 3. Rostov-na-Donu: “Feniks” Publ.; Moscow: “Zevs” Publ. Available at: URL: https://opentextnn.ru/wp-content/uploads/mommzen_t_-_istoria_rima_t.3.pdf (accessed: 18.03.2023) (in Russian).

Morozov, V. M. 1986. In Bortunov, V. A. (ed.). *Problemy uralo-sibirskoy arkheologii (Issues of Ural-Siberian archaeology)*. Series: Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology) 18. Sverdlovsk: Ural State University, 99–107 (in Russian).

Namatbekova, N. M., Sergeev, S. G. 2019. In *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya (The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration)* 19 (1), 19–25 (in Russian).

Ostromenskiy, A. P. 2013. In *Interexpo. Geo-Sibir' (Interexpo. Geo-Siberia)* 6 (1), 108–112 (in Russian).

Petrukhin, V. Ya. 2007. In Robinson, M. A. (ed.). *Slavyanskiy al'manakh. 2006 (Slavic Almanac. 2006)*. Moscow: “Indrik” Publ., 36–42 (in Russian).

Posrednikov, V. A. 1973. In Matiushchenko, V. I. (ed.). *Iz istorii Sibiri (From the History of Siberia)* 5. Tomsk: Tomsk State University Publ., 65–93 (in Russian).

Pristupa, O. I. 2004. In Yakovlev, A. Ya. (ed.). *Khanty-Mansiyskiy avtonomniy okrug v zerkale proshlogo (Khanty-Mansi Autonomous Area in the Mirror of the Past)* (2). Tomsk: Tomsk State University, 338–345 (in Russian).

Puzanov, V. D. 2014. In *Vestnik ugrovedeniia (Bulletin of Ugric Studies)* 18 (3), 161–164 (in Russian).

Romanova, T. V. 2018. In *Voprosy psikholingvistiki (Journal of Psycholinguistics)* 4 (38), 204–219 (in Russian).

Selin, D. V., Chemyakin, Yu. P. 2021. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 20 (5), 116–128 DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-5-116-128 (in Russian).

Selin, D. V., Chemyakin, Yu. P. 2022. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 21 (5), 71–88 (in Russian).

Selin, D. V., Chemyakin, Yu. P. 2022. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)* 2 (57), 44–57 (in Russian).

Sergeeva, E. A. 2022. In *Studencheskiy vestnik (Student Bulletin)* 17 (209). Available at: URL: <https://studvestnik.ru/journal/stud/herald/209> (accessed: 15.02.2023) (in Russian).

Stepanov, A. D. 2012. In Kharinskiy, A. V. (ed.). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy: sbornik nauchnykh trudov (Review of the Laboratory of ancient technologies: a collection of scientific papers)* 9. Irkutsk: Irkutsk State Technological University Publ., 147–154 (in Russian).

Stolyarova, N. V. 2013. In *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo institute (Bulletin of the Samara Law Institute)* 11 (3), 104–107 (in Russian).

Fedorova, N. V. 2018. In Krylasova, N. B. (ed.). *Srednevekovaya arkheologiya Evrazii ot Yamala do Carpat. Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Medieval archaeology of Eurasia from the Yamal Peninsula to the Carpathians. Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* 14. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 88–113 (in Russian).

Fedorova, N. V. 1981. In Stoyanov, V. E. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 15. Sverdlovsk: Ural State University, 140–142 (in Russian).

Fedorova, N. V., Zykov, A. P. Morozov, V. M., Terekhova, L. M. 1991. In Kovaleva, V. T. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 20. Ekaterinburg: Ural State University, 126–145 (in Russian).

Flier, A. Ya. 2015. In *Kul'tura kul'tury (Culture of culture)* 4. Available at: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/akademizm-kulturologii-svidetelstvo-ee-zrelosti/viewer> (accessed: 15.02.2023) (in Russian).

Kharuzin, N. 1898. In *Etnograficheskoe Obozrenie (Ethnographic Review)* Available at: URL: <https://www.booksite.ru/folk/periodika/14/1898/3.pdf> (accessed: 15.02.2023) (in Russian).

Kharuzin, N. 1899. *Medvezh'ya prisyaga. Totemicheskie osnovy kul'ta medvedya u ostyakov i vogulov (Bear's oath. Totemic bases of the bear cult among Ostyaks and Voguls)*. Moscow. Available at: URL: <https://остяко-вогульск.rf/wp-content/uploads/2021/05/medvezhya-prisyaga.pdf> (accessed: 15.02.2023) (in Russian).

Chernetsov, V. N. 1957. In Smirnov, A. P., Moshinskaya, V. I., Chernetsov, V. N., Zolotoreva, I. M. *Kul'tura drevnikh plemen Priural'ya i Zapadnoy Sibiri (Culture of ancient tribes of the Urals and Western Siberia)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 58. Moscow: the USSR Academy of Sciences, 136–245 (in Russian).

Chernetsov, V. N. 1953. In Zbrueva, A. V. (ed.). *Drevnyaya istoriya Nizhnego Priob'ya (Ancient history of the Lower Ob region)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology)* 35. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 7–71 (in Russian).

Chistogradova, O. A. 2020. In *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya (World of Science. Pedagogy and psychology)* 8 (3). Available at: URL: <https://mir-nauki.com/PDF/59PDMN320.pdf> (accessed: 02/15/2023).

Engels, F. 1937. In Marx, K., Engels, F. *Sochineniia (Compositions)* 16, part 1. Moscow: “Partizdat TsK VKP (b)” Publ., 9–153 (in Russian).

Patterson, S. 2009. In *Native Studies Review*. Vol. 18, No. 1. Available at: URL: https://preserve.lib.unb.ca/wayback/20141205151334/http://contestedterrain.lib.unb.ca/sites/default/files/patterson_nsr_2009.pdf (accessed: 02/15/2023).

About the Authors:

Grebenyukov Vladimir I., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Nizhnevartovsk State University. Dzerzhinsky., 11 str., Nizhnevartovsk, 628611, Russian Federation; grebenyukov@mail.ru

Shulyak Timur I. Nizhnevartovsk State University. Dzerzhinsky., 11 str., Nizhnevartovsk, 628611, Russian Federation; kopaka_nyva@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2023 г.
Статья принята к публикации 01.10.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

История археологической науки

УДК 94(574)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.5.293.303>**ИЗ ИСТОРИИ ТУРКЕСТАНСКОГО КРУЖКА ЛЮБИТЕЛЕЙ
АРХЕОЛОГИИ (А.А. ДИВАЕВ – В.А. КАЛЛАУР И В.В. БАРТОЛЬД)¹****©2023 г. Б.А. Байтанаев, А.С. Уалтаева, Е.Б. Байтанаев**

В статье рассматривается творческое наследие отдельных представителей туркестанской интеллигенции, деятельность которых имела огромное значение для развития провинциальной ориенталистики и археологии дореволюционной России. Имея в своем распоряжении ничтожную материальную базу и располагая минимальными возможностями, из года в год члены кружка упорно и последовательно развивали плодотворную научную деятельность, скрупулёзно изучая разнообразное историко-культурное и археологическое наследие Туркестанского края. К этой работе активно присоединялись ученые-краеведы, волею судьбы прибывшие из разных регионов империи и оказавшиеся в Туркестанском генерал-губернаторстве. Некоторые из них, в дальнейшем, например, такие как А.А. Диваев и В.А. Каллаур, стали выдающимися исследователями. В статье дан всесторонний анализ научных изысканий и деятельности Туркестанского кружка любителей археологии, основанный на архивных документах и источниках, опубликованных материалов ее членов. В работе отдельно рассмотрена деятельность В.В. Бартольда, который внес значительный вклад в развитие науки Туркестанского края. Его творческое содружество с А.А. Диваевым в изучении прошлого дореволюционного Туркестанского генерал-губернаторства, заложили основу дальнейшему развитию археологической науки Казахстана.

Ключевые слова: археология, этнография, Туркестанский кружок любителей археологии (ТКЛИА), Туркестанский край, А.А. Диваев, В.А. Каллаур, В.В. Бартольд, памятники, Хорхут, Тектурмас, Коккесене, краеведение.

**FROM THE HISTORY OF THE TURKESTAN CIRCLE
OF AMATEUR ARCHAEOLOGISTS (A.A. DIVAYEV – V.A. KALLAUR
AND V.V. BARTOLD)²****B.A. Baitanayev, A.S. Ualtayeva, Ye.B. Baitanayev**

The article deals with the creative heritage of individual representatives of the Turkestan intelligentsia, whose activities were of great importance for the development of provincial oriental studies and archaeology in pre-revolutionary Russia. Having at their disposal a small material base and limited opportunities, from year to year the members of the circle persistently and consistently developed fruitful scientific activity, scrupulously studying the diverse historical, cultural and archaeological heritage of the Turkestan region. This work was actively joined by local historians, who came by fate from different parts of the empire. Some of them, like A.A. Divayev and V.A. Kallaur, became outstanding researchers. Based on the materials of published works and archival documents of these scientists, the authors analyze their scientific activities in the Turkestan circle of amateur archaeologists. The authors especially consider the activities of V.V. Bartold, who contributed to the development of science in the Turkestan region. His creative collaboration with A.A. Divayev in the study of the past of the pre-revolutionary Russian Turkestan, laid the foundation for the further development of the archaeological science of Kazakhstan.

¹ Работа выполнена в рамках программно-целевого финансирования Министерства науки и высшего образования РК по теме: BR 11765630 «Культурогенез в казахских степях: новые парадигмы проблем изучения преемственности материального и духовного наследия по данным археологических источников»

² This work was carried out within the Target-Oriented Funding Program of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan on the topic: BR 11765630 "Cultural genesis in the Kazakh steppes: new paradigms for the problems of studying the continuity of material and spiritual heritage according to archaeological sources"

Keywords: archaeology, ethnography, Turkestan circle of amateur archaeologists (ТCAA), Turkestan region, A.A. Divayev, V.A. Kallaur, V.V. Bartold, monuments, Horhut, Tekturmas, Kokkesene, local history.

Туркестанский кружок любителей археологии (ТКЛА) был учрежден 11 декабря 1895 года. Образовавшийся кружок проложил дорогу новому, более продуктивному историко-археологическому изучению Туркестана, сплотив вокруг себя прогрессивно настроенных краеведов Ташкента, и, как писал в свое время Б.В. Лунин, кружок начал свою деятельность «отнюдь не на пустом месте» (Лунин, 1958, с. 23).

Не случайно образование ТКЛА произошло при непосредственном содействии академика-востоковеда Василия Владимировича Бартольда, который был одним из тех, кто способствовал развитию науки в Туркестанском крае. Его труды, письма, рецензии и отдельные советы оберегали многих туркестановедов от ошибок, научной безграмотности, служили путеводной звездой в их начинаниях.

Среди известных на то время туркестановедов, ставших впоследствии яркими представителями туркестанской ориенталистики, был ученый-краевед из Ташкента Абубекр Ахмеджанович Диваев.

В архиве ТКЛА среди учредителей кружка от 11 декабря 1895 года мы не находим фамилию Диваева. Возможно, это произошло по причине неосведомленности последнего. Хотя в публикациях А.А. Диваева прослеживается его огромный интерес к археологическим исследованиям задолго до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии. Так, в 1893 году он написал письмо в редакцию газеты «Туркестанские ведомости». Диваев заявлял, что в 1890 г. житель города Туркестана Муса-али Мухаммед-Аминович во время земляных работ близ памятника Азрет-Султана обнаружил скульптурное изображение бронзового слона. Статуэтка была доставлена Диваеву, который впоследствии передал его в Ташкентский публичный музей. Далее, дав подробную характеристику этому предмету, Диваев пишет: «Мне кажется, что эта находка вполне заслуживает внимания археологов» (Диваев, 1893). Его имя впервые фигурирует 22 января 1896 г. на заседании ТКЛА среди списка лиц, изъявивших желание вступить в число его членов (Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии (далее

– ПТКЛА)/Центральный государственный архив Республики Узбекистан (далее – ЦГА РУз.), д. 1, л. 22).

Первое научное сообщение о древних урочищах в Акджарской волости Ташкентского уезда Диваев сделал на заседании ТКЛА 26 августа 1896 года по материалам своего информатора, бывшего волостного управителя названной волости Муллакобея Токпулатова. «Все возрастающий интерес к местам, любопытным в историко-археологическом отношении, – говорил Диваев на заседании, – побуждают и меня собирать, правда, не всегда, конечно, правдоподобные, но все же не лишние кое-какого значения сведения о некоторых курганах и следах, по-видимому, древнейших поселений» (ПТКЛА/ЦГА РУз., д. 6, л. 46).

В этой работе Диваев дает характеристику памятникам археологии, расположенным в местностях Чарбулак, Карабастау, имеющих название «Турткуль». По-видимому, Диваев лично осматривал памятники археологии и дополнял их описания опросными сведениями. На эту мысль наводит топографическая характеристика памятников, предложенная Диваевым. Здесь же он упоминает архитектурные сооружения Исмаилата, Изхаката Раибата и дает пояснение топонимам Чарбулак, Турткуль. Позже Диваев опубликует специальную работу, посвященную этим памятником архитектуры (Диваев, 1901). Уже в наше время сведения А.А. Диваева оказались неоценимым источником в исследовании сакральной географии Казахстана (Сакральная география Казахстана, 2017, с. 786–789).

30 декабря 1896 года Диваев направляет письмо вице-председателю ТКЛА Н.П. Остроумову. Письму предшествует публикация ученого-краеведа в «Записках Восточного отделения Русского археологического общества» «Несколько слов о могиле святого Хорхут-ата», появление которой произошло, вероятно, не без благосклонного покровительства академика В.В. Бартольда. Приложив в письмо отпечаток этой статьи, Диваев обращается к собранию кружка через вице-председателя. В письме анализируется работа Г.А. Туманского, В.В. Бартольда относительно Хорхута. Диваев замечает, что Хорхут-ата,

а

б

Рис. 1. (а, б). Фотографии памятника Хорхут-ата, сделанные И.Л. Арзамасовым в 1899 году.

Fig. 1. (а, б). Photos of the Khorhut-ata monument, taken by I.L. Arzamasov in 1899.

или Коркут, весьма почитаем среди казахов Сырдарьинской области и известен по сказаниям туркмен. Далее, детально освещая предание о Коркуте, услышанное В.В. Вельяминовым-Зерновым, Диваев замечает, что этот памятник архитектуры любопытен в историко-археологическом отношении, а между тем ему угрожает опасность естественного разрушения – быть размытым Сырдарьей. «Ввиду таких сообщений, – пишет Диваев Остроумову, – я осмеливаюсь обратить благосклонное внимание кружка и решаюсь высказать свое

мнение, что было бы желательно не упускать из вида древнюю гробницу Хорхута и если еще не поздно, то собрать необходимые сведения через надлежащие административные власти о настоящем положении названной могилы» (ПТКЛА/ЦГА РУз., д. 4, л. 50–51). В связи с этим сообщением кружок проявил огромный интерес к этому памятнику древности и собрание постановило: «Обратиться к местным любителям археологии с просьбой о доставлении более подробных сведений об этой древности, а к администрации с прось-

бой об охране этого памятника старины» (Диваев, 1897, с. 13).

На заседании кружка 12 января 1898 года Диваев читает перевод вакуфной грамоты, дарованной Тимуром Мавзолею Ходжи Ахмеда Ясави в г. Туркестане. Работа была опубликована в «Туркестанских ведомостях» (Диваев, Жалованная грамота..., 1901), а собрание решило через областную администрацию собрать все необходимые сведения об упоминаемых в грамоте вакуфах и сообщить их барону В.Р. Розену. Принять меры к охране письменного памятника и его права, выраженные в вакуф-наме» (ПТКЛА/ЦГА РУз., д. 10, л. 2, 2 об.).

В 1899 году начинается новый этап в деятельности Диваева в Туркестанском кружке любителей археологии. Так, на заседании кружка в связи с отказом И.И. Гейера от должности секретаря по предложению Н.П. Остроумова Диваев был избран секретарем ТКЛА (Н.М. В археологическом кружке, 1899). На этой должности он пробудет до 1903 года (ПТКЛА/ЦГА РУз., д. 15, л. 72). За это время ему еще не раз приходилось вести заседание кружка (ПТКЛА/ЦГА РУз., д. 11, л. 92), доводить до сведения членов отчеты (ПТКЛА/ЦГА РУз., д. 11, л. 12), переписку (ПТКЛА/ЦГА РУз., д. 17, л. 1), демонстрировать поступившие предметы материальной культуры и т. п. (Туркестанские ведомости. 1900, № 17).

Помимо всего этого, Диваев изучал нумизматические находки Туркестанского края по поручениям членов кружка. Так, в августе 1901 года по заданию Н.П. Остроумова он изучал монеты, предложенные кружку г. Хайрутдиновым. Из числа предложенных монет Диваев выбирает шесть – три серебряные и три медные. Зная восточные языки, он устанавливает, что одна из монет имеет надписи с лицевой стороны «дергем», другой «хоханд» или «коканд», две являются серебряными – турецкими. Среди отобранных монет Диваев признал одну очень древней, именно ту, на которой изображен всадник и читается слово «Мартин». «Денег у нас 283 р. 11 к. Готовы к исполнению», – пишет Диваев Остроумову (ЦГА РУз., ф. И-71, оп. 1, д. 14, л. 25).

Насколько Диваев относился добросовестно к своим обязанностям, свидетельствует письмо, направленное ему после избрания нового секретаря: «Ввиду избрания 15-го сего

января нового секретаря ТКЛА, я считаю себя нравственно обязанным искренне благодарить Вас, М.Г., за ваши труды по званию секретаря кружка и за Ваше сочувствие к задачам кружка и за Ваше содействие к возможному их осуществлению.

Пользуясь случаем, покорнейше прошу Вас, М.Г., признать уважение в истинном почтении к Вам... к Вашим услугам» (ЦГА РУз., ф. И-71, оп. 1, д. 15, л. 72, л. 72).

В протоколах заседаний и сообщений Туркестанского кружка любителей археологии (ПТКЛА) перепечатывались статьи Диваева, опубликованные в местной периодической печати. Статьи были перепечатаны не случайно, они имели непосредственное отношение к памятникам историко-культурного наследия. Так, в № 5 ПТКЛА с любезного согласия А.А. Диваева перепечатывается его статья «Предание о возникновении азиатского города Ташкента». Используя предание, доставленное Мулла Кобеем Токпулатовым, Диваев отмечает, что город Ташкент не следует смешивать с древним городом Шашем, так как Ташкент возник в сто двадцать с небольшим лет. А Шаш народ называет Иски-Ташкентом, и расположен он к югу от памятника Азрета-Занги-Ата. Трактую это предание, Диваев доказывает, что Ташкент до своего образования представлял из себя четыре кишлака, которые впоследствии слились и стали изображать четыре части города (Диваев, 1900, с. 145–151).

В 1909 году в протоколах кружка перепечатывается другая статья «Легенда о великане Адже по прозвищу Алангсор-Алиф». Статья была написана по рукописи казаха Аулиеатинского уезда Тастюбинской волости Мулла-Тауке Нурабаева и опубликована впервые в этом варианте в «Туркестанских ведомостях» (Туркестанские ведомости, 1908, № 83).

По сути, это был третий вариант легенды о великане, предложенный Диваевым. Первый вариант Диваев опубликовал в «Записках Русского археологического общества» (Диваев, 1899, с. 282–287), второй – в соавторстве с В.Н. Андерсеном в «Известиях общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете» (Диваев, Андерсен, 1908, с. 431–451).

Перепечатка легенды в протоколах кружка также была неслучайным делом. В работе упоминаются конкретно существующие архе-

ологические объекты (Тоймакент, Акыртас и т. п.), приводятся легенды об их происхождении.

По поводу упоминаемых в легенде археологических пунктов В.Н. Андерсен замечает, что они явно обладают характером местных этиологических преданий. Андерсен также предполагает, что рассказ о великане «Адже» представляет собой контаминацию книжной легенды о великане «Удже» с местным преданием об Алангксоре и Арсаланге (Диваев, Андерсен, 1908, с. 452). Сам же Диваев, частично соглашаясь с этим, пишет: «Сказание об Адже приурочено к Аулиеатинскому району и носит значительные следы книжного влияния; но в основе его, несомненно, лежит какое-нибудь древнее языческое верование» (Диваев, 1909, с. 20). Отметим, по этому поводу казахстанскими археологами высказано предположение, что Тасакыр (Акыртас), возможно, является средневековым Касрабасом, упоминаемым письменными источниками (Байпаков, 1986, с. 30–31).

Большое внимание Диваевым было уделено мавзолею Коккесене и памятнику археологии Тектурмас. Обоим объектам Диваев посвятил отдельные работы. В изучении этих памятников он сотрудничал с ученым-краеведом В.А. Каллауром, который являлся представителем царской администрации края, занимал должность начальника Аулиеатинского уезда. И, как справедливо отмечал Б.В. Лунин, он был «усерднейшим регистратором и описателем памятников древности» (Лунин, 1958, с. 80–81). Знакомство и сотрудничество в области изучения края между двумя энтузиастами произошло ранее, когда Диваев назначается в 1889 году приказом по административно-полицейскому управлению (приказ № 24) участковым приставом Аулиеатинского уезда. На этой должности он пробудет до мая 1890 года (Дело об увольнении..., л. 14 об.). За это короткое время, находясь в Аулиеатинском уезде, он опубликует первую свою статью в газете «Туркестанские ведомости». Самое интересное то, что в этой статье Диваев, описывая освящение православного храма в поселке Чалдовар, упоминает В.А. Каллаура, так как совместно с ним, очевидно в составе уездной администрации, участвовал в этом мероприятии (Диваев, 1889). Примечательно то, что в январе 1898 года В.А. Каллаур любезно прислал Диваеву рассказ о Джезтырнаке,

записанный казахом Глеуберды Рысбаевым в Тастюбинской волости Аулиеатинского уезда (Диваев, 1904, с. 1–6).

7 февраля 1900 года В.А. Каллаур делает сообщение на заседании кружка, в котором говорится о существовании в восьми верстах от Саганака памятника архитектуры «Коккесене». Наблюдательный В.А. Каллаур, побывав там дважды, заметил, что это здание из жженого кирпича, имеет уцелевшие орнаменты синего цвета, а внутренняя сторона купола покрыта арабскими надписями. Помимо всего этого, в ходе натурного обследования им было установлено, что здание это – мавзолей знатных людей.

Сообщение В.А. Каллаура невольно заинтересовало А.А. Диваева, и он приступает к сбору материалов об этом памятнике. Диваев обращает внимание на одно казахское предание, в котором упоминаются области «Аккесене» и «Коккесене» в связи с нашествием калмыков. В своей работе «Мавзолей Коккесене» Диваев подробно передает это предание. По версии Диваева, во время владычества калмыков здания «Аккесене» и «Коккесене» уже существовали и выполняли функции убежища для караульной стражи. В связи с этим он ставит под сомнение первоначальное назначение памятника. «Если это действительно мавзолей, как пришел к такому заключению В.А. Каллаур, то кто были погребены под ними?» – пишет Диваев (Диваев, 1905, с. 40–42). Немного позже М.Т. Тынышпаев, анализируя предание Диваева, опубликованное в вышеуказанной работе, замечает, что он неправильно локализовал местность «Анракай», которая на самом деле находится в 120 верстах на юго-восток от озера Балхаш. (Тынышпаев, 1927, с. 63–64). Далее автор выражает интерес по поводу происхождения названий «Аккесене» и «Кеккесене», чему он спустя четыре года специально посвящает статью «О значении названия «Коккесене»» (Диваев, 1909, с. 11–13).

Другое предание, связанное с памятником «Тектурмас», относящееся ко времени владычества калмыков, Диваев публикует в ПТКЛА в 1907 году. По сути, предание говорило о бегстве калмыков от войск Эмира Тимура. По этому преданию калмыки во время бегства в Семиречье на бугре «Тектурмас» (находящемся в Аулиеатинском уезде) сжигают свое имущество (Диваев, 1907, с. 83).

Обе публикации Диваева, а также замечание по поводу назначения памятника «Коккесене» вызывают большой интерес В.А. Каллаура, и он снова приступает к дальнейшему изучению этих древних объектов. В ходе стационарного исследования указанных памятников, анализируя сообщения Диваева, В.А. Каллаур приходит к следующим выводам.

В Туркестанском крае имеются два памятника «Коккесене». Один в Перовском уезде – мавзолей, другой – в Аулиеатинском уезде с башней, служащей, по-видимому, укрытием для караула. Вкратце затрагивая легенду А.А. Диваева, В.А. Каллаур доказывает, что она сообщает о сооружениях «Аккесене» и «Коккесене», относящихся к низовьям Таласа и связанных с Аулиеатинским уездом, так как казахский род «учакты», упоминаемый в предании, кочует именно в Аулиеатинском уезде, а не в долине Сырдарьи (Каллаур, 1908, с. 32–33). В этой же работе В.А. Каллаур уточняет местонахождение памятника археологии «Тектурмас». По его определению, в Аулиеатинском уезде также имеется два памятника «Тектурмас». Один – на правом берегу р. Талас в пределах г. Аулиеата. Другой – в низовьях Таласа, у аула № 6 Учактинской волости. Осмотрев памятник «Тектурмас», находящийся в пределах Учактинской волости, лично опросив Бультрука Алекина (информатора А.А. Диваева по преданию о Тектурмасы), взяв у него подъемные материалы с памятника (шесть железных наконечников стрел), Каллаур доказывает, что в тексте предания, опубликованном Диваевым, идет речь о бугре «Тектурмас», находящемся в пределах Учактинской волости, у аула № 6 (Каллаур, 1908, с. 33–34).

В советское время, в 1949 году, по заданию Джамбульского музея «Тектурмас» обследовал Л.И. Ремпель. Ему удалось подтвердить выводы В.А. Каллаура и определить происхождение предания Диваева о Тектурмасы. По этому вопросу он пишет: «Обилие шлаков и следов поддержания сильного огня на бугре, видимо, давно привлекло внимание народа и послужило материалом для предания о Тектурмасы, записанном А. Диваевым свыше 40 лет назад» (Ремпель, 1956, с. 66). Отметим, Л.И. Ремпель в свое время датировал городище Тектурмас III в. до н. э. – I в. н. э. (Ремпель, 1956, с. 68).

В адресованных из Ташкента письмах А.А. Диваева В.В. Бартольд, которые хранятся в личном архивном фонде, свидетельствуют о том, что Абубекр Ахмеджанович был одним из туркестанских учеников и почитателей выдающегося востоковеда. Уже при беглом осмотре писем можно убедиться в том, что знакомство А. Диваева с В.В. Бартольдом произошло ранее, еще до образования Туркестанского кружка любителей археологии. Возможно, это было при первой поездке ученого в Среднюю Азию с научной целью в 1893–1894 гг. Болезнь Бартольда, вследствие этого вынужденная зимовка в Ташкенте положили начало тесному и многолетнему сотрудничеству с туркестановедами, знакомству при посредстве Н.П. Остроумова со многими краеведами (Лунин, 1981, с. 28–29) и, несомненно, с Диваевым. Этому свидетельству – последующая отправка Бартольдом публикации результатов командировки по Средней Азии Диваеву. Как относился Абубекр к подобному вниманию со стороны известного ученого, говорит его ответ на это послание: «Письмо Ваше из Ходжента, а также отдельный оттиск отчета Вашего о командировке в Среднюю Азию – получил. Приношу Вам мою сердечную благодарность за память и внимание. Все, что получу от Вас, буду читать с большим удовольствием и сохраню в скромной моей библиотеке» (Личный архивный фонд академика В.В. Бартольда, оп. 1, л. 1–2).

Судя по письмам, А. Диваев постоянно обсуждал с Бартольдом значимость исследовательских тем, рассмотренных в новых публикациях. Так, в октябре 1894 г. Абубекр сообщает академику, что для сборника материалов он подготовил сказки, басни, приметы, пословицы, любовные песни, изречения, загадки – всего около десяти печатных листов – и выражает сожаление о том, что они появятся в печати только в следующем году (Личный архивный фонд ..., оп. 1, л. 1–2).

В свою очередь, известный востоковед, рецензируя эти материалы, отмечал: «...сообщенные г-ном Диваевым образцы народного творчества и черты из жизни киргизов не только чрезвычайно важны для ознакомления местной интеллигенции с нравами кочевников, но и представляют много нового и любопытного как для интересующихся историей Средней Азии, так и для любителей фольклора» (Бартольд, 1896, с. 298).

Диваев информирует Бартольда и об обычных буднях Ташкента: в одном из писем сообщает Бартольду о положении газеты «Окраина». Похоже, на это были свои причины. Трения между секретарем городского управления С.И. Петуховым и И.И. Гейером ставили под сомнение существование газеты (Личный архивный фонд академика В.В. Бартольда, оп. 2, л. 1–2). Судьба газеты «Окраина» Бартольду была небезразлична, по словам исследователей его творчества известно, что некоторое время он был редактором этой газеты (Лунин, 1981, с. 28).

Сопровождая наследника Хивинского хана Асфендияра Тюре, Диваев в мае 1900 года посещает Петербург. В это 17-дневное пребывание в Петербурге Диваев, помимо официальных поручений, встречается с Бартольдом, с его семьей, знакомится с результатами работ и, безусловно, консультируется по различным вопросам истории Средней Азии (Личный архивный фонд академика В.В. Бартольда, оп. 2, л. 29–30). Примечательно то, что во время официальной встречи хивинского наследника с русским императором в Петергофе, Диваеву как представителю туркестанской научной интеллигенции пришлось просвещать самого монарха. Среди подарков, переданных из Хивы, были булатные шашки, и монарха принимавшего их заинтересовало слово «булат». Тогда Диваев, объясняя смысл этого слова, акцентировал внимание на том, что оно заимствовано из персидского языка (Туркестанские ведомости, 1901, № 30).

В 1900 году выходит в свет вторая часть диссертации Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия». Первая часть работы «Тексты» опубликована в 1898 г., вторая – «Исследование» – в 1900 г. (Лунин, 1981, с. 48). О готовящейся публикации Диваев узнает, будучи в Петербурге. По возвращении он получает монографию из Петербурга и 26 сентября 1900 года пишет В.В. Бартольду: «Не могу подобрать слов, как благодарить Вас за этот дорогой подарок. Труды Ваши служили и будут служить лучшим украшением моей скромной библиотеки по востоковедению и в то же время будут служить мне также необходимыми справочными книгами» (Личный архивный фонд академика В.В. Бартольда, оп. 2, л. 31–32).

Успешно защищенная 2 декабря 1900 года диссертация Бартольда явилась выдающимся

сочинением по истории Средней Азии и не потеряла своей актуальности и по сей день. Но помимо всего этого, как видно из вышесказанного, она была необходима ориенталистам из провинциальных окраин России, среди которых значился и Диваев. Спустя 27 лет туркестанские друзья, ученики и почитатели щедро отблагодарили В.В. Бартольда, издав в честь 25-летнего юбилея защиты диссертации сборник статей. Среди авторов сборника, кроме А.А. Диваева, были М.С. Андреев, Е.К. Бетгер, В.Л. Вяткин, В.Д. Городецкий, Х.Д. Досмухамедов, П.П. Иванов, Н.Г. Маллицкий, С.Е. Малов, М.Е. Массон, Л.В. Ошанин, М.Т. Тынышпаев и другие – всего 35 авторов. В посвящении сборника они так выразили свои чувства: «Примите это скромное подношение таким, каким оно мыслится нам: посильной данью глубокого уважения к Вам, как к ученому и человеку» (В.В. Бартольду..., 1927).

Особо примечательно сотрудничество Диваева с Бартольдом в период изучения памятника архитектуры Коркыта, которому не было суждено устоять до наших дней. Его разрушила река Сырдарья во время постоянных разливов. А.А. Диваев был одним из тех, кто последним видел сооружение и предпринял меры к сохранению этого памятника. Как мы отметили выше, Диваев обратил внимание ТКЛА на этот памятник, и собрание приняло по нему постановление. Самым примечательным было то, что благодаря Диваеву мы сейчас имеем фотографии последних развалин памятника. Так, в октябре 1898 года, используя служебную возможность, он посетил могилу Коркыта. Об этой могиле Диваев тогда с сожалением говорил: «Нашел я ее в самом печальном виде, и одна стена уже обрушилась в Сырдарью». Спутником Диваева во время поездки был помощник начальника Казалинского уезда полковник И.Л. Арзамасов. В декабре 1899 г. И.Л. Арзамасов по просьбе Диваева сделал два снимка, которые на сегодняшний день остаются уникальными свидетельствами об этом памятнике (Диваев, 1900, с. 39–40).

Несомненно, на его деятельность по сбору материалов о памятнике Коркыта оказало серьезное воздействие исследование Бартольда героического огузского эпоса «Китаби деде Коркуд». Бартольд не только положил начало подлинно научному изучению «Китаби Коркуд» (Лунин, 1981, с. 27), но и, похо-

же, сам способствовал активному изучению памятника архитектуры «Хорхутата» туркестанскими учеными, в частности Диваевым. Во всяком случае 26 сентября 1900 года в письме Диваев спрашивает В.В. Бартольда: «Скоро ли увидит свет заметка моя с фотографиями о Коркуде?» (Личный архивный фонд академика В.В. Бартольда, оп. 2, л. 32). Это наводит на мысль о том, что статья ученого была опубликована не без благосклонного покровительства Бартольда, искренне желавшего помочь своему туркестанскому другу, ученику и почитателю.

Как и всякого ученого, Диваева интересовали имена собственные. Но знание только языков туркестанских и восточных народов было недостаточным для глубоких суждений в этой области. Естественно, незаменимым консультантом мог быть В.В. Бартольд. Так, в одном из своих писем он, ссылаясь на Н.П. Остроумова, просит помочь разобраться в некоторых названиях памятников археологии среднего течения реки Сырдарья, указанных в публикации топографа Руднева (Руднев, 1900, с. 57–62).

Дальнейшие встречи двух исследователей произошли, вероятно, при последующих поездках Бартольда в Среднюю Азию в 1902, 1916, 1920-х годах (Лунин, 1981, с. 28–29) и Диваева в Петербург в 1902 и 1907 годах (Дело об увольнении..., л. 15, об. 12, 30).

Последнее письмо В.В. Бартольду, в котором выражена благодарность за присланную работу, написано в октябре 1925 года, когда Диваеву по состоянию здоровья пришлось оставить научно-педагогическую деятельность. Все вышеуказанные факты говорят о том, что В.В. Бартольд со дня знакомства с Диваевым и до последних своих дней оставался неизменным наставником и консультантом А.А. Диваева.

Деятельность Диваева в ТКЛА была наиболее активной в первое десятилетие существования кружка, особенно тогда, когда он выполнял функции секретаря. Согласно оценке Б.В. Лунина, из среды ТКЛА впоследствии выделился ряд видных краеведов-ученых, продолживших свое дело и в советское время (Лунин, 1958, с. 97), среди них был и А. Диваев.

ЛИТЕРАТУРА

Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата: Наука, 1986. 256 с.

Бартольд В.В. [Рец.] Диваев А.А. Этнографические материалы // ЗВОРАО. Т. IX. Вып. 1-IV. СПб: Типография Императорской Академии Наук, 1896. С. 297–299.

В.В. Бартольду. Туркестанские друзья, ученики и почитатели / Ред. А.Э. Шмидт, Е.К. Бетгер. Ташкент: КазГИЗ, 1927. 555 с.

Дело об увольнении от службы переводчика канцелярии генерал-губернатора надворного советника Диваева и об удовлетворении его просьбой и обратными прогонами / Центральный государственный архив Республики Узбекистан. (Далее ЦГА РУз.), ф. И-1, оп. 2, д. 870 (39).

Диваев А.А. Из Чалдовара (Аулиеатинского уезда) // Туркестанские ведомости. Ташкент, 1889. № 44.

Диваев А.А. Письмо в редакцию // Туркестанские ведомости, 1893. № 63.

Диваев А.А. Несколько слов о могиле Хорхут-ата // Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. 1897. №2. С. 12–13

Диваев А.А. Рассказ об Алангсар-Алифе // ЗВОРАО. Т. XI. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1899. С. 282–287.

Диваев А.А. Предание о возникновении азиатского города Ташкента // Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. 1900. № 5. С. 145–151.

Диваев А.А. Еще о могиле св. Хорхут-ата // ЗВОРАО. Т. XIII. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1900. С. 39–40.

Диваев А.А. Предание о Хазрати-Исмаил-ата // Туркестанские ведомости. 1901. №20, 24, 25.

Диваев А.А. Жалованная грамота, данная Тимуром Туркестанской мечети Азрета-Ясави: [Пер. с персидского] // Туркестанские ведомости. 1901. № 39, 41.

Диваев А.А. Джезтырнак: Этнографический набросок // Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области. Т. XI. Отд. II. / ред. И. И. Гейер. Ташкент: Сыр-Дар. обл. стат. ком., 1904. С. 1–6.

Диваев А.А. Мавзолей Коккесене: (Историко-археологическая заметка) // Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. 1905. №10. С. 40–42.

Диваев А.А. Бугор Тектурмас в связи с походами Тимура // Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. 1907. № 11. С. 83.

Диваев А.А. О значении названия "Коккесене": (Историко - археологическая заметка) // Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. 1909. №13. С. 11–13.

Диваев А.А. Легенда о великане Адж, по прозвищу Алангсор-Алиф // Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. 1909. №13. С. 20–24.

Диваев А.А., Андерсен В.Н. Киргизская легенда о ветхозаветном великане Адже (оге) // ИОАИЭ. Т. XXV. Вып. 5. Казань: Типография Университета, 1908. С. 431–452.

Каллаур В. По поводу сообщений А.А. Диваева о древних сооружениях "Тек-турмас" и "Кок-кесене" // Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. 1908. № 12. С. 32–34.

Личный архивный фонд академика В.В. Бартольда / С.-Петербургское отделение архива РАН. Ф. 68. Оп. 2, ед. хр. № 85.

Лунин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895–1917 гг.). Ташкент: АН УзССР, 1958. 318 с.

Лунин Б.В. Жизнь и деятельность академика В.В. Бартольда: Средняя Азия в отечественном востоковедении. Ташкент: Фан, 1981. 224 с.

Н.М. В археологическом кружке // Туркестанские ведомости. Ташкент, 1899. №26.

Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии / ЦГА РУз. Ф. И-71, Оп. 1. Д. 1–17.

Ремпель Л.И. Археологические памятники в дальних низовьях Таласа // Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. I. Алма-Ата: АН КазССР, 1956. С. 61–73.

Руднев Н. Следы древних городов на Сырдарье // Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. 1900. № 5. С. 57–62.

Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии / ЦГА РУз. Ф. И-71, оп. 1, д. 1-17.

Сакральная география Казахстана: Реестр объектов природы, археологии и этнографии и культурной архитектуры. Вып.1/ Под общ. ред. академика НАН РК Байтанаева Б.А. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. 904. с.

Тынышпаев М.Т. Актабан-шубырынды: (Великие бедствия и великие победы казаков) // В.В. Бартольду. Туркестанские друзья, ученики и почитатели / Ред. А.Э. Шмидт, Е.К. Бетгер. Ташкент: КазГИЗ, 1927. С. 57–68.

Туркестанские ведомости. 1900. № 17.

Туркестанские ведомости. 1901. №30.

Туркестанские ведомости. 1908. №83.

Информация об авторах:

Байтанаев Бауыржан Абишевич, академик Национальной Академии наук Республики Казахстан, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии им.А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); baytanaev@mail.ru

Уалтаева Алтын Слямкайдорвна, кандидат исторических наук, профессор, заведующая отделом Института истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова (г. Алматы, Казахстан); altyn.lazzat@mail.ru

Байтанаев Елнар Бауыржанович, докторант Казахского национального университета им. Аль-Фараби (г. Алматы, Казахстан); ebaitanaev@mail.ru

REFERENCES

Baipakov, K.M. 1986. *Srednevekovaya gorodskaya kul'tura Yuzhnogo Kazakhstana i Semirech'ya (Medieval urban culture of South Kazakhstan and Zhetysu)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).

Bartol'd, V. V. 1896. In *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of the Oriental Branch of the Imperial Russian Geographic Society)* IX (1-1V). Saint-Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 297–299 (in Russian).

Shmidt, A. E., Betger, E. K. 1927. (eds.). *V.V. Bartol'du. Turkestanskije druz'ya, ucheniki i pochitateli (V.V. Bartold. Turkestan friends, students and admirers)*. Tashkent (in Russian).

Delo ob uvol'nenii ot sluzhby perevodchika kantselyarii general-gubernatora nadvornogo sovetnika Divaeva i ob udovletvorenii ego posobiem i obratnymi progonami (Case of the dismissal of the court councillor Divayev from the service of the translator of the office of the Governor-General and the satisfaction of his allowance and return routs). Central state archive of the Republic of Uzbekistan. Fund I-1, Inv. 2, dossier 870 (39) (in Russian).

Divayev, A. A. 1889. In *Turkestanskije vedomosti (Turkestan Journal)* 44 (in Russian).

Divayev, A. A. 1893. In *Turkestanskije vedomosti (Turkestan Journal)* 63 (in Russian).

Divayev, A. A. 1897. In *Protokoly Turkestanskogo kruzhka lyubiteley arkheologii (Reports of the Turkestan circle of amateur archaeologists)* 2, 12–13 (in Russian).

Divayev, A. A. 1899. In *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of the Oriental Branch of the Imperial Russian Geographic Society)* XI. Saint-Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 282–287 (in Russian).

Divayev, A. A. 1900. In *Protokoly Turkestanskogo kruzhka lyubiteley arkheologii (Reports of the Turkestan circle of amateur archaeologists)* 5, 145–151 (in Russian).

Divayev, A. A. 1900. In *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of the Oriental Branch of the Imperial Russian Geographic Society)* XIII. Saint-Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 39–40 (in Russian).

Divayev, A. A. 1901. In *Turkestanskije vedomosti (Turkestan Journal)* 20, 24, 25 (in Russian).

Divayev, A. A. 1901. In *Turkestanskije vedomosti (Turkestan Journal)* 39, 41 (in Russian).

Divayev, A. A. 1904. In Geier, I. I. (ed.). *Sbornik materialov dlya statistiki Syrdar'inskoy oblasti (Collection of materials for statistics of the Syr-Darya Oblast)* Vol. XI. Issue I. Tashkent, 1–6 (in Russian).

Divayev, A. A. 1905. In *Protokoly Turkestanskogo kruzhka lyubiteley arkheologii (Reports of the Turkestan circle of amateur archaeologists)* 10, 40–42 (in Russian).

Divayev, A. A. 1907. In *Protokoly Turkestanskogo kruzhka lyubiteley arkheologii (Reports of the Turkestan circle of amateur archaeologists)* 11, 83 (in Russian).

Divayev, A. A. 1909. In *Protokoly Turkestanskogo kruzhka lyubiteley arkheologii (Reports of the Turkestan circle of amateur archaeologists)* 13, 11–13 (in Russian).

Divayev, A. A. 1909. In *Protokoly Turkestanskogo kruzhka lyubiteley arkheologii (Reports of the Turkestan circle of amateur archaeologists)* 13, 20–24 (in Russian).

Divayev, A. A., Andersen, V. N. 1908. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* XXV (5). Kazan, 431–452 (in Russian).

Kallaur, V. 1908. In *Protokoly Turkestanskogo kruzhka lyubiteley arkheologii (Reports of the Turkestan circle of amateur archaeologists)* 12, 32–34 (in Russian).

Lichniy arkhivniy fond akademika V. V. Bartol'da (Personal Archive of Academician V. V. Barthold). Saint Petersburg branch of archive of the Russian Academy of Sciences, f. 68, inv. 2, dossier 85, sheet 29–30 (in Russian).

Lunin, B. V. 1958. *Iz istorii russkogo vostokovedeniya i arkheologii v Turkestane. Turkestanskiy kruzhok lyubiteley arkheologii (1895–1917 gg.) (From the history of Russian oriental studies and archaeology in Turkestan. Turkestan circle of amateur archaeologists (1895–1917))*. Tashkent: Publishing House of the Academy of Sciences of the UzSSR (in Russian).

Lunin, B. V. 1981. *Zhizn' i deyatel'nost' akademika V.V. Bartol'da: Srednyaya Aziya v otechestvennom vostokovedenii (Life and work of academician V.V. Bartold: Central Asia in Russian Oriental Studies)*. Tashkent: “Fan” Publ. (in Russian).

N.M. 1899. In *Turkestanskije vedomosti (Turkestan Journal)* 26 (in Russian).

Protokoly Turkestanskogo kruzhka lyubiteley arkheologii (Reports of the Turkestan circle of amateur archaeologists). Central state archive of the Republic of Uzbekistan. Fund I-71, Inv.1, dossier 1–17 (in Russian).

Rempel, L. I. 1956. In *Trudy Instituta Istorii, arkheologii i etnografii Akademii Nauk Kazakhskoi SSR (Proceedings of the Institute for History, Archaeology and Ethnography, Academy of Sciences of the Kazakh Soviet Socialist Republic)* 1. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh Soviet Socialist Republic, 61–73 (in Russian).

Rudnev, N. 1900. In *Protokoly Turkestanskogo kruzhka lyubiteley arkheologii (Reports of the Turkestan circle of amateur archaeologists)* 5, 57–62 (in Russian).

Protokoly Turkestanskogo kruzhka lyubiteley arkheologii (Reports of the Turkestan circle of amateur archaeologists). Central state archive of the Republic of Uzbekistan. Fund. I-71, Inv.1, dossier 1-17 (in Russian).

In Baitanayev, B.A. (ed.). 2017. *Sakral'naya geografiya Kazakhstana: Reestr ob"ektov prirody, arkheologii i etnografii i kul'turnoy arkhitektury. (Sacred geography of Kazakhstan: Register of sites of nature, archaeology and ethnography and cultural architecture)* I. Almaty: Institute of Archeology named after. A.Kh. Margulan (in Russian).

Tynyshpaev, M.T. 1927. In Shmidt, A. E., Betger, E. K. (eds.). *V.V. Bartol'du. Turkestanskije druz'ya, ucheniki i pochitateli (To V.V. Bartold. Turkestan friends, students and admirers)*. Tashkent, 57–68 (in Russian).

1900. In *Turkestanskije vedomosti (Turkestan Journal)* 17 (in Russian).

1901. In *Turkestanskije vedomosti (Turkestan Journal)* 30 (in Russian).

1908. In *Turkestanskije vedomosti (Turkestan Journal)* 83 (in Russian).

About the Authors:

Baitanayev Bauyrzhan A., Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Historical Sciences, General researcher of the Institute of Archeology named after A.Kh. Margulan. Dostyk Ave., 44, Shevchenko Str. 28, Almaty, 050010, Kazakhstan; baitanaev@mail.ru

Ualtayeva Altyn S. Candidate of Historical Sciences, Professor. Head of the Department of the Institute of History and Ethnology named after Sh.Sh.Valikhanov, Shevchenko Str. 28, 050010, Almaty, Kazakhstan; altyn.lazzat@mail.ru

Baitanayev Yelnar B., PhD student of Al-Farabi Kazakh National University. Al-Farabi Avenue 71, 050040, Almaty, Kazakhstan; ebaitanaev@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2023 г.
Статья принята к публикации 01.10.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
 АН СССР – Академия наук СССР
 АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
 ВА – Вопросы антропологии
 ВАУ – Вопросы археологии Урала
 ВВ – Византийский временник
 ВДИ – Вестник древней истории
 ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры
 ГИМ – Государственный исторический музей
 ЗВОРАО – Записки Восточного отделения Русского археологического общества
 ИА АН РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ
 ИА РАН – Институт археологии РАН.
 ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
 ИГАИМК – Известия ГАИМК. Л.
 ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
 ИИАЭ АН КазССР – Институт истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР
 ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии
 ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР
 КАЭ – Камская археологическая экспедиция ПГУ и ИИМК АН СССР
 КемГУ – Кемеровский государственный университет
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии
 КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 МАД – Материалы по археологии Дагестана.
 МА РТ ИА АН РТ – Музей археологии Республики Татарстан ИА АН РТ.
 МГУ – Московский государственный университет.
 МИА – Материалы и исследования по археологии
 МИЦАИ – Международный институт центральноазиатских исследований
 НАН РК – Национальная Академия наук Республики Казахстан
 НЦАИ ИИ АН РТ – Национальный центр археологических исследований ИИ АН РТ
 ПГУ – Пермский государственный университет
 ПИДО – Проблемы истории докапиталистических обществ. Л.
 РА – Российская археология
 РАН – Российская Академия наук
 СА – Советская археология
 САИ – Свод археологических источников
 САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства
 СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа
 СО РАН – Сибирское отделение РАН
 СЭ – Советская этнография.
 ТКЛА – Туркестанский кружок любителей археологии
 УАВ – Уфимский археологический вестник
 УдГУ – Удмуртский государственный университет
 УЗ ПГУ – Ученые записки ПГУ
 ЦГА РУз – Центральный государственный архив Республики Узбекистан

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Порядок приема материалов

№ 1 (февраль) – не позднее 1 декабря

№ 2 (апрель) – не позднее 1 февраля текущего года

№ 3 (июнь) – не позднее 1 апреля текущего года

№ 4 (август) – не позднее 1 июня текущего года

№ 5 (октябрь) – не позднее 1 августа текущего года

№ 6 (декабрь) – не позднее 1 октября текущего года

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

INSTRUCTIONS FOR AUTHORS

All information for authors concerning the submission of papers, the procedure of their examination, review, instructions and recommendations for the execution of materials, issues regulating the communication between the author and the publisher are provided on the journal's website at:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Manuscripts shall be submitted by the following dates:

Vol.1 (February) – not later than December 1 of the current year

Vol.2 (April) – not later than February 1 of the current year

Vol.3 (June) – not later than April 1 of the current year

Vol.4 (August) – not later than June 1 of the current year

Vol.5 (October) – not later than August 1 of the current year

Vol.6 (December) – not later than October 1 of the current year

Manuscripts not meeting the specified requirements in terms of execution shall not be examined by the editorial board!

These instructions come into effect since their publication in the journal and on the journal's website.

Журнал основан в мае 2017 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77– 79080

от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором

Оригинал–макет – *А. С. Беспалова*

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Дата подписи в печать 26.10.2023

Дата выхода в свет 31.10.2023

Формат 60×84 1/8

Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 35,57

Тираж 1000 экз. Первый завод 100 экз. Заказ №

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии "Orange Key"

г. Казань, ул. Галактионова, 14

